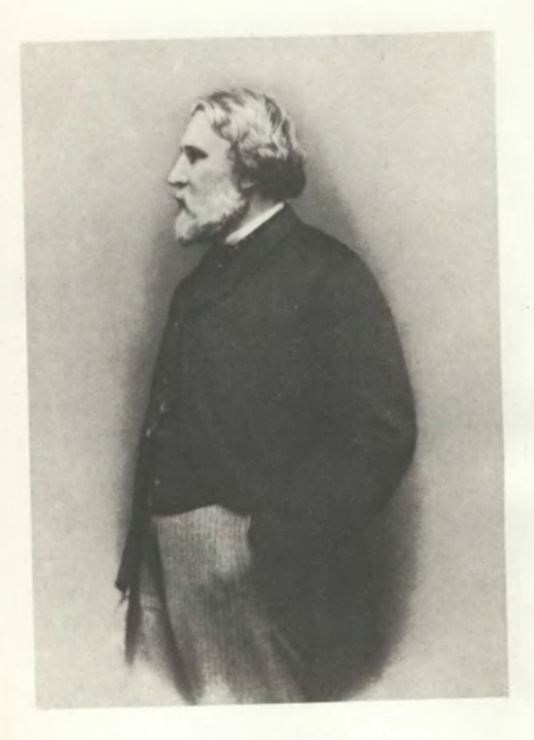
И.С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

5

Ив. Тургенев

И. С. ТУРГЕНЕВ.

Фотография Э. Каржа. 1864 г

И. С. Тургенев. Письма, т. 5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

♦

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1988

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том пятый

1862—1864

♦

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1988

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:

А. И. Батюто, К. Ф. Бикбулатова, Т. И. Бронь, Н. П. Генералова, Т. П. Голованова, Р. М. Горохова, Т. П. Ден, П. Р. Заборов, А. Звигильский, Н. В. Измайлов, Г. Ионас, Е. И. Кийко, Д. М. Климова, К. Леман-Шульце, Е. М. Лобковская, Н. Н. Мостовская, Л. Н. Назарова, Т. И. Орнатская, М. Партюрье, Х. Раппих, Г. А. Тиме, Г. М. Фридлендер, Е. М. Хмелевская, Н. А. Хмелевская, Г. Цигенгайст, И. С. Чистова

Редактор пятого тома
Н. С. НИКИТИНА

*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Оформление художника *М. В. Большакова*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *М. Н. Комарова*
Корректоры *Р. С. Алимова, Е. Н. Белоусова*

ИБ № 38240

Сдано в набор 15.01.87. Подписано к печати 27.06.88. Формат $84 \times 108^1/_{32}$
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 33,7 Усл. кр. отт. 33,8 Уч.-изд. л. 42,2. Тираж 44000 экз.
Тип. заказ № 127. Цена 4 р. 70 к.

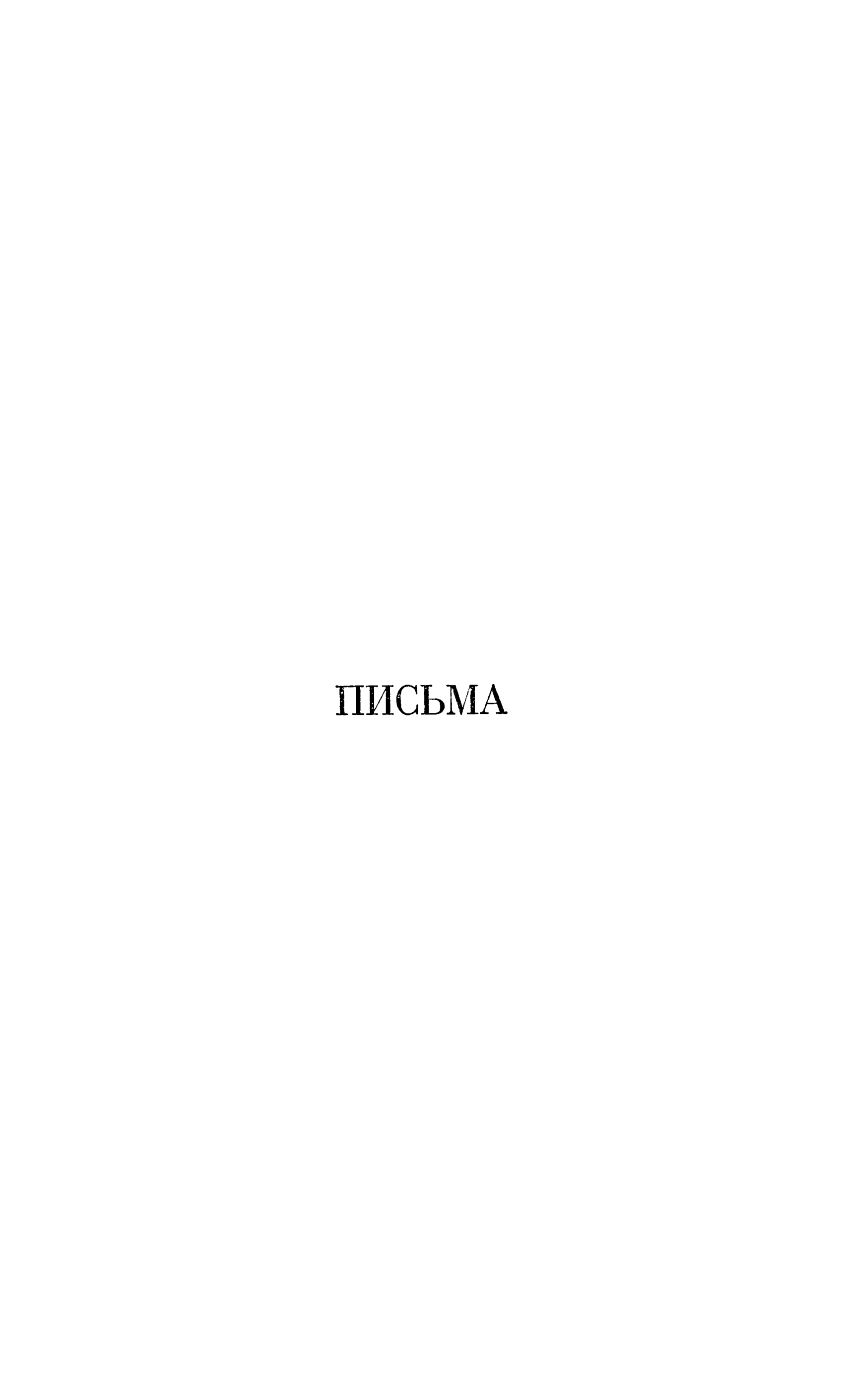
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Книга набрана в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва М-54, Валовая, 28.

Отпечатано во 2-ой типографии издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6. Заказ 2218

Т $\frac{4702010200-230}{042(02)-88}$ Подписное

ISBN-5-02-011389-1

ПИСЬМА

1862

1269. М. Н. КАТКОВУ

11(23) января 1862. Париж

С. Петербург.[a]
11/23 янв. 1862.

Любезнейший Михаил Никифорович, считаю долгом известить Вас, что вексель в 3500 фр. мною получен от Ахенбаха и Коллея [1], за что говорю Вам спасибо; — а поправки и прибавления в окончательном виде вручены Щербаню, который их сам повезет в Москву и, по моей просьбе, впишет их в находящийся у Вас оригинал. Таким образом, моя повесть появится если не в первом, то уже, наверное, во втором номере Вашего журнала [2]. Остается желать, чтобы все наши хлопоты не пропали даром и публика погладила бы нас по головке.

Что же касается до меня,— то повторяю свою единственную просьбу: напечатать «Отцы и дети» в одном номере. Это совершенно необходимо, это условие sine qua non, и Вы, вероятно, разделите мое мнение. Разделенная, эта вещь потеряет 100 процентов. Поручаю также корректуру Вашему благосклонному надзору.

С истинным удовольствием пришлось мне прочесть статью Стасова о Брюллове [3]. Наконец-то послышалось правдивое слово об этом человеке. Боткин тоже в восторге от нее.

Не забудьте также велеть напечатать 15 отдельных экземпляров моей повести, из коих пять Вы пришлете сюда. Впрочем, до того времени мы спишемся.

Кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

1270. А. И. ГЕРЦЕНУ

13(25) января 1862. Париж

Любезнейший А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩, брат Бакунина [1] тебе, вероятно, сообщил, что он нашел меня больным; и я до сих пор поправиться не могу и не решаюсь еще выходить на улицу. Это опять отложило время моей поездки в Лондон, которая решительно начинает прини-

---

[a] *Так в подлиннике.*

мать какой-то мифический оттенок; — но я не теряю надежды [2].

О твоем сыне уже пошел запрос к Головнину через кн. Орлова [3]. По словам сего последнего, он не предвидит препятствий к исполнению его желания.

Доставление *постоянной суммы* М⟨ихаилу⟩ А⟨лександровичу⟩ [4] затруднительнее. Солдатенков давно уехал в Египет,— да и сколько мне известно, это чванливое животное, которое не даст гроша, если нельзя протрубить о нем во всеуслышание [5]. Боткин будет давать по временам небольшие суммы, но едва ли согласится на что-нибудь постоянное. Впрочем, я еще с ним потолкую. Об остальных здешних русских и говорить нечего. Надо посмотреть, что можно сделать в самой России. Что касается до меня, то я с величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Бакунину ежегодную сумму 1500 фр. впредь на неопределенное время — и первые 500 фр. (считая с 1-го янв.) отправляю на твое имя тотчас. Таким образом, $^1/_4$ часть желаемой суммы уже обеспечена; надо постараться и об остальной.

Дошли до меня слухи об овациях, делаемых твоему сыну русской молодежью в Гейдельберге и в Карлсруэ [6]. Я порадовался за тебя, за твоего сына, а главное за русскую молодежь. C'est un signe des temps!

Первые известия о Головнине довольно хороши; что будет дальше [7]? Читал ты статью «La Russie sous Alex⟨andre⟩ II» в «Revue des 2 Mondes»? Ты окружен ореолом — да так и следует [8].

Кланяйся всем лондонским друзьям, а я жму тебе руку и говорю — до свиданья — что бы там ни было.

Ив. Тургенев.

25-го янв. 62.
Rue de Rivoli, 210.

1271. А. А. ФЕТУ

14(26) января 1862. Париж

Париж.
$\frac{14\text{-го}}{26}$ янв. 62.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, прежде всего я чувствую потребность извиниться перед Вами в той совершенно неожиданной черепице (tuile, как говорят французы), которая свалилась Вам на голову по милости моего письма. Одно, что меня утешает несколько — это то,

что я никак не мог предвидеть подобную выходку Толстого — и думал всё устроить к лучшему: оказывается, что это такая рана, до которой уже лучше не прикасаться. Еще раз прошу у Вас извинения в моем невольном грехе [1].

О себе ничего не могу сказать утешительного: я был довольно сильно болен — так что даже пролежал в постели дней 6 — и до сих пор не могу поправиться как следует: какой-то черт сидит во мне до сих пор в виде головной боли, постоянной ломоты во всем теле, страшнейшего насморка, отсутствия аппетита — и т. д. Будем выжидать, чем всё это кончится. Впрочем, жизнь течет однообразно и глупо-глухо — как болотная рыжая речка по холодным камышам и травам.

На днях я привел к окончанию все мои поправки в новой повести — и отдал их некоему Щербаню [2], который повезет их в Москву. По напечатании прочтите — и сообщите свое нелицемерное мнение.

А очень интересует меня «Минин» Островского — и Ваше суждение о нем. Надеюсь, что Вы уже сообщили мне это суждение [3].

Спасибо заранее за коляску: я уверен, что, не находясь в необходимости скупиться — Вы закажете прелестную и комфортабельную вещь, в которой мы будем разъезжать с Вами — и, надеюсь, удачнее, чем в прошлом году [4].

А стихотворение «Тополь» — уже прочтено Вами в Обществе любителей росс⟨ийской⟩ слов⟨есности⟩? Сознайтесь [5]!

Кланяйтесь всем хорошим московским приятелям — и не сердитесь слишком на аксаковский «День» [6].— Борисов писал мне о Вашей статье: «Лирическое хозяйство» [7]. Я уверен, что это будет прелестно — хотя крайне несправедливо. Но это ничего. Поэт *может* быть несправедливым в известном смысле, хотя в *другом* смысле он должен быть справедлив, как божество!

Еще раз кланяюсь всем, начиная, разумеется, с Вашей жены, дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1272. П. В. АННЕНКОВУ

Середина января ст. ст. 1862. Париж

Милейший Павел Вас⟨ильевич⟩. 1) Я получил от Бурдина письмо [1], в котором он заявляет желание играть главную роль в «Нахлебнике» или «Чужом хлебе», якобы до-

пущенном на сцену. Мне кажется — Бурдин черт знает что сделает из этой роли, но так как я предоставил и предоставляю Вам всю эту вещь, то Вы и решите, как знаете [2]. Не помню, спрашивал ли я Вас — имеете ли Вы сцену, которую я прибавил во втором акте и послал Щепкину [3]. Эта сцена — необходима. На всякий случай, я ее перепишу и вместе с другими поправками и изменениями пошлю ее к Вам дня через два или три. 2) Повесть свою я решился печатать, вследствие всяких сплетен, писем и т. д., о которых слух, вероятно, дошел до Вас. Я сделал в ней большие перемены, сокращения и т. д. и в особенности *рабски* следовал Вашим указаниям, которые нашел справедливейшими [4]. Но теперь вот выходит какая штука: этих перемен и вставок так много, что если их тщательно не вписать в рукопись *до* печатания, а только помещать их в корректуре, то выйдет белиберда страшная, тем более, что страницы моей рукописи не совпадают со страницами копии, находящейся у Каткова, и что мне следовательно приходилось означать изменения по главам и цитируя предшествовавшие слова [5]. А потому позвольте попросить Вас о следующем: список поправок я вышлю Вам [6], а Вы от моего имени потребуйте присылки к Вам рукописи с каким-нибудь верным человеком (все издержки на его путешествие возьму на себя), и Вы таким образом и рукопись приведете в порядок и будете в состоянии судить о сделанных переменах. Если б Вам об эту пору приходилось съездить в Москву — то это было бы отлично, но этакого благополучия ожидать нельзя. Поправки эти вышлются Вам *завтра*.

Процесс Долгорукого (недавно решенный против него) здесь делает много шуму; реакция совершается в его пользу: находят приговор жестоким и пристрастным [7]... Итак Головнин — министр... Посмотрим — поддержит ли он свою прежнюю репутацию [8]... Сообщите мне какие-нибудь известия о Дружинине и Писемском и поклонитесь им обоим.

1273. П. В. АННЕНКОВУ

22 января (3 февраля) 1862. Париж

3 февраля 1862.
Париж.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Податель этой записки Николай Васильевич Щербань, о котором я Вам неоднократно писал [1]. Он прекраснейший человек и ока-

зал мне истинные услуги при приведении в порядок моих многочисленных поправок и прибавлений в «Отцах и детях» [2]. Он Вам покажет их список [3]. Я уверен, что он Вам понравится и что Вы примете его с свойственным Вам радушием, которому наша дружба — смею надеяться — придаст еще оттенок доброжелательства. Засим поручая себя Вашей доброй памяти, усердно кланяюсь Вашей жене и жму Вам руку — преданный Ив. Тур⟨генев⟩.

1274. А. А. ФЕТУ

23 января (4 февраля) 1862. Париж

Париж. 4-го фев. н. с. 62.

Крайне неблагодарно было бы с моей стороны, любезнейший Фет, не отвечать на Ваши дружеские и многочисленные письма [1] — и потому я берусь за перо и направляю это послание в благословенную Степановку, где, по Вашим словам, Вы будете через несколько дней.— Прежде всего приветствую Вас с возвращением в Ваше мирное сельское убежище [2] — единственно приличное убежище для человека средних лет в нашем роде! Если б я не был так искренно к Вам привязан — я бы до остервенения позавидовал Вам, я, который принужден жить в гнусном Париже — и каждый день просыпаться с отчаянной тоской на душе... Но что̀ об этом говорить — а лучше перенестись мыслию в наши «палестины» — и вообразить себя сидящим с Вами в отличной коляске (по Вашей милости) и едущим на тетеревей — найдем же мы их, наконец, черт возьми! В нынешнем году я приму другие меры — и надеюсь, что они увенчаются успехом. Если бог даст, в конце апреля я в Степановке [3].

Я ожидал отчета о «Минине» [4] — а Вы мне прислали целую диатрибу по поводу «Молотова» [5].— Знаете ли что, милейший мой? Так же как Толстого страх фразы загнал в самую отчаянную фразу — так и Вас отвращение к *уму* в художестве довело до самых изысканных умствований и лишило именно того наивного чувства, о котором Вы так хлопочете. Вместо того, чтобы сразу понять, что «Молотов» написан очень молодым человеком, который сам еще не знает, на какой ноге ему плясать — Вы увидали в нем какого-то «образованного Панаева»! Вы не заметили двух-трех прекрасных и *наивных* страниц о том, как развивалась и росла эта Надя или Настя [6] — Вы не заметили других признаков *молодого* дарования — и уткнулись в наносную пыль и сушь, о которой и говорить не стоило.

Впрочем, это между нами — нескончаемый спор: я говорю, что художество такое великое дело, что целого человека едва на него хватает — со всеми его способностями, между прочим и с умом; — Вы поражаете ум остракизмом — и видите в произведениях художества — только бессознательный лепет спящего. Это воззрение я должен назвать славянофильским — ибо оно носит на себе характер этой школы: «здесь всё черно — а там всё бело» — «правда вся сидит на одной стороне». А мы, грешные люди, полагаем, что этаким маханием сплеча топором только себя тешишь... Впрочем, оно, конечно, легче; а то, признавши, что правда и там н здесь, что никаким резким определением ничего не определишь — приходится хлопотать, взвешивать обе стороны и т. д. А это скучно. То ли дело брякнуть так, по-военному: Смирно! Ум — пошел направо! марш! — стой, равняйсь! — Художество! налево — марш! стой, равняйсь! — И чудесно! Стоит только подписать рапорт — что всё, мол, обстоит благополучно. Но тут приходится сказать с (умным или глупым, как по-Вашему?) Гёте:

Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten [7]! А Ваш идеал — вот он:

Ум. Художество.

Я рад, что Вы по крайней мере сошлись с Толстым — а то это было уже слишком странно.— Что же касается до представления моего «Нахлебника», то это одно из тех несчастий, которые могут случиться со всяким порядочным человеком. Воображаю, что́ это будет за мерзость! — И пиеса, и исполнители ее одинаково достойны друг друга [8].

До свидания. Крепко жму Вам руку, кланяюсь Вашей жене и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

1275. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

24 января (5 февраля) 1862. Париж

Париж.
5-го фев. н. ст. 1862.

Много я перед тобою виноват, дорогой мой Яков Петрович — и молчание мое тем непростительнее, что я знаю, как человек, находящийся в хандре подобно тебе, дорожит всяким дружеским отголоском.— Я был болен, занят,— но это всё не оправдания — и я предпочитаю принести тебе мою повинную голову.

Мне истинно горестно было услышать от тебя такие дурные отзывы о твоем здоровье. Надеюсь, что оно поправилось со времени твоего письма [1]. При здоровье человек может по крайней мере бороться с внешними врагами — а их немало; но когда внутри крепости завелись неприятели — что будешь делать? Постарайся перебиться как-нибудь до весны — а потом поедем со мной в деревню, как я уже предлагал тебе в прошлом году — а там мы втроем (ты, Фет и я) предадимся образцовому эпикурейству, отрастим себе животы и ни о чем помышлять не станем. Воздух в наших местах считается отличным, сад у меня большой и лес под боком, можно пять раз на день купаться — чего еще? — Право, поедем — а я буду в Петербурге в конце апреля.

Отрывок из статейки г-на Писарева, присланный тобою, показывает, что молодые люди плюются [2]; — погоди, еще не так плеваться будут! Это всё в порядке вещей — и особенно на Руси не диво, где мы все такие деспоты в душе, что нам кажется, что мы не живем, если не бьем кого-нибудь по морде. А мы скажем этим юным плевателям: «На здоровье!» и только посоветуем им выставить из среды своей хотя таких плохих писателей, каковы были те, в кого они плюют. Тогда они будут правы,— а мы им пожелаем всякого благополучия.

Повесть моя [3] отправлена в «Русский вестник» и, вероятно, явится в февральской книжке. Жду большой брани, но я на этот счет порядочно равнодушен.

Живу я здесь довольно тихо и глухо, почти ничего не делаю,— но не скучаю. «День пережит — и слава

богу!» — говорю я с Тютчевым [4]. Если ты увидишь его, поклонись ему от меня.

Ну прощай, душа моя, обнимаю тебя от души — и желаю тебе быть здоровым. Это главное, а всё остальное придет само собой. В продолжении твоей поэмы есть милые вещи — но вообще немного небрежно [5].

Весь твой Ив. Тургенев.

1276. ФАННИ ТУРГЕНЕВОЙ

27 января (8 февраля) 1862. Париж

J'accepte avec un véritable plaisir, Mademoiselle, l'invitation que vous avez la bonté de me transmettre et je serai exact.

Agréez l'expression de mes sentiments dévoués.

J. Tourguéneff.

Samedi matin.

1277. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

27 января (8 февраля) 1862(?). Париж

Je t'envoie mon manuscrit que je te prie de remettre à Mr Delaveau [1] en le priant de prendre garde de ne pas perdre des feuillets du manuscrit qui ne se tiennent pas du tout.— Je ne dînerai pas chez Mr Tourguéneff [2] car j'ai de fortes coliques. Du reste ce n'est rien, mais je ne puis pas manger.

J. Tourguéneff.

1278. М. Н. КАТКОВУ

28 января (9 февраля) 1862. Париж

Париж.
9-го февр. н. с. 62.

Пользуюсь отъездом Щербаня, чтобы поклониться Вам письменно, любезнейший Михаил Никифорович, и кстати попросить Вас иметь наблюдение над печатанием «Отцов и детей», которые, к сожалению, едва ли попадут в январскую книжку. Еще раз повторяю свое задушевное желание о помещении их в *одном* номере. Ну а там — будет, что будет.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1279. А. И. ГЕРЦЕНУ

30 января (11 февраля) 1862. Париж

Милый А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. Отвечаю тебе с быстротою молнии [1] — и тоже по пунктам:

1.) «Колокол» нисколько не запрещен и продавался еще вчера вечером *повсюду* [2].

2.) Не имей никакого дела с «Будущностью» [3] и Трюбнеру не советуй [4]. Этот журнал не окупался и не имел ни малейшего успеха. *Сему верь*, как пишут ci-devant помещики под своими ci-devant приказами.

3.) Не имею никакого понятия о *Садовском*, но ты поступишь благоразумно, если не прикоснешься более ни единым пальцем до всего этого дела. Долгоруков (между нами) нравственно погиб — и едва ли не поделом; ты сделал всё что мог в «Колоколе» — надо было его поддержать в силу принципа, а теперь предоставь его своей судьбе. Он будет к тебе лезть в самую глотку, но ты отхаркаешься. Нечего говорить, что Воронцовых тебе не из чего поддерживать [5] — превратись в Юпитера, до которого все эти дрязги не должны доходить.

4.) В России точно кутерьма,— но прошу тебя убедительно, не трогай пока Головнина [6]. За исключением двух, трех вынужденных и то весьма легких уступок, всё, что он делает — хорошо. (Вспомни его разрешение Кавелину и др. читать публичные лекции [7] и т. д. и т. д.) Я получаю очень хорошие известия о нем. Не беспокойся; если он свихнется, мы тебе его «придставим», как говорят мужики, приводя виноватых для сечения в волость.

5.) Et tu, Brute! Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу в «Русский вестник» [8]? Но из чего же я рассорился с «Современником», воплощенным в образе Некрасова? В программах своих они утверждают, что они мне отказали, яко отсталому [9]; mais tu n'est pas dupe, надеюсь, этого маневра — и очень хорошо знаешь, что я бросил Некрасова, как бесчестного человека [10]. Куда ж мне было деться с своей работой? В «Библиотеку» пойти [11]? Да и конец концов, «Русский вестник» не такая уже дрянь — хотя много в нем мне противно до тошноты.

6.) Я бы тебя вызвал на дуэль, если бы ты заподозрил меня в дружбе с Чичериным; но даже в отношении к москвичам ты не прав. Многие из них им гнушаются. В Пе-

тербурге он был бы невозможен... вот после этого и бранп Петербург! [12]

7.) *Дромадер* Бакунин [13] был здесь, мямлил, скрыпел и уехал, оставив мне адресс каких-то Lafare frères, которым надобно заплатить задолженных Мишелем 1000 франков.

Я открыл подписку [14], но к моим 500 фр. прибавилось пока 200. Надеюсь однако собрать все. Бакунин пишет мне [15] о 1000 руб. сер. Я готов их выдать ему *до* моего отъезда отсюда, но тогда они будут зачислены в счет трехлетнего пансиона (не вполне трехлетнего — я обещал 1500 фр. в год, а 1000 руб. сер. с 500 фр. составят меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену [16]. Это было бы безумие — пусть он осмотрится сперва. Надобно соображаться с средствами, а они едва ли будут велики. Боткин долго ничего не даст и т. д.

Ну, прощай, милый друг, или таки до свидания.

Твой
Ив. Тургенев.

Вторник, 11-го февр. 62.
Париж, rue de Rivoli, 210.

1280. А. В. ДРУЖИНИНУ

7(19) февраля 1862. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
7/19 февраля 1862.

Любезнейший Александр Васильевич, Ваше письмецо [1] очень меня порадовало — а то вести об Вас совсем было заглохли. Мне очень было приятно узнать, что Ваше здоровье порядочно, а теперь самое скверное время зимы прошло. Я немедленно вручил Ваше письмо В. П. Боткину, до которого Ваше большое послание действительно не дошло [2]. Кроме небольшого расстройства в глазах, что заставляет нашего друга носить по вечерам синеватые очки и тем самым получать вид какого-то бразильского или чилийского посланника — всё обстоит довольно благополучно у Василия Петровича: кушает он до онемения, посещает театры — и даже завел у себя по вторникам отличнейшие квартеты, на которые приглашались только

избранные любители *.— Но увы! Эти эпикурейские наслажденья прекращаются, потому что сам Эпикур [3] en chef едет через несколько дней с Милютиным в Италию, в Рим, где будет сидеть в тени лимонов и венчаться гроздьями. Он уверяет, что вернется в наши объятия через месяц,— а в апреле отправится в Россию — но всего вероятнее, что он в мае месяце будет сидеть где-нибудь на берегу Лаго Маджджджиоре [а] и тщательно кушать форель, бросая притом то гневные, то кротчайшие взгляды гарсону, смотря по тому, худо ли, хорошо ли приготовлен соус к рыбе.— Он просит всех своих знакомых — писать к нему письма на мое имя в Париж, а я уже буду пересылать их ему по его наставлению.

Я, к сожалению, не могу сопутствовать Эпикуру — потому что семейные дела меня здесь удерживают. Здоровье мое не худо,— а вообще жизнь идет помаленьку, без особенных радостей и без больших печалей — в наши годы человеку не прилично большего требовать. К весне надеюсь быть в России и увижусь с Вами. А до тех пор желаю Вам всего лучшего, кланяюсь Вашей матушке и всем хорошим знакомым и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1281. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

10(22) февраля 1862 г. Париж

Париж.
10/22-го февр. 62.

Любезнейшая Варвара Яковлевна — и без того совесть меня грызла, и я упрекал себя за свое непростительно долгое молчание — но увидавши, что *Вы* переписали присланную мне статью: «Гамлет и Д⟨он⟩-Кихот» [1] — я не вытерпел и, краснея от стыда, немедленно взялся за перо и вот, как видите, пишу Вам. Прежде всего, прошу Вас извинить меня по свойственному Вам великодушию — а потом скажу Вам слова два о своей особе.

Дела мои идут помаленьку — и всё, что до меня касается, может быть выражено двумя-тремя словами.

---

* На сих заседаниях подавались отличнейшие: шоколат, пирожки и мороженое — сильно и настойчиво восхваляемые самим хозяином.

[а] *Так в подлиннике.*

Я был болен — теперь я здоров; выезжаю мало и ничего не работаю: большей частью играю в шахматы.— Дочь моя всё еще не собирается выйти замуж: да и дело это не совсем легкое.— Погода у нас чудесная — тепло; да, кстати, забыл — я очень много музыки слышу — и хорошей.— В апреле месяце непременно буду в Петербурге, богу изволящу, вот и всё.

Всё это было вероятно Вам известно, через драгоценного Павла Васильевича, с которым мы ведем деятельную переписку: теперь Вы эти интереснейшие новости получите из первых рук.— Я очень рад, что здоровье Ваше, по-видимому, поправилось. Теперь уж до весны не так долго.

(А что, кстати, по секрету, не слыхать еще ничего о будущем племяннике или племяннице?) [2]

Поблагодарите за меня Павла Васильевича за исполнение моих комиссий [3] — и скажите ему, что я позволяю себе напомнить ему следующее:

Что же он мне ничего не пишет о статье Боденштедта (о современной немецкой литературе), которую этот мой приятель, известный немецкий писатель, послал в «Современник» и, не получая оттуда ни малейшего отзыва, желал бы передать во «Время»? Я месяца полтора назад написал об этом подробнейшее письмо П⟨авл⟩у В⟨асильевич⟩у — получил ли он его? И какие он по сему предмету предпринял меры? Боденштедт уполномочил меня взять эту статью у «Современника». Пожалуйста, попросите Анненкова, чтобы он ответил мне на этот счет [4].

Потом — я от графини Ламберт уже бог знает как долго не получаю писем. Жива ли она? Я также просил Анненкова осведомиться [5].

Извините меня, что я Вас обременяю поручениями.— Кстати, мне П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ пишет, что прибавочная сцена в «Нахлебнике» не попадет на театр; но в ней нет ничего зазорного — и написана она более с целью поправления плохой пиэсы. Но так как, по справедливому выражению П⟨авла⟩ В⟨асильевича⟩, от этого пиэса ни лучше не будет, ни хуже — то я махаю рукой [6].

Прощайте, милая В⟨арвара⟩ Я⟨ковлевна⟩. Поклонитесь от меня Вашему мужу, поцелуйте от меня Вашу дочку — и примите самое сердечное рукопожатие от

преданного Вам
Ив. Тургенева.

1282. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

12(24) февраля 1862. Париж

Paris,
le 24 février 1862.

Si je ne vous ai pas écrit jusqu'à présent, c'est que j'attendais toujours le moment où je pourrais vous donner des nouvelles du manuscrit que vous avez envoyé à la rédaction du «Contemporain»; mais on ne me fait rien savoir là-dessus et je viens de récrire de nouveau une lettre pressante. [1] J'ai hâte en même temps de vous remercier du charmant cadeau que vous venez de me faire. Franck m'a remis votre admirable traduction des sonnets de Schakespeare et voici trois jours que je me plonge dans ces flots de poésie qu'on avait oubliée de nos jours et que vous a été donné de révéler de nouveau. Je vous parlerai une autre fois de l'impression que j'en ai reçue, cette fois-ci je ne veux que vous dire «merci». Il y a tel sonnet que vous entre dans l'âme et ne veut plus en sortir; c'est d'une douceur, d'une force et d'une jeunesse incomparables... Toute espèce d'impression de *traduction* disparaît complètement: vos vers coulent de source avec une facilité merveilleuse — et ce n'est que plus tard qu'on réfléchit avec étonnement au tour de force accompli [2].

Il est hors de doute que ce livre va être appelé à un très grand succès — et je joins mes bravos à tous ceux que vous avez déjà entendus et que vous allez encore entendre [3].

Je reste encore deux ou trois mois à Paris — et je traverserai Munich à mon retour en Russie — comme l'année dernière — mais j'y resterai plus longtemps [4]. Je n'ai pas fait grand-chose depuis que je suis ici. Mon roman [5] va paraître à Moscou dans le «Русский вестник».

Vous serez bien bon d'envoyer de ma part le billet cijoint à Mr Paul Heyse [6]. Je vous prie en même temps de présenter mes respects à la famille Khilkoff. Saluez de ma part, s'il vous plaît, tous les vôtres et croyez aux sentiments d'affection et d'estime véritable de votre dévoué

J. Tourguéneff.

Rue de Rivoli, 210.

1283. ПАУЛЮ ГЕЙЗЕ

12(24) февраля 1862. Париж

Paris,
ce 24 février 1862.

Mon cher Monsieur Heyse,

Je commence par vous demander pardon de vous écrire en français: vous savez que je sais l'allemand, mais il m'est plus facile d'écrire en français.— Bodenstedt a dû vous transmettre mes remercîments pour l'honneur que vous m'avez fait de me dédier un volume des vos charmantes nouvelles; je sais même que vous avez eu la bonté de me l'envoyer en Russie — mais je ne l'ai eu qu'ici — et après l'avoir lu, j'ai ressenti le désir de vous remercier encore une fois et pour votre gracieuse dédicace et pour le plaisir que cette lecture m'a procuré [1].— Ces petits récits sont pleins de poésie, de grâce, de finesse et de vérité; c'est harmonieux et touchant; une profonde connaissance du cœur humain s'y révèle — et un tout aussi grand amour de notre pauvre humanité — deux choses qui devraient, mais qu'on ne voit pas toujours aller ensemble.— La dernière nouvelle — Auf der Alp [2] — m'a surtout frappé par je ne sais quelle saine fraîcheur qui y règne — et par la touche ferme et franche des caractères. J'ai déjà recommandé tout le volume à nos traducteurs en Russie [3]. Encore une fois — merci et bravo!

J'espère que votre santé est bonne et que votre séjour à Méran vous a été salutaire, ainsi qu'à votre famille.— Je suis sûr aussi que vous avez travaillé — vous n'êtes pas Allemand pour rien — tandis qu'en ma qualité de Slave, je n'ai rien fait — et nous jouirons du résultat de votre travail.— Je compte être à Munich au printemps — et j'y resterai une semaine environ [4].

Recevez une bonne poignée de main et agréez l'assurance de mes sentiments les plus sympathiques et les plus dévoués.

J. Tourguéneff.

P. S. Si vous m'écrivez — ce qui me fera le plus grand plaisir — faites-le en allemand. Je demeure — Rue de Rivoli, 210.

1284. В. П. БОТКИНУ

14(26) февраля 1862. Париж

Париж.
14/26 фев. 62.

Ты еще плывешь по волнам океана, любезнейший В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩ (и надеюсь — благополучно,— погода стоит тихая), а я уже пишу к тебе сию цидулю. Две причины меня к тому побуждают: прилагаемое письмо от Толстого, которое сегодня пришло — и сегодня же отправляется [1] — и желание напомнить тебе о твоем обещании дать Велизарию-Бакунину 100 фр. [2] Н. И. Тургенев дал столько же. А потому разреши «мальчику, шлем носящему и просящему» [3] — т. е. мне — выдать эту сумму — а сам перешли мне слово к твоему банкиру. Надеюсь, что ты не откажешь.

А мы вчера с Ханыковым объедались устрицами и шампанское испивали на ваше здоровье — и о вас вспоминали и желали вам всякого добра. А теперь приветствую тебя с прибытием в Вечный город [4] и желаю насладиться им по горло. Поклонись от меня твоему брату [5], хотя я не имею удовольствия его знать — и передай мое усердное почтение Милютину, его жене и Ростовцевым.

Твой
Ив. Тургенев.

1285. Е. Е. ЛАМБЕРТ

14(26) февраля 1862. Париж

Париж.
14/26-го фев. 62.

Милая графиня,

Я так давно не получал от Вас писем — и сам так давно не писал Вам — что мне наконец жутко стало и беспокойство овладело мною. Что с Вами? Как Вы переносите жизнь после всех бед, поразивших Ваше сердце? [1] Живы ли, здоровы? Или, может быть, Вы чувствуете потребность уединиться, отвернуться от всего, что Вас прежде занимало — и Вам не хочется — да и нечего больше писать? Скажите мне одно слово — и я пойму, что мне следует делать. Если Вам теперь действительно нужно уединение, я не стану Вас тревожить; я бы желал только уверить Вас в своей неизменной дружбе и преданности; я бы хотел, чтобы Вы настолько удостоили наши сношения

с Вами, чтобы унести с собою эту уверенность. Знайте, что я никогда не думаю о Вас без особенного, глубокого движения сочувствия и преданности.

А впрочем, скажу Вам о себе в двух словах: — в моей жизни ничего, решительно ничего не произошло нового, а старое выдыхается. Здоровье мое порядочно; дочь моя не вышла и едва ли выйдет замуж.

Я буду ждать ответа от Вас, чтоб писать подробнее [2]; а теперь я только жму Вам крепко, крепко руку и желаю Вам спокойствия.

Поклонитесь от меня Вашему мужу.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1286. М. Н. КАТКОВУ

15(27) февраля 1862. Париж

Париж.
15/27-го фев. 62
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Михаил Никифорович, надеюсь, что во время получения этого письмеца — уже всё пришло в порядок: Щербань наконец приехал, повесть моя печатается с присланными изменениями и поправками, и т. д. Надеюсь также, что экземпляры будут мне высланы. Цель моего теперешнего писания состоит в следующей просьбе: при пересылке мне сюда следуемых денег (за вычетом взятых наперед) пошлите 500 руб. сер. на имя Павла Васильевича Анненкова [1] в Петербург. Вы меня этим много обяжете.

А засим жму Вам крепко руку, кланяюсь всем московским приятелям и желаю — и для Вас и для себя, — чтобы «Отцы и дети» не провалились.

Искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

1287. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

15(27) февраля 1862. Париж

Madame,

Mlle Julienne Orwil m'a écrit que c'est *lundi* soir qu'elle aura le plaisir de se rendre chez vous. Ma fille et moi, nous l'accompagnerons.

Agréez l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués.

J. Tourguéneff.

Jeudi matin.

На конверте:

Madame Tourguéneff.
97, rue de Lille.
Paris.

1288. И. П. БОРИСОВУ

19 февраля (3 марта) 1862. Париж

Париж.

3-го марта / 21-го[a] февраля 1862.

Любезнейший Иван Петрович, всякое мое письмо к Вам начинается с извинения — я бы должен был давно отвечать Вам — но что делать! Во-первых, благодарю Вас за Ваше подробное и милое послание [1], а во-вторых, доложу Вам, что я на днях увидал первые листики на сиренях, чему я очень обрадовался — ибо это предвещает весну — а весною я возвращаюсь в Мценский уезд, Орловской губернии, в село Спасское, которое находится всего в 15-и верстах от Новоселок — и (увы!) в 70-и от Степановки [2]. Надеюсь, что этот приезд будет удачнее прошлогоднего — в отношении охоты и пр. и пр.

Фету я написал недели две тому назад письмо с иллюстрациями, которое он вероятно Вам показал [3].— Вы совершенно верно определили его характер — недаром в нем частица немецкой крови — он деятелен и последователен в своих предприятиях, при всей поэтической безалаберщине — и я уверен, что, конец концов,— его *лирическое* хозяйство принесет ему больше пользы, чем множество других, прозаических и практических [4]. С умилением воображаю, как я буду дразнить его, спорить с ним и т. д., и т. д.

Не знаю, получили ли Вы уже Nомер «Русского вестника» с моим детищем [5] (сомневаюсь, зная аккуратность редакции и таковую же — почты) — но если получили — скажите свое мнение.— Я здесь почти не вижу российских журналов — но доходящие до меня слухи о них представляют мало отрадного. Какое-то бесплодное ба-

[a] *Так в подлиннике.*

рахтание... а впрочем, может быть, мы устарели и уже не понимаем потребностей века.— «Минина» [6] я всё еще не получил — хотя приятели хором обещали его выслать.

Здоровье мое порядочно, а бездействие — абсолютно. Это уже не лень — это какое-то коснение вроде тех «белокрылых видений», которые «коснеют в этой полумгле» [7]. Помните Вы при этом изящный изгиб, который Фет придает своей талье?

О когда я его улицезрю! Я уверен, что он еще растолстел.

Итак — до свидания — и до скорого. В шахматы Вы меня будете бить — я решительно слабею против прежнего. Поклонитесь Вашей жене — поцелуйте Вашего мальчика — и примите от меня самое дружеское рукожатье.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Rue Rivoli, 210.

1289. В. П. БОТКИНУ

19 февраля (3 марта) 1862. Париж

Париж.
3-го марта 62.

Вот тебе еще письмо от Толстого [1], любезнейший В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩, а «Минина» [2] всё еще нету — и от тебя до сих пор нет известий [3]. Впрочем мы с Ханыковым предполагаем, что нашими молитвами вы благополучно добрались до Рима — и ждем с часу на час письмеца.

Нового *не* политического здесь ничего не произошло, скажи Милютину, что статуя «Уголино» [4], о которой он говорил, прибыла сюда и производит приятное впечатление между ваятелями (я ее еще не видал). Новая опера Гуно — «La Reine de Saba» потерпела почти фиаско [5].

Будь здоров и дай о себе весточку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1290. В. П. БОТКИНУ

26 февраля (10 марта) 1862. Париж

Париж.
10-го марта 62.

Любезнейший В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩, посылаю тебе под бандеролью полученного мною же сегодня же (и прочтенного) «Минина» [1]. Не знаю, какое на тебя он про-

изведет впечатление — а мне он показался бессильной и вялой вещью, написанной превосходнейшим языком — с несколькими прелестными *лирическими* проблесками — как, напр.: песенка служанок во втором акте, но драмы нет и помина, характеры не живые и вообще от всего «Минина» веет чем-то Карамзинисто-Загоскиноватым. Я могу ошибаться — но не того ожидал я от Островского.

Что-то пухлое без мышец и крови... Вот увидишь. Но язык, повторяю — образцовый [2]. Эдак у нас еще не писали.

Мы с Ханыковым обрадовались, услыхав о вашем благополучном плавании — и приписали это нашим усердным «пожеланьям». А ты теперь наслаждайся великой жизнью всласть — но не забывай нас и воротись сюда.— Особенных новостей нет — но большая чувствуется *шатость*.

Будь здоров; поклонись от меня Милютину и его жене, Ростовцеву и его жене; да поклонись кстати и Скалинате. Жму тебе крепко руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. Открываю письмо, чтобы прибавить следующее: Здесь Шевырев (который между прочим собирается читать лекции о русской литературе) [3]. Он мне сказал, что в Москве собираются печатать новое издание Гоголя, но для этого ждут сообщения от брата Иванова (архитектора) бумаг, оставленных Гоголем у покойного живописца. Но этот архитектор до сих пор остается глух ко всем обращенным к нему воззваниям и даже не отвечает. Он теперь в Риме. Пожалуйста, добейся от него толку; этим ты окажешь важную услугу и семейству Гоголя и всей русской публике. Если нужно, я готов написать просительное послание, хотя не знаком с ним лично. Пожалуйста, займись этим сурьезно [4].

NB. Сейчас прочел в «Северной пчеле» известие о смерти И. И. Панаева. Жаль его, бедняка!! [5]

1291. Н. В. ЩЕРБАНЮ

26 февраля (10 марта) 1862. Париж

Париж 10 марта (26 февраля) 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший друг, Вы молодец — ей-богу, и я не могу не хвалить и не благодарить Вас от души. Ваше обстоятельное и любопытное письмо [1] доставило мне много

удовольствия, а что касается до «Отцов и детей», то я с Вами на их счет как у Христа за пазухой. [2] Корабль сей будет спущен благополучно, и если он потонет в бурных волнах журналистики — то уже в этом никто не виноват, кроме меня. Буду ждать высылки четырех (весьма достаточно) экземпляров.— NB. Кстати, поблагодарите Каткова за помещение в первом номере [3].— За «Минина» также благодарю Вас, и Боткин будет благодарить, которому я немедленно послал его в Рим [4]. «Минин» обманул мои ожидания: язык — удивительный, но нет ни драмы, ни *живых* характеров. Самое лучшее — лирические места.

Я видел раза два Вашу жену и по возможности старался ее утешить и рассеять. А Вы не хандрите и, закусив, как говорится, губы,— смотрите неотвратимо на близкую цель, т. е. на поездку сюда в июле. Я могу даже Вам предложить послужить Вашей жене спутником в мае месяце: меня это не отяготит — и я настолько убелен сединами, что никого не могу скомпрометировать. Это избавило бы Вас от дальней поездки и ускорило бы свидание.

Г-жа Иннис также благодарит Вас за марки. Случевскому передал Вашу комиссию и Антроповой также [5]. Она на днях едет в Россию.— Кстати, зачем Вы пишете Tourg*i*eneff? — Это выходит по-русски Турженев; надо писать Tourg*u*éneff.

У нас третьего дня была великолепная гроза, и на многих кустовых деревьях листочки зеленеют... А у вас всё еще морозы трещат? Что делать! Потерпите — а не хандрите — и на вашей улице будет праздник.

«Довольно» обещано во «Время» [6]; но подвигается оно ужасно медленно.

Засим поклонитесь всем московским приятелям, начиная с Каткова, и примите уверение в моей искренней привязанности.

Ив. Тургенев.

1292. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

2(14) марта 1862. Париж

Париж.
2/14-го марта 62.

Любезнейший Федор Михайлович, мне бог знает как давно следовало отвечать Вам [1] — но видите ли, я и теперь беру маленький листок бумаги, лень великая — да

и сказать почти нечего. Никогда еще жизнь не утекала так скоро и бесследно для меня, как в эти последние два месяца. Я почти ничего не работал, мало читал, никуда не выезжал — чёрт знает что такое! Повесть моя [2] едва-едва подвигается — так что раньше моего возвращения в Россию (в апреле) навряд ли будет готова. На днях я прочел «Минина» — и говоря по совести — остался холоден. Стихи удивительные, язык прекрасный — но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где История наконец? Я совсем другого ожидал от Островского — я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные — надо всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким — но этого мало... особенно от Островского этого мало.

Я всё поджидаю присылки 1-го Nомера «Времени». Говорят — на все журналы подписка плохая: надеюсь, что это не распространяется на «Время» [3].— Бедный Панаев умер [4]... Я пожалел о нем, как о старом товарище. Какой он казался здоровый... и аневризм! — Все мы *под богом* ходим.

Когда [a] Вы получите это письмо, вероятно моя повесть будет уже в Петербурге. Прочтите и скажите свое мнение с полной искренностью [5]. Я ожидаю *неуспеха*, чтобы не сказать более — и это не есть «забегание вперед» — а довольно ясное сознание, основанное на положительных данных. Я знаю, чего я хотел — и начинаю чувствовать, что взял задачу не по силам; но *учить* кого бы то ни было — мне в голову не приходило. Не до того было.

А засим желаю Вам всего хорошего, кланяюсь Вашей жене, всем приятелям и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1293. Е. Е. ЛАМБЕРТ

2(14) марта 1862. Париж

Париж.
2/14-го марта 62.
Rue de Rivoli, 210.

Милая графиня,— увидать Ваш почерк было для меня особенно отрадно — могу Вас уверить,— а прочтя Ваше письмо, я и порадовался и опечалился и — грешный

---

[a] *Далее зачеркнуто:* из

человек! — подумал: увы! для чего я не такой, каким меня воображает графиня — для чего я не человек, «преисполненный земной жизнью» и преданный ей! Это сожаление и грешно и странно — но я не могу от него избавиться — и если я еще не успел приникнуть мыслью к неземному, то земное *всё* давно ушло от меня — и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой — и уже нисколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п. В этом отношении я могу вполне Вам сочувствовать, и Вы напрасно воображаете, что Ваша печаль стала *стеной* между нами [1]. Говоря правду — я и в молодости не избегал тех чувств, о которых Вы упоминаете, и меня Mme Viardot недаром прозывает «le plus triste des hommes». А потому пишите без утайки всё, что Вам придет нà душу, и знайте, что каждое Ваше слово вызовет во мне глубокий отголосок... Не говоря уже о дружбе, которую я к Вам питаю и которая никогда не изменится.

Я рад за Вас, что в Вас опять достало духу — встретить жизнь «лицом к лицу» [2]... а от меня она бежит как змея — никак ее поймать не могу — куда поймать! Не могу увидать ее физиономию, узнать, какое наконец ее значение? Дни бегут, бегут — легко и вяло; эти два эпитета редко [a] стоят рядом — а между тем оно так. Жду времени возвращения в Россию, которое наступит в апреле — и только. Мне очень приятно думать, что я увижу Вас — хотя, быть может, свидание наше не будет весело.

Полинька всё еще остается Полинькой!.. видно — не судьба [3]... Она очень благодарит Вас за память. Она искренно к Вам привязалась — что с ней случается довольно редко.

Вы мне ничего не пишете о Вашем beau-frère — и я этому рад: значит, все слухи, которые ходили о нем и об его здоровье — не имеют основанья. Что он — всё еще на Мадере? Не приедет ли он сюда?

Я не думаю, чтобы Вы теперь читали русские книги и журналы; но если Вам попадется февральский номер «Русского вестника», пробегите мою повесть, которая, помнится, так мало Вам понравилась в рукописи [4].— Я сделал в ней много сокращений и изменений, хотя, разумеется, основная мысль и вся физиономия исполнения — остались те же. Я решился было бросить эту повесть в огонь — но, во-первых, Катков поднял крик

---

[a] *Далее зачеркнуто:* встречаются

и в письмах своих наговорил мне всяких неприятностей — а главное, мне деньги были нужны — потому что из деревни присылки плохие. Je suis résigné à un fiasco, mais heureusement j'ai l'épiderme peu sensible. А Вы все-таки напишите мне свое мнение, хотя бы в подтверждение прежнего осуждения: — осуждение от Вас мне дороже, чем похвала от другого — потому что оно поучительно — и потому что я Вас люблю.

Поблагодарите Вашего мужа за память и поклонитесь от меня нашим немногочисленным общим знакомым.— Что делает княгиня Багратион? — Напомните ей обо мне.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь навсегда

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1294. А. А. ФЕТУ

5(17) марта 1862. Париж

5-го/17-го марта 62.
Париж.
Rue de Rivoli, 210.

Величественный и прелестный друг мой, Афанасий Афанасьевич, я вчера получил Ваше письмо из Степановки от 15/27-го февр⟨аля⟩ [1] (эка, подумаешь, почта-то, почта-то!) и должен сказать, что оно столь же мило, сколь неразборчиво — und das ist viel! Одолев его в поте лица (за исключением слов вроде: [a] списано с дипломатической точностью) — я пришел к заключению, что мы с Вами совершенно одних и тех же мнений — только за Вами водится обычай всякую чепуху взваливать на «*ум*» — как сказано у Беранже:

C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau [2].

Вот и «Минин» не вытанцевался по причине *ума*; а ум тут ни при чем; просто силы — таланта не хватило. Разве весь «Минин» не вышел из миросозерцания, в силу которого Островский сочинил *Русакова* в «Не в свои сани не садись»? А в то время он еще не слушался *профессоров* [3]. Написать бедноватую хронику с благочестиво-народной тенденцией — с обычными лирическими умиле-

---

[a] *Далее Тургенев приводит нарочито бессмысленное начертание, пародируя этим неразборчивый почерк Фета.*

ниями, написать ее красивым, мягким и беззвучным языком — ум мог бы помешать этому — а уж никак не способствовать. Ахиллесова пятка Островского вышла наружу — вот и всё.— Вероятно, по прочтении моей новой повести, которая едва ли Вам понравится — Вы и ее недостатки припишете уму [4]... Дался Вам этот гонный заяц! Смотрите!

Но бог с ним совсем, с умом, и с «Мининым», и с литературой... Замечу только, что автор «Юрия Милославского», Загоскин, был так глуп, что удовлетворил бы даже Вашим требованиям — а выходило у него не лучше.— Итак, Вы в Степановке... Непременно мы должны провести вместе 1-ое мая [5]. Это уже решено и подписано — разве кто-нибудь из нас умрет, как этот бедный Панаев. Вот никак не ожидал я, что этот человек так скоро кончит! Он казался олицетворенным здоровьем. Жаль его не в силу того, что он бы мог еще сделать, даже не в силу того, что он сделал — а жаль человека, жаль товарища молодости! — «Современник» без Нового поэта будет ли продолжать свистать [6]? — Но я опять вдаюсь в литературу.

А Родионов утащил шубу и удрал. Хорош гусь. Надо бы написать une complainte — вроде: Донья Клара! Донья Клара! [7]

> Родионов, Родионов! [8]
> Вар новейшего столетья! *
> Redde meas legiones! [9]
> Возврати чужую шубу! и т. д. **

Я получаю из деревни преоригинальные письма от дяди [10]. Новейшие усовершенствования крестьянского быта взвинтили его до какой-то отчаянной иронии. Спасские крестьяне удостоили наконец подписать уставную

---

* *Вариант:* Вар и Варвар без изъятья! (№. Чтоб стих в стиле автора стиха: Из недра Мирры шел и т. д.)[11].

** *Вариант:* Возврати чужое платье!

грамоту [12], в которой я им сделал всяческие уступки; будем надеяться, что и остальные меня, как говорится в старинных челобитных — «пожалуют, смилуются»! — А жажду я прочесть Ваше «Лирическое хозяйство» [13]. Я уверен, что это вышло преудивительно и превеликолепно.

С Борисовым я изредка перекидываюсь письмецом [14]: он премилый.— Постараемся в нынешнем году поохотиться лучше прошлогоднего.— Афанасий, говорят, совсем одряхлел — это горестно.

Толстой написал Боткину (который теперь, как Вы знаете, в Риме), что он в Москве проигрался и взял у Каткова 1000 руб. сер. в задаток своего кавказского романа [15]. Дай-то бог, чтобы хоть эдаким путем он возвратился к своему настоящему делу! Его «Детство и юность» появилась в английском переводе [16] — и, сколько слышно, нравится. Я попросил Форга написать об этом статью для «Revue des Deux Mondes» [17].— Знаться с народом необходимо; но истерически льнуть к нему, как беременная женщина — бессмысленно.— А что поделывает «Ясная Поляна»? (я говорю о журнале) [18].

Ну, прощайте — или нет: до свидания. Кланяюсь Вашей жене и крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

1295. М. Н. ЗУБОВОЙ

6(18) марта 1862. Париж

Париж.
6/18 марта 1862 г.

Сударыня,

Я, как говорится, существо неблагодарное, что не ответил тотчас же на Ваше милое письмо, которому, кстати, понадобилось около месяца, чтобы из Екатеринбурга дойти сюда. Спешу принести Вам свои извинения и надеюсь на Вашу снисходительность.

Я счастлив узнать, что Вы не слишком скучаете по соседству с Сибирью — хотя Ваше описание природы тех мест так печально и так правдиво!.. [1] Россия некрасива, приходится сознаться, в особенности для глаз, с детства привыкших отражать божественные контуры Италии. Не хочу отрицать, что существуют компенсации — но вполне ли они вознаграждают? Будем надеяться — ради Вас. Пение крестьянок, действительно, самая го-

рестная на свете вещь — от него веет угнетением, диким одиночеством, ужасом, ставшим привычкой. Но что это я вздумал останавливаться на этих подробностях — будто Вы нуждаетесь в том, чтобы к Вашей картине еще добавили мрачности. Ограничусь передачей одного стихотворения Тютчева — ведь у поэтов то преимущество, что целый мир они вмещают в несколько слов — и надеюсь, что, к чести Вашего бывшего преподавателя русского языка, Вы поймете эти двенадцать строк:

1.

Эти бедные селенья —
Эта скудная природа...
Край родной долготерпенья —
Край ты русского народа!

2.

Не поймет и не заметит
Гордый взгляд иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нищете твоей смиренной.

3.

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, моя родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя [2].

Впрочем, раз уж Вы примирились со *смиренной бедностью* русской природы, не будем настаивать.

Предпочитаю вернуться мыслью к деятельности Вашего мужа — которому прошу передать мой поклон — деятельности безусловно самой нужной и, следовательно, самой благородной, какая только существует сейчас в России [3], ко всем Вашим новым впечатлениям, к Вашим повседневным наблюдениям... Но мне приходит в голову — способны ли Вы, народы юга, живущие вовне, в блеске и движении, к тяжелому и одинокому труду размышлений, к той вдумчивой наблюдательности, которая нам, меланхоличным и медлительным северянам, так свойственна? Но ведь и у Вас в жилах течет русская кровь, и я уверен, что, если мы когда-нибудь встретимся, у Вас найдется много чего мне порассказать об екатеринбургском обществе. Но когда мы увидимся? И увидимся ли когда-нибудь? Вот в чем «загвоздка», как говорят господа парижане.

Вы пишете об одной моей статейке, помещенной в «Revue des Deux Mondes». Но с тех пор Вы, вероятно, прочли «Дневник лишнего человека». Конечно, во всех этих образах много от меня самого [4].

Гоголь верно сказал, что можно правильно изобразить только те недостатки, присутствие или возможность существования которых чувствуешь в себе самом [5]. Мне было бы трудно писать о вещах совершенно мне чуждых, и единственное преимущество (уравновешенное, впрочем, многими отрицательными сторонами) артистических натур перед другими состоит в том, что они способны больше усваивать как хорошего, так и плохого, и, ощутив все это как свое собственное, показать другим. Впрочем, должен сознаться, что приключение, или неудача, послужившая темой для вещицы, о которой идет речь, действительно случилась в моей жизни — очень давно.

Как видите, я послушен и говорю о своей особе. Что же до Вас, будьте твердо уверены, что уже в Петербурге я в Вас видел нечто другое, чем просто ребенка, и я сохранил самое пленительное воспоминание о наших коротких встречах.

Mlle Киндякова здесь с матерью и отцом: я навестил их. Mlle К⟨индякова⟩ очень мила, а кроме того — она Ваш друг.

Рассчитываю вернуться в Россию через шесть недель и остаться там месяца два-три. Если Вы напишете мне ответ (а я надеюсь, что Вы доставите мне это удовольствие), адресуйте Ваше письмо: Орловской губернии, в город Мценск.

Разрешите пожать Вам руку и верьте чувствам искренней симпатии, которую питает к Вам

преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Тысяча приветов г. Зубову.

1296. Е. С. КОЧУБЕЙ

7(19) марта 1862. Париж

Париж.
7/19-го марта 62.

Любезнейшая Елена Сергеевна, дочь моя сообщила мне письмо, которое Вы ей написали [1], и я спешу благодарить Вас за память и отозваться на Ваш дружеский привет. Письмо Ваше грустно — и я искренно Вам сочувствую: я уже прежде слышал о постигшем Вас горе — и

очень мне было Вас жаль. Но Вы еще молоды — вся жизнь еще перед Вами — и всё поправится [2].— Мне очень было приятно узнать, что муж Ваш деятельно занимается своею истинно благородной и полезной службой [3], я знаю наперед, что ему приходится бороться с многочисленными препятствиями; но в нем есть всё нужное, чтобы победить их: и ум, и энергия, и радушие, и в особенности та симпатичность, без которой трудно действовать на людей.— Дай бог ему терпенья и здоровья — а что он похудел — это в порядке вещей и только придает ему еще больше интересности.

Мне очень было приятно узнать от Вас и то, что Ваши родители с Вами [4]. Надеюсь, что их здоровье хорошо — и прошу Вас напомнить им обо мне.

Я прожил зиму в Париже довольно однообразно. Мало работал — дочь замуж не выдал — и теперь собираюсь обратно в Россию — но прежде отвезу свою семейку во Флоренцию, где она проживет лето. В конце мая я, если бог даст, непременно у себя в деревне [5] — и оттуда подам Вам весть о себе. К зиме придется опять воротиться в мало для меня соблазнительный Париж.

А что — Вы все-таки музыку не оставляете? Помните наши прошлогодние вечеринки у Вас в rue de Luxembourg? [6] Я здесь раза два встретился с графиней Гюго — но издали.

Когда Вы прочтете мою последнюю повесть (которая едва ли Вам понравится) — Вы мне напишите свое мнение. Можете бранить меня сколько вздумается: — я все-таки спасибо скажу [7].

А засим прощайте.— Кланяюсь всем Вашим — и целую (если позволите) Ваши руки.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1297. В. П. БОТКИНУ

14(26) марта 1862. Париж

Rue de Rivoli, 210.
Париж.
14/26 марта 62.

Милый В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩, отвечаю немедленно на твое письмо [1]. У меня есть много, что тебе сказать. Во-первых, да будет тебе известно, что я решился на всё лето оставить мою семейку во Флоренции — и сам их там поселю перед отъездом в Россию; т. е. я покидаю Париж

около 10-го мая и еду прямо во Флоренцию с дочерью и Mme Innis — и, пробывши с ними около недели, отправляюсь в Россию: вот бы тебе к этой эпохе тоже приехать во Флоренцию — и потом вместе покатить на матушку-родину! Очень было бы хорошо. Напиши об этом твое мнение — а я совершенно решился и — 10-го мая меня уже в Париже не будет [2].

Панаев умер внезапно от аневризма. В день смерти он еще обедал у знакомых и только часа за два почувствовал себя дурно. Подробности об этом сообщил мне Кавелин, который на днях прибыл сюда по поручению Головнина [3] и который так помолодел и посвежел, что смотреть любо! — Он сообщил много интересных новостей — но ты знаешь, *красок* в его рассказах не бывает. Но общее впечатление не так мрачно, как обыкновенно предполагают. В этом отношении он, я думаю,— прав. Только в литературе, по его словам, свирепствует безобразие несуразное. Писемский прислал мне № «Искры», где его смешали с грязью, поставили ниже Аскоченского и т. д.[4] Также прислал он мне последний свой рассказ «Батька» [5] — в котором он вывел снохо⟨- - -⟩ство — но который вышел довольно бледен, несмотря на отличные частности, достойные его силы.— Дружинин, говорят, совсем умирает [6]. «Век» куплен партией extrême gauche (главный редактор теперь Елисеев) и намерен истреблять все авторитеты до конца [7]. Ждут появления моей повести, чтобы растерзать меня, да и Гончарова кстати [8]: так по крайней мере пишет Писемский. Моя повесть вышла в Москве, на днях — но сюда еще не прибыла. Как только получу ее, вышлю тебе и кстати приложу «Батьку».

От Фета получил милейшее письмо со стихами — из которых первые 6 очень милы — а там пошел Трубадур — да еще какой! Совершенно ничего понять нельзя [9]. Он в Степановке и плавает в деятельности и наслаждении. Ждет нас с тобой. По его словам, общее мнение о «Минине» подобно нашему [10]. Я заранее радуюсь нашему путешествию в его хутор. Говорит, что первые книжки «Ясной Поляны» очень замечательны. То же самое утверждает Аксаков в своем «Дне». Тем лучше [11]!

Кавелин подтвердил мне факт о соединении крепостников с социалистами в оппозиции к правительству [12].

Я передам Шевыреву — что ты говоришь мне о бумагах Гоголя. А ты все-таки нотрудись заглянуть в эти бумаги.— Я присутствовал на одной лекции Шевырева [13]. Было человек 40. Этакой скуки и вообразить нельзя...

Повеяло самой преисподней Сивцева Вражка и Малой Конюшенной!.. Какие звуки вылетали из его беззубого рта! Это ужасно — а придется еще сходить. Он говорил о духовной старинной литературе — и такую пропасть митрополитов вытащил на свет божий, что можно было задохнуться от вони их козлиных бород.

Я рад за тебя, что ты еще сильнее прежнего чувствуешь красоту — только и осталось нашему брату. А глаза помаленечку поправятся. У меня с некоторых пор моя бродячая подагра засела в сердце и очень меня мучит. Райе говорит, что надо ее оттуда выгнать. Будем стараться.

Пожалуйста поклонись Милютиным и Ростовцевым.— Твои слова, впрочем, истинны, как сама Истина.

Ханыков процветает и мил, как восточная пери. Мы с ним обжираемся по временам и всякий раз тебя вспоминаем.— Мои благодарят тебя за память, а я крепко жму тебе руку. Итак — до свидания во Флоренции — ась?

Твой Ив. Тургенев.

P. S. Кавелин привез тебе толстое письмо из Петербурга, которое я отправил тотчас же.

1298. Н. В. ХАНЫКОВУ

14(26) марта 1862. Париж

Середа.

Ваше превосходительство сим извещается, что мы имеем честь пригласить Вас на вечер, имеющий быть у нас в понедельник, 31-го марта.

От Боткина получено интересное письмо [1] с поклоном Вашему п⟨ревосходительст⟩ву.

Заходите завтра — я Вам его покажу и кстати отдам Головинское [2] письмо.

Mille amitiés.
Ив. Тургенев.

Пока «Минина» [3] у меня нет, но я Вам дам завтра «Батьку» — Писемского [4].

1299. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18(30) марта 1862. Париж

Любезнейший Федор Михайлович, мне нечего говорить Вам, до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об «Отцах и детях» [1]. Тут дело не в удовлетворении самолюбия,

а в удостоверении, что ты, стало быть, не ошибся и не совсем промахнулся — и труд не пропал даром.— Это было тем более важно для меня, что люди, которым я очень верю (я не говорю о Колбасине) [2], серьезно советовали мне бросить мою работу в огонь — и еще на днях Писемский [3] (но это между нами) писал мне, что лицо Базарова совершенно не удалось. Как тут прикажете не усомниться и не сбиться с толку? Автору трудно почувствовать *тотчас*, насколько его мысль воплотилась — и верна ли она — и овладел ли он ею — и т. д. Он, как в лесу, в своем собственном произведении.

Вы наверное сами это испытали не раз. И потому еще раз спасибо. Вы до того полно и [а] тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумленья — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным [б] вымолвить. Дай бог, чтобы в этом сказалось не одно чуткое проникновение мастера, но и простое понимание читателя — то есть, дай бог, чтобы все увидали хотя часть того, что Вы увидели! Теперь я спокоен насчет участи моей повести: она сделала свое дело — и мне раскаиваться нечего.

Вот еще Вам доказательство, до чего Вы освоились с этим типом: в свидании Аркадия с Базаровым, в том месте, где, по Вашим словам, недостает что-то, Базаров, рассказывая о дуэли, трунил над *рыцарями* и Аркадий слушал его с тайным ужасом [4] и т. д.— Я выкинул это — и теперь сожалею: я вообще много перемарывал и переделывал под влиянием неблагоприятных отзывов [5] — и от этого, может быть, и произошла копотливость, которую Вы заметили.

Я получил милое письмо от Майкова [6] — и отвечу ему. Бранить будут меня сильно — но это надо переждать, как летний дождик.

Очень было бы мне жаль, если б я не застал Вас в Петербурге.— Я выезжаю отсюда в конце здешнего апреля, т. е. через месяц [7]. Теперь я могу *наверное* Вам сказать, что я привезу Вам мою работу готовой — она не только сильно подвинулась, она приближается к концу. В ней будет около 3 печатных листов. Странная выходит штука. Это именно те «Призраки», из-за которых несколько лет тому назад поднялась у нас пря с Катковым [8] — не знаю, помните ли Вы это. Я было начал другую вещь [9] — и вдруг

[а] *Было:* верно
[б] *Было:* высказать

схватился за эту и работал несколько дней с увлечением. Теперь осталось дописать несколько страниц.

Радуюсь успеху «Времени». Досадно, что Вы не можете устроить правильную высылку журнала [10]. Я это говорю не столько из личного интереса,— я ведь скоро сам вернусь — но для Ваших же выгод. «Русский вестник» высылается сюда правильно.— (Впрочем, февральского Nомера я еще не получал).

Еще раз крепко, крепко жму Вам руку и говорю Вам спасибо. Передайте мой усердный поклон Вашей жене и будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

30-го/18 марта 62.
Париж.
Rue de Rivoli, 210.

1300. А. Н. МАЙКОВУ

18(30) марта 1862. Париж

Любезнейший Аполлон Николаевич, скажу Вам прямо по-мужицки: «Дай Вам бог здоровья за Ваше милое и доброе письмо!».— Очень Вы меня утешили [1]. Ни в одной вещи своей я так сильно не сомневался, как именно в этой; отзывы и сужденья людей, которым я привык верить, были крайне неблагосклонны [2]; если бы не настоятельные требования Каткова — «Отцы и дети» никогда бы не явились. Теперь я могу сказать себе, что не мог же я написать совершенную чепуху, если такие люди, как Вы да Достоевский, гладят меня по головке и говорят мне: «Хорошо, братец — ставим тебе 4». Это сравнение со студентом, твердо выдержавшим экзамен, гораздо вернее Вашего сравнения с триумфатором, а уж сравнение Вас с карликом, позвольте Вам сказать, никуда не годится. Нет — Вы товарищ-художник, братски протянувший руку товарищу; и я отвечаю объятьем на Ваше объятие, горячим приветом и благодарностью на Ваш привет. Вы меня истинно успокоили; недаром же Шиллер сказал:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt —
Der hat gelebt für alle Zeiten [3].

Надеюсь быть скоро в состоянии сказать Вам личное спасибо (я выезжаю отсюда через месяц) — и порасспросить Вас о Ваших трудах, о которых Вы ничего не говорите в Вашем письме,— и послушать Вас.— Что там ни

говори молодежь — а Искусство умереть не может — и посильное служение ему будет всегда тесно соединять людей.

Этот огонь, который Белинский первый признал в том первом, одной только буквой М. подписанном стихотворении («Когда ложится тень», и т. д.) [4] — этот огонь до сих пор горит и вечно будет гореть в Вас — и пока он не потухнет, Красота и Поэзия будут с Вами.

Ну, прощайте — или лучше до свидания.

Примите еще раз мое спасибо и поклонитесь от меня всем Вашим.

Истинно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Париж.
30-го марта 1862.
Rue de Rivoli, 210.

P. S. Не зная Вашего адресса, я пишу на имя Писемского.

1301. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

19(31) марта 1862. Париж

Париж.
$\frac{31\text{-го}}{19}$ марта 62.

Начинаю благодарностью за доставленные сведения, любезнейшая Варвара Яковлевна. Вы истинно снисходительное существо и не забываете отсутствующих приятелей.

Известие о свадьбе Вашего брата меня очень порадовало — и прошу передать ему мои сердечные поздравленья. Я уверен, что он будет счастлив — а уж о будущей его жене и говорить нечего: Ваш брат будет наилучшим мужем XIX-го столетия [1].

Другой отличный муж, Ваш beau-frère и мой приятель Павел Васильевич, давно не писал мне — а я именно теперь ожидал от него эпистолии, в которой он сообщил бы мне о судьбе моего последнего детища [2]. Я уже получил три письма из Петербурга от трех различных лиц по этому поводу — два хвалебных, одно порицательное [3]. Желательно было бы знать, что говорят вообще в публике. И потому, так как во всех случаях жизни всего вернее рассчитывать на женщин — обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой написать мне совершенно беспристрастно, что Вы услышите [4].

Если меня в «Искре» назовут отсталым идиотом, так-таки и напишите. Я ожидаю жестоких истязаний от молодого поколения — а всего вероятнее, что при теперешнем настроении умов вся штука пройдет незамеченной. И это очень понятно — России теперь не до литературы.

Также прошу Вас воткнуть (в переносном значении) шило в тучный бок друга моего Павла Васильевича — и заставить его написать мне одно из тех энциклопедически-великолепных посланий, на которые он такой мастер.

Кажется, я Вас уже благодарил письменно за труд, которому Вы подвергли себя при переписывании моей статьи о «Гамлете»; если же я упустил *этот* случай, то прошу у Вас теперь позволения поцеловать трудившуюся руку.

Вы спрашиваете о г-же Маркович. Она всё еще здесь и, кажется, не нуждается. За работы ее платят очень хорошо. И жалованье ее супруга значительнее, чем Вы предполагаете [5]. Впрочем, я ее вижу очень редко.

Засим прошу Вас передать всем Вашим усерднейший мой поклон — а Вам желаю всего хорошего. Бог даст, через месяц увидимся.— Портрет я свой привезу. Будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Rue de Rivoli, 210.

1302. А. А. ФЕТУ

19(31) марта 1862. Париж

Париж.
19/31-го марта 62.

Милейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, не могу не отвечать хотя коротенькой записочкой на Ваше большое и прекрасное письмо [1], в котором на *сей раз* всё дельно, верно и — den Nagel auf den Kopf getroffen — за исключением однако стихов, которых я со второй строфы — до судороги не понимаю. Там есть такой: «Хор замер» [2] — от которого шестидневный мертвец в гробу перевернется.— Но об этом и обо многом другом мы потолкуем при свидании. . . Господи! как мы будем кричать! — и как я буду рад кричать! — Итак Вы — в Степановке. Поздравляю.— Теперь уже не только грачи, но жаворонки прилетели — дороги грязны — снег разрыхлен (экое однако выскочило слово!), вода журчит везде и надуваются почки. Славное

Париж. —

31/19-го марта 62.

Искреннюю благодарность за доста-
вленные сведения, любезнейшая
Варвара Яковлевна.. Вы истинно
снисходительное существо и не забы-
ваете отсутствующих приятелей?

Известие о свадьбе Вашего брата
меня очень порадовало — и прошу пере-
дать ему мои сердечные поздравления.
Я уверен что он будет счастлив — а
что о будущей его жене и говорить не-
чего — Ваш брат будет наилучшим
мужем XIX-го столетия.

Другой отличный муж, наш Ва-
рей и мой приятель Павел Васильевич
давно не писал мне — а я именно
теперь ожидаю от него известия,
в котором он сообщил бы мне о
судьбе моего последнего детища — Я
уже получил три письма из Петербурга

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА К В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ
ОТ 19(31) МАРТА 1862 г.

Первая страница.

время! — Здесь уже листья распустились и деревья зеленеют — но как-то всё холодно и не весною смотрит. Может быть, это мне кажется от того, что уже вся душа моя уехала отсюда и витает между нашими оврагами.

Я еще не получил экземпляра моей повести — но уже три письма прибыло: от Писемского, Достоевского и Майкова об этой вещи [3]. Первый бранит главное лицо — вторые два хвалят всё с увлечением. Это меня порадовало — потому что сам я преисполнен был сомнения. Я Вам, кажется, писал, что люди, которым я верю, советовали мне сжечь мою работу; — но скажу без лести, что жду Вашего мнения для того, чтобы окончательно узнать, что мне следует думать [4]. Я с Вами спорю на каждом шагу — но в Ваш эстетический смысл, в Ваш вкус верю твердо — и скажу Вам на ухо, что, по Вашей милости, поколеблен насчет «Грозы» [5].— Вы, пожалуйста, как только прочтете «Отцов и детей», тотчас же за перо и валяйте на бумагу всё, что́ у Вас будет на душе. Выйдет очень хорошо — да я же привык понимать Вас, как бы иногда темно и чудно ни выражался Ваш язык. (Писемский хотел бы видеть в Базарове повторение Калиновича [6] — и потому недоволен.) Одним словом (говоря Вашим стихом):

Жду! [7]

Я не могу себе иначе представить Вас теперь, как стоящим по колени в воде в какой-нибудь *траншее*, облеченным в халат, с загорелым носом, и отдающим сиплым голосом приказы работникам.— Желаю Вам всяческих успехов и *до*небесной пшеницы.— Кланяюсь Вашей жене, жму Вам руку — и до свидания.

Преданный Вам И. Т.

P. S. Боткин жуирует в Риме — однако жалуется на глаза.

1303. К. К. СЛУЧЕВСКОМУ

21 марта (2 апреля) 1862. Париж

Париж.
2-го апр. 62.

Любезнейший К⟨онстантин⟩ К⟨онстантинович⟩, во-первых, спасибо за письмо (которое написано на сей раз разборчиво); во-вторых, имею Вам сказать, что Вы действительно правы в своем предположении: из Москвы я до сих пор ничего не получал — ни экземпляра моей повести, ни писем (зато из Петербурга получил три — и вообразите, не

бранят, а хвалят; и особенно гиперболически хвалит Достоевский)[1], но из перечня содержания февральской книжки, помещенного в «Северной пчеле», я усмотрел, что Ваших стихов не поместили. Впрочем, это, может быть, происходит от того, что они приберегают их для следующих нумеров[2]. Как бы то ни было, я пишу об этом Каткову и Щербаню[3] — и если им Ваши произведения не надобны — я берусь их поместить во «Времени»[4] Достоевского, которого я увижу проездом через Петербург.

Дамы мои[5], которые очень Вас полюбили, кланяются Вам и благодарят за память. Мы едем отсюда около 1-го мая — но я останусь во Флоренции всего несколько дней для того, чтобы как можно скорее попасть в деревню. Я надеюсь там быть к 20-му мая нашего стиля[6].

Мне приятно видеть, что Вы стоите на ногах и не унываете. Позвольте Вам преподать один совет: не чуждайтесь людей и не сходитесь с ними только для того, чтобы им посмотреть на лоб; а старайтесь проникнуть в них, что не может Вам удаться без того, чтобы Вы сами не расстегнулись. Занимайтесь *только* немецким языком и историей — а остальное бросьте к черту. Переведите *прозой* слово в слово, напр., «Фауста» или «Германа и Доротею». Это будет лучшее упражнение.

Насчет денег пожалуйста не церемоньтесь. Понадобится, пишите прямо. Это тоже ложный, хотя весьма похвальный и в наше время редкий, стыд.

Если мне вышлют экз⟨емпляры⟩ «О⟨тцов⟩ и д⟨етей⟩», Вы получите.— А теперь жму Вам руку и кланяюсь дружески.

Ваш И. Т.

1304. М. Н. КАТКОВУ

23 марта (4 апреля) 1862. Париж

Париж.
4-го апр. / 23-го марта 62.

Любезнейший Михаил Никифорович, я только сегодня получил от одного здешнего приятеля № «Русского вестника»[1],— в котором помещена моя повесть. Я не успел ее пробежать, но уверен, что она напечатана исправно[2], и благодарю Вас за то, что Вы ее не раздробили. (Кстати, попеняйте от моего имени Щербаню: я не получил от него ни обещанных экземпляров, ни письма.) Пишу же я собственно к Вам с следующей целью: я выезжаю из Парижа

скорее, чем предполагал,— а именно через месяц,— и для этого рассчитываю на деньги, которые мне следует получить с Вас. Будьте так добры, перешлите мне их по возможности немедля вместе с расчетом, сколько было забрано мною вперед. Этим Вы бы меня крайне одолжили. В повести вышло 12 листов без страницы, что составляет — 4775 р. Надеюсь, что исполнение моей просьбы Вас не затруднит; в противном случае вышлите мне 1500 р., а по приезде в Москву мы окончательно сведем счеты. Я надеюсь быть в Москве в первых числах нашего мая.

Засим желаю Вам всего хорошего, кланяюсь всему Вашему семейству и Щербаню и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Если возможно, все-таки прошу выслать мне сюда хотя 3 экземпляра: здесь есть лица, которым я обещал.

1305. П. В. АННЕНКОВУ

25 марта (6 апреля) 1862. Париж

26[а] марта (6 апреля) 1862 г. Париж.

Спасибо за письмо, любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, и за известия, которые в нем заключаются [1]. До Вас писали мне о моей вещи («Отцы и дети») Писемский [2], который ею недоволен, и Достоевский [3] и Майков [4], которые, напротив, чрезвычайно довольны. Из Москвы я не получил ровно никаких известий — ни экземпляров обещанных, ни денег, ни писем — так что я улицезрел собственное детище только по милости кн. Трубецкого, ссудившего мне книжку «Русского вестника». Опечаток отыскалось много, а именно около 50, из которых штук 15 жестоких — я послал списочек Каткову [5]. Ну, а теперь лодка спущена, потонет или поплывет — это уж ее дело, а мне толковать больше об этом не для чего. Хотелось бы мне только знать, что̀ Тютчева — такого же невыгодного мнения о моей повести, или смягчилась? [6]

Дела происходят у Вас в Петербурге — нечего сказать! Отсюда это кажется какой-то кашей, которая пучится, кипит — да, пожалуй, и вблизи остается впечатление каши. Освистанный Дюкре-Дюминиль-Костомаров,— а там Чичерин-доктринер [7] и Аксаков со своим «Днем» [8], и Никита Безрылов, и тоже освистанный Ч⟨ер-

---

[а] *Так в тексте публикации.*

нышевск⟩ий [9]. Всё это крутится перед глазами, как лица макабрской пляски [10], а там внизу, как черный фон картины, народ-сфинкс, и т. д. Хочется взглянуть на всё это собственными глазами, хоть наперед знаешь, что все-таки ничего не поймешь. Я отсюда выезжаю через три недели; не хочу думать, что я Вас не застану в Петербурге — это было бы безобразно. Ведь мы в последнее время почти не видались. Послезавтра я еду в Лондон на несколько дней. Ах, Павел Васильевич, не мне бы это говорить, не Вам бы слушать: но если бы Вы знали, как я состарелся, отяжелел и опустился! Последние 15 лет промелькнули как сон; я никак не могу понять, каким образом мне вдруг стало 43 года и как это я очутился каким-то, почти чужим мне самому, стариком? Новые чувства — новые ощущения даже невозможны; остается пережевывать старую жвачку, а политической искры, к сожалению, во мне нет. Состаревшийся художник — как потерявшая голос певица: ну, на что торчит?.. Впрочем, не буду продолжать в этом тоне; что за охота жаловаться на горе, которому помочь нельзя. Надеюсь, что наша дружба извинит мое хныканье. Я изредка получаю письма из Рима от Боткина [11]; он доволен своим пребыванием в Вечном городе; вероятно, мы вместе вернемся в Россию. Здесь я вижусь только с Ханыковым, да еще с Кавелиным, который уж очень бранит французов.

До свиданья, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Поклонитесь Вашей жене и всем добрым приятелям и примите дружеское рукопожатие от Вашего старика, И. С. Тургенева.

P. S. У нас здесь сирень в полном цвету. А у вас?

1306. В. П. БОТКИНУ

26 марта (7 апреля) 1862. Париж

Париж.
7-го апр. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Пишу тебе, как видишь, не медля, любезный Василий Петрович, по твоему желанию. Приехать я во Флоренцию раньше первых чисел мая никак не могу. Но я не полагаю, чтобы это должно было расстроить твои планы, если ты располагал вернуться в Россию нынешним летом. Вся разница состоит в том, что ты хотел проехать через Париж; но я могу сообщить тебе ответ Райе, которого я сегодня не увижу — нынче понедельник и он не принимает; но завтра

я с ним переговорю и передам тебе его мнение. Морские купанья начинаются в августе, и ты во всяком случае дальше сентября в России бы не остался. Платье твое весьма легко привезти к тебе; стоит тебе написать слово к Делаво; впрочем, я полагаю, что он мне и так поверит. А что я поеду во Флоренцию — в этом можешь быть совершенно уверен — разве умру. Завтра отправляю тебе ответ Райе; а сегодня прилагаю письмо от Фета, которое так и пришло в распечатанном виде [1].

Я третьего дня получил от кн. Трубецкого номер «Русского вестника», в котором находится моя повесть, но от Каткова и Щербаня — ни экземпляров, ни денег, ниже какого письма не получал, и это лишает меня возможности послать тебе экземпляр. Опечаток нашел я штук 50, из коих 15 очень крупных — да это было неизбежно [2]. Я получил несколько писем о моей повести: от Писемского — критическое, от Майкова и Достоевского — восторженные (Д⟨остоевский⟩ уверяет, что эта одна вещь стоит всего, что я написал, сравнивает ее с «Мертвыми душами» (!) etc.)[3], от Анненкова — умеренное [4] — и это, мне кажется, самое справедливое. Теперь, очевидно, не до романов, особенно в Петербурге, уж манифестации следуют за манифестациями,— уж что день — то новые правительственные меры и т. д. Из Москвы я никакой не имею вести. А впрочем, — всё это пустяки.

Я еду на днях в Англию на самое короткое время [5]. Нового здесь мало. Я обедал вчера у Абазы и видел его жену, бывшую Mlle Штуббе. Она очень потолстела, но мила по-прежнему — хотя немного ей неловко. Да, да, браки с иностранками... это ты великую истину открыл!

Представь, Мериме здесь — ему очень понравился «Петушков» [6], и собирался прочесть его со мною. Ни одной строки он не оставил так, как ее написал Делаво [7]. (Это между нами.) Бедный *Ночной Фортепьянист* [8] — сильно плох как писатель.

До завтра. Жму тебе руку.

Твой Ив. Тургенев.

P. S. Говорят, «Ясная Поляна» имеет великий успех.

1307. В. П. БОТКИНУ

31 марта (12 апреля) 1862. Париж

Париж.
12-го аир. 62.

Любезнейший друг В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩ — во-первых, отправляю тебе назад твой ключ, потому что телеграмма твоя сыскала-таки Делаво, и он тотчас послал к тебе большой чемодан [1]. Во-вторых, сообщаю тебе решение Райе: он находит, что ты можешь преспокойно ехать теперь в Россию, но советует непременно к осени вернуться сюда: морские ванны не считает нужными. В-третьих — насчет моей поездки во Флоренцию можешь быть спокойным: разве умру. Произойдет она в начале мая *. В 4-х, экземпляр моей повести послать тебе все-таки не могу, потому что миленькие издатели *ни одного* мне самому не прислали [2]. Слухи о повести доходят различные: иные очень хвалят — другие очень бранят. Нового, впрочем, ничего нет или есть нехорошее: у меня с некоторого времени сердце болит.

Засим, жму тебе крепко руку, кланяюсь всем знакомым — и до свидания.

Твой
Ив. Тургенев.

* Самый поздний срок: 10-го.

1308. Н. Н. РАШЕТ

Март ст. ст. 1862. Париж

Памятная записка.

1) Узнать о местопребывании и прочих обстоятельствах жены Михаила Александровича *Бакунина*. Она была в Сибири и должна была приехать к Бакуниным в деревню — Тверской губернии, в Торжковском уезде, в сельцо Прямухино — писать о ней под именем г-жи Мейер.

2) Узнать о двух братьях Бакунина, арестованных по Тверскому делу, один называется Николай, другой, вероятно, Илья или Павел. Писать о них под именем братьев Никольских.

1309. Н. Н. РАШЕТ

Март ст. ст. 1862. Париж

Еще два поручения, которые я забыл Вам передать, любезнейшая Наталья Николаевна. А именно: узнайте от Анненкова или от кого-нибудь другого, *что за люди*

Леонид *Блюммер*, издатель в Берлине «Свободного слова» — и *Артур Бенни*, который, между прочим, и Анненкову доставил письмо от меня. Можно ли на них надеяться, и не опасны ли они? — О Блюммере пишите под именем г-жи Бурцовой — а о Бенни под именем девицы *Павловой*.

Пишите мне сюда на мое имя — Rue Rivoli, 210. А засим примите мое напутственное благословение и будьте здоровы.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

Вторник.

1310. А. А. ФЕТУ

6(18) апреля 1862. Париж

Париж.

$\frac{18\text{-го}}{6}$ апр. 1862.

Прежде всего, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, спасибо за письмо [1] — и еще большее было бы спасибо, если б Вы не сочли за нужное, избивая меня, надеть белые перчатки. Поверьте, я от друзей выносил и умею выносить самую резкую правду.— Итак — несмотря на все Ваши эвфемизмы — «Отцы и дети» Вам не нравятся. Преклоняю голову — ибо делать тут нечего — но хочу сказать несколько слов в свою защиту, хотя я знаю, сколь это неблаговидно — и напрасно. Вы приписываете всю беду *тенденции*, *рефлексии*, уму одним словом. А по-настоящему надо просто было сказать: мастерства не хватило. Выходит, что я наивнее, чем Вы предполагаете.— Тенденция! а какая тенденция в «О⟨тцах⟩ и д⟨етях⟩» — позвольте спросить? Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? *Я этого сам не знаю*, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вот тебе и тенденция! Катков распекал меня за то, что Базаров у меня вышел в апофеозе [2]. Вы упоминаете также о *параллелизме*; но где он — позвольте спросить,— и где эти *пáры*, верующие и неверующие? Павел Петрович — верит или не верит? Я этого не ведаю — ибо я в нем просто хотел представить тип Столыпиных [3], Россетов [4] и других русских ех-львов. Странное дело: Вы меня упрекаете в параллелизме — а другие пишут мне: зачем Анна Сергеевна не высокая натура, чтобы полнее выставить контраст ее с Базаровым? Зачем старики Базаровы не совершенно патриархальны? Зачем Аркадий пошловат — и

не лучше ли было представить его честным, но мгновенно увлекшимся юношей [5]? К чему Феничка — и какой можно сделать из нее вывод? Скажу Вам одно, что я все эти лица рисовал, как бы я рисовал грыбы, листья, деревья; намозолили мне глаза — я и принялся чертить. А освобождаться от собственных впечатлений потому только, что они похожи на тенденции — было бы странно и смешно. Из этого я не хочу вывести заключение, что, стало быть, я молодец; напротив — то, что́ можно заключить из моих слов, даже обиднее для меня: я не то чтобы перехитрил — а не сумел; но истина прежде всего. А впрочем — omnia vanitas.

Полагаю выехать отсюда через три недели непременно [6]; как нарочно, перед самым концом наклевываются женихи [7]; и знаю, что ничего не выйдет, а нельзя: нужно долг исполнить до конца.— Мы, вероятно, отъявимся в Россию вместе с великим Василием Петровичем. Заранее радуюсь и Степановке, и нашим беседам, и охотам, и пр., и пр. Здесь деревья распустились совершенно — а весны всё еще не было. Холод и холод!

Поклонитесь, пожалуйста, низехонько Вашей милой жене и прочим приятелям. Дружески жму Вам руку и остаюсь навсегда

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Какова комедия: «Дворянские выборы» — во 2-й книжке «Современника» [8]. Неужели это не Геркулесовские столбы пошлости? Хороши тоже стишки Некрасова [9], сего первого из современных пиитов российских!

1311. В. П. БОТКИНУ

8(20) апреля 1862. Париж

Париж.
8/20-го апр. 1862.

Любезнейший друг, на днях я послал тебе экземпляр моих «Отцов и детей». Прочти внимательно — и напиши твое окончательное и не подкупленное дружбой мнение. Я до сих пор не знаю, какое впечатление производит эта вещь — и что мне о ней думать самому: в «Современнике» на днях появится — или уже появилась истребительная статья под названием: «Отходная большому таланту» [1].

Спасибо еще, что при теперешнем тоне * не напечатали: «Похороны свиньи». Приходится мысленно твердить сонет Пушкина: «Поэт, не дорожи» и т. д.[3]

Ты можешь быть *совершенно спокоен* насчет нашей поездки в Россию: я приеду во Флоренцию — а там отправимся вместе. Всё это произойдет через 3 недели au plus tard. Для успокоения твоего удостоверяю тебя, что если бы что-нибудь непредвиденное (вроде свадьбы) случилось — я тебя тотчас извещу через телеграф.

Я вижу здесь часто Кавелина и достолюбезнейшего Ханыкова. Они тебе кланяются. Здоровье мое не совсем исправно. Сердце вздумало болеть.

До свидания; крепко жму тебе руку и кланяюсь Милютиным и Ростовцевым.

Твой Ив. Тургенев.

1312. А. И. ГЕРЦЕНУ

10(22) апреля 1862. Париж

Париж.
22-го апр. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Милый А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. Немедленно отвечаю на твое письмо [1] — не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя — и в то же время заявить, что при сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему «влечение, род недуга» [2],— так что Катков на первых порах ужаснулся и увидел в нем *апофеозу* «Современника» и вследствие этого уговорил меня выбросить немало смягчающих черт, в чем я раскаиваюсь [3]. Еще бы он не подавил собою «человека с душистыми усами» [4] и других! Это торжество демократизма над аристократией. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновным перед Базаровым и не мог придать ему ненужной сладости. Если его не полюбят, как он есть, со всем его безобразием — значит *я* виноват и не сумел сладить с избранным мною типом. Штука была бы не важная представить его — идеалом; а сделать его волком и все-таки оправдать его — это было трудно; и в этом я, вероятно, не успел; но я хочу только отклонить нарекание в раздражении против него. Мне, напротив, сдается, что противное раздражению

---

* Во 2-й книжке «Современника» исправник рассказывает, как один помещик сперва оплевал его, потом *обосцал*. Textuel [2].

чувство светится во всем, в его смерти и т. д. Но basta cosi; — увидевшись, поговорим более.

В мистицизм я не ударился и не ударюсь [5];— в отношении к богу я придерживаюсь мнения Фауста:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekennen:
Ich glaub' ihn!
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: Ich glaub' ihn nicht! [6]

Впрочем — это чувство во мне никогда не было тайной для тебя.

Если ты распек Каткова за его статью в «Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩», то я рукоплещу тебе и с наслаждением прочту статью твою в «Колоколе» [7].

Налбандов истинно отличный малый — и я его искренно полюбил. Он напоминает мне братьев Колбасиных.

Приложенный к твоему письму конверт с надписью г⟨рафин⟩е Сальяс вручится ей не через несколько дней в Москве — а завтра же в Париже,— ибо она здесь — приехала недавно и живет Avenue Marboeuf, 3 bis.

До свидания — что бы ты ни думал об моей неаккуратности — скорее земной шар лопнет, чем я уеду, не повидавшись с тобою [8]. Будь здоров.

Твой Ив. Тур.

1313. Н. В. ЩЕРБАНЮ

11(23) апреля 1862. Париж

Париж. 23(11) апреля 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Спасибо Вам, любезнейший Щербань, за Ваше большое и обстоятельное письмо. Оно пришло немножко поздно, зато постоит за себя. Соображая Ваши многочисленные занятия и раздражение глаз (я надеюсь, что от него теперь следа не осталось), это с Вашей стороны — просто подвиг, и я еще раз благодарю Вас [1].

Четыре экземпляра «Отцов и детей» я получил в исправности. Жду прибытия денег.

Вашу жену я изредка вижу; она живет одною мыслью о России и о переселении туда. Я думаю, и Вам хочется поскорее устроиться окончательным манером. Но предположение превратить «Русский вестник» в ежедневную газету и поэтому переселиться в Петербург меня удивляет [2].

Может быть, оно будет к лучшему, но весь характер издания должен измениться. Впрочем, мы об этом поговорим. Я Вас увижу до Вашего отъезда из Москвы, потому что я через три недели отсюда выезжаю. Хандрите Вы напрасно; этим никакому горю не пособить. Вспомните, что Вы малоросс и в качестве малоросса должны иметь в двадцать раз больше энергии, чем наш брат, великороссийский мешок.

Г-жа Иннис благодарит Вас за марки, и обе мои дамы — за память [3]. Подробности, сообщенные Вами о моем романе, меня очень интересовали [4]. В Петербурге, кажется, на него готовится сильная гроза. Бог милостив, авось не убьет!

Поклонитесь, пожалуйста, от меня Каткову, Леонтьеву и прочим хорошим московским знакомым. Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Иван Тургенев.

1314. Н. В. ХАНЫКОВУ

8—12(20—24) апреля 1862. Париж

Любезнейший друг,

С истинной усладой поехал бы я с Вами, но я обещал детям г-жи Виардо вести их сегодня утром в Théâtre Séraphin [1] — а потому делать нечего! Но нельзя ли хоть вместе пообедать? Я к Вам заверну около 6 часов.

До свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Молодой человек *очень* понравился.

1315. В. П. БОТКИНУ

12(24) апреля 1862. Париж

Париж.
$\frac{24\text{-го}}{12}$ апр. 62.

Rue de Rivoli, 210.

Любезный друг Василий Петрович — Ночной фортепьянист [1] отправил к тебе чемодан по vitesse accélérée — как ты писал, и это, вероятно, значит: grande vitesse — так что ты его скоро получишь — если уже не получил. «Отцов и детей» — я послал к тебе с неделю тому назад. Ты пишешь [2], что ты собираешься выехать из Рима в пос-

ледних числах апреля — т. е. скоро. Я не теряю надежды выехать вместе с моими дамами отсюда от 10-го до 15-го мая, хотя вот что происходит в эту минуту (это между нами). Появился жених, отысканный Ханыковым — и, как кажется, произвел на мою дочь выгодное впечатление. До сих пор — ты помнишь — все эти господа возбуждали в ней отвращение. Это во всяком случае не помешает нашей поездке: напротив — я не желаю выдать мою дочь на французский манер, т. е. очертя голову — и подвергнуть молодых людей испытанию кратковременной разлуки даже очень полезно; но, повторяю, наш отъезд может от этого замедлиться несколькими днями — pour donner le temps à la position de se dessiner; впрочем, ты обо всем будешь извещен заблаговременно [3].

Ты слушаешь в Риме папскую капеллу и Листа — а у нас здесь теперь Шуманн в ходу, благодаря прибытию его жены [4], которая дает концерты. Признаюсь, мне его музыка не совсем по вкусу. Иногда — прелестно, фантазии много, таинственные перспективы — но формы нет, нет рисунка — и нашему брату старику это à la longue невыносимо. Действительно, это музыка будущего: у ней настоящего нет, всё только Ahnungen, Sehnen и т. д.

До свидания, любезный друг, будь здоров; наши дамы тебе кланяются.

Преданный тебе И. Т.

1316. Е. Я. КОЛБАСИНУ

12(24) апреля 1862. Париж

Париж.

$\frac{24\text{-го}}{12}$ апр. 62.

Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Колбасин, очень мне было приятно услыхать от Вас весточку. Назначение Вашего брата [1] я уже знал и искренно за него порадовался: дай бог ему только здоровья,— а остальное всё пойдет как по маслу.

Итак, Вы едете за границу — и даже в Италию. Неожиданно! Вероятно, Вы едете не одни. Вы не пишете мне, долго ли будет продолжаться Ваше путешествие. Полагаю, что Вы Вашей службы не оставили и к зиме вернетесь в Россию. Если Вы выезжаете не раньше половины мая — то я Вас застану еще в Петербурге: я отсюда выезжаю около 15-го по новому стилю — т. е. по нашему около 3-го [2],

Вы успеете еще написать мне сюда; я бы очень желал увидать Вас — хотя бы на несколько часов — как, помните, в Берлине, когда Вы, вооружась магическим словом: «буцефал», ехали обозревать Германию. Как подумаешь, что с тех пор 4 года прошло — чуть ли не 5! [3] Время приняло слабительное — и неудержимо стремится — не хочу сказать куда.

Я провел зиму как-то вяло и мало работал; кое-что начал, кое-что задумал,— но всё это не важно. Здоровье было порядочно; только с некоторых пор сердце у меня не совсем исправно. Вы мне не пишете ничего о моей последней вещи [4]: я знаю, что она Вам не нравилась,— но мне было невозможно не напечатать ее: да и сообразив всё, я не раскаиваюсь, хотя предвижу всяческие громы. Сколько я мог узнать, она читается,— а это главное. Две-три мысли, в ней находящиеся, вызовут много других, а с моим именем можно поступать как угодно: недаром же я дожил до 43 лет; эта суета меня мало трогает.

Поклонитесь от меня всем друзьям, начиная с Тютчевых.

Жму Вам руку и остаюсь любящий Вас И. Т.

1317. Е. С. КОЧУБЕЙ

13(25) апреля 1862. Париж

Париж.
13/25-го апр. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейшая Елена Сергеевна,

становлюсь на одно колено, прошу пожаловать мне Вашу правую ручку и целую ее трижды в благодарность за труды, подъятые ею при писании милейшего письма, полученного мною вчера [1]. Вот письмо — так письмо! Оно так наглядно мне представило всё, что происходит у нас теперь в России! Молодец и умница Ваш муж — и я очень хорошо понимаю, как Вам должно было быть и весело и жутко, глядя на него [2].— Дай бог, чтобы всё это пошло своим правильным ходом — и через несколько лет никто не узнает России.— У меня тоже в двух деревнях подписали грамоты и идут на выкуп, и я не дождусь минуты, когда я возвращусь в наши степи. В Париже меня до сих пор удерживает моя дочка, которая остается до сих пор в девицах, несмотря на некоторые предложения. Впрочем, я не спешу — зная, какой это важный шаг.

Парижъ.

13/25-го Апр. 1862
rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшая Елена Сергѣевна,

становясь на одно колѣно, прошу позволить мнѣ Вашу правую ручку и цѣлую ее три раза въ благодарность за труды подъятые ею при писаніи милѣйшаго письма, полученнаго мною вчера. Вотъ письмо — такъ письмо! Оно такъ наглядно мнѣ представило все что происходитъ у насъ теперь въ Россіи! Понимаю и умиляюсь Вашимъ мужемъ и я очень хорошо понимаю, какъ Вамъ должно было быть и весело и жутко, глядя на него. — Дай Богъ этому дѣлу пойти своимъ правильнымъ ходомъ: — и черезъ нѣсколько лѣтъ, никто не узнаетъ Россіи. — У меня тоже въ двухъ деревняхъ подписаны грамоты и идутъ на выкупъ. — И я не дождусь минуты, когда я вернусь въ наши степи. Изъ Парижа

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА К Е. С. КОЧУБЕЙ
ОТ 13(25) АПРЕЛЯ 1862 г.
Первая страница.

Предложение Ваше насчет проживания моей дочери у Вас в имении так радушно и мило, что мне опять приходится у Вас целовать руку (vous direz que je m'accroche à tous les prétextes pour le faire — et vous aurez raison), но, к сожалению, это невозможно — и она едет с M-e Innis в Италию до осени. Они обе очень Вас помнят и любят и кланяются Вам и благодарят Вас за память.

Я очень рад, что мой роман Вам понравился [3].— Что же касается до Феничек и до грозящей мне от них опасности — то Вы, как говорится, положили палец на рану— и моя единственная надежда состоит в том, что я скоро так состареюсь, что ни одна даже Феничка не захочет разделить свою судьбу с моею.— Эта последняя фраза — ужасный галлицизм — и тем забавнее, что относится к существу (покамест еще воображаемому) в козловых башмаках, в мятой красной или желтой косынке и ситцевом бескринолинном платье. Последние обстоятельства, а именно — отсутствие кринолина, мне (опять говоря на французский лад) улыбается.

Прилагаю Вам мою карточку — и благодарю Вас за старание поддержать честь моей физиономии в глазах хорошенькой барышни [4]. Должен сознаться, что у русских барышень именно глаза бывают иногда верх совершенства: тут и любопытство, и нежность, и веселость, и какая-то прелестная грусть, и немножко лени... словом, и не перескажешь всего, что там бывает! — Но я впал в какой-то эротический тон, мало приличный моим сединам.

Поклонитесь от меня самым дружеским поклоном Вашим родителям и Вашему мужу.— Если б Ваши Воронки не были так далеки от моего Спасского — или если бы у нас были сносные дороги — я бы приехал посмотреть, как это живут в Малороссии? — Но я во всяком случае напишу Вам, как только вернусь к себе в деревню — а это произойдет недели через три.

Прощайте, будьте здоровы и веселы; желаю Вам от души всего хорошего и остаюсь навсегда

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1318. М. Н. КАТКОВУ

14(26) апреля 1862. Париж

Париж.
$\frac{14\text{-го}}{26}$ апр. 1862.

Любезнейший Михаил Никифорович, спешу известить Вас, что я получил высланные мне 1500 р. сер.— и благодарю Вас. При проезде через Москву (а это произойдет в середине *нашего* мая) [1] — мы сведем наши счеты.

Мне приятно слышать, что Вы довольны успехом «О⟨тцов⟩ и д⟨етей⟩» — их будут бранить (и уже, кажется, бранили) [2], это несомненно; но главное мое желание было пустить в ход две, три мысли,— и в этом я, кажется, успел.

Надеюсь к осени — т. е. по возвращении из деревни— доставить Вам новый труд, хотя не столь обширный, но задуманный с любовью [3].

До свидания,— будьте здоровы. Кланяюсь всем Вашим и Щербаню; дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Спасибо за высылку денег П. В. Анненкову.

1319. К. К. СЛУЧЕВСКОМУ

14(26) апреля 1862. Париж

Париж.
$\frac{26\text{-го}}{14}$ апр. 1862.

Спешу отвечать на Ваше письмо, за которое я Вам очень благодарен [1], любезный С⟨лучевский⟩. Мнением молодежи нельзя не дорожить; во всяком случае я бы очень желал, чтобы не было недоразумений насчет моих намерений. Отвечаю по пунктам.

1) Первый упрек напоминает обвинение, деланное Гоголю и др., зачем не выводятся *хорошие* люди в числе других.— Базаров все-таки подавляет все остальные лица романа (Катков находил, что я в нем представил апофеозу «Современника») [2]. Приданные ему качества не случайны. Я хотел сделать из него лицо трагическое — тут было не до нежностей. Он честен, правдив и демократ до конца ногтей — а вы не находите в нем *хороших* сторон? «Stoff und Kraft» он рекомендует именно как *популярную*, т. е. пустую, книгу [3]; дуэль с П⟨авлом⟩ П⟨етровичем⟩ именно

введена для наглядного доказательства пустоты элегантно-дворянского рыцарства, выставленного почти преувеличенно комически; и как бы он отказался от нее; ведь П⟨авел⟩ П⟨етрович⟩ его побил бы. Базаров, по-моему, постоянно разбивает П⟨авла⟩ П⟨етровича⟩, а не наоборот; и если он называется нигилистом, то надо читать: революционером.

2) То, что сказано об Аркадии, о реабилитировании отцов и т. д., показывает только — виноват! — что меня не поняли. *Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса.* Вглядитесь в лица Н⟨икола⟩я П⟨етрович⟩а, П⟨авл⟩а П⟨етрович⟩а, Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно *хороших* представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? Взять чиновников, генералов, грабителей и т. д. было бы грубо, le pont aux ânes — и неверно. Все истинные *отрицатели*, которых я знал — без исключения (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнев и т. д.) происходили от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у *деятелей*, у отрицателей всякую тень *личного* негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни. Графиня Сальяс неправа, говоря, что лица, подобные Н⟨икола⟩ю П⟨етрович⟩у и П⟨авл⟩у П⟨етрович⟩у,— наши деды [4]: Н⟨иколай⟩ П⟨етрович⟩ — это я, Огарев и тысячи других; П⟨авел⟩ П⟨етрович⟩ — Столыпин, Есаков, Россет, тоже наши современники. Они лучшие из дворян — и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать их несостоятельность. Представить с одной стороны взяточников, а с другой — идеального юношу — эту картинку пускай рисуют другие.... Я хотел бóльшего. Базаров в одном месте у меня говорил (я это выкинул для цензуры) — Аркадию, тому самому Аркадию, в котором Ваши гейдельбергские товарищи видят *более удачный тип*: «Твой отец честный малый; но будь он расперевзяточник — ты всё-таки дальше благородного смирения или кипения не дошел бы, потому что ты дворянчик» [5].

3) Господи! Кукшина, эта карикатура, по-Вашему — *удачнее* всех! На это и отвечать нельзя. Одинцова так же мало *влюбляется* в Аркадия, как в *Базарова*, как Вы это не видите! — это та же представительница наших праздных, мечтающих, любопытных и холодных барынь-эпикуреек, наших дворянок. Графиня Сальяс *это* лицо поняла совершенно ясно. Ей бы хотелось сперва погладить

по шерсти волка (Базарова), лишь бы он не кусался — потом мальчика по его кудрям — и продолжать лежать, вымытой, на бархате.

4) Смерть Базарова (которую г⟨рафин⟩я Сальяс называет *геройскою* и потому критикует) должна была, помоему, наложить последнюю черту на его трагическую фигуру. А Ваши молодые люди и ее находят случайной! Оканчиваю следующим замечанием: если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью — если он его не полюбит, повторяю я — я виноват и не достиг своей цели. Но «рассыропиться», говоря его словами [6] — я не хотел, хотя через это я бы, вероятно, тотчас имел молодых людей на моей стороне. Я не хотел накупаться на популярность такого рода уступками. Лучше проиграть сражение (и кажется, я его проиграл) — чем выиграть его уловкой. Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и всётаки обреченная на погибель — потому, что она всё-таки стоит еще в преддверии будущего,— мне мечтался какой-то странный pendant Пугачевым и т. д.— а мои молодые современники говорят мне, качая головами: «ты, братец, опростоволосился и даже нас обидел: вот Аркадий у тебя почище вышел — напрасно ты над ним еще не потрудился» Мне остается сделать, как в цыганской песне: «снять шапку да пониже поклониться». До сих пор Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения, только два человека — Достоевский и Боткин [7]. Я постараюсь выслать Вам экземпляр моей повести. А теперь basta об этом.

Ваши стихи, к сожалению, отвергнуты «Русским вестником». Это несправедливо; Ваши стихи, во всяком случае, в десять раз лучше стихов гг. Щербины и др., помещаемых в «Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩». Если Вы позволите, я возьму их и помещу во «Времени» [8]. Напишите мне об этом два слова. Насчет Вашего имени не беспокойтесь — оно не будет напечатано.

От Н⟨атальи⟩ Н⟨иколаевны⟩ я еще письма не получал, но имею о ней вести через Анненкова, с которым она познакомилась. Через Гейдельберг я не поеду — а я бы посмотрел на тамошних молодых русских. Поклонитесь им от меня, хотя они меня почитают отсталым... Скажите им, что я прошу их подождать еще немного, прежде чем они произнесут окончательный приговор.— Письмо это Вы можете сообщить кому вздумается.

Жму Вам крепко руку и желаю всего хорошего. Работайте, работайте — и не спешите подводить итоги.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1320. С. П. ШЕВЫРЕВУ

19 апреля (1 мая) 1862. Париж

Monsieur,

Permettez-moi de vous recommander un ami à moi, Monsieur de Tournefort, qui a passé quelques années en Russie dans la carrière de l'enseignement. Il ne l'a quittée que parce que sa santé ne pouvait s'accommoder au climat de St-Pétersbourg, mais il y a laissé les souvenirs les plus honorables et en a gardé lui-même une très bonne impression. Il serait enchanté d'entrer dans une famille russe en qualité d'instituteur ou de gouverneur — et je serais très heureux de lui en procurer l'occasion, d'autant plus que je croirais rendre par là un véritable service à la famille qui l'accepterait [1]. C'est un littérateur distingué,[a] son caractère et ses convictions le rendent on ne peut plus propre à la pédagogie. J'espère, Monsieur, qu'avec votre bienveillance habituelle, vous voudrez bien me venir en aide et que, si vous connaissez une famille russe à la recherche d'un instituteur, vous lui recommanderez Mr de Tournefort, ce que vous pouvez faire en toute sûreté de conscience [2]. Je vous en serai particulièrement obligé, et vous prie en même temps d'agréer l'expression de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

Paris, ce 1-er mai 1862.

1321. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

22 апреля (4 мая) 1862. Париж

Париж.
Воскресение 4-го мая н. с. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Федор Михайлович, дела — вовсе не интересные, но довольно важные, задержали меня в Париже дольше, чем я предполагал; но я без всякого отлагательства выезжаю отсюда через две недели — и около 12-го мая нашего стиля буду в Петербурге. Очень бы мне

---

[a] *Далее зачеркнуто:* et

хотелось застать Вас еще там и обо многом потолковать [1]. Повесть моя для «Времени», к сожалению, все еще не окончена [2] — но может быть окончена в один день или в два — и я надеюсь сделать это в деревне. Доходящие до меня слухи об «Отцах и детях» — только подтверждают мои ожидания: кроме Вас и Боткина [3], кажется, никто не потрудился понять, что я хотел сделать. Гр. Сальяс, между прочим, упрекает меня [4], зачем я не вывел взяточников, генералов и т. д. — чтобы объяснить Базаровых; как будто отрицательное направление есть явление частное — личное (все известные мне отрицатели происходят, как нарочно, из очень хороших семейств) — и как будто, желая показать упадок дворянства, я не должен был взять именно *лучших* его представителей вроде братьев Кирсановых и т. д. Я уже не говорю об упреках другого рода [5] и часто противуположных, делаемых Базарову — никто, кажется, не подозревает, что я попытался в нем представить трагическое лицо — а все толкуют: — зачем он так дурен? или — зачем он так хорош? Но об этом толковать нечего: если вещь удалась, она выдержит все эти нападки и выяснится наконец, а не удалась — провалится, как нечто недосказанное и непонятное — туда ей и дорога!

Меня М. А. Маркович просила узнать: не желаете ли Вы поместить во «Времени» ее повесть [6]. У ней есть одна, готовая, которую я читал и которая носит на себе особый отпечаток ее таланта, со всеми его качествами и недостатками. Называется она: «Пустяки» — и составит около 3 печатных листов. Вещь хорошая и, я думаю, нелишняя в Вашем журнале. Ей дали в «Русском слове» 250 р. сер. за лист — и она желает подобной же суммы. Отвечайте мне, пожалуйста, немедленно, т. е. хотите ли, чтобы Вам ее выслали на прочтение? — а увидавшись со мною в Петербурге, Вы мне скажете Ваше окончательное решение.

Будьте здоровы — дружески жму Вам руку и

остаюсь преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Очень жаль, что здесь «Время» не получается. Другие журналы приходят же аккуратно.

1322. А. А. КРАЕВСКОМУ

22 апреля (4 мая) 1862. Париж

Париж.
4-го мая н. с. 1862.

Любезнейший Краевский, Вы, вероятно, удивитесь, получивши от меня такое толстое письмо; но вот в чем дело. Некто г. Морен (Morin) — желает иметь парижскую корреспонденцию в русском журнале и для пробы прислал мне прилагаемые листы. Он, как говорится здесь, très bien informé — и, я полагаю, может быть полезен. Будьте так добры, прочтите и дайте мне ответ: нужен ли он Вам или нет — и сколько Вы даете за корреспонденцию.— Я бы очень был Вам обязан, если б Вы не замедлили ответом [1], потому что я выезжаю отсюда через 2 недели — это самый поздний срок.

Проезжая через Петербург, я, разумеется, увижусь с Вами.— Передайте мой дружеский поклон Дудышкину. Жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Rue de Rivoli, 210.

1323. А. А. ФЕТУ

23, 25 апреля (5, 7 мая) 1862. Париж

$\frac{\text{5-го мая}}{\text{23-го апр.}}$ 1862.
Париж.

Любезнейший Фет, пишу Вам сии немногие строки для того, чтобы известить Вас, с возможной точностью, о времени моего возвращения в Спасское. Сегодня 5-го мая по новому стилю — а по-старому, по-нашему — 23-е апр⟨еля⟩—Егорьев день, когда в первый раз выгоняют стадо в поле (а здесь уже хлеба́ в аршин вышины). Я из Парижа (где меня задержали всякого рода дела) выезжаю в Лондон — ровно через неделю, т. е. 12-го мая/30-го апр.[1] В Лондоне остаюсь три дня — возвращаюсь в Париж и выезжаю из Парижа в субботу 17-го/5 мая [2] — и, уже не останавливаясь, дую в Спасское — куда, если не сломаю шеи на дороге, прибуду около 15-го по нашему стилю — т. е. за месяц или даже больше до охоты [3]. Я из Петербур-

га дам тотчас знать дяде о моем приезде — и ужасно был бы рад встретить Вас, по-прошлогоднему, на ступеньках крыльца.

7-го мая утром.

Это письмо пролежало два дня у меня на столе — и се! полчаса тому назад в мою комнату входит загорелый, толстый, мужественный и красивый юноша: Василий Петрович Боткин. Он прямо прикатил из Рима — и мы вместе с ним лупим на родину — о чем он велит Вас известить — и в то же время кланяется всем и каждому, что я делаю таколсде — и говорю: до свидания!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1324. М. А. МАРКОВИЧ

27 апреля (9 мая) 1862. Париж

Мне лучше, и я еду в воскресение утром.— Я бы хотел с Вами проститься, и потому приходите завтра утром.— Письмо Кавелина я ему отправил;— что же касается до письма гр. Сальяс, то посылаю его Вам с комиссионером (что мне будет стоить 1 ф. 50 с.) — потому что я забыл адресс этой добродетельной дамы.— Прошу Вас[a] передать это письмо немедля.— До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Пятница утром.

1325. ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ ⟨«КОЛОКОЛА»⟩

5(17) мая 1862. Лондон

М. г.

Редактор «Правдивого» поместил в 3 № своего журнала несколько строк об издателе моих сочинений, г. Основском. Г-н Основский действительно не доплатил мне двух тысяч пятисот рублей серебром — но это еще не значит, чтоб он заслуживал жестокое название, ему данное, и я не могу не сожалеть о том, что почтенный редактор «Правдивого» нашел нужным доводить до сведения публики частный факт, для нее не интересный [1].— Примите и пр.

Ив. Тургенев.

Лондон, 17 мая 1862.

---

[a] *В подлиннике:* Вам

1326. П. В. АННЕНКОВУ

Около (не ранее) 7(19) мая 1862. Париж

...Хотел бы я Вам рассказать кое-что о моей лондонской поездке, но лучше отложить всё это до близкого свиданья. Одно скажу, что — ох, какая безжалостная мельница — жизнь! Так людей и превращает в муку — спросите Вы? Нет, просто в сор [1]. Но всё это иносказательно.— Я ни за какую работу пока не принимался — чувствую, что теперь в течение года могу писать только сказки. Я одну задумал, и даже начал [2]. Сказками я называю личные, как бы лирические, ⟨штуки⟩[а], вроде «Первой любви». Но всё это впереди...

1327. Н. Н. РАШЕТ

10(22) мая 1862. Париж

Париж.
10/22-го мая 1862.

Вы, вероятно, пеняете на меня, любезнейшая Наталья Николаевна, что я так долго не отвечал на Ваше милое письмо; но я ездил в Лондон на несколько дней и вообще был завален делами [1]. Все-таки это не извинение — и мне остается надеяться на Вашу снисходительность.— Пишу Вам в самый день отъезда моих дам в Италию — и накануне собственного моего отъезда в Петербург [2]. В Петербурге я пробуду несколько дней — не более 4-х или 5-и — и тотчас же отправлюсь в свою деревню. (Кстати — вот мой адресс: Орловской губернии, в город Мценск.) На зиму я вернусь в Париж и очень был бы рад, если бы мне действительно удалось — как Вы говорите — притянуть Вас в этот город. Мне кажется, мы будущую зиму проведем лучше и чаще будем видеться.

Благодарю Вас за доставленные сведенья: они оказались очень полезны. В одном только я могу Вас уверить, что Анненков ошибся: я нисколько не был «заранее убежден» в успехе своего последнего романа — и глядя на ожесточенные баталии, происходящие по его поводу, можно до сих пор недоумевать. Но это дело покончено и сдано в архив: толковать об этом нечего [3].

Я получил любезное письмо от гейдельбергского птенца [4]. Кажется, ему там порядочно живется.— Катков — увы! — отказался напечатать его стихи в «Вестнике».

[а] *В тексте публикации, по-видимому, ошибочно:* шутки

Это несправедливо — и я постараюсь поместить их во «Времени» [5].

Мои дамы очень Вам кланяются, и г-жа Иннис посылает Вам прилагаемую записку [6].— Я вижу, что Вы подписываетесь — Рашет — и поздравляю Вас [7].

Надеюсь, что Вы напишете мне два слова в деревню: я Вам немедленно отвечу.— Пока крепко жму Вам руку и желаю Вам всего хорошего на земле.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1328. К. К. СЛУЧЕВСКОМУ

11(23) мая 1862. Париж

Париж.
Пятница 23-го мая 1862.

Извините меня, любезнейший Случевский, что я не тотчас отвечал Вам: я ездил в Лондон, да так-таки подвернулось много дела. Сегодня мои дамы [1] едут во Флоренцию — а я послезавтра утром отправляюсь в Россию, где намерен пробыть месяца четыре [2]. (Кстати, прошу Вас писать мне — Орловской губернии, в город Мценск, И. С. Т.) Почерк у Вас очень усовершенствовался,— и это подает большие надежды на остальное.

Не помню, писал ли я Вам, что Катков не хочет помещать Ваши стихотворения в «Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩». Я их возьму у них и перешлю «Времени» [3]. Надо было, по-настоящему, с него начать.

Мне очень было приятно слышать, что молодые люди не окончательно меня осудили [4]; я могу сказать только то, что каков я был до сих пор, таков я и остался — и если меня любили прежде, то разлюбить — пока — еще не́ за что. Пройти мимо, пройти вперед — это, напротив, можно и должно — и я благословляю на это всех вас, молодых. Только смотрите хорошенько, вперед ли вы идете.

Желаю Вам здоровья, правильной деятельности и последовательности стремлений. Это главное. От Н⟨аталии⟩ Н⟨иколаевны⟩ я получил очень милое письмо из Вильны и ответил ей [5].

А теперь дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Когда Вы будете писать, выставляйте всегда наверху Ваш подробный адресс. Это отличная английская привычка. А то я вот $^{1}/_{4}$ часа прокопался за Вашим прежним письмо́м. Дамы наши Вам кланяются.

1329. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

13(25) мая 1862. Париж

Воскресение.

Любезнейший Григорович, извините меня, что я сам не могу зайти — дела пропасть — и пришлите, пожалуйста, с сим посланным мой зонтик. Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Островский и Горбунов приехали в Париж, хотят быть у меня сегодня [1].

1330. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ И МАРИИ ИННИС

13(25) мая 1862. Париж

Paris.
Dimanche.
Ce 25 mai 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Eh bien, mes chères voyageuses, comment avez-vous accompli votre voyage [1]? J'espère que tout est allé très bien et que cette lettre vous trouvera *snugly* établies à Florence. Vous savez que s'il y fait trop chaud, vous pouvez aller à Lucques sur le bord de la mer, où la température est d'une fraîcheur agréable. Je vous envoie ci-joint une lettre de Bixio [2] à Mr le marquis Ridolfi [3], dont vous pouvez vous servir à l'occasion. En même temps je vous envoie l'adresse de Mme Viardot, si quelquefois vous aviez besoin d'elle: à Bade (Baden-Baden), G⟨ran⟩d Duché de Bade, Villa Montebello [4]. Je ne suis pas parti samedi comme je l'avais espéré: je quitte Paris demain matin *sans faute* [5]. Je vous écrirai de Pétersbourg.

En attendant, je vous embrasse — c'est-à-dire j'embrasse Pauline et je serre la main à Mme Innis — et je vous dis au revoir.

J. Tourguéneff.

1331. М. А. МАРКОВИЧ

Весна, не позднее 20 мая (1 июня) 1862. Париж

Любезная Марья Александровна, рекомендую Вам самым убедительным образом подателя этого письма, чешского поэта Фрича, хорошего моего приятеля. Он

очень желает с Вами познакомиться — и я уверен, что он Вам понравится. Он большой друг М. А. Бакунина [1].

Жму Вам руку и до свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

Воскресение.

P. S. Надобно с ним говорить по-французски или по-малороссийски. Говорят, Ваш язык очень близок к чешскому.

1332. М. Л. НАЛБАНДЯНУ

21 мая (2 июня) 1862. Париж

Любезный Налбандов, я еду завтра, только не в 7 часов утра, а в 5 часов вечера, если Вы поедете утром, то знайте, что я в Петербурге остановлюсь в гостинице Клея, а в Берлине в Hôtel de S.-Pétersbourg, а приехавши — тотчас дайте мне знать.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Понедельник.

1333. Е. Е. ЛАМБЕРТ

23 мая (4 июня) 1862. Берлин

Берлин.
4-го июня н. с. / 23-го мая с. с. 1862.

Милая графиня,

Я выезжаю сегодня вечером отсюда, так что, вероятно, это письмо вместе со мною прибудет в Петербург.— Я пишу Вам только для того, чтобы Вас предуведомить и сказать Вам, что я получил Ваши два последние письма (со вложенным письмом Мейендорфа) [1] и не отвечал только потому, что каждый день собирался выехать.— Об этом и обо многом другом мы поговорим с Вами — а я, если бог даст, буду у Вас в субботу вечером.— Крепко жму Вам руку и остаюсь

любящий Вас
Ив. Тургенев.

1334. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ И МАРИИ ИННИС

23 мая (4 июня) 1862. Берлин

Berlin,
ce 4 juin 1862.
Mercredi.

Mes chères voyageuses, je vous écris d'ici [1] pendant que vous me supposez probablement depuis longtemps en Russie—c'est que j'ai attrappé la grippe au moment de quitter Paris, ce qui a fait que j'y suis resté une semaine de plus [2]. Maintenant je vais tout à fait bien et je quitte Berlin ce soir pour me rendre directement à St-Pétersbourg, où j'arriverai après-demain, s'il plaît à Dieu—et d'où je vous écrirai, avant de me remettre en route pour Spasskoïé [3]. J'ai eu de vos nouvelles par Madame Garcia [4] et je sais que vous allez bien. Je crains pour vous la chaleur—mais vous vous arrangerez.

J'espère trouver une lettre de vous à Spasskoïé. En attendant je vous dis mille amitiés — et toi, Paulinette, je t'embrasse.

Votre
J. Tourguéneff.

1335. Н. В. ЩЕРБАНЮ

28 мая (9 июня) 1862. Петербург

С.-Петербург.
28 мая 1862 г. Понедельник.
Гостиница Клея, № 21.

Любезнейший Николай Васильевич, я третьего дня вечером приехал сюда, после довольно долгого замедления, причиненного нездоровьем. Отсюда я выезжаю в середу или самое позднее в четверг — и, разумеется, в Москве увижу Вас и Каткова. Передайте ему, пожалуйста, что я был бы ему очень благодарен, если б он к тому времени приготовил деньги, которые приходятся по счету и в которых я несколько нуждаюсь [1].

Очень я сожалею о том, что в мартовской книжке «Русского вестника» не было помещено списка опечаток, находящихся в «Отцах и детях»,— несмотря на Ваше обещание — и даже, признаюсь, не понимаю хорошенько, отчего это не было сделано [2].

В Москве я останусь день или два, никак не более.

Итак, до свидания, жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1336. Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

30 или 31 мая (11 или 12 июня) 1862. Петербург

Я забыл вчера сообщить Вам следующее предложение. Одна моя знакомая написала прилагаемое при сем сочинение, назначенное для детей, мне кажется, что это очень дельная вещь. Будьте так добры, прочтите ее и скажите, согласны ли Вы были бы ее издать? Денег она больших не требует, и я в таком случае мог бы написать предисловие [1]. Если возможно, дайте мне знать Ваш ответ завтра (я уезжаю послезавтра в Москву) — в гостиницу Клея, № 21.

С совершенным уважением остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

1337. М. Л. НАЛБАНДЯНУ

27 мая — 1 июня (8—13 июня) 1862. Петербург

Сказать г-ну Налбандову на Васильевском острову, в Биржевом переулке, в доме Меняева, на квартире № 46— что г. Тургенев приехал и остановился в гостинице Клея, № 21. Он будет дома сегодня от 7 до 8 ч. вечера, а завтра от 11 до 12.

1338. Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

1(13) июня 1862. Петербург

Милостивый государь.

Полное имя г-жи Буткевич *Софья Михайловна*. Адресс ее: Montmorency près de Paris, rue Laboureur, 10.

С совершенным уважением остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

Пятница утром.

1339. Н. В. ХАНЫКОВУ

1(13) июня 1862. Петербург

Вот, милый Николай Владимирович, тот Достоевский, о котором я Вам говорил и которого Вы знаете, так же как и вся читающая Россия... («Мертвый дом», «Бедные люди» и т. д.). Нечего и говорить, что Вы его примете с

Вашим добрым радушием — а я Вам говорю спасибо и жму Вам крепко руку [1].

Ваш
Ив. Тургенев.

С. Петербург.
1-го июня 1862 г.

1340. М. Н. КАТКОВУ

4(16) июня 1862. Москва

Любезнейший Михаил Никифорович, пишу [a] Вам два слова для того только, чтобы попросить Вас сделать мне одолжение и выслать теперь же Марье Александровне Маркович 300 р. сер.[1] В случае если бы ни один из данных мною Вам рассказов не удовлетворил Вас или если М⟨арья⟩ А⟨лександровна⟩ найдет цену 150 р. за лист слишком низкою [2] и напишет Вам об этом — прошу Вас считать эти 300 р. сер. за мною — как будто Вы мне их дали вперед за будущую мою повесть [3].

Благодарю Вас заранее за исполнение моей просьбы — жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Понедельник утром.

1341. М. А. МАРКОВИЧ

4(16) июня 1862. Москва

Москва.
4-го июня 1862.

Любезнейшая Марья Александровна, я Вам не писал из Петербурга, потому что я хотел быть в состоянии поговорить с Катковым и дать Вам знать, что из этого выйдет.— Итак, вот результат: «Русское слово» (которое, кажется, весьма не сильно денежными средствами) взяло «Пройди свет», который напечатает в майской книжке, и деньги Вам обещалось тотчас выслать [1]; а Катков не без колебания и затруднения взял «Пустяки» и «Скрипку» — но о 200 р. сер. (не говоря уже о 250) и слышать не хочет и более 150 не дает. Я взял на себя согласиться — потому что в противном случае надо было бы остаться вовсе ни при чем; но если Вам эта цена покажется слишком незначительна, то напишите немедленно в редакцию «Русского вестника», не стесняясь тем, что деньги (300 р. сер.) будут Вам высланы вперед, тогда Катков будет считать их за

---

[a] *Далее зачеркнуто:* эти

мною,— а я за Вами. Это у нас уже так условлено [2]. Во всяком случае Вы получите 300 руб.— и увидите сами, что Вам делать.

О Петербурге, литераторах и т. д. не пишу — некогда. Напишу из деревни.— Мне из Петерб⟨урга⟩ до Москвы пришлось ехать с Некрасовым, и оба мы, как Ноздрев и его товарищи — ничего [3]. Говорили, смеялись,— но бездна так и осталась между нами,— и слава богу. Его, однако, смущает всеобщая вражда к «Современнику», усиленная в 1000 р⟨аз⟩ последними событиями [4].

Повторяю Вам еще раз на прощание: не приезжайте в Россию! Впрочем, жму Вам крепко руку и говорю: до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

NB. Я послал из Петербурга письмо г-же Буткевич, рукопись которой я с трудом продал г-ну Серно-Соловьевичу [5] — и этот смертный послал ей 150 р. сер.— по следующему адрессу: Montmorency, rue Laboureur, 10. Она ведь туда переехала. Узнайте *непременно*, получила ли она это всё — и *непременно* дайте мне знать, не откладывая ответа в долгий ящик.

1342. ПОЛИНЕ ВИАРДО

6(18) июня 1862. Спасское

Spasskoïé,
ce 6/18 juin 1862.

Chère et bonne Madame Viardot, je suis arrivé ici hier soir et ne sais comment vous remercier pour les deux lettres de vous [1] que j'ai trouvées sur mon bureau. Mon vieux nid m'en a paru tout illuminé. Merci encore une fois — je crois que vous auriez été contente vous-même de voir ma joie. Pourtant la moitié d'une de ces lettres contient un reproche, que j'ai mérité en effet: je veux parler de mon départ de Paris [2].— J'ai cru bien faire en ne vous disant pas que je restais un jour de plus avec mon gros compatriote [3]: je savais que je n'aurais [a] pu revenir que très tard dans la soirée pour repartir le lendemain à 6 heures. . . Enfin, j'en ai été puni — ce qui ne m'empêche pas de vous prier de ne pas me garder rancune de cet acte de *préméditation*. Je ne le ferai plus, je vous l'assure.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* pas

Theuerste Freundinn, je suis bien heureux de voir que le séjour de Bade vous plaît.— Je suis sûr que vous vous en trouverez bien de toute façon — vous et vos enfants. (Ci-joint une lettre en réponse à Didie [4].) Je n'ai pas besoin de vous dire que je ne resterai ici que tout juste le temps nécessaire — vous pouvez m'attendre, si Dios quiere, vers la fin du mois d'août [5]. J'ai trouvé tout mon monde bien portant — mon oncle est allé dans un de mes biens pour y prendre les arrangements nécessaires — je l'attends après-demain. Les affaires ne vont pas mal et la récolte promet d'être bonne. Ce n'est qu'à Pétersbourg que [б] la situation est grave. Il y règne une véritable panique, grâce aux folles proclamations [6] qu'on répand, aux incendies, évidemment causés par la malveillance — et qu'on rattache — à tort selon moi, à ces mêmes proclamations: il faut espérer que l'Empereur conservera assez de sang-froid pour ne pas se laisser aller aux conseils des gens qui poussent à la réaction.— Le peuple attribue ces incendies aux étudiants et aux propriétaires, je veux dire aux gentilshommes; tout cela est assez dangereux et l'Empereur est dans ce moment notre ancre de salut [7].

Mais assez de politique comme cela. Il fait très beau depuis quelques jours et le jardin de Spasskoïé est très vert. Cependant, je m'imagine que tout cela ne vaut pas Bade. Les rossignols ne chantent plus et la chasse n'a pas encore commencé.— Je sens que je ne suis ici que provisoirement, et cela m'empêchera de travailler, c'est-à-dire d'écrire. Mon dernier roman [8] fait beaucoup de bruit grâce à l'époque où il a paru. Le héros principal est un jeune homme d'opinions avancées [в] — j'ai essayé de représenter le conflit de deux générations et l'on se bat à outrance sur mon corps.— Les injures et, il faut le dire, les adhésions pleuvent; quelquefois je ne sais plus qui entendre. J'ai reçu des compliments qui m'ont fait mal, et d'autre part on m'a adressé des critiques qui m'ont fait plaisir [9]. Les jeunes gens sont généralement un peu irrités contre moi; ils sont comme les jolies femmes qui veulent qu'on les trouve charmantes des pieds à la tête. Mais tout cela s'arrangera. Vous lirez cette chose dans le courant de l'hiver et vous me direz votre jugement contre lequel, pour moi, du moins, il n'y a pas d'appel.

Votre photographie continue à faire mon bonheur; envoy-

[б] *Далее зачеркнуто:* j'ai
[в] *Далее зачеркнуто:* et

ez-moi, si c'est possible, celle de Didie. Je suis bien bête de ne l'avoir pas emportée — Didie ou la photographie ? Cette petite personne exerce sur moi un pouvoir... qui ne lui est pas resté ignoré.— Je n'ose pas lui dire que je lui baise les mains, mais je le fais. Quant à vous, c'est une autre affaire, je le fais et le dis. Soignez-vous, portez-vous bien et je vous revois tous, tant que vous êtes, engraissés et embellis. J'ai écrit à V⟨iardot⟩ de Moscou et je lui ai envoyé 200 francs [10]. Les a-t-il reçus ? Dites-lui mille choses et à tout le monde. Soyez bien, bien, bien heureuse et au revoir. Que le bon Dieu vous ait en garde, merci encore une fois.

Der Ihrige
J. T.

P. S. Je vous promets de vous écrire bien souvent — une fois par semaine, au moins. Avez-vous lu « Les Héros » de Carlyle [11], « Les Essais » de Macaulay [12], « Tom Jones » de Fielding [13]? Il y a un ouvrage de géologie avec dessins de Bernard Cotta [14] que je vous recommande beaucoup. Je vous donnerai d'autres indications dans la lettre suivante. Adieu. O wie gut, und lieb und theuer Sie mir sind!

1343. П. В. АННЕНКОВУ

8(20) июня 1862. Спасское

С. Спасское.
8-го июня 1862 года.

Вот и я попал наконец в свое старое гнездо, любезнейший Павел Васильевич,— и немедленно берусь за перо, чтобы благодарить Вас «за всё, за всё» [1] — и напомнить Вам о себе. Очень мне жалко, что я не застал Вас уже в Петербурге; я понимаю, что Вам нельзя было более мешкать — а меня, как нарочно, задержало нездоровие три лишние недели. Но я намерен с Вами часто переписываться — и надеюсь, что Вы на возвратном пути завернете ко мне в Спасское [2] — потому что едва ли поедете опять назад в Петербург через Вену, как мне сказали злые языки. Все мои приятели перебывали здесь (в эту минуту в соседней комнате сидит Боткин и беседует с Фетом) — а Вы, лучший из них, не удостоили заглянуть к нам. А примем мы Вас с Вашей супругой со всеми возможными почестями, триумфальной аркой, торжественной музыкой, пальбой из пищалей и т. д.

Приехал я в Петербург в самый Троицын день, накануне грозного пожара, истребившего Апраксин двор, Ми-

нистерство внутренних дел и т. д.[3] — и пробыл там четыре дня, видел и пожар, и народ вблизи, слышал толки... и можете себе представить, что перечувствовал и передумал. Эти безумия, эти злодеяния, весь этот хаос — что же тут можно выразить в письме! Остается желать, чтобы царь — единственный наш оплот в эту минуту — остался тверд и спокоен среди ярых волн, бьющих и справа, и слева. Страшно подумать, до чего может дойти реакция, и нельзя не сознаться, что она будет до некоторой степени оправдана. Государственная безопасность прежде всего.

Вместе с тем на меня хлынули старые вопросы, пересуды и т. д. по поводу «Отцов и детей». Это тоже своего рода хаос. От иных комплиментов я бы рад был провалиться сквозь землю, иная брань мне была приятна [4]. Статья Писарева в «Русском слове» мне показалась очень замечательная [5]. Эта повесть попала в настоящий момент нашей жизни, словно масло на огонь; точно нарочно ее подогнали, как говорится, в самый раз. Я во всяком случае не раскаиваюсь, хотя большая часть молодежи на меня негодует; я даже имею смелость думать, что я принес пользу [6] — хотя Самарин (Юрий) в письме своем к И. С. Аксакову [7], которого я видел в Москве, упрекает меня — в чем бы Вы думали? в гражданской трусости: ему бы хотелось, чтоб я Базарова смешал с грязью; — другие, напротив, ярятся на меня за то, что я будто оклеветал его — словом, хаос. Всё это выяснится со временем, и если моя репутация даже погибнет, само дело выиграет — а ведь это-то и есть главное; — прочее пустяки.

Вообразите себе — я совершил переезд из Петербурга в Москву с Некрасовым. Мы разговаривали очень любезно, но мало и безучастно; ему словно было совестно — но для меня он давно перестал существовать [8]. Маслов и Александр Станкевич ехали тоже с нами; — а сюда я прибыл с Боткиным, который очень одряхлел и превратился в няньку каждого своего члена; — но умен и тонок по-прежнему. Здесь мы нашли Фета и уже спорили до хрипоты; кстати, мне приятно было видеть, что он Вас полюбил...

1344. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ И МАРИИ ИННИС

8(20) июня 1862. Спасское

Spasskoïé.
Ce 8/20 juin 1862.

Me voici enfin arrivé ici, mes chères voyageuses — et mon contentement a été grand de trouver ici votre lettre de Florence. Je vois avec plaisir que votre voyage semble s'accomplir jusqu'à présent sous une heureuse étoile — et que vous vous trouvez bien dans cette famille italienne que je vous prie de saluer cordialement de ma part. Il faut espérer que tout continuera à bien marcher, que vous n'aurez pas trop chaud et qu'une fois réunis, nous n'aurons qu'à nous féliciter de la façon dont nous aurons passé ces 4 mois de séparation.

J'ai trouvé ici tout mon monde [1], à l'exception de mon oncle, qui est allé faire une excursion dans un de mes biens [2] et que nous attendons aujourd'hui ou demain. Je ne suis pas arrivé seul. Botkine m'a accompagné. Il est très sensible à votre souvenir et vous fait dire mille choses. Sa santé s'est beaucoup améliorée. Je suis content de la mienne. Je n'ai pas encore eu le temps de bien examiner l'état de mes affaires — j'attends pour cela mon oncle — mais j'en ai assez vu pour me convaincre qu'il nous faut beaucoup — mais beaucoup — d'économie — much economy — molto (ou ta ?) economia. Avis à *une* des lectrices.

La moitié italienne de ta lettre, ma chère Paulinette, m'a fait beaucoup de plaisir — je ne veux pas dire par là que je n'ai pas été content de la partie anglaise — je veux dire que je suis très enchanté de tes progrès. Je ne serais pas en état d'en faire seulement la moitié. Continue dans cette voie — et ce sera superbe. Vous avez très bien fait aussi de ne pas perdre de temps à prendre un piano. Je le répète, je vois avec plaisir que la vie à Florence s'annonce si bien. Tâchez d'en tirer le plus de profit possible. Malgré le tableau un peu sombre que vous en tracez, chère Madame Innis, tableau que je ne trouve pas exagéré, mais qui est la conséquence nécessaire de tout changement aussi radical, je suis sûr que rien ne viendra troubler votre repos [3].

Adieu; sachez que vos lettres me feront toujours le plus grand plaisir et que j'y répondrai ponctuellement. J'embrasse ma chère fille bien tendrement, et je serre bien fort la main de Mme Innis. Portez-vous bien.

J. Tourguéneff.

P. S.— Je vous préviens qu'il ne faut jamais s'inquiéter pour les lettres — ou plutôt pour le retard des lettres — la poste est très mal organisée dans ce pays. Votre lettre a mis *20* jours pour m'arriver !

1345. Е. Е. ЛАМБЕРТ

9(21) июня 1862. Спасское

С. Спасское.
9-го июня 1862.

Милая графиня, не удалось мне проститься с Вами, как бы хотелось — в последний день; как нарочно, накопилось множество непредвиденных дел — потом я должен был уехать, и вот уже пятый день, как я опять в моем старом домике, перед моим старым столом, на старом моем кресле (и сам я на нем сижу старый,— мог бы я прибавить) — но я застал здесь гостей [1], и только сегодня они оставили Спасское, а я остался один. Первые впечатления были оттого смешанны — и теперь я не чувствую даже той тихой грусти, которая обыкновенно овладевала мною при возвращении в мое знакомое и все-таки пустое гнездо — а просто во мне водворилась какая-то равнодушная унылость. Но и это пройдет — и дни побегут, спокойно пощелкивая, как костяшки на счетах. E sempre bene.

Мне бы очень хотелось, чтобы мое письмо застало Вас еще в Петербурге, хотя я легко могу вообразить, как тяжела должна быть теперь там жизнь — но я бы не желал отпустить Вас за границу без напутственного привета — и притом я надеюсь, что Вы напишете мне два слова сюда.— Признаюсь, мысли мои постоянно заняты Петербургом; из газет узнаешь очень немного — да они же приходят поздно... Что делается там теперь? Нашлись ли поджигатели — и с кем и с чем они находятся в связи [2]? Я бы очень Вам был благодарен за самые краткие сведения; но Вам, вероятно, не до того.— Здесь я еще не успел оглянуться, но, сколько я могу судить, дела вообще не в дурном положении — а, напротив, всё как будто собирается прийти в порядок. Тихо и смирно везде [3].

Погода стоит хорошая — но со внезапными грозами и бурями. Таких бурь, как в южной России, я нигде не видывал: точно вдруг лихорадка сделается в воздухе. За работу я пока не принимался — и если напишу что-нибудь — то это будет вроде сказки [4]: приниматься за вещь вроде «Отцов и детей» — нет во мне никакой охоты. Господи! что я вынес толков и споров! Это лестно — но

под конец утомительно — и, главное, бесплодно. Теперь я в таком расположении, о котором говорится: день мой — век мой.

Пожалуйста, милая графиня, лечитесь за границей терпеливо и не спеша — хоть для Ваших друзей, если не для самих себя. Я Вас в Петербурге нашел в лучшем состоянии, чем ожидал; как бы мне хотелось увидеть Вас зимой почти здоровою! Пожалуйста — смиритесь до тщательного и мелочного лечения.

Вы знаете, что ко мне пишут: Орловской губернии, в город Мценск.

Поклонитесь от меня Вашему мужу и примите от меня самое дружеское и искреннее рукожатие. Я чувствую, что я более и более привязываюсь ко всему, что я полюбил в жизни — а ведь Вы у меня на первом плане.

Ваш
Ив. Тургенев.

1346. Н. Н. РАШЕТ

10(22) июня 1862(?). Спасское

С. Спасское.
9-го [а] июня 1862 г.
Воскресение.

Милая Наталья Николаевна, после нашего мгновенного свидания на железной дороге [1] — я провел пять дней в Петербурге — был свидетелем трех зловещих пожаров [2], наслышался всяких толков, набрался всяких впечатлений, большей частью печальных, провел около двух дней в Москве и вот теперь нахожусь в деревне и берусь за перо, чтобы сказать Вам два слова.— Ваш племянник [3], вероятно, уже дал Вам знать, что Ваше желание исполнено: я подписал Ваше завещание — и надеюсь, что оно пригодится лет через пятьдесят, когда от меня и праха не останется. Но отвратимся от черных мыслей.

Надеюсь, что письмо мое застанет Вас веселой и здоровой; в конце июня поезжайте в Гейдельберг, утешьте бедного птенца [4] (кстати, в начале сентября по новому стилю я буду в Бадене) — а потом приезжайте на зиму в Париж. Мы там будем видеться чаще прошлогоднего.

Кстати, перед самым моим отъездом из Парижа Левицкий вручил мне 30 Ваших и Маниных карточек, а я — глупый человек! — позабыл вручить их Вашему

[а] *Так в подлиннике.*

племяннику. Посылаю их на всякий случай к Вам в Виленскую губернию.

Мой адресс: Орловской губернии, в город Мценск.

Я не могу забыть, как Вы мне обрадовались на станции; — это меня несколько удивляет — и очень трогает. Вы очень милое и хорошее существо — и я не могу сам не радоваться тому, что Вы питаете ко мне такое доброе чувство.

До свидания, милая Н⟨аталья⟩ Н⟨иколаевна⟩ — крепко жму — нет, лучше тихонько целую Ваши руки и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1347. ПОЛИНЕ ВИАРДО

13(25) июня 1862. Спасское

Spasskoïé,
ce 13/25 juin 1862.

Je *tiens à tenir* ma promesse [1], chère Madame Viardot, une semaine s'est écoulée depuis ma dernière lettre [2] et je vous écris, quoique vous pouvez facilement imaginer que les événements ne se succèdent pas ici avec la rapidité d'un tourbillon. Voyons pourtant — et procédons par ordre :

1) Mon oncle n'est pas de retour encore et je n'ai pas pu causer affaires.— « Causer affaires » veut dire en général « demander de l'argent » et il m'en faut dans cinq semaines d'ici, si je veux me promener avec Didie aux environs du Vieux Château vers le 20 du mois d'août [3].

2) Mes visiteurs sont partis [4] — et je n'en suis pas fâché : il faut que je m'ennuie pour que je travaille et il faut que je travaille pour ne pas m'ennuyer.— Pierre Leroux dirait que c'est un *circulus* [5].

3) Il fait depuis quelques jours un vent épouvantable — et [a] toutes les fois que je lève les yeux vers la fenêtre — je vois des longues branches de bouleaux qui s'agitent et se tordent avec désespoir ; cela ressemble à des cheveux de Dryades, emportés par le *souffle des aquilons* [6]; c'est mythologique — mais triste.

4) La nuit dernière, le chien de garde, jeune et vigoureuse bête, a été trouvé mort. Grande et grave question ! Est-il mort de mort naturelle — ou bien a-t-il été tué par un voleur, qui s'est rendu par là plus facile l'accès de nos trésors ?

---

[a] *Далее зачеркнуто:* je

Si nous sommes volés l'un de ces jours—cette question aura été résolue de façon affirmative; si non—une autre question surgit : un chien peut-il mourir subitement ? J'ai envie de la soumettre à l'Académie de Médecine de Paris—en promettant une récompense de 5 francs à l'auteur de la solution la plus scientifique. La sœur de la femme de mon oncle [7] a beaucoup pleuré à cette occasion. C'est une excellente personne — et c'est hélas! une vieille fille dont la tendresse refoulée et amoncelée (attendez! je veux faire pâlir V. Hugo d'envie [8]) — dont la tendresse amoncelée suinte à travers les fissures du cœur, dès que la plus fine pointe de chagrin vient en titiller les glabres parois. Que signifie « glabre »? Je n'en sais rien, mais le mot fait bien dans la phrase et j'espère qu'il n'est pas indécent. Dans tous les cas, cela doit être un « poisson de mer ». Rappelez-vous le jeu des mots trouvés dans un mot et cherchez dans le dictionnaire.

5) Une vieille paysanne est venue demander quelque remède pour sa fille dont la jambe est restée tordue après une violente attaque de haut mal, qu'elle a eue au *mois de mars*. Elle n'a pas pensé à venir plus tôt—*mais* elle lui a fait prendre de l'eau bénite. Il y aura de l'eau bénite dix mille ans après Voltaire! Mais notre planète vivra-t-elle dix mille ans encore ? Ecrira-t-on: l'année 11 862? Cela paraît extraordinaire—mais ce qui me console, c'est que même en 11 862 on mangera avec la bouche, on flairera avec le nez — et personne n'aura [6] inventé rien de mieux que d'être jeune, d'aimer et de le dire.

Me voilà, je crois, au bout de mon rouleau. Décidément— il n'y a pas eu d'autres événements... Il est vrai qu'hier, en apercevant une grosse araignée qui avait *pris* une guêpe dans ses filets et s'apprêtait à la manger—j'ai été, moi, *pris* de dégoût et j'ai écrasé les deux vilaines bêtes... Mais est-ce bien un événement? Et si c'est un événement, avais-je bien le droit de me révolter contre les lois immuables de la nature et d'intervenir d'une façon aussi péremptoire, comme si j'avais eu affaire à des Mexicains [9]? Autre grave question! (Je n'en sors pas aujourd'hui.) Mais, dirait un Allemand, mon sentiment esthétique avait été lésé ! — (Il est vrai de dire que les contorsions de la guêpe et le tripotage des pattes de l'araignée—présentaient un hideux spectacle.) Oui, répondrait un Anglais, c'est possible—mais de quel droit, «with what right»—avez-vous supprimé ces deux existences — ou plutôt l'une de ces existences, car

[6] *Далее зачеркнуто:* n'inventera

l'autre était diablement compromise ? Du droit du plus fort, s'écrierait un Français, qui doit en savoir quelque chose, lui qui donne tout pour un gouvernement fort [10].— Il faudrait consulter là-dessus Garibaldi, ferait observer un Italien. Et moi, qui suis Russe, et qui désire sortir de cet imbroglio, je crie: Vive Garibaldi!—et tout est dit [11]. Non, tout n'est pas dit—car mon cœur s'est mis en branle et j'ajoute: Vivent les chers habitants de la villa Montebello [12]!

J'espère vous écrire une lettre plus sensée la semaine prochaine ; mais ou je me trompe fort ou vous devez lire entre les lignes même de cette lettre combien mon cœur est plein de vous, et combien toutes mes pensées sont avec vous. Je vous embrasse tous (Didie spécialement) et je vous serre bien tendrement les deux mains.— Mlle Julienne [13] est avec vous, j'espère! Viele Grüsse.

Der Ihrige

J. T.

P. S. La photographie de Didie, s'il vous plaît ! Quant à la vôtre, je vous regarde au moins 50 fois par jour.[в]

1348. Н. Х. КЕТЧЕРУ

13(25) июня 1862. Спасское

С. Спасское.
13-го июня 1862.

Любезнейший Кетчер, обращаюсь к тебе с следующей просьбой: хочешь ты взяться напечатать в вашей типографии [1] «Отцы и дети» — и сказать мне, что это будет приблизительно стоить? Оказывается, что деревня в нынешнем году даст доход весьма посредственный, и надобно промышлять другими способами. Я бы выслал тебе тщательно исправленный экземпляр «О‹тцов› и д‹етей›» — и столько денег вперед, сколько ты мне напишешь. Надо будет бумагу поставить хорошую и шрифт чтобы не был мелок. Хорошо бы также было, чтобы издание было готово к концу июля — потому что я в самом начале августа поеду через Москву и можно будет продать тогда же весь завод Базунову или другому книгопродавцу. Я полагаю, что эдак будет выгоднее, чем продать право издания теперь же. Но ты это лучше моего рассудишь — также насчет числа экземпляров — я полагаюсь на тебя. Кажется,

[в] *В подлиннике эта фраза зачеркнута,— по-видимому, П. Виардо.*

предисловия никакого не нужно — только бы мне хотелось посвятить эту вещь памяти Белинского — и, может быть, прибавить несколько строк от себя [2]. Сделай одолжение, отвечай мне несколько слов, не медля — а я тебе большое спасибо скажу.

Жму тебе руку, кланяюсь твоей жене и всем добрым знакомым.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс: Орловской губернии, в город Мценск.

1349. Н. Х. КЕТЧЕРУ

18(30) июня 1862. Спасское

С. Спасское.
18-го июня 1862.

Милый Николай Христофорович, посылаю тебе на всякий случай, не дожидаясь твоего ответа, исправленный экземпляр «О⟨тцов⟩ и д⟨етей⟩» [1] с прибавленным посвящением и двумя-тремя вступительными строками [2]. Я спешу потому — что, в случае твоего согласия, у тебя будет больше времени до конца июля. Я непременно буду 1-го или 2-го авг⟨уста⟩ в Москве. Если же ты почему-либо полагаешь печатание «О⟨тцов⟩ и д⟨етей⟩» несвоевременным или сам не желаешь взять на себя эту обузу, то оставь этот экземпляр у себя до моего приезда — и только уведомь меня. Опечаток, как ты увидишь, пропасть — а на стр. 554, 633, 643 и 658 я сделал небольшие прибавления или, лучше сказать, восстановил выкинутое [3]. Извини меня за все эти хлопоты. Нужные деньги я могу выслать тебе немедленно.

Засим крепко жму тебе руку и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. Если тебе мое небольшое предисловие покажется лишним, ты можешь его выкинуть.

1350. Н. Я. МАКАРОВУ

22 июня (4 июля) 1862. Спасское

с. Спасское.
22-го июня 1862-го г.
Пятница.

Боюсь я очень, дорогой Николай Яковлевич, что это письмо не застанет Вас уже в Петербурге [1]; — однако на всякий случай пишу. Черкните мне два слова о том (Орловской губ. в город Мценск) — чем кончилось дело с княгиней Куракиной [2]? Вероятно, ничем.— В таком случае, пришлите мне расписку г-на Милле. Да скажите мне кстати, что у вас поделывается в Петербурге.— До нас доходят самые несообразные и неправдоподобные слухи.— Из газет многого не вычитаешь [3].— Очень бы нас обязали.

Здесь у нас все тихо; крестьянское дело подвигается ровным шагом вперед, назло всем предсказаниям; урожай, кажется, будет очень хороший [а], благодаря холодной и дождливой погоде, на которую наш брат, праздношатающийся, ропщет.— На днях собираюсь на охоту.

Жму Вам крепко руку, желаю Вам счастливого путешествия и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1351. И. И. МАСЛОВУ

22 июня (4 июля) 1862. Спасское

С. Спасское.
22-го июня 1862.
Пятница.

Милый друг Иван Ильич! Я знаю, ты на писанье ленив; — но будь так добр, уведомь меня *двумя* словами, не более: послал ли ты г-же Бакуниной 300 р. сер.— и получил ли ты от нее ответ [1]? Послал ли ты 200 франков Виардо? Ни она, ни он мне ни слова не пишут.

Я, слава богу, здоров — собираюсь на днях ехать на охоту с Фетом. Дела здесь идут недурно — уставные грамоты и выкупные грамоты составляются помаленьку— и есть надежда на отличный урожай. Дурные известия

[а] *Далее в подлиннике, по-видимому, ошибочно:* урожай.

приходят к нам больше извне [2]. Пожалуйста, не поленись написать мне *два* слова, никак не более.

А я крепко жму тебе руку и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

Адресс: Орловской губ., в гор. Мценск.

1352. А. А. ФЕТУ

22 июня (4 июля) 1862. Спасское

Милый А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩ — Вы наверное пеняли на меня (и, вероятно, даже ругали) за то, что я не ехал к Вам — но я *каждый день* поджидал дядю [1] — а он приехал *только вчера вечером*, с тем, чтобы опять уехать в воскресение, т. е. послезавтра. Выходит, что мне вовсе невозможно отправиться к Вам в Степановку — так как у нас теперь 22-е — а 27-го мы должны уже выехать из Спасского в Щигровку (25-го вечером лошади должны быть отправлены вперед) [2]. А потому ничего не остается вам делать, как немедленно подняться всем домом и, взяв с собой вашего повара, прибыть в Спасское в наши объятья. Будем ждать вас с нетерпеньем. Надеюсь, что В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩ здоров и в духе. Еще раз до свиданья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Пятница, 22-ое июня 62.
Спасское.

1353. ПОЛИНЕ ВИАРДО

27 июня (9 июля) 1862. Спасское

Spasskoïé.
Ce $\frac{\text{27 juin}}{\text{9 juillet}}$ 1862.
Mercredi.

Je suis bien décidé à tenir ma promesse, theuerste und beste Freundinn, et je vous écris aujourd'hui (pour la 4-me fois depuis que je suis ici [1]). Je pars demain pour la chasse aux coqs de bruyère, à cent werstes d'ici — et je ne serai de retour que dans une dizaine de jours [2]. Je quitte Spasskoïé dans un mois et je ne m'arrêterai à Pétersbourg que le temps nécessaire pour prendre mon passeport [3].

Ma santé est bonne — je bois de l'eau de Vichy à force— les affaires ne vont pas mal *ici*, mais elles vont fort mal à Pétersbourg et à Varsovie. L'attentat contre le Grand-Duc Constantin a rempli d'indignation tout le pays.— Ça aurait été une perte immense pour tous les gens bien pensants.— Cette malheureuse Pologne nous pèse sur la poitrine — je devrais dire sur la conscience, comme un cauchemar [4]. — Les fautes des pères sont punies jusque dans la septième génération, dit la Bible [5], qui, cette fois, est aussi vraie que cruelle.

A Pétersbourg, la réaction devient de plus en plus forte [6] et malheureusement elle est justifiée jusqu'à un certain point. Le gouvernement a suspendu trois journaux ou plutôt trois revues [7], dont l'une («Le Contemporain») avait été fondée par mes amis (Bélinski entr'autres) il y a 14 ans [a]. Pendant 13 ans, j'avais été un collaborateur assudu de cette revue—et quoiqu'elle m'ait attaqué dernièrement avec violence, je ne puis m'empêcher de regretter sa suppression [8]. Il faut avouer qu'elle était devenue bien imprudente. Je trouve que le gouvernement aurait pu commencer par lui donner un avertissement, mais il est évident que ces incendies, ces proclamations, ces attentats et ces menées ont jeté le trouble dans toutes les têtes. Espérons que l'Empereur saura se tenir inébranlable.

Voyons — assez de politique comme cela. De quoi vous parlerai-je? De la pluie... je ne puis ajouter : et du beau temps, car nous n'en avons eu guère. Cela nous promet une bonne récolte, selon le proverbe allemand, « Mai kalt und Juni nass — füllt dem Bauer Scheune und Fass », mais cela n'est pas amusant. Pourvu qu'il fasse beau à partir du 15 août ! Je ne fais que penser à Bade et à la vie que nous y mènerons. C'est si beau que je crains quelquefois que cela ne se réalise pas. Mais je ne veux pas me laisser aller à des pensées tristes.

Mon oncle a deux filles, dont l'aînée a 9 ans et la cadette 7.— Elles sont assez gentilles — mais tellement gâtées qu'elles sont devenues toutes — je ne veux pas dire fausses — mais de travers.— Tout ce qui les entoure n'existe que pour elles [9]. C'est bien malsain pour un enfant. La liberté, l'affection est nécessaire, mais aussi le devoir et le respect d'autrui. Voyez chez vous [б]! Il est vrai de dire qu'il n'y a pas beaucoup d'enfants comme les vôtres, et il n'y a qu'une Didie au monde. Ne lui lisez pas cela : elle

---

[a] *Далее зачеркнуто:* et de laquelle
[б] *Далее зачеркнуто:* mais

n'a pas besoin d'entendre ces mots pour savoir que je lui appartiens, mais elle me mettrait un collier au cou, comme à Flambeau, et ce qu'il y a de pire, c'est que je n'en serais pas fâché.

Je m'imagine que Viardot doit être à Aix à cette heure : envoyez-lui mes meilleurs compliments.— Mille bonnes choses aussi à Louise, à Julienne [10], mille baisers aux enfants. Quant à vous, je vous demanderais la permission de baiser bien tendrement vos deux mains. Portez-vous bien et que le bon Dieu vous bénisse !

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Voyez-vous beaucoup de monde à Bade ? Stockhausen y est-il ?[в] Lebewohl und auf Wiedersehen.

1354. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

27 июня (9 июля) 1862. Спасское

Spasskoïé.
Ce 27 juin / 9 juillet 1862.

Ma chère Paulinette, j'ai reçu hier ta lettre datée du jour de la St-Jean — c'est-à-dire du 24 juin — elle a mis 15 jours pour faire la route — c'est encore assez vite — et je te réponds immédiatement. Je suis très fâché que vous n'ayez pas encore reçu de mes nouvelles — je vous ai écrit deux fois depuis mon retour en Russie — une fois de St-Pétersbourg — et une fois d'ici [1]; j'espère que mes lettres finiront par vous arriver. Je suis fort content de voir que tu te plais à Florence — et que tu ne fonds pas à la chaleur ; le mot de *chaleur* fait ici une impression assez bizarre — nous n'avons eu que vent, pluie et froidure depuis un mois. J'espère que vous continuerez à vous bien porter, à faire toutes sortes de progrès *linguistiques* et autres.

Quant à moi, je suis très content de ma santé jusqu'à présent. L'air d'ici est très bon — et je prends de l'eau de Vichy à force. Les affaires aussi ne vont pas trop mal : tout s'arrange et se tasse peu à peu [2]. Les affaires à Pétersbourg vont moins bien : les journaux vous en auront dit quelque chose [3] — mais il ne faut pas oublier que les journaux exagèrent toujours.

[в] *Далее зачеркнута фраза на немецком языке.*

Je pars demain pour une excursion de chasse qui durera une dizaine de jours : à mon retour je t'écrirai encore. En attendant, je t'embrasse avec tendresse et te dis au revoir ; ce qui ne tardera pas trop.

Ton père J. Tourguéneff.

P. S.— Ainsi *Lui* est coulé ? Et le baiser du papa sur ton front — qu'en feras-tu [4]?

1355. Н. Х. КЕТЧЕРУ

28 июня (10 июля) 1862. Спасское

Спасское.
28-го июня 1862.

Любезный друг Николай Христофорович — искренно благодарю тебя за твое согласие [1] — и спешу отвечать. Экземпляров я думаю печатать 2400 — формат вроде формата Шарпантие [2]; впрочем, ты сам всё это знаешь лучше меня. Я сам полагаю, что надо просто поставить: «О⟨тцы⟩ и д⟨ети⟩» — соч. И. Т⟨ургенева⟩.

Еще раз благодарю тебя и говорю: до свидания. Но что же ты ничего не пишешь о деньгах? Или не нужно?

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Находящиеся здесь Боткин и Фет полагают, что никакого предисловия не нужно, что нечего мне извиняться; я убедился их доводами, и предисловие ты можешь выкинуть — оставив одно посвящение, которое говорит довольно за себя [3].

1356. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

9(21) июля 1862. Спасское

Pour M. Hetzel [1].

Spasskoïé.
Ce 9/21 juillet 1862.

Cher Monsieur,

Ce n'est qu'hier, au retour d'une excursion de chasse assez lointaine, que j'ai reçu la lettre que vous aviez confiée à M. Depret [2]. Je m'empresse de vous répondre que j'accepte avec beaucoup de plaisir votre proposition [3]: traduire Perrault est une véritable bonne fortune, et vous pouvez informer M. Wolff que je m'en charge. Je compte le voir

à mon passage par St-Pétersbourg — dans trois ou quatre semaines d'ici; je n'ose pas espérer achever jusque-là la traduction d'une œuvre qui, pour n'être pas volumineuse, demande beaucoup de soins—(je viens de dire que traduire P⟨errault⟩ est une bonne fortune,— c'est peut-être aussi un danger)—dans tous les cas ma besogne sera terminée avant l'automne [4]. J'ai l'intention de passer un mois à Bade avant de venir à Paris, ce qui aura lieu vers la fin de septembre. Ainsi je dis oui—et c'est moi aussi qui dis merci.

Je vous serre cordialement la main.

J. Tourguéneff.

P.⟨S.⟩ Voici — mon adresse (pour tout cas) : Gouvernement d'Orel, ville de Mtsensk.

1357. КЛОДИ ВИАРДО

10(22) июля 1862. Спасское

Spass⟨koïé⟩,
ce 10/22 jui⟨llet 1862⟩.

Ma chère petite Didie, je m⟨'empresse⟩ de répondre à ta lettre acco⟨mpagnée⟩ de si jolis dessins.— Je les ⟨ai⟩ montrés à Monsieur Feth qui ⟨se⟩ trouve ici pour le moment — e⟨t⟩ il n'a jamais voulu croire que tu n'avais que 10 ans ! J'espère que mon arrivée à Bade, si bien illustrée par toi,— aura lieu bientôt [1], avec moins de pompe peut-être, mais certainement avec autant d'embrassades et de joie — de ma part au moins.

Mais il faut que vous soyez ⟨tou⟩tes bien portantes pour ce jour-⟨l⟩à — à commencer par maman, qui me fera pleurer comme un veau si je la vois boiter.— Je vois que vous vous amusez très bien ` Bade ; quan à moi, je fa's assez triste figure ici.— Je suis allé à la chasse à cent kilomètres d'ici — je n'ai presque rien trouvé, mais en revanche, j'ai été *trouvé*, moi, par les puces qui m'ont mangé, par le soleil qui m'a rôti, par la pluie qui m'a trempé, par la faim qui m'a maigri, de façon que voici maintenant mon très véridique ortrait ;

Vois si tu veux d'un Don Quichotte comme ça pour ton futur mari !

Mais quoi qu'il en soit, ce Don Quichotte t'aime à la folie, t'embrasse de toutes ses forces et te dit : à bientôt.

Ton
J. Tourguéneff.

P. S. Embrasse pour moi : 1) Louise; 2) Julienne [2]; 3) Marianne ; 4) Paul ; 5) toi-même, dans une glace ; 5) [a] Flambeau [3].

1358. М. А. МАРКОВИЧ

10(22) июля 1862. Спасское

$\frac{\text{10-го}}{22}$ июля 1862.
С. Спасское.

Ваше письмо [1], милая Марья Александровна, шло досюда целых двадцать дней, что заставляет меня предполагать, что оно пролежало у Вас несколько времени где-нибудь в уголке. Вы мне ничего не говорите о Ваших намерениях; но я могу догадаться, что Вы остаетесь в Париже — и радуюсь тому: Вы знаете мое мнение насчет Вашей поездки в Россию [2]. Мне приятно, что я мог услужить г-же Буткевич [3], и желаю, чтобы ей в Женеве повезло лучше, чем в Париже.— Сожалею о Вашем отказе Каткову [4]: Вам, вероятно, теперь уже давно известна судьба, постигшая журналы, в которых Вы участвовали: кажется, нечего надеяться на их возрождение, особенно это касается до «Русского слова» [5]. Но так как у Вас теперь, вследствие предложения Солдатенкова, будут деньги [6] — то это беда еще небольшая.

Молодец Писемский — поклонитесь ему от меня и скажите ему, чтобы он не скучал, а смотрел бы более на свою поездку с гигиенической точки зрения [7]. Смею думать, что Ваши новые друзья нежино-грузинские [8] не вполне изгладят из Вашей памяти Ваших старых друзей; впрочем, в этом отношении Вы составляете исключение из общего правила — и столь же постоянны в Ваших привязанностях — сколь непостоянны в общем ходе жизни. Скажу Вам о себе, что я здоров — ездил на охоту неудачно, дела свои устроил кое-как — и теперь уже мечтаю об отъезде, который будет иметь место, если бог

---

[a] *Так в подлиннике.*

даст, ранее, чем я предполагал; в конце сентября я буду в Париже.

Я ничего не писал — да и вообще мне сдается, что литературная жила во мне иссякает: едва ли мне опять скоро придется предстать на суд критики и публики; с меня довольно треска и грохота, возбужденного «О⟨тцами⟩ и д⟨етьми⟩». Я Вам когда-нибудь расскажу, если не забуду — все впечатления, вынесенные мною из последнего моего пребывания в России; как меня били руки, которые я бы хотел пожать — и ласкали руки другие, от которых я бы бежал за тридевять земель и т. д.[9] Вообще, мое божество [10] произвело на меня действие странное: я вижу, что теперь колесо покатилось благополучно вперед — но присутствовать при том, как оно будет то прыгать через камни, то тонуть в грязи — не желаю; довольно с меня знать, что оно пошло.— Я ведь застану Вас в Париже, не правда ли?

Так как я, проезжая через Москву, возьму у Каткова оставленные мною у него Ваши два рассказа [11] — то напишите мне, что с ними делать? Но адрессуйте Ваше письмо не сюда — оно меня здесь не застанет — а в Петербург, в книжный магазин Серно-Соловьевича, на Невском проспекте, для передачи мне.

Ну-с, желаю Вам здоровья и веселья — и дружески жму Вашу руку. Я знаю, что Вы ко мне расположены, и Вы должны знать, что я к Вам привязан. Поклонитесь от меня Пассеку и другим знакомым, которые мною не брезгают, и поцелуйте за меня Богдана, который, я надеюсь, продолжает учиться и вести себя отлично.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1359. М. А. ЯЗЫКОВУ

11(23) июля 1862. Спасское

Любезнейший Михаил Александрович, я получил от своего двоюродного брата, Михаила Алексеевича Тургенева, письмо [1], в котором он просит меня ходатайствовать за него у Вас. Я должен сознаться, что прошедшее его не такого свойства, чтобы сделать возможным подобное ходатайство: но, с другой стороны, его обещания исправиться на будущее время кажутся так искренни — а главное — его положение теперь так бедственно — что можно надеяться, что он не захочет легкомысленно погубить свою

последнюю надежду. А потому, если Вам угодно будет испытать его на каком-нибудь месте, где за ним будет надзор, я буду Вам *очень благодарен;* но повторяю — ручаться за него я не могу — а могу только просить.

Пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам мое искреннее удовольствие знать Вас так близко от себя и в такой почтенной и хорошей должности [2]; желаю Вам всех благ — и на память старинной приязни крепко жму Вам руку. Кланяюсь Вашей жене и всем Вашим.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
11-го июля 1862.

P. S. Мой двоюродный брат не прислал мне своего адресса,— а потому потрудитесь передать ему прилагаемую записку [3], когда он явится к Вам, вместе со вложенными тридцатью рублями.

1360. П. В. АННЕНКОВУ

12(24) июля 1862. Спасское

Спасское.
12 июля 1862 г.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, видно, письма из Полтавской губернии в Орловскую ходят дольше, чем из Мадрида в Калькутту, потому что Ваше, «пущенное», как говорится — от 19-го июня [1], только третьего дня, т. е. 9 июля, достигло, наконец, до наших мирных палестин. Это тем более неутешительно, что заставляет полагать, что и мое пойдет таким же раковым ходом и что, следовательно, пока мы успеем перекинуться двумя, тремя посланиями, наступит зима. Но нам не впервые с Вами покоряться печальной необходимости, особенно в нынешнем году — стало быть, толковать нечего. Жалею я только об одном, что нам и в нынешнем году не удастся увидеться [2]; а поговорить было бы о чем. Даже если бы Вы не отложили Вашего намерения посетить меня в Спасском, я бы сам Вам это отсоветовал, так как я остаюсь здесь гораздо меньше, чем предполагал, и в половине августа уже уезжаю за границу. Авось свадьба моей дочери развяжет мне руки, и я хотя к началу 1863 года буду свободен. Здесь дела идут, скрыпя и треща, как немазаная телега — но все-таки вперед, и я убеждаюсь, что к буду-

щей весне все земли (с необходимыми исключениями) будут выкуплены, что́ бы ни говорили гг. крепостники и другие ejusdem farinae.

А тяжел пришелся России ее 1000-й год [3]! Но хоть и за то спасибо, что многое выяснилось и определилось. Никогда еще я, такой *темный* и *тайный* приверженец правительства [4], как Вы знаете — с таким волнением не глядел издали на нашего государя, от которого, можно сказать, теперь всё зависит. Дай бог ему удержаться незыблемо на единственно спасительном пути!..

Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочел о прекращении «Современника». Вспомнилось его основание, Белинский и многое... Мне кажется, Головнин поторопился [5]. Неизвестность о том, действительно ли участвовали «агитаторы» в поджогах — мучительна; темные намеки, попадающиеся в газетах, раздражают и волнуют еще более [6]. Это — безумие, это — бессмысленное самоистребление, это — преступление, наконец. Право, я не могу теперь без трепета распечатывать ни одного пакета с журналами. Вот до чего мы дожили, вот куда должна была прийти неизбежная реакция против 30-тилетней тьмы [7]! Общество наше, легкое, немногочисленное, оторванное от почвы, закружилось, как перо, как пена; теперь оно готово отхлынуть или отлететь за тридевять земель от той точки, где недавно еще вертелось; а совершается ли при этом, хотя неловко, хотя косвенно, действительное развитие народа, этого никто сказать не может. Будем ждать и прислушиваться.

Что касается до моего последнего произведения: «Отцы и дети», я могу только сказать, что стою сам изумленный перед его действием; и не то что радуюсь — радоваться тут особенно нечему — а в первый раз серьезно доволен своим делом, хотя мне иногда сдается, что я тут — сторона, а всю эту штуку выкинул какой-то другой, которому это было нужно и которому я с моим романом попался под руку. Но и это счастье. «Отцы и дети» скоро появятся в Москве отдельным изданием (Кетчер за это взялся), с посвящением Белинскому [8]. Нового я пока ничего не предпринимал — и в голове вертятся одни сказки [9]. Фет еще здесь; Боткин уехал...

1361. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

12(24) июля 1862. Спасское

С. Спасское.
12-го июля 1862.

Любезнейшая Варвара Яковлевна, спешу благодарить Вас за Ваше любезное письмо, которое мне еще раз доказало, как тверды и неизменны Ваши дружелюбные чувства ко мне. Могу Вас уверить, что и с своей стороны я питаю к Вам искреннюю привязанность — и очень сожалел о том, что уже не застал Вас в Петербурге [1]. Правда, я сам был виноват — опоздал тремя неделями.

Вот уже 6 недель, как я нахожусь в Спасском; здоровье мое порядочно. Ездил я на охоту — только неудачно. Впрочем, не предпринимал никакой работы. Довольно с меня всех толков, возбужденных «Отцами и детьми»; можно теперь отдохнуть и оглядеться, что́ будет дальше. Дела мои здесь идут помаленьку да потихоньку. Недели через три я полагаю уехать за границу — а к генварю месяцу, если бог даст, вернуться в Петербург.

От Павла Васильевича я недавно получил письмо и отвечал ему [2].

Мои именины — 7-го янв⟨аря⟩, а не 24-го июля, но я не менее того от души благодарю Вас за память. Желаю Вам здоровья, веселья и всех благ. Передайте мой поклон Вашему мужу, поцелуйте за меня Вашу дочку и будьте уверены в чувствах искренней дружбы, с которыми остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1362. Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

12(24) июля 1862. Спасское

С. Спасское.
12-го июля 1862.
Четверг.

Милостивый государь
Николай Александрович,

Спешу благодарить Вас за скорую и обязательную высылку денег г-же Буткевич [1]; я имею уже известие от нее, что она их получила.

Также прошу Вас сделать мне одолжение и сохранить

у себя в конторе письма, которые могут прийти на мое имя в Петербург, так как я недели через три там буду.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

Ив. Тургенев.

На конверте:

В С.-Петербург.
Его высокоблагородию
Николаю Александровичу
Серно-Соловьевичу.

На Невском проспекте, в книжном магазине Серно-Соловьевича.

1363. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ И МАРИИ ИННИС

12(24) июля 1862. Спасское

Spasskoïé.
Ce $\frac{12}{24}$ juillet 1862.

Mes chères voyageuses, excusez-moi, si je vous écris aujourd'hui ce peu de lignes : je suis très affairé — mais je ne veux pas vous laisser sans réponse pour les grandes et bonnes lettres que vous m'avez écrites. Je suis ravi de voir que vous allez bien et que vous continuez à vous plaire à Florence : c'est à merveille. Quant à moi, mes affaires vont assez bien, et ma santé aussi. Saperlotte, Paulinette, dans quel magnifique Italien tu m'écris ! Je soupçonne qu'il y a là un peu du Scaramucci [1],— mais, quoiqu'il en soit, je suis fort content. Quant à rester vieille fille — cela dépend un peu de toi — et beaucoup de la Providence. Espérons qu'elle ne tient pas cette mortification en réserve pour toi. D'ici là, travaille ferme et jouis des beautés de tout genre qui s'offrent à ta vue: mais jouis en réfléchissant : c'est la seule bonne façon et la seule, qui laisse des traces durables.

Mr Viardot t'aura probablement écrit ; il lui est arrivé un accident, une blessure au pied, qui l'a retenu au lit pendant une quinzaine de jours.

La Comtesse Lambert est partie pour Ems ; Olga a perdu son père (à l'âge de 92 ans) — elle se porte bien du reste. Botkine a quitté Spasskoïé, après y avoir fait un assez long séjour. Il vous fait dire mille choses aimables.

Vous avez été bien bonne de m'inquiéter[a] sur mon compte, chère Madame Innis. Mais, excepté le chagrin que tout Russe bien né doit ressentir à la vue de calamités causées ou par des fous ou par des criminels [2] — il ne m'est rien arrivé de pénible. Je ne sais à quel usage le ciel réserve les *talents* que vous voulez bien me supposer — mais vous pouvez être sûre, qu'entre un libéralisme consciencieux quoiqu'ardent — et les folies sanguinaires du démagogisme — il y a plus d'un abîme — et certes, ce n'est pas moi qui serai jamais tenté de les franchir.

Je ne connais[б] de moyen pour parvenir à voir la villa Demidoff [3] que de s'adresser à ce monsieur, pour lequel je vous ai envoyé une lettre de Bixio [4].

Nous avons ici un[в] temps froid et pluvieux — très bon pour l'agriculture — et très désagréable pour les promeneurs. J'ai fait une excursion de chasse — assez lointaine et sans résultat.

Je vous envoie plusieurs *timbres* [5]. Je vous serre la main cordialement et j'embrasse Paulinette idem.

J. Tourguéneff.

1364. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

17(29) июля 1862. Спасское

Spasskoïé.

Ce $\frac{17}{29}$ juillet 1862.

Ma chère Paulinette,

Il n'y a pas une semaine que je t'ai écrit [1] — et si je le fais maintenant — ce n'est pas que j'aie quelque chose de nouveau à t'apprendre — mais je veux te prévenir que je quitte la Russie plus tôt que je ne l'avais cru. Je pars d'ici dans quinze jours. Dorénavant — et jusqu'à ce que je t'avertisse, écris-moi poste restante — à Bade (Grand duché de Bade). En même temps je te prie de me faire savoir définitivement ton opinion sur Mr Honsez (je soupçonne ce qu'elle peut être, cette opinion) — car j'ai reçu de lui une lettre de 4 pages, fort polie et fort soignée, dans laquelle il parle de lui-même comme d'un *homme qui attend.* Or, comme il serait injuste de tenir plus longtemps ce jeune homme *le bec dans l'eau,* — écris-moi vite un *non*, que je

---

а *Так в подлиннике.*
б *Далее зачеркнуто:* que
в *Далее зачеркнуто:* froid

lui transmettrai en l'enveloppant de toutes sortes de dorures. Ou bien, peut-être, es-tu éprise de Mr Honsez ?

Mr Honsez m'écrit que Mme Garcia s'est installée définitivement et pour toujours à Bruxelles [2]. Je voyais venir cela depuis longtemps.

Adieu, chère Paulinette ; je t'embrasse et je serre cordialement la main à Mme Innis.

Ton père
J. Tourguéneff.

1365. М. А. ЯЗЫКОВУ

17(29) июля 1862. Спасское

С. Спасское.
17-го июля 1862.

Любезнейший Михаил Александрович, на днях я Вам писал письмо, в котором просил о моем двоюродном брате, которого я, однако, Вам, по совести, зная его прошедшую жизнь, рекомендовать *не мог* [1]. Ныне же я пишу Вам с тем, чтобы рекомендовать Вам человека, в котором я вполне уверен, ибо знаю его с детства. Это — некто Порфирий Тимофеев Кудряшов, вольноотпущенный моей матери, у которой он состоял много лет в качестве домашнего врача (он имеет весьма основательные медицинские знанья); он со мной ездил за границу как доверенное лицо — и долгое время жил потом у меня в имении, тоже в качестве врача, и во всех отношениях пользовался отличной репутацией. Теперь он, по изменившимся обстоятельствам, желал бы служить по акцизной части — и я взял на себя рекомендовать его Вам как человека вполне надежного, честного, трезвого и образованного, которому можно поручить важные дела, с совершенной уверенностью в его полной добросовестности. Надеюсь, что, в память нашей старинной приязни, Вы сделаете для него, что почтете возможным — а я знаю заранее, что Вы будете благодарить меня за доставление Вам полезного и смышленого подчиненного.

Пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить Вам о себе, и прошу передать мой дружеский поклон всему Вашему семейству. Жму Вам крепко руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Весьма было бы хорошо (если б это было возможно) — доставить ему место в южной части Тульской

губернии, где все его знают и где, можно сказать, он пользуется уважением. Во всяком случае я прошу Вас дать ему положительный и определенный ответ [2].

1366. М. Н. КАТКОВУ

19(31) июля 1862. Спасское

С. Спасское.
19/31-го июля 1862.

Любезнейший Михаил Никифорович, считаю нужным известить Вас, что я 31-го числа сего месяца прибуду в Москву и буду иметь удовольствие Вас видеть.

Я не успел кончить повесть для «Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩» [1] — разного рода заботы и развлечения этому препятствовали. Но в этом беды никакой нет, так как Вы все-таки раньше нового года ее не напечатали бы, — а я Вам даю слово, что Вы будете ее иметь до декабря; назначаю самый поздний срок. Она составит около 4-х печатных листов, — может быть, даже больше.

Я бы очень был благодарен Вам, если б, проезжая через Москву, мог получить от Вас 500 р. сер. вперед. Разумеется, — это Вы сделаете только в таком случае, если это Вас не стеснит.

Не могу не сказать Вам, хотя собственно дело до меня касается, как мне понравилась Ваша статья о моем романе; впрочем, я полагаю, Вы должны были слышать похвалы отовсюду. С нетерпением ожидаю второй половины [2].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Прошу передать мой поклон г. Леонтьеву и другим знакомым.

1367. И. И. МАСЛОВУ

21 июля (2 августа) 1862. Спасское

С. Спасское.
21-го июля 1862.
Суббота.

Милый друг Иван Ильич, предупреждаю тебя, что я выезжаю отсюда 30 июля, в понедельник (через 9 дней) — и «богу изволяющу» — явлюсь к тебе во вторник и про-

буду в твоей великолепной и гостеприимной квартире — сутки. Итак, заранее говорю тебе спасибо — и до свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1368. Н. X. КЕТЧЕРУ

22 июля (3 августа) 1862. Спасское

С. Спасское.
22-го июля 1862.

Предупреждаю тебя, милый Н⟨иколай⟩ Х⟨ристофорович⟩, что я 31-го числа непременно буду в Москве, а 1-го ав⟨густа⟩ выезжаю в Петербург. Остановлюсь я у Маслова. Отлично было бы, если б к тому времени наше издание приблизилось к концу [1]— и я бы мог продать его какому-нибудь книгопродавцу [2] и таким способом взять с собою несколько денег за границу — так как в нынешнем году с деревень взятки плохи. Во всяком случае заранее говорю тебе:

«За всё, за всё тебя благодарю я» [3]—

и — до свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. Ты, вероятно, видаешь «Васеньку» Боткина; дай ему знать о моем приезде.

1369. Д. Я. КОЛБАСИНУ

24 июля (5 августа) 1862. Спасское

С. Спасское.
24-го июля 1862.

Как Вы хорошо сделали, что вспомнили обо мне и написали мне [1], любезнейший Дмитрий Яковлевич! Я сам собирался писать к Вам — вот по какому случаю.

На днях к нам явился знакомый Вам Порфирий, отправившийся, как Вам, вероятно, известно, в Воронеж — искать... бог знает чего — и бросивший здесь верный и обеспеченный кусок хлеба. На этот поступок его подбило семейство его жены. Результатом этого безумства было то, что его совершенно ограбили, что он кидался во все стороны, пробовал быть фотографом рыбным торговцем и т. д. и наконец, похудевший до странности, разбитый, в одном сюртуке, появился в Спас-

ском, где, разумеется, его приняли самым радушным образом. Попрекать человека его собственным несчастьем — грешно и бесполезно, а надо стараться помочь. А потому обращаюсь к Вам: не можете ли Вы дать ему в Вашем управлении какое-нибудь порядочное место [2]? Вы его знаете, а я с своей стороны могу присовокупить, что он действительно отличный человек, честный, трезвый, с благородным образом мыслей — и если он пострадал, то именно это произошло от излишнего великодушия и доверчивости. Вы можете сделать доброе дело — и в то же время Вы найдете в нем полезного подчиненного и помощника. На него можно смело положиться: недаром я его знаю более 25-и лет. Основаться ему опять здесь трудно и по многим причинам почти невозможно: но он будет жить здесь и ожидать Вашего ответа, которым прошу не замедлить, но уже не на мое имя, но на имя дяди Николая Николаевича [3], потому что я через неделю уезжаю за границу. Я уверен, что Вы, по старинной нашей приязни, не откажете мне сделать в этом деле всё возможное. Кстати замечу, что Порфирий оставил жену свою в Воронеже вместе с братьями, да навряд ли она и пожелает жить с ним вскорости: так что он теперь один.

Я бы Вам очень был обязан, если б Вы мне написали два слова в Германию, в Баден (poste restante), где я буду до 1-го окт⟨ября⟩ — или в Париж, где я проведу часть зимы.

Я получил от Вашего брата письмо из Швейцарии [4] — и надеюсь увидеть его там. Все спасские жители Вам кланяются и благодарят за память, а я желаю Вам счастья и здоровья и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1370. М. А. ЯЗЫКОВУ

28 июля (9 августа) 1862. Спасское

Любезнейший Михаил Александрович, спешу отвечать на Ваше письмо. Искренно благодарю Вас за Ваши добрые намеренья насчет Порфирия Кудряшова: он действительно заслуживает Вашего внимания. Я бы очень был Вам благодарен, если б Вы известили его в половине августа о том, на что он может надеяться; но прошу Вас адрессовать Ваше письмо не на мое имя, потому что я уезжаю послезавтра за границу, а на имя дяди, Николая Николаевича Тургенева. Неожиданно скорый отъезд мой

лишает меня удовольствия видеть Вас у себя здесь; но спасибо за намерение посетить меня. Что же касается до моего родственника, Любима Торцова, то, кажется, он совсем пропащий: однако будьте так снисходительны, испытайте его [1]. Порфирий будет с нетерпением ожидать Вашего решения [2].

Крепко и дружески жму Вашу руку, кланяюсь всем Вашим и желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

28-го июля 1862.
С. Спасское
(г. Мценск, Орловской губ.).

1371. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

31 июля (12 августа) 1862. Спасское

Любезнейшая Варвара Яковлевна [a], круглая и луновидная рожа, к сему прилагаемая — представляет Вам мою особу [1]; — а экземпляр отдельно издаваемой повести «О⟨тцы⟩ и д⟨ети⟩» пришлю к Вам из Москвы [2]. Тысячекратное спасибо за милый фотографический квартет, где только недостает квинтетного члена, вселюбезного П⟨авла⟩ В⟨асильевича⟩ [3]. Кланяйтесь ему, его супруге и остальным приятелям. Вам я крепко и дружески жму руку.— Еду я через $^1/_2$ часа — а адресс мой по-прежнему — Rue de Rivoli, 210.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
31-го июля 1862.

1372. Н. Х. КЕТЧЕРУ

2 или 3 (14 или 15) августа 1862. Москва

Милый друг Н⟨иколай⟩ Х⟨ристофорович⟩ — я вчера забыл тебе сказать, что в «О⟨тцах⟩ и д⟨етях⟩» — на стр. 623 надо выкинуть следующие две строки: «Ему и в голову не пришло, что он в этом доме нарушил все права гостеприимства» [1]— ненужное резонерство. Сверх того, и Маслов и Боткин находят, что — надо оставить *нарочно* (на стр. 533-й), что это очень понятно — но ты можешь

---

[a] *Далее зачеркнуто:* сия

прибавить, если еще есть возможность — для пояснения: «то есть, неспроста» [2].

Еще раз прошу извинения за все хлопоты, дружески тебя благодарю и жму тебе руку и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

1373. И. И. МАСЛОВУ

4(16) августа 1862. Петербург

С. Петербург.
4-го авг. 1862.
Суббота веч⟨ером⟩.

Драгоценный мой Иван Ильич!

Пишу тебе несколько слов перед отъездом; но самого интересного сообщить не могу: я не видел Головнина, потому что он находится в Царском Селе и раньше 4-х дней оттуда не вернется. Все слухи, ходившие в Москве, более или менее справедливы; между прочими арестован также Авдеев, автор «Подводного камня» [1].— Здесь Кожанчиков и Вольф оба предлагали мне купить издание «Отцов и детей»; сообщи это к сведению Кетчеру [2]— и пусть он по мере возможности достанет и вышлет мне денег — в Баден-Баден, poste restante. Также прошу тебя: сделай одолжение, съезди к Каткову и возьми у него стихотворения Случевского, о которых я ему говорил; а получив их, отправь в редакцию «Времени» — в Петербург, к Михаилу Михайловичу Достоевскому; он уже предупрежден [3].— А впрочем, будь здоров и весел и вспоминай

любящего тебя
Ив. Тургенева.

1374. М. А. МАРКОВИЧ

11(23) августа 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
23-го авг. 1862.

Я два дня тому назад приехал сюда, милая Марья Александровна. В Петербурге, в конторе С⟨ерно-⟩Соловьевича мне сказали, что два письма, пришедшие на мое имя, отправлены были в Спасское — бог знает зачем!

Это мне было очень досадно. Пока я их здесь получу, дайте об себе весточку. Что Вы поделываете, где находитесь и где располагаете быть? Мне кажется, Вам не должно быть очень хорошо. Я в Бадене останусь около месяца — или 6 недель; но так как я недоволен моей теперешней квартирой — то пишите мне сюда poste restante. Г-жа Буткевич не дождалась присылки денег и ускакала в Женеву[1] — а теперь требует их от С⟨ерно-⟩Соловьевича — а он сидит в крепости[2] — а деньги лежат или гуляют, бог ведает где! О женщины, женщины, куриный народ! Досталось же мне возиться с вами. Катков мне сказывал в Москве, что он отправил на Ваше имя 300 руб. сер., хотя не согласен платить Вам по 200 руб. за лист[3]. Получили ли Вы эти деньги? Напишите мне немедленно.

Надеюсь, что Вы здоровы и невредимы; жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1375. Н. Н. РАШЕТ

11(23) августа 1862. Баден-Баден

Баден.
23-го августа 1862.

Милая Наталья Николаевна, я получил Ваше письмо в самый день моего отъезда из деревни — а так как я ехал досюда не останавливаясь, то раньше не мог отвечать Вам. Выражения Вашего расположения ко мне очень меня тронули: я чувствую, что мы навсегда останемся друзьями. Я очень был бы рад увидеть Вас — я остаюсь здесь до половины или даже до конца сентября. Зиму Вы, вероятно, проведете в Париже и, я надеюсь, успокоитесь окончательно и не будете считать себя несчастной. Напишите мне, пожалуйста, адресс юного поэта в Гейдельберге: я бы охотно повидался с ним[1]. Стихов его решительно не приняли в «Русском вестнике»; не знаю, что скажет «Время»[2]. Кажется, лучше всего для него не думать о литературной карьере. Я поговорю с ним об этом.

Итак — до свидания, может быть здесь — и наверное в Париже. Пишите мне сюда poste restante, потому что я недоволен своей квартирой и переменю ее. Главное — надо себя крепко в руках держать — и тогда всё идет как по маслу. Не знаю, отчего мне так внезапно пришло

в голову это замечание — но так как оно написалось,— то пусть и стоит.

Целую Маню — и крепко жму Вам руку. До свиданья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1376. А. И. ГЕРЦЕНУ

15(27) августа 1862. Баден-Баден

27-го авг. 1862.
Баден.
Amalienstrasse, № 337.

Милый А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ — во-первых, спасибо за скорый ответ [1], а во-вторых — говоря поэтическим языком, легкие *пени* на тебя за́ то, что ты мог подумать, что твои две статьи («Концы и начала») могли меня рассердить [2]. Я их только теперь прочел (и, принимаясь за чтение, даже не подозревал, что они ко мне обращены — потом скоро догадался) и нашел в них всего тебя, с твоим поэтическим умом, особенным уменьем глядеть и быстро и глубоко, затаенной усталостью благородной души и т. д.,— но это еще не значит, что я с тобой вполне согласен... Ты, мне кажется, вопрос не так поставил. Я решился тебе отвечать в твоем же журнале — хотя это не совсем легко — во всяческом смысле этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя в тайне и даже, если можно, отведи другим глаза. Я надеюсь через неделю послать тебе ответ — он уже начат [3].

Об остальном пока говорить я не буду — некогда. Я только что переехал на квартиру и не уселся как следует. Спасибо за «Колокол» и за обещание впредь [4]. Второе твое письмо к «Молодой России» — лучше первого: тебе более чем кому-нибудь следует вразумлять их [5]. Но как это вы напечатали предложение издателям «Соврем⟨енника⟩», «Русского слова» и «Дня» — издаваться на ваш счет в Лондоне!! Ведь это всё равно что кирпичом их по голове [6], да и вероятно ли, что *Некрасов*, гр. Кушелев или даже Аксаков (или его продолжатель Елагин [7]) захотят сжечь свои корабли. Это было очень необдуманно с вашей стороны: Некрасов, пожалуй, увидит в этом желание отомстить ему.

А каков Гарибальди? С невольным трепетом следишь за каждым движением этого *последнего* из героев [8]. Неужели Брут, который не только в истории *всегда*, но даже и у Шекспира гибнет [9]— восторжествует? Не верится —

а душа замирает.— Что ты мне ничего не пишешь о Бакунине? До следующего письма. Жму тебе руку и остаюсь преданный тебе

И. Т.

1377. М. А. МАРКОВИЧ

15(27) августа 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
27-го авг. 1862.
Amalienstrasse, № 337.

Я пока еще жив, милая Марья Александровна — и благодарю Вас за Ваше участие [1]. Особенного удовольствия от жизни не ощущаю,— но прекратить ее тоже не вижу надобности. Впрочем, это не от нас зависит.

Деньги г-же Буткевич были высланы на ее имя в Монморанси, rue Laboureur, 10. По крайней мере этот адресс был дан мною Серно-Соловьевичу [2]. Напишите ей это, и пусть она спросит в Женеве на почте, что ей надо сделать, то есть какую формальность исполнить для сношения с парижской почтой и получения денег. Мог ли я ожидать, что она, не дождавшись моего ответа, помчится вон из Парижа! Книга ее печатается, но когда появится — еще неизвестно [3]. Пассек, вероятно, в Париже; пусть оп похлопочет, сходит в почтамт и т. д.

Мне вовсе не хочется толковать о моем романе, о том, что говорили в России и т. д. Это всё для меня давно прошедшее. В письме моем к Вам я намекал на то, что гнусные генералы меня хвалили — а молодежь ругала [4]. Но эта волна прокатилась — и что сделано — то сделано.

Здесь хорошо: зелено, солнечно, свежо и красиво. Русских много — но всё — высшего полета — и потому низшего сорта — и я их избегаю. Вижусь с семейством Виардо — и пока доволен. Квартира порядочная, с балконом. Не знаю, буду ли работать. В конце сентября я приеду в Париж и увижусь с Вами.

Квартира моя остается та же, rue de Rivoli, 210. Кстати, будьте так добры, сходите туда и спросите хозяйку Mme Ricci — получила ли она от меня письмо, в котором я ее просил — сохранять все книги, журналы, письма, получаемые на мое имя (и в случае нужды, платить за них) [5].

Будьте здоровы — жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1378. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

18(30) августа 1862. Баден-Баден

Баден.
30-го августа 1862.
Amalienstrasse, № 337.

Милый брат,

Спасибо за скорый ответ [1] — я к тебе пишу это письмо — во-первых, чтобы успокоить тебя насчет Анны Яковлевны, которая не только не выехала раньше меня из Спасского, но которая после меня хотела остаться еще неделю; — во-вторых, ты непременно должен заехать в Баден. Бонпард отсюда близехонько — и это составит тебе разницу всего на два дня [2]. Я здесь остаюсь еще около месяца. Душевно радуюсь поправлению твоего здоровья — и советую быть осторожным с водяным лечением, от которого кровь легко бросается в голову — а ты этому подвержен. Я сам очень желаю с тобой переговорить и весьма был бы рад тебя видеть [3]. Обнимаю тебя.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

1379. М. А. МАРКОВИЧ

19(31) августа 1862. Баден-Баден

Баден.
Amalienstrasse, № 337.
31-го августа 1862.

Милая Марья Александровна, Вам теперь Бенни так же загорелся, как некогда, помните? — Желиговский. Подавай Желиговского! Подавай Бенни! Извольте — вот Вам Бенни. В день моего проезда через Петербург, он пришел ко мне с своим обычным напряженно-скрытным и судорожно-спокойным видом (которому я, между прочим, и приписываю большую часть безобразных слухов, ходивших и ходящих на его счет [1]) и, поговорив со мною, — я уже лежал в постели — исчез. Хотя по поводу его статьи о Герцене поднялась буря — но он не только уцелел — он даже объявил мне, что собирается еще полнее забрать журнал в руки и что, между прочим, весь заграничный отдел отдан в его распоряжение [2]. Нельзя не сознаться, что есть что-то странное в этом факте — что английский подданный, приятель Герцена, издает в Петербурге газету... но это между нами. Если

петербургское правительство так слепо, не нам ему раскрывать глаза. А я все-таки уверен в честности и прямодушии Бенни.

Поклонитесь его брату, Трубецким, Марианне, которой я недавно писал [3]. Говорить Вам о себе не хочется; сегодня пришло известие, будто бы Гарибальди взят в плен и ранен [4]. «Нет, правды нет и выше» — прав Сальери [5].— А о себе что я Вам скажу? Что я здоров — а что, впрочем, жизнь мне становится равнодушней с каждым часом — в этом нет ничего нового, ни приятного.— Каким манером Вы видели Бакунина? Что, он только приезжал в Париж и вернулся в Лондон — или отправился далее? И куда именно [6]? — Мицкевича я с Вами готов читать с удовольствием — да Вам не до меня. А впрочем, если я ошибаюсь, тем лучше. Будьте здоровы. Жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Небось всё по-польски Вы читаете? Здесь я встретился с одним малороссом [7], который рад нас русских зубами разорвать — и от поляков в восторге. Вот Вы бы порадовались. К сожалению, он глуп, как... как кн. П. В. Долгоруков. Сильнее сравнения я не знаю.

1380. А. А. ФЕТУ

18, 23 августа (30 августа, 4 сентября) 1862. Баден-Баден

Баден.
30-го августа 1862.
Amalienstrasse, 337.

Ну вот, carissime, я и в Бадене — и беру перо, чтобы возобновить переписку с Вами и снова увидать Ваши любезные каракули. Путешествие я совершил благополучно, нанял здесь квартерку в тихой улице, где, между прочим, штук двести детей от 2-х до 7-и годов (немцы скромны — но плодущи) — и намерен прожить здесь около месяца... я хотел было написать: «ничего не делая» — но справедливость требует написать: «продолжая ничего не делать».— Край чудесный, зелени пропасть, деревья старые, тенистые, изумрудным мохом покрытые, погода хорошая, виды красивые, добрые знакомые, здоровье в порядке — чего же более?

4-го сент.

На последних словах: чего же более? меня застало известие о плачевном конце предприятия Гарибальди[1] — и я не мог более писать. Хотя мне хорошо известно, что роль честных людей на этом свете состоит почти исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством — и что Октавиан рано или поздно непременно наступит на горло Бруту[2] — однако мне все-таки стало тяжело. Я убедился, что человеку нужно еще что-то, сверх хороших видов и старых деревьев — и, вероятно, Вы — закоренелый и остервенелый крепостник, консерватор и поручик старинного закала — даже Вы согласитесь со мною, вспомнив, что Вы в то же время поэт — и, стало быть, служитель идеала. Напишите мне несколько слов об охоте, о хозяйстве, о Степановке — о Спасском. Я не получаю никаких известий из дома. Для большей верности пишите в Париж, poste restante.

Прощайте, будьте здоровы — кланяйтесь Вашей жене.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1381. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

28 августа (9 сентября) 1862. Баден-Баден

Bade.
Ce 9 septembre 1862.
Amalienstrasse, 337.

Cher Monsieur,

Je ne connais Mr Wolff que grâce à vous, et il est tout naturel que ma traduction vous soit destinée et vous appartienne en propre. Je vous la remettrai à Paris dans les premiers jours d'octobre, avec un papier constatant vos droits exclusifs sur elle, et vous en ferez ce que bon vous semblera [1].

Quant à Mr Wolff, je crois que c'est un rusé compère, avec lequel il faut agir d'après le proverbe russe: «La main dans la main et une pierre dans la poche».

Mille amitiés et compliments.

J. Tourguéneff.

1382. Н. В. ХАНЫКОВУ

30 августа (11 сентября) 1862. Баден-Баден

Баден.
Amalienstrasse, 337.
11-го сентября 1862.

Милый Николай Владимирович, я узнал от Ковалевского, что Вы находитесь в Париже на прежней Вашей квартире — и мне хочется перекинуться с Вами двумя словами, в ожидании времени, когда мы улицезрим друг друга и, бог даст, опять вкусим от мяс египетских в одной из уютных храмин Вефура [1]. Как Вы поживаете, и что Вы поделываете? Кто из наших в Париже — и что творит Кавелин [2]? Поклонитесь ему и всем прочим от меня и доложите им, что я еще, слава богу, жив, хотя меня и уморили в газетах [3], ем и пью изрядно в Бадене, разумеется, ничего не делаю, но зато не играю ни в рулетку, ни в rouge et noir [4] и в самых первых числах октября намереваюсь прибыть в столь много Вами любимый Париж. А между тем, не можете ли Вы мне сообщить адресс (чин, имя и отчество) Арцымовича [5], попечителя будущего Одесского университета? Так как Вы служите с ним в одном министерстве, то я предполагаю, что это всё Вам известно; если же нет, будьте великодушны, узнайте это от кого-нибудь в Париже и сообщите мне, за что я Вам очень буду благодарен. Мне это нужно.

А засим желаю Вам всяческих благ, жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Да нельзя ли узнать, графиня Ламберт в Париже или нет [6]?

1383. НЕИЗВЕСТНОМУ

11(23) сентября 1862. Баден-Баден

Любезнейший князь, я виноват перед Вами и прошу извинить меня. Мне сейчас напомнили, что я обещал сегодня участвовать в поездке за Герольдсау [1] — и я поневоле должен отказаться от удовольствия обедать сегодня с Вами и с гр. Соллогубом [2]. Надеюсь, что ce n'est

que partie remise — и прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

Вторник, 23 сент. 62.
Amalienstrasse, 337.

1384. М. А. МАРКОВИЧ

16(28) сентября 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
28-го сентября 1862.
Amalienstrasse, 337.

Милая Марья Александровна, я давно не писал Вам — т. е. долго не отвечал на Ваше письмо[1] — извините великодушно. Впрочем, особенно важного сообщать было нечего. Ваш друг Василий Боткин приехал сюда на днях и отправляется со мною в Париж, куда мы надеемся прибыть около 15-го окт⟨ября⟩. Я буду очень рад Вас видеть.

Я ничего не читаю, ничего не делаю, ем, сплю, гуляю — и здоров. Даже думаю очень мало. Решительно *так* — покойнее. Всего не передумаешь — да и нового ничего не выдумаешь.

Что за человек Бакунин, спрашиваете Вы? Я в Рудине представил довольно верный его портрет: теперь это Рудин, *не* убитый на баррикаде. Между нами: это — развалина. Будет еще копошиться помаленьку и стараться поднимать славян — но из этого ничего не выйдет. Жаль его: — тяжелая ноша — жизнь устарелого и выдохшегося агитатора. Вот мое откровенное мнение о нем — а Вы не болтайте [2].

Я ездил на днях в *Ваш* Гейдельберг. Ничего, город интересный. Уезжая отсюда, я дня два там пробуду, посмотрю на диких русских юношей [3].

До свидания — будьте здоровы. Целую Вас — «во уста сахарныя» — на бумаге это Вас не рассердит.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Кланяйтесь Трубецким и Марианне, когда увидитесь. Да что, вернулся князь из России [4]?

Баденъ-Баденъ.
28-го Сентября 1862.
Amalienstrasse, 337

Милая Марья Александровна, я давно не писалъ Вамъ — т. е. давно не отвѣчалъ на Ваше письмо — причиною великорусская [illegible] особенно вѣрнаго сообщать было нечего. — Вашъ другъ Василій Боткинъ пріѣхалъ сюда на дняхъ и отправляется со мною въ Парижъ, куда мы надѣемся прибыть около 15-го Окт. — Я буду очень радъ Васъ видѣть. —

Я ничего не читаю, ничего не дѣлаю, только ѣмъ, пью, гуляю — и здоровъ. Даже думаю очень мало. — Растительно-[illegible] — покойнѣе. Всего не передумаешь, да и новаго ничего не выдумаешь.

Что за человѣкъ Бакунинъ, спраши-

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА К М. А. МАРКОВИЧ
ОТ 16(28) СЕНТЯБРЯ 1862 г.
Первая страница.

1385. Н. В. ХАНЫКОВУ

16(28) сентября 1862. Баден-Баден

Баден.
28-го сент. 1862.
Amalienstrasse, 337.

Любезнейший Николай Владимирович, я не хотел писать Вам, не исполнивши Вашего поручения, а герр Шильтбергер прибыл только вчера вечером [1]. Посылаю Вам сию книжицу — « Sultan ! to hear is to obey ! » [2]. Как говорится в байроновских поэмах.

Дон Базилио Боткин поразил меня дня три тому назад своим внезапным приездом в Баден. Он ничего не изменился: видит плохо, а кушает плотно. Мы вместе прибудем в град Париж, если бог даст, между 10-м и 15-м октября.

Описание карьеры братьев Арцымовичей носит печать Вашей образцовой аккуратности; попечителем, очевидно, сделан *младший* брат (ибо старший продолжает подвизаться в Калуге) [3]; но как ему писать — в Одессу — или в Министерство просвещения, в Петербург, для *доставления*? Соблаговолите просветить мое невежество [4].

Засим кланяюсь Вам в пояс и прошу бога, нет, аллаха — Вы долго жили на Востоке — осыпать Вас розами благостыни, предварительно вынув все шипы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1386. В. Ф. ЛУГИНИНУ

26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
8-го октября 1862 г.
Amalienstrasse, 337.

Любезнейший Владимир Федорович, посылаю Вам, по обещанию, переданный мне адресс [1]. Вы увидите, что я не сделал никаких изменений: по зрелом соображении я нашел, что мне предстояло почти весь адресс переделать, на что я, разумеется, не имел никакого права. Я уже излагал Вам, в чем я не схожусь с Н⟨иколаем⟩ П⟨латоновичем⟩ — считаю нужным повторить Вам мои слова и прошу Вас доставить это письмо в Лондон [2].

а.) Адресс, по-моему, наполнен фактическими неверностями во всем, что касается введения уставных грамот (см., между прочим, нынешнюю «Северную почту»), вы-

купа, состояния крестьян и помещиков [3]. Это — род обвинительного акта против «Положения» [4]— а с «Положения» начинается новая эра России. Правительство это *знает* — а потому вся первая половина адресса покажется ему — и по справедливости — неосновательною.

b.) Редакция адресса составлена явно с целью приобрести несколько сотен или тысяч подписей от крепостников, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду к эманципации и «Положению» — зажмурят глаза на последствия Земского Собора [5]. Но, во-первых, это недобросовестно — и не нашей партии заключать какие-то ни было коалиции. Мы держимся только принципами и ясным и честным высказыванием их. Такая дипломация никуда не годится.

c.) Если этот адресс дойдет до крестьян — а это несомненно — то они по справедливости увидят в нем новое нападение дворянства на освобождение. В одной фразе даже выражается как бы сожаление о *невозможности барщины* [6]! Другие фразы — вроде, напр., следующих: «Русская земля остается невозделанной — крестьянин не имеет ни времени, ни охоты обрабатывать собственные поля» [7]— поразят крестьян⟨ина⟩ [а] своей явной неправдой — а мысль о Земском Соборе не утешит его ни на волос, если даже не испугает его. Главное наше несогласие с О⟨гаревым⟩ и Г⟨ерценом⟩ — а также с Бакуниным — состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформаторские начала в *народе* [8]; на деле же это — совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я бы мог прибавить — в самом широком значении этого слова [б] — существует *только* в меньшинстве [в] образованного класса — и этого достаточно для ее торжества, если мы только самих себя истреблять не будем..

Вообще весь адресс как бы написан задним числом; он отстал на целый год и едва ли найдет где-нибудь действительный отголосок — кроме партии крепостников: а этим [г], я полагаю, самые составители адресса не останутся довольными.

Я должен Вам признаться, что я сам ношусь с мыслию адресса и полагаю составить его в Париже [9]. Нечего и

[а] *В подлиннике ошибочно:* крестьян
[б] *Далее зачеркнуто:* также
[в] *Далее зачеркнуто:* этого
[г] *Было:* а на этом

говорить, что я сообщу мой проект в Лондон. Программа адресса вкратце следующая:

«Признав великое благо, основанное „Положением“, указать на необходимость некоторых дополнений и улучшений — а главное, на настоятельную потребность привести весь остальной состав русского государства в гармонию с совершившимся переворотом — и для этого, раскрыв беспощадной рукой все безобразия нашей администрации, суда, финансов и т. д., требовать созвания[д] Земского Собора, как единого спасения[е] России — одним словом, доказать правительству, что оно должно продолжать дело, *им начатое*».

Я очень хорошо знаю, что правительство не примет подобного адресса — и даже будет готово наказать подписавшихся; но, так же как сообщенный мне адресс, он будет написан для возбуждения общественного мнения — и по крайней мере, всякий будет в состоянии пристать к нему, не изменяя своим убеждениям и не скрывая их.

Оканчивая это письмо, повторяю одно: не должно забывать, что, какие бы ни были последствия от «Положения» для *дворян*, *крестьянин* разбогател и, как они выражаются, *раздобрел* от него — и знает, что он этим царю обязан... Безумно было бы не принимать этих фактов в соображение и, вслед за М. Безобразовым и другими, лепетать обвинения[10], которые показывают или недобросовестность или незнание.

Надеюсь увидеть Вас на днях в Гейдельберге[11]. Откровенно Вам скажу, что был очень рад нашему знакомству и надеюсь, что оно продолжится. Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

1387. А. И. ГЕРЦЕНУ

26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
8-го окт. 1862 г.
Amalienstrasse, 337.

Милый А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ — я оттого долго не отвечал, что всё собирался *большое* письмо написать; — но приезд Лугинина дал мне толчок — и я пишу тебе[1] — не знаю, как выйдет: коротко или длинно. Прежде всего

[д] *Вместо* требовать созвания *было:* указать на созвание
[е] *Было:* как на единое спасение от

скажу тебе, что сам Л⟨угинин⟩ мне понравился так, как давно молодой человек мне не нравился: это благородное и дельное существо. Насчет адресса я уже подробно отвечал ему — и ты, вероятно[a], получил мой ответ. Я просил его переслать тебе его немедля [1].— Что же касается до моего ответа на письма, помещенные в «Колоколе» [2]— то уже несколько страниц было набросано — я тебе покажу их — но так как всем известно, что ты пишешь мне — я приостановился — тем более что получил под рукою — *официозное* предостережение не печататься в «Колоколе» [3]. Потеря в сущности не большая для публики — хотя для меня оно было бы важно. Главное мое возражение состояло в том, что ты в отношении собственно ко мне — не так поставил вопрос: не из эпикуреизма, не от усталости и лени — я удалился [4], как говорит Гоголь, под *сень струй* [5] европейских принципов и учреждений; мне было бы двадцать пять лет — я бы не поступил иначе — не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа.— Роль *образованного* класса в России — быть передавателем цивилизации народу, с тем чтобы он сам уже решал, что ему отвергать или принимать — эта, в сущности, скромная роль — хотя в ней подвизались Петр Великий и Ломоносов [6], хотя ее приводит в действие революция — эта роль, по-моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротив, немецким процессом мышления (как славянофилы) абстрагируя из едва понятой и понятной субстанции народа те принципы, на которых вы предполагаете, что он построит свою жизнь — кружитесь в тумане — и, что всего важнее, в сущности *отрекаетесь от революции* — потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence — и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах [7]. Далеко нечего ходить — посмотри на наших купцов. Я недаром употребил слово: абстрагировать. *Земство*, о котором вы мне в Лондоне протрубили уши [8],— это пресловутое *земство* оказалось на деле такой же кабинетной, высиженной штучкой, как *родовой быт* Кавелина [9] и т. д. В течение лета я потрудился над Щаповым [10] (истинно потрудился!) — и ничего

[a] *Далее зачеркнуто:* уже

не изменит теперь моего убеждения. *Земство* — либо значит то же самое, что значит любое односильное западное слово — либо ничего не значит — и в *щаповском* смысле непонятно ровно ста мужикам изо ста [11]. Приходится вам приискивать другую троицу, чем найденную вами: «земство, артель и община» — или сознаться, что тот особый строй, который придается государственным и общественным формам усилиями русского народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлекции, подвели его под категории. А не то предстоит опасность то низвергаться перед народом, то коверкать его — то называть его убеждения святыми и высокими, то клеймить их несчастными и безумными, как это сделал, чуть не на одной странице, Бакунин в своей последней брошюре [12]. Кстати о нем. На стр. 21-й он говорит: «В 1863-м году быть в России страшной беде, если царь не решит созвать всенародную Земскую думу» [13]. Если он хочет, я ему предлагаю какое угодно пари: я утверждаю, что царь ничего не созовет — и 1863-й год пройдет *преувеличенно тихо*. Es gilt? Я уверен, что и тут мое предсказание сбудется, как и сделанное мною, помнишь, весною в Лондоне насчет уставных грамот. Я ошибся только в том, что думал, что к концу года половина их будет представлена — а они теперь уже почти все представлены [14]. Эх, старый друг, поверь: единственная точка опоры для живой, революционной пропаганды — то меньшинство образованного класса в России, которое Бакунин называет и гнилыми, и оторванными от почвы, и изменниками [15]. Во всяком случае, у *тебя* другой публики нет. Ну, а теперь довольно. Dixi et animam meam salvavi. А я все-таки люблю тебя от души и крепко жму тебе руку.

Твой Ив. Тургенев.

P. S. Насчет адресса скажу одно: мне достаточно того факта, что к нему могут приложить руки М. Безобразов и Паскевич [16], чтобы не прикладывать моей.

1388. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден

Bade.
Amalienstrasse, 337.
Ce 8 octobre 1862.

Ma chère fillette, j'ai reçu ta lettre et celle de Mme Innis. Tâchez de vous débarrasser des saletés que nous ont léguées nos prédécesseurs [1]. Je reviens à Paris dans

une semaine au plus tard — mais vous saurez exactement le jour et l'heure. J'espère que vous êtes allées voir ces dames de la pension [2] et les Tourguéneff [3], s'ils sont à Paris. Envoyez-moi l'adresse de Mme Rachette, que je vous recommande comme étant une très bonne et douce personne. Reprends vite ton piano ; dis à Mme Innis de faire les achats nécessaires — et si l'argent manque, vous n'avez qu'à m'écrire : je vous en enverrai sur-le-champ.

Ainsi, dans une semaine ! Que de bonnes embrassades alors — en attendant portez-vous bien, toutes les deux.

J. Tourguéneff.

P. S. Vous n'avez pas oublié d'aller chez mon bottier?

1389. Д. И. ЯЗДОВСКОЙ

26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
8-го октяб. н. с. 1862.

Любезнейшая Дария!

Я перед Вами виноват — не отвечал на Ваши два письма! Но отвечать было нечего. Я здоров, ем, сплю и увы! больше ничего не делаю!! А все-таки спасибо за Ваши письма, хотя собственно в них не было никаких известий!! Но драгоценные строки прелестной руки достаточно усладили мою душу!!! Через неделю я еду в Париж и буду жить на прежней квартире: rue de Rivoli, 210. Поклонитесь Тютчевым [1] и Александре Балтаза⟨ровне⟩, когда они вернутся. Захару скажите, что я ему завтра вышлю желаемую им бумагу для дяди и что дядя уже извещен [2]. А главное! скажите Анненкову, чтоб он *непременно* написал мне тотчас! Я желаю возобновить с ним переписку. В противном случае проклятия раздраженного любовника обрушатся и на Вашу голову и на его!! Слышите Вы, Дария??

Ваш коварный обольститель

Ив. Тургенев.

1390. А. И. ГЕРЦЕНУ

4(16) октября 1862. Гейдельберг

Любезный друг А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. Так как Лугинин сообщил тебе подробный перечень всего того, что происходило между нами по поводу известного тебе адресса [1], то я не считаю нужным повторять то, что ты

уже знаешь. Ограничусь несколькими словами для объяснения, или, лучше сказать, для точнейшего определенья причин, лежащих в основании моего воззрения.

Во-1-х) я полагаю, что взять «Положение» [2] исходной точкой отрицательного или революционного противудействия — и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Так ли, сяк ли, вследствие ли усталости, отсутствия ли строгой логики, свойственной всякому народу, желания ли примириться на малом — если это малое все-таки до некоторой степени выгодно,— но *«земля приняла „Положение“»*; скажу более: она в весьма скором времени сольет свое понятие о свободе с понятием о «Положении» — и будет видеть в его врагах — своих врагов; чему, между прочим, служит доказательством новое явление перехода крестьян *вместо оброка* — на выкуп. Нападать при *таких* обстоятельствах на «Положение», как на источник всей совершающейся неурядицы — и из этого выводить необходимость Земского Собора [3]— это значит — играть игру правительства [4]— и, пожалуй, окончательно разорвать связь с народом [a].

2.) Тебе известно новое решение правительства насчет губернских сеймов [5]— этого первого шага к парламентским формам. Не знаю, какой тут проект восторжествует: милютинский, отличающийся относительной шириною и свободой своих начал — или изуродованный и иезуитский Валуева [6]. Если, как следует предполагать, будет принят второй — то вот тут дельная и живая и практическая исходная точка для протестующего адресса, такого адресса, который предназначен поднять и расшевелить общественное мнение. Во всяком случае, мне кажется, теперь необходимо обождать: а.) *как* именно окончательно разрешится вопрос о «Положении» — это же должно совершиться очень скоро [7]— и b.) какое значение будут иметь постановления правительства о децентрализации и усилении провинциальной самодеятельности [8]. Всякий адресс, представленный именно теперь — кроме вреда, принести ничего не может — особенно адресс вроде вашего; — сверх того, я уверен, что и подписей — именно теперь — вы наберете очень немного — и произведете выстрел — хуже, чем на воздух — себе в лоб.

Вот, милый А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩, мое откровенное — unumwunden — мнение. Ты, я надеюсь, настолько

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Тем же людям, которые недовольны «Положением» потому, что оно упрочивает личную собственность, я даже отвечать не буду ⟨*2 нрзб.*⟩. До этого шага

меня знаешь, что не припишешь этого мнения ничему другому, кроме самого искреннего убеждения. Я не трус — я не люблю вилять ни перед собою, ни перед другими — а тебя я слишком уважаю и люблю, чтобы не сказать тебе всей истины. Согласишься ли ты со мною или нет — я не знаю; но я уверен, что это нисколько не изменит наших отношений.

Дружески жму тебе руку и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

Гейдельберг.
16-го октяб. 1862.

1391. Н. Н. РАШЕТ

4(16) октября 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
16-го окт. 1862.

Милая Наталья Николаевна, через неделю, если бог даст, я в Париже и увижу Вас. Я был в долгу перед Вами за Ваше милое письмо из Женевы — а пересланная ко мне Ваша записка еще увеличила этот долг. Надеюсь, что Вы теперь огляделись, не скучаете и не волнуетесь. Не могу только я себе представить, где этот Cours la Reine. Авось не слишком далеко от меня. Я недавно ездил в Гейдельберг и нашел там следы юного поэта [1] — т. е. говорил с людьми, которые его знали: оказывается, что он всё так же любезен и легко{мыслен / верен} — как юноша в «Черной шали» («Когда легковерен и молод я был» [2]). Чем он теперь занимается — стихотворениями, социализмом или тригонометрией?

Я писал моим дамам [3], чтобы они взяли мне место в Concerts populaires [4], и надеюсь сидеть рядом с Вами. Там же Вы увидите Вашего *друга* Боткина.

Вы очень хорошо сделали, что взяли к себе сироту на воспитание [5]; это добрая мысль — да и, кроме того, занятие. Утомлять себя можно и должно — оно и для здоровья полезно, но истреблять себя, т. е. самого себя кушать — не надо: а Вы немного к этому склонны. Но мы скоро увидимся — и я постараюсь, насколько могу, наставить Вас на путь истины.

Но всё шутки — а серьезно то, что я искренно Вас люблю и желаю Вам всего хорошего на свете. Поклони-

тесь от меня быстрому Случевскому — и примите уверение в дружеской моей преданности.

Ив. Тургенев.

1392. Е. Е. ЛАМБЕРТ

7(19) октября 1862. Баден-Баден

Баден-Баден.
19/7-го окт. 1862.

Милая графиня,

Я получил Ваше последнее письмо в Спасском — Вы меня извещали в нем о Вашем отъезде из Петербурга [1], но не говорили мне, куда именно Вы ехали, так что я не знал, куда писать Вам. В Петербурге, где я пробыл всего один день (в начале августа), мне сказали, что Вы в Париже — но по собранным справкам Вас там не оказалось. Я всё это говорю Вам для того, чтобы объяснить и извинить мое молчание (я всё еще ласкаю себя надеждою, что Вы его замечаете); но теперь я предполагаю, что Вы уже наверное возвратились в Петербург — и посылаю мое письмо в знакомый домик на Фурштатской. Мне было бы очень горестно, если б между нами прекратились те живые сообщения, к которым я привык и которыми так дорожу; а потому Вы бы меня очень обрадовали, если б ответили мне, хотя в двух словах — в Париж, rue de Rivoli, 210. Я здесь зажился — но я через два дня отсюда выезжаю и проведу бо́льшую часть зимы в Париже, где дочь моя уже меня ожидает вместе с своей гувернанткой.

Я приехал сюда прямо из деревни, где я провел около трех месяцев. Там всё шло хорошо — и я уверен, с каждым годом будет идти лучше. Вы, может быть, помните, что в деле освобождения крестьян я всегда был оптимистом и не верил никаким черным предсказаниям.— Впрочем, и в Петербурге дела, кажется, принимают более удовлетворительный оборот: телеграф сообщил известие о преобразовании суда у нас — и это тем особенно утешительно, что показывает твердую решимость государя: его не запугали происшествия нынешнего года [2] — дай бог ему и вперед идти тем же шагом!

Здесь я жил очень хорошо: видался постоянно с моими старинными приятелями [3], разъезжал, охотился, читал — и ничего не писал сам. Край здесь прекрасный — погода не совсем была благоприятная,— но выдавались дни чудесные. Под старость я начинаю уподобляться

мухе: солнце светит, ничего не болит — так и ничего больше не нужно. Видно, всякому приходится петь песенку Фонтенеля: «Jeune, j'étais trop sage» и т. д.[4] В Париже я предвижу необходимость зажить другою жизнью — надо будет работать... или, говоря правильнее, писать сказочки; пока я ничего другого для себя не предвижу[5].

Поклонитесь от меня Вашему мужу — и сообщите мне какие-нибудь сведения о гр. К. Ламберте. Что его здоровье? Что же касается до Вас самих, то примите от меня самое дружеское и искреннее рукожатие и будьте уверены в совершенной преданности

Вашего
Ив. Тургенева.

1393. Э. Ф. РАДЕН

Вторая половина сентября ст. ст.— 7(19) октября 1862 (?). Баден-Баден

Chère Madame, je reviens à l'instant même de la chasse et me vois dans l'impossibilité de profiter de l'invitation que la Grande Duchesse daigne me faire. Veuillez présenter à Son Altesse l'expression de mes remercîments ainsi que celle de mes regrets — et agréez, je vous prie, l'assurance de mes sentiments sympathiques et dévoués.

J. Tourguéneff.

Dimanche.
$6^1/_2$ h. du soir.

На конверте:

Madame
la baronne de Rahden
à l'hôtel d'Angleterre.

1394. Э. Ф. РАДЕН

Вторая половина сентября ст. ст.— 12(24) октября 1862 (?). Баден-Баден

Chère Baronne,

Il est $8^1/_2$ h. et j'arrive de la chasse, complètement exténué cette fois — il me serait impossible de me rendre au désir de Madame la Grande Duchesse, d'autant plus que l'heure indiquée par Son Altesse est déjà passée. Veuillez être auprès d'Elle l'interprète de mes sentiments de recon-

naissance et de regret et acceptez pour vous-même l'expression de mon dévouement bien sincère.

J. Tourguéneff.

Vendredi.

1395. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

13(25) октября 1862. Баден-Баден

Bade.
Samedi, 25 oct.
2 heures $^1/_2$.

Chère Paulinette,

Au lieu d'aujourd'hui je pars demain matin à 8 h. 20 m. et j'arriverai à Paris, s'il plaît à Dieu, vers 9 h. du soir. Ainsi, ne vous inquiétez pas et au revoir demain.

J. Tourguéneff.

1396. М. А. БАКУНИНУ

16(28) октября 1862. Париж

Париж.
28 окт. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезный друг, я вчера сюда приехал, вчера получил твое письмо [1]— и сегодня пишу тебе два слова, для того чтобы уверить тебя, что я *немедленно приступлю* к исполнению того, что ты желаешь, насчет твоей жены [2] и Н⟨албандова⟩ [3], и, по мере возможности, буду стараться тебя успокоить наконец. В этом, как и во всем другом, ты можешь твердо надеяться на мою старинную приязнь, не зависящую, слава богу, ни от каких политических воззрений [4].

Скажи Герцену, что я жду от него ответа и присылки последнего № «Колокола» [5]. Если он сердится на меня за мои письма к нему об адрессе [6]— то всё же не до такой степени, чтобы не писать. Я вчера в постели прочел его рассказ в «Полярной звезде» о процессе Бартелеми и Бернара [7]— и раза два так принимался хохотать, что разбудил дочь, спавшую в соседней комнате. Это прелесть — и отличная вещь.

Прощай, жму тебе руку. Может быть, скоро увидимся.

Твой
Ив. Тургенев.

1397. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

19(31) октября 1862. Париж

Paris.
Ce 19/31 octobre 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Mon cher Monsieur Bodenstedt, je suis arrivé à Paris depuis deux jours et l'on m'a remis la lettre que vous m'aviez écrite au mois de mai, et qui jusqu'à présent a dû rester sans réponse, car elle ne m'a pas trouvé ici. J'étais parti pour la Russie, sans pouvoir, à mon grand regret, traverser Munich. Me voici de retour pour l'hiver et je m'empresse de me remettre en communication avec vous.

Je ne puis m'empêcher de commencer par vous parler de la traduction de ma nouvelle «Faust» [1]— quoique ce soit un peu égoïste de ma part. Je viens de la lire et je suis resté *ravi* à la lettre — elle est tout simplement parfaite. (Je parle naturellement de la traduction, non de la nouvelle). Il ne suffit pas de connaître à fond le russe — il faut encore être grand styliste soi-même, pour faire quelque chose d'aussi complètement réussi. Cette bonne fortune m'a fait venir l'eau à la bouche — et voici ce que je me permets de vous proposer. Je serais très heureux de me faire connaître au public allemand par[а] l'entremise d'un introducteur aussi excellent et aussi populaire que vous l'êtes — et si vous vouliez faire un choix de mes nouvelles pour les publier, je serais enchanté de tenir à votre disposition la somme que vous jugeriez suffisante pour vos honoraires — car je sais bien que les éditeurs actuels ne sont guère disposés pour tout ce qui est russe et ne se chargeraient tout au plus que de la publication. Si cette idée vous paraît acceptable, dites-moi un mot [2].— Quant à moi, je pourrais aller aisément aller[б] jusqu'à mille thalers. Ce n'est pas trop pour avoir la chance de[в] se faire apprécier par un *public* pareil au vôtre. En tous cas, vous seriez bien aimable de m'en dire votre avis.

Quant à cet infortuné article que vous avez envoyé à Pétersbourg — c'est une autre affaire. Il faut avouer que nous y avons joué de malheur [3]. Dans l'espace d'une année — cette revue («Le Contemporain») a perdu ses deux rédacteurs les plus influents par la mort [4], deux autres ont été emprisonnés (Tchernichefski va être jugé par le

[а] *Далее зачеркнуто:* l'introduct⟨ion⟩
[б] *Так в подлиннике.*
[в] *В подлиннике ошибочно:* de de

sénat) [5]— enfin elle a été suspendue pour 8 mois — ce qui signifie — pour toujours [6]. Il y a toujours eu un peu de désordre dans ses *papiers* — maintenant c'est un chaos — et je crains fort ne pas pouvoir retrouver cet article. Cependant dans ce moment même, un de mes amis est activement occupé à cette recherche [7]— et je ne désespère pas encore. Je vous écrirai immédiatement, dès que j'en aurai des nouvelles positives.

J'espère que votre santé est bonne et que vos yeux ne vous font pas souffrir. Présentez, s'il vous plaît, mes compliments à votre famille et rappelez-moi au bon souvenir de Mr P. Heyse. Si vous voyez Mme Nelidoff, dites-lui que j'attends une réponse à la lettre que je lui ai écrite de Bade [8]. Je lui ai envoyé en même temps un exemplaire de mon dernier roman — «Отцы и дети». Demandez-le-lui, si cela vous intéressait de le lire — ou bien je vous en enverrai un d'ici. Je compte sur une prompte réponse et vous serre bien cordialement la main.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P. S. Dans votre traduction, p. 69, ligne 15 d'en haut — il y a probablement une faute d'impression. Dans l'original — il y a: zu starr (пристальный — *fixe*) für Kinderaugen — et non pas feurig, ce qui serait en contradiction avec ce qui a été dit précédemment [9].

1398. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

19(31) октября 1862. Париж

Paris.
Ce 19/31 oct. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейшая Варвара Яковлевна, не обращайте внимания на французский заголовок этого письма — но обратите внимание на русские чувства благодарности (за Вашу память обо мне), преданности (за Ваши хорошие качества) и стыда (за собственную лень и продолжительное молчание), которые я намерен выразить Вам в этом письме.

Я, как Вы уже, вероятно, знаете из моего послания к Анненкову, пущенного через Ваши руки [1], нахожусь здесь с 28/16 октября — и пробуду здесь до «х», то есть до замужества моей дочери, которое неизвестно когда и как совершится. Хотелось бы вернуться в Петербург

еще зимою — но это всё во власти судеб. Намереваюсь работать — но пока еще только глазами хлопаю.

Позвольте обратиться к Вам с следующими двумя просьбами: а.) поезжайте к книгопродавцу — купите себе экземпляр «Отцов и детей» — переплетите оный отличным образом, приклейте на первый лист прилагаемый клочок бумаги [2]— и деньги за всё это возьмите с Анненкова, которому я их возвращу. b.) Другой экземпляр, не переплетенный, а также и один экземпляр «Дневника девочки», с моим предисловием [3]— пришлите на мое имя сюда, по почте, под бандеролью. А я вознесу молитвы ко всевышнему о Вашем благоденствии.

Засим будьте здоровы и веселы. Кланяюсь Вашему мужу, Вашему брату (кстати, чем кончилось порученное мною ему дело о взыскании денег с княгини Куракиной [4]? Если ничем, пусть он пришлет сюда бумаги) — и всем петербургским друзьям — а Вам крепко-накрепко жму руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Портрет я Вам все-таки вышлю.

1399. А. И. ГЕРЦЕНУ

23 октября (4 ноября) 1862. Париж

Париж.
4-го нояб. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Милый А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩, твое *краткое* письмецо [1] меня *пространно* порадовало — сказал бы автор «Мизераблей» [2]— и я желаю тебе сообщить, что я прибыл сюда на днях и поселился на своей старой квартере. Я не думал, что ты сердишься на меня за мое несогласие на адресс, но за то, что я — хотя на некоторое время — помешал другим подписаться под него. Не могу также согласиться с тем, что ты говоришь о моих колебаниях, смятениях и объяснениях: мне помнится, я весьма решительно и безо всяких *«консидеранов»* изъявил мое неодобрение сообщенного мне продукта. Я мог ошибиться — но я очень ясно знал, какого я был мнения. Я вполне согласен с тобою, что я — не политическая натура [3]; но коли уж на то пошло, признаюсь, лучше быть неполитиком в моем роде, чем политиком в роде Огарева или Бакунина.

Что касается до твоего последнего письма в «Колоколе» — оно, как все прежние, умно, тонко, красиво — но без вывода и применения. Мне начинает сдаваться, что в столь часто повторяемой антитезе Запада, прекрасного снаружи и безобразного внутри — и Востока, безобразного снаружи и прекрасного внутри — лежит фальшь, которая потому еще держится даже в замечательных умах — что она, во-первых, не сложна и удобопонятна, а во-вторых — a l'air d'être très ingénieuse et neuve. Но уже на ней мне видятся белые нитки и истертые локти — и всё твое красноречие не спасет ее от зияющей могилы, где она будет лежать en très bonne compagnie вместе с философией Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовым бытом славян и — дерзну прибавить — статьями великого социалиста Николая Платоновича [4].

Тот *самум*, о котором ты говоришь, дует не на один Запад — он разливается и у нас,— но ты, в течение почти четверти столетия (16 лет) отсутствуя из России, пересоздал ее в своей голове [5]. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней, горько; — но, поверь, оно в сущности еще горше, чем ты предполагаешь — и я на этот счет — больше мизантроп, чем ты. Россия — не Венера Милосская в черном теле и в узах; это — такая же девица, как и старшие ее сестры — только что вот задница у ней пошире — и она уже ⟨- - -⟩ — и так же будет таскаться, как и те. Ну — рылом-то она в них не вышла, говоря языком Островского. Шопенгауера, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауера.

Однако, довольно. Все-таки жду твоего будущего письма с нетерпением и дружески жму тебе руку.

Твой Ив. Тургенев.

P. S. Ханыкова еще нет в Париже — я ему сообщу, что ты мне написал [6]. Боткин здесь — и благоговейно служит слабому желудку, глазам, носу, ляжкам и т. д.

1400. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

25 октября (6 ноября) 1862. Париж

Paris.
Rue de Rivoli, 210.
Ce 6 novembre 1862.

Votre lettre m'a fait beaucoup de plaisir, mon cher Monsieur Bodenstedt, et je suis heureux de vous voir accueillir si favorablement ma proposition [1]. Je le répète —

c'est une véritable bonne fortune pour moi — de trouver un traducteur tel que vous et j'en suis tout fier d'avance. Quant au choix que vous me demandez de faire parmi mes productions, je crois que vous seriez beaucoup plus compétent que moi pour juger ce qui peut convenir au public allemand. Cependant je vais vous indiquer quelques titres pour me conformer à votre désir — à savoir: «La Nichée de gentilshommes» («Дворянское гнездо»), «Roudine» («Рудин»), «L'Auberge de grand chemin» («Постоялый двор»), «Le journal d'un homme de trop» («Дневник лишнего человека»), «Un premier amour» («Первая любовь»), «Annouchka» («Ася»), «Les trois rencontres» («Три встречи»), «L'Antchar» («Затишье»). Sans compter «Moumou» et «Faust», que vous avez déjà traduits. On pourrait aussi y ajouter mon dernier roman: «Les Pères et Enfants» («Отцы и дети») [2]. Je vous l'enverrai dans deux ou trois jours. Je puis aussi vous envoyer la dernière édition complète de mes œuvres, si vous ne l'avez pas [3]. Je le répète, vous ferez ce que vous jugerez convenable — et cela sera très bien fait. Si vous voulez m'envoyer les manuscrits, je vous promets de les garder le moins possible — et je ne sais pas même, si c'est nécessaire. Mais je ne demande pas mieux que de me mettre à votre disposition. Si vous aviez besoin d'une partie de la somme indiquée [4], vous n'avez qu'à me le faire savoir.

Je vous remercie pour l'envoi du journal que je vous expédie sous bande. J'ai lu votre article avec le plus vif intérêt [5].

Je prends la plus grande part au malheur qui vient de frapper ce pauvre Heyse [6].

Présentez mes compliments à Mme Nelidoff, si vous la voyez, et recevez pour vous-même l'assurance des mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

1401. А. И. ГЕРЦЕНУ

27 октября (8 ноября) 1862. Париж

Париж.
8-го нояб. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Экая пошла у меня с тобою корреспонденция, любезнейший А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩! Может быть, она тебе не по вкусу — да такой на меня стих нашел. Нынешнее

письмо вызвано твоим последним письмом ко мне в «Колоколе». Оно очень замечательно — хотя написано несколько — не то что вычурно, а мудрено для многих читателей, которые не сразу поймут ни зарождение от Пана, ни *допуническое* — но это мелочи [1]. Ты с необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь диагнозу современного человечества — но почему же это непременно *западное* человечество — а не « bipèdes » вообще? Ты точно медик, который, разобрав все признаки хронической болезни, объявляет, что [а] вся беда происходит оттого, что пациент — француз. Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем-то видишь — великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм — das Absolute, одним словом — то самое Absolute — над которым ты так смеешься в философии. Все твои идолы разбиты — а без идола жить нельзя — так давай воздвигать алтарь этому новому неведомому богу, благо о нем почти ничего не известно — и опять можно молиться, и верить, и ждать. Бог этот делает совсем не то, что вы от него ждете — это, по-вашему, временно, случайно, насильно привито ему внешней властью; — бог ваш любит до обожания то, что вы ненавидите — и ненавидит то, что вы любите,— бог принимает именно то, что вы за него отвергаете — вы отворачиваете глаза, затыкаете уши — и с экстазом, свойственным всем скептикам, которым скептицизм надоел — с этим специфическим, ультрафанатическим экстазом твердите о «весенней свежести, о благодатных бурях» и т. д.[2] История, филология, статистика — вам всё нипочем; нипочем вам факты, хотя бы, например, тот несомненный факт, что мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, « genus Europaeum » — и, следовательно [б], по самым неизменным законам физиологии, должны идти по той же дороге. Я не слыхал еще об *утке*, которая, принадлежа к породе *уток*, дышала бы жабрами, как рыба. А между тем, в силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свежую крупинку снега на [в] иссохший язык, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и нам, должно быть дорого, по цивилизации, по законности, по самой революции, наконец — и, налив молодые головы вашей еще не перебродившей социально-славянофильской брагой, пускаете их

[а] *Далее зачеркнуто:* эта
[б] *Было:* потому
[в] *Далее зачеркнуто:* ваш

хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге. Что вы всё это делаете добросовестно, честно, горестно, с горячим и искренним самоотвержением — в этом я не сомневаюсь — и ты уверен, что я не сомневаюсь... но от этого не легче. Одно из двух: либо служи революции, европейским идеалам по-прежнему — либо, если уж дошел до убежденья в их несостоятельности, имей дух и смелость посмотреть черту в *оба* глаза, скажи [г] guilty — в лицо *всему европейскому человечеству* — и не делай явных или подразумеваемых исключений в пользу новодолженствующего прийти российского мессии, в которого, в сущности, ты лично так же мало веришь, как и в еврейского. Ты скажешь: это страшно, и популярность можно потерять и возможность продолжать деятельность... Согласен, но, с одной стороны, и так действовать, как ты теперь действуешь — бесплодно — а, с другой стороны, я в тебе, на зло тебе, предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никаких последствий от высказывания того, что ты считаешь истиной. Мы еще подождем, а теперь довольно.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. А твой друг и фаворит Панин?

Кто ада и небес (своим ростом) досягал —
Упал [3]!

И Чевкин — туда же.

1402. Н. Х. КЕТЧЕРУ

28 октября (9 ноября) 1862. Париж

Париж.
9-го ноября / 28 окт. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезный друг, пишу тебе по нижеследующему делу и надеюсь на твою готовность исполнить мою просьбу. Вот в чем она состоит: здесь, как ты может быть знаешь, живет Марья Александровна Маркович (Марко Вовчок). Положение ее было сносно — т. е. она перебивалась коекак — но теперь она внезапно очутилась в скверном казусе: пятьсот рублей серебр., которые она ожидала получить от некоего г. Лобко, за проданные ему малороссий-

---

[г] *Далее зачеркнуто:* свое

ские сочиненья [1], задержаны Белозерским, издателем «Основы» — за какой-то долг, сделанный мужем г-жи Маркович (об этом я пишу в Петербург [2]); но Солдатенков купил у нее ее русские сочинения и даже дал задатку 100 руб. сер.[3]— а Соколов (живописец) хотел взять ее повести в редакции «Русского вестника» [4], продать их и прислать деньги. Сделай одолжение, узнай от Солдатенкова, какие его намерения и приступил ли он к изданию; — а также, взял ли Соколов эти повести и что он с ними сделал — и где он находится. М. А. Маркович довольно безалаберная особа — но нельзя же допустить, чтобы ее засадили в Клиши [5]; пожалуйста, похлопочи — не может ли Солдатенков ей что-нибудь выслать в счет будущих благ. Ты очень ее и меня обяжешь, приступив, не мешкая, к разрешению этих затруднений: надеюсь на твою старинную дружбу и жду ответа.

Экземпляров «Отцов и детей» я еще не получал [6]— а очень бы хотелось посмотреть на них — да они мне и нужны. Ты распорядился насчет высылки?

Дружески жму твою руку, кланяюсь всем знакомым и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

1403. Е. Е. ЛАМБЕРТ

28 октября (9 ноября) 1862. Париж

$\frac{\text{28-го окт.}}{\text{9-го нояб.}}$ 1862.
Париж.
Rue de Rivoli, 210.

Милая графиня, спешу благодарить Вас за Ваше письмо [1]— и без дальнейших объяснений и оправданий — возобновить нашу переписку. Да и к чему они, эти оправданья — между людьми, которые, как мы с Вами — давно узнали и, смею прибавить, полюбили друг друга? Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету — но попали в одно время — и не выпустим друг друга из вида: помощь всякому нужна и от всякого — и с первого до последнего дня жизни.

Кстати, я заговорил о первом дне жизни. Нынешний день 28-го окт⟨ября⟩ был именно этим первым днем для меня сорок четыре года тому назад. Почти вся жизнь уже позади — и я не могу сказать, с каким собственно ощущением я гляжу в прошедшее. Мне не то что жаль его, не то

что досадно, не думаю я, что я бы мог лучше прожить, если б!.. Не страшно мне смотреть вперед — только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых законов над собою — и маленький писк моего сознания так же мало тут значит, как если б я вздумал лепетать: «я, я, я»... на берегу невозвратно текущего океана. Муха еще жужжит — а через мгновенье — тридцать, сорок лет тоже мгновенье — она уже жужжать не будет — а зажужжит — та же муха, только с другим носом — и так[a] во веки веков. Брызги и пена реки времен! Однако — довольно эдак философствовать — тем более, что Вам все эти сравненья и т. д. едва ли понравятся.

То, что Вы мне говорите о Вас самих, меня и трогает и радует: я вижу, что Вы дошли до того спокойствия самоотрицания, которое столь же благодатно и благотворно — сколь спокойствие эгоизма — бесплодно и сухо. Ничего не хотеть и не ждать для себя — и глубоко сочувствовать другому — это и есть настоящая святость. Не хочу сказать, что Вы ее достигли; — но Вы на дороге — это уже великое дело. Вы, надеюсь, поймете меня, что, говоря: ничего не хотеть для себя — я не думаю отрицать забот Ваших о своей душе: любить свою душу — и любить себя — две вещи разные.— Вы упоминаете о «благодеянии», которое я Вам некогда оказал: уж коли я был такой великий человек, то позвольте мне потребовать себе награду: а именно — Вы никогда не должны допускать даже мысль о забывчивости, когда говорите о моих чувствах к Вам[2].

Вы мне ничего не пишете о своем здоровье — надеюсь, что оно не хуже прошлогоднего. Известие о Вашем муже мне было очень приятно. Что касается до графа Карла — то нельзя не жалеть о нем — и это, я полагаю, самое тяжкое наказание для его непреклонной души[3].— Почему Вы полагаете, что Полинька (которая Вам усердно кланяется) не ходит в церковь? Я не только «не отнял бога у нее» — но я сам с ней хожу в церковь. Я бы себе не позволил такого посягательства на ее свободу — и если я не христианин — это мое личное дело — пожалуй, мое личное несчастье. Полинька, напротив, очень религиозна.

Прощайте, милая графиня; крепко и любовно жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* до конца

1404. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

4(16) ноября 1862. Париж

Paris.
Ce 16 novembre 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Le choix que vous avez fait de mes œuvres me paraît excellent — et je le répète, je vous donne carte blanche [1]. En même temps je me permets d'attirer votre attention sur un petit récit de quelques pages que mon dernier éditeur a inséré dans le 1-r volume parmi les «Записки охотника» et qui se nomme «Поездка в Полесье» [2]. Cela a été traduit en français sous le titre : « Deux journées dans les Grands Bois » [3].

Quant à la somme en question je m'empresse de vous avertir qu'elle vous sera envoyée dans deux ou trois jours, sans faute [4].

Je vous prie de présenter mes meilleurs compliments à Mr et Mme Nelidoff et de recevoir pour vous-même l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

1405. А. И. ГЕРЦЕНУ

13(25) ноября 1862. Париж

25-го ноября 1862.
Париж. Rue de Rivoli, 210.

Любезный А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ — мне очень жаль, что ты переменил свое намерение — и не послал мне своего *злого* письма [1]: злое письмо все-таки лучше раздраженного. Но я не хочу вдаваться ни в какие рекриминации — и все-таки рад, что ты хоть как-нибудь отвечал. Признаюсь — я ожидал возражений на мои возражения [2]— но я вижу, что ты и оскорбился и огорчился моими, сколько я помню, далеко не резкими и не непочтительными намеками на Огарева — или, лучше сказать — на его теорию [3]. Виноват, соглашаюсь, что лучше было не говорить об этом, и обещаюсь не задевать тебя ни единым словом с этой, для тебя столь чувствительной, стороны. Только могу тебя уверить, что в моем нерасположении к вышеупомянутой теории существует нечто не столь неразумное, как антипатии «брюхатой женщины». Я бы мог изложить тебе подробно причины, почему я так думаю — но убедить тебя я не надеюсь, а огорчить тебя опять — боюсь. Итак — пусть весь этот вопрос останется между

лами вроде истукана в Саисе — под непроницаемым покровом [4].

Не могу также принять твое обвинение в *нигилизме* [5]. (Кстати — вот судьба: я же швырнул этот камень — и меня же он бьет в голову.) [6] Я не нигилист — потому только, что я, насколько хватает моего понимания, вижу трагическую сторону в судьбах *всей европейской* семьи (включая, разумеется, и Россию). Я все-таки европеус — и люблю знамя, верую в знамя, под которое я стал с молодости. Ты одной рукой рубишь *его* древко, а другою ловишь какое-то для нас еще невидимое древко — это твое дело — и, может быть, ты прав. Но ты менее прав, когда приписываешь мне какие-то побочные цели (вроде удовольствия кормить паразитов [7]) — или небывалые чувства, вроде раздражения против молодого поколения [8]. К чему это? Не похоже ли это на упреки, которые делают тебе в том, что ты, мол, говоришь и пишешь не из убеждения — а из тщеславия и т. д. Этого рода догадки и сплетни — скажу прямо — недостойны нас с тобой.

Засим жму крепко тебе руку и желаю тебе здоровья и бодрости. Я очень рад, что ты меня любишь, и уверен, что, поразмыслив хорошенько, ты увидишь, что негодовать на меня не за что.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1406. А. И. ГЕРЦЕНУ

21 ноября (3 декабря) 1862. Париж

Париж.
3-го дек. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезный друг, не помню, какой-то мудрец сказал, что нет таких умных людей, которые умели бы освободиться от самых очевидных недоразумений. Неужели это изречение должно оправдаться над нами? Посуди сам: я, напр., пишу тебе, что обвинить меня в любви к паразитам так же *нелепо*, как искать в тщеславии причину твоей деятельности [1],— а ты с негодованьем доказываешь, что ты работаешь не из тщеславья [2];— я *называю* Шопенгауера [3]— ты упрекаешь меня в поклонении авторитету [4];— я прошу тебя не сердиться на меня за одно слово об Огареве и отвечать мне на мои вопросы [5]— ты иронически подозреваешь меня в сожалении о том, что я опроверг тебя «до безмолвия»...[6] и т. д. Пожалуйста, бросим этот

тон: будем лучше спорить горячо, но по-приятельски — безо всяких ricanements и недомолвок. Если я был этим грешен (sans le savoir), то прошу у тебя извинения — и basta cosi.

Ты требуешь, чтобы я тебе изложил причины моего нерасположения к Огареву как писателю. Я готов тебе повиноваться, но не могу не заметить, что на письме это непременно выйдет *голословно*. Ты сам хорошо поймешь, что приводить и пересчитывать на письме доказательства — невозможно; — прошу только тебя верить[a], что они существуют для меня — и что я не подвержен никакой беременности ни физиологической, ни психологической[7]. Итак, Огареву я не сочувствую, во-1-х) потому, что в своих статьях, письмах и разговорах он проповедует старинные социалистические теории об общей собственности и т. д., с которыми я не согласен; * во-2-х) потому, что он в вопросе освобождения крестьян и тому подобных — показал значительное непонимание народной жизни и современных ее потребностей — а также и настоящего положения дел; в-3-х) наконец — потому, что даже там, где он почти прав (как напр.: в статье о судебных реформах[8]), он излагает свои воззрения языком тяжелым, вялым и сбивчивым, обличающим отсутствие таланта, — что, впрочем, ты, вероятно, сам если не чувствуешь, то подозреваешь — из несомненного факта постепенного падения «Колокола» и охлаждения к нему публики. Правда до политических изгнанников так же трудно доходит, как и до царей; обязанность друзей — доводить ее до них. «*„Колокол“ гораздо менее читается с тех пор, как в нем стал первенствовать Огарев*» — эта фраза стала в России тем, что в Англии называется a truism. И это понятно: публике, читающей в России «Колокол», не до социализма: она нуждается в той критике, в той чисто политической агитации, от которой ты отступил, сам надломив свой меч. «Колокол», напечатавший без протеста 1/2 манифеста Бакунина[9] и социалистические статьи Огарева[10] — уже не *герценовский*, не *прежний* «Колокол», как его понимала и любила Россия. Вот пока всё, что я могу тебе сказать.

---

* Бакст в Гейдельберге, напр., объявил мне, что «Николай Платонович не потому опровергает „Положение“, что оно несправедливо для крестьян, а потому что им освящается принцип *частной собственности* в России».

[a] *Далее зачеркнуто:* мне

С большим удовольствием увижу здесь твоих милых дочек [11] и сделаю для них всё возможное. Жму тебе руку и остаюсь любящий тебя

Ив. Тургенев.

1407. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

28 ноября (10 декабря) 1862. Париж

Paris.
Ce 10 décembre 1862.
Rue de Rivoli, 210.

J'ai mille excuses à vous faire pour le retard que j'ai mis à vous envoyer les 500 thalers promis. Une foule de circonstances imprévues en a été la cause. Mais aujourd'hui elles sont écartées et j'écris au banquier F. Mayer de Bade de vous envoyer l'argent en question. Vous le recevrez dans deux ou trois jours au plus tard — et vous aurez l'obligeance de m'en accuser réception [1]. J'espère aussi que vous me donnerez des nouvelles de votre travail et de vous-même, surtout. J'ai à vous remercier pour votre aimable envoi, qui ne m'est parvenu que ce matin. Je me fais une véritable fête de lire votre livre [2].

Présentez, s'il vous plaît, mes compliments à toute votre famile, à Mme Nelidoff et à Mr Heyse et recevez pour vous-même l'expression de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

1408. М. Н. КАТКОВУ

28 ноября (10 декабря) 1862. Париж

Париж.
10-го дек. н. с. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Михаил Никифорович, позвольте попросить Вас от имени Марьи Александровны Маркович переслать немедленно находящиеся в редакции «Русского вестника» ее тетрадки в Петербург, Александру Карловичу Пфёлю, на Галерной в доме Утина, для передачи М⟨арье⟩ А⟨лександровне⟩ [1]. Этим Вы весьма обяжете и Марью Александровну и меня. В случае же, если эти тетрадки были взяты у Вас г. Соколовым [2] или кем-нибудь другим, то будьте так добры и уведомьте меня об этом.

Засим прошу Вас принять уверение в искренней моей преданности и совершенном уважении.

Ив. Тургенев.

1409. ИЗДАТЕЛЮ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

28 ноября (10 декабря) 1862. Париж

Милостивый государь!

В фельетоне Вашей газеты от 22 ноября (№ 316), подписанном буквами А. Ю., находится следующая фраза:

«Пусть... г. Некрасов *жертвует*... гг. Тургеневым, Дружининым, Писемским, Гончаровым и Авдеевым и издает „Современник"!»

Мнение, выраженное г. А. Ю., встречалось мною в печати не раз. Оно проникло даже в программы журнала, издаваемого г. Некрасовым [1]. Я до сих пор не считал нужным обращать внимание на подобные «заявления»; но так как из слов г. А. Ю. я должен поневоле убедиться, что молчание, особенно продолжительное, действительно почитается знаком согласия, то позвольте мне изложить перед Вами в коротких словах, как совершилось на самом деле собственно *мое* отчуждение от «Современника».

Я не стану входить в подробности о том, когда и почему оно началось; но в январе 1860 года «Современник» печатал еще мою статью («Гамлет и Дон-Кихот»), и г. Некрасов предлагал мне, при свидетелях, весьма значительную сумму за повесть, запроданную «Русскому вестнику» [2], а весною 1861 года тот же г. Некрасов писал мне в Париж письмо, в котором с чувством, жалуясь на мое охлаждение, возобновлял свои лестные предложения и, между прочим, доводил до моего сведения, что видит меня почти каждую ночь во сне [3].

Я тогда же отвечал г. Некрасову *положительным отказом*, сообщил ему мое твердое решение не участвовать более в «Современнике» и тут же прибавил, что «отныне этому журналу не для чего стесняться в своих суждениях обо мне» [4].

И журнал г. Некрасова немедленно перестал стесняться. Недоброжелательные намеки явились тотчас же и, с свойственной всякому русскому прогрессу быстротой, перешли в явные нападения [5]. Всё это было в порядке вещей, и я, вероятно, заслуживал эти нападения; но предоставляю Вашим читателям самим судить теперь, насколько справедливо мнение г. А. Ю. Увы! г. Некрасов

не принес меня в жертву своим убеждениям, и, вспомнив имена других его жертв, перечисленных г. А. Ю., я готов почти пенять на г. издателя «Современника» за подобное исключение. Но, впрочем, точно ли гг. Дружинин, Писемский, Гончаров и Авдеев пали под жертвенным его ножом? Мне сдается, что в течение своей карьеры г. Некрасов был гораздо менее жрецом, чем предполагает г. А. Ю.

Примите и пр.

Ив. Тургенев.

10 дек. н. ст. 1862 г.
Париж.

1410. М. А. МАРКОВИЧ

Вторая половина октября—ноябрь ст. ст. 1862. Париж

Любезнейшая Марья Александровна, я нездоров и должен сидеть дома — зайдите-ка ко мне вечерком — Мицкевича почитаем.

Ваш
Ив. Тургенев.

Понедельник.

1411. А. И. ГЕРЦЕНУ

4(16) декабря 1862. Париж

Париж.
16-го дек. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Гневен же ты, любезный А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩, уж как гневен, что и сказать нельзя! И в конце письма поставил такое неразборчивое слово [1]. Я решился прочесть: засим *кланяюсь* — хотя по-настоящему выходит: засим *плююсь*. Едва осмеливаюсь почтительнейше доложить, что статьи Огарева я действительно прочел сам (этот факт нельзя забыть, как вообще всякую преодоленную трудность) [2]; что П. В. Анненков, конечно, великий преступник, но что он, отдавая свою невинную статью «Русскому вестнику» в *начале* года, не мог с достоверностью предвидеть, что ее поместят в *конце* года рядом с виновной [3]; что протест К⟨авелина⟩ с моею подписью ты можешь напечатать когда и где угодно [4] — и что наконец ты, вероятно, смешал А. А. Фета, у которого вовсе *нет* деревни, с известным английским богачом и аристократом, Sir Athanasius Feth'ом, которого, впрочем, никогда не существовало [5].

А дочки твои прелестные; особенно Тата́, такое славное, умное, здоровое и здравое существо! Моя дочь просто в нее влюбилась в течение получасового ее посещения [6]. Все наши просьбы не могли убедить Mlle Meysenbug остаться в Париже день лишний — и нам пришлось только пожелать им счастливого пути.

А засим препоручаю себя тебе не в часы гнева, а в часы кротости и подписуюсь

Ив. Тург...

Что я! Совсем забыл. По твоему определению, я должен впредь подписываться следующим манером:

«Частица навоза золотушного
гипопотама, страдающего холерой».

Длинно немножко — но я не министр и резолюций не подмахиваю.

1412. П. В. АННЕНКОВУ

20 декабря 1862 (1 января 1863). Париж

1-го января 1863 (20-го декабря 1862).
Rue de Rivoli, 210.

Пишу Вам, как говорят англичане — a few lines, — чтобы благодарить Вас и за помещение моего письма, и за сделанный выпуск. Всё это умно, рассудительно, одним словом, хорошо [1]. Надеюсь на Вас и вперед. Вы мне скажете, если нужно будет, что сделать, а нападений я не боюсь. Фактов они не опровергнут (кстати, Некрасов предлагал мне 8000 р. за «Накануне», в присутствии А. Н. Островского и Е. Я. Колбасина — и письмо его хранится у меня [2]), а всё остальное — пустяки. Сообщенные Вами факты все до крайности интересны — и Боткин слушал чтение Вашего письма, облизываясь. Я непременно сам напишу Писемскому, а Вы пока поклонитесь ему от меня — и скажите, что я жажду прочесть его роман, предчувствуя заранее, что буду хохотать и любоваться мастерством. Островского вещь тоже меня интересует [3], хотя я несколько охладел к изображениям добродетельных людей в дегтярных тулупах и с суконным языком [4].

Вы, может быть, пожелаете иметь какие-нибудь сведения о моей деятельности. Увы, мой почтенный друг, она прекратилась и едва ли скоро возобновится. Я должен Вам сказать (но это между нами), что я сильно и глубоко потрясен. То, что я давно подозревал, теперь оказа-

лось несомненным: Райе[1] (здешний известный доктор) открыл у меня давно таившуюся, застарелую болезнь, и я не в состоянии оторваться от мысли об этой неизлечимой болезни, которая лишает меня сил, состарила меня и готовит мне самую печальную будущность. Тут уже не до сочинительства, не до *творчества*, как выражаются гг. эстетики и критики. А издатели журналов, словно сговорившись, бомбардируют меня письмами.

Вот, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, каким я унылым концом завершил мое письмо. Делать нечего — надо покориться...

1413. И. П. БОРИСОВУ

3, 22 декабря 1862 (15 декабря 1862, 3 января 1863). Париж

Париж.
3/15-го декаб. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Неисповедимы судьбы нашей... почты, дорогой Иван Петрович! Ваши два письма — одно от 26-го окт⟨ября⟩, другое от 22-го ноябр⟨я⟩[1] — пришли в Париж почти в один день! Мне они принесли двойную радость — и я спешу отвечать Вам.

Прежде всего чувствую потребность пожалеть о бедном Фетушке, которому непременно напишу на днях, хотя он и не ответил мне на моих два письма[2]. Каким образом эта беда с ним приключилась... уж не замешался ли злодей Редерер? Во всяком случае я надеюсь, что дальнейших последствий не будет — и он останется с обеими своими красивыми ручками[3].

3-го янв. нов. ст. 1863.
22-го дек. ст. ст. 1862.

Виноват, любезнейший Иван Петрович! Письмо это залежалось, как видите, около 20 дней. Не то чтобы я был очень занят — а разные не совсем веселые случаи помешали. Теперь, хотя в нескольких словах, но заплачу свой долг.

Меня искренно обрадовало известие о женитьбе Толстого и то, что Вы пишете об его жене[4], которую я, помнится, видел почти ребенком у ее отца, А. Е. Берса[5]. Желаю ему счастия — мира и тишины. Я не хотел бы с ним встречаться, но я никогда не переставал прини-

---

[1] *В публикации ошибочно:* Ройе

мать самое живое участие во всем, что касается до него — и теперь мне особенно было бы приятно услышать, что он снова принялся за литературную деятельность, которой ему никогда не следовало бы покидать [6].

Известия, сообщаемые Вами о ходе крестьянского дела, вообще утешительны и совпадают с известиями, приходящими из других источников. Весной, я надеюсь, всё окончательно успокоится — и когда я, в мае месяце, отъявлюсь в Спасское, дело будет сделано и начнется новая жизнь [7]. Но и старая не забудется — а именно: поездки в Новоселки и в Степановку, Редерер и т. д.

Желал бы я сообщить Вам что-нибудь о моих литературных занятиях — но на нет суда нет. Я решительно ничего не могу делать — кое-что вертится в голове, но ничего не ложится на бумагу. Что будет далее — неизвестно — но пока — неурожай [a] плохой, вроде того, которым, как слышно, грозит нам будущий год, по причине бесснежья.

До свиданья, добрейший Иван Петрович. Крепко жму Вам руку — дружески кланяюсь Вашей жене — и целую Петю в его умную голову. Будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1414. М. Н. КАТКОВУ

22 декабря 1862 (3 января 1863). Париж

Париж.
3-го янв. 1863.
22-го дек. 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Михаил Никифорович, спешу отвечать на Ваше письмо [1]. Начну с благодарности за ответ о тетрадках г-жи Маркович [2]: она сама уехала в Россию и уже распорядится там с ними как знает. Что же касается до повести моей, то, к истинному моему сожалению, ничего положительного сказать не могу: в последние три месяца я не написал ни единой строчки,— и не знаю, когда примусь за перо: на меня нашло расположение духа темное и к работе неудобное [a]; отчасти оно зависит от физических причин. Могу Вас уверить, что

---

[a] *Так в подлиннике, ошибочно вместо:* урожай

[a] *Было начато:* нерас⟨полагающее⟩

меня это огорчает более, чем кого-нибудь: но насиловать себя уже потому нельзя, что ничего путного все-таки не выйдет. Повторяю мое обещание отдать Вам эту повесть, как только она будет готова: но когда это исполнится, не знаю — и уже наверное не в январе [3].

Пожалуйста, не пеняйте на меня и верьте искренности моих слов.

Засим желаю Вам, при наступающем новом годе, всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1415. К. К. СЛУЧЕВСКОМУ

28 декабря 1862 (9 января 1863) (?). Париж

Любезнейший К⟨онстантин⟩ К⟨онстантинович⟩ — у меня завтра в субботу детский обед, и потому будьте *непременно* с Маней в $^3/_4$ 5-го у меня. Всех детей будет 5 — ее лет. До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Пятница.
Rue de Rivoli, 210.

P. S. Если нельзя, зайдите *до 11 часов.*

1416. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ

1856—1862 (?). Париж

Любезный Николай Александрович,

Делаво передал мне Ваше желание — и, поверьте мне, я бы с великим удовольствием исполнил его (это не фраза) — но я сам сижу без копейки и каждые два дня хожу справляться на почту, не пришли ли ко мне деньги. Я их жду со дня на день — и, если бы они пришли сегодня, я завтра бы Вам отнес желаемую Вами сумму. Если Вы можете подождать — то еще дело может устроиться.

Во всяком случае, прошу Вас все-таки рассчитывать на меня и верить в искреннюю преданность

Вашего Ив. Тургенева.

Воскресение утром.

1863

1417. НЕИЗВЕСТНОМУ

1(13) января 1863(?). Париж

Я должен просить у Вас позволения отложить наш сегодняшний обед до пятницы или субботы. Будьте так добры, извините меня и скажите, какой Вам день удобнее.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

Ив. Тургенев.

Вторник, 13-го янв.
Rue de Rivoli, 210.

1418. П. В. АННЕНКОВУ

7(19) января 1863. Париж

Париж.
7-го (19-го) января 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Очень меня удивило, любезнейший Павел Васильевич, известие, сообщенное Вашим письмом. Я убежден, что этот слух не имеет основания, потому что он слишком нелеп [1]. Вызывать меня теперь (в Сенат), после «Отцов и детей», после бранчивых статей молодого поколения [2], именно теперь, когда я окончательно — чуть не публично — разошелся с лондонскими изгнанниками [3], т. е. с их образом мыслей,— это совершенно непонятный факт. Здесь мне никто об этом не говорил,— никто, начиная с нашего теперешнего посланника, Будберга, с которым я познакомился в Новый год, и кончая прежним посланником, Киселевым, у которого я обедал на днях. Разумеется, если меня вызовут, я немедленно поеду — смешно даже прибавлять: с спокойной совестью; одно мне будет неприятно — зимняя поездка, которая, при моем нездоровье, не представляет ничего отрадного; ну, да и дочь мою здесь оставить не совсем весело. Но до сих пор я ничего ни от кого не слышал и надеюсь, что это всё окажется пуфом. А все-таки имею самонадеянность думать (экой галлицизм!), что мой образ мыслей должен быть известен и государю, и правительственным лицам у нас.

А если придется ехать, так и то меня утешает, что я Вас увижу и других добрых друзей. Неосмотрительного же или необдуманного поступка, как Вы пишете, я за собой не знаю [4]; вся моя жизнь как на ладони, и скрывать мне нечего.

До свидания, если не теперь, так в апреле...

1419. Ф. И. БИЗЮКИНУ

15(27) января 1863. Париж

Париж.
15/27 января 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Любезный Б⟨изюки⟩н,— я получил твое письмо с месяц тому назад и тотчас написал в Спасское о высылке тебе 50 рублей серебром [1]. Прошу тебя известить меня тотчас, как только ты их получишь.

Я всегда с участием следил за ходом твоего воспитания и радовался твоим успехам. Надеюсь, что теперь, когда ты вступишь на поприще действительной жизни, ты по-прежнему оправдаешь мое доверие. Времена, слава богу, наступили теперь другие, и всякий человек с головой и с поведением может проложить себе дорогу [2]. Будь уверен, что ты найдешь всегда во мне готовность быть тебе полезным. Помни, что первые шаги особенно важны и трудны, но они облегчены для тебя теми познаниями, которые ты приобрел [3].

Засим остаюсь доброжелательный твой

Иван Тургенев.

1420. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

15(27) января 1863. Париж

Париж.
15/27-го янв. 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Я так виноват перед Вами, любезнейшая Варвара Яковлевна, что даже извиняться совестно — а потому я даже не извиняюсь — а просто рассчитываю на Ваше добродушие и Вашу снисходительность [1]. Я должен принести Вам искреннее спасибо за высылку глинкинской музыки [2], которая, может быть, будет со временем представлена на суд здешней публики. Все мои поручения были исполнены Вами идеально [3].

Благодарю Вас также за участие, которое Вы принимаете в моем здоровье: оно теперь немного лучше.

Что же касается до моего вызова в Петербург, то я уже писал Анненкову, что я считаю подобный слух пуфом — и действительно он им оказывается [4]: я видел нашего посланника [5], обедаю завтра у него — и он ничего не знает и не слыхал об этом вызове.

Видно мне суждено быть предметом самых неправдоподобных сплетен.

Надеюсь увидеть Вас в апреле месяце, а пока желаю Вам всего хорошего, дружески жму Вам руку и кланяюсь всем Вашим.

Искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

1421. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

17(29) января 1863. Париж

Mon cher Monsieur Bodenstedt,

Je vous ai envoyé hier le manuscrit qui s'était égaré pendant si longtemps à la rédaction du « Contemporain » — et j'espère qu'il vous sera parvenu sain et sauf [1]. Je ne puis m'empêcher de regretter qu'un travail aussi consciencieux ait été perdu pour vous et pour le public — et je vous réitère mes excuses en mon nom et en celui de ces messieurs de Pétersbourg [2]. J'espère en même temps que vous pourrez encore l'utiliser.

Je serais bien enchanté de recevoir de vos nouvelles : vous vous plaigniez de votre santé dans votre dernière lettre [3] ; vous allez bien maintenant, n'est-ce pas ?

Quant à moi, je reste encore ici jusqu'au mois de mai — puis je retourne en Russie en traversant Munich, où je compte bien avoir le plaisir de vous voir.

En attendant un mot de réponse, je vous prie, cher Monsieur, d'accepter l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

J. Tourguéneff.

Paris.
Rue de Rivoli, 210.
Ce 29 janvier 1863.

На конверте:

Munich (Royaume de Bavière).
Mr F. Bodenstedt.
Karlstrasse, № 38,
in *München*.

1422. Е. Е. ЛАМБЕРТ

17(29) января 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
17/29-го янв. 1863.

Милая графиня, моя дочь показала мне письмо, которое она вчера получила от Вас [1] — и я узнал в нем Вашу добрую душу и нежный и тонкий ум. Ваш образ живо возник во мне, и я пишу к Вам несколько строк не для того, чтобы потревожить Вас в Вашем уединении, но для того, чтобы благодарить Вас за память обо мне, сохраняемую Вами среди отчуждения ото всего прошедшего — и в то же время уверить Вас, что Вы по-прежнему остались неизменно дороги для меня.— Всё это время я собирался к Вам писать. Я полагал, что Вы не получили моего последнего письма [2]; но из некоторых Ваших выражений я должен заключить, что Вы сами почли за лучшее умолкнуть. Я не смею даже пытаться нарушить Ваше решение — никто не имеет права трогать заветные струны чужой души, даже самой близкой: — но Вы мне позволите подавать иногда о себе весть — и я надеюсь, что если Вам вздумается снова беседовать со мною — Вы не остановитесь перед чувством ложной стыдливости, которая овладевает человеком, когда ему приходится изменить решению, самим им на себя наложенному. Вы все-таки ничего дурного не сделаете — и наконец — что же может быть непреложного и неизменного в нашей бренной и быстрой жизни [3]?

Как бы то ни было, благодарю Вас еще раз за Ваши добрые слова — и жму Вам руку с чувством, близким к умилению. Мы, может быть, увидимся в Петербурге, весной. Во всяком случае я знаю, наши сношения не прекратятся. До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1423. П. В. АННЕНКОВУ

19(31) января 1863. Париж

Париж.
19-го (31-го) января 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, прошло две недели с лишком с тех пор, как я получил Ваше письмо [1], в котором Вы сообщили мне распространившиеся обо

мне слухи. Я с тех пор имел личную беседу с нашим посланником, бароном Будбергом, и, как говорится,— ни слуху ни духу,— что подтверждает окончательно мои первоначальные впечатления насчет неправдоподобности самого факта [2]. Вы все-таки были бы очень любезны, если бы написали мне несколько слов об этом деле.

Теперь скажу Вам несколько слов о самом себе — и, как водится, дам несколько поручений. Слова будут следующего содержания: здоровье мое несколько улучшилось, и я, хотя вяло, но принялся за работу. Лекции о Пушкине [3] я все-таки не могу выслать или, лучше сказать, я могу их выслать, но с тем условием, чтобы они были напечатаны после вещи, которую я оканчиваю для «Времени» [4] и которая также пойдет через Ваши руки — для замечаний, критик и пр., как я это постоянно делал до сих пор. Это Вам не должно, однако, помешать взять у Корша, в счет будущих благ, 100 руб., которые Вы отдайте Захару, когда он явится к Вам с письмом от меня [5], за что я Вам заочно в ножки кланяюсь. Ведь я, кажется, еще ничего не брал у Корша?

Поручение состоит в покорнейшей просьбе — немедленно выслать мне, по книгопродавческому пути, книгу Костомарова «Северные народоправства» и книгу Беляева «Домашний быт русских царей». Я видел объявление о них в «Северной пчеле» [6], единственном журнале, аккуратно доходящем до Парижа; из «С.-Петербургских ведомостей» пришел только один 9-й нумер, а «Московские» вовсе не пришли. Миленькая перспектива! Мне тем более хотелось получать «С.-Петербургские ведомости», что Вы в них участвуете. Вы бы очень были великодушны, если б обратили внимание на наше сиротство. С другой стороны, именно теперь, при разрушении железных дорог и т. п., это трудно, но ведь все мы надеемся, что эти беспорядки долго продолжаться не могут [7].

Здесь всё идет потихоньку; я присутствовал на трех чтениях Диккенса [8] и пришел в совершенно телячий восторг. Перед этой гениальностью все наши чтецы: Писемский, Островский, превращаются в нечто менее мухи. Какая веселость, сила, грация и глубина! Этого передать невозможно. Даже Боткин расколыхался и готовит в наш журнал статью [9].

Мы здесь с Виардо перевели «Онегина», и он будет напечатан [10].

Поклонитесь от моего имени Писемскому и скажите ему, что я жажду прочесть его роман; если он напеча-

тает его в январской книжке «Б⟨иблиотеки⟩ для чт⟨ения⟩», то я умоляю его прислать мне оттиск по почте, на мой счет [11]...

1424. А. Ф. БУДБЕРГУ

21 января (2 февраля) 1863 (?). Париж

Je regrette vivement, Monsieur le baron, de ne m'être pas trouvé à la maison lorsqu'on a apporté la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. J'aurai l'honneur de me présenter demain à deux heures à l'ambassade si cela convient à Votre Excellence.

Agréez l'expression de mon profond respect.

J. Tourguéneff.

Lundi soir.

1425. П. В. АННЕНКОВУ

25 января (6 февраля) 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
25-го янв. (6-го февр.) 1863.

Любезный друг Павел Васильевич, слухи, которые Вы мне сообщали и которым я, по их неправдоподобности, не хотел верить, оказались справедливыми [1]. Меня действительно требуют назад в Россию. Немедленно я ехать не могу — семейные дела этому препятствуют [2], а потому, с одобрения нашего здешнего посланника, написал письмо государю [3], в котором прошу его сделать мне милость и велеть выслать мне допросные пункты, на которые я отвечу с совершенным чистосердечием. Задача эта будет нетрудная, потому что скрывать мне нечего. Я не в состоянии себе представить, в чем собственно меня обвиняют. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношения с товарищами молодости, которые находятся в изгнании и с которыми мы давно и окончательно разошлись в политических убеждениях [4]. Да и какой я политический человек? Я — писатель, как я это представил самому государю,— писатель независимый, но добросовестный и умеренный писатель,— и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезен или вреден, но должно сознаться, что оно немилостиво поступает со своим «тайным приверженцем», как Вы, помнится, меня называли [5]. Впрочем, я совершенно спокоен и буду спокойно ожидать ответа; не могу

также не сообщить Вам, что барон Будберг (наш посол) показал себя в этом деле с самой лучшей стороны.

То, что Вы пишете мне о перемене к лучшему, заметной в нашем обществе, очень меня радует [6]. Дай бог, чтобы оно было так! Хотя, например, выход сочинений г. Всеволода Крестовского, разом в двух изданиях, великолепном и народном [7], мало свидетельствует в пользу вкуса публики. Кстати, я с истинным удовольствием прочел Вашу статью об Успенском в «С.-Петербургских ведомостях» [8]. Известия из Польши горестно отразились и здесь. Опять кровь, опять ужасы... Когда же это всё прекратится, когда войдем мы, наконец, в нормальные и правильные отношения к ней?! Нельзя не желать скорейшего подавления этого безумного восстания, столько же для России, сколько для самой Польши [9].

Мое здоровье по-прежнему малоудовлетворительно, и за работу я принимаюсь вяло. Вы, напротив, я вижу, молодец и находитесь в полной деятельности. Хороша ли подписка на «С.-Петербургские ведомости»?..

1426. Н. Х. КЕТЧЕРУ

25 января (6 февраля) 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
25-го янв. / 6-го февр. 1863-го г.

Любезный Николай Христофорович, Марья Александровна Маркович, которая на днях приехала из России, просит меня обратить твое внимание на ее дело с Солдатенковым. Она, как ты знаешь, продала ему свои сочинения и получила вперед 100 р. сер. задатку [1]: теперь же она бы желала знать, согласен ли Солдатенков на те условия, которые он сам ей предложил, т. е. на ту цену за лист. Г-н Тиблен послал Солдатенкову расписку в том, что он не препятствует изданию сочинений г-жи Маркович — а г-н Пфёль возьмет таковую же с Кожанчикова [2]. Сделай мне дружеское одолжение, устрой это дело без замедления, так как г-жа Маркович нуждается в деньгах. Я тебе буду искренно за это благодарен. Это письмо будет тебе передано тем г-м Пфёлем, о котором я пишу выше. Одним словом, уговори Солдатенкова приступить, не теряя времени, к изданию.

Засим дружески жму тебе руку и еще раз прошу исполнить мою просьбу.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1427. С. Н. ТОЛСТОМУ

26 января (7 февраля) 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
26-го января / 7-го февраля 1863.

Любезнейший граф, я только сегодня получил Ваше письмо и деньги, 300 фр. Они были адрессованы poste restante — а мне и в голову не приходило сходить на почту — и если бы я сегодня случайно не завернул туда, их бы, пожалуй, отправили обратно. Но я их получил — и благодарю Вас.

Я слышал о свадьбе Вашего брата [1]: помнится, я видел его жену еще молоденькой девочкой в доме ее отца [2]. От души желаю ему счастья — и с нетерпеньем ожидаю его возвращения на литературное поприще: говорят, в «Русском вестнике» скоро явится его роман [3].

Надеюсь, что Вы здоровы и веселы — дружески Вам кланяюсь и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1428. А. А. ФЕТУ

26 января (7 февраля) 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
26-го янв. / 7-го февр. 1863 г.

Драгоценный Афанасий Афанасьевич, Вы в сердце поразили меня Вашим упреком: Вы полагаете, что я — сержусь на Вас!!! и оттого молчу... а я воображал, что *Вы* меня забыли. Дело в том, что я только сегодня получил Ваше письмо [1], находившееся в poste restante (у Гомберга ничего для меня не было) — а Вы, вероятно, не получили ни одного из двух писем, *пущенных* мною к Вам [2]. Теперь всё дело объяснилось — жаль только, что переписка наша покоилась на лаврах — а главное,

жаль, что Вы могли приписать мне дурное чувство. Но о прошедшем толковать нечего — и давайте снова бомбардировать друг друга письмами.

Я очень рад, что Вы снова возвращаетесь в свое степное гнездо: а то Вы в Москве либо хандрите, либо слишком прилежно посещаете нашего старинного друга, впрочем почтенного и приятного человека, г. Редерера [3]. Кстати, посмотрел бы я на Вас в костюме мавританца или алжирца, которым вы облекли свои члены на бале у Боткиных! Все эти известия доходят до меня через Борисова, с которым мы изредка перекликиваемся [4].

Мысль — издать все Ваши сочинения и переводы — отличная мысль [5]; должно полагать, что и публике она покажется таковою же — конечно, не той публике, для которой разом появляются два издания В. Крестовского, поэта Фрины, одно великолепное, другое народное...[6] Признаюсь — этот факт меня поразил. Дайте нам также продолжение Ваших милейших деревенских записок [7]: в них правда — а нам правда больше всего нужна — везде и во всем.

Боткин Вам уже писал, что г-жа Виардо положила на музыку: «Шепот, робкое дыханье» — и «Тихая звездная ночь». С тех пор она еще прибавила: «Я долго стоял неподвижно...» [8]. Музыка прелесть как хороша — и, бог даст, будет издана в нынешнем году в России [9] — но послать Вам ее — пока она не напечатана — невозможно. Потерпите — а не то приезжайте теперь сюда или летом в Баден. Музыка до того хороша, что сто́ит путешествия.

Изо всех ныне существующих муз — ни одна так упорно не молчала, как моя — всё это время; даже Вашу перещеголяла. Что будет дальше, не знаю — но что-то совсем притихло. Здоровье зато порядочно — т. е. теперь: зимой было скверно. Ну да ведь это всё суета сует и всяческая суета.

Жму Вам крепко руку и усердно кланяюсь Вашей жене.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Боткин процветает и дает нам восхитительные музыкальные утра.

P. S. О главном-то я и забыл написать. Где здесь найти гувернантку! помилосердуйте! Лоретку за огромные деньги — это дело другое. Надо брать француже-

нок, которые по тому ли, по другому ли резону уже попали на святую Русь; а посылать туда — дело невозможное. Уж Вы потрудитесь.

1429. Н. А. ОРЛОВУ

27 января (8 февраля) 1863. Париж

Париж,
rue de Rivoli 210.
8-го февраля 1863.

Любезнейший князь, брат мой [1] приехал вчера вечером и мы с ним долго беседовали о нашем деле [2]. Я убежден, что оно кончится благополучно: письмо мое к государю, в котором я его прошу приказать мне выслать обвинительные пункты [3], письмо и заступление самого Будберга [4] мне в том порукой. Во всяком случае я не предприму никаких решительных мер до получения ответа. Но так как предосторожность все-таки не мешает и так как брат мой находится в Париже, то мы подумали о том, как бы предотвратить всякие возможные неприятности. Мы остановились на следующем: брат мой даст на себя (так как в этом случае я должен остаться в стороне) вексель на сумму, равняющуюся, положим, половинной ценности моего имения, какому-нибудь доверенному лицу. Но лицо, которое должно быть с состоянием и советом — оставит этот вексель у меня в руках и только в случае скорой кончины моего брата предоставит его ко взысканию для удовлетворения меня из наследства. Если же я не сделаюсь изгнанником (чего я нисколько не желаю) или если брат успеет перевести мое имение за границу — то этот вексель уничтожается и всему делу конец. Из этого выходит, что употребление в действии этого векселя весьма неправдоподобно — и что он служит только как бы гарантией на крайний случай. Теперь обращаюсь к Вам с откровенной просьбой. Хотите Вы быть тем доверенным лицом, которому брат мой даст на себя вексель? Отвечайте мне, не стесняясь, с полной откровенностью; я понимаю, что у Вас могут быть соображения, которые Вас заставят колебаться. Я даже думал прямо обратиться к кн. Трубецкому — но я знаю, что с Вами всегда посоветоваться не худо и вот я иду за советом. Именем нашей дружбы прошу Вас ответить мне — прямо, без церемонии. Если Вы согласны, то мы с братом приедем в Брюссель для устройства этого дела; если Вы думаете, что лучше обратиться к князю Николаю

Ивановичу — то мы здесь останемся. Брат может посвятить на это неделю [5].

В ожидании ответа, благодарю Вас заранее, дружески жму руку и остаюсь

душевно Вас любящий
Ив. Тургенев.

1430. Е. Т. СЛИВИЦКОЙ

29 января (10 февраля) 1863. Париж

Париж.
29-го января / 10-го февраля 1863 г.
Rue de Rivoli, 210.

Милостивая государыня
Елизавета Тимофеевна!

Я вчера получил Ваше письмо от 9-го янв⟨аря⟩ из Харьковской губернии и немедленно отвечаю. Откровенно сознаюсь Вам, что оно меня и удивило и огорчило: я был твердо убежден, что долг мой Вам был давно уплочен. Вашего письма, написанного год тому назад — я никогда не получал — а мой дядя мне никогда не говорил о Вашем деле, которое я считал оконченным. Мне остается испросить у Вас извинения и принять меры к немедленному удовлетворению Вашего справедливого требования. Я сегодня же написал дяде, чтобы он выплатил Вам должную Вам сумму [1]: — если же он найдет это затруднительным — то чтобы дал мне знать, и я Вам тотчас вышлю вексель, который Вы получите до срока, т. е. до 14-го/26 марта. Времени у нас еще 6 недель с лишком. Я позволяю себе принять эту меру, потому что Вы сами разрешаете мне оставить у себя капитал на время. Но вексель будет сделан на год — и будет уплочен сполна в течение этого года.

Искренно сожалею, что не узнал об этом деле раньше, и надеюсь, что Вы не сомневаетесь в моем душевном желании Вас успокоить и быть Вам полезным. Прошу Вас принять уверение в моей совершенной преданности.

Иван Тургенев.

1431. Н. А. ОРЛОВУ

29 января (10 февраля) 1863. Париж

Вторник, 10-го февр. 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший князь, мне остаётся только от души искренно благодарить Вас: я ожидал это от Вашей дружбы.— Мы с братом явимся в Брюссель в *пятницу*, и тогда же устроим дело[1].

Еще раз благодарю Вас, крепко жму Вашу руку и ⟨...⟩

1432. А. И. ГЕРЦЕНУ

31 января (12 февраля) 1863. Париж

Париж.
12-го февр. 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Любезный А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. Это письмо будет вручено тебе одним моим очень хорошим приятелем и прекрасным человеком, Рудольфом Линдау. Он долго путешествовал в Японии и занят теперь сочинением, в котором опишет свои странствования [1]. Между прочим, он тебе в прошлом году прислал ректификацию рассказа об убийстве одного японца русским офицером: не знаю, получил ли ты ее и поместил ли в «Колоколе» [2]; во всяком случае, его словам можно верить: он вполне честный человек.

Но речь собственно идет не об нем, но обо мне. Начинаю с того, что требую от тебя глубочайшей и ничем не нарушимой тайны. Можешь ли ты себе представить: меня, меня, твоего антагониста, Третье отделение *требует* в Россию, с обычной угрозой конфискации и т. д. в случае неповиновения [3]. Каково? Ведь это наконец высочайший юмор. Я отвечал письмом государю [4], в котором прошу его велеть мне выслать допросные пункты; если они удовлетворятся моими ответами — тем лучше; — если нет — я не поеду — и пусть они срамятся и *лишают* меня чинов и т. д. Будберг, который в этом деле вел себя как нельзя лучше, уверяет, что это кончится ничем (он выразил сильное негодованье — сам писал Долгорукову [5] и т. д.); но как бы то ни было, я уже принял свои меры, выписал сюда брата [6] и т. д. Я тебе всё это рассказываю, между прочим, для того, чтобы кстати спросить, получил ли ты в прошлом году осенью из Гейдельберга от Лугинина — большой лист бумаги, исписанный мною,

в котором я изъяснял тебе, почему я не согласен на адресс [7]; если получил — и не сжег, отдай его Линдау. Я подозреваю, что в Гейдельберге за мной следили шпионы — потому что все мои тогдашние поступки стали известны — хотя в них не было ничего особенного. Ничипоренко всех и всё выдает [8] — а Бенни на воле [9]! Пожалуйста, чтобы это всё осталось тайной — а то Долгоруков ударит в набат, и это может мне очень повредить. Дай о себе знать что-нибудь.— Твое послание к русским солдатам в последнем «Колоколе» меня прослезило [10]. Крепко жму тебе руку и остаюсь

любящий тебя Ив. Тургенев.

1433. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

Январь 1863 (?). Париж

Jeudi matin.
Rue de Rivoli, 210.

Madame,

Vous êtes on ne peut plus bonne et gracieuse et je vous remercie beaucoup. Voulez-vous avoir la complaisance de nous fixer un jour, à ma fille et à moi, où nous puissions venir chez vous ? Elle s'est prise de passion pour vous — et je le trouve parfaitement naturel.

Mille amitiés et compliments.

J. Tourguéneff.

1434. Н. В. ХАНЫКОВУ

3(15) февраля 1863. Брюссель

Любезный Н⟨иколай⟩ В⟨ладимирович⟩,— я вчера имел долгий разговор с Вашим историком, тем же князем Н. А. Орловым [1], вследствие которого я не могу изменить свое мнение насчет набора в Польше и вот почему:

1) что лица выбираются не полицией, а рекрутским присутствием — это ничего не значит — потому что явная, нескрываемая цель Виелепольского и, *след⟨овательно⟩*, правительства — забрить всех так называемых революционеров, и цель эта достигается вполне и непременно *по указаниям полиции*. 2) Лица действительно берутся от 19 до 23 лет,— т. е. в самый опасный для правительства возраст. 3) Способ набора, о котором Вы пишете и который действительно существовал 30 лет в Польше — *был формально и на вечные времена отменен*

законом 1859-го г. и теперь восстановлен иллегально. Иллегальность эта страшно увеличивается еще тем, что нынешний набор, по числу своему, должен был *падать на все сословия*, а его *концентрировали* на одном — т. е. *не* сказали — мы легальных 3000 возьмем с горожан — а 3000 будем считать недоимочными с крестьян — или совсем простим их; — но объявили, что все *6000* пойдут с горожан [2]. В этом и в отсутствии очереди состоит вопиющая, безобразная несправедливость, которая не становится оттого менее безобразной, что в Италии совершается нечто подобное. Впрочем, все эти факты буквально сообщу Ланфрею — и пусть он судит о них как знает [3].

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Воскресение утром.

1435. Б. М. МАРКЕВИЧУ

6(18) февраля 1863. Париж

Paris.
Ce 18 février 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Je n'ai pu vous répondre sur-le-champ, mon cher ami — car je ne suis de retour à Paris que depuis hier — j'ai fait un petit voyage à Bruxelles [1]. Laissez-moi vous dire avant toute chose combien votre lettre, si chaleureuse et si amicale, m'a touché [2].

Ce n'est pas en général quand le malheur nous frappe, qu'on vient nous tendre la main; et vous l'avez fait d'une façon si généreuse et si franche, que je ne puis que vous dire: merci — du fond du cœur.

Je viens d'employer le mot : malheur ; c'est — tuile — que j'aurais dû dire — car ce qui m'arrive est aussi stupidement imprévu qu'une tuile qui vous tomberait sur la tête [3]. Me voir accusé de conspiration avec Herzen de la publication de mon dernier roman, et au beau milieu des invectives que le parti rouge m'adresse [4] — est une chose si énorme qu'elle prend une sorte de vraisemblance par son énormité même. « Il doit y avoir quelque chose là-dessous »,— diront les badauds,— « on ne se serait pas décidé à une pareille mesure ». Je ne crois pas avoir besoin de vous dire qu'il n'y a absolument, mais absolument rien *là-dessous*: et j'entends d'ici le rire inextinguible de Herzen, que je n'ai pas vu depuis le mois de mai et avec lequel

nous avons au commencement de cet hiver échangé cinq ou six lettres, qui ont amené une rupture définitive [5], nos opinions ayant divergé de tout temps. Je suis un libéral de vieille date ; mais je suis un monarchiste de vieille date aussi — tandis que lui — vous savez ce qu'il est.

Vous me demanderez l'effet que tout ceci me fait : j'en suis attristé, mais, j'ose l'affirmer sans vain orgueil, plus pour le gouvernement que pour moi. S'il s'agissait de comparaître devant un vrai tribunal, je partirais sur le champ : mais je crois peu à la justice de notre sénat — et puis qui peut me répondre qu'on ne punira pas les opinions même modérées ? Subir un emprisonnement préventif, puis aller végéter deux ou trois années au fond de quelque province ? Je suis trop vieux pour cela. J'ai écrit d'aprés le conseil de notre ambassadeur, Mr de Budberg, une lettre à l'Empereur [6] : je le supplie de me faire envoyer les «допросные пункты» — c'est là je crois le terme consacré — et je promets sur l'honneur de répondre avec la plus entière franchise à chaque interrogation : j'attends maintenant. Je dois ajouter que Mr de Budberg s'est admirablement conduit dans cette occasion : il a écrit lui-même à Dolgoroukov [7] etc.

Dites à Tolstoï que j'ai reçu sa lettre et que je lui répondrai dès demain : il pourra faire de ma lettre l'usage qu'il jugera convenable [8]. Vous avez oublié de mettre votre adresse — je mets celle de Tolstoï (à propos, je n'ai jamais reçu cette autre lettre de vous, dont vous me parlez). Présentez mes salutations respectueuses à Mme Markewitch et recevez avec les souhaits que je fais pour la guérison de votre enfant, l'expression de ma vive reconnaissanse et de mon inaltérable amitié [9].

J. Tourguéneff.

1436. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

9(21) февраля 1863. Париж

Париж.
21-го февр. 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Сейчас получил твое письмо [1], мой добрый друг, и прежде всего спешу тебя успокоить насчет возникшего в тебе сомнения. Записка, данная тобою, будет представлена князем [2] ко взысканию *единственно и исключительно* в случае, чего боже сохрани, твоей смерти; — моя же смерть не изменит *ровно ничего*: князь О⟨рлов⟩

не только *не* представит твоей записки ко взысканию — но по инструкции, данной ему от меня, будет от тебя получать *постепенно* капитал в 150 000 р.— который ты можешь уплачивать хотя в течение 10 лет. Повторяю: *только* в случае твоей смерти представляется записка: и тогда тебе же также нечего беспокоиться насчет Анны Яковлевны: либо она будет твоя наследница — и тогда ей не трудно будет изо всего нашего имения выплатить *четвертую* часть; — либо наследники будут другие — и тогда дело касается не до нее. Ты из этого видишь, что ты во *всяком* случае можешь быть совершенно покоен — и смерть моя не причиняет никакой перемены и никакого затруднения [3].

Я уже читал в «Кельнской газете» присланную тобою корреспонденцию о том, что я, мол, поджигатель [4]: сегодня я посылаю протестацию против этого слуха, которому, впрочем, особой важности придавать не следует: мало ли что врут газетчики! Этого избегнуть нельзя.

Я вовсе не решился *не* ехать в Петербург — но прежде всего мне нужно дождаться ответа на мое письмо к императору [5]. Пока я еще ничего официального не получил; а из Дрездена и из Петербурга я получил известия о том, что меня хотят судить перед Сенатом за сообщения с Герценом [6]. Как только я узнаю что-нибудь положительное, извещу тебя тотчас. Ты, вероятно, в Дрездене увидишь Маркевича и графа А. К. Толстого: я им обоим писал [7].

Главная моя забота теперь о том, чтобы ты был покоен; это моя обязанность после твоего дружеского и истинно братского поступка.

Передай мой усердный поклон Анне Яковлевне; тебя я от души обнимаю и остаюсь навсегда

преданный тебе брат
Ив. Тургенев.

1437. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

13(25) февраля 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
25/13-го февр. 1863.
Середа.

Милый брат, спешу сообщить тебе, что дело мое приняло благоприятный оборот. Я получил вчера через нашего посла известие, что государь соглашается на

мою просьбу — и что допросные пункты будут мне высланы сюда, в Париж [1]. Посол дал мне прочесть письмо князя Долгорукова [2], в котором сообщается это решение — и прибавил, что, по всей вероятности, дело окончится пустяками — и вопросы будут высланы мне только для формы. Очевидно, что на это в Петербурге бы не согласились, если б дело имело какую-нибудь важность. По получении пунктов, я тебя обо всем уведомлю. Сообщаю тебе всё это конфиденциально, но ты можешь известить Маркевича, от которого я получил другое радушное и теплое письмо и которому отвечать я непременно буду [3].

Можно было бы уже теперь уничтожить данные бумаги — но лучше подождать окончательного разрешения этой истории. От нее останется мне только воспоминание твоего братского поступка [4] и искреннего расположения моих друзей [5].

Надеюсь, что ты благополучно возвратился в Дрезден и нашел Анну Яковлевну в совершенном здоровье. Поклонись ей от меня — а тебя я обнимаю и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

P. S. Ты, я надеюсь, получил мой ответ на твое письмо из Вюрцбурга [6]?

1438. В. П. БОТКИНУ

Январь—первая половина (не позднее 12) февраля ст. ст. 1863 (?). Париж

Я забыл тебе сказать, любезный В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩, что ты должен обедать у меня сегодня — ибо у меня обедает (это под величайшим секретом) один претендент, который, однако, кажется, не очень нравится; — ты взгляни на него эстетическим оком. Я непременно рассчитываю на тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

Вторник утр⟨ом⟩.

1439. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

16(28) февраля 1863. Париж

Samedi.

Chère Madame,

Vous nous feriez un *très grand* plaisir, si vous vouliez bien venir passer chez nous la soirée de *lundi*, 2 mars. Nous aurons quelques amis et nous serions heureux de pouvoir compter sur vous, Mr Tourguéneff, Mlle Fanny et Mr Albert.

Agréez l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués.

J. Tourguéneff.

На конверте:

Madame Tourguéneff.
97, rue de Lille.
En ville.

1440. П. В. АННЕНКОВУ

16, 17 февраля (28 февраля, 1 марта) 1863. Париж

Париж.
28/16-го февр. 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Милый Павел Васильевич, считаю долгом прежде всего сообщить Вам, что дело мое приняло несколько более благоприятный оборот: я получил на днях через нашего посла ответ на письмо, посланное мною на имя государя: моя просьба принята — и допросные пункты будут мне высланы сюда [1]. По мнению барона Будберга — это лучший знак маловажности всего дела — и он полагает его конченным. Буду ждать «вопросов» — напишу подробные ответы,— а там, что бог даст.

Большое Вам спасибо за высылку книг Костомарова и Забелина [2]: на Вас только и надежда — и она не изменяет никогда. Боткин с своей стороны доставил мне первый номер «Времени»: я, разумеется, тотчас с жадностью прочел драму Островского. Я понимаю, что она должна иметь большой успех на сцене: но мне, кроме Афони и Архипа — мотивы показались знакомыми. О языке говорить нечего — и сцены есть прекрасные (сцена между Афоней и Архипом на берегу реки — прелесть) —

но неужели Островский не может отделаться от Бабаевых, бойких девиц и т. д.[3]?

1-го марта.
17-го февраля.

На этом пункте я получил Ваше письмо [4], любезнейший друг. Не могу довольно благодарить Вас за участие. Слухи, распространенные о волнении и тревоге, будто бы мною испытанных [5], — совершенно ложны: не хвастаясь скажу — и свидетелями тому Боткин, Милютин и все мои знакомые — что я никогда не был покойнее и яснее духом, как именно в это последнее время. Кстати, и здоровье мое поправилось и дело свадьбы моей дочери, кажется, идет на лад [6]. Даже я пописывать начал помаленьку. О Пушкине [7] я скажу одно: если через две недели я Вам его не вышлю, начхайте мне на голову.

Кстати о «чихании на голову» — очень хочется мне пробежать «Современник». Как-то они меня там уснащивают [8]! Видно, я им сильно насолил. И что неприятно: и вперед солить буду. Они меня хоронят или уже похоронили (в «Современном слове» я прочел о себе, что я труп [9]) — но я постараюсь им показать, что я еще жив. Пожалуйста, не верьте тем, которые представляют меня огорченным отзывами наших «сердитеньких» [10]; — они только доказывают мне, что я дело делаю и иду по настоящей дороге.

С отличным удовольствием прочел я Ваши две статьи об Успенском и Помяловском [11]: умно, тонко и верно.

Дружески кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

1441. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

17 февраля (1 марта) 1863 (?). Париж

Cher Monsieur,

Permettez-moi de vous offrir les deux volumes ci-joints [1] ; je vous en enverrai deux autres [2] à votre habitation près de Rouen [3] — dans quelque temps — car il ne faut pas abuser de votre complaisance. Vous seriez bien aimable de venir passer au moins une partie de la soirée de demain lundi chez moi (rue de Rivoli, 210). Nous aurons quelques amis [4] — entr'autres Madame Viardot qui est désireuse de faire votre connaissance. Ce serait une façon de diminuer

quelque peu le regret que j'éprouve de vous avoir rencontré si tard. En attendant, je vous prie d'accepter l'expression de ma sincère sympathie.

J. Tourguéneff.

Dimanche.
Rue de Rivoli, 210.

1442. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

21 февраля (5 марта) 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
5-го марта / 21-го февраля 1863 г.

Любезный брат, я очень рад, что мое письмо тебя успокоило [1], и благодарю тебя за сообщенные известия [2]. До сих пор я вопросных пунктов не получал; как только они прибудут, я тебе дам знать [3].

После долгих колебаний, кажется, на этот раз дело пойдет на лад со свадьбой моей дочери: боюсь сглазить и потому не называю тебе еще имени будущего жениха — но есть надежда, что свадьба совершится в конце апреля или начале мая [4]. По этому поводу мне приходится напомнить тебе старинную поговорку: «Кормил до усов, корми до бороды». А именно — дело вот в чем. Я обещаю за моей дочерью 100 000 франк. приданого. Из этой суммы — 80 000 находится в руках Виардо; но остальных 20 000 пока не имеется. Я писал к дяде о немедленной высылке мне в Париж 4000 р. сер.[5], т. е. около 14 000 франков — но из них тысячи четыре [a] пойдет на приданое и прочие издержки — мне самому будут нужны деньги на прожиток — так что капитальную сумму пополнить я не могу надеяться. Ты бы мне сделал величайшее одолжение, если бы мог мне к 15-му апрелю дать взаймы 3000 руб. сер.— что составит около 11 000 фр. Прошу у тебя эти деньги на 6 месяцев и, чтобы не стеснить тебя, с благодарностью заплачу тебе обыкновенные проценты. К октябрю месяцу денег у меня будет вдоволь [6] — и я тебе возвращу их без малейшего замедления. Пожалуйста, если можешь, помоги мне, брат, в эту для меня весьма важную минуту. С нетерпением буду ждать твоего ответа [7].

---

[a] *Было:* тысяч пять

Поклонись от меня Маркевичу и гр. А. К. Толстому. Тебя и жену твою дружески обнимаю.

Искренно тебя любящий
Ив. Тургенев.

P. S. Извини меня за промедление: когда мы отнесли твою рубашку к Mme Louise, вещи твоей жены были уже отправлены. Впрочем, и рубашка-то незавидная: надеюсь, что у тебя не все такие.

1443. И. П. БОРИСОВУ

22 февраля (6 марта) 1863. Париж

Париж.
22-го февр. / 6-го марта. 1863.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Иван Петрович, Ваши большие, милые и умные письма всегда доставляют мне истинное удовольствие: в них выражается Ваша прекрасная душа — да кроме того, от них веет таким родным — орловски-степным воздухом, что мне здесь, на чужбине, остается только благодарить да дышать поглубже [1]. В теперешнюю эпоху оно еще отраднее: столько грустных, тяжелых впечатлений...

Вы не поверите, как бы мне хотелось именно теперь находиться на родине: что там делается, как [а] встретил народ давно ожиданную годовщину 19-го февраля, что сталось с дворовыми, что говорят и толкуют дворяне [2]? Мысли мои постоянно у вас. Здесь мы в самый день 19-го февр⟨аля⟩ собрались у Николая Милютина (Николай Иванович Тургенев был в числе гостей) — пили за здоровье царя, народа, всех сотрудников великого дела, старика Тургенева начинателя — Милютина совершителя [3]; — произносили небольшие, не красноречивые, но теплые и дельные спичи; — мне как автору «Записок охотника» [б] было сказано несколько добрых слов, которые я буду всегда помнить как лучшую награду [4]. А в «Современнике», говорят, так меня пробирают, что просто пыль столбом [5]. Ну да бог с ними! Пускай куражится молодежь! Дай ей бог скоро найти таких деятелей и за-

---

[а] *Далее зачеркнуто:* принял
[б] *Слова* как автору «Записок охотника» *вписаны.*

теять такие дела, что и бранить-то меня не останется охоты.

С нетерпением жду появления «Казаки» Л. Толстого в «Русском вестнике» [6]. «Revue des 2 Mondes» поместила на днях отрывки из его «Детства и отрочества» [7].— От Боткина я знаю, что Фет вернулся в Степановку: мне он не пишет... Неужели он по-прежнему не получает моих писем?

У нас здесь совсем зимы не было — а теперь весна на дворе... Да и в России, когда придет это письмо к Вам — первые грачи уже появятся около талых мест.— Бог даст, месяца через полтора увидимся! А пока будьте здоровы и веселы. Кланяюсь Вашей жене, целую Вашего Петю и крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев.

1444. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

7(19) марта 1863. Париж

Paris.
Rue de Rivoli, 210.
Ce 19 mars 1863.

Cher Monsieur Flaubert,

Votre lettre m'a fait rougir tout autant qu'elle m'a fait de plaisir — et c'est beaucoup dire. De pareils éloges rendent fier — et je voudrais les avoir mérités. Quoi qu'il en soit — je suis très heureux de vous avoir plu — et je vous remercie de me l'avoir dit [1].

Je vous envoie un livre de moi qui vient de paraître [2] ; j'en publie un autre que je vous enverrai, dès qu'il sera fini [3]. Vous voyez que je ne vous ménage plus.

Ne comptez-vous pas venir à Paris avant l'été ? Je serais si heureux de continuer mes rapports avec vous qui avaient commencé sous de si bons auspices — et qui — j'en suis sûr pour ma part — ne demanderaient pas mieux que d'aboutir à la plus franche amitié...

Je vous serre la main avec toute celle que je ressens déjà — et vous prie de croire à mes sentiments les plus affectueux.

J. Tourguéneff.

1445. Н. Б. ЮСУПОВУ

19(31) марта 1863. Париж

Любезный князь,

Хотя Вы мне сказали, что картин не покупаете, однако на всякий случай посылаю Вам каталог картин моего приятеля Виардо, которые будут продаваться завтра [1]. Может быть, Вам что-нибудь понравится. Надеюсь, что Ваше нездоровие прошло и Вы выходите.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

Четверг [а].

1446. Н. В. ЩЕРБАНЮ

22 марта (3 апреля) 1863. Париж

Пятница утром, 9 [а] апреля [б].

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, обещая Вам обедать у Вас сегодня, я совсем позабыл, что уже больше недели тому назад я дал слово на сегодняшний день Обществу литераторов [1], которое собирается раз в месяц. Извините меня, пожалуйста, и, если хотите, назначьте другой день, а я предварю Боткина.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1447. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

25 марта (6 апреля) 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
6-го апреля н. с. 1863.

Любезный брат, начинаю с того, что деньги (420 ф.) — мною получены — за что благодарю. Потом должен тебе объявить (но это под секретом, ибо с меня слово взяли) — что допросные пункты пришли наконец — и ответы мои уже отправлены обратно в Петербург [1]. Могу тебе сказать, что эти пункты — совершенные пустяки — и что теперь я на это дело смотрю как на сданное в архив: здешние официальные лица (как-то сам посланник) того же мнения [2]. Мне очень жалко, что тебе нездоровится; во всяком случае не советую тебе ехать в Россию раньше

[а] *Так в тексте публикации. Далее помета:* [зачеркнуто] (пятница)
[а] *Так в тексте публикации.*
[б] *В тексте публикации далее:* (1864) (Париж)

начала мая по здешнему стилю, а то, чего доброго, простудишься и на реках сидеть будешь [3]. Сверх того, я непременно желаю тебя видеть перед твоим отъездом: я хочу тебе вручить твою бумагу и взять свою — для взаимного уничтожения, так как эти предосторожности, к счастью, более не нужны [4]. Я переезжаю отсюда в Баден между 20-м и 25-м числами нынешнего месяца — и приеду к тебе в Дрезден на сутки. Я уверен, что ты бы помог мне насчет приданого моей дочери, если б это от тебя зависело: но свадьба расстроилась — и потому я немедленно в деньгах не нуждаюсь [5]. Повторяю, что мне необходимо повидаться с тобой перед твоим отъездом — для инструкции дяде [6] — и по другим причинам. А потому жди меня. Будь здоров, не падай духом — и не смотри так мрачно на будущность.

Обнимаю тебя и кланяюсь Анне Яковлевне.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

1448. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

27 марта (8 апреля) 1863. Париж

Париж.
$\frac{\text{8-го апр.}}{\text{27-го марта}}$ 1863-го г.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Федор Михайлович, позвольте рекомендовать Вам самым настоятельным образом подателя этого письма, Дмитрия Платоновича Ломачевского. Вот вкратце его история. Он воспитывался в университете, занимался потом литературой и был некоторое время корректором у Старчевского [1]; захотел поехать во Францию для усовершенствования в языке и, не получая от своего отца — довольно зажиточного, но старинного складу человека — ни копейки, впал в крайнюю бедность. Мы здесь кое-как доставили ему средства возвратиться в Петербург, а теперь я обращаюсь к Вам: будьте так добры, помогите г-ну Ломачевскому выбраться на поверхность воды. Он вполне заслуживает Вашего участия и исполнит честно и добросовестно всякий возложенный на него труд. Не можете ли Вы определить корректором при Вашем журнале? Словом, я уверен, что Вы не откажетесь помочь бедному человеку, чест-

ному, трудолюбивому — а я Вам буду от души благодарен [2].

Крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Г-н Ломачевский уже напечатал две статьи в «Русском вестнике» [3], написал повесть — и вообще имеет всё нужное для исполнения фельетонных или других литературных работ.

1449. В. Н. КАШПЕРОВУ

6(18) апреля 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
6/18-го апреля 1863.

Любезнейший Кашперов, я давным-давно собирался писать Вам в ответ на Ваши любезные письма [1], но всё откладывал: а теперь хочу непременно пожать Вам руку после Вашего неожиданного и незаслуженного поражения [2]. Я очень рад видеть, что Вы переносите эту беду с твердостью — и мне было также приятно прочесть в италиянских журналах открытое сознание фактов, причинивших падение Вашей опере. Что делать!

Родина — как жена или мать: иногда жутко от нее приходится — но ведь не расстанешься же с нею. Повторяю: в таких случаях надо встряхнуться, стиснуть зубы — и опять за работу. Главное — можете ли Вы сами применить к себе стих Пушкина:

«Доволен ли ты сам, взыскательный художник?» И если можете, то: «пускай толпа тебя бранит...» [3].

Мне бы очень было приятно свидеться с Вами — но как и где? Я через 10 дней уезжаю отсюда на житье в Баден, где пробуду всё лето. А Ваши какие намерения? Пишите мне в Баден, poste restante.

Крепко жму Вам руку, во второй раз — говорю вам: coraggio! — и прошу передать мой дружеский поклон Вашей жене.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Так как Вы интересуетесь моим здоровьем, то могу Вам сказать, что оно лучше стало с тех пор, как я виделся с Грибовским. Где находится этот милейший человек? Поклонитесь ему.

1450. Е. Е. ЛАМБЕРТ

6(18) апреля 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
6/18 апреля 1863.

Милая графиня, давно бы мне следовало отвечать на Ваше милое письмо [1], которое обрадовало меня двояким образом — и на Ваш счет и насчет наших отношений: но у меня было всё это время пропасть мелких неприятных дел, и расположение духа не было такое, в котором я желал бы писать к Вам: да и теперь я не в своей тарелке. Но я хочу непременно поблагодарить Вас и крепко пожать Вам руку — а из Бадена, куда я на днях отправляюсь на жительство, напишу Вам письмо — в четырнадцать страниц, на которое, я надеюсь, Вы ответите. Моя дочь, которая Вам кланяется, едет со мною: я ее замуж не выдал — может быть, это к лучшему.

Не стану говорить Вам о моем *деле*, которое Вам, вероятно, известно: я на днях послал ответы на сделанные мне запросы. Судят меня (!) в Сенате — и если Вам можно это сделать — узнайте через кого-нибудь из Ваших приближенных, какой оборот принимает эта довольно странная вещь [2].

Я ничего не делал всю эту зиму — но теперь намерен работать. Обо всем этом я переговорю с Вами подробнее — а теперь пока прощайте. Целую Ваши руки. Кланяюсь Вашему мужу и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Не приедете ли Вы в Германию в течение этого лета? Ждите письма из Бадена.

1451. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

6(18) апреля 1863. Париж

Paris.
Rue de Rivoli, 210.
Ce 6/18 avril 1863.

Mon cher confrère,

Je n'ai pas besoin, je l'espère, de vous dire combien votre seconde lettre m'a fait de plaisir [1] — et plus que du plaisir ... Si je ne vous ai pas répondu sur-le-champ —

c'est que j'ai eu à me dépêtrer d'une foule de désagréables petites affaires qui m'ont rendu maussade et paresseux à la fois. Ces misères durent encore — mais j'ai conscience d'attendre plus longtemps. J'ai compté et je compte encore sur votre indulgence — et je veux surtout vous dire merci et vous serrer la main.

Je suis très heureux de votre approbation et vous devez en être persuadé : je sais bien qu'un artiste et un homme bienveillant comme vous lit entre les lignes d'un livre une foule de choses, dont il sait généreusement gré à l'auteur : mais c'est égal. Des éloges venant de vous valent de l'or — et je les empoche avec orgueil et reconnaissance [2].

Ne nous verrons-nous pas dans le courant de l'été ? Une heure de bonne et franche causerie vaut cent lettres. Je quitte Paris dans huit jours pour aller m'établir à Bade. N'y viendrez-vous pas ? Il y a là des arbres comme je n'en ai vu nulle part — et tout en haut des montagnes. C'est vigoureux, jeune — et c'est poétique et gracieux en même temps. Cela fait beaucoup de bien aux yeux et à l'âme. Quand on est assis au pied de l'un de ces géants, il vous semble que vous lui prenez un peu de sa sève — et c'est bien bon et bien utile. Vrai, venez à Bade, ne fût-ce que pour quelques jours. Vous en rapporterez de fameuses couleurs pour votre palette.

Vous recevrez avant mon départ un livre de moi qu'on achève de publier [3]. Je vous bourre — mais il y a de votre faute.

Mille amitiés, portez-vous bien, travaillez, et venez à Bade.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

1452. А. А. ФЕТУ и И. П. БОРИСОВУ

7(19) апреля 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
7/19-го апреля 1863.

Любезные друзья, Афанасий Афанасьевич Фет и Иван Петрович Борисов! Позвольте написать вам обоим купно — хотя вы мне писали отдельно [1] — но времени у меня вдруг стало мало (я на отъезде отсюда) — а имею я сказать вам обоим одно и то же — начиная с того, что я искренно вас обоих люблю и помню. Для быстроты дела буду писать по пунктам:

1.) Я еду отсюда не в Россию, а в Баден, где теперь еще никого нет — и где я буду работать с остервенением в течение двух месяцев (я во всю зиму пальца об палец не ударил) — а в июле, если бог даст, прибуду в Спасское на тетеревей. Мое присутствие там необходимо — не столько, впрочем, для тетеревов, сколько для других соображений [2]. Считаю излишним говорить вам, с какою радостью я вас обоих обниму.

2.) Могу вам сказать, что мое *дело*, кажется, благополучно окончилось. Мне прислали сюда запросы весьма маловажные, я немедленно отвечал — и теперь, я думаю, всё сдано в архив [3].

3.) «Казаков» я читал и пришел от них в восторг (и Боткин также). Одно лицо Оленина портит общее великолепное впечатление. Для контраста цивилизации с первобытной нетронутой природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся с самим собою, скучное и болезненное существо. Как это Толстой не сбросит с себя этот кошемар [4]! — А кстати, каков романчик Чернышевского в «Современнике»? Вот прелесть-то [5]!

4.) У вас, кажется, всё идет потихонечку — как следует быть. И слава богу! — Не в состоянии вам передать, до какой степени меня мучат польские дела... Здесь все готовятся к войне [6].

5.) Здоровье мое не совсем удовлетворительно: старая болезнь меня кусает. Может быть, летом дело исправится.

Засим жму вам обоим рук*у* или рук*и* — крепко-накрепко, обнимаю вас и остаюсь

любящий вас
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс теперь: Баден, poste restante.— Я направил это письмо на Ваше имя, дорогой Иван Петрович — но Вы доставьте его владельцу Степановки [7].

1453. И. С. АКСАКОВУ

8(20) апреля 1863. Париж

Mon cher ami,

Permettez-moi de vous recommander le porteur de la présente, Mr Long, révér⟨en⟩d Anglais, qui après avoir passé 25 années dans l'Inde, a l'intention de visiter la Russie, pour laquelle il se sent un vif et véritable intérêt. Il est membre de la Société de la paix et n'a aucune de ces

préventions défavorables, que beaucoup de ses compatriotes ont malheureusement contre nous. Je suis persuadé que vous l'accueillirez avec bienveillance et que vous lui procurerez tous les avantages et les informations nécessaires à un voyageur. Je vous en saurai un gré véritable, d'autant plus que Mr Long vient parmi nous avec un désir sincère de nous bien connaître. En vous remerciant d'avance de ce que vous ferez pour lui, je vous prie d'accepter l'expression de mes sentiments affectueux [1].

J. Tourguéneff.

Paris.
Ce 20 avril 1863.

1454. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

8(20) апреля 1863. Париж

Mon cher et bon Mr Kovalevski, la personne qui vous remettra cette lettre est Mr Long, pasteur Anglais et membre de la Société de la paix, qui après un long séjour en Asie vient visiter la Russie, pour laquelle il professe une très grande sympathie. Il désire y passer près de trois mois et est on ne peut mieux disposé en notre faveur. J'ai cru que vous pouviez lui être utile — et connaissant votre bienveillance habituelle, je me permets de recommander Mr Long à votre protection, dont les sentiments distingués le rendent parfaitement digne. Je vous serai bien reconnaissant de tout ce que vous ferez en sa faveur — et vous prie en même temps d'accepter l'assurance de mes sentiments les plus affectueux [1].

J. Tourguéneff.

Paris.
Ce 20 avril 1863.

1455. М. Н. ЛОНГИНОВУ

8(20) апреля 1863. Париж

Mon cher ami,

Je vous recommande par la présente Mr le pasteur Long, Anglais, membre de la Société de la paix et grand ami de la Russie, ce qui est malheureusement assez rare parmi ses compatriotes. Ces sentiments sont un titre auprès de vous, qui aimez si profondément notre patrie ; — permettez-moi de compter aussi sur ce que notre ancienne amitié inspirera à votre bienveillance, dont Mr Long est du reste parfaitement digne. J'espère que vous voudriez bien vous

mettre à sa disposition — et en vous en remerciant d'avance, je vous prie d'accepter l'assurance de mes sentiments les plus cordialement affectueux [1].

J. Tourguéneff.

Paris.
Ce 20 avril 1863.

На конверте:

Monsieur Michel Longuinoff.
Secrétaire de la Société des
amateurs de la littérature russe
à Moscou.

1456. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

8(20) апреля 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
8/20-го апреля 1863.

Любезнейшая Варвара Яковлевна, пишу к Вам, хотя не знаю наверное — застанет ли мое письмо Вас еще в Петербурге; но я не хочу выехать из Парижа, не давши знать Вам и П. В. Анненкову (которому лично не дерзаю писать, так мне перед ним совестно) о моих намерениях.

Я через неделю поселяюсь на два месяца в Бадене (куда можете мне писать poste restante) и намерен посвятить это время усиленной работе, так как я до сих пор ничего не делал; между прочим, я непременно окончу и пошлю пресловутую статью о Пушкине — слышу отсюда, как при этих словах ядовито — и справедливо — смеется надо мною Анненков [1] — но это так; потом в июле месяце съезжу в Россию — а к осени опять вернусь в Баден. Зиму я еще не знаю, где проведу. Вот Вам мои планы.

Дело мое, кажется, устроилось. Я отправил ответ на присланные мне запросы, не представлявшие, впрочем, большой важности — и, должно полагать, что меня теперь оставят в покое [2].

Я давным-давно получил от Вашего брата из Гродно письмо, но по свойственной мне гнусной лени не отвечал. Дайте мне знать, что с ним делается при теперешних смутных и тяжелых обстоятельствах [3] — и поклонитесь ему дружески от меня.

Поклонитесь также Вашему мужу и Анненковым и примите от меня уверение в искренней приязни.

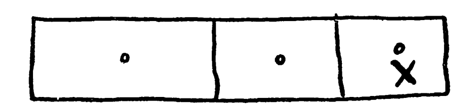
Ив. Тургенев.

1457. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

13(25) апреля 1863 (?). Париж

Chère Paulinette,

Ouvre le tiroir d'en haut de mon secrétaire — celui-ci: ×

tu y trouveras une boîte avec mes photographies; envoie-moi cette boîte, je t'en prie.

J. T.

1458. ЛУИ ПОМЕ

Апрель, не позднее 16(28), 1863. Париж

Mon cher Pomey,

Voulez-vous que nous allions ensemble au « Mariage d'Olympe » [1] ? Dans ce cas, venez dîner chez moi à 6 h. et nous partirions immédiatement après.

Tout à vous

J. Tourguéneff.

Mardi.

1459. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

17(29) апреля 1863. Париж

Mercredi matin.
Rue de Rivoli, 210.

Mon cher Monsieur Hetzel,

Je ne veux pas quitter Paris sans vous dire combien j'ai regretté de ne vous avoir pas vu, et surtout de n'avoir pas rempli ma promesse, relativement aux « Contes » de Perrault [1].

J'ai eu, il est vrai, toutes sortes de tracas et de désagréments [2] — mais ce n'est pas une raison — et je préfère vous demander tout bonnement de me pardonner généreusement.

Je m'en vais à Bade où je vais rester jusqu'à l'hiver. Je reviens à Paris vers le mois d'octobre, et si vous ne publiez pas alors l'édition russe des «Contes» de Perrault — c'est que vous aurez changé d'idée — car ma traduction se trouvera entre vos mains longtemps auparavant.

Je vous envoie en même temps un volume de moi qui vient de paraître — et où l'on a imprimé le «Premier amour» — que vous paraissiez désireux de connaître.

Je vous serre très cordialement la main et vous prie de croire à mes sentiments les plus affectueux.

J. Tourguéneff.

1460. Н. В. ХАНЫКОВУ

Январь—18(30) апреля 1863 (?). Париж

Любезнейший Николай Владимирович, деньги я достану только сегодня, а потому Вы их получите только завтра. Или заходите сегодня обедать ко мне (скромнейшим образом) — и тогда получите.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Четверг.

1461. ЙОЗЕФУ ФРИЧУ

15(27) октября 1862—20 апреля (2 мая) 1863. Париж

Mein lieber Herr Frič,

Es thut mir wirklich leid Ihnen eine abschlägige Antwort geben zu müssen. Ich thue es nicht deshalb weil ich schon ohnedem mehr als mir möglich war, Frau Markowitsch Geld gegeben habe — aber ich habe diese Summe nicht, das heisst ich kann sie jetzt nicht entbehren.

Ich bitte Sie mich zu entschuldigen und verbleibe mit Hochachtung

Ihr ergebenster
Turgeneff.

Rue de Rivoli, 210.

1462. П. С. ТУРГЕНЕВУ

23 апреля (5 мая) 1863. Баден-Баден

Баден.
Вторник, 5-го мая 1863.
Schillerstrasse, 277.

Любезный брат, я третьего дня прибыл сюда, нашел здесь квартеру, куда уже переселился — вместе с моей дочерью и г-жой Иннис — и желал бы съездить к тебе

в Дрезден и повидаться с тобою [1]. Напиши мне два слова: ça te convient-il, чтобы я приехал к концу нынешней недели?

Кланяюсь твоей жене и дружески тебя обнимаю.

Любящий тебя
Ив. Тургенев.

1463. Н. В. ХАНЫКОВУ

23 апреля (5 мая) 1863. Баден-Баден

Баден.
5-го мая 1863.
Вторник.

Любезнейший Николай Владимирович, посылаю Вам для сведения и сообщения приятелям мой адресс в Бадене: Schillerstrasse, № 277. Квартерка у меня чистая и уютная, и я намерен, божией споспешествующей помощью, работать. За передачу каких-либо важных известий буду благодарен нижайше [1].

Кланяйтесь Милютиным, Щербаню... Да, кстати, сообщите мне его адресс в Пасси [2] — это мне нужно. Будьте здоровы.

Любящий Вас
Ив. Тургенев.

1464. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

25 апреля (7 мая) 1863. Баден-Баден

Сего 7-го мая 1863.

Любезный брат, я сейчас получил твое письмо, посланное из Дрездена в Париж [1], и спешу отвечать. Я здесь уже пятый день и писал тебе тотчас по приезде — но на старую твою квартеру — и потому ты, вероятно, моего письма не получал. Мне гораздо сподручнее видеть тебя во Франкфурте, чем в Дрездене — а потому напиши мне только, *когда* мне приехать и в какую гостиницу, и я немедленно отправлюсь [2]. А переговорить с тобою необходимо.

До скорого свидания, будь здоров — кланяюсь твоей жене.

Любящий тебя
Ив. Тургенев.

1465. Е. Е. ЛАМБЕРТ

27 апреля (9 мая) 1863. Баден-Баден

Баден.
Schillerstrasse, 277.
9-го мая / 27-го апр. 1863.

Милая графиня, я с неделю тому назад приехал сюда — и только теперь окончательно поселился, приискал квартеру и т. д. Я уже собирался к Вам писать — хоть и не 14 страниц, а нормальных 4 — как вдруг явилось Ваше большое письмо [1] и, разумеется, несмотря на свою безжалостную строгость, ускорило мое намерение. Скажу несколько слов не в оправдание, а в объяснение.

Вы меня осуждаете как человека (в смысле политического деятеля, гражданина) — и как писателя. В первом отношении Вы правы — во втором — нет, как мне кажется. Вы правы, говоря, что я не политический деятель — и утверждая, что правительству нечего меня опасаться; мои убеждения с молодых лет не менялись — но я никогда не занимался и не буду заниматься политикой: это дело мне чуждое и неинтересное — и я обращаю на него внимание, насколько это нужно писателю, призванному рисовать картины современного быта. Но Вы неправы, требуя от меня на литературном поприще того, что я дать не могу, плодов, которые не растут на моем дереве. Я никогда не *писал для народа.* Я писал для того класса публики, которому я принадлежу — начиная с «Записок охотника» и кончая «Отцами и детьми»; не знаю, насколько я принес пользы, но знаю, что я неуклонно шел к одной и той же цели — и в этом отношении не заслуживаю упрека. Вам кажется, что я из одной лени не пишу — как Вы говорите, простой и нравственной повести для народа; но почему Вы знаете, что я двадцать раз не пытался что-нибудь сделать в этом роде — и не бросил этого наконец, потому что убедился, что это не по моей части, что я этого не *умею.* Вот где именно и высказывается слабая сторона самых умных людей, *не*художников: привыкнув всю жизнь свою устроивать сообразно с собственной волей, они никак не могут понять, что художник часто не волен в собственном детище — и готовы обвинять его в лени, в эпикурействе и т. п. Поверьте: наш брат, да и всякий, делает

только то, что ему дано делать — а насиловать себя — и бесполезно и бесплодно. Вот отчего я никогда не напишу повести для народа. Тут нужен совсем другой склад ума и характера [2].

Положа руку на сердце, я также не думаю, что живу за границей единственно из желания наслаждаться отелями и т. п. Обстоятельства до сих пор так сложились, что я в России могу проводить только 5 месяцев в году; а теперь и того хуже стало. Вы, я надеюсь, мне поверите, если я скажу Вам, что именно теперь я желал бы быть в России и видеть вблизи то, что в ней происходит и чему я глубоко сочувствую.

Дочь свою я всё еще замуж не выдал, впрочем она к Вам сама пишет. Я, виноват, забыл поблагодарить Вас за прекрасный альбом, который дошел к моей дочери в целости и красуется у ней на столе. Я бы очень был рад, если б Вам присоветывали поехать за границу — здесь я бы имел une chance Вас видеть.

Будьте здоровы, пишите мне хотя негодующие письма — и знайте, что я Вас люблю от души и дорожу Вашей дружбой. Крепко жму руку Вашему мужу.

Ваш Ив. Тургенев.

1466. Н. В. ХАНЫКОВУ

28 апреля (10 мая) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
10-го мая 1863.

Любезнейший Николай Владимирович, я получил письмецо Ваше со вложенными 500-ми франками [1] и возвращаю Вам Вашу расписку. Ваше замедление напрасно Вас беспокоило, потому что я, как и писал Вам, особенно в деньгах не нуждался. Надеюсь, что высылка их не причинила Вам стеснения.

Очень мне жалко, что приход посетителя так некстати перервал начатое Вами письмо, в котором Вы, по-видимому, собирались сообщить мне важные новости. Пожалуйста, не оставьте Вашими известиями — будьте великодушны: мы здесь все ждем известий из Парижа как манны небесной, потому что, как всему свету известно, самый *цимес* у Вас [2].

Кланяйтесь Милютину, если он еще пребывает на берегах Сены. Не имеете ли Вы известия от великого Василия Петровича?

Дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

1467. ЖЕРВЕ ШАРПАНТЬЕ

2(14) мая 1863. Баден-Баден

Je prie Monsieur Charpentier de vouloir bien faire donner au porteur de la présente Mr Pomey 4 exemplaires des « Pères et Enfants » [1].

J. Tourguéneff.

Bade,
ce 14 Mai 1863.

1468. ЛУИ ПОМЕ

3(15) мая 1863. Баден-Баден

Bade, ce 15 mai 1863.
Schillerstrasse, 277.

Eh bien, mon cher ennemi *enraciné* [1], vous aussi vous vous permettez d'être malade, à ce que nous a dit Mlle Berthe, que nous avons vue arriver hier ? Heureusement qu'elle a ajouté que vous alliez mieux : nous aurions été inquets sans cela. Rappelez-vous qu'il faut nous arriver ici fort et superbe — digne enfin de jouer Agamemnon et tous les autres puissants rôles qu'on vous prépare [2].

Du reste, si vous vous conduisez mal à Paris, Mme Viardot ne se conduit guère mieux ici : vous savez l'accident qui lui est arrivé [3]. Je renonce à vous dépeindre la terreur que nous avons ressentie. Dieu merci, il ne reste presque plus de trace de l'affreux coup qu'elle a reçu. A cela près, nous sommes ici en plein paradis : pays ravissant, temps ravissant, humeur ravissante, et j'ai trouvé un petit appartement ravissant [4] où je compte bien vous donner une soirée ravissante. Il ne manque que vous — ceci est très sérieux — on pense bien souvent à vous et un coin du salon de Mme Viardot a été surnommé coin Pomey [5]. C'est celui où l'on se tient d'habitude.

Je vous envoie ci-joint un petit mot pour Charpentier [6], libraire, quai de l'Ecole, 28. Il vous remettra quatre exemplaires de mon livre [7]. Le premier est naturellement pour vous ; le deuxième pour Pietsch [8] le troisième pour Lindau ;

le quatrième pour le père Richard. Espérons que la lecture de ce petit volume ne sera pas une corvée d'ami.

Je vous serre cordialement la main et vous prie de croire à ma sincère amitié.

J. Tourguéneff.

1469. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

4(16) мая 1863. Баден-Баден

Baden.
Schillerstrasse, 277.
den 16 Mai 1863.

Dass Ihr Brief mich sehr erfreut hat, werden Sie nicht bezweifeln, mein lieber Pietsch ; er hat mir aber die Antwort schwer gemacht. Denn solch grosses Lob als etwas, das sich von selbst versteht, mir nichts, dir nichts hinzunehmen, ist ja unmöglich ; und sagen kann man auch nichts: am besten, glaube ich, ist's, bloss zu danken und sich zu freuen, dass man einem lieben und gescheiten Freunde ein paar gute Stunden verschafft hat [1]. Das ist der wahre Lohn des Schriftstellers, alles Uebrige will wenig sagen. Also noch einmal: ich freue mich herzlich und drücke Ihnen die Hand.

Die Uebersetzung der «Elena» und der «Ersten Liebe» ist sehr treu [2]. Bodenstedt, der sich jetzt mit meinen Sachen abgiebt, wird die «Erste Liebe» übersetzen [3]; von «Elena» weiss ich nichts — und wenn Sie Ihre Zeit darauf verwenden wollen, so bin ich meinerseits gern bereit, alles Nöthige mitzumachen [4]. Darüber sprechen wir noch in Baden, denn Sie kommen wohl hier durch. Man freut sich schon jetzt auf Ihre Anwesenheit [5].

Pomey (der ein sehr lieber und guter Mensch ist) hat Ihnen wahrscheinlich schon erzählt, welches Unglück Frau Viardot *beinahe* passirt ist: sie hat einen Fall auf der Treppe ihres Hauses gemacht; acht Tage lang war ihr Gesicht geschwollen und hatte blaue Flecke. Jetzt sieht man, Gott sei Dank, keine Spur mehr davon. Ich habe ihr helfen müssen *Ihre* räthselhafte Handschrift zu entziffern. Sie hat Ihnen geschrieben [6].

Derselbe Pomey hat von mir die Weisung erhalten, Ihnen mein neues Buch «Pères et enfants» zu übergeben [7]. Kennen Sie das Buch, worin «Dmitri Roudine», «Le journal d'un homme de trop» und «Trois rencontres» stehen? Ich werde es Ihnen verschaffen, wenn Sie es nicht gelesen haben,— oder vielleicht hab' ich es Ihnen schon in Paris

übergeben [8]? Dann fehlen Ihnen die «Scènes de la vie russe» [9]. Sehen Sie, was es heisst, einen Autor zu loben; er möchte einen gleich mit seinen Producten vollstopfen.

Also auf Wiedersehen. Entschuldigen Sie mein fremdartiges Deutsch. Geniessen Sie Paris und das Pariser Leben und bleiben Sie überzeugt von meiner alten und treuen Anhänglichkeit.

I. Turgeneff.

1470. Н. В. ЩЕРБАНЮ

4(16) мая 1863. Баден-Баден

Баден.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, 16(4) мая 1863 г.

Как Вы поживаете, любезнейший Щ⟨ербань⟩? Перед выездом из Парижа я не успел заехать к Вам в Пасси [1]. Я теперь окончательно здесь поселился и обладаю *очень хорошеньким* кабинетом, в котором собираюсь работать [2].— Здесь получаются русские газеты, но русских журналов ни у кого нет. Имею Вам сделать следующее предложение: не можете ли Вы мне посылать сюда sous bande номера «Времени» или «Современника»? Я Вам их буду аккуратнейше возвращать через несколько дней. Не думаю, чтоб это было очень дорого. Разумеется, всё это будет совершаться на мой счет. Я бы был Вам очень благодарен.

Будьте здоровы; жму Вам дружески руку. Поклонитесь от меня Вашей жене и всем хорошим парижским знакомым.

Ив. Тургенев.

1471. Н. В. ХАНЫКОВУ

7(19) мая 1863. Баден-Баден

Баден.
Schillerstrasse, 277.
19/7-го мая 1863.

Драгоценный Николай Владимирович, спасибо за Ваше любезное и поучительное письмо. Известие, сообщенное Вами (о конгрессе в Петербурге, по предложению Горчакова) [1], производит на меня точно такое же впечатление, как на Вас. Узнайте, пожалуйста, насколько оно достоверно, и сообщите окончательный

результат Ваших справок. Это была бы ошибка непростительная, особенно теперь.

В журналах говорят о возвращении Н. Милютина в Россию [2] — правда ли это? — Какая причина замещению Назимова — Муравьевым? Назимов глуп, но Муравьев оставил в Вильне самые гнусные воспоминания. Подобное назначение не может повести к добру [3].

Я обратился к Щербаню по доставленному Вами адрессу [4] и уже получил от него мартовский Nомер «Времени». Там, между прочими любезностями, в одной полемической статье автор обращается к своему противнику со следующими стихами:

Ро роро, роро, роро,
Молодое перо!
Усь усь, усь усь усь —
Ах какой же ты гусь [5]!

Как Вы находите уровень, до которого (чуть было не сказал: поднялась) опустилась российская литература?

Случайно здесь нашелся Nомер «Современника» за 55-й год... уж на что был покойник Панаев пошл, а эдаких стишков не сочинял.

Погода здесь у нас хорошая, воздух мягок и душист: что бы Вам приехать на несколько дней, пока еще Баден не наводнился французиками из Жокей-клуба и русскими дурачками изовсюду? Хорошо бы сделали, ей-ей.

Если Вы можете, без стеснения себя, прислать мне 500 фр.— пришлите.

Поклонитесь всем знакомым. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1472. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13(25) мая 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
25/13-го мая 1863.

Любезный Федор Михайлович, я потому так долго не писал Вам, что мне хотелось сказать Вам что-нибудь положительное. Теперь могу Вас уведомить, что я начал переписывать вещь — право, не знаю, как назвать ее — во всяком случае не повесть — скорее фантазию, под заглавием: «Призраки». Она давно у меня задумана,

но я долго за нее — да и ни за что — не принимался. Боюсь, как бы она не показалась слишком несовременной, чуть не детской — особенно в теперешнее тяжелое и важное время. Впрочем, Вы увидите сами — и если нужно, я напишу маленькое — извинительное предисловие или вступление [1]. Получите Вы ее недели через две или три. В ней с лишком два листа печатных, по моему расчету. Я поселился здесь на всё лето и надеюсь работать. В Париже я ничего не мог делать. Пишите мне сюда [2]. Здесь легкий воздух и край прекрасный.

До меня изредка доходили Nомера «Времени» — и я Вас душевно благодарю за добрые слова, которые Вам и Вашим сотрудникам случается замолвить за меня [3].

Кончаю просьбой, которая, я надеюсь, не отяготит Вас. Я должен моему хорошему приятелю Павлу Васильевичу Анненкову — 109 руб. 50 коп. сер. Будьте так добры, выдайте ему эту сумму немедленно — в счет наших будущих сношений. Живет он в доме Граве, на углу Владимирской и Графского переулка. Если же он уже выехал из Петербурга, то перешлите, пожалуйста, ему эту сумму в *Симбирск*. Вы меня этим очень обяжете.

Засим кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1473. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

14(26) мая 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
26/14-го мая 1863.

Любезнейшая Варвара Яковлевна, по гнусной лени, мне свойственной, я так медлил отвечать на Ваше любезное письмо, что мой ответ Вас, пожалуй, уже не застанет в Петербурге. Однако на всякий случай пишу Вам несколько строк. Мне очень жалко, что Вы провели такую печальную зиму — и я надеюсь, что по крайней мере весна и лето Вам будут благоприятней. Я очень был бы рад узнать, где именно Вы проведете всё это время — вероятно, в Малороссии [1]?

Анненковы, чай, уже уехали из Петербурга: если же нет, то скажите Павлу Васильевичу, что немедленно, по получении его письма, я написал редактору «Времени» Достоевскому, чтобы он тотчас выплатил ему

мой долг: в случае же отъезда, деньги — 109 р. 50 к. будут с первой почтой отправлены в Симбирск [2]. Сам я буду писать ему туда же.

Так как Вы интересуетесь моей литературной деятельностью, то считаю долгом Вам сказать, что я в скором времени пришлю в редакцию «Времени» — небольшую вещь, которую наименовал фантазией, за недостатком другого прозвища [3]. Боюсь, как бы она не показалась несколько детской: впрочем, Вы прочтете.

Передайте мой дружеский поклон всем Вашим, мужу, брату, сестрам [4] и знакомым. От души желаю Вам здоровья и счастья и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1474. Н. В. ЩЕРБАНЮ

21 мая (2 июня) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
2 июня н. с. 1863 г.
Schillerstrasse, 277.

Не знаю, право, как благодарить Вас, добрейший Н⟨иколай⟩ В⟨асильевич⟩, за Ваши любезные письма и посылки. Вы меня просто манною питаете, хотя иногда эта манна производит легкие корчи («Ро... ро... ро, молодое перо» и т. п.) [1]. Но тем лучше, и корчи нужны.— Какое впечатление произвел на меня фельетон «Одесского вестника» — это я и рассказать не могу. Даже во сне видел эту несчастную Валерию. Ее письмо — удивительно, и вся история — потрясающая [2]. Если у Вас в памяти, или даже на бумаге, хранятся такого рода вещи — Вам непременно нужно распубликовать их. *Это* обличение теперь самое полезное.— Еще раз с благодарностью жму Вам руку.

По Вашей *рекомендации* прочту вторую часть романа Чернышевского [3] — но, признаюсь, глотаю я этот слог с величайшим трудом.

Кстати, что прикажете делать с журналами? Я готов с охотою высылать их обратно. Да уж коли пошло дело на одолжения, то не можете ли Вы достать и тот номер «Искры», где рассказывают (в стихах) о возникновении «Отцов и детей», меня выводят на сцену и т. д. Я прочел только начало этого продукта [4].

Я здесь полегоньку принялся за работу и теперь хоть немножко, да пишу. Авось со временем пойдет шибче.—

С нетерпением ожидаю результата избраний во Франции. Мне всё сдается, что без войны не обойдется [5].

Будьте здоровы; кланяюсь Вашей жене. Передайте мое почтение Милютину и Ханыкову.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1475. Н. В. ЩЕРБАНЮ

2(14) июня 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
13 (2) [a] июня 1863 г.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, во-первых — спасибо за присылаемые журналы, а во-вторых — просьба. Не можете ли Вы подписаться для меня на «Nain Jaune» d'Aurelien Scholl [1] со времени его появления, с доставкою, разумеется, сюда. Подпишитесь на шесть месяцев. Не знаю, что эта штука сто́ит, но не думаю, чтобы сумма была большая. Этим Вы меня весьма обяжете.

Я сейчас прочел статью Вашу в «Nord'e» [2] о подложной «Секретной царской воле» [3] — и рукоплескал Вам. Нет такой грязной клеветы, которую бы на нас не взводили, и спасибо тем, которые протестуют. А войны нам не миновать, особенно теперь, после взятия Пуэблы [4]. Да и признаться сказать, я начинаю желать войны: один конец — и так или этак мы выйдем из безобразного болота, в котором сидим по горло.

В «Современнике» с удовольствием прочел почти все статьи (особенно мне понравилась горячая и энергическая статья Стасова о выставке), но Чернышевского — воля Ваша! — едва осилил [5]. Его манера возбуждает во мне физическое отвращение, как цыцварное семя. Если это — не говорю уже художество или красота — но если это ум, дело — то нашему брату остается забиться куда-нибудь под лавку. Я еще не встречал автора, фигуры которого *воняли*: г. Чернышевский представил мне сего автора. Но не будем больше говорить об этом предмете: замечу только, что г. Чернышевский невольно является мне голым и беззубым старцем, который то сюсюкает по-младенчески, виляя для красоты неумытой з......, то ругается как извозчик — рыгая и харкая.

Ну, баста!

---

[a] *Так в тексте публикации.*

Сообщу Вам, что я вчера кончил небольшой рассказ не рассказ — бог знает что — под названием «Призраки»; для «Времени» [6]. Это те самые «Призраки», из-за которых, если Вы помните, мы с Катковым чуть было не рассорились, при начале «Русского вестника» [7]. Теперь я намерен деятельно приняться за мой большой роман [8].

Засим будьте здоровы. Кланяюсь Вам дружески и жму руку Вашей жене.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Что же, отсылать Вам журналы или нет?

1476. В. Н. КАШПЕРОВУ

5(17) июня 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
5(17) июня 1863.

Я всё собирался Вам написать длинное письмо и в то же время послать Вам мои соображения насчет «Пугачева» [1], любезнейший Кашперов,— но болезнь всё мешала. И сегодня я ограничусь только двумя строками, чтобы известить Вас, что мне немного полегчало и что я Вам непременно напишу подробно о Вашем либретто. Вы, вероятно, уже знаете, что Татаринову гораздо лучше [2], а мне остается только жалеть, что Ваше посещение в Бадене было такое короткое. Желаю Вам всего хорошего, работайте и будьте здоровы; дружески кланяюсь Вашей жене.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1477. Н. В. ЩЕРБАНЮ

8(20) июня 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
20 июня, суббота, 1863.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, исправнейший и услужливейший изо всех корреспондентов, спасибо Вам за Ваши присылки. Образ присылки «Nain Jaune» [1] — отличный и изменять его не для чего. «Северную пчелу» здешний cabinet de lecture получает — и я уже имел случай прочесть статью г. Ростислава [2], которая до-

вольно пошловата, как быть следует. Другая, г. Горохова, подельней [3].

Вы собираетесь мне выслать «Время». Вы, стало быть, еще не прочли в «Северной почте» указа о запрещении этого журнала по поводу статьи «Роковой вопрос» в апрельской книжке [4]? Я эту статью, помнится, пробежал и не нашел в ней ничего особенно зловредного. Это запрещение меня поразило — и для Достоевских, у которых оно отняло хлеб, и для правительства, которое не понимает, что оно тем самым бросает тень на искренность патриотических заявлений; и, наконец, для меня, который уже оканчивал перепискою «Призраки». Что мне посоветуете с ними сделать? В «Русском вестнике» помещается роман Писемского в шести частях [5], стало быть, они до нового года в моей вещи не нуждаются, а я бы хотел поскорей напечатать для получения денег. Уж не к Краевскому ли обратиться? Жаль, жаль «Времени» — несмотря на «ро... ро... ро...» и на «усь... усь... усь...» [6]. Может быть, Достоевские еще как-нибудь помогут беде [7]. С ними поступили хуже, чем с «Современником» [8], и вообще, видно, пора благодушия миновала.

Пожалуйста, как только получите и прочтете, пришлите мне «Русский вестник». Мне ужасно хочется прочесть роман Писемского. Все нумера журналов я буду хранить до востребования. Кстати, желаю Вам удачи при перестройке «Nord'a» [9].

Будьте здоровы, жму Вам руку и кланяюсь Вашей жене.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. К сожалению, «Призраки» уже я начал переводить с Виардо [10], но за обязательное предложение благодарю и буду вперед иметь в виду.

1478. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

24 июня (6 июля) 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 6 Juli 1863.

Cher Monsieur,

J'ai été bien peiné d'apprendre l'accident qui vous est arrivé et qui a failli vous estropier : j'espère bien que vous en êtes complètement remis [1]. Vous avez eu un pé-

nible hiver et vous feriez bien de venir vous reposer ici pendant une dizaine de jours : je n'ai pas besoin d'ajouter combien vous feriez de plaisir à tous vos amis qui se trouvent ici. Mlle Steinbach [2], dont je viens de faire la connaissance, m'a dit que telle était votre intention : c'est une excellente idée — réalisez-la.

En même temps permettez-moi de vous adresser une prière qui, je l'espère, ne vous sera pas trop désagréable. Voici de quoi il s'agit. Une grande amie à moi, Mme Viardot (la célèbre cantatrice) — a profité de son séjour à Bade pour composer avec un talent hors ligne — la musique de plusieurs poésies russes que je lui avais désignées. (Elle s'occupe aussi de notre langue.) La valeur musicale de ces romances est si haute que nous nous sommes décidés à les publier en album à Carlsruhe avec le texte russe — et un texte allemand en regard [3]. Du moment qu'il s'agit de traduction, j'ai naturellement pensé à vous, le plus parfait et le plus délicat des traducteurs. Aussi viens-je vers vous en vous priant de vous associer à cette publication. Le travail, comme vous verrez, n'est pas grand : l'album se composera des [a] 6 pièces de vers de Pouchkine : «Заклинание», «Туча», «Цветок», «Ночь», «На холмах Грузии», «Для берегов отчизны дальней» et des 5 pièces de Feth : «Шепот», «Тихая звездная ночь», «Я долго стоял неподвижно», «Полно спать», «Полуночные образы».— Je vous les envoie ci-joints. Il est possible que vous ayez déjà traduit quelques-unes des pièces de vers de Pouchkine : cela vous facilitera la besogne [4]. Il va sans dire qu'il faut garder exactement la mesure et le rythme de l'original ; mais vous vous jouez de ces difficultés-là. En acceptant ce petit travail, vous nous feriez un véritable cadeau — et nous serions bien heureux de vous en témoigner notre reconnaissance.

Ayez la bonté de me répondre en quelques mots et soyez bien persuadé de mon inaltérable amitié et estime.

J. Tourguéneff.

На конверте:

Herrn Fr. Bodenstedt
in *München*
(Königreich Bayern).

---

[a] *В подлиннике ошибочно:* des des

1479. А. А. ФЕТУ, В. П. БОТКИНУ и И. П. БОРИСОВУ

26 июня (8 июля) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
8-го июля н. ст. / 26-го июня ст. ст. 1863.

Отвечаю вам соборне́, Афанасий Фет, Василий Боткин, Иван Борисов [1], любезнейшие и добрейшие друзья мои — и надеюсь, что вы не рассердитесь на меня, когда узнаете, что я пишу это письмо не на шутку больной. Моя старинная пузырная болезнь разрешилась острым воспалением проста́ты (железы в местечке *та́к*) — и я осужден на неподвижность, пиявки, опиум и прочие гадости. Главное — на расположение душевное действует это скверно — и, право, помочившись с судорогами и криви́ляньем лица, как-то плохо лезешь в сферу идеала. Надо терпеть, долго и много терпеть — и уже не думать ни об охоте, ни о шампанском, ни о «клубничке» — эту-то, пожалуй, хоть бы черт побрал. Но довольно о собственных недугах.

Твое письмо, любезный Василий Петрович, дышит патриотизмом — видно, что ты в Москве плавал в его волнах [2]. Я это вполне понимаю и завидую тебе — но все-таки я не могу, подобно тебе, не пожалеть о запрещении «Времени» [3] — журнала во всяком случае *умеренного*. Да и мне, как старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещают журнал. Сверх того, это запрещение косвенно пало и на меня — я кончил и переписал штуку, названную мною *фантазией*, листа в 3 печатных — хотел уже отсылать, теперь куда ее деть [4]? С другой стороны, хорошо то, что я успею прочесть ее тебе перед напечатанием, потому что я убежден, что ты приедешь сюда — *вместе с Фетом* — в сентябре или октябре.

Любезный Афанасий Афанасьевич, спасибо за милое письмо Ваше [5]. Перевод немецкий Вашего: «Снова птицы» [6] — очень хорош — хотя не передает прелестно музыкального переплета последних 4-х стихов. На днях приступаем к публикации в Карлсруэ альбома г-жи Виардо с 6-ю Вашими, 6-ю пушкинскими стихотворениями [7]. Дай Вам бог здоровья, аппетита и удачи на охоте в Степановке — и приезжайте с Боткиным на осень и зиму сюда. Войны ведь не будет [8]. Прочел я Вашу статью в мартовской книжке «Русского вестника» — очень мило — а над историей *веретена* в Орле я хохотал [9], —

Но тут же находится pendant к необъятно непостижимому стихотворению: «И рухнула с разбега колесница» [10] — а именно 344-я страница с ее латинскими словами и *рикошетами*. Я пробовал читать ее лежа, стоя, кверху ногами, на полном бегу — с припрыжкой... ничего, ничего, ничего не понял! Там есть фраза: «он на всё смотрит при помощи источников изобретения»?!!!!!?!?! [11] Небеса разверзаются, ад трепещет — и тьма, тьма кромешная. А статья все-таки очень хороша.— Прекрасно также начало романа Писемского [12]. Живо, сильно и бойко. Что-то дальше будет? — О владыко живота моего [13]! как Вы, должно быть, теперь объедаетесь земляникой и малиной! Ноздри как раздуваются!!!

Теперь очередь за Вами, любезнейший Иван Петрович! Примите мое сердечное спасибо за Вашу память обо мне. К сожалению, я Вас не увижу в нынешнем году и не буду свидетелем всех улучшений Вашего дома и сада [14]; но надеюсь, что Вы по-прежнему будете мне сообщать сведения о житье-бытье Вашем и о том, что делается вокруг Вас. От Ваших писем всегда так и веет мне нашим родным Орлом и Мценском — а это мне здесь на чужбине — как манна. Кланяюсь Вашей жене, целую Вашего Петю — и обнимаю вас всех троих.

Ив. Тургенев.

1480. Н. В. ЩЕРБАНЮ

26 июня (8 июля) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Середа, 8 июля 1863.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, мне только приходится благодарить Вас за присылку журналов. «Русский вестник» я получил и успел уже прочитать начало романа Писемского: отличная вещь [1]! «Nain Jaune» можете приостановить [2]: он получается здесь в кабинете для чтения. Но вот о чем прошу Вас убедительно (и в то же время краснею от совестливости): подпишитесь для меня на «Galignani's Messenger» [3] от 1 июля на три месяца с высылкою сюда в Баден. Если б у Вас деньги не случились, дайте мне знать, сколько именно нужно — я Вам тотчас доставлю. Также очень бы Вы меня одолжили, если б выслали номер «Времени», в котором находится *роковая* статья [4]. Я получил от Ф. Достоевского письмо — он очень огорчен; это запрещение для него и для брата

его — разорение и свалилось им как кирпич на голову. Они просят меня повременить отдачей моей повести в другой журнал до осени, так как они имеют слабую надежду *(это под секретом)* на возникновение «Времени» в октябре [5]. Я, разумеется, согласился. «Призраки» совсем готовы и переписаны. Теперь я полагаю приняться за свой большой роман [6], но, к несчастью, у меня пузырь опять сильно разболелся, как никогда.

А напрасно пили в Москве здоровье Муравьева [7]!

До свидания; кланяюсь Вашей жене и крепко жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

1481. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

1(13) июля 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 13 juillet 1863.

Chère Madame,

Je suis tout honteux de n'avoir pas répondu jusqu'à présent à la bonne lettre que vous m'avez écrite — et je serais bien désolé, si vous pouviez croire que je ne vous ai pas été reconnaissant. Les expressions amicales dont elle est remplie m'ont touché tout autant que votre approbation de mon travail m'a causé de satisfaction, et je suis heureux de vous en remercier. Ma paresse de Slave (car les Russes sont Slaves, quoiqu'en disent les Polonais qui veulent faire de nous des mongolo-finnois [1]) a été la cause principale de mon silence, puis j'ai été malade pendant une quinzaine de jours : la santé m'est revenue avec le beau temps.— Je suis en train d'entamer un roman plus considérable (comme longueur) que tout ce que j'ai fait jusqu'à présent [2]; et je viens d'achever, pour me faire la main, une petite bluette fantastique (c'est la première fois que je donne dans ce genre-là) que j'aurais bien voulu vous soumettre [3]. Cela se fera à Paris, au mois d'octobre, s'il plaît à Dieu.

Je vous écris à Paris — et peut-être que vous n'y êtes déjà plus. Ayez la bonté de me dire deux mots de vos projets. Les miens sont bien simples : je reste ici jusqu'à l'hiver — puis je viens à Paris : mes prévisions s'arrêtent là.— Vous seriez bien aimable de me dire si Mérimée est

encore à Paris : je lui ai écrit il y a six semaines et il ne m'a pas répondu [4].

Ma fille me charge de vous dire mille tendresses : elle s'est prise d'une véritable passion pour vous. C'est tout naturel — vous avez été si bonne pour elle. Quant à moi, j'espère bien que vous ne doutez pas des sentiments d'affection inaltérable que je vous ai voués. Rappelez-moi, s'il vous plaît, au souvenir de tous les vôtres.

J. Tourguéneff.

1482. Н. В. ЩЕРБАНЮ

1(13) июля 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
1 (13) июля 1863.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, Вы просто такой молодец, что и сказать нельзя: комиссии мои исполняются с быстротою молнии — и я не знаю, как благодарить Вас. Номер «Времени» получен с «роковой» статьей [1]; завтра я Вам возвращу эту статью вместе с статьей «Русского вестника» и началом романа Писемского, который мне чрезвычайно нравится [2]. За предложение выслать мне «День» большое спасибо: точно, И. Аксаков — благороднейший человек. Ваше предложение переписать «Призраки» очень любезно; но, переписывая, я *исправляю*, что несколько облегчает эту противную работу или по крайней мере дает ей смысл.

Я принял к сведению eau de goudron; впрочем, мне теперь полегчило. «Норду» желаю всевозможных успехов [3]. Рассказ в «Искре» забавен; но, заставляя парижских гарсонов говорить по-французски, нельзя им влагать в уста фразы вроде « il ne sort pas de ta vie » и т. д.[4]

Еще раз большое спасибо «за всё и за вся» [5], и жму Вам крепко руку. Жене Вашей дружески кланяюсь.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

« Galignani » [6] еще не пришел, но, вероятно, появится сегодня.

1483. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

2, 3(14, 15) июля (?) 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
Ce 15 juillet 1863.

Cher Monsieur,

Revenu d'une petite excursion de deux jours, j'ai été bien agréablement surpris en trouvant votre lettre avec la traduction des cinq pièces de vers de Pouchkine [1]. Madame Viardot me charge de vous en témoigner toute sa reconnaissance — et de mon côté je vous prie de recevoir mes remercîments bien sincères pour cette nouvelle preuve de votre complaisance. Il va sans dire que votre traduction est excellente : je profite seulement de votre permission pour vous indiquer quelques petits changements à faire, nécessités par la musique [2].

Dans : 1) «Beschwörung».

v. 8 — il faut prononcer Lei*lá* — et v. 17 — *Leí*la. Il [a] serait nécessaire de se tenir à l'une des deux prononciations c. à d. à *Leíla*.

v. 11. « Bleich, kalt » — la musique demande qu'on mette là un *seul* mot (en deux syllabes) — ou bien un vers comme celui-ci — « dem bleichen Wintertage gleich ».

v. 17. La phrase musicale s'arrête à « durch *sie* » — ce qui est gauche.

2. «Die Wolke».

v. 4. Au lieu de : «trübst du leis noch» — il faudrait quelque chose comme: «du betrübest» ou: «du betrübst noch».

3. «Das Blümlein».

v. 2. La musique fait prononcer: « duft*lós* », cela peut-il se faire ?

4. « Die Nacht ».

Cette petite pièce est à refaire — et voici pourquoi. La phrase musicale s'arrête complètement après les deux premiers vers :

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* fau⟨t⟩

Chez vous il y a un enjambement sur le troisième vers. Puis la phrase reprend et s'arrête après le: «горит» — du 4-me vers e⟨xempli⟩ g⟨ratia⟩:

Близ ложа моего печальная свеча
Горит.—

Puis dans le dernier vers il faut garder le: «Мой друг... мой нежный друг, люблю... твоя... твоя».— Sans cela il faudrait chanter: « Was mich... so selig macht » etc. Il serait nécessaire de commencer par: « Mein Freund » etc.

5. «Auf Grusiens Hügel...».

La musique dans le dernier vers:

Что не любить оно не может...

répète ensuite:

Что не любить... не может.

On ne pourrait pas dire: «Unmöglich nicht... zu lieben» — car cela changerait le sens. Il faudrait mettre quelque chose comme: « S'kann nicht umhin... zu lieben ».

Bien entendu que je ne vous donne que ce que les Français nomment des « monstres » [3] — pour qu'avec un attouchement de votre baguette de sorcier vous en fassiez des vers charmants.

Je vous renvoie, selon votre désir, votre manuscrit et une dernière poésie de Feth, qui complète la douzaine [4]. Si Mme V⟨iardot⟩ a choisi des compositions de cet auteur, ce n'est pas qu'elle le trouve un grand poète — mais ses vers ont des rythmes nouveaux qui prêtent à la musique.

Voici, mon cher Monsieur, bien des ennuis pour vous, qui dans ce moment ne devez penser qu'à votre santé. Mais je m'encourage à l'idée que vous faites de pareilles traductions en vous jouant. Je me suis fait venir [6] un exemplaire de votre traduction de Pouchkine — et si la «Туча» et la «Ночная мгла» y vont mieux — nous les prendrons [5]. Mais j'en doute — car les versions que vous avez envoyées sont parfaites.

Encore une fois — mille remercîments et à revoir à Bade. Présentez mes compliments à tous les vôtres et croyez à mes sentiments bien dévoués.

J. Tourguéneff.

---

[6] *Далее зачеркнуто:* une tra⟨duction⟩

P. S. Le 16 juillet, matin.

Je viens de recevoir à l'instant votre seconde lettre avec le reste des pièces de vers [6]. C'est magnifique — et je ne sais plus comment vous remercier. A demain mes observations.

На конверте:

(Königreich Bayern).
Herrn F. Bodenstedt,
Wohlgeboren.
In *Reichenhall*,
p. adr. d. Frau Hofräthin
v. *Noodt*.

1484. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

4(16) июля (?) 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 17 Juli 1863.

Cher Monsieur,

Je commence par vous remercier de nouveau pour votre complaisance et je passe aux observations qui cette fois sont un peu plus nombreuses [1].

№ 1. (Flüstern etc.)

v. 5. «Nächt*lich Licht*» — ce sont deux notes qui se suivent rapidement — et cela ferait *lichlich*. La 2-de variante des derniers 4 vers est bonne, seulement comme la phrase s'arrête après : «und es glüht im Hag» — il faut remplacer le 11-me vers par quelque chose dans le genre:

«Wollustthränen, süsses Kosen».—

№ 2. (Stille helle Sternennacht)

Le rythme de l'original est autre. Je me permets de vous envoyer un « *monstre* » :

´– ◡◡ ´– ◡◡ ´–

u. s. w.

Ruhige, heilige Nacht,
Dämmerig scheinet der Mond;
Süss sind die Lippen der Frau
Während der ruhigen Nacht.

2. Freundin, im Dunkel der Nacht
Wie könnt' ich traurig noch sein —
Du bist so hell, wie das Licht
Während der ruhigen Nacht!

3. Freundin, die Sterne sind schön
Und auch die Trauer ist süss,
Du bist das Theuerste mir
In[a] der so heiligen Nacht.

Das 2-te und 3-te Couplet — müssen mit dem Wort Freundin, oder einem gleichlautenden anfangen.

№ 3. («Ich starrte und stand...»)

v. 3 u. 4 — doivent être à peu près ainsi :

Und da zwischen mir und den Sternen
Sich wob ein vertrauliches Band.

v. 7 et 8. La phrase musicale va jusqu'au bout du vers 7 ; il faut donc dire à peu près :

Leis bebten die goldenen Sterne...
Nun lieb ich[б] sie mehr als zuvor.

№ 5. (Mitternächtige Bilder)

Ici aussi le rythme de l'original est autre — il est ainsi: ◡◡–́◡◡–́◡◡–́◡. Voici un *monstre* :

Mitternächtige Bilder erscheinen,
Funkeln hell in der schaurigen Nacht —
Doch mein Auge versteht nicht zu weinen,
Kann nicht fassen die schreckliche Pracht.

№ 6. (Puschkin's «Aus fernem Land»)

v. 2. «Trieb *Heimweh* dich» est difficile à prononcer là — car il y a 4 notes très rapides. La même observation s'applique à

v. 13. «Du sprachst: bald küss'» — il faudrait quelque chose comme: «Du hubest an».

v. 14. L'accent musical est sur schatt*igén* — ce qui est impossible.

v. 21. L'observation déjà faite s'applique aussi à

«So schwand dein Reiz».—

---

[a] *Далее зачеркнуто:* dieser
[б] *Было:* Ich lieb nun

v. 22. Der Accent liegt auf : *wie* — das geht nicht. La phrase musicale s'arrête après « *den du mir* » — ce qui doit faire changer le vers. Voici un *monstre* des 4 derniers vers :

So wundersam, so hingegeben
War nimmer jener schöne Kuss —
Zum Wiedersehn hat ich das Leben —
Es ist genug — das ist Genuss.

Vous voyez, cher Monsieur, que la musique a des exigences très impérieuses — et je me reproche de ne vous avoir pas envoyé des « *monstres* » dès ma première lettre [2] : cela vous aurait évité ce double travail. Je vous en fais mes excuses — et je compte sur votre bienveillance — et sur la facilité avec laquelle vous vous jouez des difficultés. (La traduction des Sonnets de Shakespeare est pour moi le nec plus ultra dans son genre [3].)

J'espère que votre guérison va bien et que vous nous arriverez ici bien portant et bien dispos. Il est possible que je me sois trompé sur le nom de Mlle Steinbach [4] ; — mais c'est une personne de Munich, qui vous connaît beaucoup et que j'ai rencontrée ici chez Mme Schumann. Mme Seebach (l'actrice) est aussi ici — c'est une très aimable personne. Il y a toute une colonie artistique à Bade — et vous y seriez naturellement le bien venu ! A propos, le propriétaire des « Deutschen Jahrbücher » de Berlin, Mr Oppenheim, m'a dit qu'il serait enchanté d'insérer dans un № de sa revue un article que vous feriez sur «meine Gesammtwerke». Cela vous conviendrait-il? [5]?

Mille amitiés — à vous de cœur

J. Tourguéneff.

На конверте:

(Königreich Bayern).
Herrn F. Bodenstedt,
Wohlgeboren.
In *Reichenhall*,
p. adr. der Frau
Hofräthin v. *Noodt*.

1485. Н. В. ЩЕРБАНЮ

5(17) июля 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
17 (5) июля 1863 г.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, посылаю Вам «Взбаламученное море» [1] и «Роковой вопрос» [2] — с извинением за промедление. Статьи «Русского вестника» о Польше Вы не прислали, потому что я не считаю статьею — перевод статьи из «Quarterly Review» [3]. «Галиньяни» [4] со вчерашнего дня стал приходить.

Пожалуйста, коли можно — «День» [5].

Хотелось бы мне Вам дать прочесть «Призраки», чтоб услышать *Ваше мнение* [6], да не знаю, как это сделать.

До свидания. Будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1486. Е. Е. ЛАМБЕРТ

6(18) июля 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
18-го/6-го июля 1863.

И сказать нельзя, милая графиня, как же давно я собираюсь к Вам писать — так давно, что, пожалуй, мое письмо Вас уже не найдет более в Петербурге. Так и быть, всё же лучше поздно, чем никогда — хотя Вы мне не сообщаете Вашего нового адресса; но я пишу на имя Вашего мужа в Царское Село. Я даже не могу себе представить, где Вы теперь? Совершили ли желанную Вами поездку к Троице [1]? — Продажа Вашего дома, которую я вполне понимаю, смутила меня в том отношении, что я не могу связать теперь с мыслью об Вас никакого «гнезда»; да и сверх того, мне жалко Вашего прежнего гнезда, в котором я провел столько приятных часов. Дайте мне знать о том, где Вы думаете основаться; известите меня также о Вашем здоровье, которое, я надеюсь, по крайней мере не ухудшается.

О себе я, к сожалению, не могу этого сказать. Моя старинная болезнь приняла, недавно тому назад, острый характер — и мне теперь более чем когда-нибудь стало ясно, как мало для меня веселого и светлого впереди.

Вылечиться невозможно — остается стараться уменьшать страдания и продолжать ковылять, с грехом пополам, по жизненной дороге, пока не настанет конец всей этой хлопотливой и ничтожной тревоге. Впрочем, я уже и теперь не простираю своего духовного взора далее того дня, в котором живу. Однако — довольно; у Вас и без меня слишком много причин к унынью.

О политике я Вам говорить не стану; ограничусь уверением, что я никогда не чувствовал себя таким русским, как именно теперь [2] — и много бы дал, чтобы побывать на родине.— Благодарю Вас за сведения о моем деле; по всему видно, что оно не скоро кончится, хотя меня до сих пор оставляют в покое [3].

О литературной моей деятельности также не имею что сказать. Я кончил недавно небольшую вещь — и представьте — фантастическую! —скорее описательную [4]. Она была назначена для журнала «Время», но этот журнал запретили — за статью (правда, очень легкомысленную) о Польше [5],— и я остался с своим детищем на руках. За большой, задуманный мною, роман пока не принимался [6].— Я остаюсь здесь до зимы. Моя болезнь, быть может, помешает мне охотиться, что было бы очень печально. Подстреливать куропаток и зайцев — единственное занятие, которое, говоря по-французски — улыбается мне.

Дочь моя кланяется Вам усердно. Она в начале сентября возвращается в Париж: авось хотя в нынешнюю зиму найдется для нее порядочный муж.

Поклонитесь от меня Вашему мужу и примите от меня уверение в искренней и нелицемерной приязни.— Я сперва очень удивился, когда узнал из Вашего письма, что Вы боялись, как бы я не оскорбился прежним Вашим письмом [7]; да, я сперва удивился — а потом опечалился при мысли, что увы! ничего в мире не может более оскорбить меня. Меня могут ударить — и если только не больно будет,— я и не замечу. Perinde ac cadaver.

Ваш Ив. Тургенев.

1487. ЛУИ ПОМЕ

6(18) июля 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277,
ce 18 juillet 1863.

Mon cher ami,

J'ai si longtemps laissé votre bonne lettre sans réponse que maintenant il ne vaut presque plus la peine d'en faire, maintenant que nous sommes heureusement à la veille de votre arrivée ici. Aussi vais-je agir en franc égoïste : c'est-à-dire que je vais impudemment profiter de votre inépuisable complaisance, en vous donnant deux commissions : la première, c'est d'aller au Palais Royal, Galerie d'Orléans, chez Guillot, cordonnier, successeur de Sakoski, et de lui dire, en lui montrant cette lettre, de vous envoyer la paire de bottes que je lui ai commandée et que vous aurez la bonté d'apporter avec vous à Bade ; la deuxième, de m'acheter chez Legrand, parfumeur, rue St-Honoré, 207, un grand flacon de violette et de l'apporter également ici.

Je suis persuadé que vous serez obligé de vous acheter une malle de surplus pour y mettre tous les objets que l'on vous demandera de Paris, mais que voulez-vous ? On est complaisant ou on ne l'est pas, et si on l'est, on est exposé à toutes les indiscrétions imaginables...

Toute la famille Viardot va bien et vous attend avec impatience. Du reste, vous en avez souvent des nouvelles [1]. Je ne vais plus, malheureusement, comme je le voudrais : ma vieille maladie me tourmente beaucoup depuis quelque temps [2]. Enfin, patience, et arrivez-nous avec votre exactitude accoutumée.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

1488. А. И. ГЕРЦЕНУ

10(22) июля 1863. Гейдельберг

Гейдельберг.
22-го июля 1863.

Любезный А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩. Сейчас прочел я № «Колокола», где упоминается о «французской и английской горчице» etc. Спасибо тебе, что ты не поверил этому пошлому анекдоту [1],— но мне кажется, что ты бы выразился еще определительнее, если б совершенно не поверил. Ни одного — ни обидного, ни насмешливого

слова не вышло из моих уст насчет поляков — хотя бы уже потому, что я еще не потерял всякого понимания «трагического». Теперь никому не до смеха.

Я прекратил переписку с тобою по причинам, хорошо тебе известным — да и какая была охота меняться такими письмами, каковы были последние [2]. Наши мнения слишком расходятся — к чему бесплодно дразнить друг друга? Я и теперь не предлагаю тебе возобновления этой переписки — но был бы тебе обязан, если бы ты в следующем №-е «Колокола» напечатал, что: — «Мы получили положительное удостоверение, что слова, приписанные г-ну И. Тургеневу, чистая выдумка» [3].

Я нынче же пишу И. С. Аксакову [4]. Меня глубоко оскорбляет эта грязь, которой брызнули в мою уединенную, почти под землей сокрытую жизнь.

Желаю тебе спокойствия, насколько это возможно — и прошу именем нашего прошедшего не считать меня способным ни на какое дрянное дело или слово.

Ив. Тургенев.

P. S. Я живу в Баден-Бадене, Schillerstrasse, 277 — а сюда приехал только на день, чтобы посоветоваться с доктором.

1489. РЕДАКТОРУ «ДНЯ»

10(22) июля 1863. Гейдельберг

Только сегодня, и то окольным путем, дошло до меня известие о приписанном мне Вашим корреспондентом намерении сочинить подложную корреспонденцию об «английской, французской горчице, польских детях» и т. д.[1] Вы бы меня весьма обязали, если б напечатали в ближайшем № Вашего журнала, что в этом анекдоте нет ни слова правды. Я вполне разделяю Ваше воззрение на польский вопрос, но мне противно думать, что в такое печальное, трудное, грязное время я выставлен перед читателем кривлякою и шутом. Видно, как ни прячь свою жизнь, как упорно ни замыкайся в самом себе, досужего корреспондента не убережешься! Мне это тем более досадно, что это появилось в «Дне», журнале, который я уважаю и хотел бы видеть чаще. Повторяю, Вы сделаете мне истинное удовольствие, если скажете об этом несколько слов. Я убежден, что мы должны бороться с поляками, но не должны ни оскорблять их, ни смеяться над ними и пр.

1490. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

11(23) июля 1863. Гейдельберг

Jeudi, 23 juillet 1863.
Heidelberg.

Je vous écris d'ici où je suis venu pour consulter un médecin : je retourne à Bade aujourd'hui même. J'ai reçu vos corrections et vos variantes — et je ne sais comment vous remercier. Tout est excellent, il n'y a qu'une seule petite chose à refaire et c'est ma faute encore : j'aurais dû vous dire que dans « Die Nacht » le vers 5 : Von dir — est répété deux fois — de façon que le sens doit s'y arrêter. Je vous copie toute la pièce de vers :

Die Töne, die sich lieb und sehnsuchtsvoll dir neigen,
Durchdröhnen spät der Nacht geheimnisvolles Schweigen.
Mein Licht glimmt neben mir, ein trauriger Gesell
Der Nacht ; und voll von dir, rauscht hell mein Liederquell
Von dir, von dir allein ! Ich seh' durch's nächt'ge Dunkel
Vor mir dein Auge glüht mit liebendem Gefunkel;
Es lächelt freundlich mir und selig klingt's dazu:
Mein Freund, mein lieber Freund, mein Glück... mein All bist du !

Il faudrait pouvoir dire (encore un monstre) :
Von dir, von dir allein — in liebetrunknen Wogen,
Vor mir dein Auge glüht, durch dunkle Nacht gezogen.

En faisant ce petit changement, vous acheverez la tâche que vous avez acceptée avec tant de complaisance et remplie avec autant de rapidité que de talent [1]. Il va sans dire que dès que l'album sera publié, vous en aurez un exemplaire avant tout le monde [2].

Mme Viardot et moi comptons bien pouvoir vous remercier de vive voix à Bade — car j'espère que votre santé ne s'y opposera pas.

Encore une fois — mille amitiés.

J. Tourguéneff.

1491. ЛУИ ПОМЕ

16(28) июля 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 28 juillet 1863.

Mon cher ami,

Deux commissions encore ! Prenez, s'il vous plaît, chez M. Charpentier (en lui montrant cette lettre) *quatre* exemplaires de « Pères et enfants » [1]. Puis un monsieur russe, un ami à moi, M. Tcherbanne vous remettra un livre russe [2]. Vous aurez donc quatre choses à apporter ici : les bottes, l'essence de violettes, le paquet de livres français et le livre russe. Aussi je vous vouerai une reconnaissance sans bornes et en attendant je vous serre cordialement la main et vous dis : à bientôt.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

1492. Н. В. ЩЕРБАНЮ

16(28) июля 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
28 июля 1863 г.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, немедленно по получении этого письма, сходите — будьте ласковы — в rue Chauveau-Lagarde, n° 16, к моему хорошему приятелю Помею (Mr Louis Pomey) и вручите ему *русский* экземпляр «Отцов и детей», который у Вас находится [1]. Он 1 августа сюда едет и привезет мне его. Также можете вручить ему какой-нибудь номер журнала, если таковой окажется. Засим второпях жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1493. МОРИЦУ ГАРТМАНУ

28 июля (9 августа) 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 9 August 1863.

Mein lieber Freund, ich schicke Ihnen hiermit meine Photographie [1] und einige biographische Notizen [2], mit vielen Entschuldigungen wegen des Aufschubs. Mein Le-

ben ist ein sehr einfaches gewesen. Ich bin am 9 November 1818 in Orel (in Russland) geboren — habe ein Jahr lang in der Moskauer Universität, dann drei Jahre in der Petersburger studirt — machte 1838 meine erste Reise in's Ausland und studirte bis 1840 in Berlin [3]— Philosophie, Philologie und Geschichte — in Berlin hab' ich ein ganzes Jahr in demselben Hause und beinah in demselben Zimmer mit Bakunin zugebracht [4]. Im Jahre 1843 schrieb ich meine ersten Verse [5] und trat für eine sehr kurze Zeit in's Ministerium des Innern ein. Meine Verse waren schlecht — und mein Dienst — ebenso. Ich schrieb hin und her Reflexionspoesie ohne Klang und Schwung mit kleinlichen Finessen. — und wollte schon gänzlich die Litteratur aufgeben — als ich Ende 1846 — auf die Bitte meines Freundes, Belinski, für sein neugegründetes Journal — die erste Skizze der Memoiren eines Jägers schrieb [6]. Sie gefiel — wurde von vielen andern gefolgt — und so wurde ich Novellist und Romanschreiber. Von 1847 bis 1850 blieb ich im Auslande — dachte 1848 mich ganz nach Frankreich überzusiedeln [7], ging aber nach Russland zurück — und wurde im Jahre 1852 mit einem beinahe zweijährigen Exil vom Kaiser Nikolaus bestraft. Der Vorwand dazu war ein Artikel über Gogol, der eben gestorben war: man wollte nämlich die jungen Schriftsteller einschüchtern. Seitdem schreib ich Novellen — grössere und kleinere — lebe abwechselnd in Frankreich, Deutschland und Russland — aber das kennen Sie so gut wie ich. Ich habe zwei Brüder gehabt: der jüngere ist längst gestorben. Voilà tout.

Ich hoffe, der Brief findet Sie noch in Stuttgart. Mit Gerken's Gehirn geht es schlecht — seine Schwiegermutter [8] ist noch nicht angekommen.

Viele Grüsse Ihrer Frau und ein herzliches «shake hands» Ihnen. Ich schicke Ihnen zugleich «Pères et Enfants» [9].

Ihr

I. Turgéneff.

1494. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

1(13) августа 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
Ce 13 août 1863.

Mon cher ami (vous me permettrez d'écrire, pour plus de commodité, en français) — vous êtes resté ici plus de jours que vous n'aurez voulu et pourtant vous êtes parti si

subitement que je n'ai pas eu le temps de vous serrer la main et de parler un peu de notre affaire [1]. Je vais donc le faire par écrit. Vous m'aviez dit que vous désiriez une notice biographique [2], puis une autorisation ou plutôt une approbation de la traduction. Cette approbation je la donne aussi pleine et entière que possible, et s'il faut le faire d'une manière légale aux yeux de l'éditeur, je vous serais très reconnaissant si vous vouliez bien me faire un petit mot que je signerai les yeux fermés, tout en vous priant de vous rendre justice aussi complètement que ⟨possible⟩ [a]. La notice biographique demande un peu plus de temps — les événements de ma vie sont peu de chose.

Je suis né à Orel en 1818, j'ai étudié à Moscou, puis à ⟨Pétersbourg⟩ [a], puis à Berlin de 1835 à 1841 [3]. J'ai écrit mon premier livre en 1843 — c'était un fort mauvais petit poème [4]. J'ai été exilé dans mes terres en 1852—1853, et voilà à peu près tout, mais si vous désirez un petit aperçu de mon activité littéraire, il me faudra donner deux ou trois jours de temps [5].

Vous ne m'avez pas dit non plus quels sont les ouvrages de moi qui entreront dans le premier volume que vous allez publier. Ayez la complaisance de me faire savoir les titres et je vous enverrai sur-le-champ les numéros des pages de la traduction française, où se trouvent les petites additions et restitutions du texte que j'ai faites [6]. En même temps je vous envoie les 2 feuilles de Shustine [б] et une photographie de moi que je vous prie de garder en souvenir de quelques jours passés à Bade. Vous seriez très aimable de m'en envoyer une de votre côté. Viardot m'a dit que vous ne restiez qu'un jour à Fulda [7]; faites-moi savoir où vous allez de là. Veuillez me dire aussi quel est l'éditeur auquel vous vous êtes adressé [8]?

Nous n'avons pas parlé non plus de l'article demandé par Oppenheim pour la revue [9]. Voulez-vous que je lui écrive pour qu'il précise la grandeur de l'article et les honoraires qu'il compte donner. Recevez mes salutations bien amicales, et croyez-moi votre dévoué

J. Tourguéneff.

---

[a] *В тексте публикации пропущено неразобранное слово, которое восстанавливается по смыслу.*

[б] *Так в тексте публикации: слово — явно искаженное и не поддающееся объяснению.*

1495. Н. В. ХАНЫКОВУ

7(19) августа 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
19-го августа 1863.

Почтеннейший Николай Владимирович, немедленно по получении Вашего письма я понес сто франков Морнану; но оный толстый смертный отлучился на два дня в Страсбург — так что раньше сегодняшнего вечера капиталов не получит. Расписка будет Вам выслана.

Не писал к Вам по причине гнусной лени, в которую погрузился до безобразия. Здоровье, кстати, поправилось — так что ничего не мешало прозябать. А любопытного набралось много, хоть бы угонка зайца Прусского короля от борзого кобеля Саксонского короля. Очень новое явление! Саксонец до сих пор никак не может поймать пруссака [1]. Впрочем, Вы всё это можете прочесть в газетах.

Жму Вам дружески руку и желаю всяческих благ.

Ив. Тургенев.

P. S. Поклон Милютиным. От Боткина пришло письмо, Этот рьяный патриот останется зимовать в Москве [2].

1496. М. А. ЯЗЫКОВУ

25 августа (6 сентября) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
6-го сентября н. с. 1863.

Любезнейший Михаил Александрович — письмо мое имеет двоякую цель: во-первых, напомнить Вам о себе — а во-вторых, еще раз поблагодарить Вас за всё, что Вы сделали по моей просьбе для П. Кудряшова [1] — и впредь рекомендовать его Вашему вниманию. Он, я уверен, его заслуживает — и вперед заслуживать будет: а домашние дела его такого рода, что он нуждается в покровительстве. В надежде на нашу старинную приязнь и в уверенности, что Кудряшов человек полезный и дельный, смело обращаюсь к Вам.

Я в нынешнем году, при всем моем желании, не мог вернуться в Россию — и проживу до зимы здесь. Работаю я мало: другие заботы в голове. Вам, я полагаю, хлопот, как говорится, полон рот в Туле [2]. Надеюсь, что Вы здоро-

вы и бодры духом. Кланяюсь Вашей жене и всему Вашему семейству и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1497. ГЕОРГУ АВГУСТУ БАУРУ

26 августа (7 сентября) 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 7 September 1863.

Werthester Herr!

Der Wagen ist unversehrt angekommen — und Ich danke Ihnen recht sehr für Ihre Gefälligkeit [1].— Nun aber hab' Ich den *Schlüssel des Kastens* nicht gefunden — wo Sie wahrscheinlich die Papiere etc. eingesperrt haben — und bitte Sie mir diesen Schlüssel gefälligst in einem Briefcouvert zu schicken — da man auch auf der Eisenbahn mir Schwierigkeiten wegen der mangelnden Papiere gemacht hat.— Zugleich hat der Sattlermeister die beiden Fussteppiche (einen Strohteppich vorn und einen für das Innere — des Wagens) nicht geliefert.— Sie gehören selbstverständiger Weise zum Wagen — und Ich würde Ihnen sehr dankbar sein, wenn er sie mir sofort zuschickte.

Was den Hund betrifft, so hab' Ich leider nichts Gutes zu sagen. Wie er jetzt ist — ist er vollkommen unbrauchbar.— Ich habe ihn *dreimal* auf die Jagd genommen — und bin ganz heiser und lahm vom Schreien und Schlagen.— Stellen Sie sich vor ein wildes Thier, das ohne *Spur von appel* [2], sinn- und zwecklos stundenlang über das Feld hinrennt, den Hasen mit Gebell nachläuft — und ohne *ein einziges Mal* das Wild auch nur gespürt zu haben, *nur* vor Lerchen gestanden hat.— Wohl 30 Mal ist er in eine Kette Feldhühnern hereingesprungen, scheint sich aber nicht mehr weiter darum gekümmert zu haben.— Der Ungehorsam ist dabei vollständig.— Ich habe mich entschliessen müssen, ihn zurückzuschicken — mit der Bitte, Sie möchten ihn seinem frühern Besitzer überliefern, damit er versuche ihn wenigstens für das künftige Jahr brauchbar zu machen. Die Kosten würde Ich tragen. Ich gestehe aber, es wäre mir lieber, wenn der Jäger ihn — wenn auch mit einem Verlust von 50, ja 75 oder 100 Francs für mich — zurücknehmen wollte — denn Ich zweifle sehr, dass man je dieses wilde Geschöpf humanisiren kann.— Ich bitte hundert

mal um Entschuldigung für alle diese Quälereien.— Der Hund geht morgen mit dem Express Zug um 12 Uhr ab — und kommt um 4 Uhr nach Darmstadt; — alle Kosten werden voraus bezahlt.

Ich erlaube mir, Sie noch einmal wegen des Schlüssels zu bitten — und erwarte zugleich eine gefällig baldige Antwort.

Hochachtungsvoll und ergebenst

I. Turgéneff.

1498. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

3(15) сентября 1863. Баден-Баден

Schillerstrasse, 277.
3/15-го сентября 1863.

Милый дядя,

Оба твои письма мною получены [1], и я спешу отвечать. Начну с того, что я должен опять убедительно тебя просить не тревожиться и не предаваться унынию: человек гораздо чаще сам себя убивает, чем бывает убиваем обстоятельствами. Душевно сочувствую твоему горю (я разумею пожар в Юшкове [2]), но этой беде еще помочь можно; я тебе уже много раз повторял — и ты не имеешь причины сомневаться в словах моих — что твое семейство — мое семейство — и в этом отношении я мысленно не разделяю тебя от самого себя: следовательно, все эти мрачные предчувствия, как и те, которые ты питал при начале эманципации — не имеют решительно места. Брат Николай Сергеевич, вероятно, объяснил тебе причины, по которым мне невозможно теперь возвратиться в Россию [3] — но, бог даст, будущей весной я прибуду в Спасское — и всё придет в желанный порядок.

Теперь собственно о делах. Для получения нужной мне суммы (20 000 р. сереб.) я рассчитывал на экстраординарную меру — т. е. на продажу земли — а эта продажа не может сделаться разом — разве только по особо счастливому случаю — а потому я назначал октябрь месяц как первоначальный срок, когда мне можно будет ожидать присылку этой суммы. Этот срок может отодвинуться до февраля или марта — но позже было бы для меня крайне отяготительно. Из отчета о выкупе я вижу, что к февралю одна выкупная сумма за тамбовские имения будет равняться 9400 р. сер. Если присоединить к этому продажу земли — и если взять в соображение, что

за расчетом с Опекунским советом[а] весь приход с имения должен поступать в экономию — то я не вижу никакого особого затруднения. Конечно, если ты, напр., будешь дорожиться и требовать с Ив. Ил. Маслова 55 руб. сер. с десятины, которую ты уступал Боткину за 40 — то дело может не склеиться. Невозможно представить, чтобы постройки, пруд и т. д. равнялись ценностью 10 500 р. сер. (по 15 р. сер. лишних на 700 десятин). Едва ли Маслов согласится [4]. С другой стороны, я к крайнему изумлению и, могу сказать, прискорбию моему убедился, что ты большую часть имений не представил еще к выкупу — всё в надежде на участие крестьян. *Участия этого никогда не будет* — и по мерам, принимаемым правительством в западных губерниях, можно предполагать, что обязательный выкуп будет введен везде — а мы только теряем даром время и остаемся в путанице крепостного уже умершего права. Тяжело потерять с лишком 20 000 р. серебр., но когда нет надежды получить их — то лучше разом пресечь зло — и принести неизбежную жертву. Все эти оттяжки ни *к чему не поведут* — или поведут к худшему [5]. Засвидетельствованную доверенность я пошлю тебе с следующей же почтой.— Спасибо за Захара [6], а об деньгах Анненкову не беспокойся — я нашел другие средства.

Деньги мне теперь нужны — и если ты можешь прислать мне 5000 р. сейчас — то я очень буду рад. Я вижу из отчета, что одними банковыми билетами нам выдали 4050 рублей. Свидетельства прошу не продавать: я убежден, что цена их должна значительно возвыситься со временем [7]. Деньги перешли, как лучше придумаешь; но, я полагаю, лучше всего через банкира по обыкновенью; у Николая Сергеевича семь пятниц на неделе и рассчитывать на него трудно. Я остаюсь здесь до 15-го ноября по нашему стилю.

Кончаю тем, что [б] начал: не унывай и не смущайся ничем. До сих пор никто нас не съел и вперед не съест.

Обнимаю тебя и всех твоих от души и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

[а] *Далее в тексте публикации:* [должны], *очевидно зачеркнутое в подлиннике.*

[б] *Так в тексте публикации.*

1499. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

8(20) сентября 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 20 septembre 1863.

Chère Madame,

Je me trouve tout à fait impardonnable de n'avoir pas répondu sur-le-champ à votre dernière lettre, où vous me demandiez si affectueusement des nouvelles de ma santé — et je compte plus que jamais sur votre générosité. J'ai été en effet assez souffrant pendant à peu près six semaines; mais depuis longtemps ma santé s'est remise — et je vais à la chasse et je suis très paresseux — comme de coutume. Je n'ai pas encore sérieusement entamé mon nouveau roman [1]: il est vrai de dire que d'autres préoccupations m'en empêchent. L'incertitude est l'état de l'âme le moins propre à la production — et par le temps qui court, il n'y a pas de Russe qui n'ait été en proie à ce sentiment. L'avenir est toujours bien sombre — et on ne sait plus ce qu'il faut désirer [2].

Ma fille et Mme Innis retournent bientôt à Paris; je reste encore ici jusqu'au mois de novembre. Paulinette ira vous présenter ses hommages dès les premiers jours de son arrivée — et je la recommande à votre bienveillance. Elle partage tous mes sentiments pour vous, avec une petite pointe de tendresse filiale, que je suis très heureux de lui voir, et dont vous ne lui saurez pas moins gré, je l'espère.

Je n'ai pas répondu à une bonne lettre de Mr Mérimée et je ne sais pas où il se trouve maintenant. Ayez la bonté de m'en dire un mot, si vous ne l'ignorez pas vous-même [3].

Acceptez l'expression de mon dévouement le plus affectueux.

J. Tourguéneff.

P. S. Mille amitiés pour tous les vôtres.

1500. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

8(20) сентября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
8/20-го сентября 1863.

Каждое мое письмо к Вам, любезнейшая Варвара Яковлевна, должно, по-настоящему, начинаться с извинений и т. д. Но я боюсь Вам наскучить и прямо приступаю

к делу, надеясь на Вашу неисчерпаемую снисходительность. Будьте так добры и дайте мне знать, не медля: приехал ли П. В. Анненков в Петербург — и где остановился [1]? У меня готова и переписана та *фантазия*, о которой я, кажется, Вам говорил [2] — и я бы хотел переслать ее ему с маленькой инструкцией насчет ее печатанья [3]. Разумеется, Вы прочтете эту штуку вместе с ним — и скажете свое впечатление.

Надеюсь, что Вы и все Ваши находитесь в добром здоровье и в таком же расположении духа; — что касается до меня, то я поживаю помаленьку. Здесь я остаюсь до ноября. Кланяюсь Вам дружески и всем Вашим.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1501. П. В. АННЕНКОВУ

15(27) сентября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
27-го (15-го) сентября 1863.

Дорогой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, прежде всего благодарю за Ваше письмо. Я и без него знал, как крепка и незыблема наша, как Вы говорите, *четвертьвековая* дружба, но такого рода подтверждения всегда приятны. Всё, что Вы говорите, весьма умно и дельно, и я решился последовать Вашему совету [1]; но я желал бы сделать это в ноябре (т. е. приехать в Петербург). Я уже об этом писал в русскую миссию в Париж, от которой недавно получил приглашение возвратиться в Россию на непродолжительное время, если состояние моего здоровья или дел мне это позволяет [2]. С ноября успею перебраться в Париж, основать там мое маленькое семейство, и я поеду тогда в Россию не на несколько дней, а на несколько недель. Я уверен, что это замедление не может иметь влияния на ход самого процесса, тем более, что мне не придется слова прибавить к ответам, весьма подробным и полным, которые я послал нынешней весной [3]. Благодарите доброго Ковалевского за его радушное предложение [4] и передайте мой поклон г. Карниолнну-Пинскому, которого я знавал в мои молодые годы. Повторяю: поездка теперь в Петербург, хотя на несколько дней, для меня невозможна; в ноябре я ей буду очень рад и с удовольствием останусь в Петербурге до конца января или даже до февраля. Душевно желаю, чтобы это намерение мое было одобрено Вами и другими лицами, принимающими во мне участие.

Теперь скажу несколько слов о прилагаемой фантазии, которая вот уже второй месяц лежит у меня переписанная. Прошу Вас прочесть этот вздор со вниманием и решить: стоит ли в теперешнее время печатать эту штуку или лучше отложить до более спокойных дней? Если Вы решите, что печатать можно, то подумайте, как это сделать. Я обещал эти «Призраки» редакции «Времени», но с тех пор само «Время» стало призраком [5]. Достоевский (который на днях посетил меня в Бадене) просил меня подождать до октября, в надежде, что, быть может, его журнал опять разрешат; в таком случае, разумеется, моя вещь должна появиться у него. Если же этого разрешения не последует, то куда ее сунуть [6]?

Я «Русскому вестнику» должен 300 р., и он бы принял «Призраки» охотно, но мне как-то не хочется печататься у Каткова [7]. Впрочем, Вы на месте лучше всё сообразите и решите, и я даю Вам carte blanche. Только вот что: уж если печатать, то нельзя ли получить побольше денег, в коих я весьма нуждаюсь. В «Призраках», вероятно, немного более двух печатных листов — и 1000 рублей... (я краснею от стыда и прячу нос под мышку) — было бы не худо. Словом, распорядитесь как знаете, только известите меня поскорее: 1) о прибытии этого грузного письма; 2) о Вашем впечатлении и решении [8].

Засим заранее благодарю Вас за все Ваши хлопоты, дружески кланяюсь Вашей жене и всем добрым приятелям и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

P. S. Что такое роман Писемского [9]?

Чуть было не забыл главного. По милости банкрутства «Времени» и недошедшего письма к дяде, мой долг всё еще Вам не уплачен [10]. Запродавши «Призраки» (которых печатание, вероятно, отложится до моего прибытия), Вы немедленно должны удержать следуемые Вам деньги. На днях вышлю Вам несчастные лекции о Пушкине [11].

1502. В. П. БОТКИНУ

21 сентября (3 октября) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
$\frac{\text{3-го октября}}{\text{21-го сентября}}$ 1863.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Василий Петрович, пишу тебе весь подавленный чувством моей вины перед тобою: я не отвечал до сих пор на твое доброе и длинное письмо [1], которое, вероятно, стоило немало трудов твоим глазам: но лучше поздно, чем никогда; — вот я и пишу.

Прежде всего скажу тебе, что мне очень приятно думать, что пребывание твое в Степановке пошло тебе впрок: на твоем письме лежит отблеск бодрости и веселости. Надеюсь, что твое зимнее пребывание в Москве не изменит твоего состояния — хотя не могу не сожалеть о том, что тебя не будет в Париже. Прошлогодние музыкальные утра, обеды и т. д. не возобновятся. Впрочем, и всё парижское житие для меня уже совсем стало другое с отъездом Виардо: я сам постараюсь остаться там как можно меньше [2].

Я доволен своим пребыванием в Бадене: после жестокого приступа болезни, продолжавшегося около 6 недель, всё успокоилось — и теперь (как бы не сглазить!) мне лучше, чем когда-либо. Хожу часто на охоту — а работаю весьма мало. Написанная мною «фантазия» — отправлена неделю тому назад Анненкову, с полномочием — если он не найдет ее слишком *неподходящей* к теперешнему трудному времени — напечатать ее где заблагорассудится [3]. Если тебе случится прочесть эту весьма короткую вещь до напечатания, дай мне знать твое мнение [4].

Альбом г-жи Виардо начат печатанием в Карльсруе: она тебя очень и очень благодарит за твое любезное предложение [5]. После твоего отъезда прибавилось еще пять, шесть прекрасных вещей. Готов он будет в декабре, и тогда я экземпляров 600 или 800 перешлю в Россию — перешлю... или сам привезу — потому что весьма вероятно, почти несомненно, что я приеду в Россию недель на шесть, чтобы покончить с этим странным процессом, по поводу которого меня еще раз недавно требовали, хотя в самых мягких формах [6]. Итак, мы, может быть, увидимся на Маросейке [7].

Фет мне написал несколько писем [8] — а я, безобразное животное, не отвечал ему! Если он теперь в Москве, по-

целуй его за меня. Я на днях напишу ему по твоему адрессу — ты будешь знать, как доставить ему письмо.

Я прочел всего только первую часть романа Писемского [9] — в «Искре» его ругают [10]: знак хороший. Прочел ли ты в «Современнике» рассказ в роде Успенского — под названием «Питомка» некоего В. Слепцова [11]? Это пробирает до мозга костей,— и, пожалуй, тут сидит большой талант. Но один реализм губителен — правда, как ни сильна, не художество. Но в этом рассказе есть что-то, кроме одной правды.

Будь здоров — обнимаю тебя и прошу поклониться всем московским приятелям.

Ив. Тургенев.

1503. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

26 сентября (8 октября) 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 8 octobre 1863.

Mon cher Monsieur Bodenstedt,

Je suis bien coupable envers vous et cette fois-ci encore je ne vous envoie pas la petite esquisse promise [1] — mais je vous donne ma parole que vous l'aurez avant une semaine. Je viens de nouveau m'adresser à votre inépuisable complaisance. Il y a encore une petite pièce de vers à traduire — et cette fois-ci — c'est moi qui l'ai faite — ce qui est bien plus extraordinaire encore. J'ai fait ces 4 petits couplets assez insignifiants en écoutant chanter une mésange [2] — et Mme Viardot y a mis une musique ravissante — ce qui fait que je viens frapper à votre porte en vous suppliant d'excuser mon indiscrétion ainsi que la médiocrité de l'œuvre, à laquelle vous allez travailler. Voici la chose en question:

Синица (Die Meise)

Слышу я: звенит синица
Средь желтеющих ветвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!

Хоть грозит он нам ненастьем,
Хоть зимы нам он пророк —
Дышит благодатным счастьем
Твой веселый голосок.

В песенке твоей приветной
Слух пленен ужели ж мой
Лишь природы безответной
Равнодушною игрой?

Иль беспечно распевает
И в тебе охота жить —
Та, что людям помогает
Смерть и жизнь переносить [3]?

J'ai entendu dire avec peine que votre doigt vous fait toujours beaucoup souffrir; c'est un cruel accident [4]. J'espère que cela finira par rentrer dans l'état normal. A bientôt et recevez d'avance avec tous mes remercîments mes salutations les plus amicales.

J. Tourguéneff.

На конверте:

Herrn Fr. Bodenstedt,
Wohlgeboren,
in München.

1504. П. В. АННЕНКОВУ

28 сентября (10 октября) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
10-го октября (28-го сентября) 1863.

Спасибо, старый и добрый друг мой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, за скорую отписку. Что касается до приезда в Питер — то — vous prêchez un converti: в ноябре там — если только жив буду. Что касается до фантазии, то я даже дрогнул, прочтя слово: «автобиография» [1], и невольно подумал, что когда у доброго легавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился чащу. Тетерев, разумеется, я. Мне приятно, что Вам эта вещь понравилась, а до остальных, т. е. до массы — мне, право, дела мало. Я ее не обвиняю, она совершенно права, ей нужны другие кушанья; но я — повар старого покроя и не умею на нее готовить. Довольно — однако же — то был тетерев, теперь — повар! Результат всего этого — что «фантазию» мы прибережем до личного свидания. Я сам полагаю, что нет никакой нужды пускать ее по литературной братии. Приятелям — другое дело. Я бы желал знать мнение о ней Александры Петровны (кстати, поклонитесь от меня Тютчевым) [2].

Я не могу писать к Вам, не давая Вам комиссий; вот и теперь даю:

1) Уведомьте меня, что за человек П. Д. Боборыкин, новый издатель «Библиотеки для чтения», и каков этот журнал под его редакцией[3].

2) Узнайте, пожалуйста (это очень нужно), не были ли переведены с польского и помещены в каком-либо журнале «Письма с Киргизской степи» Адольфа Янушкевича[4].

3) Г-жа Viardot положила на музыку (по мнению всех знатоков — превосходно) 15 стихотворений Пушкина, Лермонтова, Фета. Мы издаем их здесь в Карлсруэ с немецким и русским текстом[5]. Узнайте же, захочет ли Бернард (музыкальный торговец) купить несколько сот экземпляров? Я их, вероятно, привезу с собой.

4) Кто такой В. Слепцов, автор рассказа «Питомка», помещенного в июльской книжке «Современника»[6]? Засим еще раз спасибо и до свидания...

1505. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

23 апреля (5 мая)—до 30 сентября (12 октября) 1863(?). Баден-Баден

Любезный брат,

Я ездил тебя встречать вчера, но ты не приехал; не получая от тебя сегодня ни письма, ни телеграммы, я решился отправиться в концерт с моей дочерью — а ты здесь найдешь все тебе нужное: комнату, чай, камин, ужин. В $^1/_2$ 11-го я вернусь.

Весь твой Ив. Тургенев.

1506. Н. В. ХАНЫКОВУ

30 сентября (12 октября) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
12-го октября 1863.

Любезнейший Николай Владимирович, я остаюсь в Бадене до начала будущего месяца и потому с великим удовольствием увижу Вас здесь — даже предлагаю Вам поселиться у меня на квартере, так как за отъездом моих дам[1] у меня 4 комнаты и 3 кровати свободных.

Морнан отсюда уехал дней 10 тому назад.

Итак, до скорого свидания.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1507. Н. В. ЩЕРБАНЮ

30 сентября (12 октября) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
12 октября 1863 г.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, я давно не получал от Вас писем, но приходящие от времени до времени русские журналы служат лучшим доказательством Вашей памяти обо мне. На днях пришел даже номер «Современника» — из *Касселя.* По красным отметкам я увидел, что и это дело рук Ваших. Большое Вам за это спасибо, но мне хотелось бы также увидеть несколько строк, из которых я бы мог заключить, что́ Вы, где Вы и т. д. Надеюсь, что и Вы, и жена Ваша (которой очень дружески кланяюсь) наслаждаетесь хорошим здоровьем. О себе скажу, что доволен своим пребыванием в Бадене: старая болезнь перестала меня мучить, хожу часто на охоту и предаюсь лености. К сожаленью — красные дни проходят и приближается *необходимость* на короткое время съездить в Петербург, как и зачем — об этом мы поговорим при свидании [1]: я через месяц, никак не позже — в Париже. Мои дамы уж там и ищут мне квартиру.

Итак, дайте о себе весточку и не забывайте по-прежнему снабжать меня разными продуктами российской прессы. В «Современнике» — замечательная статья «Питомка» В. Слепцова [2].

До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Пишу к Вам в Париж по старому адрессу.

1508. П. В. АННЕНКОВУ

1(13) октября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
1-го (13-го) октября 1863.

Драгоценный Павел Васильевич, в дополнение к последнему письму [1], прошу Вас убедительно немедленно выслать мне сюда всё, что появилось из записок «Об университетской жизни» Д. Писарева. Это напечатано в «Русском слове» [2]. В случае надобности, подпишитесь на мой счет на один экземпляр, вырежьте листы и под бандеролью пришлите мне сюда. Это мне до крайности нужно, и я Вам буду весьма обязан. Другого пока прибавлять нечего — будьте здоровы и благоденствуйте...

1509. А. А. ФЕТУ
1(13) октября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
1/13 октября 1863.

Письмо из Степановки от 1/13-го мая! Письмо оттуда же от 3/15-го июня! Еще письмо оттуда же от 18/30-го июля! Наконец, еще письмо от 18/30-го августа!! [1] И все письма большие, милые, умные, забавные, интересные — а я — неблагородный и неблагодарный урод! — не отвечал ни на одно. После этого никакого нет сомнения, любезнейший Афанасий Афанасьевич, что Вы имеете право обругать меня самыми крепкими словами российского диалекта — а я обязан только кланяться и благодарить за науку. Что делать, батюшка! Обленился я, ожирел и отупел, совесть плохо прохватывать стала. Кроме того, я наслаждаюсь следующими благами жизни:

1.) Здоров (вот уже третий месяц).

2.) Хожу на охоту (бью фазанов!).

3.) Не занимаюсь литературой (да и, по правде сказать, ничем).

4.) Не читаю ничего русского...

Как же мне после этого не погрязнуть в безвыходном эпикуреизме? Об Вас ходят, напротив, совершенно противуположные слухи: говорят, что Вы — «потрясая Орловской губернией Тамбовскую, сжимаете руки» — заводите мельницу [2] на 8 000 000 000 000 поставах, которая будет молоть — не вздор, как Чернышевский [3] — а тончайшую крупитчатую муку. Желаю Вам всевозможных успехов и прошу об одном — не забывать совершенно охоты — ибо и там дичь — тоже не вроде дичи Чернышевского.

А знаете ли Вы, что мы с Вами, весьма вероятно,— скоро увидимся? По крайней мере в том случае, если Вы приедете на зиму в Москву — ибо я в конце ноября совершаю путешествие в отечество — и пребуду в оном около 6 недель. Не относитесь скептически к этому известию — оно верно.

Считаю долгом уведомить Вас, что я, несмотря на свое бездействие, угобзился, однако, сочинить и отправить к Анненкову вещь, которая, вероятно, Вам понравится — *ибо не имеет никакого человеческого смысла* — даже эпиграф взят у Вас. Вы увидите — если не в печати, то в рукописи — это замечательное произведение очепушившейся фантазии [4].

Я к Вам пишу через Боткина, ибо, может быть, Вы теперь в Москве [5]. Во всяком случае, где бы Вы ни были, примите мои искреннейшие пожелания Вам всего хорошего. Кланяюсь усердно Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

P. S. Я здесь остаюсь еще месяц, там на 10 дней в Париж, а там в Рассею.

1510. П. В. АННЕНКОВУ

4(16) октября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
4-го (16-го) октября 1863.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Вот Вы скажете: человек молчал, молчал — да вдруг и пронесло его письмами! Но дело в том, что есть на свете обстоятельства, друг Горацио [1], и т. д. Я Вам писал о намерении нашем напечатать здесь в Карлсруэ альбом 15-ти (не 12-ти) русских стихотворений, с немецким переводом Боденштедта, положенных на музыку г-жой Виардо [2]. И вдруг единственный работник в типографии, умеющий печатать, т. е. набирать музыку, занемогает опасно и надолго. Оказывается необходимость перемены дирекции. А потому, будьте так великодушны, спросите Бернарда (так как он — лучший издатель музыки в Петербурге),— согласен ли он купить право издания этого альбома (г-жа Виардо удовлетворилась бы 2000 франков) в России; если согласен, то согласен ли он также посылать сюда корректуры под бандеролью; это не будет ни хлопотно, ни дорого, потому что весь альбом, состоящий из 15-ти пьес — невелик. Одним словом, узнайте его условия и сделайте одолжение, известите меня немедленно, за что я Вам премного буду благодарен [3].

Я надеюсь, что Вы уже выслали мне статью Писарева, о которой я просил Вас [4].

Вот стихотворения, положенные на музыку г-жою Виардо: Пушкина — «Для берегов отчизны дальной», «На холмах Грузии», «Заклинание», «Цветок», «Мой голос для тебя и ласковый» и т. д., «Последняя туча», «Птичка»; Лермонтова — «Колыбельная песня», «Когда печаль слезой невольной»; Фета — «Шепот», «Психея», «Звездная ночь», «Полуночные образы», «Я долго стоял непод-

вижно», «Какая ночь»; — и Вашего покорного слуги одно стихотворение же под заглавием «Синица» [5].

Пожалуйста, отвечайте поскорее, и да благословит Вас всевышний...

1511. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

5(17) октября 1863. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 17 October 1863.

Mein lieber Freund,

Ihre Uebersetzung meines kleinen Gedichts [1] ist vortrefflich wie immer, und ich bitte Sie meinen besten Dank für Ihre liebenswürdige Bereitwilligkeit zu empfangen. Das unleserlich geschriebene Wort heisst: ужели ж. Die letzten 4 Verse heissen wörtlich so: «Oder aber singt sorglos auch in dir (der Meise) jene Lust zum Leben, dieselbe Lust, die es dem Menschen möglich macht — Tod und Leben zu ertragen?». Ihre Uebersetzung hat eine klein wenig andere Schwenkung des Gedankens — wenn ich mich so ausdrücken darf — aber das thut nichts [2]. Meine kleine biographische Skizze ist zur Hälfte geschrieben: Sie bekommen sie ganz gewiss im Laufe der nächsten Woche [3].

Sie sagen mir nichts von ihrem Finger: ich schliesse daraus, dass er Sie nicht mehr quält. Auch hoff' ich, dass es mit Ihnen sonst gut geht, und verbleibe mit den besten Grüssen

Ihr ergebenster
I. Turgéneff,

1512. В. П. БОТКИНУ

10(22) октября 1863. Баден-Баден

$\frac{\text{22-го}}{\text{10-го}}$ окт. 1863.
Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.

Твое письмо, писанное четыре дня тому назад, любезнейший Василий Петрович, застало меня еще здесь, и я немедленно отвечаю [1]. Я искренно сочувствую твоему по-

ложению: тяжело не иметь гнезда в такое время, когда, кроме гнезда, ничего уже не нужно. Но этому горю помочь трудно — и мне остается только посоветовать тебе уменьшить в себе, по мере возможности, две твои главные беды: скучливость и нерешительность. А засим сообщаю тебе желаемые тобою известия.

Мое семейство уже в Париже и, по всей вероятности, поселится в прежней квартире: rue de Rivoli, 210. Оно пробудет там всю зиму — разве только Полинька выйдет замуж. Но во всяком случае это не заставит их покинуть Париж раньше весны.

Г-жа Виардо приедет в Париж только к началу марта и пробудет там два месяца: в мае она опять вернется в Баден. Зимой она будет делать небольшие художнические экскурсии по Германии, Швейцарии и, может быть, Англии; семейство ее не покинет Бадена.

Я остаюсь еще здесь около трех недель; потом еду в Париж на несколько дней — потом в Петербург по моему глупому делу [2]. Я останусь в России сколь возможно меньше и полагаю 6 недель на всё путешествие «comme au pis aller». В Петербург я приеду к первым числам декабря *старого* стиля. Вернувшись оттуда, я останусь в Париже до весны.

Изо всего этого я заключаю, что тебе было бы лучше всего провести зиму в Париже, в какой-нибудь теплой и удобной квартире. Моя дочь и Mme Иннис искренно тебя любят — мы будем часто видеться — сыщутся другие старые приятели, и ты не будешь тяготиться одиночеством и скукой. А в Москве тебе будет плохо — в Петербурге климат тебе может повредить. Переговори-ка обо всем этом с Анненковым, а впрочем, мне кажется — совет мой благой.

Засим дружески тебя обнимаю и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

1513. МОРИЦУ ГАРТМАНУ

31 октября (12 ноября) 1863. Баден-Баден

Mon cher ami,

Cette lettre vous sera transmise par un compatriote à moi, établi à Stuttgard, Mr Alexandre Sverbéïeff, qui désire vivement faire votre connaissance. En servant d'inter-

médiaire entre vous deux, je suis sûr de faire quelque chose qui vous sera également agréable. Vous êtes jusqu'à un certain point inféodé à la Russie — et vous savez que nous ne lâchons pas facilement nos conquêtes [1].

Mme Hartmann, à laquelle je vous prie de présenter mes souvenirs les plus affectueux, trouvera dans Mme Sverbéïeff une personne aussi sympathique que charmante.

Donnez-moi de vos nouvelles et croyez à mon inaltérable amitié.

J. Tourguéneff.

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 12 nov. 1863.

1514. А. А. ФЕТУ

11(23) ноября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
23/11-го ноября 1863.
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, из письма Ив⟨ана⟩ Петровича я узнал, что Вы находитесь в Москве [1] — а из письма дяди — что он через Вас послал деньги, которые банкир Ахенбах должен был переслать ко мне. Между тем этих денег и в помине нет, и я сижу здесь без гроша и безо всякой возможности двинуться с места [2] — а к концу ноября я, по требованию Сената, должен быть в Петербурге [3]. Я боюсь, не случилось ли что-нибудь с этими деньгами, или не послал ли их Ахенбах в Париж на мое имя. Сделайте божескую милость, немедленно по получении этого письма разъясните этот пункт и дайте мне знать в Париж, rue de Rivoli, 210. Я завтра отправляюсь туда, заняв немного денег и оставив хозяйке моей все мои вещи и платье под залог — а из Парижа через две недели скачу в Петербург. Если Вы не потеряете времени, то Ваше письмо меня найдет еще в rue de Rivoli. Дядя, несвоевременной высылкой этих несчастных денег, пробрал меня до пупа, а Ахенбах до самого уже горла.

Надеюсь увидеть Вас скоро в Москве — а потому отлагаю все другие разговоры до личного свиданья. Поклонитесь от меня всем добрым приятелям — а Маслову скажите, что он, вероятно, отказался от покупки моей земли по причине слишком большого запроса со стороны дяди (отдаленность не может быть причиной — потому что эти 800 десятин отличной земли в круглой меже лежат на са-

мой станции Московско-Тамбовского шоссе) — но что он если не переменил намеренья, то я ему уступлю эту землю за что он сам захочет дать [4].

Если Василий Петрович еще в Москве, то и ему дружеский поклон. Жму крепко руку Вам и Вашей жене и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1515. В. П. БОТКИНУ

13(25) ноября 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
25-го/13-го ноября 1863.

Милый Василий Петрович, я вчера вечером приехал сюда из Бадена и сию минуту получил твое письмо [1]. Порученья я твои исполню — но я нахожусь в пакостном положении — а именно:

Дядя, от которого я с начала года не получал ни копейки, обещался чуть не клятвой в конце сентября выслать мне 5000 р. сер. Обещание он, как водится, не сдержал — и только в начале ноября я получил извещение, что он мне *выслал* с Фетом через московских банкиров Ахенбаха и Колли — не 5000, а 3500 р. сер. Но, кроме этого известия, я ничего не получил и, прождавши в Бадене донельзя, приехал сюда — заняв на это деньги и оставив хозяйке в залог все свои вещи — во-первых, для того чтобы повидаться с Полинькой перед отъездом в Россию — а во-вторых, я надеялся найти либо письмо poste restante — либо *авиз* у Ротшильда о высылке денег Ахенбахом. Но ничего я подобного не нашел, и теперь я просто в бедственном положении: надо оставить г-же Иннис на прожиток, надо заплатить долги в Бадене и забрать вещи — надо, наконец, самому доехать в Петербург — а в кармане всего 23 франка. Не знаю, кто так на старости лет меня попотчивал: Фет ли, Ахенбах ли — но, разумеется, виноват больше всех дядя, подвергнувший меня такому позорному безобразию. А потому умоляю тебя убедительно: не теряя ни секунды, дай знать обо всем этом Фету в Москву — пусть он отправится к Ахенбаху и заставит его неотлагательно послать мне секунды векселей в *Баден*, *Schillerstrasse*, *277*. Если же Ахенбах обанкрутился или просто украл

деньги — то пусть Фет даст мне знать об этом в *Баден же*, из которого я не выеду не получивши его письма [2]. В Париже я останусь *всего неделю;* в Петербурге надеюсь быть к концу ноября по *нашему* стилю.

Эта передряга так меня расстроила, что ни о чем другом писать не хочется. До свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P. S. Г-жа Иннис и Полинька на всю зиму поселились rue Rivoli, 210.

1516. П. В. АННЕНКОВУ

13(25) ноября 1863. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
13-го (25-го) ноября 1863.

Дорогой Павел Васильевич, это письмо пишется мною на случай, если другое письмо мое, адресованное В. П. Боткину [1], как-нибудь не дойдет до него. Я адресовал ему в гостиницу «Франция», близ Полицейского моста. Пожалуйста, поезжайте к нему тотчас и, если он получил мое письмо, прочтите его вместе. Дело в том, что, по милости дяди, или Фета, или банкира Ахенбаха в Москве, я без копейки и не имею решительно средств выехать. И в Париж-то я прибыл для прощания с дочерью, взяв в долг, и оставив мои вещи в залог хозяйке. Я прошу Боткина дать об этом тотчас знать Фету в Москву, которому дядя поручил 3500 р. сер. для пересылки мне. Пусть он, не теряя ни минуты, напишет мне в Баден, Schillerstrasse, 277 — что сделалось с этими деньгами — если он не вышлет мне секунд-векселей [2].

Я через неделю выезжаю из Парижа обратно в Баден и буду ждать этого письма, чтобы пуститься в Петербург. До свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

1517. Н. В. ХАНЫКОВУ

14(26) ноября 1863. Париж

Любезнейший Николай Владимирович, я очень рад, что застал Вас еще в Париже. Приходите, пожалуйста, ко мне теперь или будьте дома в 12 час., и я зайду к Вам. Мне очень нужно переговорить с Вами.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Rue de Rivoli, 210.
Четверг.

1518. ПОЛИНЕ ВИАРДО

15(27) ноября 1863. Париж

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Vendredi, ce 27 nov. 63.

Chère Madame Viardot, ma position est toujours la même: pas de lettres (même de Bade), pas de réponse au télégramme que j'ai envoyé à Moscou [1] — et partant, pas d'argent.— Cela ne m'empêchera pas pourtant de partir mardi ou mercredi au plus tard pour revenir dans le nid bien-aimé [2]. Vous ne sauriez croire combien je me sens dépaysé dans ce grand diable de Paris.

Mme Innis est revenue de Londres, et ma fille de Vert-Bois [3]: elles vont très bien toutes les deux. Les Troubetzkoï n'arrivent à Paris qu'aujourd'hui. J'ai vu la maison de la rue de Douai [4] (l'accident est arrivé dans une maison située un peu plus loin), j'ai entr'ouvert la porte cochère et j'ai aperçu cinq ou six garçons qui sautaient et couraient dans la cour sablée. Ce spectacle, peu triste pourtant, m'a serré le cœur. Il y a au-dessus de la porte un énorme treillage vert, qui m'a paru bête.— J'ai remis la dentelle à la belle-mère de Mlle Richard (Mlle Eugénie n'était pas à la maison) qui demeure non pas au n°16, comme il y avait sur votre lettre, mais 46 *ter*. Il y a trois 46 et j'ai cherché dans tous les trois. J'ai également cherché Maxime Ducamp [5] au n°48, rue du Rocher —mais comme il demeure au 43, je ne l'ai pas trouvé. J'irai le voir aujourd'hui, ainsi que Millet [6].— J'ai dîné très agréablement avant-hier avec le bon Pomey— puis nous sommes allés ensemble aux « Troyens » [7]. Il m'a dit vous avoir écrit une longue lettre sur ces fameux « Troyens », qui m'ont fait à peu près la même impression qu'à

lui. C'est l'œuvre d'un impuissant, érudit et ingénieux, qui se bat les flancs et se déchire les entrailles sans pouvoir produire autre chose que des pastiches ou des bizarreries. Il vise surtout au grand et au fort (autre symptôme d'impuissance) — et la seule chose où il réussisse—c'est une sorte de rêverie languissante, nerveuse et *sensuelle*.— Mme Charton est une cantatrice de troisième et une actrice de cinquième ordre [8]. Monjauze n'est pas trop mauvais dans le rôle ridicule d'Enée [9].—Le théâtre était aussi plein que possible: j'y ai vu Meyerbeer avec son profil de très vieux marchand de lorgnettes: il ne manque pas, dit-on, une seule représentation.— Puisque je vous parle théâtre, j'ajouterai deux mots sur le « Trovatore » [10] que j'ai vu hier.— A l'exception de Fraschini, qui chante, en effet, très bien, mais qu'il serait ridicule de comparer à Rubini [11], la représentation a été misérable. Mme de Lagrange est bien mauvaise et n'a pas le moindre succès — un Mr Sterbini qui chante le rôle de Graziani a été chuté. Quant à Fraschini, c'est une ovation continuelle, un engouement! Il a une honnête et sympathique figure—mais c'est certainement l'acteur le plus froid et le plus gauche que j'aie vu. Il m'a fait plaisir, je dois l'avouer.

Eh bien — et vous, qu'avez-vous fait à Stuttgard? Et les commissions que vous vouliez me donner? — J'attends une lettre avec impatience.— J'irai à l'ambassade la *veille* de mon départ [a], ce sera probablement lundi [12]. Mille amitiés à tout le monde et à bientôt, à bientôt!

J. Tourguéneff.

1519. Н. В. ЩЕРБАНЮ

15(27) ноября 1863. Париж

Париж.
Пятница, 27 ноября 1863 г.
Rue de Rivoli, 210.

Любезный Щ⟨ербань⟩, я приехал сюда третьего дня и остаюсь здесь до вторника. Еду через Баден в Россию. Мне очень хочется повидаться с Вами. Не зайдете ли ко мне в воскресенье, эдак часу в одиннадцатом? Кланяюсь дружески Вам и Вашей жене.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* qui

1520. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17(29) ноября 1863. Париж

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Dimanche, 29 nov.

Theuerste Freundinn, je vous ai accablé hier de lettres et de télégrammes et j'espère que je recevrai enfin demain matin cette fameuse traite, envoyée Dieu sait pourquoi poste restante [1]. Si elle s'est égarée en route, je ne pourrai pas toucher la moindre petite somme ici, car Mr le banquier Dutfoy n'a pas plus reçu d'avis que Mr Rothschild. Dans ce cas, j'emprunterai ici assez d'argent pour en laisser à Mme Innis, pour faire les emplettes nécessaires et revenir à ma chère Schillerstrasse [2], — et je retélégraphierai à Mr Athanase Feth [3] à Moscou, tout en l'envoyant in petto à tous les diables.

J'ai reçu ce matin votre bonne petite lettre [4] — mille fois merci. Toutes vos commissions seront ponctuellement remplies.

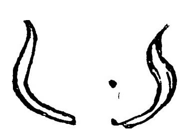
Je ne pourrai malheureusement partir que mercredi, car mon enchifrènement est devenu une espèce de rhume de cerveau torrentiel, comme j'en ai quelquefois, et je crains que je ne sois obligé de garder la chambre toute la journée d'aujourd'hui, ce qui me retardera d'autant.— J'avais le pressentiment de ce vilain contretemps. Mais vous pouvez faire dire dès à présent à Mme Anstett qu'elle m'attende mercredi soir. Je lui suis bien reconnaissant des soins qu'elle prend de Pégase [5]: c'est une excellente femme.

Les Troubetzkoï sont toujours à Bellefontaine; je ne verrai l'ambassadeur [6] qu'après-demain, la veille de mon départ. Mon diable de rhume m'a empêché de voir Millet et Ducamp [7] — je ne bouge plus depuis hier 2 heures. J'ai pourtant vu Mme Guillon au Grand Hôtel et j'ai longuement causé avec elle. Mme Innis a fait ce petit voyage en Angleterre pour tâcher de rattraper une vieille dette d'une centaine de livres et n'y a pas réussi.— Paulinette est un peu plus gentille et plus caressante. Mais nous sommes bien loin l'un de l'autre. De très faibles lueurs de maillot rose apparaissent sur l'horizon, mais il y a eu tant de déceptions à ce chapitre que je n'y croirai que quelques semaines *après* [8].

Le monsieur russe [9] avec lequel j'ai dîné avant-hier est un employé important dans le genre de Milutine avec lequel il a travaillé à l'émancipation des serfs. Il sait bien ce qui se passe derrière les coulisses à St-Pétersbourg — et il me

conseille aussi d'y aller, en m'assurant que j'y resterai le temps que je voudrai [10].— C'est égal, comme pour le maillot rose, je ne serai complètement tranquille qu'*après.*

Dites à Didie que je m'attends à un beau dessin pour mon retour, le dessin qu'elle me doit depuis le 9 novembre [11].

Embrassez-la de ma part, ainsi que Marianne et Paul. Dites-leur que je ne serai content que quand je serai assis dans leur chambre, sur une de ces fameuses chaises dont le dos représente les deux cornes d'un taureau.

Vous-même, portez-vous bien, travaillez et à bientôt.— Mille amitiés à Viardot — j'espère qu'il aura fait bonne chasse.

Ich küsse zärtlich Ihre lieben Hände und bleibe auf ewig

Der Ihrige
J. T.

1521. ПОЛИНЕ ВИАРДО
18(30) ноября 1863. Париж

Paris,
rue de Rivoli, 210,
ce 30 nov. 1863.
Lundi.

Chère Madame Viardot, j'ai enfin reçu ce malheureux argent [1].— La stupidité de mon brave ami Feth, qui, au lieu de me l'envoyer sur-le-champ — se demandait toujours: comment l'envoyer: sur Francfort ou sur Paris? m'a fait perdre 1600 (1620) francs — sur 14000, car pendant ses hésitations il [a] s'est produit une crise financière à Pétersbourg et le change est tombé de 397 fr. pour 100 roub. à 347.— Rien que cela.— Ce n'est pas gai — mais enfin me voilà hors de trouble: cela n'a pas été sans peine. Il faudra prendre des mesures pour que de pareilles bêtises ne se renouvellent plus. Les lenteurs de mon oncle y sont pour beaucoup — mais vous imaginez-vous Feth gardant cet argent pendant *cinq semaines* — et finissant par me l'envoyer à trois mois de date et par un banquier de Moscou, parfaitement inconnu? Et tout cela parce que — comme il me l'écrit: «Comment envoyer à *Bade* une traite sur *Paris*? Il faudrait donc

---

[a] *Далее зачеркнуто:* y a

vous obliger de faire le voyage de Paris ? — Et à Francfort on vous aurait payé en *florins*, ce qui vous aurait gêné ? »[2]

Voilà où l'on en est en Russie !

Pour que le plaisir soit complet, mon rhume est devenu une grippe. Je vais mieux aujourd'hui, mais je ne pourrai sortir que demain ! — Voici donc trois jours complètement perdus—et mon arrivée à Bade retardée d'autant.— Vous dire combien cela m'est agréable — est, je crois, superflu.— Si le diable ne s'en mêle, je quitterai ce charmant Paris jeudi matin pour arriver à 10 heures du soir à Bade.— Je n'ai pu voir qui que ce soit — ni les Tourguéneff ni Mme Delessert ni Mme Duloup ; la visite à l'ambassadeur[3], etc. tout cela est remis.— Les princes Troubetzkoï et Orloff sont venus me voir : ils sont revenus de Bellefontaine et installés rue de Clichy.— Le bon Pomey a passé la soirée d'hier avec moi.— Je dois vous avouer que je suis d'une humeur de chien (de Pégase) — et que je dis toutes sortes d'impertinences à Paris et à mon misérable corps, toujours enchanté d'accrocher quelque vilenie.

Enfin, Dieu merci, vous et les vôtres—vous vous portez bien — c'est là une immense consolation.— Embrassez de ma part les enfants.— Je vous serre la main bien fortement, je salue Viardot et ne serai content que quand je me trouverai marchant sur la petite route à la hauteur de l'allée Hans[4].

Votre J. Tourguéneff.

1522. А. А. ФЕТУ

18(30) ноября 1863. Париж

Париж.
210, Rue de Rivoli.
30-го/18 ноября 1863.

адресс в Бадене:
Schillerstrasse, 277.

Любезнейший Фет, я наконец сегодня получил из Бадена векселя на 12 360 фр. Не в моей натуре делать упреки — но замечу только, что никаких бы убытков и тревог не было, если б Вы, великий противник мудрствования, поступили бы попроще. * В Бадене живет пропасть

* А именно — взяли бы денежки, трюх-трюх к Ахенбаху, вот, мол, пошлите такому-то индивидууму — живущему в Бадене — как вы всегда делаете — третку[1] на Ротшильда. Ее бы у меня с руками оторвали.

русских — и *никто*, *никогда* не получал иначе денег, как векселями на *Париж*, которые баденские банкиры берут с замиранием восторга, ибо вексель на Париж — те же деньги. Размышлять о Франкфурте и т. д.— было все равно что голодному перед куском говядины размышлять, левой ли рукой взять кусок или правой — и прямо ли в рот класть или сперва подержать перед ухом. Впрочем, я изо всей истории вынес комическую черту: «*контору* Боткина, дающую сведения, что на *Баден* банкиров нет». Это хоть бы в заштатном городе Дешкине. Более всех виноват дядя, выславший Вам деньги целым месяцем позже последнего срока [2]. В одном только позвольте Вам противуречить: Вы пишете, что адресса моего у Вас не было. С тех пор, как я пишу письма, я не отправил *ни одного*, не выставив на заглавке числа и адресса. Этому хорошему обыкновению я выучился в Европе. Но basta così. Я подумаю, что проиграл в рулетку недостающие 1600 франков — и это еще милость. Но 347 вместо 397 и еще à trois mois de date — что отнимает у меня еще 200 франков,— лихо [3]!

Я ждал в Бадене донельзя, до последней возможной минуты — т. е. до 26-го/14-го ноября [4]. Тогда, отдав своей хозяйке все свои вещи в залог — я прискакал в Париж налегке, как гусарский прапорщик, для того чтобы проститься с дочерью и в случае необходимости занять денег на возвращение в Россию. Теперь мне предстоит опять вернуться в Баден, чтобы забрать мои вещи, и оттуда уже в Петербург. К сожалению, я схватил здесь сильнейший грипп и потому не знаю, что из этого всего еще выйдет.

Я надеюсь быть в Москве в декабре — там увидимся. Жму Вам руку дружески, sans rancune — кланяюсь Вашей жене и всем Вашим — и рекомендую только вперед: «попростей, батюшка, попростей» [5].

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Последнее сказание: векселя написаны на имя Mr I. S. *Turguhénef*. Ведь если банкир заартачится [a], так он во мне может не признать г-на Тюргюхенева — тем более что выставляла сии векселя неизвестная личность, которая на одном векселе назвала себя Воган — а на другом: Вогау.

---

[a] *В подлиннике:* зартачится

1523. П. В. АННЕНКОВУ
19 ноября (1 декабря) 1863. Париж

Париж.
1-го декабря (19-го ноября) 1863.

Любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, плачевная история с моими деньгами разыгралась наконец [1], хотя не без значительного ущерба моим бокам. А именно: лирический поэт Фет, получив деньги от моего дяди, долгое время не посылал их, всё рассуждая, как бы их получше доставить в Баден — так как *прямо* на Баден банкиров нет. (Это историческое изречение принадлежит глубокомысленной конторе Боткиных в Москве.) Действительно, на Баден нет банкиров, но в Бадене есть их целая дюжина, которая с жадностью караулит каждый вексель, будь он на Вальпарайзо — не только на Париж. В рассуждениях своих, доходивших до гордиева узла и до Сезостриса (собственные слова его письма [2], которое я Вам покажу),— он остановился было на Франкфурте... но там *флорины*... это, мол, Тургеневу, может быть, неприятно... (ей-богу!). Так проходили дни — я изнывал,— а в Петербурге курс возьми да лопни. Тогда лирический поэт Фет, совершенно потеряв голову, бросился к какому-то банкиру, по имени Воган или Вогау (на обоих векселях написано разно) — и, пав ему в ноги, умолил его взять 100 р. в 350 фр. (такой курс не был и в Крымскую войну!), на что тот согласился, так как в то самое мгновение Ахенбах и другие банкиры давали по 367 — и послал мне деньги à trois mois de date, назвав меня притом Фюргюхеневым (mr Furguheneff). Результатом всех этих Сезострисовых соображений— была чистая потеря. Всё это было бы смешно — когда бы не стоило денег. Вперед наука — не поручать денежных дел лирическим поэтам. Одно утешение — материалу прибавилось для комической картины состояния российского общества. Прочтите это Боткину — он посмеется [3].

Быть может, до прибытия этого письма явится в Петербург Ханыков; он Вам скажет, что я собираюсь скакать за ним. К сожалению, я простудился на прощальном обеде, данном тому самому Ханыкову — и три дня просидел в комнате — вследствие этого я тремя днями позднее прибуду в Петербург. Я послезавтра еду в Баден, заберу там свои вещи и, пробывши 2, 3 дня, отправлюсь в Петербург, куда думаю прибыть до 30-го ноября. Итак, до скорого свидания, но вот Вам еще две просьбы.

Все письма, деньги, etc., которые Вы получите от дяди на мое имя, храните до моего приезда. Поблагодарите от меня Тютчева за его хлопоты насчет Захара и за снабжение сего смертного 110 руб. Это было очень любезно с его стороны; я их отдам ему немедленно по возвращении. Да, вот еще пункт. И Тютчев, и многие другие приятели не советуют мне печатать «Призраки» [4] — попросите Достоевского (если он этого еще не сделал) не выставлять их в своей программе и не говорить, что, мол, явится такая-то штука такого-то [5]. Приехавши в Петербург, я посоветуюсь — и там увидим...

1524. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19 ноября (1 декабря) 1863. Париж

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Mardi, 1-er décembre 1863.

Chère Madame Viardot,

J'ai l'espérance de pouvoir partir après-demain jeudi à 8 h. du matin. Je n'en dis pas davantage, de crainte d'un *jettatoure* quelconque. Dites, s'il vous plaît, à Mme Anstett, de me faire du feu ce jour-là, et surtout de m'envoyer une voiture à la gare. Le train arrive après 9 h. du soir, vous pouvez le voir sur votre bulletin.

Je sors en voiture aujourd'hui; j'irai voir les Troubetzkoï et toucher mon argent. Ce malheureux Feth a si complètement perdu la tête qu'il s'est laissé prendre par je ne sais quel banquier ténébreux de Moscou les 100 r. à 350 fr. (comme au temps de la guerre de Crimée), tandis que plusieurs Russes de ma connaissance viennent de recevoir de l'argent à 367 fr. les 100 roubles, ce qui est déjà une jolie dégringolade, et que le change à Pétersbourg est de 377 fr. ! Enfin, il ne faut plus y penser [1] !

Je crains tellement quelque nouvelle frasque de ma mauvaise étoile, que je ne veux plus parler du bonheur que je ressentirai en me revoyant à Bade. Toutes vos commissions sont faites et j'emporte une énorme malle pleine de vieux pantalons, torchons, etc., appartenant à l'illustre Botkine [2]... Allons, portez-vous bien. Mille choses à tout le monde et au revoir.

Votre J. T.

1525. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

19 ноября (1 декабря) 1863. Париж

Chère Madame,

Je suis véritablement désolé de devoir répondre par un refus à votre invitation si gracieuse et si obligeante, mais des nouvelles reçues de Bade [1] me forcent de partir ce soir même, deux jours plus tôt que je ne le croyais. Veuillez agréer mes excuses ainsi que mes remercîments; dès mon retour ici, qui aura lieu vers le commencement de janvier, j'irai vous les porter moi-même, ainsi que l'expression de ma profonde reconnaissance pour toutes les bontés que vous voulez bien témoigner à Pauline.

Recevez, Madame, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

J. Tourguéneff.

Mardi matin.

1526. Н. В. ЩЕРБАНЮ

20 ноября (2 декабря) 1863. Париж

Париж.
2 декабря 1863 г.
Rue de Rivoli, 210.

Эге-ге, любезнейший Щ⟨ербань⟩, да Вы, я вижу, такой же великоросс, как все мы грешные, а я Вас принимал за аккуратного и слово сдерживающего малоросса! Сделайте одолжение, нимало не медля пошлите мне рукопись в Баден, Schillerstrasse, 277, куда я завтра в восемь часов утра отправлюсь — *и скажите кстати свое мнение*. Мне эта рукопись очень нужна, ибо у меня другого экземпляра — нет [1]. Пожалуйста, не забудьте.

Кланяюсь Вашей жене, и до свидания, *если бог даст*.

Ваш
Ив. Тургенев.

1527. П. В. АННЕНКОВУ

23 ноября (5 декабря) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
5-го декабря (23-го ноября) 1863.

Любезнейший Павел Васильевич, Вы, вероятно, вместо этого письма желали бы видеть собственную мою особу — и это удовольствие (видите, как я самонадеян!)

не замедлится. А именно, прошу Вас сходить к г-ну Карниолину-Пинскому, презусу комиссии, которая меня будет допрашивать, и доведите до его сведения, от моего имени, что я весьма желал бы, чтобы Сенат, назначивший месяц ноябрь — сроком моего возвращения в Россию, прибавил мне всего две недели [1]. Я даю *честное слово*, что, если только буду жив, к 15-му (27-му) декабря явлюсь в Петербург [2].

В надежде скоро увидеть Вас, не распространяюсь более; но мне было бы приятно получить два слова в ответ. Я выезжаю отсюда — 10-го (22-го) декабря — через две недели,— и Ваш ответ застанет меня еще здесь...

1528. В. Я. КАРТАШЕВСКОЙ

23 ноября (5 декабря) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
5-го декабря / 23-го ноября 1863.

Любезнейшая Варвара Яковлевна, спешу отвечать на Ваше дружеское письмо. Искренно благодарю Вас за участие, которое Вы во мне принимаете — и должен, однако, прибавить, что мои приятели не такие эгоисты, какими Вы их называете: Анненков, между прочим, написал мне несколько увещательных писем [1].

Приезд мой в Петербург не подлежит ни малейшему сомнению — и я с нынешней же почтой пишу г. Карниолину-Пинскому через Павла Васильевича, что я непременно явлюсь в Петербург к 15/27-му декабрю — ни одним днем не позже [2]. А потому в надежде скоро увидеть Вас лично — повторяю еще раз мою благодарность, дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1529. Н. В. ЩЕРБАНЮ

24 ноября (6 декабря) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Воскресенье, 6 декабря 1863 г.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, прежде всего приношу извинение за взведенное на Вас подозрение: репутация Ваша как аккуратного малоросса блистательно восста-

новлена, хотя, по правде сказать, уж лучше быть неаккуратным, чем больным [1]. Надеюсь, что Ваша простуда прекратилась совершенно, и очень сожалею о том, что я косвенным образом способствовал к ее возобновлению.

Приношу Вам также *искреннее* спасибо за Ваши замечания на мои «Призраки». Это спасибо не одно пустое слово, в чем Вы будете в состоянии *убедиться*, когда прочтете «Призраки» *в печати*. За исключением двух-трех, я согласен *со всеми* Вашими замечаниями; некоторые — очень верны и тонки. Но, например, «широкий шорох» — мне именно нужен, как звукоподражательность; Тюльерийский сад отделен от частного Наполеонского сада — чисто крепостным рвом; и сам г. Базанкур сравнивает зуавов с тиграми [2]. Настоящий солдат таков и должен быть — но потому-то я и не люблю солдата.

Но из уважения к Вашей французской жилке я это выброшу [3].

Впрочем, бог знает, напечатаю ли я *теперь* «Призраки»; может быть, лучше подождать.

Я написал вчера в Петербург Карниолину-Пинскому (презусу сенатской комиссии) через Анненкова, что я прошу две недели отсрочки и даю слово прибыть в Россию к 15(27) декабря [4]. А потому Вы можете еще сюда писать мне.

Еще раз спасибо, дружески жму Вам руку, кланяюсь Вашей жене и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1530. В. П. БОТКИНУ

26 ноября (8 декабря) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
$\frac{\text{8-го декабря}}{\text{26-го ноября}}$ 1863.

Любезнейший Василий Петрович, из моего письма к Анненкову[а] в Петербург ты уже знаешь, что я, хотя с ущербом значительным, но[б] получил деньги, а потому об этом больше[в] нечего толковать [1].— В Петербурге я буду *непременно* между 10-м и 15-м декабрем ст. ст., то есть через две недели, и остановлюсь, вероятно, в той

[а] *Было:* к тебе
[б] *Далее зачеркнуто:* уже
[в] *Было:* уже

гостинице, где ты остановился [2]. Я пошлю тебе телеграмму из Берлина или Кенигсберга и попрошу выслать мне карету на железную дорогу и удержать комнату. Ковалевский предлагал мне поселиться у него, но я боюсь и его и себя стеснить. Я привезу тебе все твои вещи и, между прочим, две самые большие и дорогие губки в Париже.

Недоумение, произведенное в тебе «Призраками» — заставляет меня думать, что лучше погодить их печатать [3]. Тут нет решительно никакой аллегории, я так же мало сам понимаю Эллис, как и ты. Это ряд каких-то душевных dissolving views — вызванных переходным и действительно тяжелым и темным состоянием моего *Я*. Никакого нет сомнения, что я либо перестану вовсе писать, либо буду писать совсем не то и не так, как до сих пор. Первое вероятнее — но обо всем этом мы переговорим.

Итак, до скорого свидания. У вас, чай, уже снега и вьюги, а здесь прелестная тихая погода. Надо будет постараться не замерзнуть.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1531. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

29 ноября (11 декабря) 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 11 décembre 1863.

Chère Madame,

Il faut que je vous dise encore une fois combien j'ai regretté de ne vous avoir pas vue avant mon départ de Paris. Ces regrets ont été encore augmentés, si c'est possible, par une confidence que vient de me faire Mr Mérimée sur certains projets dont vous vouliez m'entretenir. Je reconnais là vos constantes bontés pour ma fille et ne puis que vous en remercier du fond du cœur [1].

Malheureusement me voilà parti et pour assez longtemps — car je ne crois pas pouvoir être de retour à Paris avant les derniers jours de janvier. Pourtant je crois qu'il ne serait pas impossible de faire quelque chose en attendant — ne fût-ce que donner aux jeunes gens l'occasion de se voir. Vous seriez bien aimable d'en dire deux mots à Madame Innis. Une soirée passée ensemble est

beaucoup comme commencement, d'autant plus que Paulinette ne pouvait se décider vite. Si vous vouliez me parler un peu de tout cela, votre lettre me trouverait encore ici — je ne pars que le 20[2]. Quant à Paulinette — vous savez quelle est sa situation: il faut considérer que hors moi elle n'a ni parents, ni famille et puisqu'il faut parler de dot — je lui donne cent mille francs immédiatement et cinquante mille dans le courant des deux premières années. Je n'ai pas besoin de vous dire combien je serais heureux que Paulinette eût un mari de votre main ou recommandé par vous — et quelle garantie cela serait: je ne puis que vous répéter qu'une profonde reconnaissance viendrait s'ajouter à la sincère et respectueuse affection que je vous ai vouée.

Donnez-moi des nouvelles de vous et des vôtres; quant à moi, l'air de Bade m'a complètement remis: je ne sais ce que fera l'air de la patrie [3]. Portez-vous bien et recevez l'assurance de mon inaltérable dévouement.

J. Tourguéneff.

1532. А. А. КРАЕВСКОМУ

3(15) декабря 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 15/3 décembre 1863.

Monsieur,

Cette lettre vous sera remise par Mme Clara Schumann, dont vous connaissez sans aucun doute l'admirable talent. C'est pour la seconde ou troisième fois qu'elle vient en Russie — et tous les amis de la bonne et grande musique doivent désirer qu'elle soit de plus en plus contente de l'accueil de notre public. Votre position vous donne plus qu'à tout autre la faculté d'y contribuer, et je ne doute pas que vous ne le fassiez avec empressement, ce qui ne m'empêche pas de faire appel à notre ancienne amitié. Je considérerai comme une faveur personnelle tous les services que vous pourrez rendre à Mme Schumann [1], et vous prie d'en recevoir d'avance mes remercîments, ainsi que l'expression de mes sentiments dévoués.

J. Tourguéneff.

1533. П. В. АННЕНКОВУ

4(16) декабря 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
4/16-го декаб. 1863.

Я получил Ваше строгое письмо [1], любезный Павел Васильевич — и, как видите, выезжаю. Через неделю я в Петербурге. Но признаюсь, я не ожидал, когда получил приглашение вернуться в Россию — «*если мои дела или состояние здоровья тому не препятствуют*» — я не ожидал, говорю, что, согласившись на такое *условное* приглашение, я вдруг становлюсь чуть не преступником, потому что попросил отсрочки на две недели [2]. Угрожающий тон моих будущих судей мог бы заставить меня призадуматься, если б я действительно знал за собою хотя маленький грех. Но об этом толковать нечего: я еду. До скорого свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

1534. В. П. БОТКИНУ

4(16) декабря 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
16/4-го декабря 1863.

Любезнейший Василий Петрович, сегодня середа — я выезжаю отсюда в воскресение или в понедельник и, если ничего со мной по дороге не случится, в будущий четверг или в будущую пятницу приеду в Петербург. Сделай одолжение, возьми ты для меня две теплые и хорошие комнаты у себя в гостинице. Я пошлю тебе телеграмму с границы для того, чтобы ты приказал мне выслать карету на железную дорогу. Вместе с каретой мог бы прибыть мой бывший слуга Захар, если он не у места. Об его пребывании ты можешь узнать через П. В. Анненкова у Тютчевых. Кстати, отдай Анненкову прилагаемую записку [1].

Засим будь здоров и до скорого свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1535. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

4(16) декабря 1863. Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 16 décembre 1863.
Mercredi.

Ma chère Paulinette, je quitte Bade dimanche et je ne m'arrêterai qu'à Pétersbourg — aussi si toi ou Mme Innis avez quelque chose à me dire, ne perdez pas le temps. Je ne m'en irai pas d'ici sans t'écrire la lettre que je t'ai promise[1] et en attendant je t'embrasse et je salue cordialement Mme Innis.

J. Tourguéneff.

1536. П. В. АННЕНКОВУ

9(21) декабря 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
9-го (21-го) декабря 1863.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, не знаю в точности, поверите ли Вы мне (но надеюсь, что поверите), когда скажу Вам, что едва ли в жизни моей я испытал бо́льшую неприятность, чем именно теперь. Я не могу вернуться в Россию! У меня сделалась какая-то гадость на правой ноге, которая грозит продержать меня в комнате, может быть в постели, на неопределенное время. Доктор называет это — épanchement de synovie — спросите брата Боткина, что это такое; — но дело в том, что нога у меня распухла, болит, и я ступить не могу на нее. Я ждал, могу сказать, до последнего дня и сдался только перед невозможностью. С нынешней же почтой я посылаю Пинскому (через Вас) свидетельство доктора, скрепленное нашим посланником [1]; пусть поступают со мной по закону, безо всякой снисходительности. Я не изменяю своего твердого намерения выехать в Петербург, как только мне позволит эта проклятая нога,— но сказать, когда это будет — совершенно для меня невозможно. Дайте знать об этом Боткину; да попросите, кстати, Достоевского *не* печатать «Призраков» до моего приезда [2]. Я, может быть, многое переделаю, а по всему видно — лучше подождать. Весьма может случиться, что через несколько дней я поправлюсь и уеду; но об этом пока я и говорить не хочу...

1537. П. В. АННЕНКОВУ

13(25) декабря 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
13-го (25-го) декабря, пятница, 1863.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, я, вероятно, уже наскучил Вам со всеми моими поручениями, просьбами и т. д. Но делать нечего: терпели до сих пор, терпите дальше. Прежде всего о моей ноге (что у кого болит, и т. д.). Мне лучше,— и доктор обнадеживает меня возможностью выехать через десять дней. Какой бы ни был результат моего невольного замедления, я прибуду в Петербург при первой возможности: разве в гроб меня положат. Я говорю это весьма серьезно — и надеюсь, что Вы принимаете мои слова так же.

Вы бы очень меня обязали, если бы сообщили мне (при поспешности с Вашей стороны, Ваше письмо меня еще здесь застанет),— какое основание имеет нелепый слух, сообщенный вчера телеграфической депешей в немецких газетах. (Выписку Вам прилагаю в оригинале.) [1]

Что касается «Призраков», то я получаю отовсюду столько увещаний их не печатать, что я сам начинаю думать, что появление сего продукта моей музы было бы крайне неуместно [2]; а потому, если возможно, уговорите Достоевского повременить и, во всяком случае, не печатать до моего приезда, потому что я намерен (и уже сделал) делать некоторые поправки [3]. Пожалуйста, добрый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, не поленитесь исполнить эту — для меня важную — просьбу. Полениться — это я дурное слово употребил и к Вам неподходящее — я должен был бы сказать: не побрезгайте.

Жду от Вас письма и опять жму Вам руку крепко и говорю: до свидания.

Вот вышеупомянутая нелепейшая телеграмма, сообщенная в немецкой газете:

«Nach Berichten aus St. Petersburg wurden dort in den letzten Tagen an 300 Personen der vornehmen Klassen verhaftet, darunter der bekannte Schriftsteller Turgeneff, welcher längere Zeit Paris bewohnte».

1538. В. П. БОТКИНУ

12, 14(24, 26) декабря 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
12-го/24 декабря 1863.

Я никак не ожидал, любезный В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩ — что мне придется писать тебе еще из Бадена. Из письма моего к Анненкову ты, вероятно, уже знаешь о случившейся со мной неприятности [1], которая именно теперь меня просто в отчаяние привела. Черт знает что сделалось с моей правой ногой: это вроде того, что у меня было несколько лет тому назад в колене — но только на этот раз это гораздо упорней. От постоянной неподвижности у меня безобразно болит голова — да это вздор.

14/26-го декабря, суббота.

Мне лучше, и доктор уверяет меня, что через 10 дней я буду в состоянии выехать. Мне это очень приятно слышать, но поверю я ему, когда буду сидеть в вагоне. Ты едва ли поверишь, как бесконечно неприятна мне эта неожиданная чепуха. Мне нужно быть в России, и все мои мысли там. А тут еще, пожалуй, будут думать, что я отлыниваю.

Я послал г. Пинскому докторское свидетельство, закрепленное нашим здешним посланником — и просил его поступить по строгому смыслу зако́нов [2]. Упрек, что по моей милости несколько человек просидели лишнее время в заключении — этот упрек мне очень горек [3].

Тебе придется отменить задержанные тобою комнаты, но только на время; потому что я все-таки хочу остановиться в твоей гостинице [4].

Жму тебе руку и говорю до свидания. Будь здоров и кланяйся нашим общим приятелям.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

1539. П. В. АННЕНКОВУ

20 декабря 1863 (1 января 1864). Баден-Баден

Баден-Баден.
1-го января 1864 (20-го декабря 1863).

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, поздравивши Вас с басурманским новым годом, начинаю оный изъявлением благодарности Вам за Ваше письмо. Вы

решительно как скала среди треволнений: на Вас всегда опереться можно. Мне было очень приятно узнать, что на меня не взирают сурово в с.-петербургском Сенате — и путешествие мое, которое, я надеюсь, совершится скоро, представляется мне в более розовом цвете [1]. Мне нечего прибавлять, что, кроме самых дружелюбных чувств, я никогда ничего не питал в отношении к Вам.

Ноге моей лучше — т. е. опухоль почти прошла, но ходить я все-таки еще не могу,— и от негоризонтального положения она вся ноет, как больной зуб. Доктор мне, в одно и то же время, подает надежду и рекомендует терпение.

Что касается «Призраков» — я сознаюсь в своей глупости, которая состоит в том, что, поручивши однажды Вам участь этой вещи, мне нечего было заботиться о ней. И потому снова повторяю Вам: поступайте как знаете; заранее подписываюсь обеими руками и одобряю всё, что Вы ни сделаете. Завтра я Вам вышлю небольшой списочек поправок (в случае, если Вы скажете: печатать) и прошу Вас с низким поклоном продержать корректуру. Всё это, разумеется, в том случае, если печатанье начнется без меня [2].

Передайте, кстати, мой поклон Достоевскому, и прошу его не сердиться на меня...

1540. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

20 декабря 1863 (1 января 1864). Баден-Баден

Bade, Schillerstrasse, 277.
Ce 1-er janvier 1864.

Chère Paulinette,

Reçois, ainsi que la bonne Mme Innis, mes compliments de bonne année avec toute sorte de souhaits pour votre bonheur à toutes deux. J'avoue que je suis un peu inquiet de ne pas recevoir de vos nouvelles depuis une semaine et j'espère qu'il n'y a eu aucune raison grave qui vous a empêchées d'écrire. Quant à moi, mon pied va mieux, quoique pas aussi bien que je l'aurais voulu, mais je vais pouvoir vous donner une autre bonne nouvelle: mes affaires ont pris à Pétersbourg une bonne tournure — et il n'est pas impossible que je sois dispensé de ce voyage [1]. Dans ce cas, je rentrerai à Paris beaucoup plus tôt que je ne l'avais cru. Mais tous *ceci est encore très indécis* et *il ne faut pas que* vous en parliez à personne. Je vous tiendrai naturellement au courant de tout.

Mille amitiés à toutes les bonnes connaissances de Paris. Je t'embrasse et serre cordialement la main à Mme Innis.

Ton père
J. Tourguéneff.

1541. А. Ф. ТОЛСТОМУ (?)

27 декабря 1863 (8 января 1864). Баден-Баден

Я буду в Ваших краях около 11 часов сегодня; а потому, если позволите, я сам к Вам явлюсь, чтобы принять к сведению присланную на мой счет бумагу.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

Баден-Баден.
8-го янв. н. с. 1863.[a]
Schillerstrasse, 277.

1542. ЛУИ ПОМЕ

28 декабря 1863 (9 января 1864). Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277,
ce 9 janvier 1864.

Merci, cher Fridolin [1] de mon cœur, pour le scénario [2], si vite envoyé. C'est très louable, mais ce qui l'est beaucoup moins, c'est la mauvaise humeur, qui, à ce qu'il paraît, s'est emparée de vous. Comment ! vous avez la perspective de passer une notable partie de l'été dans le voisinage de Mme Viardot et sous le même toit que Fridolin père — et vous n'êtes pas content ? Que devrais-je dire donc moi, qui, dans deux jours, avec mon pied encore malade, me mets en route pour ce cher Pétersbourg ? Oui, mon ami, je pars, on m'envoie des invitations si pressantes que je ne puis résister. Eh bien ! je vous assure que vous admireriez mon courage si vous étiez à même d'assister à la façon dont il se déploie. En avant donc et regardons le diable dans le blanc des yeux : c'est la meilleure façon de les lui faire baisser.

Mme Viardot est allée aujourd'hui à Strasbourg : elle revient demain. Sa santé est très bonne et toute la famille va très bien. J'ai fait cadeau aux enfants d'un traîneau, et ils passent leur vie sur la glace ou à en rêver.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Je vous écrirai de Pétersbourg. En attendant, je vous serre bien cordialement la main et vous recommande au dieu du travail et de la bonne humeur.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

1543. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

29 декабря 1863 (10 января 1864). Баден-Баден

Bade.
Schillerstrasse, 277.
Ce 10 janvier 1864.

Chère Madame,

Je ne veux pas quitter Bade sans vous avoir envoyé mes remercîments pour toutes vos bontés. Je pars après-demain et je ne m'arrêterai guère en route. J'espère bien ne pas rester plus de six semaines en Russie — mais par le temps qui court il n'y a rien de certain [1] — et mon retour à Paris pourrait bien se trouver retardé. Je me permets en conséquence de recommander ma fille à votre bienveillante protection et vous en remercie d'avance. Nous ne nous sommes pas vus bien souvent et pourtant je sens qu'il s'est formé entre nous un lien de bonne amitié, que je considère comme une des plus heureuses choses de mon séjour en France. Je ne me trompe pas, n'est-ce pas, chère Madame ?

Je vous écrirai de St-Pétersbourg et en attendant je vous serre bien cordialement la main et vous prie de croire à mon inaltérable dévouement.

J. Tourguénef .

P. S.— Mille amitiés à tous les vôtres.

1544. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

31 декабря 1863 (12 января 1864). Баден-Баден

Baden.
Schillerstrasse, 277.
d. 12 Januar 1864.

Mein bester Pietsch, ich habe mir grosse Vorwürfe zu machen: ich habe auf Ihren lieben grossen Brief nicht geantwortet [1], ich habe ihn sogar verloren und weiss jetzt Ihre Adresse nicht, so dass ich auf's Gerathewohl meinen Brief an einen Buchhändler adressire, der Sie vielleicht gar nicht mal kennt. Wenn Sie diesen Brief dort bekommen,

so wissen Sie, dass ich übermorgen früh auf meiner Reise nach Petersburg in Berlin ankomme und im Hôtel de St-Pétersbourg absteige [2]. Ich suche Sie jedenfalls auf — und somit auf baldiges Wiedersehen. Ich grüsse Sie herzlich.

I. Turgéneff.

1545. Н. В. ХАНЫКОВУ

1860—1863. Париж

Середа.
Rue de Rivoli, 210.

Драгоценный Николай Владимирович, вот Вам новое доказательство неосновательности Шеллинговой «Identitätslehre» идеального и реального: *мысленно* я пригласил Вас вчера на сегодняшний мой обед — но так как я ничего не произнес *действительно* — то Вы, вероятно, и не подозреваете моего намерения [1]. Надеюсь, что я еще не опоздал, что было бы для меня очень горько — и что мы будем иметь удовольствие улицезреть Вас к 6-ти часам.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1546. Н. В. ХАНЫКОВУ

1860—1863. Париж

Любезнейший Ханыков,

Полученное приглашение на охоту лишает меня удовольствия обедать с Вами завтра; надеюсь, что это удовольствие отложено ненадолго, и, если Вы хотите прийти ко мне в четверг в $5^1/_2$ ч.— я Вас встречу с разверстыми объятьями.

Во всяком случае до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Понедельник. Вечером.

1547. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2(14) января 1864. Берлин

№ 1

Berlin.
Hôtel de St-Pétersbourg,
ce 14 Janvier 1864.
Jeudi.

Chère et bonne Madame Viardot, me voici donc vous écrivant ma *première* lettre ! — L'absence a réellement commencé... Enfin — il faut se résigner et penser au retour [1].

Il y a deux heures que je suis arrivé ici et je sors d'un lit où je n'ai pas pu dormir, mais où je me suis réchauffé, ce qui était bien nécessaire, vu l'horrible froid de cette nuit.— A 4 heures du matin une espèce de spectre tout blanc de givre (c'était le conducteur) a entrouvert la portière pour nous annoncer d'une voix rauque qu'il faisait plus de *18-dix-huit* degrés Réaumur ! Pourvu que vous n'ayez rien de pareil à Bade ! — Dieu sait ce qui m'attend en Russie ! — Aussi vais-je m'acheter une chancelière plus vaste et un second (pardon) caleçon de flanelle.— J'ai fait une partie de route avec le descendant dégénéré de Mandrin — le comte Fleming [2], qui m'a raconté avec beaucoup de lenteur l'attentat commis il y a quelque temps sur le roi de Prusse à Bade [3].— Il m'a tout naturellement demandé de vos nouvelles etc.— J'ai pu constater qu'il dort très bien en chemin de fer et qu'il ronfle.— Il n'y a nulle part de la neige — mais de la glace partout — le Mein à Francfort charriait d'énormes blocs — j'ai la figure en compote — voilà à peu près toutes mes impressions de voyage jusqu'à présent. Je n'ai pas encore vu Pietsch — je vais de ce pas m'habiller, déjeuner et sortir. Je pars ce soir et je ne m'arrêterai plus jusqu'à Pétersbourg: cette dent demande à être vite arrachée [4] ! Maintenant mes commissions.

1. *Delenda est Carthago* [5] — il faut mettre de la flanelle, je veux dire du feutre dans votre petit salon — des deux côtés et *au-dessus* de la fenêtre.

2. Des bourrelets partout — utiliser les doubles croisées.— La première fenêtre du salon n'a pas été achevée.— La salle à manger surtout !

3. Envoyez la métronomisation (quel mot !) de vos mélodies sans tarder [6].

4. Des nouvelles de vous, de Viardot, des enfants, de tout le monde, du chat ; pas de promenade sur l'étang par ce froid-ci.

J'enverrai un télégramme d'ici à Botkine.— Je vous écrirai demain de la frontière prussienne.

Et maintenant mille et mille souvenirs et amitiés.— Je vous baise tendrement les mains.

Der Ihrige
J. Tourguéneff.

1548. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2, 3(14, 15) января 1864. Берлин

№ 2

Berlin.
Hôtel de St-Pétersbourg.
Jeudi, 14 Janvier 1864.

Il est 7 heures 1/4 du soir, chère Madame Viardot — dans ce moment vous êtes tous réunis au salon, vous faites de la musique, Viardot sommeille au coin du feu — les enfants dessinent — et moi, dont le cœur est aussi dans ce salon bien-aimé, je me prépare à redormir encore un peu si c'est possible avant de me mettre en route pour Königsberg.— (Le train part à 10 h 3/4.) J'ai vu Pietsch chez lui — et je l'attends pour prendre une tasse de thé avec moi.— Il vous adore plus que jamais et il est très triste et très découragé, le pauvre garçon.— *Pauvre* est le mot, hélas [1]! Il m'a fait mille questions sur vous, sur vos enfants etc. J'ai vu aussi sa femme, qui est bien maigre—et ses enfants qui sont bien jolis.— Dites à Viardot qu'il est formellement défendu d'emporter un fusil en Russie — et que le sien va faire un séjour forcé chez Pietsch, auquel du reste je le recommanderai particulièrement.

Je me fais l'effet d'un homme qui rêve : je ne puis m'habituer à l'idée que je suis déjà si loin de Bade — et les personnes et les objets passent devant moi, sans avoir l'air de me toucher. Une fois à Pétersbourg je vais travailler des pieds et des mains pour me débarrasser au plus vite.

J'achèverai cette lettre demain à Königsberg ou sur la frontière et je vous l'enverrai.— En attendant je vous serre la main et j'ai le cœur bien gros.

15 à 1 h.

Me voici à Königsberg. Je pars dans une demi-heure. Mille amitiés.

J. T.

1549. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4(16) января 1864. Петербург

№ 3

Saint-Pétersbourg.
Hôtel de France,
près du pont de police, № 50.
Samedi, ce 16/4, janvier.

Chère Madame Viardot, je suis arrivé ici il y a deux heures, fort bien portant, mais tombant de fatigue, j'ai eu une longue conversation avec Annenkoff et Botkine et je ne veux pas me coucher sans avoir commencé cette lettre, que j'achèverai et expédierai demain.

Dimanche soir, 17/5 janvier.

Je n'ai pas voulu vous envoyer cette lettre ce matin, car je n'aurai rien eu d'intéressant à vous dire — et je puis le faire maintenant. J'ai vu pas mal de monde et entr'autres le président de la commission du Sénat, qui doit me juger [1] et Rubinstein, auquel j'ai remis votre lettre [2].— Les explications que j'ai eues avec le président sont de nature satisfaisante et j'ai lieu de croire que toute cette affaire aura un dénouement prompt et heureux.— C'est après-demain midi que je dois me présenter au Sénat : je vous tiendrai au courant de tout ce qui m'arrivera [3].— L'affaire de l'album musical ira, je l'espère aussi, comme sur des roulettes ; Rubinstein s'y prête de très bonne grâce : il a joué les 15 N^os^ et est resté fort content de tous et très frappé de plusieurs d'entr'eux : «Шёпот», «Тихая ночь», «Полуночные образы», «Цветок», «Мой голос», «Колыбельная песня», «Две розы» l'ont surtout ravi. Il doit m'aboucher avec son éditeur dès demain et nous allons battre le fer à tour de bras. Il se charge de corriger les épreuves et introduira quelques modifications dans l'ordre des pièces.— Je n'ai pas besoin de vous dire que nous ne perdrons pas notre temps [4].

Botkine m'a retenu deux bonnes chambres, où il fait très chaud — je voudrais qu'il fît aussi chaud dans le salon de Bade — mais je dois avouer que dès que je suis seul, je me sens pris par une grande tristesse... Je m'étais si bien fait à la douce et charmante vie que je menais à Bade... Il m'est impossible[a] de ne pas y penser sans cesse — et l'impression de *rêve*, dont je vous parlais dans ma seconde lettre (envoyée de Königsberg, la première l'a été de Berlin) ne

---

[a] *Далее зачеркнуто:* d'y

cesse pas. Je sens bien que je ne serai heureux et content que quand je retournerai dans ce bienheureux pays, où j'ai laissé la meilleure partie de mon être. Je vais commencer dès demain à attendre des lettres de vous — oh ! qu'elles seront les bienvenues ! Mon pied va bien — et aujourd'hui je ne me ressens plus du tout des fatigues de mon long voyage.

J'ai dîné avec Botkine, Annenkoff, le gros Khanikoff et un quatrième ancien ami [5]. J'ai passé la première partie de la soirée avec Rubinstein chez lui — et la seconde chez Annenkoff. Je me suis bien promis de ne voir que les vieux amis de l'avant-veille. J'irai demain chez la comtesse Lambert et chez Mr Tutchef.

Il y a beacoup de neige dans les rues — mais le temps est très doux — c'est à peine s'il gèle.— On a donné ici «Faust» avec un grand succès : j'irai le voir mercredi [6] et demain soir je vais à l'opéra russe de Mr Seroff («Judith»). Cet ouvrage a beaucoup de succès aussi. Je vous dirai mon impression détaillée [7]. Ma lettre partira demain *lundi* : *mercredi* et *vendredi* il y en aura deux autres.

Mille bonnes amitiés à tout le monde en commençant par Viardot, mille baisers aux enfants — et à vous le shakehands le plus cordial avec les souvenirs les plus tendres.

Der Ihrige
J. Tourguéneff.

P. S. Faites savoir, s'il vous plaît, à Mme Anstett, que je suis arrivé et que je lui envoie mes amitiés.— Informez-moi si la *Klappe* a été mise enfin.— Combien de désirs avez-vous ?

1550. ПОЛИНЕ ВИАРДО

6, 7(18, 19) января 1864. Петербург

№ 4

Bade,
hélas non ! St-Pétersbourg !
Lundi soir, 18/6 janvier 1863[a].
Hôtel de France, n° 50.

Chère et bonne madame Viardot, ma main, en mettant ce nom chéri de Bade au haut de la page, a trahi mes constantes pensées... Je ne suis que trop à St-Pétersbourg ! Et pourtant, l'instant présent est le plus doux de la journée : c'est celui où je cause avec vous. Je vais donc vous raconter ce que

---

[a] *Так в подлиннике.*

j'ai fait. J'ai eu des visites de littérateurs dans la matinée, ce qui m'a empêché de sortir de bonne heure ; puis, toutes les rues avoisinantes étaient pleines de troupes qui se rendaient à la parade de l'Epiphanie [1].— Il m'a été impossible de pousser jusque chez la comtesse Lambert, que je verrai demain pour sûr ; j'ai fait deux ou trois visites — puis j'ai dîné chez mon bon Annenkoff avec quelques vieux amis. De là, je suis allé au théâtre entendre l'opéra de Mr Séroff, « Judith » [2]. Eh bien, je dois dire que c'est une œuvre remarquable, malgré des longueurs et des gaucheries impossibles, une exécution pitoyable, des décors *idem*. Cela procède en droite ligne de Wagner [3] — mais il y a je ne sais quel souffle de passion et de grandeur, où se révèle une physionomie musicale fort intéressante et même originale. La grande scène qui précède le meurtre d'Holopherne m'a vraiment frappé. Mais imaginez-vous (je vous vois rire d'ici) qu'au cinquième acte, Judith arrive, la tête de son monsieur à la main, la montre au peuple, puis chante un air avec accompagnement d'arpèges sur les harpes, un air bleu de ciel — et qu'il y a même un jeune homme en turban et camard qui l'épouse dans cet instant ! Si cette Judith est gravée, je vous l'apporterai — je suis très curieux de savoir votre opinion.— Mr Séroff est né des entrailles de Wagner, il est vrai, mais ce n'est pas un trop mauvais fils. On me mène demain soir chez lui. Le matin je vais au Sénat et je laisse les deux pages suivantes pour y écrire ce qui m'y sera arrivé. J'ai vu au théâtre le prince Odoïeffski qui m'a dit avec la gravité qui le distingue : « Wagner a la mélodie chromatique, et Séroff l'a diatonique» [4]. Et je suis allé prendre le thé chez Milutine.

Mardi, 19/7 janv⟨ier⟩ 1864.

Avant toute autre chose, merci pour la petite lettre que vous m'avez écrite et qui m'est arrivée ce matin.— Elle m'a fait le plus grand plaisir ; j'ai des nouvelles de vous et de tout ce Bade bien-aimé. Merci, merci.— J'ai fait ma visite au Sénat aujourd'hui entre midi et une heure.— On m'a introduit avec une certaine pompe dans une grande chambre, où j'ai vu six vieux messieurs en uniforme, avec des crachats [5]. (Venevitinoff était du nombre et m'a souri.) On m'a tenu debout pendant une heure. On m'a lu les réponses que j'avais envoyées [6]. On m'a demandé si je n'avais rien à ajouter — puis on m'a renvoyé en me disant de venir lundi pour être confronté avec un autre monsieur [7].— Tout le monde a été très poli et très silencieux,

ce qui est un excellent signe — et, d'après tout ce qu'on dit, l'affaire va se terminer encore plus vite que je ne l'espérais. Tant mieux !

Du Sénat, je suis allé voir ma vieille amie, Mme la comtesse Lambert, que j'ai trouvée souffrante, comme de coutume, mais peu changée. Sa vie est fort triste... elle a eu du plaisir à me voir et s'est mise à pleurer. Pauvre femme ! — J'ai redîné chez Annenkoff, et j'ai passé la soirée chez Séroff ; je reviens de là.— Il nous a joué des fragments de son nouvel opéra « Rognèda » — le sujet est tiré de nos anciennes annales [8].— Eh bien, ou je me trompe lourdement, ou ce petit homme bizarre et nerveux a un fort grand talent.— Deux chœurs surtout, et un air d'adolescent d'une pureté vraiment mozartesque, m'ont transporté... Ma foi ! j'ai dit le mot — je le laisse.— C'est pour le coup que j'aurais voulu, moi aussi, vous avoir à mes côtés pour pouvoir contrôler mes impressions et lire dans vos traits la confirmation, ou peut-être la négation de mes sentiments. Cette « Rognèda » me paraît devoir devenir bien supérieure à « Judith » — il y a beaucoup plus de franchise et d'originalité — et l'influence de Wagner se fait bien moins sentir. Il se démenait comme un diable devant son piano et chantait d'une voix impossible.— Ce Séroff est un très grand coloriste et manie l'orchestre d'une façon magistrale.— Enfin, je suis revenu sous le charme — et j'y suis encore.

Il faut que vous m'écriviez sans perdre du temps les dates exactes de votre séjour à Leipzic, Erfurt, etc., pour que je sache où vous écrire. Il ne fait pas froid du tout ici ; j'espère qu'il ne gèle plus si fort à Bade. Les petites ont-elles repris leur traîneau ? Travaillez-vous beaucoup ? — Dites de ma part mille choses à tout le monde. Quant à vous, je vous baise bien tendrement les mains.

Der Ihrige
Iv. Tourguéneff.

P. S. *Die Klappe* est-elle posée ? Et les bourrelets ? Et la double fenêtre du salon ? — Et le feutre du petit salon ? Bravo pour les portières ! Après-demain le n° 5.

1551. И. И. МАСЛОВУ

9(21) января 1864. Петербург

С.-Петербург.
9-го января 1864-го г.
Hôtel de France,
у Полицейского моста.

Любезнейший друг Иван Ильич, три дня тому назад я приехал сюда по делу, тебе, вероятно, известному, вчера являлся в Сенат (кажется, всё обойдется благополучно) [1] — и думаю пробыть здесь около двух месяцев и непременно съездить в Москву. Но я теперь еще не могу сказать, когда именно совершится эта поездка. Само собой разумеется, что я остановлюсь под твоим гостеприимным кровом, и предуведомляю тебя заранее. Григорович мне сказывал, что у тебя находятся несколько писем на мое имя; будь так добр, перешли их сюда по вышеозначенному адрессу... Я здесь вижу ежедневно Боткина, и он мне рассказывал ваши московские похождения. Эка молодость-то, молодость! Надеюсь, что ты наслаждаешься по-прежнему отличным здоровьем, жму тебе крепко руку и остаюсь

душевно тебя любящий
Ив. Тургенев.

P. S. Поклонись дружески милейшему Фету.

1552. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10(22) января 1864. Петербург

№ 5

St-Pétersbourg,
ce 23/11 [a] janvier 1864.
Vendredi.
Hôtel de France, chamb. 50.

Chère et bonne Madame Viardot, je commence par vous remercier pour votre lettre que j'ai reçue hier (avec celle des enfants).— C'est bien bon à vous et vous voyez que de mon côté je ne me néglige pas.

J'ai à vous rendre compte des deux jours qui viennent de s'écouler.— J'ai fait et reçu quelques visites dans la matinée ou plutôt dans *les* matinées (on vient beaucoup me

---

[a] *Так в подлиннике.*

voir) ; les deux soirées ont été consacrées à la musique.— J'ai vu « Faust » avant-hier : la salle était comble ; le succès est plutôt un succès de *grande* estime. Voici mon résumé : Tamberlick (Faust) exécrable, il n'a plus de voix du tout ; Mme Barbot — fine et intelligente et presque poétique comme actrice, insuffisante comme voix, elle a eu pourtant de beaux élans à la fin ; Everardi (Méphisto) — très bon chanteur, acteur mou et médiocre. Meo (Valentin) — mauvais, lourd et sans nerf. L'orchestre — bon, les chœurs *au-dessous de l'abominable* ; il n'y a pas eu un seul applaudissement après le chœur des soldats. Les décors — prétentieux et mauvais à la Roller. Tous ces Italiens ont un peu l'air de porter des habits d'emprunt dans cette musique-là : ils sont gênés dans leur entournure [1].— Hier soir, j'ai assisté au concert de la Société Philharmonique, dirigée par Rubinstein. De grands fragments d'« Obéron » (une Mlle Prokhoroff, qui a une belle voix, mais ne sait pas chanter ; du reste, elle est toute jeune). Un motet de Michel Haydn et l'« Ave verum » de Mozart, parfaitement exécutés [2]. De là, je suis allé à une grande soirée chez le marquis Pepoli, ambassadeur d'Italie [3]. Une grande cantate patriotique avec tous les premiers sujets : j'ai beaucoup admiré la voix de Mme Fioretti.— J'ai vu beaucoup de personnes de ma connaissance. Mme Adlerberg entr'autres, qui m'a questionné sur vous.— Le prince Dolgorouki (écoutez ceci !), le chef de toute la police de l'Empire, un des personnages les plus influents du gouvernement, s'est approché de moi et a causé pendant quelques minutes ; le prince Souvoroff a été pour moi d'une amabilité parfaite : tout ceci prouve qu'on ne voit pas en moi un conspirateur. Du reste, un de mes juges, le gros Venevitinoff, que vous connaissez, a déclaré que mon affaire n'était qu'une pure misère [4]. Tout cela me tranquillise beaucoup et je vous l'écris pour que vous ôtiez de votre tête toute pensée d'inquiétude.

Maintenant, passons à l'affaire importante — à votre album. L'éditeur Johansen le publie — le manuscrit est déjà *censuré* — c'était nécessaire et on va commencer la gravure du «Цветок». Rubinstein a mis les romances dans l'ordre suivant : «Цветок», «На холмах Грузии», «Тихая ночь», «Полуночные образы», «Шёпот», «Заклинание», «Синица», «Две розы», «Ночью», «Узник», «Птичка божия», «Звезды».

Vous voyez que nous n'en publions que 12 : l'étiteur a trouvé ce nombre suffisant. Nous réservons les trois qui restent pour l'album de l'année prochaine, car il y en aura

un. C'est Rubinstein qui a fait le choix. Les trois exclus sont : «Для берегов», «Колыбельная песня» и «Ночью, во время бессонницы». L'édition sera de 1000 ex. exclusivement pour la Russie : vous toucherez 2500 fr. que je vous rapporterai. Si pourtant vous désiriez faire mettre les trois romances exclues, écrivez-moi un mot : rien ne sera plus facile que de les ajouter. Dans six semaines l'édition paraîtra au grand jour [5]. Répondez-moi sans tarder.

Embrassez pour moi les enfants et dites-leur qu'il y aura une petite feuille pour eux dans le n° 6, qui partira *lundi*. Je suis heureux d'apprendre que vous avez repris votre petit salon.— Mille amitiés à Viardot et à tous les bons Badois. Quant à vous—vous savez mieux que moi tout ce que je pourrais vous dire. Je vous embrasse bien tendrement les mains.

Der Ihrige
J. T.

P. S. Je souffre *un peu* du pied depuis deux jours. Je ne vous en aurais pas parlé si je ne vous avais pas promis de vous faire part de tous mes bobos.

1553. ПОЛИНЕ ВИАРДО

11, 13(23, 25) января 1864. Петербург

№ 6

St. Pétersbourg,
Hôtel de France.
Samedi, ce 11/23 janvier 1864.

Encore une lettre de vous, theuerste Freundinn ! En vérité, vous me gâtez, mais je me laisse faire et vous prie de continuer. Si vous pensez souvent à moi, je puis vous dire que mes pensées ne quittent pas Bade. Vous le savez bien, je ne serai heureux que quand je me retrouverai dans ma chère petite vallée.

Je suis bien content d'apprendre que tous les arrangements nécessaires dans la maison sont faits.— Il faut que tout le monde se porte bien chez vous.— Quant à moi, mon pied me fait un peu souffrir et j'attends le retour du frère de Botkine, qui est une célébrité médicale, pour le consulter.— La petite douleur que je ressens ne m'empêche pas de sortir et de marcher.

Rubinstein m'a dit qu'il a cru devoir remettre la «Колыбельная песня» à l'album suivant, parce qu'il y en a une sur les mêmes paroles de Glinka, qu'il dit être très populaire

et très belle (que je ne connais pourtant pas) [1]. « L'insomnie » lui a paru un peu bizarre pour le public, et le nombre 13 étant mauvais, il a retranché les «Для берегов» [2].

J'ai entendu une seconde fois — avec Botkine — les fragments de « Rognèda » et mon impression n'a pas changé [3]. Mon capricieux ami trouve aussi de grandes beautés dans cette nouvelle musique.

Lundi 13/25 janv.

Je m'empresse de vous communiquer le résultat de ma seconde visite au Sénat. Il a été on ne peut plus favorable. Il n'y a pas même eu de confrontation ; on s'est contenté de me donner le dossier de l'affraire tout entier (ce qui, par parenthèse, est une preuve de grande confiance), en m'indiquant les pages où mon nom se trouvait nommé. J'ai écrit quelques observations ou plutôt quelques explications additionnelles, qui ont paru contenter entièrement mes six juges. Evidemment cette affaire n'a rien de sérieux. Mes juges ne m'ont même pas interrogé [4]. Ils ont préféré causer avec moi de choses et d'autres, et cela pendant deux minutes.— Je retourne demain au Sénat, probablement pour la dernière fois.— Vous voyez que tout s'arrange parfaitement et qu'il n'y aura pas d'obstacle à mon retour. Dans cinq ou six semaines au plus tard, si Dios quiere, j'aurai le bonheur de vous revoir : mon absence ne durera pas plus de deux mois, en aucun cas.— J'en suis tout réjoui, d'autant plus que ma présence ici était devenue nécessaire et que tout délai aurait entraîné des suites fâcheuses. Mon retour en Russie a fait taire une foule de cancans aussi désagréables que stupides [5]. Je vous conterai tout cela un jour, bientôt, assis dans votre cher petit salon, à vos côtés.— Ainsi, plus d'inquiétudes d'aucune espèce ; seulement un peu de patience. C'est un mot que je me répète bien souvent.

Mon pied va beaucoup mieux depuis hier ; je n'ai pas ôté ma botte de toute la journée.

Je crains fort que cette lettre ne vous trouve plus à Bade ; je vous écrirai à Leipzig dès demain [6].— Je n'ai pas vu grand monde depuis deux jours : j'ai passé la soirée d'hier chez ma bonne comtesse Lambert, dont la santé semble vouloir se raffermir.— J'évite tout contact avec le monde littéraire ; ces messieurs sont comme des grelots : c'est petit, c'est vide et cela fait du bruit.— Je m'amuse à parcourir les revues et les journaux qui ont paru pendant mon absence : c'est une lecture peu édifiante.— Une pénurie de talent presque complète. Les jeunes gens disent qu'il

n'en faut plus, que c'est rococo ; ce sont de braves orfèvres, comme Mr Josse [7].

A demain, chère et bonne amie. Décidément, je ne saurais vous dire combien je pense à vous tous : vrai, je ne vous quitte pas un instant. Donnez la petite feuille ci-jointe aux enfants [8], embrassez-les de ma part, dites mille choses à Viardot et aux autres. Je vous baise tendrement les mains.

Der Ihrige

J. T.

P. S. A propos ! Je n'ai pas reçu de Bodenstedt les deux traductions de l' «Узник» — «Der Gefangene» et de la «Птичка божия» — «Das Vöglein». Ecrivez-lui, pour qu'il n'y ait pas de retard [9].

1554. ПОЛИНЕ ВИАРДО

16, 17(28, 29) января 1864. Петербург

№ 8

St. Pétersbourg.
Hôtel de France, n° 50.
Jeudi, ce 28/16 janv. 1864.

Theuerste Freundinn, voilà une bonne lettre et qui m'a rendu si content et si heureux ! Mais vrai, je reste tout confus quand je vois qu'on a tant d'affection pour moi.— J'ai presque envie de demander pardon,— et je me sens si heureux ! Merci, mille millions de fois merci !

Je n'ai pas bougé de la chambre toute la journée d'hier pour tâcher de « juguler » ma toux, comme disent les médecins, et je crois que cela m'a réussi — car aujourd'hui je vais très bien — je suis sorti.— J'ai vu Mlle de Rahden — et j'ai eu une longue conversation avec la Grande Duchesse Hélène. Nous avons beaucoup parlé de vous. Elle ne comprend pas qu'on puisse habiter Bade pendant l'hiver — et moi je ne comprends pas qu'on puisse vivre ailleurs. Le soir, je suis allé au théâtre russe pour voir jouer une pièce d'Ostrofski. J'ai trouvé les acteurs et surtout les actrices détestables : des intonations fausses, des gestes faux.— Le faux au théâtre me donne invariablement le désir de m'asseoir *sous* ma chaise [1]. J'ai reçu une lettre de Mme Innis et de Paulinette : l'affaire Pinet prend une tournure de plus en plus maillot rose. Je crois que je puis vous prier de prendre des informations sur ce monsieur : il est *syndic des faillites*.— Oh ! si tout pouvait s'arranger pour la fin du mois d'avril [2]! Quelle felicità !

J'espère que le n° 7 vous sera parvenu[a,3] — je l'ai adressé à Leipzig à P⟨auline⟩ V⟨iardot⟩ — berühmte Sängerin, zu erfragen im Gewandhaus[4]; je mets la même adresse à cette lettre-ci. Vous savez déjà maintenant que mes entrevues avec le Sénat ont cessé et que j'ai la liberté de repartir quand il me plaira[5].— Je crains que notre éditeur ne fasse le lambin[6].— Quant à mon oncle[7], il sera ici le 5/17 février.

Vendredi matin 29/17.

Bonjour, meine liebste, theuerste Freundinn ! Le froid est redevenu très vif,— le ciel est bleu, la rue blanche. Je crains que vous n'ayez froid pendant vos pérégrinations. Prenez bien soin de vous, je vous en conjure. Le voyage à Brême surtout me paraît si lointain ! — C'est après-demain que vous partez... Vous savez que je passe à Bade ou à Carlsruhe *cinq jours*, du 5 au 10 mars nouveau style.— Qu'en dites-vous ? puis, j'espère bien revenir à Bade vers la fin d'avril pour y rester indéfiniment... Qu'en dites-vous encore ?

La revue, où ma petite machine que vous savez doit paraître, n'a pas encore reçu du ministre la permission de revivre : mais ce sera décidé l'un de ces jours, de façon que l'impression ne pourra pas retarder mon départ[8]. S'il le faut, je confierai la correction des épreuves à mon vieil ami Annenkoff. Je crains que mon autre éditeur (celui des romances) ne me fasse plus d'embarras[9]. A propos de musique, j'ai prié Seroff de faire copier pour vous les morceaux les plus marquants de « Judith », et je vous les apporterai.

J'ai dîné dernièrement chez Mme Abaza (ci-devant Mlle Stubbe) — et elle m'a dit de vous saluer de sa part. Le bruit court ici que Rubinstein voudrait vous faire engager pour 10 représentations (d'« Orphée » et « Alceste »)[10].

J'espère que la santé de Viardot s'est remise ; je lui écris demain. Un médecin très savant m'a dit que ces angoisses nocturnes ne sont *jamais* dangereuses, quoique assez pénibles. J'y ai été sujet pendant quelque temps.

Le n° 9 partira d'ici *lundi*[11]. En attendant, je vous prie de saluer de ma part la bonne Mme Flinsch. Je suis sûr que vous serez comme dans du coton dans sa maison. Je vous dis au revoir ; je vous souhaite la meilleure santé du monde et je baise bien, bien, bien tendrement vos chères mains bien-aimées.

Der Ihrige
J. T.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* et

1555. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19(31) января 1864. Петербург

№ 9

St-Pétersbourg.
Hôtel de France,
ce 19/31 janvier 1864.
Dimanche.

Theuerste, beste Freundinn, il est minuit, dans ce moment vous roulez en chemin de fer dans la direction d'Erfurt et de Leipzig — et j'espère que vous dormez tranquillement, tandis que toutes mes pensées vous accompagnent et que je vous vois d'ici enveloppée dans une bonne pelisse, un bon plaid sur vos chers pieds dans un wagon à demi-sombre et chaud.— Si vous dormez, rêvez-vous à votre fidèle ami dans ce lointain Pétersbourg, qui ne cesse de bercer sur son cœur votre image bien-aimée, cet ami qui compte les jours qui le séparent encore de vous ? — Soyez mille fois bénie ; que votre voyage soit heureux, que tout vous réussisse et qu'à mon retour j'aie le bonheur de vous voir bien portante, gaie et sereine et daignant me garder cette affection qui est le plus grand trésor et l'unique but de ma vie !

J'ai reçu aujourd'hui votre lettre datée du « petit salon, 25 » [1] — je vous en ai écrit deux à Leipzig — en les adressant — à P⟨auline⟩ V⟨iardot⟩, berühmte Sängerin am Gewandhaus.— J'espère qu'elles vous sont parvenues [2].— Si pourtant vous ne les aviez pas reçues, je me borne à vous dire que mon affaire avec le Sénat est finie — et que j'ai reçu l'assurance qu'on ne me refuserait pas la permission d'aller où bon me semble, même hors du pays ; — ce qui fait que dans un mois je quitte Pétersbourg.— On doit m'apporter demain les premières épreuves des romances : l'éditeur assure qu'il marchera au grand galop. Mon pied ne me fait plus mal du tout et ma toux a disparu ; à l'exception de deux ou trois jours de froid, le temps a été très doux depuis mon arrivée ici.— J'attends mon oncle — à propos je vous envoie ci-joint sa photographie, extrêmement ressemblante : elle peut vous intéresser. Je vous apporterai, puisque vous le désirez, une collection de mes photographies à moi. Je regrette beaucoup de n'avoir pas emporté celle de Didie.— La vôtre fait mes délices et je passe tous les jours de longs et bons moments à contempler ces traits, dont l'expression m'attendrit jusqu'au fond du cœur, et dans lesquels je découvre toujours quelque chose de plus adorable.

J'ai assisté (hier) à une excellente représentation de

« Fidélio » : tous les rôles étaient remplis par les premiers sujets [3].— Calzolari faisait Florestan.— Mlle Barbot est un peu insuffisante, comme voix et comme jeu — surtout dans la grande scène — mais il y a un je ne sais quel souffle poétique dans ce qu'elle fait : — c'est trop élégant quelquefois et trop français ; elle se donne beaucoup de peine et chante avec conscience — Rocco et le tyran (Anjiolini et Everardi) étaient parfaits. Le vieux Botkine se pâmait à mes côtés — et je dois dire que la musique m'a fait un effet extraordinaire. J'ai applaudi comme un claqueur. Aujourd'hui j'ai entendu le quatuor 127 (posthume) de Beethoven joué à la perfection par Wieniawski et Davidoff : c'était bien autre chose encore que Mrs Morin et Chevillard. Wieniawski a énormément gagné depuis que je l'ai entendu pour la dernière fois ; il a joué « La Chaconne » de Bach pour violon seul de façon à pouvoir se faire entendre même après l'incomparable Joachim [4].

Je commence à croire que ma nouvelle ne paraîtra pas [5]; mes amis sont un peu effrayés et murmurent le mot d'absurde.— Vous pouvez vous imaginer ce que dira le public ! — Je regrette un peu la somme assez ronde que cette machine m'aurait rapportée ; mais il ne faut pas non plus s'exposer à ce qu'on vous paie[a] moins plus tard.— Je suis tout stupéfait moi-même des profonds calculs que je fais là.

Un littérateur de mes amis, du nom de Droujinine est mort ce matin : il y a longtemps qu'il était malade (de la poitrine) et quand je l'ai vu (quelques jours après mon arrivée) — c'était un spectre. Il s'est endormi tranquillement — il n'a pas souffert. La mort est une grande et terrible chose et si elle pouvait entendre ce qu'on lui dit, je la supplierais de me laisser encore sur la terre : je veux vous voir encore — et pendant longtemps si c'est possible.— O ma chère amie, vivez longtemps et laissez-moi vivre auprès de vous.— Adieu, à après-demain. Dites mille choses de ma part à Mme Flinsch.— Quant à vous, je vous baise les mains mit Inbrunst.

Der Ihrige
J. T.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* bien

1556. ПОЛИНЕ ВИАРДО

22 января (3 февраля) 1864. Петербург

№ 10

St. Pétersbourg.
Hôtel de France,
ce $\frac{\text{3 février}}{\text{22 janvier}}$ 1864.
Mercredi.

Chère et bonne amie, votre triomphe à Strasbourg ne vous a certainement pas fait plus de plaisir qu'à moi,— et je chante avec la vieille chanson allemande : « O Strassburg ! die wunderschöne Stadt !» [1]. Maintenant, c'est le tour de Leipzig, et je sais bien où seront mes pensées ce soir. Ne vous fatiguez pas trop pourtant et portez-vous bien, car il faut que je vous retrouve aussi vaillante et florissante que possible. Dans un peu plus d'un mois... rien, rien, silence !.. comme dit le fou de Gogol [2].

(A propos, vous n'avez pas besoin de mettre le nom de Botkine sur l'adresse ; écrivez tout simplement : Ивану Сергеевичу Тургеневу.)

J'ai eu des choses peu gaies à faire depuis deux jours : la matinée d'hier a été prise par l'enterrement de ce littérateur, dont je vous ai parlé dans ma dernière lettre [3].— Il y a des détails bien cruels dans toutes ces cérémonies : le mort est exposé à visage découvert à la maison et dans l'église — on lui donne le baiser d'adieu... et il y avait là sa vieille mère.— Parlons d'autre chose. J'ai dîné chez Mr Venevitinoff [4]: on a parlé de vous et de *nos* romances.— Pour en donner une idée à l'ami Feth, je les ai fait chanter par une Mme Zybine, qui jouit dans le monde d'une immense réputation de musicienne : eh bien, cette brave personne a pitoyablement pataugé — et j'ai pu me convaincre qu'elle aussi, comme beaucoup de mes compatriotes, tout en connaissant peu la rhétorique, ignore complètement la grammaire.— C'est par la base que pèchent tous ces dilettanti.— Sa fille, jeune personne de 16 à 17 ans, s'est mieux tirée des accompagnements. Je continue à talonner mon éditeur. Avec tout cela, ce diable de Bodenstedt ne m'envoie pas la traduction de la «Птичка» et de l'«Узник». Lui avez-vous écrit [5]?

N'oubliez pas de me faire savoir quel jour au mois de mars aura lieu la première représentation d'« Orphée » à Carlsruhe [6]. Je ne voudrais pas arriver à Bade pendant que vous n'y serez pas : il faut que j'aie le bonheur de voir

toute la famille dans la galerie du débarcadère, car j'espère que vous viendrez à ma rencontre : je vous enverrai un télégramme de Berlin.— Das Herz wird mir im Leibe hüpfen!.. Je ne veux pas trop y penser, car ce bonheur est si grand que je ne saurais m'empêcher d'avoir des appréhensions, des craintes qu'il ne se réalise pas... Mais non, Dieu est bon et il voudra se donner le spectacle d'un homme tout éperdu de joie... « Silence, silence ! » répété-je encore avec le fou de Gogol.

Feth et Botkine partent tous les deux demain pour Moscou : ils m'ont promis de venir me voir à Bade en automne. J'aurai des chambres vides à leur offrir. A propos, avez-vous pris des renseignements sur Mr Pinet ?

Mon vieil ami Annenkoff est aussi heureux que possible : il a une femme qu'il adore et qui l'adore et c'est gentil à voir : ils s'aiment tellement qu'ils se disent [a] des gros mots tout saturés de tendresse.— Je les vois souvent.— Je vais peu dans le monde — et je ne m'y plais guère.— Je trouve, surtout dans la partie féminine, un certain arrière-goût... peu de mon goût. Pardonnez-moi cet affreux jeu de mots.

A après-demain.— J'espère bien être à peu près à la moitié de mes lettres : je ne dépasserai pas de beaucoup le n° 20. En attendant que j'aie le bonheur de presser contre mes lèvres vos mains si chéries, je le fais sur le papier et vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde.

Der Ihrige
J. T.

1557. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24 января (5 февраля) 1864. Петербург

№ 11

St. Pétersbourg.
Hôtel de France, № 51.
Vendredi 5 février / 24 janvier 1864.

Theuerste Freundinn, les deux premières romances : «Цветок» et «На холмах Грузии» sont gravées — Ouf ! — Maintenant cela ira vite, d'après ce que m'assure l'éditeur [1]. Mon oncle arrive dans dix jours — et il faut que je sois à Bade dans un mois. Je présenterai lundi ma requête [2] au Sénat et je me munirai d'un passeport dès la fin de la semaine

---

[a] *Далее зачеркнуто слово, не поддающееся прочтению.*

prochaine. De cette façon, je me sentirai plus à l'aise. Ce diable de Bodenstedt ne m'écrit pas ! Aussi vais-je, en tout cas, essayer de me passer de sa collaboration [3]. J'ai traduit le «Цветок» [4] — voici comment. Ecrivez-moi si cela vous convient comme *chant*. Quant au sens — il y est — et il n'y a pas de faute de grammaire ou de versification.

Das Vöglein

ou: hienieden
Kleines Vöglein lebt im Walde
Mühelos und sorgenfrei;
ou: gar wohnlich,
Baut sich wohl ein Nest zur Wohnung,
Doch kein Nest, das ewig sei...
Schlummert leis auf grünem Zweige —
Bis der liebe Morgen graut...
Vöglein horcht auf Gottes Stimme,
Schüttelt sich und singet laut.
Nach des Frühling's kurzer Wonne
Schwindet rasch des Sommers Pracht;
ou: Nebel
Trüber Herbst bringt Wind und Regen,
Schon ist nah des Winters Nacht.
Menschen frieren, Menschen klagen —
Doch das Vöglein nicht, fürwahr!
Über's Meer, zu warmen Landen
ou: Eilt
Fliegt es bis zum nächsten Jahr.

Décidez-vous aussi pour un des quatre endroits où j'ai mis des variantes. J'envoie cela aussi à Bodenstedt — mais s'il ne répond pas, j'imprime ma version. J'ai commencé la traduction de l'«Узник» — et je vous l'enverrai dimanche ou lundi. Ces deux romances ont les n-os 10 et 11.

J'attends avec impatience une lettre de Leipzig. Il m'est impossible de vous dire jusqu'à quel point je pense constamment à vous. Mon cœur fond à la lettre — d'attendrissement, dès que votre chère image — je ne dirais pas se présente à mes pensées — car elle ne me quitte pas — mais semble se rapprocher davantage. Ich fühle beständig auf meinem Haupt die theuere Last Ihrer lieben Hand — und bin so glücklich zu fühlen, dass ich Ihnen angehöre, dass ich in beständiger Anbetung vergehen möchte! Wann wird endlich die selige Minute schlagen, wo es meinen Augen gegönnt sein wird, die Ihrigen zu sehen... Mein Herz, halte aus und sei geduldig.

J'ai assisté hier au concert de la Société Philarmonique d'ici (la société Rubinstein) [5]. Il y a eu des choses impardonnables: une petite pianiste de quatre sous, Mlle Harder, que vous avez vue chez les Damcke, a tapoté un concerto de Mendelssohn — et un autre imbécile du nom d'Agréneff a miaulé — le « Il mio tesoro ».— Une grande composition de Lachner intitulée « Suite » (des variations pour orchestre) m'a très intéressé ; puis on a donné des fragments de la dernière Messe de Beethoven, qu'on a chantés au Conservatoire — et qui m'ont paru merveilleux, quoique trop longs et mal écrits pour les voix. Il y a là un violon qui joue constamment dans les plus hautes régions — au physique comme au figuré... Vous savez ce que je veux dire. Le public n'y a rien compris : il est vrai qu'il a beaucoup applaudi Mlle Harder. Du reste il y avait le précédent du Conservatoire.— A lundi, n° 12 [6]. En attendant — je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde — und ich küsse, kniend, den mir heiligen Saum Ihres Kleides.

Der Ihrige J. T.

1558. А. И. ГИРС

24 января (5 февраля) 1864. Петербург

Любезнейшая Александра Ивановна, будем читать во вторник вечером [1], для того чтобы согласить все интересы — и также для того, чтобы способствовать к удержанию Вашей сестры [2] в Петербурге на два лишних дня. Итак, во вторник, в $8^1/_2$ ч. вечера я у Вас.

Благодарю Вас за Ваш, как Вы говорите, честный поступок и дружески Вам кланяюсь.

Ив. Тургенев.

Пятница.

1559. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

25 января (6 февраля) 1864. Петербург

St. Pétersbourg.
Hôtel de France.
Sonnabend, $\frac{\text{6 Februar}}{\text{25 Januar}}$ 1864.

Ich habe eben Ihren Brief erhalten, mein verehrter Freund, und beeile mich Ihnen meinen wärmsten Dank auszudrücken. Die Uebersetzungen sind vortrefflich — das versteht sich von selbst, denn sie sind eben von Ihnen [1]. Darüber ist auch hier nur eine Stimme. Sie kommen zur

rechten Zeit — denn der Druck ist schon begonnen und wird jetzt rasch vor sich gehen. Ich gedenke in höchstens vier Wochen Petersburg zu verlassen — und bis dahin muss Alles fertig sein. Meine quasi-politische Angelegenheit mit dem Senat (Sie werden wahrscheinlich davon gehört haben) hat eine schnelle und glückliche Wendung genommen: es war eigentlich bloss um eine Formalität zu thun, die aber unentbehrlich war [2]. In dieser Hinsicht, wie auch in mancher anderen, bin ich mit meiner Reise sehr zufrieden. Ich gehe jetzt nach Paris und werde da bis zum Frühjahr bleiben. Dann geh' ich nach Baden und freue mich schon jetzt auf Ihren Besuch, der hoffentlich länger währen wird, als im vorigen Jahr [3]. Ich werde gern mit einigen hiesigen Buchhändlern wegen der Uebersetzungsangelegenheit sprechen: das Resultat werd ich Ihnen mitteilen [4]. Sie sprechen mir wohl von Plackereien, die Sie ausgestanden haben — aber nicht von Ihrer Gesundheit. Ich deute dies Schweigen gut und hoffe, dass Sie wenigstens körperlich nicht leiden. Mein Fussübel (das wahrscheinlich gichtischer Natur war) ist verschwunden — und ich fühle mich sonst wohl. Nur ist hier das Wetter so schlecht — kalt glauben Sie vielleicht? — nein, nass und trüb. Grüssen Sie vielmals Frau Nelidoff und Heyse und empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebener
I. Turgéneff.

На конверте:

В Германию, в Мюнхен.
Г-ну Боденштедту.
Königreich Bayern.
Herrn Dr. F. Bodenstedt,
Wohlgeboren
in *München.*

1560. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

25 января (6 февраля) 1864. Петербург

Saint-Pétersbourg.
Hôtel de France.
Samedi $\frac{\text{ce 6 février}}{\text{25 janvier}}$ 1864.

Chère et bonne Madame Tourguéneff, je suis enchanté que la lettre du libraire que vous m'envoyez ne m'ait pas trouvé à Paris — car cela m'a procuré le plaisir d'en recevoir

une de vous[1]. Je vous en remercie beaucoup et je vous prie de croire que les sentiments d'amitié et de reconnaissance que je vous ai voués, sont sincères et durables. Les nouvelles que vous me donnez de vous et des vôtres m'ont vivement intéressé ; je suis heureux d'apprendre que la santé de Mr Tourguéneff est bonne cette année. Il ne doit pas non plus trop se préoccuper de l'état actuel des affaires: à tout prendre, la position de la Russie s'est beaucoup améliorée et c'est ce qui est le plus important pour le patriotisme éprouvé de votre mari[2].— Ma fille vous aura probablement dit l'issue heureuse de mon affaire avec le Sénat ; mes juges ont été d'une courtoisie parfaite : à vrai dire, il n'y a eu ni interrogatoire ni confrontation ; l'accusation était par trop insignifiante — et il n'y a eu qu'une formalité à remplir, formalité indispensable, j'en conviens volontiers[3].— Je vais régler quelques affaires urgentes[a,4] et je pars pour Paris, où ma présence est bien nécessaire. Je compte y être au commencement de mars, nouveau style.

L'intérêt que vous avez la bonté de témoigner à ma fille fait que je n'hésite pas à vous dire deux mots d'une affaire qui ne vous est pas restée inconnue. Je le fais d'autant plus volontiers que j'attends de vous un bon conseil. Il s'agit de Mr Pinet. Il paraît que si la personne en elle-même est parfaitement honorable, sa position (de syndic des faillites) ne l'est pas autant qu'on pourrait le désirer. Qu'y a-t-il de vrai dans tout cela ? Je serais désolé que le mariage de ma fille la plaçât dans une position difficile ou délicate. Ayez la bonté de me dire franchement votre avis là-dessus, qui serait naturellement d'un très grand poids dans mes décisions.

Présentez, s'il vous plaît, mes meilleurs souvenirs à Mr Tourguéneff et à tous les vôtres — et acceptez pour vous-même l'expression de mes sentiments les plus sincèrement dévoués.

J. Tourguéneff.

На конверте:

Во Францию, в Париж.
Г-же Тургеневой.
Madame C. Tourguéneff.
97, rue de Lille.
Paris.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* indispensables

1561. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

25 января (6 февраля) 1864. Петербург

С. Петербург.
Гостиница: Франция,
у Полицейского моста.
Суббота, 25-го янв./6-го февр. 1864.

Любезный брат Николай Сергеевич, я получил из Бадена от Виардо известие, что ты писал ко мне туда и беспокоился о моем здоровье и т. д.[1] Он уже ответил тебе, а я могу сказать теперь от себя, что я здоров, дело мое в Сенате приняло очень благоприятный оборот [2] и я нахожусь здесь единственно для окончания некоторых дел и для свидания с дядей, которого жду сюда дней через 10 [3]. Через месяц я выезжаю отсюда, с разрешения Сената, пробуду в Париже до весны, где надеюсь наконец выдать Поленьку замуж, а там — в Баден — на неопределенное время — и милости просим пожаловать ко мне погостить, Schillerstrasse, № 277, bei H⟨err⟩n Anstett. Я и не знал, что ты основался в Дрездене. Виардо выслал мне твой адресс. Надеюсь, что ты здоров и в бодром духе. Напиши мне два слова сюда.

Обнимаю тебя, кланяюсь Анне Яковлевне и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

1562. А. А. ФЕТУ

25 января (6 февраля) 1864. Петербург

С. Петербург.
Гостиница: Франция.
Суббота, 25-го янв. 1864.

Ну-с, милейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, прибыли Вы благополучно в первопрестольный град вместе с прелестными старцами, Мёрике [1] и Дон-Базилием [2]? Черкните-ка словечко — да пришлите масловские письма [3].— Но представьте, какой я оказался телятиной! Вместо чепуховатой г-жи Зыбиной [4] мне бы следовало отвести Вас купно с романсами к г-же Абазе (урожденной Штуббе), и Вы бы насладились! Вчера я показал ей два первых напечатанных романса [5] — и она их так пропела *сразу* и так аккомпанировала, что я растаял. Чтó значит настоящая, музыкальная, немецкая кровь! Эта и грамматику знает и в

реторике сильна. Кстати, она чуть не влюблена в Василья Петровича — и хочет устроить для него квартет с Рубинштейном, Давыдовым, Венявским... четвертый персонаж будет чуть ли не сама святая Цецилия [6]. И романсы она хочет спеть все торжественно. Будет хорошо — а альбом Вы получите немедленно, как только он выйдет.

Прочел я после Вашего отъезда «Поликушку» Толстого [7] и удивился силе этого крупного таланта. Только материалу уж больно много потрачено — да и сынишку он напрасно утопил. Уж очень страшно выходит. Но есть страницы поистине удивительные! Даже до холода в спинной кости пробирает — а ведь у нас она уже и толстая и грубая. Мастер, мастер!

Юный редактор «Библиотеки для чтения» [8] просил меня узнать от Вас, не будет с Вашей стороны препятствия к перепечатке Вашего стихотворения из «Московских ведомостей» [9] в статье о Дружинине, долженствующей явиться в первом номере его журнала [10]? А Вы, злодей, оставили: *до*несен *в* могилу [11].

Кланяйтесь добрым приятелям, а главнейше Вашей милой жене. Будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1563. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28 января (9 февраля) 1864. Петербург

№ 13

St. Pétersbourg.
Hôtel de France.
Mardi, 28 janvier / 9 février 1864.

Theuerste Freundinn, j'ai reçu deux lettres à la fois de Leipzig avec la photographie de ma chère petite Didie — et je vous dis merci de toutes mes forces. Je regrette beaucoup que ma lettre n° 7 se soit égarée — mais heureusement j'avais répété la grande nouvelle dans le n° 8 — et vous l'avez apprise immédiatement [1].— Je suis fort content d'apprendre que vous n'allez pas à Brême ; ce voyage lointain, par les froids qu'il fait encore, ne me souriait guère et je préfère mille fois vous savoir tranquille dans votre bon nid de Bade, où je vous adresse cette lettre.— Je m'imagine dans ce moment que vous devez vous trouver fort bien à

Leipzig ; un public qui vous aime, des artistes qui vous admirent et vous comprennent, une bonne amie qui vous soigne et qui, par parenthèse, me devient par là encore plus sympathique qu'auparavant [2]... Tout cela me réjouit le cœur. Je ne doute pas de l'arrivée de Pietsch (à propos, je lui ai donné plus d'une fois de l'argent — et il en acceptera de vous); en voilà encore un qui vous est dévoué. Envoyez-moi, je vous prie, quelques fragments de journal, ou quelques copies de fragments : cela peut servir et surtout cela me fera grand plaisir [a].

Ne craignez pas que la publication de votre album retarde mon départ : dans trois semaines d'aujourd'hui, *jour pour jour* (toujours sous la réserve du si Dios quiere) — je me mets en route — et je ne m'arrête qu'à Bade.

La revue qui doit publier ma « fantaisie » vient de recevoir enfin l'autorisation de reparaître — et son programme a paru aujourd'hui avec l'annonce de ma nouvelle chose [3], etc. Le sort en est jeté — et si le public se moque de moi, eh bien ! je m'en consolerai assez facilement.— J'ai votre approbation, le reste est peu de chose.— On m'apportera les épreuves dans deux ou trois jours.— J'aurai mon passeport samedi.

Il fait de nouveau très froid et ma vieille toux (car j'ai plus d'une légitime) a reparu. Mais j'y fais peu d'attention — et je ne sors pas, si elle me gêne trop. L'air froid l'irrite.— Mon pied va parfaitement — je n'y pense plus — et la santé générale est très bonne.

Dites aus enfants que j'attends encore la réponse à la lettre que je leur ai écrite [4] et j'espère bien que cette [б] réponse sera illustrée par Didie.— J'ai bien illustré ma lettre ! — Dites aussi à Didie que je rapporte une grande collection de contes russes : il y en a de très amusants [5].— Il ne faudra pas perdre une seule minute des 5 ou 6 jours (pas davantage, hélas !) que je passerai à Bade avant de retourner à Paris.

Mille amitiés à Viardot (auquel j'ai écrit dernièrement) [6] et à tout Bade ; — mille bons baisers aux enfants et un shakehands cordialissime, accompagné des meilleurs vœux — à vous. Portez-vous bien et n'oubliez pas

Den Ihrigen

J. T.

[а] *Фраза зачеркнута карандашом, по-видимому, Полиной Виардо.*
[б] *Далее зачеркнуто:* lettre

1564. А. И. ГИРС

28 января (9 февраля) 1864. Петербург

Любезнейшая Александра Ивановна,

Сейчас получил я известие, что, вследствие неразборчивости моей рукописи, корректурные листы моей повести будут у меня не ранее четверга или даже пятницы — а потому мне сегодня вечером не по чем было бы читать мою повесть [1]. А потому прошу у Вас позволение отложить это чтение до *субботы*, когда я уж наверное буду иметь корректурные листы в руках.

Я Вас увижу завтра вечером — а до тех пор прошу Вас принять уверение в совершенной моей преданности.

Ив. Тургенев.

Вторник утром.

1565. ПОЛИНЕ ВИАРДО

31 января (12 февраля) 1864. Петербург

№ 14

St-Pétersbourg.
Hôtel de France.

Vendredi, $\frac{\text{31 janvier}}{\text{12 février}}$ 1864.

Chère et bonne Madame Viardot, votre lettre n° 10 (et qui est en réalité n° 12) datée de Leipzig le 7 février m'est arrivée hier — et tout en me faisant un plaisir infini, elle m'a fait de la peine en me confirmant le fait de la disparition de quelques-unes de mes lettres. Je vous en ai écrit 5 à Leipzig (du n° 7 au n° 12) et jusqu'à présent vous n'en avez reçu qu'une [1]! — Celle que vous avez reçue était-elle adressée : « Ritterstrasse n° 4 » ou bien : « zu erfragen im Gewandhaus »? Cela me cause d'autant plus de peine que toute réclamation faite ici n'aboutit à rien.— Il faut se résigner à cette fatalité, qui semble ne frapper que mes lettres — car les vôtres me sont toutes arrivées heureusement !

NB. Cette lettre-ci, le n° 14, est la seconde que je vous adresse de nouveau à Bade.

A propos de Bade, j'ai reçu la lettre de Viardot, avec la missive collective des trois enfants.— J'ai vu avec plaisir que tout va bien dans ce cher petit pays et que l'on s'y porte parfaitement. Louise va s'installer chez Mme Anstett dès le 15 mars ! Je suis sûr qu'elle y sera aussi bien soignée que possible et que rien ne manquera pour l'aider à franchir

le moment périlleux.— Comme je compte revenir à Bade le 8 mars *au plus tard*—et que j'y resterai une semaine environ — je pourrai encore voir les deux époux avant de partir pour Paris. N'ayant pas d'occupations fixes, Ernest s'ennuiera un peu — je le crains — et je ne vois pas trop comment il dépensera son excédent d'activité ; mais il aura de graves préoccupations — à quand l'époque de la naissance de votre petit-fils ou fille [2]?

L'album marche avec plus de lenteur que je ne le voudrais.— Mme Abaza est tout à fait enthousiaste des « Mitternächtige Bilder» [3]; cela fait honneur à son goût et à son instinct musical. L'éditeur de l'album [4] est un bredouilleur qui dit : Oui, oui à tout et qui a surtout l'air de ne douter de rien : je n'aime pas trop ces gens-là.— Mais je lui mets l'épée dans les reins. Botkine n'est pas encore revenu de Moscou. Mais je l'attends de jour en jour.— Je suis en train de négocier une nouvelle édition de mes œuvres : je ne m'attendais pas, je l'avoue, à ce que la précédente fût déjà épuisée et je tâcherai de ne pas me laisser voler comme l'autre fois [5].

Cet argent viendra à point pour la noce... Mais aura-t-elle lieu, cette noce [6]?

Je suis obligé de ne pas trop sortir de chez moi : ma toux s'exaspère quand je respire un air froid.— Du reste, je vais très bien.

Je suis très heureux que le public de Leipzig vous apprécie et vous aime. Y a-t-il jamais eu une cantatrice ayant joué un morceau de piano dans le même concert ? — On reçoit ici l'« Illustrierte Zeitung» et j'y guette l'article où l'on parlera de vous. Ce que vous me dites de Mme Niemann ne m'étonne pas ; c'est une de ces natures du nord de l'Allemagne, que je connais — pur troppo et qui ne peuvent intéresser qu'un public honnête, civilisé et au fond vulgaire. Médiocre, froid et ingénieux — va te promener ! — Tout ce que vous avez dit est excellent.— Theuerste Freundinn, je sors pour chercher un passeport.— Envoyez-moi, s'il vous plaît, les n^os^ de mes lettres que vous avez reçues ? — Devinez quel est le vieux bonhomme dont je vous envoie la photographie [7].— Il se met à vos pieds et dit mille choses à tout le petit monde.

Der Ihrige
J. T.

1566. А. И. ГИРС

31 января (12 февраля) 1864. Петербург

Не сердитесь на меня, пожалуйста, любезнейшая Александра Ивановна — но у меня сегодня так болит грудь, что я не только читать — я выехать не могу. Покорно прошу извинить меня перед Вашей сестрой [1], и примите уверения в совершенной моей преданности и таковом же сожалении. Посылаю Вам отдельный оттиск моей повести.

Ваш
Ив. Тургенев.

Пятница утром.

1567. ПОЛИНЕ ВИАРДО

3(15) февраля 1864. Петербург

№ 15

St. Pétersbourg.
Hôtel de France.
3/15 février 1864.
Lundi.

Chère et bonne Madame Viardot, j'ai reçu votre petit billet de Leipzig avec les variantes de la «Птичка» [1], mais vous savez probablement déjà que Bodenstedt m'a envoyé une traduction entière [2] et que c'est elle naturellement qui passera. Les premières 6 romances sont complètement gravées. Johansen m'a juré que les autres le seront avant la fin de la semaine prochaine.— Je pars d'ici, toujours si Dios quiere, mercredi, le $\frac{\text{19 février}}{\text{2 mars}}$, c'est-à-dire dans un peu plus de quinze jours. Jamais les instants ne m'ont paru plus longs. Je tâche de travailler pour les faire passer plus vite. Nous avons eu hier une séance de notre société de secours aux littérateurs indigents. On s'attendait à quelques interpellations de la part des impatients, de ceux qu'on nomme ici (en adoptant un mot que j'ai introduit dans les « Pères et enfants ») les nihilistes, qui nous trouvent trop prudents : mais tout s'est fort bien passé, les élections dans le comité ont été faites dans le sens modéré (on m'a nommé membre, ainsi que président d'une commission de révision) [3]. Puis il y a eu un dîner en honneur de notre défunt confrère, Droujinine [4]; nous avons beaucoup parlé sans dire grand-chose, nous avons beaucoup bu et mangé — moi surtout — ce

qui m'a attiré une assez forte indisposition (vous me reconnaissez là, n'est-ce pas ?) mais aussi, il y avait des truffes. Je n'ai pris qu'un peu de thé aujourd'hui et je vais me coucher avec une faim canine, que je n'assouvirai pas.

Je viens de corriger les épreuves de ma « fantaisie » [5]. Le sort en est jeté.— On me dira des injures — ou des éloges,— comme on voudra, j'y serai pas mal indifférent, et vous n'en douterez pas quand vous saurez que la revue ne paraîtra que quand je serai à Bade. Vous y êtes dans ce moment, vous arrivez peut-être et ma pensée vous suit et vous accompagne au moment où vous rentrez dans votre cher petit nid. Ne faites pas trop la fière, moi aussi je ferai la même chose dans peu de temps. (N'oubliez pas, je vous prie, les renseignements sur la position d'un syndic de faillite : je vois, d'après une lettre de Paulinette que je viens de recevoir, que ce mariage lui tient plus à cœur qu'elle le disait auparavant ou qu'elle le croyait elle-même peut-être [6]. Oh ! maillot rose, que tu es difficile à attraper !)

J'ai passé la soirée chez une Mme Winogradski, dont Pouchkine a été amoureux dans sa jeunesse. Il lui a adressé plusieurs pièces de vers, qui comptent parmi les plus belles de notre langue. Elle a dû être très jolie, et tout en étant très bonne enfant (elle n'a pas d'esprit) elle conserve encore les manières de quelqu'un habitué à plaire. Elle garde religieusement les lettres que Pouchkine lui a écrites : elle m'a montré un pastel à demi effacé qui la représente à 28 ans : une figure blanche, blonde, très douce et naïvement gracieuse, avec beaucoup de simplicité dans le regard et le sourire... un peu femme de chambre russe, à la Paracha. Si j'avais été Pouchkine, je ne lui aurais pas écrit de vers. Il paraît qu'elle désirait beaucoup me voir et comme c'était son jour de fête, mes amis m'ont mené chez elle comme un bouquet. Elle a un mari qui a vingt ans de moins qu'elle : un intérieur aimable, assez touchant même et comique [7].

Adieu, jusqu'à mercredi... et puis dans quinze jours. Portez-vous bien. Dites mille choses à tout le monde. Je vous baise bien tendrement les mains.

Der Ihrige
J. T.

1568. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

4(16) февраля 1864. Петербург

St-Pétersbourg.
Mardi, 4/16 février 1864.
Hôtel de France.

Chère Paulinette, il faut pourtant que je tienne ma parole et que je t'écrive enfin cette lettre que je t'ai promise depuis si longtemps. J'en ai reçu deux ou trois de toi qui m'ont fait beaucoup de plaisir. Il me semble que tu commences à prendre la vie plus au sérieux et je serais on ne peut plus content, si je voyais disparaître tes autres petits défauts, que je n'ai pas besoin de nommer, car tu les connais tout aussi bien que moi. Autant que je puis lire entre les lignes, je crois pouvoir conclure que Mr P⟨inet⟩ ne t'est pas tout à fait indifférent ; mais vous avez très bien agi en arrêtant les choses jusqu'à mon retour qui ne saurait tarder : nous verrons alors ce qu'il y a à faire et s'il faut laisser subsister le status quo ou en sortir. J'avoue que je ne comprends pas bien ce qu'il peut y avoir de déshonorant dans l'état d'un syndic de faillite ; pourtant, quoique je ne tienne pas du tout à ce que tu aies une position de grand monde — je ne voudrais pas t'en voir occuper une qui t'empêchât de fréquenter ta société habituelle sur un pied d'égalité [1]. Enfin nous verrons tout cela — et bientôt, je l'espère — car je compte bien retourner à Paris dans trois semaines au plus tard.

Quant au militaire dont a parlé Mme Delessert [2], je crois que tu as eu raison dans tes répugnances. Mais j'ajoute, en thèse générale, que nous ne sommes pas à même de faire trop les difficiles — je veux dire — de repousser les gens uniquement en raison de l'habit qu'ils portent.

Je porte Mme Delessert et toute la famille Tourguéneff dans mon cœur pour toutes les bontés qu'ils te témoignent et je suis très peiné d'apprendre que la santé d'Albert ne s'améliore pas. Dis-leur mille choses de ma part. Mme Tourguéneff a-t-elle reçu ma lettre [3]? J'ai vu le cousin de Mr Joanne : Mr Duloup n'est pas encore arrivé.

Mme Olga Somoff demeure à *Tsarskoïe Selo*, près de Pétersbourg. En mettant cette adresse, tu peux être sûre que ta lettre arrivera à sa destination.

Je te recommande ton piano que tu as bien négligé depuis quelque temps. Quant à l'allemand, il paraît que tu as une espèce d'antipathie contre cette belle langue, car malgré tes aptitudes manifestes et ton application,

tu trouves que tu ne fais pas de progrès. Il faut s'en consoler.

A bientôt, ma chère fillette, je t'embrasse bien tendrement.

Ton père
J. Tourguéneff.

1569. ПОЛИНЕ ВИАРДО

6(18) февраля 1864. Петербург

№ 16

St. Pétersbourg.
Jeudi, ce 6/18 février 1864.
Hôtel de France.

Chère et bonne Madame Viardot, j'ai reçu coup sur coup vos deux dernières lettres de Leipzig, la grande et la petite. Les changements que me demande la petite pour le «Шёпот» sont malheureusement irréalisables : c'est déjà gravé [1].— Il est vrai que ces deux vers sont pas mal obscurs — mais enfin il y a le nom de Bodenstedt, qui est une autorité et qui doit répondre pour sa traduction.— Elle pourra être changée pour la collection, je veux dire l'album qui paraîtra chez Breitkopf : (cette nouvelle m'a extrêmement réjoui). Nous arrangerons cela à Bade [2].— Bodenstedt m'a envoyé une nouvelle version corrigée de «Ночью, во время бессонницы», mais comme cette romance est du nombre des exclues, je la garde jusqu'à mon retour [3]. Les 4 premiers vers de la seconde strophe de la «Птичка» seront comme vous le désirez [4].— Tout l'album paraîtra sans faute vers la fin de la semaine prochaine [5].

Votre grande lettre m'a fait un plaisir infini.— Tous les détails de votre séjour à Leipzig, de la connaissance que vous avez faite de R. Franz me sont précieux [6].— J'ai lu à Mme Abaza le passage qui la concernait : elle vous remercie beaucoup et m'a prié de vous faire savoir qu'elle est toute fière de ce que vous dites d'elle.— Elle s'occupe beaucoup de la soirée où se produira l'album : je lui ai écrit les paroles russes — et elle les apprend par cœur.— Il y a ici un bon ténor de société : nous lui ferons chanter les «Две розы», etc.[7]

Je ne voudrais pas aller à Moscou : cela ne retarderait pas mon départ — car je n'y resterais que 2 jours ; mais j'ai pas mal de choses à faire encore ici et je voudrais pouvoir éviter la fatigue de ce voyage avant de me mettre en route

pour Bade. J'ai un peu conscience de faire voyager mon pauvre bonhomme d'oncle [8]. Enfin nous verrons. Dans tous les cas, le [а] $\frac{\text{19 février}}{\text{2 mars}}$ il faut que je sois en wagon sur le chemin de Königsberg.

Je reviens d'un grand bal paré, donné à l'assemblée de la noblesse [9]. C'était fort brillant. Beaucoup de belles toilettes et peu de belles personnes, des cheveux poudrés ou bien flottants, retenus seulement par un large ruban. C'est la grande mode.— J'ai vu l'Empereur et je lui ai trouvé fort bonne mine. L'immense mazourka se déroulant dans toute la largeur et la longueur de la salle faisait beaucoup d'effet : pourtant, les cabrioles de quelques-uns des messieurs m'ont paru passablement sauvages. Ils avaient un peu l'air d'un tas de chevaux échappés [б] — avec moins de naturel. La valse du « Faust » de Gounod faisait fureur.— A propos de « Faust », le succès de cet opéra continue : on ne peut presque jamais trouver de place [10]. Un petit scandale s'est passé dernièrement au théâtre Italien d'ici : Graziani a donné un soufflet au mari de Mme Fioretti : on leur a imposé une amende à tous les deux — et tout a été dit. J'ai *retrouvé* pas mal d'anciennes connaissances au bal : on me *trouve* blanchi, pour ne pas dire vieilli. J'ai *trouvé* aussi que le temps ne rajeunissait pas. J'ai [в] fait quelques quiproquos : j'ai pris un Mr Nikolski pour le chanteur Nikolski (du théâtre d'ici) — je me suis mis à faire des compliments (notez que je n'ai jamais entendu le chanteur en question — je ne suis pourtant pas allé aussi loin que Komaroff, vous vous rappelez ? dans votre loge) et le monsieur en a été choqué, etc.

Je vous écrirai samedi mon n° 17.— En attendant, je dis mille choses aimables à tout le monde et vous serre bien cordialement les deux mains.

Der Ihrige J. T.

[а] *Далее два слова зачеркнуты.*

[б] *Далее фраза зачеркнута.*

[в] *На полях против текста:* les deux ∽ J'ai fait quelques *помета рукой Тургенева:* style négligé ⟨небрежный слог⟩.

1570. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8, 9 (20, 21) февраля 1864. Петербург

№ 17

St. Pétersbourg.
Hôtel de France.
Samedi, ce 8/20 février 1864.

Chère et bonne Madame Viardot,

Je viens de recevoir une lettre de mon frère de Dresde d'une nature assez inquiétante [1].— Il paraît qu'il est gravement malade — il me parle d'une plaie qu'il a sur la langue, de la nécessité d'une opération, etc.— Je sais qu'il s'effraie et qu'il exagère facilement — pourtant je ne puis me dispenser d'aller le voir en passant par Dresde, ce qui me fera faire un petit détour et retardera mon arrivée à Bade d'un jour, pas davantage.— Il me serait impossible de rester plus longtemps—car il faut que je retourne vite à Paris, si ce mariage doit se conclure. Et je voudrais bien qu'il se fît pour Paulinette surtout, car je crois qu'elle trouverait difficilement un meilleur parti. Il paraît que Mr P⟨inet⟩ est très sérieusement épris, car il a déclaré à Mr Duloup, que je viens de voir, qu'au besoin il prendrait Pauline sans un sou de dot. C'est la famille Tourguéneff (de Paris) qui, tout en voulant du bien à Paulinette, lui fait du tort : il ne faut pas oublier ce qu'il y a de délicat et de difficile dans sa position — et elle n'a pas du tout besoin de hanter le grand monde [2].

L'album avance maintenant à grands pas : tout est gravé, il n'y a plus qu'à corriger les épreuves des deux dernières romances.— Je ne vais décidément pas à Moscou : j'ai écrit dans ce sens à mon oncle [3] — et il faudra bien qu'il vienne.— La maladie de mon frère hâte encore plus mon départ : je remuerai ciel et terre pour pouvoir m'en aller mardi prochain — c⟨est-⟩à-d⟨ire⟩ dans 10 jours.

Dimanche soir.

Voilà trois jours que je n'ai pas de lettre de vous, theuerste Freundinn — et voyez comme vous m'avez gâté! Je commence à m'inquiéter un peu. Je ne sais pas comment vous avez fait le voyage de Weimar à Bade ; puis, dans votre dernière lettre, vous me dites que V⟨iardot⟩ est un peu souffreteux.— Allons ! espérons pour demain ! — Je viens d'assister à la lecture d'une espèce de chronique en vers (à la «Götz de Berlichingen» [4]), écrite par un de mes amis, un Mr Polonski [5]; avec Feth et un Mr Maïkoff il compose la

triade de nos poètes contemporains ; le sujet est très scabreux : c'est un tableau de ce qui se fait maintenant en Pologne. L'auteur s'efforce d'être impartial — mais ce n'est pas facile — et puis tout cela est encore trop rapproché de nous pour que l'art puisse s'en emparer. Il y a dans l'œuvre de Polonski des longueurs atroces, des rêvasseries fades ou embrouillées, le principal personnage est nul et sans caractère (ce qui arrive extraordinairement souvent), mais il y a de très belles scènes, des figures et des choses touchantes, et parfois un vrai souffle de poésie.— Ce que l'auteur imagine — où il s'efforce — est généralement faible ; ce qu'il dit naïvement, je dirais presque involontairement — est souvent très beau. Je crains que la censure ne mette son veto à l'apparition de cette œuvre, très remarquable après tout.

J'ai vu le comte Mathieu [6]; il m'a beaucoup questionné sur vous.— Le pauvre homme a une vraie bosse au milieu du dos.— Il vous aime et vous estime sincèrement, ce qui fait que je le trouve charmant.— Il aura un des premiers albums. Rubinstein, Seroff, Théophile Tolstoï, Mme Abaza, Mlle Niessen (que j'ai rencontrée chez Rubinstein), Mme Adlerberg, Dargomijski, Mme Guirs, Mlle Rahden etc. en auront aussi.— J'ai entendu dernièrement à un concert une sérénade de Schubert pour cinq voix de femmes — charmante [7].— Il n'y aura plus que 4 N-os de Pétersbourg.— Le 22 sera envoyé de Dresde — et il n'y aura *pas* de 23 [8]. Oh quel bonheur !.. A bientôt. Mille choses à tout le monde. Je vous embrasse bien tendrement les deux mains.

Der Ihrige J. T.

1571. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10—13 (22—25) февраля 1864. Петербург

№ 18

St. Pétersbourg.
Hôtel de France.
Lundi, 10/22 février 1864.

Pas de lettre encore aujourd'hui, chère Madame Viardot ! J'espérais pourtant bien en avoir une.— Patience !

Mardi soir.— La poste n'a rien apporté aujourd'hui.— Voici une semaine juste que je n'ai pas de lettre.— Dans d'autres circonstances je ne m'en serais pas inquiété : mais maintenant toutes sortes d'idées biscornues me trottent par la tête.— Je suis sûr que l'explication de ce silence sera toute naturelle — ne fût-ce que celle d'une lettre perdue... pour-

tant... Pourtant je ne puis rien écrire — et je vais me mettre à attendre la soirée de demain.

Mercredi, 12/24 fév⟨rier⟩. 4 heures. Quel bonheur ! Je reçois à l'instant même votre chère lettre de Bade... Je suis bien heureux et vous remercie un million de fois.

Jeudi matin.— Je suis bien content [a] de vous savoir de retour à Bade, entourée de tout votre petit monde.— Vous allez maintenant travailler au texte allemand d'« Orphée ».— On va peut-être le donner *en ma présence* dans quinze jours à Carlsruhe.— A propos d'« Orphée », le G⟨ran⟩d duc de Weimar est très gentil — et je le gratifie de mon estime [1]. *Ne m'ecrivez plus à Pétersbourg* — écrivez-moi poste restante à Dresde [2].— Il est fort possible que je ne m'arrêterai pas du tout à Berlin.— Dimanche en huit, à 3 $^1/_2$ h. Silence ! Silence [3]!

Je vous ai envoyé ma photographie plutôt comme caricature que photographie. Je ne sais pas ce que j'ai fait au soleil, mais il me traite constamment fort mal. Il ne faut pas que vous vous imaginiez que je suis malade : au contraire, je me sens fort bien et l'on me trouve une mine superbe.— Je vous rapporterai une grande photographie de moi, qu'on a faite ici il y a deux ans et qui est belle [4]. Imaginez-vous que je vais très probablement lire en public lundi prochain mes « Fantômes »! Cela a été, on peut le dire, improvisé par le président de la société de secours aux gens de lettres pauvres [5].— Je suis membre de cette société et il m'a été impossible de refuser. Je m'attends à un fiasco — ce n'est pas une de ces choses qu'on puisse lire devant un public nombreux, à la lueur d'une foule de bougies, etc. Il y aura des chut ! de la part d'une partie de la jeunesse, qui ne m'a pas pardonné mon dernier roman [6] — et le Président m'a avoué qu'il spéculait un peu là-dessus pour attirer du monde.— Enfin ! le mal ne sera pas très grand et je tâcherai de lire vite pour que le public n'ait pas le temps de s'impatienter.— D'un autre côté, il faut lire distinctement et avec expression...

Je vous écrirai et surtout je vous raconterai le résultat.

On me fait une autre proposition que je n'accepterai pas.— Le sénateur Milutine, que vous connaissez, et qui est chargé par l'Empereur d'introduire en Pologne les mêmes réformes (l'émancipation des paysans avec droit sur leurs

---

[a] *Далее зачеркнуто:* que

terres, etc.) que celles qu'on a réalisées en Russie, m'a demandé d'aller avec lui en Pologne et d'y rester quelques jours pour y assister aux premiers commencements de cette grande mesure [7].— C'est plus qu'intéressant, c'est de l'histoire — mais j'ai refusé pour beaucoup de raisons, que je n'ai pas besoin de vous énumérer, et dont la principale est que je veux être à Bade le 5 ou 6 mars.— N'est-ce pas que j'ai bien fait ?

A bientôt. Mille amitiés à tout le monde. Je vous serre bien fortement les deux mains.

Der Ihrige J. T.

1572. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

10(22) февраля 1864. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница: Франция.
Понедельник, 10/22-го февр. 64.

Милый брат, я получил твое письмо [1] — и очень огорчился известием о твоей болезни. Я выезжаю отсюда через неделю с небольшим — и непременно заеду к тебе в Дрезден, куда я намерен прибыть, если бог даст, в пятницу или в субботу — т. е. *4-го или 5-го марта нового стиля*. Хотя рана на языке — вещь неприятная, однако тебе не должно предаваться преувеличенным опасениям: мать г-жи Тютчевой, Александра Балтазаровна, имела большую рану на языке и вылечилась полосканиями. Главное — не надо ни унывать, ни падать духом: немножко терпения — и всё исправится.

До скорого свидания. Поклонись от меня Анне Яковлевне, г-же Рашет, Случевскому. Дружески жму тебе руку и остаюсь

любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

1573. Е. Н. АХМАТОВОЙ

10(22) января — 14(26) февраля 1864 (?). Петербург

Гостиница: Франция.
Пятница.

Милостивая государыня
Елизавета Николаевна!

В ответ на Ваше любезное письмо мне остается только извиниться перед Вами в несдержании моего слова [1], и, чтобы хотя несколько загладить мою вину, прошу

у Вас позволения приехать к Вам послезавтра вечером на чашку чаю.

С совершенным уважением остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

1574. Е. Е. ЛАМБЕРТ

Конец 1859—16(28) февраля 1864 (?). Петербург

Позвольте, любезнейшая графиня, прибегнуть, как говорится в официальных бумагах, к Вашему высокому покровительству: достаньте мне билет на завтрашний бал в Дворянском собрании [1]. Я Вам буду крайне обязан.

Сегодня вечером, около полуночи, я буду иметь удовольствие явиться к Вам.

Будьте здоровы — и спасибо заранее.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Воскресенье утром.

1575. И. М. ТОЛСТОМУ

18 февраля (1 марта) 1864. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница: Франция.
Вторник, 18-го фев. 64.

Почтеннейший Иван Матвеевич — я всё надеялся встретиться с Вами — но это не удалось — и теперь, будучи на отъезде, решаюсь обратиться к Вам письменно. Дело вот в чем. В Вашем министерстве служит в качестве контролера Почтового департамента мой хороший знакомый Николай Дмитриевич Дмитриев, которого я позволю себе рекомендовать Вашему высокому вниманию. Я сблизился с ним вследствие его литературных работ, немногочисленных, но показывающих художника и мыслящего человека — сочетание довольно редкое в наше время. Позволю себе указать Вам на некоторые его статьи — именно: «Лес» в «Отечественных записках» (12 № 1859-го г.) и «Кивач» в 9-м № «Русского вестника» 1863-го г. Эта последняя статья может еще потому интересовать Вас, что в ней описывается водопад на реке Суне в Олонецкой губернии, куда, я слышал, Вы собираетесь сделать небольшое путешествие. Зная Вашу любовь к родной словесности, я уверен, что Вы не откажетесь, в случае

нужды, удостоить Вашим покровительством г-на Дмитриева, который, я Вам ручаюсь, вполне его заслуживает как хороший писатель и как дельный чиновник. Старинные наши связи, которыми я очень дорожу, дают мне смелость обратиться к Вам с моей просьбой или скорее с моей рекомендацией.

Примите уверение в моем совершенном уважении и глубокой преданности.

Ив. Тургенев.

1576. Е. Е. ЛАМБЕРТ

9(21) января — 20 февраля (3 марта) 1864 (?). Петербург

Любезнейшая графиня, постараюсь заехать к Вам сегодня же вечером или завтра — au plus tard — чтобы узнать, какой я вредный писатель.

Благодарю Вас за обещание насчет моего бывшего камердинера [1].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Четверг.

1577. О. А. НОВИКОВОЙ

9(21) января — 20 февраля (3 марта) 1864 (?). Петербург

Я непременно буду у Вас, любезнейшая Ольга Алексеевна, завтра — около 10 часов вечера. А потому говорю Вам до свиданья и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Четверг.
Hôtel de France.

На конверте:

Ее высокородию
Ольге Алексеевне
Новиковой.

1578. А. И. ГИРС

21 февраля (4 марта) 1864. Петербург

Пятница.
Гостиница: Франция.

Любезнейшая Александра Ивановна, отвечаю на Вашу милую записку — во-первых, извинением в несдержании слова, происшедшем от бесконечного накопления дел,— во-вторых, словом быть у Вас сегодня непременно — в-третьих, наконец, посылкой альбома г-жи Виардо [1], который, я надеюсь, будет Вам приятен.

До свидания — и примите уверение в совершенной моей преданности.

Иван Тургенев.

1579. М. Н. ЛОНГИНОВУ

21 февраля (4 марта) 1864. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница: Франция.
Пятница, 21-го фев. 1864.

Любезнейший Михаил Николаевич, перед самым отъездом моим отсюда обращаюсь к тебе с покорнейшей просьбой, которая, впрочем, не относится прямо ко мне, но потому именно — me tient très à cœur. А именно: я здесь издал собрание двенадцати стихотворений Пушкина — Фета (и одно мое) — положенных на музыку г-жой Виардо [1]. Ты, помнится, не любил ее как певицу — но тут дело идет об ее композиторском таланте. Она положила на музыку прилагаемые двенадцать стихотворений превосходно — таких романсов у нас на Руси не бывало — и я прямо рассчитываю на твою старинную дружбу, чтобы ударить в набат в «Московских ведомостях», «Современной летописи» и вообще где ты найдешь удобным. Сделай одолжение, исполни ты эту мою кровную просьбу, и я тебе отслужу когда угодно и как угодно. Напиши мне два слова по следующему адрессу: Paris, rue de Rivoli, 210. Я буду ждать твоего письма [2].

Обнимаю тебя, кланяюсь твоей жене и остаюсь
преданный тебе
Ив. Тургенев.

На конверте:

Михаилу Николаевичу
Лонгинову.
От Тургенева.

1580. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

3(15) марта 1864. Баден-Баден

Bade.
Ce 15 mars 1864.
Mardi.

Chère Paulinette, j'ai reçu ta letter, ainsi que celle de Mme Innis et je ne te dis qu'une chose: c'est que je n'aurais jamais insisté, si au lieu de parler de la position de Mr P⟨inet⟩ [1] — tu m'aurais simplement dit qu'il te déplaît. Je t'ai souvent répété que je n'ai jamais désiré pour toi un autre mariage qu'un mariage d'affection et quand celle-ci manquait — tout le reste n'était rien. Voilà donc encore un prétendant coulé : n'en parlons plus.

Je serais parti d'ici dès demain — mais Louise arrive demain et il ne serait pas gentil d'avoir l'air de la fuir [2]. Attendez-moi vendredi matin ou vendredi soir — mais vendredi sans faute.

Nous aurons le temps de parler longuement de toutes choses, je me borne maintenant à vous embrasser toutes les deux et vous dire à revoir.

J. Tourguéneff.

1581. ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

4(16) марта 1864. Баден-Баден

Baden-Baden.
Schillerstrasse, 277.
Mittwoch, d. 16. März 1864.

Il y a quatre jours que je suis revenu de Pétersbourg à Bade — et je pars d'ici dans deux jours pour Paris, où je compte rester jusqu'à la fin d'avril. J'ai rapporté plusieurs des albums de Mme Viardot et je me fais un véritable plaisir de vous en envoyer un [1]. L'élégance parfaite et la fidélité de vos traductions ont été remarquées par tout le monde.

On n'a publié cette fois-ci que 12 romances ; trois ont été réservées pour l'album suivant qui paraîtra, il faut l'espérer, l'hiver prochain [2]. Je compte revenir à Bade vers la fin du mois d'avril et j'espère bien que vous tiendrez votre promesse et que nous vous reverrons dans notre joli pays. Si dans le trouble et l'agitation, où vous devez vous trouver maintenant à Munich, vous avez le temps de penser à moi, vous serez bien aimable de m'écrire deux mots à l'adresse suivante : Paris, rue de Rivoli, 210. En même

temps je vous prierais de me dire franchement sans aucune de ces cérémonies, qui ne peuvent avoir place dans d'aussi bonnes relations que les nôtres, quel est l'honoraire que vous désirez pour votre puissante coopération à l'album que nous venons de publier? Je vous le ferai immédiatement parvenir et en attendant, je vous serre cordialement la main et vous prie d'accepter l'expression de mes sentiments les plus dévoués.

I. Tourguéneff.

На конверте:

Königreich Bayern.
Herrn Dr. Fr. Bodenstedt,
Wohlgeboren,
in München.

1582. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

5(17) марта 1864. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
Четверг, $\frac{17\text{-го}}{5\text{-го}}$ марта 64.

Милый брат, я было хотел написать тебе из Парижа — но я остаюсь здесь еще три дня — а потому не отлагаю своего письма. Дай мне знать в двух словах, как твое здоровье — если ты ответишь тотчас — твое письмо меня застанет еще здесь. Посылаю на твое имя сверток, который ты передашь от меня Случевскому [1]. Надеюсь, что его здоровье поправилось, поклонись ему от меня — а также и добрейшей г-же Рашет. На прилагаемом листике ты найдешь два слова, написанных мною с просьбой к почтамту о высылке мне письма poste restante, которое, я знаю, находится в Дрездене.

Обнимаю тебя и жену твою, надеюсь увидеть вас в Бадене и остаюсь

любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

1583. П. В. АННЕНКОВУ

12(24) марта 1864. Париж

Париж.
24-го (12-го) марта 1864.

Дорогой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, я только вчера вечером прибыл сюда и потому ранее не мог ответить на Ваше любезное письмо [1]. Меня в Бадене задержали переговоры и хлопоты по изданию [2], которое будет отлично, но гораздо дороже, чем я ожидал. Отвечаю, для скорости, по пунктам.

1) За статью о Шекспире [3] засяду немедленно — и если не занемогу или не окачурюсь — через 10 дней она полетит в милый сердцу моему дом Шландера. Вы ее примите к сведению и пустите в ход.

2) Насчет выкупных свидетельств [4], нечего делать, будем ждать у моря погоды и — как Вы говорите — спишемся.

3) 100 руб. я действительно занял у Ковалевского и, по легкомыслию своему, забыл отдать. Мне совестно просить Вас заплатить за меня — но я не знаю, как бы это сделать. Разве вот что: Достоевский остался мне должен за «Призраки» 300 р.; не даст ли он вам эти 100 или уже кстати всего 150 руб. (50 р. я Вам был должен)? Покажите ему это письмо и скажите, что я был бы ему весьма благодарен. Кстати, я надеялся найти здесь № «Эпохи» — но, видно, она еще не вышла [5]; пожалуйста, не забудьте распорядиться ее высылкой.

4) Много смешных вещей я видал и слышал на своем веку; но Боткин, сурово вкладывающий персты в раны общества, и стреляющий Леонтьев — достигают уже почти высокого в комизме [6].

5) Статейку об альбоме г-жи Виардо для «Journal de St-Pétersbourg» я Вам вышлю, но, кажется, достаточно будет сказать нечто вроде следующего:

Nous nous empressons de faire savoir à nos lecteurs une bonne nouvelle : l'illustre (ou la célèbre) cantatrice P⟨auline⟩ V⟨iardot⟩ vient de publier un album, и т. д. А под конец: Nous ne doutons pas que le public ne fasse bon accueil и т. д.— Всего каких-нибудь 15 строк [7].

Прощайте пока. Я здесь остаюсь от пяти до шести недель. Дела и хлопот бездна. Обнимаю Вас, Вашу жену, кланяюсь всем приятелям и остаюсь

Вас любящий И. Тургенев.

P. S. «Искра» меня еще не продернула [8]?

Зайдите, отец родной, в музыкальный магазин Иогансена, на Невском — и спросите его, получил ли он мое письмо и поступил ли по оному?

1584. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12(24) марта 1864. Париж

№ 1

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Jeudi, 24 mars 1864.

Chère Madame Viardot, je suis arrivé hier soir en bon état de santé, mais affreusement sale de poussière et de charbon et pas mal fatigué [1].— J'ai trouvé ces dames [2] à la maison. Mme Innis est souffrante — ce qui ne l'a pas empêchée d'aller ce matin à l'église. J'ai bien dormi, j'ai pris un bon bain et me voilà rafraîchi.— Je n'ai encore parlé de rien — mais je le ferai ce matin même et sérieusement.— J'ai trouvé ici beaucoup de lettres, auxquelles il faut répondre. Je viens d'envoyer un message à Pomey pour lui donner un rendez-vous.— Je verrai aussi aujourd'hui les Troubetzkoï : il paraît que la débâcle est complète — on vend tout, les meubles, l'argenterie — le prince est au désespoir, la princesse montre beaucoup de philosophie [3].

J'ai oublié d'emporter les coupons des obligations de chemin de fer russes !!! Que faire maintenant ? — Les envoyer par la poste serait peut-être scabreux.— Comme on peut en toucher le revenu à *Francfort*, peut-être Viardot arrangerait-il cela avec Haldenwang ? Mais j'ai besoin de cet argent au commencement d'avril, pour ne pas escompter mes lettres de change.

Je m'étais si bien et si vite rhabitué à la vie de Bade, que je suis tout consterné de ne plus m'y trouver — et de devoir écrire des lettres.— Espérons que cette fois-ci mon absence ne durera pas si longtemps [4].— J'aurai énormément à faire pendant les 5 semaines que je passerai ici : il faut que je me mette subito à écrire un article sur Shakespeare, qui sera lu à la fête commémorative qui aura lieu le 23 avril (vieux style) [5] etc. etc.

Donnez-moi des nouvelles — de vous et des vôtres avant tout. (Marianne va bien ?), de la «Passion» de Bach [6], des répétitions d'«Orphée» [7].— Je vous promets d'écrire tous les jours, ne fût-ce que deux lignes. Et maintenant adieu... J'ai le cœur gros — mais patience ! Je dis mille choses à

tout le monde et vous serre bien cordialement la main.

Der Ihrige
J. Tourgué⟨neff⟩.

P. S. Arrangez le samovar ! Que dit Viardot des élections [8]? Ci-joint un petit article sur *l'album* dans la « Gazette de Moscou » [9].

P. S. S. Envoyez-moi, s'il vous plaît, l'adresse d'Aignan à Paris [10].

1585. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

12(24) марта 1864. Париж

Париж [a].
Rue de Rivoli, 210.
Четверг, 12/24 марта 64.

Любезный брат,

Я вчера приехал сюда из Бадена — и надеялся найти от тебя письмо в ответ на то, которое я дней 6 тому назад послал тебе из Бадена [1]. Но никакого письма не оказалось, и я немного начинаю беспокоиться. Пожалуйста, черкни мне слова два.

Я не успел переговорить с тобой о просьбе сестры Анны Яковлевны, которую я, впрочем, никогда в глаза не видел [2]. Я знаю, что теперь не время давать в долг и вообще тратиться — но — извини меня за откровенность — я не думаю, чтобы ты вообще делал добро соответственно твоему состоянию: а ведь это важнее всего.

Жду от тебя ответа, кланяюсь твоей жене, г-же Рашет и Случевскому (получил ты пакет на его имя?) [3] и обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Свадьба Полиньки расстроилась — т. е. она не захотела — et me voilà gros-père comme devant [4]!

1586. ПОЛИНЕ ВИАРДО

14(26) марта 1864. Париж

№ 2

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Samedi, 26 mars 1864.

Chère et bonne Madame Viardot, je n'ai pas reçu de lettre de vous — j'en espérais pourtant une — mais il est

[a] *Было:* Баден

vrai que vous devez être bien occupée et préoccupée dans ce moment. Enfin, je compte sur votre promesse de m'écrire le lendemain d'« Orphée » [1]. Je vais vous dire sommairement ce que j'ai fait hier et avant-hier.— 1°) Nous avons eu une longue conversation avec Pauline — et le résultat a été qu'elle ne veut pas entendre parler de Mr Pinet [2]. Je ne lui ai pourtant pas marchandé la vérité et je lui ai dit que la position dans laquelle elle se trouve ne pourrait en aucun cas se prolonger après la fin de cette année.— Je ne suis pas encore décidé où elle passera l'été — à Paris très probablement, mais pas dans l'appartement que nous occupons maintenant — cela va sans dire. Mme Innis souffre beaucoup de douleurs à l'oreille — je crains que ce ne soit un abcès.— 2°) J'ai revu Fridolin [3], que j'ai trouvé gras et florissant.— Hier nous avons dîné ensemble comme des ogres chez Véfour (huîtres impériales etc., etc. ...).— Avant-hier soir nous sommes allés ensemble au théâtre italien — assister à un concert spirituel.— Les morceaux du « Stabat » de Rossini [4] ont eu les honneurs de la soirée — surtout le « quis est homo » que les deux sœurs Marchisio ont chanté comme des anges. Carlotta (le soprano) avec sa figure de carlin et ses magnifiques yeux m'a fait l'impression d'une nature nerveuse, originale et volontaire, avec une très forte dose de diable au corps ; sa voix est très belle. Le pauvre Mario est toujours beau comme Adonis — et c'est tout.— Rossini est passé maintenant définitivement à l'état de Dieu — on ne parle de lui et de sa « Messe » [5] qu'avec des *prosternements* (NB. Je ne sais pas, p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩, si ce mot existe). Lundi, nous allons encore *ensemble*, Fridolin et moi—entendre « Mireille » [6]. Fridolin trouve cet opéra très poétique et très intéressant — et il est médiocrement enchanté du « Marquis de Villemer » [7] ; il n'est pas impossible que mon impression soit la même. Pourtant au point de vue du public — « Mireille » (que je vous ai envoyée dès avant-hier) [8] n'est pas un succès. Scudo la déchire [9] — et Berlioz n'est pas content [10]. Si c'était « Les Troyens » [11]. J'ai vu ce matin le *premier* portrait peint par Fridolin : il est ma foi, très bien — quoique un peu trop « ingrisé » [12]. Il y a de la noblesse et de la pureté — il n'y a pas encore assez de force et de maestria. J'ai vu Mérimée chez lequel je suis resté trois heures à peu près — j'ai vu M. Tourguéneff [13] (sa femme est à Cannes avec ses deux fils) et j'ai vu la princesse Troubetzkoï souriante et gaie et mieux portante au milieu de son désastre [14], parlant avec le même intérêt des choses poéticophilosophiques, s'enquérant beaucoup de vous et prête à

pleurer de n'avoir pas reçu un album de vous [15]. Je lui *prêterai* mon exemplaire pour la consoler un peu. Je verrai aujourd'hui Mme Delessert.— Adieu : pour que ce mot me soit moins pénible, il faut que je me dise : tu seras dans un mois de retour. En attendant je dis mille choses à tout le monde et vous serre bien fort les mains.

Der Ihrige J. T.

1587. И. А. ГОНЧАРОВУ

14(26) марта 1864. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
Суббота, 14(26) марта 64.

Любезнейший Иван Александрович. Я третьего дня добрался досюда — и пользуюсь первой свободной минутой, чтобы написать несколько слов в ответ на Вашу последнюю записку [1]. Если Вы порадовались моему приезду, потому что он положил конец возникшему между нами недоразумению [2] — то и я со своей стороны не менее Вас порадовался возобновлению дружеских отношений с человеком, к которому — не говоря уже об уважении к его таланту — я стою очень близко — в силу общего прошедшего, однородности стремлений и многих других причин. Мы ведь тоже немножко с Вами последние могикане. Повторяю — я душевно рад тому, что чувствую снова Вашу руку в моей — и с удовольствием думаю об обещанном Вами посещении меня в Бадене.

Благодарю Вас за помещение статеечки в «Голосе» [3]; будьте так добры, не забудьте и «Сев⟨ерной⟩ почты» [4]; а если это уже сделано, примите мое спасибо.

Я остаюсь здесь около пяти недель — и очень мне было бы приятно получить от Вас письмо. Мне приходится немедленно засесть за статью о Шекспире, которая, если будет найдена удобной, прочтется в день его годовщины [5]. Сообщите, какие Вы найдете интересными, новости. Не продернула ли меня «Искра» за мое летание? Появилась ли «Эпоха» [6]? Что происходит в университете [7]? Здесь умы заняты последними весьма радикальными выборами [8] — но о Польше ни слуху ни духу: c'est, как говорят французы, une question coulée: даже не совсем прилично упоминать о ней, как о прошлогоднем наряде. Впрочем, я еще не успел почти ни с кем видеться: просидел часа два с Мериме.

Пока прощайте; крепко и дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

1588. Н. В. ЩЕРБАНЮ

14(26) марта 1864. Париж

Париж.
Суббота, 14(26) марта 1864.
Rue de Rivoli, 210.

Любезнейший Щ⟨ербань⟩, я приехал сюда два дня тому назад и весьма был бы рад повидаться с Вами. Не зайдете ли Вы ко мне в понедельник утром? Если у Вас есть что-нибудь интересное — принесите. Кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1589. ПОЛИНЕ ВИАРДО

16(28) марта 1864. Париж

№ 3

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Lundi, 28 mars 1864.

Chère et bonne Madame Viardot, je viens de recevoir la lettre de votre mari (auquel je réponds sous cette enveloppe même) et elle a dissipé les inquiétudes que je commençais à avoir.— Grâce à Dieu, tout le monde se porte bien et vous n'avez que les préoccupations inévitables par le temps qui court.— Je penserai beaucoup à vous aujourd'hui soir : j'espère que votre texte ne vous embarrassera pas trop et je suis sûr que vous triompherez sur toute la ligne [1].— Et maintenant je vais vous parler de ce que j'ai fait ici pendant ces deux derniers jours.

J'ai vu Mme Delessert et j'ai causé longuement avec elle. Elle est très raisonnable et comprend fort bien la position de Paulinette, à laquelle elle porte un vif intérêt.— Elle ne regrette pas trop la déconfiture de Mr P⟨inet⟩ [2] — et elle m'a presque formellement déclaré qu'elle se chargeait de trouver un parti convenable ; aussi veut-elle que Pauline vienne s'établir avec Mme Innis à Passy, dans son voisinage, dans un appartement qu'elle connaît et qui ne coûtera que fort peu d'argent.— Cela rentre tout à fait dans mes vues,

et dès le 1-er mai ces dames vont[а] y aller.— Dieu veuille que ceci ait un résultat quelconque[3]! — Je ne veux plus penser au maillot rose ; je pense beaucoup plus à mon retour à Bade, où je veux arriver dès le 1-er mai, si c'est possible.— J'ai vu Aignan, qui m'a reçu les bras ouverts ; il est très gentil pour moi[б]. J'ai dû lui raconter tous les principaux incidents de mon voyage ; il quitte Paris dans 15 jours. J'ai vu Mr Tourguéneff[4],— et j'ai vu aussi ce fameux marquis de Villemer[5].— Je partage un peu l'opinion de Pomey : il y a un personnage charmant, gai, naturel, plein d'esprit, et du meilleur, qui fait rire ou sourire dès qu'il entre en scène—et que Berton joue à ravir : c'est le duc d'*Aléria.*Tout le premier acte est délicieux — quant au reste, hum ! hum ! — Les autres personnages sont assez peu de chose, et puis, à partir du troisième acte, il y a de nouveau cet embrouillamini philosophico-psychologico-amoureux, ce pénible et peu clair entrechoquement de mésentendus, de subtilités, qui caractérise malheureusement le beau, le grand talent de Mme Sand[6].— Ribes dans le rôle du marquis est hideux : c'est une espèce de sauterelle ou plutôt d'araignée empoisonnée.— Mme Rancelli fait très bien la mère ; Mme Thuillier — la gouvernante — est pas mal lieu commun. Le succès est très grand, la foule immense ; je me trouvais dans une baignore très près des claqueurs : il y en avait un, encore jeune, à la figure moutonne et endormie, qui était chargé des gémissements d'attendrissement.— Il les faisait partir aux mots *trillés* : « et ma mêêêê-re » — « mais je vous aiaiaiai-me » et il les lâchait tout en gardant son expression indifférente.— Cela m'a fait rire. En somme, je suis content d'avoir vu cela,— mais cela ne change en rien mon opinion sur Mme Sand.— Nous allons aujourd'hui, *Fridolin* et moi, à « Mireille »[7].— Reyer, chez Mme Delessert, nous en a chanté des fragments adorables.

J'ai revu les habitants de la rue de Clichy[8]. Le p⟨rin⟩ce est comme Micawber[9], tour à tour rayonnant et désespéré. Je vais aujourd'hui chez Millet[10] et Mme Marjolin[11].— Je vous écrirai après-demain.— Et j'aurai des nouvelles d'« Orphée » après-demain, n'est-ce pas ?

Mille amitiés à tout le monde et le plus affectueux shakehands à vous.

Der Ihrige J. T.

а *Далее зачеркнуто:* finir
б *Далее зачеркнуто:* et

1590. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17(29) марта 1864. Париж

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Mardi, ce 29 mars 64.

Chère Madame Viardot, il faut donc que je vous parle ce matin de « Mireille » [1]... Cela n'est pas si facile — et certainement si, dans ce moment, vous avez la bonté de me donner quelques détails sur la représentation d'« Orphée » d'hier — vous devez éprouver moins d'embarras [2]. Voici mon opinion : il y a un premier acte adorable, poétique, plein de soleil et de couleur, de joie et de grâce, — un second acte charmant aussi, mais dont la fin faiblit déjà — le reste (trois actes) est absolument manqué, impossible, froid et ennuyeux — et justifie le fiasco — hélas ! car il y a fiasco — de tout l'opéra. Je me trouvais entre Pomey et... Chorley, qui est venu exprès de Londres pour entendre « Mireille » [3]; il en était tout consterné — il voulait parler à Carvalho [4] — car, disait-il, il faut sauver les deux premiers actes qui sont des diamants — Pomey était tout effrayé de l'attitude du public, qui d'une représentation à l'autre — de la 3-ème à la 4-ème — était devenue complètement hostile. Vous avez la partition — aussi vous pouvez juger par vous-même ; mais il faut vous dire qu'on a fait des coupures et des changements énormes — sans pourtant réussir à donner de l'intérêt et du mouvement à ces malheureux trois derniers actes.— Le duo de l'assassinat de Vincent (de la provocation) est coupé ! Ourrias—*représenté* par Ismaël, qui lui-même *représente* un vilain boucher de province — se précipite dans la coulisse.— On entend un *ah !* —Ourrias retraverse la scène, les cheveux en désordre.— Le décor change et la scène soi-disant fantastique commence.— C'est d'un absurde enfantin : le gros Ourrias reste une grande demi-heure en place à se lamenter — on voit une petite procession de femmes nues en carton avec des feux sur la tête glisser en cahotant sur le Rhône — d'autres femmes, véritables celles-là — avec du blanc sur les joues — se montrent, puis se cachent dans les coulisses — puis arrive le *passeur* habillé en Charon et Mr Ourrias s'enfonce avec lui.— Rien de fantastique dans la musique — à l'exception de deux ou trois accords assez bizarres — c'est totalement manqué. Puis viennent des entractes qui ne finissent pas — une scène charmante qui dure cinq minutes — les landes de la Crau — avec Mlle Fèvre en berger qui chante *la chanson du Bulgare*,

que vous connaissez, puis une grandissime diablesse de scène, avec une procession etc. ... et Mlle, Mireille meurt d'un coup de soleil en chantant un chant d'extase qui n'est que du Halévy de 4-ème ordre [5]. — C'est navrant! — Il y a eu deux coups de sifflet, il y en aura davantage et je serai bien étonné, si cet ouvrage allât à une quinzaine de représentations, cet ouvrage, dont le 1-er acte est pourtant un chef-d'œuvre, une perle, une perfection! Mme Carvalho chante à ravir — les hommes (Morini et Ismaël) sont mauvais — la mise en scène très belle — et le décor du Rhône, où se passent toutes les bétises ci-dessus mentionnées, est charmant. — Imaginez-vous que j'ai rencontré Gounod hier et qu'il m'a invité à déjeuner aujourd'hui chez lui! Quelle figure ferai-je et que lui dirai-je!!! — Enfin — il faut passer par là. Je ne vous ai parlé aujourd'hui que de «Mireille», j'attends une lettre pleine d'«Orphée» pour demain [6]. — J'ai dîné hier chez mon gros Fridolin; — nous avons mangé du saumon exquis. — A demain; mille amitiés à tous; ich küsse Ihre lieben Hände.

Der Ihrige J. T.

P. S. A propos. Chorley m'a dit n'avoir jamais reçu la grande lettre que vous aviez écrite à Dickens [7]. — Je lui donnerai votre album [8], et vous m'en garderez un à Bade pour moi.

P. S. S. M. Hasper m'a écrit; il a reçu l'argent.

1591. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19(31) марта 1864. Париж

№ 4

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Jeudi, 31 mars 1864.

Chère Madame Viardot, j'ai reçu ce matin votre bonne lettre: tout s'est passé comme je l'avais prévu — (il ne fallait pas être grand prophète pour cela) et je crie: bravo [1]! — Maintenant je souhaite que le grave événement que vous attendez avec tout autant d'anxiété que votre fille [2] se passe vite et bien — et alors nous n'aurons plus devant nous que des jours doux et charmants.

Eh bien! j'ai revu «Mireille» et je suis heureux de rétracter le mot de fiasco, qui était tombé de ma plume sous l'influence d'une froide et triste représentation [3]. —

Il n'y a pas d'enthousiasme,— c'est évident,— mais il y a succès d'estime pour la foule, ravissement pour quelques-uns. J'ai écouté avec la plus grande attention — j'ai eu plus de plaisir que la première fois, mais le troisième acte m'a paru tout aussi froid et manqué, comme paroles et comme musique. C'est lui qui tue l'opéra et c'est pourtant précisément cet acte que les amis de Gounod s'obstinent à proclamer une œuvre de génie.— J'ai déjeuné chez lui le lendemain de *ma* première représentation de « Mireille » : hélas ! l'homme me déplaît plus que jamais. Il s'est entouré maintenant d'une atmosphère aussi impénétrable à la vérité que l'est celle qui entoure les rois, et puis cette vase de prêtre érotique qui remonte à la surface... Je ne puis digérer cela, et puis sa femme donc [4]! Mais il y avait à ce déjeuner une personne charmante et qui m'a parlé de vous : c'est Berthe de Besplas. Le malheur qui l'a frappée lui a ôté toutes les petites mignarderies d'autrefois : elle est très simple et très touchante. Elle est toute blanche et a même engraissé — le noir lui va très bien. Pauvre fille ! Elle m'a véritablement ému [5].

J'ai revu Chorley [6], qui est aussi bon et aussi bizarre que jamais.— Les Troubetzkoï ne sont pas tellement ruinés qu'ils ne puissent garder Bellefontaine [7] où ils vont se rendre dans deux ou trois semaines ; puis le papa Goudovitch a envoyé un peu d'argent, et le bon prince a pu me donner un dîner avec du vin rouge très ordinaire qu'il qualifiait de vin de *la Touche*, superfin. Il avait beau jeu avec un ignare tel que moi, qui entends pour la première fois prononcer ce nom. La princesse est charmante — Marianne aussi [8]: on vous aime beaucoup dans cette maison. Poupet vit toujours, Riza [9] dort roulée dans son fauteuil et il y a deux oiseaux à huppe rouge dans la cage !

Mme Miolhan [10] est parfaite dans Mireille : elle a des phrases adorables à dire : « Et moi, quand par hazard » ou encore « C'est aujourd'hui que l'église des saintes ». La farandole du 2-d acte est un chef-d'œuvre.

Le buste de Beethowen [11] part demain pour Bade. Je vous envoie aussi sous bande un petit récit à moi [12], inséré dans la « Revue des Deux Mondes » de 1858, dont je crois vous avoir parlé.— Et à propos de cela, il paraît que l'entretien de Lamartine sur moi va paraître prochainement [13].— Hein ? Quel honneur ? — Il faut que j'aille chez lui et lui dise... Je ne dirai rien, je me connais, je marmotterai quelque chose d'inintelligible [14].

Avez-vous eu des difficultés pour la prononciation du

texte allemand [15]? — Nous allons demain voir la maison de Passy [16]: il faut que ces dames y soient installées dès la fin du mois prochain. Le 1-er mai, je suis à Bade [17].— En attendant, je dis mille choses à tout le monde et vous baise tendrement les mains.

Der Ihrige
J. T.

1592. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21 марта (2 апреля) 1864. Париж

№ 5

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Samedi, 2 avril 64.

Chère et bonne Madame Viardot, j'ai loué un petit appartement à Passy, tout près de Mme Delessert et sur sa recommandation — pour mes deux dames [1].— Cet appartement est pris dès le 15 avril et elles y entrent le 1-er mai.— Je serai obligé de le meubler — mais cette dépense était inévitable et les meubles pourront servir plus tard, s'il y a mariage [2]. Mme Delessert me donne bon espoir : — il paraît qu'elle a trois prétendants sur le tapis : j'aurais préféré un seul, mais bon.— Enfin — nous verrons. Mme D⟨elessert⟩ voit beaucoup de monde, a des relations très étendues et s'est attachée à Pauline : tout cela peut mener à un bon résultat.— Je le répète : nous verrons !

Je pense presque constamment à cette pauvre Louise, j'espère que vous m'écrirez immédiatement après l'événement [3].— Je comprends que d'ici là vous ne pouvez songer à autre chose. A propos, avez-vous revu Mr de Seldeneck à Carlsruhe ? — Vous seriez bien aimable de m'envoyer un fragment d'un journal de Bade ou de Carlsruhe qui contiendrait un article sur « Orphée ».

Nous sommes allés, Fridolin et moi, voir « L'Ami des Femmes » d'A. Dumas [4].— Il est impossible de voir une pièce aussi invraisemblable, aussi mal faite — et il faut le dire, aussi cynique, mais il y a beaucoup d'esprit — trop d'esprit — et c'est amusant.— Mlle Delaporte est très bien dans le principal rôle : elle a beaucoup de talent et de naturel, Mlle Montelaud y montre aussi ses yeux invraisemblables avec des cils d'un kilomètre de longueur : les toilettes sont « renversantes », comme disent les gandins.

J'ai attrapé un assez gros rhume et je reste aujourd'hui tout le jour à la maison : je veux en profiter pour travailler

à mon article sur Shakespeare [5].— Ecrivez-moi votre opinion sur le petit récit que je vous ai envoyé : mais il faut vous prévenir que jamais peut-être ce pauvre Delaveau ne m'a abîmé plus complètement [6].— J'ai porté hier à la « Revue des Deux Mondes » « Le Novice » — j'aurai une réponse dans deux ou trois jours [7]. J'ai reçu une lettre de mon éditeur de Carlsruhe [8]: tout est en ordre. Oh ! Seigneur ! quand reverrai-je le cher pont sur l'Oos et la route et la chère vallée... Patience !

Héritte est-il arrivé [9]? Les deux chiens ne se sont pas entredévorés ? Et la Tonhalle [10] pousse-t-elle ? — Vous me parlez de neige... il n'y en a pas ici, mais la verdure ne vient guère. L'air est froid et maussade.

Mille amitiés à tout le monde, à commencer par Viardot ; j'embrasse les enfants et vous baise les mains bien tendrement.

Der Ihrige
J. T.

1593. А. И. ГЕРЦЕНУ

21 марта (2 апреля) 1864. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
Суббота, 2-го апр. / 21-го марта 1864.

Я долгое время колебался, вернувшись из России, писать ли тебе по поводу заметки в «Колоколе» о «седой Магдалине из мужчин, у которой от раскаяния выпали зубы и волосы» и т. д. Признаюсь, эта заметка, явно относившаяся ко мне, огорчила меня [1]. Что Бакунин, занявший у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомыслием поставивший меня в неприятнейшее положение (других он погубил вовсе),— что Бакунин, говорю, распространял обо мне самые пошлые и гадкие клеветы — это в порядке вещей — и я, зная его с давних пор, другого от него не ожидал [2]. Но я не полагал, что ты точно так же пустишь грязью в человека, которого знал чуть не двадцать лет, потому только, что он разошелся с тобою в убежденьях. Не далеко же ты отстал от покойного Николая Павловича, который [a] также осудил меня, не спросив даже у меня, точно ли я виноват [3]? Если б я мог показать тебе ответы, которые я напи-

[a] *Далее зачеркнуто:* точно

сал на присланные вопросы — ты бы, вероятно, убедился — что, ничего не скрывая, я не только не оскорбил никого из друзей своих, но и не думал от них отрекаться: я бы почел это недостойным самого себя [4]. Признаюсь, не без некоторой гордости вспоминаю я эти ответы, которые, несмотря на тон, в котором они написаны, внушили уважение и доверие ко мне моим судьям. Что же касается до письма к государю, которое ты представил в столь гнусном виде, то вот оно [5]:

Да; государь, который не знал меня вовсе — все-таки понял, что имеет дело с честным человеком — и за это моя благодарность к нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усомнились приписать мне подлость и разгласить это печатно. Если б я имел дело с прежним Герценом, я бы не стал тебя просить не употреблять моего доверия во зло — и тотчас же уничтожить это письмо: но ты сам спутал мои понятия о тебе — и я прошу тебя не наделать мне новых неприятностей: довольно и старых. Впрочем, самое это письмо доказывает, что мои чувства к тебе не совсем исчезли: Бакунина я бы не удостоил полусловом. Будь здоров.

Ив. Тургенев.

1594. ПОЛИНЕ ВИАРДО

22, 23 марта (3, 4 апреля) 1864. Париж

№ 6

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Dimanche, 3 avril, 1864.
11 heures du matin.

Chère Madame Viardot, la lettre que je viens de recevoir m'a consterné [1] — et j'ai immédiatement envoyé un télégramme à Mme Anstett avec réponse payée.— J'attends cette réponse avec une grande anxiété — j'espère qu'elle sera bonne et consolante, mais d'ici là je ne puis rien ajouter à cette lettre.— Pauvre amie ! comme je vous plains—et par quelles angoisses vous avez dû passer ! Et cette pauvre enfant ! Allons, je vais attendre.

1 $^1/_2$ h. La dépêche vient d'arriver, il n'y a rien de décidé, mais enfin les nouvelles ne sont pas mauvaises et je me sens un peu plus tranquille.— Quelle admirable

chose que ce télégraphe ! C'est une banalité, ce que je dis là — mais vraiment on ne peut pas s'empêcher de la dire. Cette négation de l'espace, cette main qu'on peut presser pour ainsi dire d'un bout du monde à l'autre,— c'est une merveille, ce sont là les seuls vrais miracles !

Lundi, 4 avril.

Je n'ai pas bougé de toute la journée et je me suis couché hier ou plutôt ce matin à 4 heures.— J'ai écrit une espèce de petite nouvelle intitulée « Le chien » [2], je la terminerai aujourd'hui. Ça a été une vraie rage : je crois que je suis resté à mon bureau plus de douze heures et ma plume courait comme si elle avait Mr Rey à ses trousses [3]. Cela m'arrive volontiers quand je suis inquiet intérieurement : j'ai écrit les 15 premières pages de l'« Antchar » [4], de cette nouvelle que vous m'avez rendue chère en voulant bien dire que vous l'aimiez — j'ai écrit ces pages à Pétersbourg pendant une nuit : j'étais revenu tard et j'avais trouvé mon domestique en proie à une violente attaque de choléra. Je m'empresse d'ajouter que dès le lendemain il était guéri — et j'ai continué ma veille.

Ce matin, la tête me fait un peu mal, et je vais sortir. J'ai reçu un billet de Mme Delessert avec teinte rosée — vous savez ce que cela veut dire [5].

Je viens de recevoir à l'instant votre billet d'hier : vous êtes bien bonne de me trouver bon ; l'envoi d'un télégramme était chose si naturelle, et cela m'a donné tant de tranquillité qu'en vérité [a] il ne valait la peine de s'en priver pour 12 francs. Avec tout cela je ne vois pas que vous m'annonciez l'arrivée d'Héritte avec Frisson.

Je vous écrirai demain ; en attendant, j'embrasse tout le monde en commençant par ma chère filleule [6], à laquelle je crie courage ! quoique je la sache vaillante — et vous serre bien cordialement les mains. Tâchez de ne pas trop vous fatiguer, pourtant !

Der Ihrige
J. T.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* cela

1595. П. В. АННЕНКОВУ

24 марта (5 апреля) 1864. Париж

Париж.
5-го апреля (24-го марта) 1864.

Любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, Вы, вероятно, вместо тоненького письма ожидали толстое — со вложением речи к шекспировскому празднику. И речь эта почти кончена [1] и была бы уже совершенно кончена теперь, если бы не случилось со мной странного обстоятельства, а именно: вдруг на меня нашел какой-то стих — и я, как говорится, не пимши, не емши — сидел над небольшим рассказом, который сегодня кончил и сегодня же прочел в маленьком русском обществе, причем получил необыкновенный успех. Вы не поверите, как бы мне хотелось сообщить эту штуку Вам; но для этого надо ее переписать, а на переписку потребно время, которого уже и так немного осталось для речи. Нечего делать, это только заставит меня поскорее отделаться от этой речи, которая, между нами сказать, пишется далеко не с тем рвением, с каким писался вышеупомянутый рассказ. Название ему довольно странное — а именно: «Собака»[2]. Вы получите его тотчас после речи.

А теперь опять комиссии. А именно: я с лишком две недели тому назад написал Кожанчикову, что, вследствие затруднения, встречаемого при заготовке бумаги, сроки поставки моего издания должны быть отдалены, а именно, вместо августа и ноября, я назначил сентябрь и январь [3]. Я просил его также написать об этом в Москву Салаеву — и требовал немедленного ответа; но ответ не воспоследовал. Сходите, пожалуйста, к нему и узнайте, в чем дело. Можете ему сказать, что я готов прибавить и этот последний рассказец не в счет абонемента, так как он, вероятно, явится в каком-нибудь журнале до января [4]. Я не могу предполагать, чтобы Салаев захотел мне делать неприятности, но все-таки спокойнее иметь ответ. Будьте благодетелем, осведомьтесь. Да, кстати, спросите Иогансена, отчего он мне не отвечает на мое письмо к нему? Дайте ему мой адрес, если он его затерял. Ламанский не подает знака жизни [5]. Гончаров мне пишет, что «Эпоха» еще не появлялась [6]: какая причина сему замедлению? Напишите мне, какие ходят теперь политические и литературные слухи в нашей северной столице? Прочел я вторую часть «Марева» и удивился бесцеремонности ав-

тора: вероятно, Вы не хуже моего узнали буквы, поставленные под цитированными письмами [7]. А бойко написано и интересно, хотя немного жидко.

Я здесь почти никого не видал и не увижу: мне теперь не до французов. Был в театре: хваленый «Marquis de Villemer» мало мне понравился [8]; всё это «с печатью тленья на челе»[9]! — В новой опере Гуно[10] есть вещи прелестные и нестерпимые; это далеко не «Фауст».

P. S. А первый № «Эпохи» все-таки пришлите, как только он выйдет,— на мой счет, разумеется. Неутомимый г. Боборыкин написал мне письмо, в котором просит моей речи в «Б⟨иблиотеку для чтения⟩», для чего и хочет узнать это через Вас [11]. Скажите ему, что я с большим удовольствием согласен.

1596. Е. Е. ЛАМБЕРТ

26 марта (7 апреля) 1864. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
Четверг, 7-го апр. / 26-го марта 1864.

Милая графиня, хотите Вы возобновить со мною переписку? Я бы очень этому был рад — и вообще не вижу причины, почему бы ей прекратиться. Я не очень часто видел Вас во время моего пребывания в Петербурге, но, я надеюсь, Вы могли убедиться, что чувства мои к Вам остались те же — и если они Вам показались как бы охладевшими, так это просто происходило оттого, что вся жизнь моя, всё мое существо потускнели. Я вообще до сих пор не изменял старинным своим связям, давней дружбе; было бы грешно — да и невозможно — начать с Вас. А потому, без дальнейших околичностей — приступаю.

Я приехал сюда через Баден, где я провел дней десять самым приятным образом. Оттого ли, что мои требования стали меньше, оттого ли, что там мое настоящее гнездо,— только я замечаю, что с некоторого времени счастье дается мне гораздо легче, несмотря на общее потускнение колорита, о котором я сейчас говорил. Хорошо мне там живется! — В Париже я застал предполагаемый брак моей дочери расстроенным: она вдруг не захотела выходить замуж за того господина [1] — и я, разумеется, не настаи-

вал: я вообще не создан повелевать — а в деле женитьбы это было бы совершенно бессмысленно. Я нанял ей и ее гувернантке хорошенькую квартерку, в Пасси — так как ни они не желают ехать в Баден, ни мне этого не хочется после испытания прошлогоднего сезона [2]. А выбрал я Пасси потому, что она там будет в соседстве очень доброй и почтенной дамы [3], знающей пол-Парижа, принимающей живое участие в Полине и обещавшей мне приискать ей жениха. Дай-то бог! А я начинаю терять надежду. Впрочем, в Пасси очень хороший воздух — и гулянья прекрасные: ей скучно не будет.

А я, как только устрою здесь свои делишки — опять в Баден, т. е. через две недели. Г-жа Виардо теперь в большой заботе: у ней дочь должна на днях родить [4] — и по всему видно, что роды эти будут очень трудны. Она не отходит от нее — и я беспрестанно об этом думаю.

Здоровье мое весьма изрядно; — а каково Ваше? Не поленитесь написать мне несколько слов. Хоть опять, пожалуй, побраните несчастные мои «Призраки». Повторяю: возобновимте нашу переписку.

Кланяюсь дружески Вашему мужу и крепко жму Вашу руку.

Любящий Вас
Ив. Тургенев.

1597. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28 марта (9 апреля) (?) 1864. Париж

№ 8

Paris.
Rue de Rivoli, 210.
Samedi, 10[a] avril 64.

Chère Madame Viardot, je reçois à l'instant vos deux lettres... Dans le premier moment, à les voir venir deux à la fois, j'ai cru à une solution... j'ai été vite détrompé! — Croyez-le, les souffrances morales dont vous parlez ne sont pas pour vous seule — et vous avez exprimé avec la plus grande exactitude la sensation pénible qui ne me quitte pas plus que vous [1]. Ah! ce sont de durs moments à passer — il faut tâcher de regarder en avant. — J'ai eu une inquiétude toute particulière, en me couchant hier vers 1 heure de

[a] *Так в подлиннике.*

la nuit: je ne serais pas étonné d'apprendre qu'à ce moment-là quelque chose de décisif se passait à Bade. Je suis très content de savoir le Dr Frisson chez vous. Dites à Viardot que je regrette beaucoup qu'il n'ait pu acheter quelques faisans, car j'ai de l'argent disponible, vu que le p⟨rin⟩ce Troubetzkoï m'a dépétré de Mons⟨ieur⟩ Bussière, sans qu'il m'ait coûté un sou. — C'est tout profit — et je serais tout prêt à reporter une partie de ces 1500 fr. sur *notre* chasse en vue de la perfectionner et de l'embellir. — Quant au «Novice», Mr de Mars l'a porté à Mérimée avec prière *de l'encadrer* [2]; je ne sais trop si Mérimée en a une grande envie; — dans ce cas je lui reprendrai la traduction pour la porter à Charpentier, qui je crois, ne demandera pas mieux. J'ai touché l'argent de Viardot chez Hachette, sans avoir vu Templier, qui ne se trouvait pas à la maison. Mr Lejeune aura ses deux livres; Aignan doit vous apporter un flacon d'odeur de violette de Legrand de ma part. J'ai parlé à Mr Richard des dentelles que vous avez fait remettre à sa fille : il m'a dit que je pourrai les emporter avec moi. J'ai relancé deux fois Mérimée pour le papa Richard; mais il paraît qu'il a à faire à forte partie : Taschereau qui le déteste, est appuyé par M. Moignard. Mérimée m'a pourtant promis de faire son possible.

J'ai dîné hier chez les Troubetzkoï : ils devaient partir aujourd'hui même pour Bellefontaine — mais le refroidissement subit de l'atmosphère, comme dit la princesse, qui ne quitte pas des yeux ni sa montre, ni son baromètre, ni son thermomètre, a fait remettre le voyage à mardi. J'y ai vu Mme Dubois : elle a joué du Chopin et du Schumann. C'est une charmante femme, mais que son jeu est fade, grand Dieu ! C'est comme du thé éventé. A propos de thé, le samovar est-il en bon ordre ?

Je cause de chose et d'autre... et toujours la *basse continue*... Mais il ne faut que je vous en parle: vous en avez aussi une et bien plus forte [3]! — Ces dames sont dans le feu de leur prochain déménagement, je leur ai déclaré que je comptais partir le 26, c'est-à-dire lundi en quinze. Jamais je n'ai eu un aussi vif désir de pousser le temps par les épaules pour le forcer à marcher. Mais il ne se laisse pas déranger, le bonhomme, en sa qualité de simple catégorie de notre esprit, comme dit Kant [4]!

On vous aime beaucoup à la rue de Clichy [5] et on prend le plus vif intérêt à Louise. — J'espère être bientôt en état de leur donner de bonnes nouvelles. — Faites mes amitiés à Héritte et à Frisson. J'embrasse les enfants à commencer

par Louise, que je traite ainsi en sa qualité de ma filleule, je donne un shakehands à Viardot et je baise avec tendresse vos chères mains. Il y a à la fin de votre lettre un : que ne puis-je ! auquel j'ai fait chorus de bien bon cœur... A bientôt.

Der Ihrige
J. T.

P. S. Ce petit serpent de Mlle Bramer était déjà venu : mais j'y ai mis bon ordre. J'ai parlé ferme — beaucoup plus ferme que l'on s'y attendait — et on obéira.

1598. ПОЛИНЕ ВИАРДО

30 марта (11 апреля) 1864. Париж

№ 10

Paris,
rue de Rivoli, 210.
Lundi, 11 avril 1864.

Chère Madame Viardot, pas de lettre *ce matin*, quand j'étais sûr d'en recevoir une[1]! J'avoue que cela m'effraie un peu et que cela m'ôte tout désir d'écrire, c'est-à-dire de parler de choses plus ou moins indifférentes... Dans quelle situation cette lettre vous trouvera-t-elle ? Je préfère attendre, quelquefois les lettres viennent plus tard et puis j'ai un vague espoir de télégramme[2].— Il est évident qu'en écrivant votre lettre d'hier, vous avez dû vous dire que j'en attendrai une autre le lendemain avec anxiété. Et rien ! J'attendrai.

1 heure.

Rien, ni lettre ni télégramme. Si cela continue ainsi, j'enverrai demain moi-même un télégramme.

Dans cette incertitude, je ne puis rien ajouter.— Je dis mille choses à tout le monde et je vous serre bien, bien fortement les mains.

Der Ihrige
J. T.

1599. А. А. ФЕТУ

31 марта (12 апреля) 1864. Париж

Париж.
Rue de Rivoli, 210.
Вторник, $\frac{\text{11-го}^{a}\ \text{апр.}}{\text{31-го марта}}$ 1864.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, надобно непременно нам возобновить нашу переписку; и не потому, что мы имеем пропасть вещей сообщить друг другу — а просто потому, что не следует двум приятелям жить в одно и то же время на земном шаре и не подавать друг другу хоть изредка руку. Вы только обратите внимание на следующий рисунок:

вечность ~~~~~~~~~~ а ~~~~~~~~~~ вечность...

Точка *а* представляет то кратчайшее мгновенье — ce raccourci d'atome, как говорит Паскаль [1] — в теченье которого мы живем; — еще мгновенье — и поглотит нас навсегда немая глубина нихтзейн'а[2]... Как же не воспользоваться этой точкой? Расскажу я Вам, что я делал, делаю и буду делать; — и жду от Вас, что Вы так же поступите со мною.

Покинув град Петров, я в Баден поспешил
И с удовольствием там десять дней прожил.
На брата посмотреть заехал я во Дрезден [3] —
(Как у Веригиной на нас с приветом лез Ден [4],
Вы не забыли, чай? Но в сторону его!) —
Я в Бадене, мой друг, не делал ничего —
И то же самое я делаю в Париже —
И чувствую, что так к природе люди ближе —
И что не нужен нам ни Кант, ни Геродот,
Чтоб знать, что устрицу кладут не в нос, а в рот.
Недельки через две лечу я снова в Баден; —
Там травка зеленей и воздух там прохладен —
И шепчут гор верхи: «Где Фет! Где тот поэт,
Чей стих свежей икры и сладостней конфет?
Достойно нас воспеть один он в состоянье...
Но пребывает он в далеком расстоянье!»

---

[a] *Так в подлиннике.*

Однако довольно дурачиться. Напишите мне, что Вы поделываете, чтó Борисов? Я от него получил очень милое письмо [5], на которое еще не ответил, но отвечу непременно. Боткин еще в Риме: но его сюда ждут на днях.— Весна у нас начинается — но как-то медленно и вяло; — дуют холодные ветры и не чувствуется никакой неги, той неги, которую Вы так прелестно воспевали.— Я откладываю свои работы до Бадена; но, кажется, я только самого себя обманываю. Здесь я написал только статейку, короче воробьиного носа, для предполагаемого праздника шекспировской трехсотлетней годовщины [6] — да еще рассказец, тоже прекоротенький, который я намахал в два дня [7]. Кстати, Вы должны сочувствовать шекспировской годовщине [8]; сделали бы и Вы что-нибудь!

Ну — а Степановка — всё на том же месте — и процветает? Чтó посаженные деревца? А пруд? Бог даст, всю эту благодать я увижу в нынешнем году. А пока будьте здоровы и веселы; дружески жму Вам руку и кланяюсь Вашей жене.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ I

26. АЛЕКСАНДРУ II

22 января (3 февраля) 1863. Париж

В⟨аше⟩ и⟨мператорское⟩ в⟨еличество⟩!
В⟨семилостивейший⟩ г⟨осударь⟩!

Уже два раза имел я счастье обращаться письменно к Вашему величеству * — и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно [1]; удостойте меня, государь, и на этот раз — своего высокого внимания.

Сегодня я получил через здешнее посольство предписание немедленно вернуться в Россию. Сознаюсь с полной откровенностью, что не могу объяснить себе, чем я заслужил подобный знак недоверия. Образа мыслей своих я никогда не скрывал, деятельность моя известна всем, предосудительного поступка я за собой не знаю. Я писатель, В⟨аше⟩ в⟨еличество⟩ — и больше ничего: вся моя жизнь выразилась в моих произведениях — меня по ним судить должно. Смею думать, что всякий, кто только захочет обратить на них внимание, отдаст справедливость умеренности моих убеждений, вполне независимых, но добросовестных. Трудно понять [a], что в то самое время, когда Вы, государь, обессмертили свое имя совершением великого дела правосудия и человеколюбия [2], трудно понять, говорю я, как может быть подозреваем писатель, который в своей скромной сфере старался, по мере сил, способствовать тем высоким предначертаниям. Состояние моего здоровья и дела́, не терпящие отлагательства, не позволяют мне вернуться теперь в Россию; а потому соблаговолите, в⟨семилостивейший⟩ г⟨осударь⟩, приказать выслать мне допросные пункты: обещаюсь честным словом отвечать на каждый из них немедленно и с полной откровенностью [3]. Верьте искренности моих слов, государь: к верноподданническим чувствам, которые мой долг заставляет меня питать к особе В⟨ашего⟩ в⟨еличества⟩, присоединяется личная благодарность.

---

* По делу Огрызко и по собственному (гоголевскому) делу.

[a] *Было:* думать

27. А. А. СУВОРОВУ

Около 25 января (6 февраля) 1863. Париж

(Черновое)

В⟨аша⟩ с⟨ветлость⟩
к⟨нязь⟩ А⟨лександр⟩ А⟨ркадьевич⟩.

Ваша светлость всегда были так добры и снисходительны ко мне [1], что своей добротой даете [а] мне смелость обратиться к Вам еще раз и просить Вашей помощи в довольно сложном деле. Я получил на днях [б] предписание вернуться немедленно в Россию для подачи показаний, как сказано в бумаге, мне сообщенной [в]. Признаюсь, я никак [г] не мог ожидать подобного [д] вызова именно теперь, [после того], как образ моих мыслей, и прежде мною никогда не скрываемый, [е] высказался [ж] так положительно и так ясно [з]. Я решился написать письмо императору [и], в котором прошу его сделать мне милость и приказать мне выслать обвинительные [к] пункты, на которые обязываюсь честным словом отвечать подробно и с полной чистосердечностью [л], [4]: мне это будет легко, потому что мне скрывать нечего. Мое здоровье,[м] брак моей дочери не позволяют мне теперь вернуться в Россию, а потому барон Будберг, которому я сообщил это письменно, одобрил мое намерение. Он сам пишет обо мне кн⟨язю⟩ Д⟨олгоруков⟩у [5]. Я объяснился с ним так же прямо [н] и честно, я представил ему фактические подкрепления моих слов и не могу довольно благодарить его за его внимание ко мне.

Позвольте мне также надеяться на Вашу светлость; замолвите за меня слово — слово князя Суворова.

А я могу Вас уверить, что я не недостоин Вашего участия.

Позднейшая надпись:

Письмо к Суворову по тому же поводу [6].

[а] *Вместо* что своей добротой даете *было:* что это дает [б] *Далее зачеркнуто:* совершенно для меня неожиданное [в] *Далее зачеркнуто:* Не говоря уже о том, что [г] *Далее зачеркнуто:* не воображал, что после [д] *Далее зачеркнуто:* знака недоверия [е] *Далее зачеркнуто:* так ясно [ж] *Далее зачеркнуто:* в прошлом году и навлек на меня столько нападений со стороны вероятно известных...[2] [з] *Далее зачеркнуто:* после того, как я чуть не официально разошелся в мнениях с людьми [3] [и] *Было:* государю [к] *Было:* допросные [л] *Было:* откровенностью [м] *Далее зачеркнуто:* ожидаемый [н] *Далее зачеркнуто:* откровенно

28. А. Ф. БУДБЕРГУ

2(14) сентября 1863. Баден-Баден

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
14-го сентября 1863-го г.

Милостивый государь!

Прошу Вас извинить невольное замедление моего ответа: Ваше письмо было адрессовано poste restante и, пролежав на почте несколько дней, только сегодня дошло в мои руки. Из него я могу заключить, что Сенат не удовлетворился объяснениями на предложенные мне вопросы, которые я послал через посольство [1]; но так как он требует моего возвращения не безусловно, а в случае, если состояние моего здоровья или дел моих не представит к тому препятствия, то я должен заметить, что именно эти две причины лишают меня возможности возвратиться теперь в Россию, даже на непродолжительное время: мне это будет легче сделать в ноябре [2], когда я поселю свою дочь в Париже и устрою ее положение. Притом считаю долгом заверить снова честью, что я сообщил в совершенной подробности все касающиеся до меня обстоятельства в моих ответах и что, следовательно, мое личное отсутствие не может затруднять производимое следствие о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами. В Париж я надеюсь прибыть недель через шесть и, разумеется, немедленно явлюсь к Вам.

Прошу Вас принять выражение чувств моей совершенной преданности и почтения.

Ив. Тургенев.

29. М. М. КАРНИОЛИНУ-ПИНСКОМУ

9(21) декабря 1863. Баден-Баден

Милостивый государь
Матвей Михайлович!

Мне приходится сообщить Вашему превосходительству факт, весьма для меня прискорбный. Я не могу явиться к сроку в Петербург [1] и даже не знаю в точности, когда я буду в состоянии это сделать. Незначительная боль в ноге, начавшаяся две недели тому назад, приняла такие размеры, что всякое движение стало мне невозможным, не говорю уже о путешествии. Прилагаемое свидетельство доктора, скрепленное нашим поверенным в де-

лах, г-м Столыпиным, служит тому удостоверением [2]. Я ждал до последнего дня в надежде на облегчение боли — но теперь я должен покориться необходимости. Считаю излишним уверять Ваше превосходительство, до какой степени это неожиданное препятствие меня огорчает. Мне особенно тяжело думать, что, по причине моей неявки, уже замедлилось и может еще замедлиться разрешение участи многих лиц, находящихся под судом [3]. А потому покорно прошу Ваше превосходительство, как председателя комиссии, вызывавшей меня в С.-Петербург, соблаговолить принять к сведению мое теперешнее заявление и дать делу, к которому я прикосновенен, законный ход. Спешу прибавить, что я, как только мне позволит моя болезнь, прибуду в Петербург [4] — и также готов по-прежнему дать полный и подробный ответ на всякий мне поставленный вопрос. Но повторяю, что отказываюсь от всякого дальнейшего снисхождения ко мне и покоряюсь заранее приговору закона.

Засим прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном уважении и таковой же преданности, с которыми честь имею пребыть

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Ив. Тургенев.

Баден-Баден.
Schillerstrasse, 277.
9/21-го декабря 1863.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

26а. АЛЕКСАНДРУ II

22 января (3 февраля) 1863. Париж

(Черновое)

В⟨аше⟩ и⟨мператорское⟩ в⟨еличество⟩
в⟨семилостивейший⟩ г⟨осударь⟩ [1]

Я уже дважды имел счастье обращаться письменно к Вашему величеству — и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно; удостойте меня, государь, и на этот раз своим высоким вниманием.

Я сегодня получил через здешнее посольство предписание возвратиться в Россию. Сознаюсь откровенно перед [а] В⟨ашим⟩ в⟨еличеством⟩ — что я не считал себя заслуживающим подобный знак недоверия. Образа мыслей своих я никогда не скрывал, [б] деятельность моя, вся моя жизнь известны и доступны каждому; но предосудительных поступков я за собою не знаю. Не могу же я предполагать [в], что в просвещенное царств⟨овани⟩е Вашего в⟨еличества⟩ одни сношения с товарищами юности [г], находящимися в изгнании, [д] считаются преступлением, [е] особенно когда эти сношения в последнее время состояли в постоянном [ж] противудействии тому, что в воззрениях этих людей [з] казалось мне ошибочным [и], [2].

[а] *Вместо:* Сознаюсь откровенно перед *было:* Нелицемерно сознаюсь, что [б] *Далее зачеркнуто:* смею думать, что он не безызвестен В⟨ашему⟩ в⟨еличеству⟩, в последнее время он навлек па меня нападения и именно со стороны людей, неприязненно расположенных к Вашему правительству, с которыми [в] *Было:* думать [г] *Было:* молодости [д] *Далее незачеркнутый вариант:* бывшими товарищами молодости [е] *Далее зачеркнуто:* тем более и [ж] *Было:* *а.* в одном *б.* в почти *в.* единственно в [з] *Вместо* людей *было:* бывших товарищей [и] *Далее зачеркнуто:* *а.* и вредным *б.* и ложным. *Рядом с текстом* Не могу же я ∾ мне ошибочным *вставка:* [В качестве литератора] я входил в сношения с разнообразными личностями, некоторые из них, которых я [знал в молодости] [оказались] находятся теперь в изгнании; [не только не] но могу сказать по совести, что все эти сношения были либо чисто личные, не политические, или носили характер [примирительный] примирения, противудействия и умеренности.

Состояние моего здоровья и семейные дела — ожидаемый брак дочери — не позволяют мне теперь вернуться в Россию, а потому[к] соблаговолите, в⟨семилостивейший⟩ г⟨осударь⟩, приказать мне выслать допросные пункты; обещаюсь честным словом немедленно отвечать на каждый[л] из них совершенно искренно ⟨?⟩; мне это будет очень легко, потому что мне скрывать нечего.[м]

Государь! верьте искренности моих слов. Я говорю нелицемерную правду[н] с истинно верноподданническим чувством[о] к Вашему величеству с тем ⟨?⟩ чуждым ⟨?⟩ лести ⟨?⟩ благоговением к В⟨ашему⟩ в⟨еличеству⟩, как освободителю миллионов моих сограждан, и с глубокой[п] личной благодарностью. В твердой надежде на правосудие царя ожидаю его решения.[р]

Позднейшие надписи:

Перед началом письма:

Письмо к государю по поводу вызова в 1863-м году.

В конце письма:

Это всё переделано.

[к] Состояние ∾ а потому — *вписано.* [л] *Далее зачеркнуто:* *а.* обстоятельно описав *б.* со всею откровенностью, что мне *в.* искренно — что мне сделать легко [м] *Далее зачеркнуто:* Мне горестно думать, что правительству, вступившему на поприще полезных преобразований, даже такие умеренные люди, подобные мне, могут казаться неблагонадежными,— и это в такую минуту, [когда они подвергаются ожесточенным нападениям противной стороны]. [И это случилось] И когда ⟨*3 нрзб.*⟩ я подвергаюсь нападениям с противной стороны: скажите, В⟨аше⟩ в⟨еличество⟩ [н] *Далее зачеркнуто:* с искрен⟨ним⟩ [о] *Далее зачеркнуто:* которое я питаю к Вам [п] *Было:* неизменной [р] *Рядом с текстом.* Государь ∾ его решения *вставка:* Я всей душой предан делу благоразумной свободы, всестороннему и правильному развитию общественных и народных сил; [но именно в силу этих моих убеждений я питаю] с этими убеждениями ⟨*2 нрзб.*⟩.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

1. РАСПИСКА М. Л. НАЛБАНДЯНУ

1(13) июня 1862. Петербург

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что я занял у Михаила Лазаревича Налбандова 300 р. сер., которые обязуюсь возвратить ему через три месяца от нижеписанного числа.

Иван Тургенев.

С.-Петербург.
1-го июня 1862 г.

2. РАСПИСКА РУССКОМУ ПОСОЛЬСТВУ В ПАРИЖЕ

22 января (3 февраля) 1863. Париж

Я, нижеподписавшийся, даю сию расписку в том, что о содержании отношения Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел от 24 декабря 1862 года за № 208 императорским посольством в Париже мне объявлено.

Париж, января 22-го дня 1863 г.

Иван Тургенев.

3. В СЕНАТСКУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

22 марта (3 апреля) 1863. Париж

Ответ
на вопрос № 1-й.

Я, дворянин Тульской губернии, отставной коллежский секретарь, называюсь Иван Сергеев Тургенев, имею от роду 44 года, живу теперь в Париже, rue de Rivoli, 210, исповедую православную веру, был у исповеди и причастия в Петербурге, в Москве и в деревне, находился около двух лет на службе в Канцелярии министра внутренних дел, при графе Перовском, не получил на службе ни знаков отличия, ни выговоров; за мною недвижимое

имение, населенное 1900-и крестьянами. Я женат не был — но имею дочь, которой теперь 21-й год.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос № 2-й.

Отвечать с должной подробностью на предлагаемый вопрос — перечислить *всех* моих знакомых, вспомнить время и образ нашего сближения, определить мои сношения с ними — решительно превосходит силы моей памяти. А потому полагая, что речь идет преимущественно о поименованных ниже лондонских изгнанниках, ссылаюсь на мой ответ на следующий пункт.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос № 3-й.

Я знаком с Герценом, Огаревым и Бакуниным; г. Кельсиева я вовсе не знаю — и никогда не видал. С Герценом и Огаревым я познакомился в Москве около 1842-го года; с Бакуниным я познакомился еще ранее — а именно в 1840-м году, в Берлине. В то время мы оба занимались изучением философии — и, прожив в одном доме, почти в одной комнате, около года, не рассуждали о политических вопросах, считая их делом посторонним и второстепенным. После этого я потерял его из виду — встречался с ним изредка за границей — а в 1848-м году в Париже, во время февральской революции, в которой он играл некоторую роль, не был у него ни разу и видел его только однажды на улице. Дальнейшая участь его известна; увиделся я с ним снова в мае месяце прошлого года в Лондоне, куда ездил на три дня. Я никогда не разделял его образа мыслей и не участвовал ни прямо, ни косвенно ни в одном из его предприятий.

С Огаревым я никогда не был близок и мало говорил с ним. Герцена я знал хорошо и находился с ним в приятельских отношениях. Я долгое время не прерывал с ним связи, хотя знал, что он действует против правительства; нечего прибавлять, что я не принимал никакого участия в этих действиях, будучи, по самому существу своему, врагом всего, что походит на заговор, и т. п. Но я сознаю необходимость объяснить мои сношения с ним, — начну с начала.

Я познакомился с Герценом, как уже сказано, в сороковых годах. Рассказать подробно историю последних двадцати лет — было бы неуместно и затруднительно; но всякому русскому известно, какой громадный внутренний переворот совершился у нас в течение этого времени. Тогдашнее молодое поколение, к которому принадлежали Герцен и я и многие другие — живые и мертвые — имело общие интересы, стремилось к одним и тем же целям, из которых некоторые, как напр.: освобождение крестьян, уже достигнуты — и спешу прибавить, достигнуты под руководством и по указаниям самого правительства; но с течением времени, под влиянием совершавшихся событий, перемены царствования, большей зрелости общественного мнения и гражданских убеждений — та сплошная масса молодого поколения, о котором я говорил, стала понемногу разбиваться, разделяться на группы; одни, усталые, остались назади; другие, нетерпеливые, ушли вперед — и так далеко вперед, что потеряли из виду самую Россию; иные, наконец, сделались добровольными изгнанниками. В числе их, как известно, находится Герцен. Оставляя родину в конце 1846-го года, он уже находился в разладе со всей умеренной, династически-либеральной партией, из которой я, напр., могу назвать покойного Грановского.— В России до 1846-го года я виделся с Герценом весьма редко: я только что начинал тогда свое литературное поприще, и вопросы чисто политические занимали меня мало. Я встретился с ним в Париже в самый разгар 1848-го года: зрелище, представляемое тогда Европой, сильно потрясло меня, но и тут я оставался только зрителем поднявшейся бури — да и сам Герцен находился тогда как бы в бездействии: о пропаганде, о влиянии на русскую публику не было и речи: нужно было сперва понять, куда шла, чего хотела история. Насколько это ему удалось — или, говоря правильнее,— как мало это ему удалось — можно видеть в его сочинениях; но возвращаясь в Россию весной 1850-го года, я оставлял его политическим писателем, чем-то средним между теоретиком и скептиком, но уже никак не пропагандистом, не проповедником социализма и восстания у нас.— Шесть лет, проведенных мною в России, окончательно решили мою судьбу: я сделался писателем; писателем — и больше ничем. Я понял, что я призван, по мере сил моих, действовать гласно, действовать словом и образами — и я постоянно трудился на этом поприще — быть может, не без пользы.— Когда в 1856-м году я снова приехал за границу — в Лондоне

уже второй год издавался «Колокол»[1]; — но Герцен всё еще не вступал безвозвратно на дорогу, которая окончательно привела его к одиночеству, в котором он теперь находится, к полному *разъединению* со всеми его бывшими друзьями. Он тогда еще только отрицал и обличал: отрицание его было резкое, часто необдуманное — обличение часто несправедливое; но он в душе своей еще верил в возможность правильной и спокойной будущности для России, скорбел о том, что он считал ошибками правительства, радовался его успехам. Я увидел его в Лондоне — и хотя я уже *тогда чувствовал*, какая глубокая черта меня от него отделяла — однако я не признавал ни необходимым, ни даже полезным прекратить с ним сношения, несмотря на то, что эти сношения часто выражались в одних спорах. Герцен все-таки был представителем известных сил и направлений русской жизни, русского ума. Но время шло — и всё стало изменяться. Теряя более и более понимание действительных нужд и потребностей России, которую он, впрочем, никогда хорошо не знал, увлекаясь более и более старыми предубеждениями и новыми страстями, враждуя с правительством даже в таком святом деле, каково было освобождение крестьян, подчинившись наконец тем самым учениям, от которых здравый смысл отводил его некогда, Герцен перестал отрицать и начал проповедывать — преувеличенно, шумно, как обыкновенно проповедуют скептики, решившиеся сделаться фанатиками.— Реже и реже видаясь с ним в течение последних семи лет (с осени 1860-го года до нынешнего времени я провел с ним всего три дня в мае месяце прошлого года) — я с каждой встречей становился ему более чуждым. И не я один, все прежние его товарищи — один за одним от него отвернулись. Они не изменяли своим старинным, задушевным убеждениям: но Герцен, сделавшийся республиканцем и социалистом, Герцен, подпавший под влияние Огарева, не имел уже решительно ничего общего ни с одним здравомыслящим русским, не разделяющим народа от царя, честной любви к разумной свободе от убежденья в необходимости монархического начала.— В мае месяце прошлого года я видел Герцена в последний раз (он тогда уже прочел «Отцы и дети»)[2], и наши личные сношения прекратились. Глубоко раздражаемый чувством своего одиночества, ослаблением своего значения, всеобщим осуждением бывших друзей, которое он называл изменой, Герцен утратил почти всю свою силу, самый блеск своего бесспорно замечательного таланта. Мнение

его обо мне, как об охладевшем эпикурейце и человеке отсталом и отжившем, выразилось в письмах, озаглавленных: «Концы и начала». Я ему отвечал с беспощадною искренностью...[3] Теперь всё это стало для меня невозвратным прошедшим.

Я объяснился с полной откровенностью,— что же мне еще остается ответить на сделанный мне вопрос? Если одни сношения, какого бы роду они ни были, с политическим преступником, с изгнанником считаются преступлением в глазах правительства — то я виноват — и меня следует наказать. Но я надеюсь, что судьи мои, до произнесения приговора, примут в соображение то обстоятельство, что я был представителем события, совершившегося над целым поколением, события, которому само правительство не может не сочувствовать — а именно: отрезвления и успокоения умов, происходящего от удовлетворения законных требований;— я надеюсь, что мои судьи вспомнят, что сношения, в которых меня обвиняют, носили в последние годы характер полемики, борьбы — и что заслуга борьбы с направлением, вредным для государства, не уменьшается от того, что эта борьба и независима и бескорыстна.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос № 4-й.

Все показания г. Налбандова в этом вопросе [4] совершенно справедливы — и я могу прибавить к ним некоторые подробности и объяснения. Бакунин, во время своей бытности в Сибири, женился на дочери чиновника в Иркутске, польской уроженке. При своем бегстве из Сибири летом 1861-года, он принужден был оставить ее в Иркутске — и прибывши в Лондон, начал хлопотать о том, как бы ее выписать, если не за границу, то по крайней мере в Тверскую губернию, в деревню Прямухино Торжковского уезда, где живет его семейство, состоящее из нескольких братьев и сестер. Но к исполнению этого намерения представлялись важные затруднения. Не говоря уже об отдалении Лондона от Иркутска и о невозможности прямых сообщений — жена Бакунина не имела денег для совершения столь продолжительного путешествия — и имела долги; притом же сам Бакунин не был уверен в том, захотят ли его братья и сестры принять ее к себе в дом, так как свадьба его была им, как он полагал, непри-

ятна. К довершению всего, двое из братьев Бакунина — Николай и Алексей — содержались в Петропавловской крепости по делу адресса тверских дворян [5].—Увидавшись со мною в мае месяце прошлого года в Лондоне, Бакунин обратился ко мне с самой настоятельной просьбой помочь ему в этом деле, и я не отказал ему. Я не отказал ему, между прочим, и потому, что окончательно разошелся с ним во всех моих убеждениях. Я видел перед собою не политического изгнанника, с которым уже давно не имел ничего общего — а человека в горе, старого товарища молодости, помочь которому предписывало сострадание и не запрещала совесть. В том же самом мае месяце и по тому же поводу я познакомился в Париже с г. Налбандовым, виделся с ним раза три или четыре, а разговаривал с ним исключительно о средствах переселения жены Бакунина из Сибири в Тверскую губернию.— По приезде в Петербург я прежде всего желал удостовериться, точно ли семейство Бакунина не хочет принять его жены к себе в дом: для этого мне нужно было видеться с братьями Бакунина, заключенными в крепости. Без разрешения санкт-петербургского генерал-губернатора, князя Суворова, это было невозможно. Я прямо обратился к князю, откровенно объяснился с ним — и князь, взявши с меня слово, что разговор мой с братьями Бакунина будет касаться одних частных дел, дал мне возможность видеться с ними в крепости. Они немедленно объявили мне свою готовность принять к себе жену брата; оставалось доставить ей денежные средства перебраться из Иркутска в Тверскую губернию. Средств этих в то время у Бакунина не оказалось: я предложил свои — и вместе с полученными от г. Налбандова 300 р. с.[6] доставил своих 200 р. жене третьего брата Бакунина, Павла, находившейся тогда в С.-Петербурге. Деньги эти, сколько мне известно, были доставлены жене Бакунина в Иркутск — и сама она, кажется, недавно переехала в Тверскую губернию. Я тогда же отправил Бакунину письмо, в котором уведомил его *об всем*, что было сделано для его жены. На этом дело — для меня — остановилось. Самой жены Бакунина я никогда не видал и не имел с нею никаких сношений. Впрочем, приложенное мною письмо Бакунина ко мне подтверждает всё вышесказанное [7].

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос № 5-й.

Г-н Ничипоренко был у меня в Париже прошлой весной — раз или два — никак не более — и мог встретиться у меня с г. Налбандовым, который около того времени заходил ко мне. О передаче карточки я ничего не знал — но невероятности в этом нет [8]. Г-н Налбандов был мне известен как знакомый Бакунина, взявший к сердцу дело его жены. Могу уверить (и г. Налбандов подтвердит мои слова) — что в наши весьма немногочисленные свиданья речь исключительно шла о семейных делах Бакунина и не касалась политики. Г-на Ничипоренко я знаю еще менее. Я его встретил мельком в России года три тому назад [9]. Прошлой осенью я, к удивлению своему, прочел в каком-то немецком журнале, что г. Ничипоренко был арестован в Италии как агент Бакунина: не могу судить, насколько это справедливо — но могу утвердительно сказать, что я только тогда узнал, что г. Ничипоренко занимается пропагандой. Вообще же я должен заметить, что лондонским изгнанникам, не прекратившим со мною частных связей — мой образ мыслей был хорошо известен; а потому — когда им случалось адрессовать соотечественников ко мне, преимущественно как к литератору, они оставляли в стороне политические вопросы.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос № 6-й.

В дополнение к моему ответу на 4-й вопрос присовокупляю, что я действительно обещал Бакунину сумму денег, частью на переезд его жены из Сибири в Тверскую губернию, частью на собственные его расходы. Впрочем, эта сумма не так значительна, как он ее показывал [10]. Я ему обещал 3500 франков — а выдал в действительности около 1000 франков да 500 рубл. сер., т. е. около 1800 франков, послал из деревни жене Павла Бакунина. Не могу не прибавить, что, по-моему, большая или меньшая значительность суммы в этом случае не имеет никакой важности — так как вся эта сумма назначалась для цели домашней, частной и выдавалась единственно из чувства сострадания, воспоминаний молодости и т. п. Я уже

объяснил выше, что и 500 руб., пересланных мною Наталье Семеновне Бакуниной, назначались на тот же предмет.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос № 7-й.

Из ответов моих на предыдущие пункты и из копий с собственноручных писем Бакунина[11] видно, я надеюсь, с достаточной ясностью, что единственные отношения между нами состояли в моем обещании доставить его жене возможность вернуться из Сибири в Тверскую губернию — да в личном вспомоществовании ему. Легко может статься, что Бакунин, чрезвычайно озабоченный участью своей жены и огорченный молчанием своих родственников, имел в мыслях дать мне нечто вроде словаря, или условного ключа, для облегчения мне возможности писать на его имя письма; я даже припоминаю, что во время свиданья со мною в мае месяце прошлого года в Лондоне он говорил мне, что в случае надобности можно назвать жену его одним мужским именем, а город Иркутск, где она тогда находилась, другим мужским именем; я соглашался с ним, хотя и не видел в этом особенной необходимости; — но, во всяком случае, Бакунин не исполнил своего намерения и не дал мне никакого пространного словаря, хотя, по-видимому, писал об этом г. Налбандову[12]. Да и на что было ему давать такой словарь человеку, про которого он сам писал, что он принадлежит к «противному лагерю», с которым он решился прекращать всякие политические споры, как ни к чему не ведущие, и т. п.[13]? Повторяю, он мог иметь намерение сообщить мне ключ, или словарь, для облегчения переписки об его жене — но этого намерения он не исполнил; а я, как выше сказано, обошелся без всякого ключа и написал ему письмо, в котором прямо рассказал всё, что было сделано для его жены [14].

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на пункт 8-й.

С г. Серно-Соловьевичем я виделся всего два раза, в течение нескольких минут в его магазине, в С.-Петербурге. Я с ним не был знаком лично и обратился к нему как к книгопродавцу и издателю. Одна знакомая мне дама поручила мне продать рукопись сочиненной ею детской книжки под

заглавием: «Дневник девочки». Г-н Серно-Соловьевич, к которому я пришел после отказа двух или трех других книгопродавцев, купил у меня эту рукопись и напечатал ее впоследствии вместе с моим предисловием [15]. Помнится мне, что кто-то поручил мне — в 1861-м или 1862-м году — передать г. Серно-Соловьевичу небольшой пакет, содержание которого мне было неизвестно; весьма может быть, что этот пакет был мне передан г-м Ничипоренко, которого я видел, в числе многих других русских, у себя на квартире, в Париже [16]. Такого рода поручения (доставление пакетов, писем и т. п.) даются почти каждому русскому, возвращающемуся из-за границы на родину. Мне совершенно неизвестно, о какой денежной части говорил Герцен г-ну Ничипоренко [17]; что же касается до фонда для русских политических изгнанников — или на так называемое «общее дело» — то о нем часто упоминается в «Колоколе»: в одном из Nомеров издатели, между прочим, жалуются на незначительность собираемых сумм [18]. Собственно я в этот фонд денег не вносил — ни своих, ни через мои руки присланных — и вообще я об этом фонде имею только те сведения, которые можно почерпнуть из «Колокола». Повторяю, что с г. Серно-Соловьевичем я разговаривал только о «Дневнике девочки» — да и самый пакет, сколько мне помнится, вручил не ему, а одному из его приказчиков в магазине.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

Ответ
на вопрос 9-й.

Из ответов моих на сделанные мне вопросы всякий может заключить, что я, по глубокому чувству убеждения, всегда чуждался и чуждаюсь всякого рода пропаганды, особенно тайной; вижу в ней положительный вред и важное препятствие к успешному ходу народного развития и самой свободы. Всякий мрак мне ненавистен: мрак заговоров не менее других. Всё, что я делал до сих пор, совершалось заведомо для каждого, открыто и ясно, при солнечном свете: ни один добросовестный писатель не может действовать иначе. Смею прибавить, что мне нет никакой причины, ни даже выгоды сойти с дороги, по которой я шел до сих пор. Вследствие этого мне остались совершенно чужды все сношения, которые могут существовать между русскими пропагандистами и их единомышленниками в России и за границей; — и я с совершенно спо-

койной совестью объявляю заранее, что никогда и нигде не откажусь от моего имени — потому что мое имя не встретится там, где бы мне следовало от него отказаться.

Мне остается присовокупить, что я не имею никакой причины к отстранению кого бы то ни было из подписавших данные мне вопросы или долженствующих меня судить.

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

При сем прилагаются копии четырех писем ко мне г. г. Бакунина и Герцена [19].

Коллежский секретарь и дворянин
Иван Сергеев Тургенев.

4. В СЕНАТСКУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

7(19) января 1864. Петербург

Тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, января 7-го дня, я, нижеподписавшийся, явился в присутствие Первого отделения 5-го департамента Правительствующего сената, выслушал высочайшее его императорского величества повеление о предании меня суду Сената; причем вычитаны были мне данные мною на предложенные вопросы ответы [1], которые я ныне утверждаю. На господ сенаторов графа Димитрия Анд⟨реевича⟩ Толстого и Карла Карловича Венцеля [2], имеющих судить дело мое, подозрений не имею. Во время производства дела моего обязуюсь без разрешения Правительствующего сената из Санкт-Петербурга не отлучаться. Жительство имею в гостинице «Франция», у Полицейского моста. К сему объявлению отставной коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев руку приложил.

5. В СЕНАТСКУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

13(25) января 1864. Петербург

1864-го года, января 13-го дня, в присутствии 1-го отделения 5-го департамента Правительствующего сената, я, нижеподписавшийся, по сообщении мне тех мест в показаниях г.г. Налбандова и Ничипоренко, в которых упоминается мое имя, имею объяснить следующее в дополнение прежде представленных мною ответов:

В показаниях г. Налбандова я нашел нового — против присланных мне запросов — только упоминовение

моего свидания с маркизом де Траверсе. Я действительно виделся с маркизом де Траверсе два раза по тому же делу доставления жене Бакунина денег и ни о чем другом с ним не говорил. Он, сколько мне помнится, дал сто рублей и сообщил мне адресс г-жи Бакуниной, жены Павла Александровича Бакунина, через которую деньги были посланы в Иркутск. На листе 31-м г. Налбандов упомянул было о получении через меня какого-то письма Бакунина, но потом сам вычеркнул мое имя, вспомнив, что это письмо было вручено ему маркизом де Траверсе. Мне остается подтвердить это показание в том смысле, что собственно я ничего не знал об этом письме. Сверх того, я должен повторить уже объясненное мною в моих ответах: Бакунин действительно выражал мне свое желание снабдить меня словарем [1] для облегчения мне переписки о его жене, о ее путешествии из Сибири в Тверскую губернию и т. п. Но этого словаря он мне не дал; — и если писал об этом — то либо память ему изменила, либо он действовал в силу неизвестных мне целей.

Что касается до показания г. Ничипоренка, то в пополнение моих прежних ответов имею сказать следующее:

Я г-на Ничипоренка видел всего два раза: летом 1860-го года у себя в деревне, в Орловской губернии [2] — а потом в 1862-м году весной в Париже. В деревню он ко мне заехал (как он это сам показывает на листе 59-м), временно проживая в гостях по соседству и желая со мной познакомиться. Я нашел в нем человека молчаливого и малоинтересного; посещение его продолжалось весьма недолго — и он уехал, не высказав никаких своих убеждений. Я совершенно забыл о его существовании, когда он явился ко мне в Париж — и тут наше свидание продолжалось еще менее и было еще незначительнее. Я собирался ехать в Россию, и он просил меня передать небольшой пакет г. Серно-Соловьевичу [3]. В г. Серно-Соловьевиче, с которым я вовсе знаком не был, я мог видеть только книгопродавца и не имел никакого понятия об его политических воззрениях — а в г-не Ничипоренке я имел перед собой человека, почти мне незнакомого, политические воззрения которого мне были также совершенно неизвестны и которому приходилось оказать небольшое одолжение, весьма обыкновенное при отъезде русских из-за границы. Вообще весь этот факт, по своей незначительности и обыденности, до того мало следа оставил в моей памяти, что я, по справедливости, мог написать в своих прежних ответах, что не

помнил хорошенько, от кого именно получил я этот пакет. По прибытии моем в Петербург я передал его даже не самому г. Серно-Соловьевичу, а одному из его приказчиков — и, помнится, тут же подписал небольшую сумму в пользу пострадавших от пожаров (дело происходило в мае месяце 1862-го года) на листе, выставленном от имени того же самого г-на Серно-Соловьевича. Нечего прибавлять, что я не знал и не любопытствовал знать содержание врученного мне пакета, в котором, как видно из слов г-на Ничипоренка, содержались запрещенные бумаги.

Остается мне упомянуть о письме Герцена, найденном (см. лист. 412-й) у неизвестного мне г-на Владимирова, в котором он — Герцен — просит выслать деньги на его имя в Лондон или на мое в Париж [4]. Я утверждаю честным словом, что ни денег никаких не получал, ни Герцен не просил меня об этом. Он и не нуждался в подобной просьбе, справедливо предполагая, что, если бы я получил деньги на мое имя для доставления *ему* — я бы их не задержал и препроводил бы их по адрессу. Но повторяю: денег я никаких не получал и вообще в первый раз об этом слышу. В так называемом *русском фонде*, известном мне единственно по «Колоколу», нет ни моих, ни присланных через меня денег, подтверждаю это вторично моим честным словом [5]. Что в сем объяснении на первой странице сверх строки написано: «виделся» — и на второй странице в виде выноски прибавлено: «весьма недолго — и он уехал, не высказав никаких своих убеждений. Я совершенно забыл об его существовании, когда он явился ко мне в Париж — и тут наше свидание продолжалось» — то верно. К сему объяснению коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев руку приложил [6].

6. ПОДПИСКА, ДАННАЯ КАНЦЕЛЯРИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

4(16) февраля 1864. Петербург

1864 г., февраля 4 дня, я, нижеподписавшийся, даю сию подписку Канцелярии с.-петербургского военного генерал-губернатора в том, что в случае требования Правительствующего сената я обязуюсь немедленно явиться в оный из-за границы, где буду проживать или в Бадене, или в Париже.

Отставной коллежский секретарь
Иван Тургенев.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ II

30. ДОВЕРЕННОСТЬ Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

3 (15) февраля 1862. Париж

Милостивый государь
Николай Николаевич!

На основании ст. 24-й Правил о порядке привед⟨ения⟩ в действ⟨ие⟩ Положения, доверяю Вам составить на точном основании Правил, изложенных в положениях о крестьянах, уставную грамоту по имениям моим Тамбовской губернии Елатомского уезда, сел Почкова, Неплюева и Сасова, где следовать будет вместо меня подписываться и в установленный срок оную грамоту представить на утверждение местному мировому посреднику.

С истинным почтением и совершенною преданностию остаюсь Вашим покорнейшим слугою

Иван Сергеев Тургенев, коллежский секретарь.

Что сие верющее письмо действительно подписано рукою Ивана Сергеевича Тургенева, в том удостоверяю надворный советник Николай Сергеев Тургенев. Удостоверяю в том же мировой посредник мценский помещик гвардии подпоручик Николай Шеншин.

Февраля 3-го дня
1862

Сие верющее письмо принадлежит гвардии штабс-ротмистру Николаю Николаевичу Тургеневу.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

1276. Фанни Тургеневой (с. 14)

С французского:

С истинным удовольствием принимаю, сударыня, приглашение, которое вы были так добры передать мне, и буду точен.

Примите уверение в моей преданности.

И. Тургенев.

Суббота утром.

1277. Полине Тургеневой (с. 14)

С французского:

Посылаю тебе мою рукопись, которую прошу тебя передать г-ну Делаво [1]; попроси его не растерять листы рукописи, которые совсем не держатся. Я не буду обедать у г-на Тургенева [2], потому что у меня сильные колики; впрочем, это — пустяк, но я не могу есть.

И. Тургенев.

1282. Фридриху Боденштедту (с. 19)

С французского:

Париж,
24 февраля 1862.

Я не писал вам до сей поры, потому что все поджидал той минуты, когда я смогу наконец сообщить вам что-нибудь о рукописи, посланной вами в редакцию «Современника»; но мне ничего не дают знать об этом, и я снова отправил туда письмо, настоятельно требуя ответа [1]. Спешу вместе с тем поблагодарить вас за прелестный подарок, мне сделанный. Франк передал мне ваш восхитительный перевод сонетов Шекспира, и вот уже три дня, как я погружен в волны поэзии, которая ныне забыта и которую вам дано было воскресить. В другой раз я поделюсь с вами впечатлением, которое она на меня произвела, теперь же только хочу сказать вам спасибо. Некоторые из этих сонетов проникают прямо в душу и там остаются; по нежности, силе и свежести они несравненны... Впечатление, что это *перевод*, совершенно исчезает: ваши стихи льются с изумительною легкостью, и лишь потом начинаешь думать с удивлением о трудностях, которые вы преодолели [2].

Не подлежит сомнению, что этой книге уготован огромный успех, и я присоединяю мои похвалы ко всем тем, которые вы уже слышали и которые вам предстоит еще услышать [3].

Я проживу еще месяца два или три в Париже и буду в Мюнхене проездом в Россию — как в прошлом году, но остановлюсь там на более продолжительное время [4]. Я не очень-то много работал с тех пор, что я здесь. Мой роман появится в Москве в «Русском вестнике» [5].

Вы будете очень добры, если отправите мое прилагаемое при сем письмецо г-ну Паулю Гейзе [6]. Прошу вас также засвидетель-

ствовать мое почтение семейству Хилковых. Кланяйтесь от меня, пожалуйста, всем вашим и примите уверение в чувствах искренней привязанности и уважения преданного вам

И. Тургенева.

Улица Риволи, 210.

1283. Паулю Гейзе (с. 20)

С французского:

Париж,
24 февраля 1862.

Мой дорогой господин Гейзе,

Я должен начать с извинения, что пишу по-французски: вам известно, что я знаю немецкий язык, но мне легче писать по-французски.— Боденштедт, вероятно, передал вам мою благодарность за ту честь, которую вы мне оказали, посвятив мне том ваших прелестных повестей; я знаю также, что вы были так добры и послали его мне в Россию; однако я получил его только здесь и, прочитав, ощутил желание еще раз поблагодарить вас за милое посвящение и за то удовольствие, какое мне доставило это чтение [1]. Эти маленькие рассказы преисполнены поэзии, изящества, тонкости и правды; они гармоничны и трогательны; в них обнаруживается глубокое знание человеческого сердца и столь же большая любовь к нашему бедному человечеству,— две вещи, которые должны бы всегда сочетаться, но так редко встречаются вместе. Последняя новелла «Auf der Alp» [a, 2] особенно поразила меня какой-то здоровой свежестью, наполняющей ее, а также четкой и смелой обрисовкой характеров. Я уже рекомендовал весь том вниманию наших русских переводчиков [3]. Еще раз — спасибо и браво!

Надеюсь, что вы здоровы и что ваше пребывание в Меране принесло пользу вам и вашей семье. Я уверен также, что вы много работали — недаром вы немец; между тем как я, будучи славянином, ничего не делал, стало быть, мы будем наслаждаться результатами вашего труда. Рассчитываю быть в Мюнхене весною и проведу там с неделю [4].

Примите мое крепкое рукопожатие и уверение в чувствах моей искренней симпатии и преданности.

И. Тургенев.

P. S. Если вздумаете мне писать,— что мне будет очень приятно,— пишите по-немецки. Я проживаю на улице Риволи, 210.

1287. Кларе Тургеневой (с. 22)

С французского:

Милостивая государыня,

М-ль Жюльена Орвиль сообщила мне, что она будет иметь удовольствие посетить вас в *понедельник* вечером. Моя дочь и я будем ее сопровождать.

---

[a] «На альпийском лугу» *(нем.)*.

Примите уверение в моей симпатии и преданности.

И. Тургенев.

Четверг утром.

На конверте:

Госпоже Тургеневой.
Лилльская ул., 97.
Париж.

1320. С. П. Шевыреву (с. 60)

С французского:

Милостивый государь,

Позвольте мне рекомендовать вам моего друга, господина де Турнефора, который провел несколько лет в России, занимаясь педагогической деятельностью. Он уехал оттуда лишь потому, что не мог вынести петербургского климата, но он оставил там по себе самые приятные воспоминания и сам сохранил от своего пребывания там наилучшее впечатление. Он был бы рад поступить на службу в какое-нибудь русское семейство в качестве учителя или гувернера, и я был бы счастлив предоставить ему подобную возможность, тем более что таким путем я смог бы оказать настоящую услугу семейству, которое согласилось бы его принять [1]. Он превосходный знаток литературы, а его характер и убеждения делают его как нельзя более пригодным для роли педагога. Надеюсь, милостивый государь, что вы поможете мне со свойственной вам благожелательностью и что, если вам известно какое-нибудь семейство, которое ищет учителя, вы порекомендуете ему г-на де Турнефора; вы можете сделать это со спокойной совестью [2]. Я буду вам за это весьма признателен и одновременно прошу вас принять уверение в моем самом глубоком уважении.

И. Тургенев.

Париж, 1 мая 1862.

1330. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 66)

С французского:

Париж.
Воскресенье.
25 мая 1862.
Улица Риволи, 210.

Ну что же, мои дорогие путешественницы, как совершили вы ваше путешествие? [1] Надеюсь, что всё прошло очень хорошо и что письмо это застанет вас *snugly* [a] устроившимися во Флоренции. Вы знаете, что если будет слишком жарко, вы сможете отправиться в Лукку на берег моря, где приятная прохладная температура. Посылаю вам также письмо Биксио [2] к маркизу Ридольфи [3], которым вы можете воспользоваться при случае. Одновременно посылаю вам адрес г-жи Виардо, если он вам понадобится: в Бадене (Баден-Бадене) — В⟨еликое⟩ герцогство Баденское, Вилла Монтебелло [4]. Я не выехал, как предполагал, в субботу: Париж

---

[a] уютно *(анг.)*.

я покину *непременно* завтра утром [5]. Напишу вам из Петербурга.
А пока обнимаю вас,— т. е. обнимаю Полину и жму руку г-же Иннис — и говорю вам до свидания.

И. Тургенев.

1334. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 68)

С французского:

Берлин,
4 июня 1862.
Среда.

Мои дорогие путешественницы, я пишу отсюда [1], между тем как вы, вероятно, предполагаете, что я уже давно в России. Дело в том, что я подхватил грипп, как раз когда должен был выехать из Парижа, и потому остался там еще на неделю [2]. Сейчас я совсем здоров и собираюсь выехать из Берлина сегодня вечером, чтобы отправиться прямо в Петербург, куда приеду, даст бог, послезавтра и откуда напишу вам прежде чем двинуться в Спасское [3]. Я получил о вас известия от госпожи Гарсиа [4] и знаю, что вы здоровы. Беспокоюсь о вас из-за жары, но, полагаю, вы приноровитесь.

Надеюсь, что найду от вас письмо в Спасском. А пока шлю вам тысячу приветов, тебя же, Полинетта, обнимаю.

Ваш
И. Тургенев.

1342. Полине Виардо (с. 71)

С французского:

Спасское,
6/18 июня 1862.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я приехал сюда вчера вечером и не знаю, как вас благодарить за те два письма [1], что я нашел на своем столе. Мне показалось, что мое старое гнездо озарилось светом. Благодарю вас еще раз; думаю, что и вы были бы довольны, увидав мою радость. Однако половина одного из этих писем состоит из упрека, который я действительно заслужил: речь идет о моем отъезде из Парижа [2]. Я думал, что будет лучше не говорить вам о том, что я остаюсь еще на один день с моим толстым соотечественником [3]: ведь я знал, что смогу вернуться только поздно вечером, а уеду на другой день в 6 часов утра... Что ж, за это я был наказан, что не мешает мне просить вас не обижаться на меня за этот *преднамеренный* проступок. Уверяю вас, больше это не повторится.

Theuerste Freundinn [а], я очень рад, что пребывание в Баден-Бадене вам по душе. Уверен, что и вам и вашим детям будет там хорошо во всех отношениях. (Прилагаю ответное письмо для Диди. [4]) Нет надобности говорить вам, что я задержусь здесь ровно настолько, насколько это будет необходимо — можете ждать меня, si Dios quiere [б], к концу августа [5]. Я нашел всех моих домашних

[а] Самый дорогой друг *(нем.)*.
[б] если богу будет угодно *(исп.)*.

в добром здравии — дядя отправился в одно из моих имений, чтобы отдать необходимые распоряжения — я жду его послезавтра. Дела идут неплохо, и урожай обещает быть хорошим. А вот в Петербурге положение серьезное. Там царит настоящая паника, благодаря распространению безумных прокламаций [6], пожарам, очевидно предумышленным, но которые, на мой взгляд, ошибочно связывают с этими самыми прокламациями: надо надеяться, что император сохранит довольно хладнокровия, чтобы не поддаваться советам людей, подталкивающих его к реакции. Народ приписывает эти пожары студентам и господам, то есть дворянам; но это весьма опасно, и в настоящий момент император является нашим якорем спасения [7].

Но довольно о политике. Уже несколько дней стоит чудесная погода, и сад в Спасском совсем зазеленел. Думаю, однако, что это не идет в сравнение с Баден-Баденом. Соловьи уже не поют, и охота еще не начиналась. Я чувствую, что нахожусь здесь лишь временно, и это будет мешать мне работать, то есть писать. Мой последний роман [8] наделал здесь много шума, оттого что появился в такое время. Главный его герой — молодой человек передовых взглядов; я попытался представить конфликт двух поколений и оказался в центре их беспощадной борьбы. Ругательства и, надо признаться, похвалы сыплются в изобилии; подчас я не знаю, кого слушать. Мне делали комплименты, причинявшие боль, и, с другой стороны, критические замечания, доставлявшие радость [9]. Молодежь большей частью несколько раздражена против меня; она, подобно хорошенькой женщине, желает, чтобы ее считали очаровательной с головы до пят. Но все это уладится. Вы прочтете эту вещь в течение зимы и скажете свое мнение, которое, по крайней мере с моей стороны, обжалованию не подлежит.

Ваша фотография по-прежнему составляет мое счастье; если это возможно, пришлите мне фотографию Диди. Я сделал глупость, не прихватив ее с собой — Диди или фотографию? Это маленькое существо имеет надо мной власть... которая не осталась для нее незамеченной. Я не осмеливаюсь произнести, что целую ей ручки, но делаю это. Что же до вас, тут совсем другое дело, я это и говорю и делаю. Берегите себя, будьте здоровы и тогда я увижу всех вас, всех без исключения, потолстевшими и похорошевшими. Я написал В⟨иардо⟩ из Москвы и выслал ему 200 франков [10]. Получил ли он их? Передайте ему тысячу приветов, как и всем остальным. Будьте очень, очень, очень счастливы и до свидания. Да хранит вас бог и еще раз спасибо.

Der Ihrige [а]
И. Т.

P. S. Обещаю писать вам часто — хотя бы раз в неделю. Читали ли вы «Героев» Карлейля [11], «Очерки» Маколея [12], «Тома Джонса» Филдинга [13]? Я очень рекомендую вам труд по геологии с рисунками Бернарда Котта [14]. В следующем письме дам вам еще несколько указаний. Прощайте. O wie gut, und lieb und theuer Sie mir sind [б]!

[а] Ваш *(нем.)*.
[б] О как вы добры, любимы и дороги мне! *(нем.)*.

1344. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 75)

С французского:

Спасское.
8/20 июня 1862.

Ну вот наконец я добрался сюда, мои дорогие путешественницы, и был очень обрадован, найдя здесь ваше письмо из Флоренции. Вижу с удовольствием, что ваше путешествие, как кажется, до сих пор совершается под счастливой звездой и что вы хорошо чувствуете себя в этой итальянской семье, которую прошу вас сердечно приветствовать от моего имени. Нужно надеяться, что и дальше всё пойдет хорошо, что вам не будет слишком жарко и что, когда мы все снова соединимся, нам придется только радоваться тому, как хорошо мы провели эти 4 месяца разлуки.

Я нашел здесь всех своих [1], за исключением дяди, который поехал осматривать одно из моих имений [2] и которого ждем сегодня или завтра. Я прибыл сюда не один. Со мной приехал Боткин. Он очень тронут, что вы его не забыли, и просит передать вам тысячу приветов. Его здоровье стало гораздо лучше. И я своим тоже доволен. У меня еще не было времени как следует ознакомиться с состоянием моих дел — я жду для этого дядю; но я уже видел достаточно, чтобы убедиться в том, что нам необходима большая — именно большая — экономия — much economy [а] — molto (или ta?) economia [б]. Предупреждение для *одной* из читательниц.

Итальянская половина твоего письма, моя дорогая Полинетта, меня очень порадовала; я не хочу этим сказать, что не был доволен его английской частью — я хочу сказать, что я в восторге от твоих успехов. Сам я был бы не в состоянии достичь и половины этого. Продолжай в том же духе — это будет великолепно. Вы очень хорошо сделали, что не теряли времени и уже взяли фортепиано. Повторяю, я вижу с радостью, что ваша жизнь во Флоренции начинается так удачно. Постарайтесь извлечь из нее возможно больше пользы. Несмотря на несколько мрачную картину, нарисованную вами, дорогая госпожа Иннис, картину, которую я не нахожу преувеличенной, но которая является неизбежным следствием всяких столь решительных перемен, я уверен, что ничто не нарушит вашего отдыха [3].

Прощайте; знайте, что ваши письма всегда будут доставлять мне величайшее удовольствие и что я буду исправно на них отвечать. Очень нежно целую мою дорогую дочку и крепко жму руку г-же Иннис. Будьте здоровы.

И. Тургенев.

P. S.— Предупреждаю вас, что никогда не следует беспокоиться из-за писем — или, вернее, из-за их опоздания — почта в наших краях очень плохо налажена. Ваше письмо добиралось до меня целых *20* дней!

[а] большая экономия *(англ.)*.
[б] большая экономия *(итал.)*.

1347. Полине Виардо (с. 78)

С французского:

Спасское,
13/25 июня 1862.

Я *стараюсь сдержать* свое обещание [1], дорогая госпожа Виардо; одна только неделя прошла со времени моего последнего письма [2], а я снова пишу вам, хотя вы легко можете себе представить, что события совершаются здесь отнюдь не со скоростью вихря. Посмотрим, однако, и начнем по порядку:

1) Мой дядя все еще не вернулся, и я пока не смог поговорить о делах. «Поговорить о делах» означает преимущественно «просить денег», а мне они понадобятся недель через пять, если я хочу прогуляться с Диди в окрестностях старого замка в 20-х числах августа [3].

2) Гости мои уехали [4] — и я не слишком на них за это сердит: чтобы работать, мне необходимо поскучать, а чтобы не скучать, мне необходимо работать. Пьер Леру сказал бы, что это *circulus* [а, 5].

3) Вот уже несколько дней дует ужасный ветер — и всякий раз, как я поднимаю глаза к окну, я вижу длинные ветви берез, которые колышутся и в отчаянии сплетаются; это напоминает волосы дриад, развевающиеся от *дуновения аквилонов* [6]; это из области мифологии — но все-таки грустно.

4) Прошлой ночью сторожевой пес, молодое и сильное животное, был найден мертвым. Вот большой и важный вопрос! Умер ли он естественной смертью — или был убит вором, который таким образом облегчил себе путь к нашим сокровищам? Если в ближайшие дни нас обворуют, этот вопрос будет разрешен утвердительно; если же нет, то возникает другой вопрос: может ли пес умереть скоропостижно? Я склонен предложить этот вопрос парижской Академии медицины, пообещав вознаграждение в 5 франков автору самого научного решения. Сестра жены моего дяди [7] много плакала по этому поводу. Это превосходное существо — и увы, старая дева, чья затаенная и нерастраченная нежность (послушайте! я хочу, чтобы В. Гюго побледнел от зависти [8]) — чья нерастраченная нежность начинает сочиться сквозь трещины сердца, едва только огорчение коснется острием своим гладких его перегородок. Что означает «гладкий»? Вот уж не знаю, но слово хорошо вписывается во фразу и, надеюсь, оно достаточно пристойно. В любом случае это, должно быть, нечто вроде «полштофа моря». Припомните игру слов в одном слове и поищите в словаре [б].

5) Старуха крестьянка пришла просить какого-нибудь лекарства для дочери, у которой нога искривилась после припадка эпилепсии, случившегося в *марте месяце*. Она не подумала прийти раньше, *но* давала ей святой воды. Святая вода будет существовать и через десять тысяч лет после Вольтера! Но будет ли через десять тысяч лет существовать наша планета? Напишут ли: 11 862 год? Это кажется невероятным, но меня утешает, что даже в 11 862 году будут есть с помощью рта, обонять с помощью носа — и никому

[а] *Здесь*: круговорот *(лат.)*.

[б] Игра слов в выражении «poisson de mer» (буквально: «морская рыба») заключается в двойном значении слова «poisson»: «рыба» и единица измерения жидкости, примерно равная двум пинтам или полуштофу.

не удастся изобрести ничего лучшего, чем быть молодым, любить и говорить об этом.

Вот, кажется, я и выдохся. Решительно, ничего больше не произошло... Правда, вчера, когда я заметил большущего паука, который *захватил* в свои сети осу и собирался ее съесть, меня *захватил* такой прилив отвращения, что я раздавил оба этих мерзких существа... Но можно ли это считать событием? И если да, то имел ли я право восставать против незыблемых законов природы и вмешиваться столь решительным образом, словно имел дело с мексиканцами [9]? Еще один важный вопрос! (Я не решил его и поныне.) Но, сказал бы немец, мое эстетическое чувство было оскорблено! (По правде говоря, судороги осы и сученье паучьих лапок являли собой отвратительное зрелище.) Да, ответил бы англичанин, может быть, но по какому праву, «with what right» [в], вы прервали эти две жизни — или, вернее, одну из них, поскольку другая была совсем уж на исходе? По праву сильного, воскликнул бы француз, кое-что смыслящий в делах такого рода, француз, который готов отдать все ради сильного правительства [10].— По этому поводу надо было бы посоветоваться с Гарибальди, заметил бы итальянец. А я, будучи русским и желая выпутаться из этого клубка противоречий, восклицаю: Да здравствует Гарибальди! и этим все сказано [11]. Нет, не все сказано, так как мое сердце трепетало, и я добавляю: Да здравствуют дорогие обитатели виллы Монтебелло [12]!

Надеюсь написать вам более вразумительное письмо на следующей неделе; но либо я жестоко ошибаюсь, либо вы должны прочитать между строк даже этого письма, насколько сердце мое полно вами и насколько все мои мысли о вас. Целую вас всех (Диди особо) и с нежностью пожимаю обе ваши руки. Надеюсь, что м-ль Жюльена [13] с вами! Viele Grüsse [г].

Der Ihrige [д]
И. Т.

P. S. Фотографию Диди, пожалуйста! Что до вашей, то я смотрю на нее по меньшей мере три раза на дню.

1353. Полине Виардо (с. 83)

С французского:

Спасское.
27 июня / 9 июля 1862.
Среда.

Я твердо решился выполнить мое обещание, theuerste und beste Freundinn [а], а потому пишу вам сегодня (уже в 4-й раз с тех пор, как я здесь) [1]. Завтра я отправляюсь на тетеревиную охоту за сто верст отсюда и вернусь лишь дней через десять [2]. Через месяц я покидаю Спасское и пробуду в Петербурге ровно столько времени, сколько потребуется для получения паспорта [3].

Здоровье мое изрядное, я пью очень много Виши, *здесь* дела

[в] по какому праву *(англ.)*.
[г] множество поклонов *(нем.)*.
[д] Ваш *(нем.)*.
[а] самый дорогой и лучший друг *(нем.)*.

идут неплохо, а вот в Петербурге и в Варшаве они идут очень плохо. Покушение на великого князя Константина исполнило негодованием всю страну. Это была бы огромная потеря для всех здравомыслящих людей. Эта несчастная Польша — камень на нашей шее — я должен был бы сказать, на совести, как кошмар [4]. За грехи отцов воздается до седьмого колена, гласит Библия [5], которая на сей раз столь же верна, сколь и жестока.

Реакция в Петербурге все более усиливается [6] и, к несчастью, она до некоторой степени оправданна. Правительство временно запретило три газеты или, вернее, три журнала [7], один из которых («Современник») был основан 14 лет назад моими друзьями (среди них — Белинский). В течение 13 лет я был постоянным сотрудником этого журнала, и хотя последнее время он на меня сильно нападал, я не могу не пожалеть о его закрытии [8]. Надо признать, что он стал весьма неосторожен. Я думаю, что правительство для начала могло бы ограничиться предупреждением, но, очевидно, эти пожары, прокламации, покушения и козни вызвали всеобщее помрачение умов. Будем надеяться, что император останется неколебим.

Ну ладно, довольно о политике. О чем же рассказать вам? О дожде... не могу добавить: и о прекрасной погоде, поскольку у нас ее вовсе не было. Это обещает нам хороший урожай, согласно немецкой поговорке: «Mai Kalt und Juni nass — füllt dem Bauer Scheune und Fass» [б], но это не радует. Лишь бы установилась хорошая погода с 15 августа! Я только и думаю о Баден-Бадене и о той жизни, которой мы там заживем. Это так прекрасно, что иногда я боюсь, что это не сбудется. Но я не хочу предаваться грустным мыслям.

У моего дяди две дочери, старшей из них 9 лет, младшей — 7. Они довольно милы, но настолько избалованы, что стали совершенно — не хочу сказать лживыми — но вздорными. Все, что их окружает, существует лишь для них [9]. Это очень вредно для ребенка. Свобода, любовь необходимы, но необходимы также чувство долга и уважение к другим. Как, например, у вас! Ведь правда, таких детей, как ваши, немного, а другой Диди нет в целом свете. Не читайте ей этого: ей нет нужды слышать эти слова, чтобы знать, что я ей принадлежу, но тогда она надела бы на меня ошейник, как на Фламбо, и хуже всего, что я бы на нее не рассердился.

Полагаю, что Виардо сейчас должен быть в Эксе: передайте ему самые лучшие мои пожелания. Тысяча приветствий также Луизе, Жюльене [10], тысяча поцелуев детям. Что до вас, то прошу у вас позволения очень нежно поцеловать ваши руки. Будьте здоровы и да благословит вас бог!

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Со многими ли вы видетесь в Баден-Бадене? Там ли Штокхаузен? [в] Lebewohl und auf Wiedersehen[г].

[б] Холодный май и сырой июнь наполняют доверху гумно и винную бочку крестьянина *(нем.)*.

[в] Далее зачеркнута фраза по-немецки, не поддающаяся прочтению.

[г] Всего хорошего и до свидания *(нем.)*.

1354. Полине Тургеневой (с. 85)

С французского:

Спасское.
27 июня / 9 июля 1862.

Моя дорогая Полинетта, я получил вчера твое письмо, помеченное Ивановым днем — т. е. 24 июня; оно было в пути 15 дней — это еще довольно быстро — и отвечаю немедленно. Я очень огорчен, что вы еще не получили от меня известий — я вам писал дважды после моего возвращения в Россию — один раз из С.-Петербурга и один раз отсюда [1]; надеюсь, что в конце концов мои письма дойдут до вас. Я очень рад, что тебе нравится во Флоренции — и что ты не таешь от жары; здесь слово *жара* производит странное впечатление — у нас в течение месяца были только ветер, дождь и холод. Надеюсь, что вы и дальше будете чувствовать себя хорошо и делать всякого рода успехи: *лингвистические* и прочие.

Что касается меня, то пока я очень доволен своим здоровьем. Здешний воздух очень хорош, и я пью очень много Виши. Дела также идут не слишком плохо: всё устраивается и образуется понемногу [2]. Дела в Петербурге идут не так хорошо; из газет вы могли узнать кое-что об этом [3] — но не следует забывать, что газеты всегда преувеличивают.

Завтра я выезжаю на охоту, которая продолжится дней десять; по возвращении напишу еще. А пока нежно тебя целую и говорю тебе до свидания; оно состоится довольно скоро.

Твой отец И. Тургенев.

P. S.— Итак, с *Ним* покончено? А поцелуй папаши на твоем челе — с этим что ты сделаешь [4]?

1356. Жюлю Этцелю (с. 86)

С французского:

Для г. Этцеля [1].

Спасское.
9/21 июля 1862.

Сударь,

Я был далеко отсюда, на охоте, и только вчера, вернувшись, получил письмо, которое вы отправили с г. Депре [2]. Спешу сообщить вам, что с большим удовольствием принимаю ваше предложение [3]: переводить Перро — это подлинно счастливый случай, и вы можете уведомить г. Вольфа, что я за это берусь. Я рассчитываю повидать его, когда буду проездом в С.-Петербурге — недели через три или четыре; не смею надеяться, что смогу завершить к тому времени перевод произведения, хотя и небольшого по объему, но требующего много труда. (Я сказал, что переводить П⟨ерро⟩ — счастливый случай,— быть может, это также и опасность.) Так или иначе, работа моя будет окончена до наступления осени [4]. Я намереваюсь провести месяц в Баден-Бадене, прежде чем

возвратиться в Париж, что произойдет приблизительно в конце сентября. Итак, я говорю — да, и одновременно говорю — спасибо.

Дружески жму вам руку.

И. Тургенев.

Вот мой адрес (на всякий случай): Орловская губерния, город Мценск.

1357. Клоди Виардо (с. 87)

С французского:

Спасское,
10/22 июля 1862.

Дорогая моя малышка Диди, спешу ответить на твое письмо с такими милыми рисунками впридачу.— Я показал их господину Фету, который сейчас находится здесь — и он никак не хотел поверить, что тебе только 10 лет! Надеюсь, что мой приезд в Баден-Баден, который ты так хорошо изобразила, состоится вскоре [1], быть может, с меньшей пышностью, но наверняка именно с таким количеством объятий и изъявлений радости — во всяком случае, с моей стороны.

Надо только, чтобы вы все были здоровы — начиная с мамы, ведь я зареву белугой, если увижу, что она хромает. Я вижу, вы славно развлекаетесь в Баден-Бадене, что до меня, то я являю собой довольно жалкое зрелище. Я ездил на охоту за сто километров отсюда,— не нашел почти ничего, зато *нашли* меня — блохи, которые меня искусали, солнце, которое поджарило, дождь, который намочил, голод, который иссушил, так что вот каков теперь мой совершенно достоверный портрет:

(Рисунок)

Ну что, не хочешь ли такого вот Дон-Кихота в качестве будущего мужа!

Но, как бы там ни было, этот Дон-Кихот безумно тебя любит, обнимает что есть силы и говорит: до скорой встречи.

Твой
И. Тургенев.

P. S. Поцелуй за меня: 1) Луизу; 2) Жюльену [2]; 3) Марианну; 4) Поля; 5) самое себя, с помощью зеркала; 5)[a] Фламбо [3].

1363. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 93)

С французского:

Спасское.
$\frac{12}{24}$ июля 1862.

Мои дорогие путешественницы, извините, если я напишу вам сегодня всего несколько строк: я очень занят — но не хочу оставить без ответа те большие и хорошие письма, которые вы мне написали. Я очень рад, что вы здоровы и что вам по-прежнему нравится во Флоренции: это чудесно. Что до меня, то дела мои идут довольно хорошо и мое здоровье также. Черт возьми, Поли-

[a] *Так в подлиннике.*

нетта, на каком великолепном итальянском языке ты мне пишешь! Я подозреваю, что в этом есть нечто от Scaramucci,[a, 1] — но, как бы там ни было, я очень доволен. Что до того, не останешься ли ты старой девой, то это зависит немного от тебя и во многом от провидения. Будем надеяться, что оно не припасло для тебя такой обиды. А пока что работай усердно и наслаждайся всевозможными красотами, какие представляются твоему взору; но наслаждайся обдуманно: это единственный хороший способ и единственный, который оставляет глубокие следы.

Г-н Виардо, по всей вероятности, написал тебе; с ним произошел несчастный случай: он поранил ногу, что заставило его пролежать в постели около двух недель.

Графиня Ламберт уехала в Эмс; Ольга потеряла отца (ему было 92 года) — впрочем, она чувствует себя хорошо. Боткин уехал из Спасского после довольно долгого пребывания здесь. Он просит передать вам тысячу добрых пожеланий.

Вы очень добры, дорогая госпожа Иннис, что беспокоитесь обо мне. Но кроме скорби, которую каждый добропорядочный русский человек должен чувствовать при виде бедствий, причиняемых безумцами или преступниками [2], со мной не случилось ничего огорчительного. Не знаю, для чего предназначает небо те *таланты*, которые вам угодно предполагать во мне — но вы можете быть уверены, что между добросовестным, хотя и пылким либерализмом и кровавыми безумствами демагогии лежит не одна пропасть — и, разумеется, уж не я буду когда-либо пытаться их перешагнуть.

Я не знаю другого средства добиться возможности посмотреть виллу Демидова [3], как обратиться к тому господину, для которого я переслал вам письмо от Биксио [4].

У нас здесь погода холодная и дождливая — очень подходящая для земледелия и очень неприятная для прогулок. Я съездил на охоту — довольно далеко и безуспешно.

Посылаю вам несколько *марок* [5]. Сердечно жму вам руку и целую Полинетту так же.

И. Тургенев.

1364. Полине Тургеневой (с. 94)

С французского:

Спасское.
$\frac{17}{29}$ июля 1862.

Моя дорогая Полинетта,

Не прошло еще и недели, как я тебе писал [1] — и если я пишу сейчас, то не потому, что могу сообщить тебе что-нибудь новое — я хочу предупредить тебя, что покину Россию раньше, чем предполагал. Я уеду отсюда через две недели. Впредь — и до моего предупреждения — пиши мне до востребования в Баден-Баден (Великое герцогство Баденское). Одновременно прошу тебя сообщить мне твое окончательное мнение о г-не Онсезе (я подозреваю, каково оно может быть, это мнение) — потому что я получил от него письмо на 4 страницах, очень учтивое и тщательно написанное, в котором он говорит о самом себе как о *человеке, который*

---

[a] Скарамуччи *(итал.)*.

пребывает в ожидании. Так как было бы несправедливо и дальше *водить за нос* этого молодого человека — поскорее напиши мне *нет*, которое я передам ему, всячески позолотив пилюлю. Или, может быть, ты влюблена в г-на Онсеза?

Г-н Онсез пишет, что г-жа Гарсиа окончательно и навсегда обосновалась в Брюсселе [2]. Я уже давно это предвидел.

До свидания, дорогая Полинетта; обнимаю тебя и сердечно жму руку г-же Иннис.

Твой отец
И. Тургенев.

1381. **Жюлю Этцелю** (с. 106)

С французского:

Баден-Баден.
9 сентября 1862.
Амалиенштрассе, 337.

Сударь,

Я знаю г-на Вольфа лишь через вас, и естественно, что мой перевод предназначается для вас и принадлежит вам на правах собственности. Я вручу вам его в Париже в первых числах октября вместе с бумагой, подтверждающей ваше исключительное право на него, и вы поступите с ним, как вам будет угодно [1].

Что же до г-на Вольфа, то это, по-видимому, хитрый малый, с которым можно иметь дело, лишь памятуя русскую пословицу: «дружить — дружи, а камень за пазухой держи».

Тысяча приветов и поклонов.

И. Тургенев.

1388. **Полине Тургеневой** (с. 114)

С французского:

Баден-Баден.
Амалиенштрассе, 337.
8 октября 1862.

Моя дорогая девочка, я получил твое письмо и письмо г-жи Иннис. Постарайтесь отделаться от грязи, которую оставили наши предшественники [1]. Я вернусь в Париж самое позднее через неделю — но вы будете знать точно день и час. Надеюсь, что вы навестили этих дам из пансиона [2] и Тургеневых [3], если они в Париже. Пришлите мне адрес г-жи Рашет, которую я вам рекомендую как очень добрую и милую особу. Скорее возьмись снова за фортепиано; скажи г-же Иннис, чтобы она сделала необходимые покупки — а если не хватит денег, так только напишите: я вам их немедленно вышлю.

Итак, через неделю! Сколько будет тогда крепких объятий — а пока будьте обе здоровы.

И. Тургенев.

P. S. Не забыли ли вы зайти к моему сапожнику?

1393. **Э. Ф. Раден** (с. 119)

С французского:

Сударыня, я только что вернулся с охоты и не имею возможности воспользоваться приглашением, которого меня удостаивает

великая княгиня. Благоволите передать ее высочеству выражение моей благодарности, равно как и сожаления, и прошу вас принять уверение в моей искренней симпатии и преданности.

И. Тургенев.

Воскресенье,
6 1/2 ч. вечера.

На конверте:

Госпоже
баронессе фон Раден
в гостинице «Англия».

1394. **Э. Ф. Раден** (с. 119)

С французского:

Любезная баронесса,

Уже половина девятого, а я только что вернулся с охоты, на этот раз совершенно измученный — и мне было бы невозможно исполнить желание великой княгини, тем более что время, назначенное ее высочеством, уже прошло. Благоволите передать ей мою чувствительную благодарность и сожаление, вы же примите уверение в моей искренней преданности.

И. Тургенев.

Пятница.

1395. **Полине Тургеневой** (с. 120)

С французского:

Баден-Баден.
Суббота, 25 окт.
2 часа 1/2.

Дорогая Полинетта,

Я выезжаю не сегодня, а завтра утром в 8 ч. 20 м. и прибуду в Париж, если бог даст, к 9 ч. вечера. Итак, не беспокойтесь и до свидания завтра.

И. Тургенев.

1397. **Фридриху Боденштедту** (с. 121)

С французского:

Париж.
19/31 октября 1862.
Улица Риволи, 210.

Любезный господин Боденштедт, я приехал в Париж два дня назад, и мне передали письмо, написанное вами в мае месяце и оставшееся до сих пор по необходимости без ответа, так как оно не застало уже меня здесь. Я отправился в Россию, не имея, к большому моему сожалению, возможности проехать через Мюнхен. Теперь я возвратился на зимнюю квартиру и спешу возобновить нашу переписку.

Не могу прежде всего не поговорить с вами о переводе моей повести «Фауст» [1], хотя это и немного эгоистично с моей стороны. Я только что прочел его и был буквально в *восторге* — он просто

прекрасен. (Говорю, разумеется, о переводе, а не об оригинале.) Недостаточно знать в совершенстве русский язык — надобно еще самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто в столь высокой степени удачное. Этот счастливый случай разлакомил меня — и вот что я решаюсь предложить вам. Мне было бы весьма приятно познакомить немецкую публику с моими произведениями через столь превосходного и широко известного посредника, каким являетесь вы — и если бы вы согласились выбрать некоторые из моих повестей с тем, чтобы издать их, я был бы очень рад предоставить в ваше распоряжение ту сумму, которую вы сочтете достаточным вознаграждением за ваш труд, ибо я отлично знаю, что современные издатели весьма мало расположены ко всему русскому и самое большее — согласились бы принять на себя лишь типографские расходы. Если эта мысль покажется вам приемлемой, черкните мне об этом словечко [2].— Что до меня, то я мог бы охотно затратить на это до тысячи талеров. Это не будет слишком много за возможность получить одобрение такой *публики*, как ваша. В любом случае, вы были бы очень любезны, если б сообщили мне ваше мнение об этом.

Что касается злосчастной статьи, посланной вами в Петербург, то это совсем иное дело. Надобно сознаться, что в этом случае нам не повезло [3]. В течение одного года смерть похитила у этого журнала («Современника») его двух наиболее влиятельных редакторов [4], двое других заключены в тюрьму (Чернышевского будет судить Сенат) [5], наконец, издание журнала приостановлено на 8 месяцев, что равносильно закрытию его навсегда [6]. В его *бумагах* всегда был некоторый беспорядок — теперь это совершеннейший хаос — и я весьма опасаюсь, что статья ваша не отыщется. Тем не менее и в настоящее время один из моих приятелей деятельно занят поисками ее [7] — и я еще не совсем отчаялся. Напишу вам немедленно, лишь только узнаю об этом что-либо положительное.

Надеюсь, что вы здоровы и не страдаете глазами. Передайте, пожалуйста, привет вашей семье и поклонитесь от меня г-ну П. Гейзе. Если увидите г-жу Нелидову, скажите ей, что я жду ответа на письмо, посланное ей из Баден-Бадена [8]. Одновременно я отправил ей экземпляр моего последнего романа — «Отцы и дети». Если вам интересно его прочесть, то возьмите у нее — или же я вышлю вам экземпляр отсюда. Надеюсь вскоре получить от вас ответ и сердечно жму вам руку.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

P. S. В вашем переводе, стр. 69, строка 15 сверху, вероятно — опечатка. В оригинале: zu starr (пристальный — *fixe*) für Kinderaugen [а] — а не feurig [б], что противоречило бы сказанному ранее [9].

1400. Фридриху Боденштедту (с. 124)

С французского:

Париж.
Улица Риволи, 210.
6 ноября 1862.

Письмо ваше доставило мне большое удовольствие, любезный господин Боденштедт, и я счастлив, что вы отнеслись так сочув-

[а] слишком пристальный для детских глаз *(нем.)*.
[б] огненные *(нем.)*.

ственно к моему предложению [1]. Повторяю — для меня истинная удача найти такого переводчика, как вы, и я заранее горжусь этим. Что же касается выбора, который вы просите меня сделать из моих произведений, то я полагаю, что вы лучше меня можете судить о том, чтó может подойти немецкой публике. Однако, сообразуясь с вашим желанием, я назову некоторые сочинения — а именно: «Дворянское гнездо», «Рудин», «Постоялый двор», «Дневник лишнего человека», «Первая любовь», «Ася», «Три встречи», «Затишье», не считая «Муму» и «Фауста», уже переведенных вами. К этому можно бы еще прибавить мой последний роман: «Отцы и дети» [2]. Я вышлю его вам дня через два или три. Могу также выслать вам последнее полное издание моих сочинений, если у вас его нет [3]. Повторяю, сделайте с этим то, что сочтете нужным, и это будет прекрасно. Если вы пожелаете посылать мне рукописи, обещаю вам по возможности не задерживать их надолго — да я и не знаю, нужно ли это. Впрочем, я с радостью отдаю себя в ваше распоряжение. Если бы вам понадобилась часть указанной суммы [4], потрудитесь только сообщить мне об этом.

Благодарю вас за присылку газеты, которую возвращаю вам бандеролью. Я прочитал вашу статью с живейшим интересом [5].

Я принимаю самое искреннее участие в горе, постигшем бедного Гейзе [6].

Передайте от меня поклон г-же Нелидовой, если вы ее увидите, и примите уверение в моих наилучших к вам чувствах.

И. Тургенев.

1404. **Фридриху Боденштедту** (с. 130)

С французского:

Париж.
16 ноября 1862.
Улица Риволи, 210.

Выбор, сделанный вами из моих произведений, я нахожу превосходным и повторяю еще раз, что предоставляю вам в этом полную свободу [1]. В то же время позволю себе обратить ваше внимание на маленький рассказ, всего в несколько страниц, который был включен моим последним издателем в 1-й том, в «Записки охотника», и называется «Поездка в Полесье» [2]. Он был переведен на французский язык под заглавием: «Deux journées dans les Grands Bois» [3].

Что же касается той суммы, о которой идет речь, спешу сообщить вам, что она будет выслана вам дня через два или три непременно [4].

Прошу вас передать от меня поклон г-ну и г-же Нелидовым и принять уверение в моих наилучших к вам чувствах.

И. Тургенев.

1407. **Фридриху Боденштедту** (с. 133)

С французского:

Париж.
10 декабря 1862.
Улица Риволи, 210.

Я должен тысячу раз извиниться перед вами, что так задержал высылку обещанных 500 талеров. Причиною тому было множество непредвиденных обстоятельств. Но в настоящее время они

устранены, и я пишу банкиру Ф. Майеру в Баден-Баден, чтобы он отправил вам эту сумму. Вы получите ее самое позднее дня через два или три — и будете столь любезны известить меня о ее получении [1]. Надеюсь, вы напишете мне также о своей работе и о себе самом в особенности. Я должен поблагодарить вас за вашу милую посылку, которую получил только сегодня утром. Предвкушаю удовольствие прочесть вашу книгу [2].

Прошу вас передать от меня привет всему вашему семейству, г-же Нелидовой и г-ну Гейзе, и примите уверение в моем самом глубоком уважении.

И. Тургенев.

1421. Фридриху Боденштедту (с. 142)

С французского:

Любезный господин Боденштедт,

Я послал вам вчера рукопись, так давно затерявшуюся в редакции «Современника», и надеюсь, что она дошла до вас целой и невредимой [1]. Не могу не выразить сожаления, что столь добросовестная работа пропала даром и для вас и для публики, и вновь приношу извинения от своего имени и от имени этих петербургских господ [2]. Надеюсь вместе с тем, что вы еще сможете ею воспользоваться.

Я был бы очень рад получить от вас весточку: в последнем письме вы жаловались на свое здоровье [3]; теперь же вы поправились, не так ли?

Что касается меня, то я останусь здесь еще до мая месяца — потом вернусь в Россию через Мюнхен, где очень рассчитываю иметь удовольствие вас увидеть.

В ожидании ответа прошу вас, сударь, принять уверение в моих самых сердечных чувствах.

И. Тургенев.

Париж.
Улица Риволи, 210.
29 января 1863.

На конверте:

Мюнхен (Баварское королевство).
Г-ну Ф. Боденштедту.
Karlstrasse, № 38,
in *München* [a].

1424. А. Ф. Будбергу (с. 145)

С французского:

Я глубоко сожалею, господин барон, что меня не оказалось дома, когда принесли письмо, которое вы были так любезны написать мне. Я буду иметь честь явиться завтра в два часа в посольство, если это удобно вашему превосходительству.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

И. Тургенев.

Понедельник вечером.

---

[a] Карлштрассе, № 38, в *Мюнхене (нем.)*.

1433. **Валентине Делессер** (с. 152)

С французского:

Четверг утром.
Улица Риволи, 210.

Милостивая государыня,

Вы как нельзя более добры и любезны, и я вам очень благодарен. Не угодно ли вам назначить моей дочери и мне день, когда мы могли бы явиться к вам? Она от вас без ума — и я нахожу это вполне естественным.

Тысяча приветов и поклонов.

И. Тургенев.

1435. **Б. М. Маркевичу** (с. 153)

С французского:

Париж.
18 февраля 1863.
Улица Риволи, 210.

Я не мог вам ответить тотчас же, мой дорогой друг, так как только вчера вернулся в Париж — из маленького путешествия в Брюссель [1]. Позвольте мне сказать вам прежде всего, насколько ваше письмо, такое теплое и дружеское, меня тронуло [2].

Обычно нам протягивают руку отнюдь не тогда, когда на нас обрушивается несчастье; а вы сделали это с таким великодушием и искренностью, что я могу только сказать вам: благодарю — от глубины сердца.

Я употребил слово: несчастье; надо бы сказать: кирпич, так как то, что случилось со мною, так же глупо и неожиданно, как кирпич, свалившийся на голову [3]. Обвинять меня в сговоре с Герценом в связи с изданием моего последнего романа и посреди оскорблений, которыми осыпает меня партия красных [4],— это нечто столь чудовищное, что самая эта чудовищность сообщает ему некое правдоподобие. «Должно быть, под этим что-нибудь скрывается,— скажут любопытные,— иначе бы не решились на такую меру». Думаю, не стоит вам и говорить, что *под этим* нет ничего, совершенно ничего. Я отсюда слышу неудержимый смех Герцена, которого я не видел с мая и с которым мы в начале этой зимы обменялись пятью или шестью письмами, приведшими к окончательному разрыву [5], потому что наши убеждения никогда не сходились. Я старый либерал, но я также и старый монархист, между тем как он — вы знаете, что он такое.

Вы меня спрашиваете, какое впечатление на меня всё это производит: я этим огорчен, но, смею утверждать без ложной гордости, больше за правительство, чем за себя. Если бы дело шло о том, чтобы предстать перед настоящим судом, я бы немедленно явился; но я мало доверяю правосудию нашего Сената — и притом, кто может поручиться, что даже умеренные мнения не будут наказаны? Подвергнуться предварительному заключению, чтобы затем два или три года прозябать в глухой провинции? Я слишком стар для этого. По совету нашего посла, г-на Будберга, я написал письмо государю [6]: я умоляю его приказать выслать мне «допросные пункты» — так, кажется, принято их называть — и клянусь честью ответить с совершеннейшей искренностью на каждый вопрос; теперь я ожидаю. Должен прибавить, что г-н Будберг держал

себя в этом случае превосходно: он сам написал Долгорукову [7] и т. д.

Скажите Толстому, что я получил его письмо и отвечу ему завтра же: он сможет поступить с моим письмом так, как сочтет нужным [8]. Вы забыли надписать ваш адрес — пишу на адрес Толстого (кстати, я так и не получил другого вашего письма, о котором вы говорите). Передайте мой почтительный привет г-же Маркевич и примите, вместе с пожеланиями скорейшего выздоровления вашему ребенку, уверение в признательности и неизменной дружбе [9].

И. Тургенев.

1439. **Кларе Тургеневой** (с. 157)

С французского:

Суббота.

Сударыня,

Вы нам доставили бы *очень большое* удовольствие, если бы соблаговолили провести у нас вечер в *понедельник*, 2 марта. У нас будет кое-кто из друзей, и мы были бы счастливы, если бы смогли рассчитывать на вас, г-на Тургенева, м-ль Фанни и г-на Альберта.

Примите уверение в моей душевной преданности.

И. Тургенев.

На конверте:

Госпоже Тургеневой.
Лилльская улица, 97.
Городское.

1441. **Гюставу Флоберу** (с. 158)

С французского:

Сударь,

Позвольте мне предложить вам прилагаемые две книги [1]; другие же две [2] я отправлю в вашу усадьбу близ Руана [3] через некоторое время, так как не следует злоупотреблять вашей снисходительностью. Вы были бы очень любезны, если бы провели у меня хоть часть вечера завтра, в понедельник (улица Риволи, 210). У нас будет несколько друзей [4] — в том числе госпожа Виардо, которая жаждет с вами познакомиться. Это немного уменьшило бы сожаление, которое я испытываю оттого, что так поздно вас встретил. А пока прошу вас принять уверение в моей искренней симпатии.

И. Тургенев.

Воскресенье.
Улица Риволи, 210.

1444. **Гюставу Флоберу** (с. 161)

С французского:

Париж.
Улица Риволи, 210.
19 марта 1863.

Любезный господин Флобер,

Ваше письмо в такой же степени заставило меня покраснеть, в какой доставило мне удовольствие — а этим много сказано. Подобные похвалы внушают гордость — и я желал бы их заслу-

жить. Как бы там ни было, я очень счастлив, что понравился вам, и благодарю вас за то, что вы мне это сказали [1].

Посылаю вам мою только что появившуюся книгу [2]; я публикую другую и пошлю вам ее тотчас же, как она выйдет [3]. Вы видите, что я не щажу вас более.

Не думаете ли вы до лета побывать в Париже? Я был бы так счастлив продолжить с вами знакомство, которое началось в столь добрый час и — что касается меня, то я в этом уверен — стремится перейти в самую искреннюю дружбу...

Жму вам руку со всей дружбой, какую ощущаю уже теперь, и прошу вас принять уверение в моих самых сердечных к вам чувствах.

И. Тургенев.

1451. **Гюставу Флоберу** (с. 165)

С французского:

Париж.
Улица Риволи, 210.
6/18 апреля 1863.

Дорогой мой собрат,

Мне нет надобности, надеюсь, говорить вам, какое удовольствие доставило мне ваше второе письмо [1] — и даже более, чем удовольствие... Если я не ответил вам немедленно — то только потому, что должен был выпутываться из множества противных мелких дел, которые сделали меня одновременно и угрюмым и ленивым. Эти неприятности еще продолжаются — но мне совестно откладывать дальше. Я рассчитывал и продолжаю еще рассчитывать на вашу снисходительность — и хочу прежде всего сказать вам спасибо и пожать вашу руку.

Я очень рад вашему одобрению, вы можете быть в этом уверены: я хорошо знаю, что такой художник и такой доброжелательный человек, как вы, всегда прочтет в книге между строк множество вещей, которые великодушно приписывает автору; но все равно. Похвалы, исходящие от вас, сто́ят золота — и я принимаю их с гордостью и благодарностью [2].

Не увидимся ли мы летом? Час хорошей откровенной беседы сто́ит сотни писем. Через неделю я покидаю Париж и переселяюсь в Баден-Баден. Не приедете ли вы туда? Там есть такие деревья, каких я нигде не видал, и на самых вершинах гор. Это сильно, молодо — и одновременно это поэтично и изящно. Это благотворно действует на глаза и душу. Когда сидишь у подножья одного из этих великанов, кажется, что заимствуешь у него частицу его сока — а это очень приятно и очень полезно. В самом деле, приезжайте в Баден-Баден, хотя бы на несколько дней. Вы привезете оттуда великолепные краски для вашей палитры.

До моего отъезда вы получите от меня мою книгу, которая скоро выйдет в свет [3]. Я пичкаю вас — но в этом есть доля вашей вины.

Тысяча приветов, будьте здоровы, работайте и приезжайте в Баден-Баден.

Весь ваш
И. Тургенев.

1453. И. С. Аксакову (с. 167)

С французского:

Мой дорогой друг,

Позвольте мне рекомендовать вам подателя сего письма г-па Лонга, английского священника, который, проведя 25 лет в Индии, намеревается посетить Россию, к которой испытывает живой и подлинный интерес. Он член Общества мира и ему не свойственно ни одно из тех огорчительных предубеждений, с каким, к несчастью, многие его соотечественники относятся к нам. Я убежден, что вы примете его доброжелательно и доставите ему все возможности и сведения, необходимые для путешественника. Я вам буду поистине очень благодарен, тем более, что г-н Лонг отправляется к нам с искренним желанием получше нас узнать. Заранее благодаря вас за то, что вы для него сделаете, прошу вас принять уверение в моих сердечных чувствах [1].

И. Тургенев.

Париж.
20 апреля 1863.

1454. Ег. П. Ковалевскому (с. 168)

С французского:

Любезнейший г-н Ковалевский, лицо, которое вам передаст это письмо — г-н Лонг, английский пастор и член Общества мира; после длительного пребывания в Азии он собирается посетить Россию, к которой питает величайшую симпатию. Он желает провести там около трех месяцев и как нельзя лучше расположен в нашу пользу. Я подумал, что вы могли бы быть ему полезны, и, зная вашу всегдашнюю доброжелательность, позволяю себе поручить г-на Лонга вашему покровительству, которого он по своим благородным чувствам вполне достоин. Я буду вам весьма признателен за всё, что вы для него сделаете, и вместе с тем прошу вас принять уверение в моих самых сердечных чувствах [1].

И. Тургенев.

Париж.
20 апреля 1863.

1455. М. Н. Лонгинову (с. 168)

С французского:

Мой дорогой друг,

Рекомендую вам подателя сего письма пастора Лонга, англичанина, члена Общества мира и большого друга России, что, к несчастью, довольно редко среди его соотечественников. Такие чувства — достоинство для вас, столь глубоко любящего наше отечество; позвольте мне также рассчитывать на то, что старинная наша с вами дружба побудит вас благожелательно отнестись к г-ну Лонгу, который, впрочем, вполне этого достоин. Надеюсь, что вы охотно согласитесь отдать себя в его распоряжение, и, заранее

вам благодарный за это, прошу вас принять уверение в моих самых сердечных к вам чувствах [1].

И. Тургенев.

Париж.
20 апреля 1863.

На конверте:

Господину Михаилу Лонгинову.
Секретарю Общества любителей российской словесности
в Москве.

1457. **Полине Тургеневой** (с. 170)

С французского:

Дорогая Полинетта,

Открой верхний ящик моего секретера — вот этот:

(Рисунок)

ты в нем найдешь коробку с моими фотографиями; пришли мне, пожалуйста, эту коробку.

И. Т.

1458. **Луи Поме** (с. 170)

С французского:

Мой дорогой Поме,

Не хотите ли пойти вместе со мной на «Брак Олимпии»? [1] В таком случае приходите ко мне в 6 час. на обед, после которого мы сразу же туда отправимся.

Весь ваш
И. Тургенев.

Вторник.

1459. **Жюлю Этцелю** (с. 170)

С французского:

Среда утром.
Улица Риволи, 210.

Любезный господин Этцель,

Я не хочу покинуть Париж, не сказав вам, как я сожалею, что не повидался с вами и в особенности, что не выполнил своего обещания относительно «Сказок» Перро [1].

Правда, у меня были всевозможные волнения и неприятности [2], но это не довод, и я предпочитаю без лишних слов просить вас о великодушном прощении.

Я уезжаю в Баден-Баден, где пробуду до зимы. В Париж вернусь к октябрю месяцу, и если вы не напечатаете тогда русского издания «Сказок» Перро, то это будет означать, что вы передумали, ибо мой перевод будет в ваших руках значительно раньше.

Посылаю вам одновременно только что появившийся том моих сочинений, где напечатана «Первая любовь», с которой вы, кажется, желали ознакомиться.

Сердечно жму вам руку и прошу принять уверение в самых сердечных моих чувствах.

И. Тургенев.

1461. **Йозефу Фричу** (с. 171)

С немецкого:

Любезный господин Фрич,

К моему искреннему сожалению, приходится дать Вам отрицательный ответ. Делаю это не потому, что я и без того уже дал госпоже Маркович денег больше, чем это было для меня возможно — но у меня нет этой суммы, то есть я теперь не могу ее лишиться.

Прошу Вас извинить меня и остаюсь с глубоким уважением

Преданный Вам
Тургенев.

Улица Риволи, 210.

1467. **Жерве Шарпантье** (с. 175)

С французского:

Прошу господина Шарпантье распорядиться вручить подателю сего письма г-ну Поме 4 экземпляра «Отцов и детей» [1].

И. Тургенев.

Баден-Баден,
14 мая 1863.

1468. **Луи Поме** (с. 175)

С французского:

Баден-Баден, 15 мая 1863.
Шиллерштрассе, 277.

Так что же, мой дорогой *закоренелый* враг [1], вы тоже позволяете себе болеть, судя по тому, что рассказала нам приехавшая вчера м-ль Берта? К счастью, она добавила, что вам лучше: иначе мы бы стали беспокоиться. Помните, что вы должны приехать сюда во всей силе и красе — достойным того, чтобы сыграть Агамемнона и все другие важные роли, которые вам уготованы [2].

Впрочем, если вы плохо ведете себя в Париже, то госпожа Виардо ведет себя здесь не намного лучше: вы знаете о несчастном случае, который с нею приключился [3]. Отказываюсь описать вам ужас, который мы испытали. Слава богу, не осталось почти никакого следа от страшного удара, полученного ею. За исключением этого, у нас здесь сущий рай: местность очаровательная, погода очаровательная, настроение очаровательное, к тому же я нашел очаровательную квартирку [4], где намереваюсь устроить вам очаровательный вечер. Не хватает лишь вас — это вполне

серьезно — о вас часто вспоминают, и один уголок в гостиной г-жи Виардо назван уголком Поме [5]. Это тот самый уголок, где мы обычно располагаемся.

Прилагаю к этому письму записочку для Шарпантье [6], издателя, набережная Эколь, 28. Он вручит вам четыре экземпляра моей книги [7]. Первый, естественно, предназначается вам; второй — Пичу [8], третий — Линдау, четвертый — отцу Ришару. Будем надеяться, что чтение этого небольшого томика не окажется дружеским ярмом.

Сердечно жму вам руку и прошу принять уверение в моей искренней дружбе.

И. Тургенев.

1469. Людвигу Пичу (с. 176)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
16 мая 1863.

В том, что письмо ваше меня очень обрадовало, вы не можете сомневаться, мой дорогой Пич; но ответить на него мне было трудно. Ведь принять такую большую похвалу просто так, как нечто само собой разумеющееся, невозможно; а сказать тоже ничего нельзя: лучше всего, мне кажется, будет просто поблагодарить и порадоваться тому, что доставил несколько приятных часов милому и умному другу [1]. Это истинная награда писателю, всё остальное не много стоит. Итак, еще раз: я рад от души и жму вашу руку.

Перевод «Елены» и «Первой любви» очень верен [2]. Боденштедт, который сейчас занимается моими вещами, переведет «Первую любовь» [3]; об «Елене» я ничего не знаю — и если вы хотите потратить на это ваше время, то я со своей стороны готов сделать всё, что необходимо [4]. Об этом мы еще поговорим в Баден-Бадене, ведь вы, вероятно, будете здесь проездом. Тут уже заранее радуются вашему приезду [5].

Поме (он очень милый и хороший человек), вероятно, уже рассказал вам, какое несчастье *едва* не случилось с госпожой Виардо: она упала в своем доме на лестнице; восемь дней лицо у нее было опухшее и в синяках. Теперь, слава богу, уже не видно никаких следов этого. Мне пришлось помочь ей разобрать *ваш* загадочный почерк. Она вам написала [6].

Тот же Поме получил от меня указание передать вам мою новую книгу «Pères et enfants» [7]. Знаете ли вы книгу, в которой находятся «Dmitri Roudine», «Le journal d'un homme de trop» и «Trois rencontres»? Я вам ее достану, если вы ее не читали,— или, быть может, я вам уже передал ее в Париже [8]? В таком случае вам не хватает «Scènes de la vie russe» [9]. Вот видите, что значит похвалить какого-нибудь автора; он готов тотчас завалить вас своими творениями.

Итак, до свидания. Извините мне мой странный немецкий язык. Наслаждайтесь Парижем и парижской жизнью и будьте по-прежнему уверены в моей старинной и прочной привязанности.

И. Тургенев.

1478. **Фридриху Боденштедту** (с. 183)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
6 июля 1863.

Сударь,

С огорчением узнал я о несчастном случае, приключившемся с вами и едва не сделавшем вас калекою; надеюсь, что теперь вы уже совсем оправились [1]. Эта зима была тяжела для вас, и вы бы хорошо сделали, приехав отдохнуть сюда дней на десять: нечего и говорить, какое большое удовольствие вы этим доставили бы всем вашим друзьям, живущим здесь. Г-жа Штейнбах [2], с которой я недавно познакомился, говорила мне, что таково ваше намерение; это прекрасная мысль — приведите же ее в исполнение.

Одновременно позвольте мне обратиться к вам с просьбою, которая, надеюсь, не будет вам слишком неприятна. Вот в чем дело. Мой большой друг, г-жа Виардо (знаменитая певица), воспользовалась своим пребыванием в Баден-Бадене, чтобы написать со свойственным ей выдающимся талантом музыку к нескольким русским стихотворениям, которые я ей указал. (Она занимается также и нашим языком.) Музыкальное достоинство этих романсов так высоко, что мы решились издать их в виде альбома в Карлсруэ с русским и параллельно напечатанным немецким текстом [3]. Раз дело коснулось перевода, я, естественно, подумал о вас, самом превосходном и самом тонком из переводчиков. Поэтому я и обращаюсь к вам с просьбой приобщиться к этому изданию. Работа, как вы увидите, предстоит не очень большая: альбом будет состоять из 6 стихотворений Пушкина: «Заклинание», «Туча», «Цветок», «Ночь», «На холмах Грузии», «Для берегов отчизны дальной»— и из 5 стихотворений Фета: «Шепот», «Тихая звездная ночь», «Я долго стоял неподвижно», «Полно спать», «Полуночные образы». Посылаю их вам при этом письме. Может быть, вы уже перевели некоторые из стихотворений Пушкина: это облегчит ваш труд [4]. Само собою разумеется, что необходимо сохранить в точности размер и ритм оригинала; но вы шутя справляетесь с этими трудностями. Взяв на себя эту маленькую работу, вы бы сделали нам настоящий подарок — и мы были бы очень рады выразить вам за это нашу признательность.

Будьте столь любезны ответить мне в нескольких словах и будьте уверены в моей неизменной дружбе и уважении.

И. Тургенев.

На конверте:

Herrn Fr. Bodenstedt
in *München*
(Königreich Bayern) [a].

---

[a] Господину Фр. Боденштедту в *Мюнхене* (Баварское королевство) *(нем.)*.

1481. Валентине Делессер (с. 187)

С французского:

Баден-Баден.
Шпллерштрассе, 277.
13 июля 1863.

Сударыня,

Мне очень стыдно, что до сих пор я всё еще не ответил на ваше милое письмо, и я был бы глубоко огорчен, если бы вы могли заподозрить меня в неблагодарности. Выражения дружеских чувств, которыми оно наполнено, растрогали меня в такой же мере, в какой ваше одобрение моему труду принесло мне удовлетворение, и я рад вас за это поблагодарить. Моя славянская лень (ибо русские — славяне, что бы ни говорили поляки, которые желали бы сделать из нас монголо-финнов) [1] явилась главной причиной моего молчания, потом я был болен около двух недель: здоровье вернулось ко мне вместе с хорошей погодой.— Сейчас я приступаю к работе над романом более значительным (в смысле длины), чем всё то, что я написал до сих пор [2]; а чтобы набить себе руку, только что окончил небольшую фантастическую вещицу (к этому жанру я обращаюсь впервые), которую очень хотел бы отдать вам на суд [3]. Это произойдет в Париже, в октябре месяце, если бог даст.

Я пишу вам в Париж, хотя, быть может, вас уже там нет. Будьте добры сообщить мне в двух словах о ваших намерениях. Что до моих, то они весьма просты: я остаюсь здесь до зимы, а потом отправляюсь в Париж; на этом мои предвидения кончаются.— Вы были бы очень любезны, если б сообщили мне, в Париже ли еще Мериме: я написал ему полтора месяца тому назад, но он мне не ответил [4].

Моя дочь просит меня передать вам тысячу нежностей: она от вас просто без ума. Это вполне естественно — вы были к ней так добры. Что касается меня, то, надеюсь, вы не сомневаетесь в неизменности сердечных чувств, которые я к вам питаю. Передайте, пожалуйста, от меня привет всем вашим.

И. Тургенев.

1483. Фридриху Боденштедту (с. 189)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
15 июля 1863.

Сударь,

Возвратившись из маленькой двухдневной поездки, я был очень приятно изумлен, найдя ваше письмо с переводом пяти стихотворений Пушкина [1]. Госпожа Виардо поручила мне передать вам ее большую благодарность, и я со своей стороны прошу вас принять мою самую искреннюю признательность за это новое доказательство вашей любезности. Само собою разумеется, что перевод ваш превосходен; пользуюсь только вашим позволением, чтобы указать вам на некоторые необходимые изменения, требуемые музыкою [2].

B: 1) «Beschwörung»[a]

ст. 8 — произносится Lei*lá*, а в ст. 17 — *Leí*la. Следовало бы придерживаться одного из этих произношений, т. е. *Leíla*.

---

[a] «Заклинание» *(нем.)*.

ст. 11. «Bleich, kalt» — музыка требует, чтобы было поставлено *одно* слово (двусложное) — или же стих вроде такого — «dem bleichen Wintertage gleich».

ст. 17. Музыкальная фраза останавливается на «durch *sie*», что неудобно.

2. «Die Wolke» [б].

ст. 4. Вместо: «trübst du leis noch» — следовало бы что-нибудь вроде: «du betrübest» или «du betrübst noch».

3. «Das Blümlein» [в].

ст. 2. Музыка заставляет произнести: «duft*lós*», возможно ли это?

4. «Die Nacht» [г].

Эту маленькую вещицу надо переделать — и вот почему. Музыкальная фраза совершенно останавливается после двух первых стихов:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.

Вы же переносите одно слово в третий стих. Потом фраза начинается снова и останавливается после: «горит» — 4-го стиха, e⟨xempli⟩ g⟨ratia⟩ [д]:

Близ ложа моего печальная свеча
Горит.—

Потом в последнем стихе надо сохранить: «Мой друг... мой нежный друг, люблю... твоя... твоя».— Иначе следовало бы петь: «Was mich... so selig macht» и т. д. Следовало бы начать с: «Mein Freund» и т. д.

5. «Auf Grusiens Hügel...» [е]

Музыка в последнем стихе:

Что не любить оно не может...

повторяет потом:

Что не любить... не может.

Нельзя сказать: «Unmöglich nicht... zu lieben», потому что это меняет смысл. Следовало бы что-нибудь вроде: «S'kann nicht umhin... zu lieben».

Разумеется, я вам даю только то, что французы называют «образчиками» [3] — с тем, чтобы вы, прикосновением вашей волшебной палочки, превратили бы их в прелестные стихи.

Возвращаю вам, согласно вашему желанию, вашу рукопись и еще одно последнее стихотворение Фета, дополняющее дюжину [4]. Если г-жа В⟨иардо⟩ выбрала произведения этого автора, то не потому, что она считает его великим поэтом — но его стихам присущи новые ритмы, которые годятся для музыки.

[б] «Туча» *(нем.)*.
[в] «Цветок» *(нем.)*.
[г] «Ночь» *(нем.)*.
[д] ради примера *(лат.)*.
[е] «На холмах Грузии...» *(нем.)*.

Мы доставили вам, сударь, много хлопот, тогда как сейчас вам следовало бы думать только о своем здоровье. Но меня ободряет мысль, что подобные переводы вы делаете играючи. Я выписал экземпляр ваших переводов Пушкина — и если «Туча» и «Ночная мгла» там лучше переведены, то мы возьмем их [5]. Но я сомневаюсь в этом, так как присланные вами тексты превосходны.

Еще раз — тысяча благодарностей и до свиданья в Баден-Бадене. Передайте мой поклон всем вашим и примите уверение в моих преданнейших чувствах.

И. Тургенев.

P. S. 16 июля, утром.

Я только что получил ваше второе письмо с остальными стихотворениями [6]. Это великолепно — и я уже не знаю, как вас благодарить. Мои замечания оставляю до завтра.

На конверте:

(Königreich Bayern).
Herrn F. Bodenstedt,
Wohlgeboren.
In *Reichenhall*,
p. adr. d. Frau Hofräthin
v. *Noodt* [ж].

1484. Фридриху Боденштедту (с. 191)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
17 июля 1863.

Сударь,

Начинаю снова с благодарности за вашу любезность и перехожу к замечаниям, которые на этот раз будут несколько многочисленнее [1].

№ 1. (Flüstern [а] и т. д.)

ст. 5. «Nächt*lich Licht*» — тут две ноты следуют быстро одна за другою, поэтому вышло бы *lichlich*. 2-й вариант последних 4 стихов хорош, но так как фраза останавливается после: «und es glüht im Hag» — то следует заменить 11-й стих чем-нибудь вроде:

«Wollustthränen, süsses Kosen».—

№ 2. (Stille helle Sternennacht) [б]

Размер оригинала иной. Я позволю себе послать вам следующий *«образчик»:*

–́ ◡◡ –́ ◡◡ –́ и т. д. [в]

[ж] *(Баварское королевство).* Его благородию господину Ф. Боденштедту. В *Райхенхаль*, по адресу госпожи надворной советницы фон *Ноодт (нем.)*.

[а] Шепот *(нем.)*.

[б] Тихая светлая звездная ночь *(нем.)*.

[в] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык стихотворения Фета «Тихая звездная ночь».*

Das 2-te und 3-te Couplet — müssen mit dem Wort Freundin, oder einem gleichlautenden anfangen [г].

№ 3. («Ich starrte und stand...» [д])

ст. 3 и 4 — должны звучать приблизительно так [е]:

ст. 7 и 8. Музыкальная фраза тянется до окончания 7 стиха; поэтому следует сказать примерно так [ж]:

№ 5 (Mittelnächtige Bilder) [з]

И здесь также размер оригинала иной — он таков:

◡◡–́◡◡–́◡◡–́◡. Вот *образчик:* [и]

№ 6. («Aus fernem Land» [к] Пушкина)

ст. 2. «Trieb *Heimweh* dich» — трудно выговорить, ибо тут 4 ноты весьма быстрые. То же самое замечание относится и к

ст. 13. «Du sprachst: bald küss'» — следовало бы что-нибудь вроде: «Du hubest an».

ст. 14. Музыкальное ударение приходится на schatti*gén*, что совершенно невозможно.

ст. 21. Сделанное уже замечание относится и к:

«So schwand dein Reiz».—

ст. 22. Der Accent liegt auf: *wie* — das geht nicht[л]. Музыкальная фраза останавливается после «*den du mir*», что заставляет изменить стих. Вот *образчик* для последних 4 стихов [м]:

Как видите, сударь, музыка имеет свои настоятельные требования — и я сожалею о том, что не посылал вам свои «*образчики*», начиная с первого же письма [2]: это избавило бы вас от двойной работы. Приношу вам за это мои извинения — и рассчитываю на ваше снисхождение — и на легкость, с которой вы преодолеваете всякие трудности. (Перевод сонетов Шекспира составляет для меня nec plus ultra [н] в своем роде [3].)

Надеюсь, что выздоровление ваше идет успешно и что вы приедете сюда вполне здоровый и бодрый. Весьма возможно, что я ошибся относительно фамилии г-жи Штейнбах [4]; но это — особа, приехавшая из Мюнхена, которая хорошо вас знает и которую я встретил здесь у г-жи Шуман. Г-жа Зеебах (актриса) также находится здесь — это весьма любезная особа. В Баден-Бадене находится целая артистическая колония — и вы были бы, разумеется, для нее желанным гостем! Кстати, владелец берлинских «Deutschen

---

[г] 2-й и 3-й куплеты должны начинаться словом подруга или каким-нибудь другим, подобным по звучанию словом *(нем.)*.

[д] «Я долго стоял неподвижно...» *(нем.)*.

[е] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык 3—4 строк стихотворения Фета «Я долго стоял неподвижно...»*

[ж] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык 7—8 строк стихотворения Фета «Я долго стоял неподвижно...»*

[з] «Полунóчные образы» *(нем.)*.

[и] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык первой строфы стихотворения Фета «Полунóчные образы».*

[к] «Для берегов отчизны дальной» *(нем.)*.

[л] Ударение падает на *как* — это не годится *(нем.)*.

[м] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык последних четырех строк стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальной».*

[н] непревзойденное *(лат.)*.

Jahrbücher», г-н Оппенгейм, говорил мне, что он был бы очень рад поместить в одном из № своего журнала статью, написанную вами по поводу «meine Gesammtwerke» [o]. Согласились ли бы вы на это [5]?

Тысяча приветов — сердечно ваш

И. Тургенев.

На конверте:

(Königreich Bayern).
Herrn F. Bodenstedt,
Wohlgeboren.
In *Reichenhall*,
p. adr. der Frau
Hofräthin v. *Noodt* [p].

1487. Луи Поме (с. 196)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277,
18 июля 1863.

Мой дорогой друг,

Я так долго оставлял ваше милое письмо без ответа, что теперь уже почти не имеет смысла это делать, теперь, когда мы, к счастью, находимся накануне вашего приезда сюда. Поэтому я действую откровенно эгоистически: а именно — я собираюсь беззастенчиво воспользоваться вашей безграничной любезностью и дать вам два поручения: первое — сходить в Пале Рояль, в Орлеанскую Галерею, к Гийо — сапожнику, сменившему Сакоского, и, показав ему это письмо, попросить прислать с вами пару сапог, которые я ему заказывал и которые вы будете так добры привезти мне в Баден-Баден; второе — купить для меня у Леграна, парфюмера на ул. С⟨ен⟩т-Оноре, 207, большой флакон фиалковой эссенции и также привезти сюда.

Я убежден, что вам придется купить лишний чемодан, чтобы сложить туда все, что вам заказали в Париже, но что поделаешь? Человек может быть либо любезным либо нет, а если он любезен, то становится жертвой всех вообразимых проявлений нескромности...

Все семейство Виардо в добром здравии и с нетерпением ожидает вас. Впрочем, вы от них часто получаете известия [1]. К несчастью, я чувствую себя не так, как бы мне хотелось: с некоторых пор моя старая болезнь очень меня беспокоит [2]. Что ж, будем терпеть, а вы приезжайте к нам с вашей обычной точностью.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

---

[o] «моего собрания сочинений» *(нем.)*.

[p] *(Баварское королевство).* Его благородию господину Ф. Боденштедту. В *Райхенхаль*, по адресу госпожи надворной советницы фон *Ноодт (нем.)*.

1490. **Фридриху Боденштедту** (с. 198)

С французского:

Четверг, 23 июля 1863.
Гейдельберг.

Пишу вам отсюда, куда я приехал, чтобы посоветоваться с врачом; сегодня же возвращаюсь в Баден-Баден. Я получил ваши поправки и варианты — и не знаю, как вас благодарить. Всё превосходно, остается переделать самую безделицу, и в этом снова виноват я: мне следовало бы сказать вам, что в «Die Nacht» [а] 5-й стих: Von dir — повторяется дважды, так что мысль должна заканчиваться этими словами. Переписываю вам всё стихотворение [б]:

Следовало бы лучше сказать (еще один образчик) [в]:

Сделав это маленькое изменение, вы окончите труд, принятый вами на себя с такою любезностью и выполненный столь же быстро, сколь и талантливо [1]. Само собою разумеется, что как только альбом будет издан, вы получите экземпляр его раньше всех [2].

Г-жа Виардо и я надеемся лично поблагодарить вас в Баден-Бадене, так как я полагаю, что здоровье ваше этому не помешает.

Еще раз — тысяча приветов.

И. Тургенев.

1491. **Луи Поме** (с. 199)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
28 июля 1863.

Мой дорогой друг,

Еще два поручения! Возьмите, пожалуйста, у г. Шарпантье (показав ему это письмо) *четыре* экземпляра «Отцов и детей» [1]. И еще — один русский господин, мой друг г. Щербань передаст вам одну русскую книгу [2]. Таким образом, вы должны будете привезти сюда четыре вещи: сапоги, фиалковую эссенцию, пачку французских книг и одну русскую. Я же буду вам за это бесконечно признателен, а пока сердечно жму вам руку и говорю: до скорой встречи.

Весь ваш
И. Тургенев.

1493. **Морицу Гартману** (с. 199)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
9 августа 1863.

Мой дорогой друг, вместе с этим письмом посылаю вам свою фотографию [1] и некоторые биографические сведения [2], принося

[а] «Ночь» *(нем.)*.

[б] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык стихотворения Пушкина «Ночь».*

[в] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык 5—6 строк стихотворения Пушкина «Ночь».*

большие извинения за задержку. Моя жизнь была очень обыкновенной. Я родился 9 ноября 1818 г. в Орле (в России) — в течение одного года учился в Московском университете, потом три года в Петербургском — в 1838 г. совершил первое путешествие за границу и до 1840 г. изучал в Берлине [3] философию, филологию и историю — в Берлине я целый год прожил в одном и том же доме и почти в одной и той же комнате с Бакуниным [4]. В 1843 г. я написал мои первые стихотворения [5] и очень короткое время служил в Министерстве внутренних дел. Мои стихотворения были плохи, и моя служба — также. Я писал время от времени рассудочные стихи, лишенные звучности и воодушевления, с мелочными тонкостями, и хотел уже совсем покончить с литературой, как в конце 1846 г.— по просьбе моего друга, Белинского, для его только что основанного журнала — написал первый очерк «Записок охотника» [6]. Он понравился — за ним последовали многие другие — и так я сделался новеллистом и романистом. С 1847 по 1850 г. я жил за границей — думал в 1848 г. совсем переселиться во Францию [7], но вернулся в Россию — и в 1852 г. был подвергнут императором Николаем почти двухлетней ссылке. Поводом для этого послужила статья о Гоголе, который только что умер: хотели этим попугать молодых писателей. С тех пор я пишу повести — большие и малые — живу попеременно во Франции, в Германии и в России, но об этом вы сами так же хорошо знаете, как и я. У меня было два брата, младший давно умер. Voilà tout [а].

Надеюсь, что письмо застанет вас еще в Штутгарте. У Герцена очень тяжелая болезнь мозга, его теща [8] еще не приехала.

Шлю поклоны вашей жене и сердечное «shake hands» [б] вам. Одновременно посылаю вам «Pères et enfants» [в, 9].

Ваш
И. Тургенев.

1494. **Фридриху Боденштедту** (с. 200)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
13 августа 1863.

Мой дорогой друг (вы мне позволите писать вам, для большего удобства, по-французски) — вы провели здесь больше дней, нежели предполагали, и, однако, вы уехали так неожиданно, что я не имел времени пожать вам руку и поговорить хоть немного о нашем деле [1]. Поэтому делаю это письменно. Вы мне говорили, что желали бы получить биографическую справку [2] и затем разрешение на перевод или, вернее, его одобрение. Одобрение это я даю вам самое полное и безоговорочное, какое только возможно, а если потребуется облечь его в форму, законную в глазах издателя, я буду вам очень благодарен, если вы составите коротенькую бумагу, которую я подпишу с закрытыми глазами, с тем, однако, чтобы вы были к себе справедливы настолько, насколько это ⟨возможно⟩. Биографическая справка потребует немного больше времени — событий в моей жизни очень мало.

[а] Вот и всё *(франц.)*.
[б] «рукопожатие» *(англ.)*.
[в] «Отцов и детей» *(франц.)*.

Я родился в Орле в 1818 г., учился в Москве, потом в ⟨Петербурге⟩, потом в Берлине с 1835 по 1841 г.[3] Я написал мою первую книгу в 1843 г.— это была очень плохая маленькая поэма [4]. Я был сослан в мое поместье в 1852—1853 гг., вот приблизительно и всё, но если вы желаете иметь краткий обзор моей литературной деятельности, мне потребуется еще дня два или три [5].

Вы мне также не сказали, какие из моих произведений войдут в первый том, который вы собираетесь издать. Будьте любезны назвать мне заглавия, и я вам немедленно сообщу номера страниц французского перевода, где находятся сделанные мною небольшие добавления и восстановления текста [6]. Одновременно посылаю вам 2 листа ⟨*нрзб.*⟩ и мою фотографическую карточку, которую прошу вас оставить себе на память о нескольких днях, проведенных вами в Баден-Бадене. Вы были бы очень любезны, если бы, со своей стороны, прислали мне вашу. Виардо сообщил мне, что вы пробудете в Фульде только один день [7]; уведомьте меня, куда вы поедете оттуда. Будьте добры сообщить мне также, кто тот издатель, к которому вы обратились [8]?

Мы не поговорили с вами и о статье, которую просит Оппенгейм для журнала [9]. Не угодно ли вам, чтобы я написал ему, дабы он точно определил объем статьи и гонорар, который он рассчитывает дать. Примите мои дружеские приветствия и уверение в преданности вашего

И. Тургенева.

1497. Георгу Августу Бауру (с. 203)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
7 сентября 1863.

Милостивый государь!

Повозка прибыла в полной сохранности — большое спасибо за вашу любезность [1]. Однако я не обнаружил *ключа от ящика* — в котором вы, по-видимому, заперли бумаги etc.— и очень прошу прислать его в почтовом конверте — так как у меня и на железной дороге были сложности в связи с отсутствующими бумагами. К тому же шорник не доставил двух ковриков под ноги (соломенного — для передка и еще одного — внутрь повозки).— Совершенно несомненно, что они являются принадлежностью повозки — и я был бы вам очень признателен, если бы вы мне их прислали без промедления.

Что касается собаки, то, к сожалению, ничего хорошего сказать не могу. В ее нынешнем состоянии она абсолютно бесполезна.— Я *три раза* брал ее на охоту — и совсем охрип от крика и устал бить её. Представьте себе дикое животное, которое *совершенно не слушается* [2], бессмысленно и бесцельно носится по полю, бегает с лаем за зайцами — и *ни единого раза* не почуяв дичь — делает стойку *только* на жаворонков. Хотя раз 30 она попадала в целый выводок куропаток, кажется, это не произвело на нее ни малейшего впечатления. К тому же непослушание полное.— Я вынужден был принять решение отослать ее назад — с просьбой передать бывшему владельцу с тем, чтобы он попытался натаскать ее хотя бы к будущему году. Расходы возьму на себя. Но, признаться, я бы предпочел, чтобы хозяин забрал ее совсем — даже с потерей

для меня в 50, даже 75 или 100 франков, так как очень сомневаюсь, что можно облагородить эту дикую тварь. Сто раз прошу прощения за все мучения. Собака завтра утром в 12 часов будет отправлена экспрессом — и в 4 часа прибудет в Дармштадт; все оплачено заранее.

Позволю себе еще раз напомнить вам о ключе и прошу ответить мне, по-возможности скорее.

С совершенным почтением
преданный вам
И. Тургенев.

1499. **Валентине Делессер** (с. 206)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
20 сентября 1863.

Сударыня,

Я чувствую себя непростительно виновным, не ответив тотчас же на ваше последнее письмо, в котором вы с такой сердечностью справляетесь о моем здоровье, и теперь, как никогда, рассчитываю на ваше великодушие. В течение почти полутора месяцев я действительно плохо себя чувствовал; но с тех пор здоровье мое поправилось — и я, как обычно, хожу на охоту и сильно ленюсь. За новый роман [1] серьезно еще не принимался: по правде говоря, мне мешают это сделать другие дела. Неопределенность — самое неподходящее для творчества душевное состояние, а в нынешние времена нет русского, который не находился бы во власти этого чувства. Будущее по-прежнему очень мрачно — и неизвестно, чего вообще следует желать [2].

Моя дочь и г-жа Иннис скоро возвращаются в Париж, а я остаюсь здесь еще до ноября месяца. Полинетта отправится в один из первых же дней после приезда засвидетельствовать вам свое почтение; рекомендую ее вашему благосклонному вниманию. Она разделяет все мои чувства к вам и, сверх того, еще питает немного дочерней нежности, которая меня в ней очень радует, а в вас, надеюсь, найдет не менее сочувственный отклик.

Я не ответил на милое письмо г-на Мериме и не знаю, где он сейчас находится. Будьте добры сообщить мне, если вам самой это известно [3].

Примите уверение в моей самой сердечной преданности.

И. Тургенев.

P. S. Тысяча приветов всем вашим.

1503. **Фридриху Боденштедту** (с. 210)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
8 октября 1863.

Любезный господин Боденштедт,

Я очень виноват перед вами и на этот раз также еще не высылаю вам обещанный маленький очерк [1] — но даю вам слово, что не пройдет и недели, как вы его получите. Я прибегаю вновь к

вашей неистощимой любезности. Надо перевести еще одно маленькое стихотворение — и на этот раз я сам сочинил его, что еще более удивительно. Я сочинил эти 4 маленьких, довольно незначительных куплета, слушая пение синицы [2], и г-жа Виардо написала к ним восхитительную музыку — поэтому я и обращаюсь к вам, умоляя извинить мою нескромность, равно как и ничтожность того произведения, над которым вам предстоит поработать. Вот это стихотворение [а, 3]:

Я с огорчением услышал, что ваш палец всё еще причиняет вам страдание,— какой тяжелый случай [4]. Надеюсь, что в конце концов всё придет в нормальное состояние. До скорого свидания, примите заранее вместе с моей благодарностью мой самый дружеский привет.

И. Тургенев.

На конверте:

Herrn Fr. Bodenstedt,
Wohlgeboren,
in *München* [б].

1511. Фридриху Боденштедту (с. 216)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
17 октября 1863.

Мой дорогой друг,

Ваш перевод моего маленького стихотворения [1] превосходен как всегда, и я прошу вас принять от меня сердечную благодарность за вашу любезную услужливость. Слово, написанное неразборчиво, значит: ужели ж. Последние 4 стиха означают дословно: «Или же так же беспечно поет в тебе (в синице) та же самая охота к жизни, которая человеку дает возможность переносить смерть и жизнь?» Ваш перевод дает, если разрешите так выразиться, чуточку иное направление мысли, но это не имеет значения [2]. Мой маленький биографический очерк написан наполовину: вы получите его наверняка в течение следующей недели [3].

Вы не пишете мне ничего о вашем пальце. Я делаю из этого вывод, что он больше не мучает вас. Надеюсь, что и в остальном у вас всё идет благополучно, шлю вам сердечный привет и остаюсь

преданнейший вам
И. Тургенев.

1513. Морицу Гартману (с. 217)

С французского:

Мой дорогой друг,

Это письмо вам передаст один мой соотечественник, живущий в Штутгарте, г-н Александр Свербеев, который очень хочет с вами познакомиться. Становясь посредником между вами, я уверен, что сделаю нечто одинаково приятное для вас обоих. Вы до из-

---

[а] *Следует русский текст стихотворения «Синица».*

[б] Его благородию господину Фр. Боденштедту, в *Мюнхене (нем.)*.

вестной степени находитесь в зависимости от России и знаете, что мы неохотно отказываемся от наших завоеваний [1].

Г-жа Гартман, которой прошу вас передать мой самый сердечный привет, найдет в г-же Свербеевой особу столь же симпатичную, сколь и прелестную.

Сообщите мне о себе и примите уверение в моей неизменной дружбе.

И. Тургенев.

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
12 нояб. 1863.

1518. Полине Виардо (с. 221)

С французского:

Париж,
улица Риволи, 210.
Пятница, 27 нояб. 63.

Дорогая госпожа Виардо, положение мое все то же: ни писем (даже из Баден-Бадена), ни ответа на телеграмму, посланную в Москву [1],— а, стало быть, ни денег.— Всё это, однако, не помешает мне во вторник или, самое позднее, в среду вернуться в мое любимое гнездо [2]. Вы не можете себе представить, как неуютно мне в этом огромном Париже.

Г-жа Иннис возвратилась из Лондона, а моя дочь — из Вербуа [3]: обе чувствуют себя превосходно. Трубецкие приезжают в Париж лишь сегодня. Я осмотрел снаружи дом на улице Дуэ [4] (несчастный случай произошел в доме, расположенном немного дальше), приоткрыл ворота и заметил пятерых или шестерых мальчуганов, прыгающих и бегающих по двору, посыпанному песком. От этого не слишком грустного зрелища у меня сжалось сердце. Над дверью прилажена непомерных размеров зеленая решетка, которая показалась мне нелепой.— Я передал кружево мачехе м-ль Ришар (м-ль Эжени дома не было), которая проживает не в № 16, как было обозначено на вашем письме, а в № 46, *третьем по счету*. 46-х номеров оказалось три, и я искал во всех трех. Я искал также Максима Дюкана [5] в № 48 по улице Роше. Но поскольку он проживает в № 43, то я его не нашел. Навещу его сегодня, как и Милле [6].— Позавчера я очень приятно пообедал со славным Поме, потом мы вместе пошли на «Троянцев» [7]. Он сказал, что написал вам длинное письмо об этих знаменитых «Троянцах», которые произвели на меня приблизительно такое же впечатление, что и на него. Это произведение человека ученого и изобретательного, но бессильного, который лезет из кожи вон и надрывается, а произвести не может ничего, кроме подражаний и вычурностей. В особенности претендует он на величие и силу (еще один признак бессилия), но единственное, что ему удается, это нечто вроде томных мечтаний, возбуждающих и *чувственных*.— Г-жа Шартон — певица третьеразрядная, актриса же — пятиразрядная [8]. Монжоз не слишком плох в смешной роли Энея [9].— Театр был заполнен до предела: я видел там Мейербера с его профилем престарелого торговца биноклями: говорят, он не пропускает ни одного представления.— Раз уж я заговорил о театре, добавлю два слова о «Трубадуре» [10], которого я слышал вчера. За исключением Фраскини, который действительно поет очень хорошо, но которого

смешно было бы сравнивать с Рубини [11], представление было жалким. Г-жа де Лагранж весьма плоха и не имеет ни малейшего успеха — некий г-н Стербини, исполнявший роль Грациани, был освистан. Что до Фраскини, то это была беспрерывная овация, настоящее воодушевление! У него честное и симпатическое лицо, но как актер он безусловно самый холодный и неловкий из всех, что мне приходилось видеть. Должен признаться, что он доставил мне удовольствие.

Ну, а вы — что вы делали в Штутгарте? А поручения, которые вы хотели мне дать? — С нетерпением ожидаю вашего письма.— Я схожу в посольство *накануне* отъезда, это будет, возможно, в понедельник [12]. Тысяча приветов всем и до скорой, скорой встречи!

И. Тургенев.

1520. Полине Виардо (с. 223)

С французского:

Париж,
улица Риволи, 210.
Воскресенье, 29 нояб.

Theuerste Freundinn [a], вчера я завалил вас письмами и телеграммами и надеюсь, что завтра утром получу наконец этот знаменитый вексель, посланный, бог знает почему, до востребования [1]. Если он затерялся в дороге, я не смогу получить здесь ни малейшей суммы, поскольку ни г-н банкир Дютфуа, ни г-н Ротшильд уведомления не получили. В таком случае я займу здесь денег, которых будет достаточно, чтобы оставить г-же Иннис, сделать необходимые покупки и вернуться на любезную мне Шиллерштрассе [2] — а г-ну Афанасию Фету отправлю в Москву еще одну телеграмму [3], посылая его мысленно ко всем чертям.

Сегодня утром я получил ваше милое письмецо [4] — благодарю вас тысячу раз. Все ваши поручения будут в точности исполнены.

К сожалению, я смогу уехать только в среду, так как моя простуда перешла в нечто вроде сильнейшего насморка, какой у меня порой случается, и я боюсь, как бы мне не пришлось весь сегодняшний день просидеть дома, что меня задержит еще на день.— Я предчувствовал эту неприятную помеху. Но уже сейчас вы можете сообщить г-же Анштетт, чтобы она ожидала меня в среду вечером. Я очень признателен ей за заботы о Пэгазе [5]: это превосходная женщина.

Трубецкие все еще в Бельфонтене; я увижусь с послом [6] только послезавтра, накануне отъезда. Проклятый насморк помешал мне повидать Милле и Дюкана [7] — с 2-х часов вчерашнего дня я не выхожу. Тем не менее, я виделся с г-жой Гийон в Гранд-Отеле и долго беседовал с нею. Г-жа Иннис совершила небольшое путешествие в Англию для того, чтобы попытаться получить старый долг — какую-то сотню фунтов, но не преуспела в этом.— Полинетта стала немного более любезной и ласковой. Но мы очень далеки друг от друга. Горизонт слегка окрасился в розовые тона, но на этот счет было уже столько разочарований, что я поверю в это лишь несколько недель *спустя* [8].

---

[a] Самый дорогой друг *(нем.)*.

Русский господин [9], с которым я обедал позавчера,— важный чиновник вроде Милютина, с которым он сотрудничал в деле освобождения крестьян. Он хорошо знает, что происходит в закулисном мире Петербурга,— и тоже советует мне отправиться туда, уверяя, что я пробуду там столько, сколько пожелаю [10].— И все же, как и в случае с розовым горизонтом, я буду совершенно спокоен лишь *после*.

Передайте Диди, что к моему возвращению я ожидаю от нее прекрасного рисунка, того самого, что она должна мне с 9 ноября [11]. Поцелуйте ее за меня, а также Марианну и Поля. Скажите им, что я буду доволен лишь тогда, когда буду сидеть в их комнате на одном из тех знаменитых стульев, со спинками в виде бычьих рогов.

(Рисунок)

Вы же будьте здоровы, трудитесь и до скорого свидания. Тысячи приветов Виардо — надеюсь, что ему предстоит удачная охота.

Ich küsse zärtlich Ihre lieben Hände und bleibe auf ewig

Der Ihrige[б]

И. Т.

1521. Полине Виардо (с. 224)

С французского:

Париж,
улица Риволи, 210,
30 ноября 1863.
Понедельник.

Дорогая госпожа Виардо, наконец-то я получил эти несчастные деньги [1]. Из-за бестолковости моего милейшего друга Фета, который, вместо того, чтобы немедленно послать их мне, все спрашивал себя: как их послать — во Франкфурт или в Париж? — я потерял 1600 (1620) франков из 14 000, ибо, пока он колебался, в Петербурге произошел денежный кризис и курс обмена упал с 397 франков за 100 рублей до 347.— Только и всего. Это невесело, но я уже не волнуюсь, хотя это мне кое-чего и стоило. Надо будет принять меры, чтобы подобные глупости больше не повторились. Медлительность моего дядюшки сыграла свою роль — но вы представляете себе Фета, державшего эти деньги у себя в течение *пяти недель* и в конце концов выславшего мне их с трехмесячным опозданием через совершенно незнакомого московского банкира? И все это потому, что, как он мне написал: «Каким образом выслать в *Баден-Баден* чек на *Париж*? Тогда вам пришлось бы совершить путешествие в Париж? А во Франкфурте вам бы выплатили во *флоринах*, что было бы вам неудобно?» [2] Вот как случается в России!

К довершению всех удовольствий, мой насморк превратился в грипп. Сегодня мне лучше, но я смогу выйти только завтра! — Итак, совершенно потеряны три дня, и ровно на столько же отсрочен мой приезд в Баден-Баден.— Излишне говорить вам, насколько все это мне приятно. Если дьявол не вмешается, я покину этот очаровательный Париж в четверг утром с тем, чтобы к 10 часам вечера приехать в Баден.— Я не смог повидать решительно никого — ни Тургеневых, ни г-жу Делессер, ни г-жу Дюлу; визит к послу [3] и т. д.—

[б] Нежно целую ваши дорогие руки и остаюсь навсегда ваш *(нем.)*.

всё отложено. Князья Трубецкой и Орлов навестили меня: они вернулись из Бельфонтена и поселились на улице Клиши.— Славный Поме провел вчерашний вечер со мной.— Должен вам признаться, что я сейчас злой как собака (как Пэгаз) и что я всячески поношу Париж и мое жалкое тело, которое всегда радо подцепить какую-нибудь гадость.

Что ж, слава богу, что вы и все ваши здоровы — это большое утешение. Поцелуйте за меня детей.— Крепко жму вам руку, кланяюсь Виардо и буду доволен лишь тогда, когда обнаружу, что иду по дорожке на широте аллеи Ганса [4].

Ваш И. Тургенев.

1524. **Полине Виардо** (с. 228)

С французского:

Париж,
улица Риволи, 210.
Вторник, 1 декабря 1863.

Дорогая госпожа Виардо,

У меня есть надежда, что я смогу отправиться послезавтра в 8 часов утра. Не говорю больше, чтобы не *сглазить*. Напомните, пожалуйста, г-же Анштетт, чтобы она в этот день развела огонь в камине и в особенности чтобы послала за мной на вокзал экипаж. Поезд прибывает после 9 ч. вечера, вы можете увидеть это в вашем расписании.

Сегодня я начинаю выезжать; собираюсь навестить Трубецких и получить мои деньги. Этот несчастный Фет настолько потерял голову, что позволил какому-то подлому московскому банкиру произвести обмен из расчета 350 фр. за 100 руб. (как во времена Крымской войны), в то время как некоторые мои русские знакомые получили по 367 фр. за 100 руб., но и это уже изрядное падение, поскольку в Петербурге по курсу дают 377 фр.! Ну, да не стоит больше об этом думать [1].

Я настолько боюсь новых проделок моей несчастливой звезды, что не хочу больше говорить о том блаженстве которое я вновь испытаю, очутившись опять в Баден-Бадене. Все ваши поручения выполнены, и я везу с собой огромный сундук, полный старых панталон, тряпок и т. д., припадлежащих знаменитому Боткину [2]... Ну, будьте здоровы. Тысяча приветствий всем и до свидания.

Ваш И. Т.

1525. **Кларе Тургеневой** (с. 229)

С французского:

Сударыня,

Я искренне огорчен, что должен отвечать отказом на ваше приглашение, такое милое и любезное, но известия, полученные из Баден-Бадена [1], заставляют меня выехать сегодня же вечером, на два дня раньше, чем я думал. Примите мои извинения вместе с моей благодарностью; по возвращении, а это будет в начале января, я лично явлюсь засвидетельствовать их вам, равно как и мою глубокую признательность за все ваши заботы о Полине.

Примите, милостивая государыня, уверение в моем глубочайшем почтении.

И. Тургенев.

Вторник утром.

1531. Валентине Делессер (с. 232)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
11 декабря 1863.

Сударыня,

Не могу еще раз не сказать вам, как я сожалею, что не повидал вас перед своим отъездом из Парижа. Эти сожаления еще усилились, если это вообще возможно, когда г-н Мериме открыл мне некоторые проекты, в которые вы намеревались меня посвятить. Узнаю в этом вашу неизменную доброту к моей дочери и могу лишь от всего сердца вас за это поблагодарить [1].

К сожалению, теперь я уехал, и на довольно долгий срок — ибо не думаю, чтобы я мог вернуться в Париж раньше последних чисел января. Однако и до того времени, мне кажется, можно кое-что сделать — хотя бы дать молодым людям возможность увидеться друг с другом. Вы были бы очень любезны, если бы поговорили об этом с госпожой Иннис. Вечер, проведенный вместе, это уже много для начала, тем более, что Полинетта неспособна на скорые решения. Если бы вы пожелали мне обо всем этом написать, ваше письмо застало бы меня еще здесь — я уезжаю лишь 20-го [2]. Что касается Полинетты — то вам известно ее положение: нужно иметь в виду, что, кроме меня, у нее нет ни родных, ни семьи, если же говорить о приданом — я даю ей сто тысяч франков немедленно и пятьдесят тысяч в течение двух первых лет. Нет нужды говорить вам, сколь счастлив я был бы, если бы муж Полинетты был выбран или рекомендован именно вами, и какой бы это было гарантией; я могу лишь повторить, что глубокая признательность прибавилась бы к той искренней и почтительной привязанности, которую я к вам питаю.

Напишите, что нового у вас и у всех ваших; что до меня, то воздух Баден-Бадена меня совершенно исцелил. Каким-то будет для меня воздух родины [3]? Будьте здоровы и примите уверение в моей неизменной преданности.

И. Тургенев.

1532. А. А. Краевскому (с. 233)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
15/3 декабря 1863.

Милостивый государь,

Это письмо вручит вам г-жа Клара Шуман, прекрасное дарование которой вам, без сомнения, хорошо известно. Она приезжает в Россию во второй или третий раз — и все любители хорошей и серьезной музыки должны желать, чтобы она была с каждым разом всё более довольна приемом нашей публики. Ваше положение дает вам больше, чем кому-либо другому, возможности способствовать

этому, и я не сомневаюсь, что вы сделаете это с готовностью, что не мешает и мне обратиться к вам во имя нашей старинной дружбы. Я буду рассматривать как личное одолжение всё, что вы сможете сделать для г-жи Шуман [1], и прошу вас заранее принять мою благодарность, так же как и уверение в моей искренней преданности.

И. Тургенев.

1535. Полине Тургеневой (с. 235)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
16 декабря 1863.
Среда.

Моя дорогая Полинетта, в воскресенье я покину Баден-Баден и направлюсь прямо в Петербург — так что, если тебе и г-же Иннис хочется что-нибудь сообщить мне, не теряйте времени. Я не уеду отсюда, не написав тебе обещанного письма [1], а пока обнимаю тебя и сердечно приветствую г-жу Иннис.

И. Тургенев.

1540. Полине Тургеневой (с. 238)

С французского:

Баден-Баден. Шиллерштрассе, 277.
1-е января 1864.

Дорогая Полинетта,

Прими, вместе с доброй г-жой Иннис, мои новогодние поздравления и всяческие пожелания счастья для вас обеих. Признаюсь, я немного встревожен, не получая от вас известий целую неделю, и надеюсь, что не было никакой серьезной причины, которая бы помешала вам написать мне. Что касается меня, то моей ноге лучше, хотя всё же не так хорошо, как хотелось бы, зато я вскоре смогу сообщить вам другую хорошую новость: мои дела в Петербурге приняли благоприятный оборот — и весьма вероятно, что я буду избавлен от этого путешествия [1]. В таком случае я вернусь в Париж значительно раньше, чем предполагал. Но всё *это еще очень неопределенно* и вам *не следует* никому говорить об этом. Я буду, разумеется, держать вас в курсе событий.

Тысяча приветов всем добрым парижским знакомым. Обнимаю тебя и сердечно жму руку г-же Иннис.

Твой отец
И. Тургенев.

1542. Луи Поме (с. 239)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277,
9 января 1864.

Спасибо, любезный моему сердцу Фридолин [1], за сценарий [2], столь скоро высланный. Это очень похвально, но что гораздо менее похвально, так это дурное настроение, которое, кажется, вами овла-

дело. Как! У вас есть надежда провести добрую часть лета в соседстве с г-жой Виардо и под одной крышей с Фридолином-отцом — и вы недовольны? Что же говорить мне, которому предстоит через два дня, с еще незажившей ногой, отправиться в этот милый Петербург? Да, друг мой, я уезжаю, мне присылают столь настоятельные приглашения, что сопротивляться невозможно. И что же! Уверяю вас, вы бы восхитились моим мужеством, особенно если бы сами присутствовали при том, как оно проявляется. Итак, вперед, и будем смотреть чёрту прямо в глаза, это лучший способ заставить его их опустить.

Г-жа Виардо сегодня отправилась в Страсбург; завтра она вернется. Здоровье ее отменное, да и все семейство в добром здравии. Я подарил детям сани, и теперь их жизнь проходит либо на льду, либо в мечтах о нем.

Я напишу вам из Петербурга. А пока сердечно жму вам руку и вверяю вас богу трудолюбия и доброго настроения.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

1543. **Валентине Делессер** (с. 240)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
10 января 1864.

Сударыня,

Я не хочу покинуть Баден-Баден, не поблагодарив вас за все ваши благодеяния. Уезжаю я послезавтра и почти не буду останавливаться в пути. В России надеюсь пробыть не более полутора месяцев — но по нынешнему времени нет ни в чем уверенности [1] — и мое возвращение в Париж легко может задержаться. Поэтому я беру на себя смелость поручить мою дочь вашему благосклонному покровительству и заранее благодарю вас за это. Мы встречались с вами не слишком часто, и всё же я чувствую, что нас уже связывают узы искренней дружбы, которую я рассматриваю как одно из самых счастливых обстоятельств моего пребывания во Франции. Ведь я не ошибаюсь, не правда ли, сударыня?

Из Петербурга я напишу вам, а пока жму вам сердечно руку и прошу вас принять уверение в моей неизменной преданности.

И. Тургенев.

P.S.— Тысяча приветов всем вашим.

1544. **Людвигу Пичу** (с. 240)

С немецкого:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
12 января 1864.

Мой дорогой Пич, много я перед вами виноват: не только не ответил на ваше большое милое письмо [1], но даже затерял его и теперь, не зная вашего адреса, направляю письмо к книгопродавцу, который, может быть, и не знаком с вами. Но если оно до вас всетаки дойдет, то знайте, что послезавтра утром, проездом в Петербург, я буду в Берлине и остановлюсь в Hôtel de St-Pétersbourg [a, 2].

[a] Гостиница «С.-Петербург» *(франц.)*.

Во всяком случае разыщу вас. А засим до скорого свидания. Сердечный поклон.

И. Тургенев.

1547. Полине Виардо (с. 242)

С французского:

№ 1

Берлин.
Гостиница «С.-Петербург»,
14 января 1864.
Четверг.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, вот я и пишу вам мое *первое* письмо! — Разлука в самом деле началась... В конце концов — нужно смириться и думать о возвращении [1].

Два часа назад я приехал сюда и встаю с постели, в которой не мог уснуть, но где согрелся, что было весьма необходимо после ужасного холода этой ночи. В 4 часа утра какой-то призрак, весь белый от инея (это был кондуктор), приоткрыл дверцу вагона и объявил нам хриплым голосом, что мороз больше *18 — восемнадцати* градусов по Реомюру! Лишь бы у вас в Баден-Бадене не было ничего подобного! — Бог знает, что ждет меня в России! — Поэтому я куплю себе более просторный меховой мешок для ног и вторую пару (простите!) фланелевых подштанников.— Часть пути я провел с выродившимся потомком Мандрена — графом Флемингом [2], который с большой обстоятельностью рассказал мне о покушении, совершенном некоторое время тому назад в Баден-Бадене на прусского короля [3].— Он, само собой разумеется, спрашивал меня о вас и т. д.— Я мог убедиться, что он отлично спит в поезде и что он храпит.— Снега нигде нет — но всюду лед. Майн, у Франкфурта, запрудили огромные глыбы.— Лицо у меня измято — вот пока и почти все мои дорожные впечатления. Пича я еще не видел — сейчас оденусь, позавтракаю и отправлюсь. Выезжаю сегодня вечером и не буду останавливаться вплоть до Петербурга: этот зуб должен быть поскорее вырван [4]! Теперь, мои поручения.

1. *Delenda est Carthago* [a, 5], нужно проложить фланелью, я хочу сказать войлоком, в вашей маленькой гостиной — по обе стороны и *по верху* окна.

2. Всюду валики — законопатить ими двойные рамы. Первое окно в гостиной не было доделано. Главное — столовая!

3. Вышлите без промедления метрономизацию (что за слово!) ваших мелодий [6].

4. Сообщите о себе, о Виардо, о детях, обо всех домашних, о кошке; никаких прогулок на пруд по такому холоду.

Я пошлю отсюда телеграмму Боткину.— Вам напишу завтра с прусской границы.

А теперь — тысяча и тысяча поклонов и приветов. Нежно целую вам руки.

Ваш
И. Тургенев.

---

[a] Карфаген должен быть разрушен *(лат.)*.

1548. Полине Виардо (с. 243)

С французского:

№ 2

Берлин.
Гостиница «С.-Петербург».
Четверг, 14 января 1864.

Сейчас четверть восьмого вечера, дорогая госпожа Виардо; в эту минуту вы все собрались в гостиной, вы музицируете, Виардо дремлет у огня — дети рисуют — а я, хотя сердцем я тоже с вами в этой столь любимой мною гостиной, собираюсь поспать еще немного, если удастся, перед тем как отправиться в Кёнигсберг (поезд отходит в десять и три четверти). Я посетил Пича — и жду его к себе на чашку чая.— Он обожает вас больше, чем когда-либо; он очень печален и упал духом, бедный малый! — *Бедный*, увы, это точное слово [1]! Он задал мне тысячу вопросов о вас, о ваших детях и проч. и проч. ... Я видел также его жену, очень худую, и детей, очень милых.— Скажите Виардо, что ввоз оружия в Россию решительно запрещен и что его ружье останется волей-неволей у Пича, которому, впрочем, я его особо препоручу.

Мне кажется, что я сплю и вижу сон: не могу привыкнуть к мысли, что я уже так далеко от Баден-Бадена — люди и предметы проходят передо мной, как будто вовсе меня не касаясь. Как только приеду в Петербург, приложу все старания, чтобы как можно скорее освободиться.

Окончу это письмо завтра в Кёнигсберге или на границе и тогда пошлю его вам.— А пока жму вам руку, на сердце у меня очень тяжело.

15-го, 1 ч.

Вот я и в Кёнигсберге. Выезжаю через полчаса.
Тысяча приветов.

И. Т.

1549. Полине Виардо (с. 244)

С французского:

№ 3

Санкт-Петербург.
Гостиница «Франция»,
у Полицейского моста, № 50.
Суббота, 16/4 января.

Дорогая госпожа Виардо, вот уже два часа, как я здесь, вполне здоровый, но падающий от усталости, долго беседовал с Боткиным и Анненковым и не хочу лечь, не начав этого письма, которое окончу и отправлю завтра.

Воскресенье вечером, 17/5 января.

Не хотел отправлять вам этого письма сегодня утром, так как не мог сказать ничего интересного — а теперь могу. За день перевидал немало всякого народу, в том числе председателя сенатской комиссии, которая должна судить меня [1], и Рубинштейна, которому я передал ваше письмо [2]. С председателем объяснился удовлетворительно и полагаю, что всё это дело разрешится скоро и благополучно. Послезавтра в полдень я должен явиться в Сенат; буду извещать вас обо всем, что со мной случится [3].— Дело с музыкальным альбо-

мом тоже, надеюсь, пойдет как по маслу. Рубинштейн охотно за это берется: он сыграл все 15 номеров и всеми остался очень доволен, а некоторые из них его поразили; особенно восхитили его «Шёпот», «Тихая ночь», «Цветок», «Мой голос», «Колыбельная песня», «Две розы». Он обещал завтра же свести меня со своим издателем, и тут уже мы начнем действовать изо всех сил. Он согласен править корректуры и внесет некоторые изменения в порядок расположения пьес. Нет нужды говорить вам, что времени мы терять не будем [4].

Боткин нанял для меня две славных комнатки, в которых очень тепло — желал бы я, чтобы так же тепло было в баденской гостиной — но должен сознаться, что, как только я остаюсь один, на меня нападает страшная тоска... Я так хорошо приспособился к тихой и очаровательной жизни, которую я вел в Баден-Бадене... Не в состоянии не думать о ней непрестанно и то впечатление — будто я в *сне*,— о котором я вам писал во втором своем письме (посланном из Кёнигсберга; первое было из Берлина), не покидает меня. Чувствую, что буду счастлив и доволен, только когда вернусь в благодатный край, где я оставил лучшую часть своего существа. С завтрашнего дня начинаю ждать писем от вас. О, как я буду радоваться им! Ноге моей лучше, и сегодня я уже совсем не ощущал усталости от долгого путешествия.

Обедал с Боткиным, Анненковым, толстяком Ханыковым и еще одним, четвертым, старым приятелем [5]. Первую половину вечера провел у Рубинштейна; вторую — у Анненкова. Позавчера я дал себе слово видаться только со старыми друзьями. Завтра поеду к графине Ламберт и к Тютчеву.

На улицах много снега, но погода очень мягкая — едва подмораживает. Здесь с большим успехом давали «Фауста»; в среду иду смотреть его [6], а завтра вечером — русскую оперу Серова («Юдифь»). Это сочинение тоже имеет большой успех. Подробно опишу вам свои впечатления [7]. Мое письмо отправится завтра, в *понедельник*; в *среду* и в *пятницу* пошлю еще два.

Тысячу дружеских приветов всем, начиная с Виардо, тысячу поцелуев детям — а вам самое сердечное shakehands [а] и нежнейшие воспоминания.

Der Ihrige [б]
И. Тургенев.

P. S. Передайте, пожалуйста, г-же Анштетт, что я добрался до места и шлю ей свой привет. Сообщите, поставлена ли наконец *Klappe* [в]. Сколько у вас желаний?

1550. **Полине Виардо** (с. 245)

С французского:

№ 4

Баден-Баден,
увы — нет! Санкт-Петербург!
Понедельник, 18/6 января 1863 [а].
Гостиница «Франция», № 50.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, моя рука, надписывая на верху страницы это милое название Баден-Баден, выдала мои по-

---

[а] рукопожатие *(англ.)*.
[б] Ваш *(нем.)*.
[в] вьюшка *(нем.)*.
[а] *Так в подлиннике.*

стоянные мысли... Но я даже слишком в Петербурге! И всё же сейчас для меня самое сладостное мгновение за весь день: время, когда я беседую с вами. Итак, расскажу вам всё, что я делал. Утром я принимал посетителей-литераторов, и это помешало мне выйти из дому рано; кроме того, все близлежащие улицы были запружены войсками, направлявшимися на крещенский парад [1].— Я не смог добраться до графини Ламберт, которую непременно увижу завтра; я нанес два или три визита, потом обедал у моего доброго Анненкова с несколькими старыми друзьями. Оттуда я отправился в театр слушать оперу г-на Серова «Юдифь» [2]. Ну, должен сказать, что это замечательное произведение, несмотря на невыносимые длинноты и неловкости, плачевное исполнение, декорации под стать. Оно происходит по прямой линии от Вагнера [3] — но есть в нем и какое-то дуновение страсти и величия, в котором проявляется музыкальное дарование, очень интересное и даже оригинальное. Большая сцена, предшествующая убийству Олоферна, меня в самом деле поразила. Но представьте себе (я отсюда вижу, как вы смеетесь), что в пятом действии Юдифь является, держа в руке голову этого господина, показывает ее народу, потом поет небесно-голубую арию под аккомпанемент арпеджиями на арфах, и что есть даже курносый молодой человек в тюрбане, который женится на ней в тот же момент! Если эта Юдифь награвирована, я вам ее привезу. Мне очень любопытно знать ваше мнение. Правда, г. Серов вышел из чрева Вагнера, но это не слишком дурной сын. Завтра вечером меня ведут к нему. Утром я отправлюсь в Сенат и оставляю две следующих страницы, чтобы написать, что там со мною случится. В театре я встретил князя Одоевского, который сказал мне с присущей ему серьезностью: «У Вагнера мелодия хроматическая, а у Серова — диатоническая» [4]. После чего я поехал пить чай к Милютину.

Вторник, 19/7 янв. 1864.

Прежде всего спасибо за письмецо, которое вы мне написали и которое пришло ко мне сегодня утром.— Оно доставило мне огромное удовольствие; я имею известия о вас и обо всем горячо любимом Баден-Бадене. Спасибо, спасибо.— Я побывал в Сенате сегодня между двенадцатью и часом дня.— Меня ввели с некоторой торжественностью в большую комнату, где я увидел шестерых старцев в мундирах и с орденами [5]. (Веневитинов был в их числе и мне улыбнулся.) Меня продержали стоя в течение часа Мне прочитали ответы, посланные мною [6]. Меня спросили, не имею ли я чего-либо прибавить -- потом меня отпустили, предложив явиться в понедельник на очную ставку с другим господином [7].— Все были очень вежливы и очень молчаливы, что является отличным знаком,— и, судя по общему мнению, дело окончится еще скорее, чем я надеялся. Тем лучше!

Из Сената я отправился навестить мою старую приятельницу графиню Ламберт и застал ее, по обыкновению, больной, но мало изменившейся. Жизнь ее уж очень печальна... Она обрадовалась, увидев меня, и заплакала. Бедная женщина! — Обедал я снова у Анненкова, а потом провел вечер у Серова, откуда сейчас вернулся.— Он играл нам отрывки из своей новой оперы «Рогнеда» — сюжет взят из наших древних летописей [8].— Так вот, или я жестоко ошибаюсь, или этот странный и нервный человечек обладает очень большим талантом. В особенности меня привели в восторг два хора и ария юноши истинно моцартовской чистоты... Что же — раз я употребил это слово, пусть оно остается.— Но именно сейчас я и

хотел бы иметь вас около себя, чтобы проверять мои впечатления и читать на вашем лице подтверждение или, быть может, отрицание моих ощущений. Мне представляется, что эта «Рогнеда» будет гораздо выше «Юдифи» — в ней много больше непосредственности и оригинальности и влияние Вагнера чувствуется значительно меньше. Он словно дьявол менял облик перед своим фортепиано и пел невероятным голосом.— Этот Серов — великий колорист и мастерски владеет оркестром. В общем, я возвратился под обаянием — и под обаянием нахожусь до сих пор.

Вы должны написать мне, не теряя времени, точные даты вашего пребывания в Лейпциге, Эрфурте и т. д., чтобы я знал, куда вам писать. Здесь совсем не холодно; надеюсь, что и в Баден-Бадене уже не такие сильные морозы и что малышки снова занялись своими санками. Много ли вы работаете? Передайте от меня тысячу приветов всем. Вам же я нежно целую руки.

Der Ihrige [а]
И. Тургенев.

P. S. Поставлена ли *die Klappe* [б]? А валики? А двойная рама в гостиной? — А войлок в маленькой гостиной? Приветствую дверные занавеси! Послезавтра n° 5.

1552. Полине Виардо (с. 248)

С французского:

№ 5

С.-Петербург,
23/11 [а] января 1864. Пятница.
Гостиница «Франция», № 50.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, прежде всего спешу поблагодарить вас за ваше письмо, полученное мною вчера (вместе с письмом от детей).— Это очень мило с вашей стороны, но вы видите, что и я тоже не ленюсь.

Мне надо вам дать отчет за истекшие два дня.— Утром — вернее, *по утрам* — я делал и принимал визиты (меня многие навещают); оба вечера были посвящены музыке.— Третьего дня видел «Фауста»; зала была битком набита, успех же *весьма* средний. Вот мое заключение: Тамберлик (Фауст) отвратителен, голос у него совсем пропал; г-жа Барбо — актриса тонкая и умная и даже поэтичная, но в смысле голоса неудовлетворительна, хотя в конце у нее и было несколько прекрасных взлетов; Эверарди (Мефистофель) — превосходный певец, но актер слабый и невыразительный. Мео (Валентин) плох, тяжеловесен и силы никакой; оркестр хорош, но хор *более чем отвратителен;* после хора солдат не раздалось ни единого хлопка; декорации претенциозны и плохи, в духе Роллера. Все эти итальянцы в этой музыке словно в платье с чужого плеча, которое стесняет движения [1].— Вчера вечером был я на концерте Филармонического общества, которым дирижировал Рубинштейн. Исполняли большие отрывки из «Оберона» (некая г-жа Прохорова; голос у нее красивый, но петь не умеет; впрочем, она еще совсем молоденькая). Мотет Михаэля Гайдна и «Ave verum» Моцарта были

[а] Ваш *(нем.)*.
[б] *вьюшка (нем.)*.
[а] *Так в подлиннике.*

исполнены безукоризненно [2]. Оттуда поехал на званый вечер к итальянскому послу, маркизу Пеполи.[3] Там исполнялась большая патриотическая кантата, с участием всех знаменитостей; мне очень понравился голос г-жи Фиоретти.— Видел много знакомых, в том числе г-жу Адлерберг, которая расспрашивала меня о вас. Князь Долгорукий (вы послушайте только!), глава и начальник всей полиции в империи, один из влиятельнейших сановников, подошел ко мне и несколько минут беседовал со мной; князь Суворов был со мной в высшей степени любезен; всё это доказывает, что во мне не видят заговорщика. Впрочем, один из моих судей, толстый Веневитинов, которого вы знаете, объявил мне, что дело мое — сущий пустяк [4]. Всё это меня очень успокаивает, и я пишу вам об этом для того, чтобы вы выбросили из головы всякие тревожные мысли.

Теперь перейдем к более важному — к вашему альбому. Издатель Иогансен публикует его; рукопись уже прошла через *цензуру* — это было необходимо; теперь начнут печатать «Цветок». Рубинштейн распределил романсы в следующем порядке: «Цветок», «На холмах Грузии», «Тихая ночь», «Полуночные образы», «Шёпот», «Заклинание», «Синица», «Две розы», «Ночью», «Узник», «Птичка божия», «Звезды».

Как видите, мы издаем только 12: издатель нашел, что этого достаточно. Остальные три мы оставляем для альбома будущего года, потому что будет и такой. Выбор сделал Рубинштейн. Исключены: «Для берегов», «Колыбельная песня» и «Ночью, во время бессонницы». Издано будет 1000 экземпляров, исключительно для России; вы получите 2500 франков, которые я вам привезу. Если, тем не менее, вы желаете, чтоб и эти три романса были включены, черкните мне словечко: ничего не может быть легче, как присоединить их к остальным. Через полтора месяца альбом выйдет в свет [5]. Отвечайте мне немедленно.

Обнимите за меня детей и скажите им, что в № 6, который уйдет в *понедельник*, будет листок и для них. Рад был узнать, что вы опять обосновались в вашей маленькой гостиной.— Тысячу приветов Виардо и всем добрым баденцам. Что касается вас, то вы лучше моего знаете всё, что я мог бы сказать вам. Нежно целую ваши руки.

Der Ihrige [б]
И. Т.

P. S. Эти два дня у меня *немного* побаливает нога. Не стал бы упоминать об этом, если бы не обещал вам рассказывать обо всех своих болячках.

1553. Полине Виардо (с. 250)

С французского:

№ 6

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
Суббота, 11/23 января 1864.

Еще одно письмо от вас, theuerste Freundinn [а]! Право же, вы балуете меня, но я не противлюсь и прошу вас продолжать в том же духе. Если вы часто думаете обо мне, то и я могу вам сказать, что

[б] Ваш *(нем.)*.
[а] самый дорогой друг *(нем.)*.

мои мысли не покидают Баден-Бадена. Вы хорошо знаете, что я почувствую себя счастливым лишь тогда, когда вернусь в мою милую маленькую долину.

Рад узнать, что в доме произведены все необходимые переустройства.— Надо, чтобы всем у вас было хорошо.— Что до меня, нога моя немного побаливает, и я жду возвращения брата Боткина — он медицинская знаменитость,— чтобы посоветоваться с ним. Боль невелика и не мешает мне выходить из дому и ходить.

Рубинштейн сказал мне, что он счел долгом отложить «Колыбельную песню» до следующего альбома потому, что есть другой романс, Глинки, на те же самые слова, довольно известный и красивый (мне он, однако, неизвестен) [1]. «Бессонница» показалась ему несколько странной для публики, а поскольку 13 — нехорошее число, он изъял и «Для берегов» [2].

Второй раз слушал — вместе с Боткиным — отрывки из «Рогнеды» и вынес то же впечатление [3]. Мой привередливый друг также находит большие красоты в этой новой музыке.

Понедельник 13/25 янв⟨аря⟩.

Спешу сообщить вам результат моего вторичного посещения Сената. Он более чем благоприятный. Не было даже очной ставки: удовольствовались тем, что вручили мне всё мое дело полностью (что, между прочим, является доказательством большого ко мне доверия), указав мне страницы, на которых упоминается мое имя. Я написал несколько замечаний или, вернее, добавочных разъяснений, которые, кажется, вполне удовлетворили шестерых моих судей. Очевидно, дело совсем пустяковое. Судьи меня даже не допрашивали [4]. Они предпочли поболтать со мной о том, о сем, и всего-то в течение каких-нибудь двух минут.— Завтра опять пойду в Сенат — вероятно, в последний раз.— Как видите, всё устраивается превосходно, и к возвращению моему не будет никаких препятствий. Через пять-шесть недель, самое позднее, si Dios quiere [б], буду иметь счастье увидеть вас; во всяком случае, отсутствие мое продлится не долее двух месяцев.— Я очень рад этому; тем более, что мое присутствие здесь стало необходимым, и всякая проволочка могла бы иметь дурные последствия. Мое возвращение в Россию заставило умолкнуть кучу сплетен, столь же неприятных, как и глупых [5]. Всё это я как-нибудь расскажу вам, сидя рядом с вами, в вашей милой маленькой гостиной.— Так что беспокоиться теперь уже не о чем; лишь немного терпения. Это слово я повторяю себе очень часто.

Со вчерашнего дня ноге моей гораздо лучше; сегодня весь день не снимал сапога.

Очень боюсь, что письмо это уже не застанет вас в Баден-Бадене; завтра же напишу вам в Лейпциг [6].— Эти два дня я мало кого видел; вчерашний вечер провел у моей доброй графини Ламберт, здоровье которой как будто восстанавливается.— Избегаю всякого общения с литературным миром: эти господа напоминают погремушки: маленькие, пустые внутри и шумят. Забавы ради, просматриваю журналы и газеты, вышедшие в мое отсутствие: чтение малопоучительное. Почти полное отсутствие талантов. Молодые люди утверждают, что это и необязательно, что это вышло из моды; вот уж бравые ювелиры, вроде г-на Жосса [7].

[б] если бог даст *(исп.)*.

До завтра, дорогой и добрый друг. Положительно, не умею сказать вам, как много я думаю обо всех вас; право же, я всё время с вами. Прилагаемое письмецо отдайте детям [8]; поцелуйте их за меня, передайте сердечный привет Виардо и другим. Нежно целую ваши руки.

Der Ihrige [в]
И. Т.

P. S. Кстати! Я не получил от Боденштедта двух переводов: «Узника» — «Der Gefangene» и «Птички божией» — «Das Vöglein». Напишите ему, чтобы не вышло задержки [9].

1554. Полине Виардо (с. 252)

С французского:

№ 8

С.-Петербург.
Гостиница «Франция», № 50.
Четверг, 28/16 янв. 1864.

Theuerste Freundinn [а], вот славное письмо, которое доставило мне такое удовольствие и такую радость! Но, право же, мне совестно, что меня так любят.— Я почти готов просить прощения — и в то же время чувствую себя таким счастливым! Благодарю, тысячу миллионов раз благодарю!

Весь вчерашний день я не выходил из комнаты, чтобы попытаться «побороть» свой кашель, как говорят врачи, и полагаю, что мне это удалось — ибо сегодня я уже совсем здоров — и выходил.— Видел г-жу фон Раден и долго беседовал с великой княгиней Еленой. Мы много говорили о вас. Она не понимает, как можно жить зимою в Баден-Бадене — а я не понимаю, как можно жить в другом месте. Вечером пошел в русский театр смотреть пьесу Островского. На мой взгляд, актеры отвратительные, актрисы еще того хуже: фальшивые интонации, фальшивые жесты. Когда я вижу фальшь на сцене, мне всегда хочется забраться *под* стул [1]. Получил письмо от г-жи Иннис и от Полинетты: дело с Пине принимает всё более и более свадебную окраску. Полагаю, что теперь можно попросить вас навести справки об этом господине; он занимает место *синдика по делам о несостоятельности*. О, если б всё могло устроиться к концу апреля [2]! Вот felicità [б]!

Надеюсь, что письмо № 7 дошло до вас [3] — я адресовал его в Лейпциг, П⟨олине⟩ В⟨иардо⟩ — berühmte Sängerin, zu erfragen im Gewandhaus [в, 4]; по тому же адресу пошлю и это письмо. Теперь вы уже знаете, что мои посещения Сената кончились, и я волен уехать, когда мне вздумается [5]. Боюсь, как бы наш издатель не стал очень тянуть [6]. Что до моего дядюшки [7], то он будет здесь 5/17 февраля.

[в] Ваш *(нем.)*.
[а] Самый дорогой друг *(нем.)*.
[б] счастье *(итал.)*.
[в] знаменитой певице, справиться в Гевандхаузе *(нем.)*.

Пятница утром 29/17.

Добрый день, meine liebste, theuerste Freundinn [г]! Погода опять стоит очень холодная — небо синее, улицы белые. Боюсь, как бы вы не простудились в ваших странствиях. Берегите себя, умоляю вас. В особенности ваша поездка в Бремен кажется мне такой далекой! — Итак, послезавтра вы уезжаете... А я, как вам известно, *пять дней* — с 5 по 10 марта по новому стилю — пробуду в Баден-Бадене или Карлсруэ. Что вы на это скажете? А затем твердо надеюсь в конце апреля возвратиться в Баден-Баден, чтобы оставаться там до бесконечности... А на это что скажете?

Журнал, в котором должна появиться моя известная вам вещица, еще не получил от министра разрешения воскреснуть; но это будет решено на днях, так что печатание ее не может задержать моего отъезда [8]. Если понадобится, поручу держать корректуру моему старому другу Анненкову. Боюсь, что с другим моим издателем, тем, что издает романсы, у меня будет больше хлопот [9]. Кстати о музыке: я просил Серова отдать переписать для вас самые примечательные места из «Юдифи» и привезу их вам.

Недавно я обедал у г-жи Абаза (урожденная Штуббе) — и она просила меня кланяться вам. Здесь ходят слухи, что Рубинштейн хотел бы пригласить вас на 10 представлений («Орфей» и «Альцеста») [10].

Надеюсь, что Виардо поправился; напишу ему завтра. Один очень знающий врач сказал мне, что эти ночные страхи *вовсе* не опасны, хотя довольно тягостны. Я тоже одно время был подвержен им.

№ 9 уйдет *отсюда в понедельник* [11]. А пока прошу вас передать от меня поклон доброй г-же Флинш. Я уверен, что у нее в доме вы будете как у Христа за пазухой. Говорю вам: до свидания, желаю быть совершенно здоровой и очень, очень нежно целую ваши любимые руки.

Der Ihrige [д]
И. Т.

1555. **Полине Виардо** (с. 254)

С французского:

№ 9

С.-Петербург.
Гостиница «Франция»,
19/31 января 1864.
Воскресенье.

Theuerste, beste Freundinn [а], сейчас полночь, вы едете по железной дороге в направлении Эрфурта и Лейпцига — надеюсь, что вы спокойно спите, в то время как я мысленно сопровождаю вас и вижу вас отсюда закутанною в теплую шубу, с теплым пледом на ваших дорогих ногах, в полутемном и хорошо натопленном вагоне.— Если вы спите, является ли вам верный ваш друг в этом далеком Петербурге, неустанно прижимающий к сердцу ваше горячо любимое изображение и считающий дни, которые еще отделяют его от

[г] мой самый любимый, дорогой друг *(нем.)*.
[д] Ваш *(нем.)*.
[а] Самый дорогой, лучший друг *(нем.)*.

вас.— Будьте тысячу раз благословенны; пусть ваше путешествие будет удачным, пусть вам во всем сопутствует успех, а я по возвращении буду иметь счастье увидеть вас в добром здравии, бодрой и веселой и по-прежнему дарящей меня своей привязанностью, которая является самым большим сокровищем и единственной целью моей жизни!

Я получил сегодня ваше письмо, помеченное «маленькой гостиной, 25» [1] — я написал вам два письма в Лейпциг — адресуя их П⟨олине⟩ В⟨иардо⟩, berühmte Sängerin, am Gewandhaus [б].— Надеюсь, что они до вас дошли [2]. Если же, однако, вы их не получили, скажу вам только, что мое дело в Сенате кончено — и я получил заверение, что мне не откажут в разрешении ехать, куда я захочу, даже за границу; —вследствие чего я через месяц покину Петербург. Завтра мне должны доставить первые корректуры романсов: издатель уверяет, что будет спешить изо всех сил. Нога моя больше не болит, и кашель у меня пропал. Погода с моего приезда сюда, за исключением двух-трех холодных дней, стояла очень мягкая. Я жду дядю — кстати, посылаю вам его фотографию, исключительно похожую: она может вам быть интересной. Привезу вам, коль скоро вы того желаете, собрание моих собственных фотографий. Мне очень жаль, что я не взял с собой фотографию Диди.— Что касается вашей, то она — моя отрада, и ежедневно я подолгу и с удовольствием созерцаю черты этого лица, выражение которого трогает меня до глубины души и в котором я обнаруживаю каждый раз нечто еще более пленительное.

Я присутствовал (вчера) на превосходном представлении «Фиделио»: все роли исполнялись первоклассными артистами [3]. Кальцолари пел Флорестана, г-жа Барбо не совсем удовлетворительна в смысле голоса и игры — особенно в главной сцене — но в ее исполнении есть какое-то поэтическое дуновение — это иногда слишком уж изящно и слишком уж по-французски; она вкладывает много старания и поет очень добросовестно.— Рокко и тиран (Анджолини и Эверарди) были превосходны. Старик Боткин млел, сидя рядом со мной,— и я должен сказать, что музыка произвела на меня необычайное впечатление. Я аплодировал, как клакер. Сегодня я слушал 127-й (посмертный) квартет Бетховена, безукоризненно сыгранный Венявским и Давыдовым. Это совсем иное дело, нежели Морен и Шевийар. Венявский чрезвычайно вырос с тех пор, как я слышал его в последний раз; он сыграл «Чакону» Баха для скрипки соло так, что заставил себя слушать даже после несравненного Иоахима [4].

Я начинаю думать, что моя повесть не выйдет в свет [5]; друзья мои немного испуганы и шепотом твердят: «нелепость!» Можете себе представить, что скажет публика! Мне немного жаль довольно круглой суммы, которую мне принесло бы это предприятие; но не следует ставить себя в такое положение, чтобы тебе в будущем платили меньше.— Однако я сам в высшей степени удивлен этими своими глубокими расчетами.

Один литератор из числа моих друзей, по фамилии Дружинин, умер сегодня утром; он давно уже был болен (чахоткой), и когда я увидел его (через несколько дней после моего приезда) — это был призрак. Он уснул спокойно, без страданий. Смерть — великая и ужасная вещь, и если бы она могла слышать то, что ей говорят, я умолил бы ее оставить меня еще на земле: я хочу видеть вас еще, и

[б] знаменитой певице, в Гевандхаузе *(нем.)*.

еще долго, если это возможно. О мой дорогой друг, живите долго и позвольте мне жить подле вас.— Прощайте, до послезавтра. Передайте тысячу приветов г-же Флинш.— Что до вас, то целую ваши руки mit Inbrunst [в].

Der Ihrige [г]
И. Т.

1556. Полине Виардо (с. 256)

С французского:

№ 10

С.-Петербург.
Гостиница «Франция»,
$\frac{\text{3 февраля}}{\text{22 января}}$ 1864.
Среда.

Дорогой и добрый друг, ваш триумф в Страсбурге обрадовал вас уж, конечно, не больше, чем меня — и я напеваю слова старой немецкой песни: «O Strassburg! du wunderschöne Stadt!» [а,1]. Теперь — черед Лейпцига, и я хорошо знаю, где будут мои мысли сегодня вечером. Смотрите только, не утомляйтесь и не хворайте; я непременно должен найти вас возможно более бодрой и цветущей. Через какой-нибудь месяц с небольшим... Ничего, ничего, молчание! — как говорит сумасшедший у Гоголя [2].

(Кстати, вам незачем писать на имя Боткина; пишите просто: Ивану Сергеевичу Тургеневу.)

Эти два дня были у меня невеселые: вчерашнее утро ушло на похороны литератора, о котором я писал вам в предыдущем письме [3].— В этих обрядах есть очень жестокие детали: покойника держат с открытым лицом и дома и в церкви, дают ему прощальное целование... там была его старуха мать.— Поговорим о другом. Я обедал у Веневитинова [4], говорили о вас и о *наших* романсах. Чтобы дать понятие о них моему другу Фету, я попросил спеть их некую г-жу Зыбину, которая в здешнем обществе слывет великолепной музыкантшей: и что же? эта храбрая особа путалась на каждом шагу, и я мог убедиться, что она, подобно большинству моих соотечественников, плохо знает риторику, а грамматики и вовсе не знает. У этих любителей нет основы. Дочь ее, молодая особа лет 16—17, лучше справилась с аккомпанементом. Продолжаю подгонять моего издателя. А между тем этот негодник Боденштедт не шлет мне перевода «Птички» и «Узника». Писали вы ему [5]?

Не забудьте дать мне знать, какого числа в марте состоится первое представление «Орфея» в Карлсруэ [6]. Мне не хотелось бы приехать в Баден-Баден и не застать вас: надо, чтоб мне дано было счастье увидеть всё семейство в станционной галерее, ведь вы, надеюсь, встретите меня: я отправлю вам телеграмму из Берлина.— Das Herz wird mir im Leibe hüpfen [б]!.. Не хочу об этом много думать, ибо это — такое огромное счастье, что я, наверное, буду мучиться опасениями и страхами, что оно не сбудется... Но нет! Бог милостив, и ему будет приятен вид человека, обезумевшего от ра-

---

[в] со страстью *(нем.)*.
[г] Ваш *(нем.)*.
[а] О, Страсбург! чудесный город! *(нем.)*.
[б] Сердце у меня в груди забьется *(нем.)*.

дости... Молчание! молчание! — повторяю я опять вслед за гоголевским сумасшедшим.

Фет и Боткин завтра оба едут в Москву; осенью они обещали навестить меня в Баден-Бадене. Мне придется расположить их в еще пустых комнатах. Кстати, навели ли вы справки о г-не Пине?

Мой старый друг Анненков счастлив, как только может быть счастлив человек: он обожает свою жену и она его; так приятно на них смотреть: они так влюблены друг в друга, что даже бранные слова, которыми они обмениваются, пропитаны нежностью.— Я часто вижусь с ними.— В обществе бываю редко и без большого удовольствия. В особенности в женской его части нахожу какой-то привкус... который мне не по вкусу. Простите мне эту ужасную игру слов.

До послезавтра. Надеюсь, что я дошел уже до половины моих писем и всех их будет не больше 20, или немногим больше. В ожидании счастья прижать к своим губам ваши столь любимые руки, делаю это на бумаге и желаю вам всего самого лучшего на свете.

Der Ihrige [в]
И. Т.

1557. Полине Виардо (с. 257)

С французского:

№ 11

С.-Петербург.
Гостиница «Франция», № 51.
Пятница $\frac{\text{5 февраля}}{\text{24 января}}$ 1864.

Theuerste Freundinn [а], два первых романса: «Цветок» и «На холмах Грузии» — уже выгравированы.— Уф! —Теперь дело пойдет быстро, как уверяет меня издатель [1]. Дядюшка приезжает через 10 дней — и через месяц я должен быть в Баден-Бадене. В понедельник я представлю в Сенат мое прошение [2], а к концу будущей недели получу паспорт. Так я буду чувствовать себя спокойнее. Этот негодник Боденштедт мне не пишет! Поэтому я, на всякий случай, попробую обойтись без его помощи [3]. Я перевел «Цветок» [4] — вот так. Напишите мне поскорее, годится ли это, на ваш взгляд, для *пения*. Что касается смысла — он сохранен — и нет ошибок ни в грамматике, ни в версификации [б].

Выберите также сами один из вариантов в каждом из четырех мест, где я их наметил. Посылаю это также Боденштедту — но если он мне не ответит, напечатаю свой перевод. Я начал перевод «Узника» — и пошлю вам его в воскресенье или в понедельник. Эти два романса стоят под №№ 10 и 11.

С нетерпением ожидаю письма́ из Лейпцига. Не могу сказать вам, до какой степени постоянно я думаю о вас. Мое сердце буквально тает от умиления, едва ваш милый образ — не скажу: является мне мысленно — потому что он никогда не покидает меня — но как будто приближается ко мне. Ich fühle beständig auf meinem

---

[в] Ваш *(нем.)*.
[а] Самый дорогой друг *(нем.)*.
[б] *Следует перевод Тургенева на немецкий язык стихотворения Пушкина «Птичка» («Птичка божия не знает...»).*

Haupt die theure Last Ihrer lieben Hand — und bin so glücklich zu fühlen, dass ich Ihnen angehöre, dass ich in beständiger Anbetung vergehen möchte! Wann wird endlich die selige Minute schlagen, wo es meinen Augen gegönnt sein wird, die Ihrigen zu sehen... Mein Herz, halte aus und sei geduldig [в].

Вчера я был в концерте здешнего Филармонического общества (общества Рубинштейна) [5]. Некоторые вещи были непростительны: маленькая трехгрошовая пианистка, г-жа Гардер, которую вы видели у Дамке, отбарабанила концерт Мендельсона — а другой болван, по имени Агренев, промяукал «il mio tesoro» [г]. Большое сочинение Лахнера под названием «Сюита» (вариации для оркестра) очень меня заинтересовало; затем исполнили те же отрывки из последней Мессы Бетховена, какие пели в Консерватории — они показались мне чудесными, хотя и слишком длинными и плохо приспособленными для голосов. Там одна скрипка всё время играет в самых высоких областях — и в прямом, и в переносном смысле... Вы понимаете, что я хочу сказать. Публика в этом совсем не разобралась, недаром она много аплодировала г-же Гардер. Впрочем, то же было и в Консерватории.— До понедельника, № 12 [6]. А пока — желаю вам всего самого лучшего — und ich küsse, kniend, den mir heiligen Saum Ihres Kleides.

Der Ihrige [д] И. Т.

1559. **Фридриху Боденштедту** (с. 259)

С немецкого:

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
Суббота, 6 февраля / 25 января 1864.

Только что получил я ваше письмо, многоуважаемый друг мой, и спешу выразить вам мою горячую благодарность. Переводы прекрасны — это само собой разумеется, ибо они ваши [1]. Об этом и здесь все говорят в один голос. Они прибыли вовремя — так как печатать уже начали, и это пойдет теперь быстро. Я намерен покинуть Петербург самое большее через месяц — и к этому времени всё должно быть готово. Мое quasi [а] политическое дело в Сенате (вы, вероятно, слыхали о нем) приняло быстрый и благоприятный оборот: это была, в сущности, одна формальность, впрочем неизбежная [2]. В этом отношении, а равно и в некоторых других, я очень доволен моей поездкой. Я еду теперь в Париж и останусь там до весны, затем отправлюсь в Баден-Баден и теперь уже радуюсь вашему посещению, которое будет, надеюсь, более продолжительно, чем в прошлом году [3]. Я охотно переговорю с здешними книгопро-

---

[в] Я чувствую постоянно на своей голове дорогую тяжесть вашей любимой руки — и так счастлив сознанием, что вам принадлежу, что желал бы раствориться в непрестанном поклонении! Когда же наконец пробьет счастливое мгновение, когда моим глазам позволено будет видеть ваши... Сердце мое, успокойся и будь терпеливым *(нем.)*.

[г] «мое сокровище» *(итал.)*.

[д] и целую, коленопреклоненно, священный для меня край вашего платья. Ваш *(нем.)*.

[а] якобы *(лат.)*.

давцами по вопросу о переводе и сообщу вам о результате [4]. Вы пишете мне о мытарствах, через которые вам пришлось пройти, но ничего не говорите о своем здоровье. Я считаю это умалчивание хорошим знаком и надеюсь, что вы не страдаете по крайней мере физически. Моя боль в ноге (имевшая, вероятно, подагрический характер) прошла — и я чувствую себя вообще хорошо. Только погода стоит здесь очень дурная — вы думаете, может быть, что у нас холодно? — нет, сыро и туманно. Кланяйтесь очень и очень госпоже Нелидовой и Гейзе и примите уверение в совершенном моем уважении.

Преданный вам
И. Тургенев.

На конверте:

Баварское королевство.
Его благородию
господину д-ру Ф. Боденштедту,
в *Мюнхене.*

1560. Кларе Тургеневой (с. 260)

С французского:

Санкт-Петербург.
Гостиница «Франция».
Суббота, $\frac{\text{6 февраля}}{\text{25 января}}$ 1864.

Дорогая и милая госпожа Тургенева, я очень рад, что письмо книгопродавца, которое вы мне посылаете, не застало меня в Париже — это доставило мне удовольствие получить письмо от вас [1]. Очень благодарю вас за него и прошу верить в искренность и прочность моей дружбы и благодарности к вам. Сведения о вас и о ваших вызвали у меня живейший интерес; я рад, что г-н Тургенев чувствует себя в этом году хорошо. Он не должен слишком много волноваться из-за современного положения дел: по всему видно, что положение России значительно улучшилось, а это самое главное для испытанного патриотизма вашего мужа [2].— Моя дочь, вероятно, рассказала вам о благополучном исходе моего дела в Сенате; судьи мои держали себя в высшей степени учтиво: собственно говоря, не было ни допроса, ни очной ставки; обвинение было слишком ничтожно, и пришлось только выполнить формальность, формальность необходимую, охотно с этим соглашаюсь [3].— Как только устрою некоторые срочные [a] дела [4], выеду в Париж, где мое присутствие необходимо. Рассчитываю быть там в начале марта по новому стилю.

Сердечное участие, которое вы проявляете к моей дочери, позволяет мне, не колеблясь, сказать вам несколько слов об одном деле, вам небезызвестном. Я делаю это тем более охотно, что жду от вас доброго совета. Речь идет о г-не Пине. Если сам он личность, кажется, вполне почтенная, то его положение (синдика по делам о несостоятельности) не столь почетно, как бы того хотелось. Так ли это на самом деле? Я был бы удручен, если бы замужество моей дочери поставило ее в тяжелое или неловкое положение. Будьте добры сказать об этом откровенно ваше мнение, которое, разумеется, существенно повлияет на мое решение.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* неотложные.

Передайте, пожалуйста, привет г-ну Тургеневу и всем вашим — а вы примите уверение в моей самой искренней преданности.

И. Тургенев.

На конверте:

Госпоже К. Тургеневой.
Лилльская ул., 97.
Париж.

1563. Полине Виардо (с. 263)

С французского:

№ 13

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
Вторник, $\frac{\text{28 января}}{\text{9 февраля}}$ 1864.

Theuerste Freundinn [a], я получил сразу два письма из Лейпцига, с фотографическими карточками моей милой маленькой Диди — и от всей души вас благодарю. Очень сожалею, что мое письмо № 7 не дошло до вас — но, к счастью, я вторично сообщил вам великую новость в № 8, так что вы узнали ее немедленно [1]. Очень доволен, что вы не едете в Бремен; это дальнее путешествие теперь, когда еще стоят холода, вовсе мне не улыбалось, и я в тысячу раз предпочитаю знать, что вы спокойно сидите в вашем баденском гнездышке, куда я и адресую вам это письмо.— Думается мне, что в Лейпциге вы должны чувствовать себя прекрасно; публика вас любит, артисты восхищаются вами и понимают вас, возле вас добрая подруга, которая о вас заботится и, между прочим, благодаря этому стала мне еще симпатичней прежнего [2]... Всё это радует мне сердце. Я не сомневаюсь в приезде Пича (кстати, я не раз давал ему денег — так что он примет их и от вас); вот еще человек, преданный вам. Пришлите мне, прошу вас, несколько вырезок из газет или хотя бы их копий; это может пригодиться, а главное, доставит мне большое удовольствие.

Не опасайтесь, что печатание вашего альбома задержит мой отъезд: ровно через три недели, *день в день* (опять-таки при условии, si Dios quiere [б]), я отправляюсь в путь и остановлюсь только в Баден-Бадене.

Журнал, в котором будет напечатана моя «фантазия», только что наконец вновь разрешен, и программа его сегодня появилась вместе с объявлением о моей новой вещи [3] и т. д. Жребий брошен; если публика станет смеяться надо мной, что ж? — я легко утешусь.— Вы ее одобрили; остальное неважно. Через два-три дня мне доставят корректуру.— Паспорт я получу в субботу.

На дворе опять очень холодно, и мой застарелый кашель (ведь у меня не одна постоянная болезнь!) опять докучает мне. Но я не очень-то обращаю на него внимание — а когда он начинает слишком надоедать мне, перестаю выходить — холод раздражает горло. С ногой все обстоит превосходно — я и забыл о ней — и вообще здоровье очень хорошее.

---

[a] Самый дорогой друг *(нем.)*.
[б] если бог даст *(исп.)*.

Скажите детям, что я всё еще жду от них ответа на посланное им письмо [4] и надеюсь, что ответ этот будет с рисунками Диди [в].— Ведь в моем же письме были рисунки.— А еще скажите Диди, что я везу ей целую коллекцию русских сказок; среди них есть очень забавные [5].— Надо будет не потратить даром ни единой минуты из 5—6 дней (увы! не больше), которые я проведу в Баден-Бадене перед тем, как вернуться в Париж.

Тысячу приветов Виардо (ему я недавно писал) [6] и всем баденцам; тысячу крепких поцелуев детям и сердечнейшее shakehands [г], вместе с лучшими пожеланиями,— вам. Будьте здоровы и не забывайте

Den Ihrigen [д]

И. Т.

1565. Полине Виардо (с. 265)

С французского:

№ 14

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
Пятница, 31 января / 12 февраля 1864.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, ваше письмо № 10 (в действительности оно 12-е), помеченное Лейпцигом, 7 февраля, получено мной вчера — и хотя оно доставило мне бесконечное удовольствие, но в то же время и огорчило меня, подтвердив факт пропажи некоторых моих писем. В Лейпциг я вам послал их 5 (от № 7 до № 12), а до вас до сих пор дошло только одно [1]! Как было адресовано полученное вами: Ritterstrasse, № 4, или же: zu erfragen im Gewandhaus [а]? Это тем более огорчает меня, что все мои попытки выяснить дело здесь не привели ни к чему.— Приходится покориться злому року, который, по-видимому, тяготеет только над моими письмами — так как ваши, к счастью, дошли до меня все!

NB. Это письмо, № 14,— второе, которое я вам адресую снова в Баден-Баден.

Кстати о Баден-Бадене, я получил письмо от Виардо вместе с коллективным посланием троих детей.— С удовольствием убедился, что в этом милом маленьком царстве всё идет отлично и что все там чувствуют себя превосходно. Луиза устроится у г-жи Анштетт с 15-го марта! Я уверен, что там за ней будет наилучший уход и всё будет сделано для того, чтобы помочь ей пережить опасный момент.— Поскольку я рассчитываю вернуться в Баден-Баден *самое позднее* 8-го марта и пробуду там около недели — то до отъезда в Париж я еще увижу обоих супругов. Боюсь, что Эрнест, не имея определенных занятий, будет немного скучать, и не вижу, на что бы он мог истратить свой избыток энергии, но ведь и серьезных забот у него будет немало — когда ожидаете вы рождения внука или внучки [2]?

Печатание альбома подвигается медленнее, чем бы мне хотелось. Г-жа Абаза в полном восторге от «Mitternächtige Bilder» [3]; это

[в] *Далее зачеркнуто:* письмо.
[г] рукопожатие *(англ.)*.
[д] вашего *(нем.)*.
[а] спросить в Гевандхаузе *(нем.)*.

делает честь ее вкусу и музыкальному чутью. Издатель альбома [4] — болтун, который поддакивает каждому моему слову и, главное, чужд всяких сомнений: не очень я люблю таких людей. Но я его всё время пришпориваю. Боткин еще не возвратился из Москвы, но я жду его со дня на день.— Усиленно веду переговоры относительно нового издания моих сочинений. Признаюсь, я не ожидал, что предыдущее так скоро разойдется, и постараюсь, чтобы на сей раз меня не ограбили, как тогда [5].

Эти деньги пригодятся для свадьбы... Но будет ли она, эта свадьба [6]?

Приходится больше сидеть дома: на холоде кашель обостряется. А впрочем, чувствую я себя превосходно.

Я счастлив, что лейпцигская публика ценит и любит вас. Была ли еще когда-нибудь другая певица, которая бы в одном и том же концерте и пела и играла на фортепиано! — Здесь получают «Illustrierte Zeitung», и я слежу, чтобы не пропустить статьи, где будет речь о вас. То, что вы говорите о г-же Ниман, не удивляет меня: это одна из тех натур, которые встречаются на севере Германии и которые мне pur troppo [б] знакомы — они могут заинтересовать только добропорядочную, просвещенную и, в сущности, пошлую публику. Посредственное, холодное и искусственное, убирайтесь ко всем чертям! Всё, что вы сказали,— превосходно.— Theuerste Freundinn [в], иду за паспортом. Сообщите мне, пожалуйста, №№ полученных вами моих писем.— Угадайте, что это за старичок, фотографию которого я вам посылаю [7].— Он у ваших ног и посылает тысячу приветов всему вашему мирку.

Der Ihrige [г]
И. Т.

1567. **Полине Виардо** (с. 267)

С французского:

№ 15

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
3/15 февраля 1864.
Понедельник.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я получил ваше письмо из Лейпцига с вариантами «Птички» [1], но вам, вероятно, уже известно, что Боденштедт прислал мне полный перевод [2], разумеется, он и пойдет. Первые шесть романсов уже полностью набраны. Иогансен клянется, что и с остальными управятся до конца будущей недели.— Я выезжаю отсюда, опять-таки, si Dios quiere [а] — в среду, $\frac{19\ \text{февраля}}{2\ \text{марта}}$, т. е. чуть больше, чем через две недели. Никогда еще время не тянулось для меня так медленно. Стараюсь работать, чтобы оно шло быстрее. Вчера у нас было заседание нашего общества помощи нуждающимся литераторам. Ждали запросов со стороны нетерпеливых, тех, кого здесь с моей легкой руки (я впервые ввел это

[б] к сожалению *(итал.)*.
[в] Самый дорогой друг *(нем.)*.
[г] Ваш *(нем.)*.
[а] если бог даст *(исп.)*.

слово в «Отцах и детях») зовут «нигилистами»; нас они находят чересчур благоразумными; но всё сошло отлично; в комитет выбраны люди умеренные (меня выбрали членом комитета и председателем ревизионной комиссии) [3]. Потом состоялся обед в честь нашего покойного собрата Дружинина [4]; мы много говорили, ничего особенного не сказав; много ели и пили — в особенности я — за что и поплатился довольно сильным недомоганием (вы узнаете меня, не правда ли?), но ведь там были трюфели. Сегодня выпил лишь чашку чаю и ложусь спать, испытывая волчий голод, утолять который не стану.

Только что выправил корректуру моей «фантазии» [5]. Жребий брошен.— Будут ли ее ругать или хвалить, я отнесусь к этому равнодушно; и вы не усомнитесь в этом, когда узнаете, что журнал, где она будет напечатана, выйдет, когда я уже буду в Баден-Бадене. Вы уже там; быть может, именно сейчас подъезжаете к городу, и мысль моя следует за вами и сопровождает вас в момент вашего возвращения в ваше милое гнездышко. Не очень-то гордитесь,— еще немного, и я сделаю то же. (Не забудьте, прошу вас, справиться о положении, занимаемом синдиком по делам о несостоятельности: из письма Полинетты, только что полученного мною, в сравнении с тем, что она говорила, а возможно, и думала раньше, я вижу, что брак этот теперь ей больше по душе [6]. О розовая мечта, сколь трудно ты достижима!)

Вечер провел у некой г-жи Виноградской, в которую когда-то был влюблен Пушкин. Он посвятил ей несколько стихотворений, признанных одними из лучших в нашей литературе. В молодости, должно быть, она была очень хороша собой и теперь еще при всем своем добродушии (она не умна) сохранила повадки женщины, привыкшей нравиться. Письма, которые писал ей Пушкин, она хранит как святыню; мне она показала наполовину выцветшую пастель, которая изображает ее в 28 лет: белокурая, с нежным и очаровательно наивным беленьким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке... немного смахивает на русскую горничную вроде Параши. На месте Пушкина я бы не писал ей стихов. Ей, по-видимому, очень хотелось познакомиться со мной, и, так как вчера был день ее ангела, мои друзья преподнесли ей меня вместо букета. У нее есть муж, на двадцать лет моложе ее: приятное семейство, даже довольно трогательное, но и комичное [7].

Прощайте, до среды... а затем, через две недели... Будьте здоровы; всем от меня передайте тысячу приветов. Очень нежно целую ваши руки.

Der Ihrige [б]
И. Т.

1568. Полине Тургеневой (с. 269)

С французского:

С.-Петербург.
Вторник, 4/16 февраля 1864.
Гостиница «Франция».

Дорогая Полинетта, все-таки я должен сдержать слово и написать наконец это письмо, которое обещал тебе уже давно. Твоих писем я получил два или три, и они доставили мне большое удовольствие. Мне кажется, что ты начинаешь относиться к жизни серьезнее, и я был бы как нельзя более доволен, если бы увидел, что

[б] Ваш *(нем.)*.

исчезают твои другие маленькие недостатки, которых нет надобности называть, потому что ты их знаешь так же хорошо, как я. Насколько я мог прочесть между строк, кажется, можно сделать вывод, что г-н П⟨ине⟩ тебе не совсем безразличен; но вы прекрасно сделали, приостановив всё дело до моего возвращения, которое не задержится: мы увидим тогда, что надлежит делать, надо ли сохранить status quo [a] или же покончить с ним. Признаюсь, я не понимаю, что может быть унизительного в звании синдика по делам о несостоятельности; тем не менее, хотя я и не стремлюсь к тому, чтобы ты заняла положение в большом свете — я не хотел бы, чтобы твое положение лишало тебя права посещать твое обычное общество на равной ноге [1]. В конце концов мы обсудим всё это — и, надеюсь, в скором времени — так как я рассчитываю вернуться в Париж самое позднее через три недели.

Что касается военного, о котором тебе говорила г-жа Делессер [2], я полагаю, что ты была права в своем отвращении. Но прибавлю, что, вообще говоря, мы не в состоянии быть слишком разборчивыми — то есть отталкивать людей единственно из-за того, какую они носят одежду.

Я сердечно благодарен г-же Делессер и всему семейству Тургеневых за всю их доброту к тебе и очень огорчен, что здоровье Альберта не улучшается. Передай им тысячу приветов от меня. Получила ли г-жа Тургенева мое письмо [3]? Я видел двоюродного брата г-на Жоанна: г-н Дюлу еще не приехал.

Г-жа Ольга Сомова живет в *Царском Селе* под Петербургом. Напиши этот адрес и можешь быть уверена, что твое письмо дойдет по назначению.

Советую тебе заняться своим фортепиано, которое ты забросила в последнее время. Что касается немецкого, то мне кажется, что у тебя своего рода антипатия к этому прекрасному языку, раз ты находишь, что, вопреки твоим несомненным способностям и прилежанию, ты не делаешь успехов. Надо с этим примириться.

До скорого свидания, моя дорогая девочка, очень нежно целую тебя.

Твой отец
И. Тургенев.

1569. Полине Виардо (с. 270)

С французского:

№ 16

С.-Петербург.
Четверг, 6/18 февраля 1864.
Гостиница «Франция».

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я получил одно за другим ваши последние письма из Лейпцига, большое и маленькое. Те изменения в «Шепоте», о которых вы просите меня в маленьком, к сожалению, уже неосуществимы: этот романс уже набран [1].— Правда, эти два стиха довольно-таки неясны — но ведь под ними стоит имя Боденштедта, а он — авторитет и сам должен отвечать за свой перевод. Его можно будет изменить потом для сборника,— я хочу сказать: альбома,— который выйдет у Брейткопфа (эта новость меня чрезвычайно обрадовала). Об этом мы договоримся в Баден-Бадене [2]. Боденштедт прислал мне новый, исправленный

---

[a] существующее положение *(лат.)*.

перевод «Ночью, во время бессонницы», но, так как этот романс — в числе отложенных, я оставлю его у себя до своего возвращения [3]. 4 первых стиха второй строфы «Птички» будут такими, как вы желаете [4].— Весь альбом выйдет непременно к концу будущей недели [5].

Ваше большое письмо бесконечно меня обрадовало.— Все подробности вашего пребывания в Лейпциге и вашего знакомства с Францем бесконечно важны для меня [6]. Я прочел г-же Абаза строки, относящиеся к ней; она очень благодарит вас и просит передать вам, что гордится тем, что вы о ней говорите.— Она много хлопочет о вечере, на котором будет исполняться альбом; я написал ей русские слова — и она учит их наизусть.— Здесь есть один недурной тенор-любитель; мы заставим его спеть «Две розы» и пр.[7]

Не хочется мне ехать в Москву; это не задержало бы моего отъезда — ибо там я пробыл бы всего 2 дня, но у меня и здесь еще куча дела, и мне не хотелось бы лишний раз утомлять себя дорогой перед самым отъездом в Баден-Баден. Мне немного совестно, чтобы сюда приезжал мой милейший дядюшка [8]. Ну, да там видно будет. Как бы то ни было, $\frac{\text{19 февраля}}{\text{2 марта}}$ я должен уже сидеть в вагоне на пути к Кенигсбергу.

Только что вернулся домой с большого придворного бала в Дворянском собрании [9]. Много красивых туалетов и мало красивых лиц; волосы у всех напудренные или просто распущенные и перевязанные только широкой лентой, по последней моде.— Видел государя и нахожу, что он превосходно выглядит. Грандиозная мазурка, во всю длину и ширину залы, была очень эффектна; но прыжки некоторых кавалеров показались мне довольно-таки дикими. Они немного походили на вырвавшихся на свободу лошадей, но выглядели не столь естественно. Вальс из «Фауста» Гуно всех привел в восторг.— Кстати о «Фаусте», эта опера продолжает иметь успех: почти никогда нельзя достать билета [10]. На днях в здешней Итальянской опере вышел маленький скандал: Грациани дал пощечину мужу г-жи Фиоретти; их обоих оштрафовали, этим всё и кончилось. На балу я вновь *нашел* немало старых знакомых; меня *находят*... поседевшим, чтоб не сказать: постаревшим. Я тоже *нашел*, что годы не молодят. Не обошлось без промахов: так, я принял некоего г-на Никольского за певца Никольского (из здешнего театра) и принялся говорить ему комплименты (имейте в виду, что этого певца я никогда не слыхал — хоть я и не зашел так далеко, как — помните? — Комаров в вашей уборной) и господин этот был шокирован, и т. д.

В субботу напишу вам № 17. А пока шлю тысячу дружеских приветов всем и сердечно жму вам обе руки.

Der Ihrige [a] И. Т.

1570. Полине Виардо (с. 272)

С французского:

№ 17

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
Суббота, 8/20 февраля 1864.

Дорогая и добрая госпожа Виардо,

Я только что получил письмо от моего брата из Дрездена, довольно тревожного свойства [1].— По-видимому, он опасно болен —

---

[a] Ваш *(нем.)*.

он пишет о какой-то язве на языке, о необходимости операции и пр.— Я знаю, что он легко пугается и склонен преувеличивать — однако же не могу не повидаться с ним, когда буду проездом в Дрездене; а это вынудит меня сделать небольшой круг и задержит мой приезд в Баден-Баден, но всего на один день, не больше.— Остаться дольше было бы невозможно, ибо я должен поспешить в Париж, если уж суждено состояться этой свадьбе. А я бы очень желал, чтоб она состоялась, в особенности ради Полинетты, так как вряд ли бы ей удалось найти лучшую партию. По-видимому, г-н П⟨ине⟩ серьезно влюблен: он объявил г-ну Дюлу, с которым я недавно виделся, что в крайнем случае возьмет Полину и без всякого приданого. Это семья Тургеневых (парижских), желая добра Полине, причиняет ей зло; не следует забывать, как щекотливо и затруднительно ее положение — а бывать в высшем свете ей совершенно незачем [2].

Альбом быстро подвигается вперед; всё уже набрано; остается только выправить корректуры двух последних романсов. Я решительно не еду в Москву и уже написал в этом смысле дядюшке [3] — придется уж ему самому приехать. Болезнь брата еще более торопит меня с отъездом; я из кожи вон вылезу, чтобы выехать в будущий вторник — т. е. через 10 дней.

Воскресенье вечером.

Вот уже три дня, как я не получаю писем от вас, theuerste Freundinn [a],— видите, как вы меня избаловали! Я уже начинаю немного тревожиться. Не знаю, как вы доехали из Веймара в Баден-Баден; к тому же в последнем письме вы сообщаете, что Виардо слегка недомогает.—Ну, да ничего. Будем надеяться на лучшее.— Сегодня я присутствовал на чтении чего-то вроде хроники в стихах (в духе «Геца фон Берлихингена» [4]), написанной одним из моих друзей, Полонским [5]; вместе с Фетом и Майковым он составляет триаду наших современных поэтов; сюжет очень щекотливый; это — картинка того, что в настоящее время творится в Польше. Автор старается быть беспристрастным, но это не легко, и — потом — всё это еще слишком близко к нам для того, чтобы стать предметом искусства. В произведении Полонского есть ужасающие длинноты, пошлые или пугапые мечтания; главный персонаж ничтожен и бесхарактерен (что встречается удивительно часто), но наряду с этим там есть прекрасные сцены, трогательные образы и детали, и подчас веет настоящей поэзией.— Там, где автор выдумывает, старается,— выходит, по большей части, слабо; то, что он говорит чистосердечно,— я бы сказал: почти невольно,— часто превосходно. Боюсь, как бы цензура не помешала выходу в свет этого произведения, все же весьма примечательного.

Я видел графа Матвея [6]; он много меня расспрашивал о вас.— У бедняги — настоящий горб посреди спины. Он искренно любит и уважает вас, и потому я нахожу его очаровательным.— Ему будет преподнесен один из первых экземпляров альбома. Рубинштейн, Серов, Феофил Толстой, г-жа Абаза, г-жа Ниссен (с которой я познакомился у Рубинштейна), г-жа Адлерберг, Даргомыжский, г-жа Гирс, г-жа Раден etc. также получат по экземпляру.— На днях слышал в концерте серенаду Шуберта для пяти женских голосов — прелестную [7].

Из Петербурга остается послать теперь лишь 4 номера. 22-й пойдет из Дрездена, а 23-го не будет вовсе [8]. О, какое счастье!..

---

[a] самый дорогой друг *(нем.)*.

До скорого свидания. Тысячу приветов всем. Нежно целую обе ваши руки.

Der Ihrige [б] И. Т.

1571. Полине Виардо (с. 273)

С французского:

№ 18

С.-Петербург.
Гостиница «Франция».
Понедельник, 10/22 февраля 1864.

И сегодня нет письма, дорогая госпожа Виардо. А я так на него надеялся! — Терпение!

Вторник вечером.— Сегодняшняя почта ничего не принесла. Вот уже ровно неделя, как я не имею от вас писем.— При других обстоятельствах я бы не тревожился, но теперь в голове у меня бродят всевозможные нелепые мысли.— Я уверен, что молчание это объясняется очень просто, может быть просто тем, что письмо затерялось... и всё же... Всё же я не в состоянии писать — и буду ждать завтрашнего вечера.

Среда, 12/24 февр. 4 часа. Какое счастье! Сейчас только получил ваше милое письмо из Баден-Бадена... Я счастлив и миллион раз благодарю вас.

Четверг утром.— Я очень доволен, что вы наконец вернулись в Баден-Баден и снова окружены своим маленьким мирком.— Теперь вы начнете работать над немецким текстом «Орфея».— Он, может быть, пойдет через две недели в Карлсруэ *в моем присутствии.*— Кстати об «Орфее»: великий герцог Веймарский очень мил — и я жалую его своим благоволением [1]. *Не пишите мне больше в Петербург* — пишите в Дрезден, до востребования [2]. Очень возможно, что я и совсем не остановлюсь в Берлине. Через неделю в воскресенье, в 3 1/2 ч. ... Молчание! Молчание [3]!

Я послал вам свою фотографию, больше смахивающую на карикатуру, чем на фотографию. Не знаю, чем я провинился перед солнцем, но оно обходится со мной всегда прескверно. Пожалуйста, не вообразите себе, что я болен; напротив, я чувствую себя прекрасно, и все находят, что вид у меня превосходный.— Привезу вам свою большую фотографию, сделанную здесь же два года тому назад; эта хороша [4]. Представьте себе, в будущий понедельник мне, по всей вероятности, придется публично читать моих «Призраков»! Это было, можно сказать, сымпровизировано председателем Общества помощи нуждающимся литераторам [5]. Я — член этого Общества, и мне невозможно было отказаться. Ожидаю провала — вещь не такая, чтобы ее можно было читать перед многочисленной публикой, при свете множества свечей и т. п. Часть молодежи, не простившая мне моего последнего романа [6], будет шикать, и председатель признался мне, что он отчасти с умыслом это устроил, ради привлечения публики.— Ну что ж! Беда будет не так уж велика; постараюсь читать быстро, чтобы публика не успела соскучиться. Но ведь, с другой стороны, надо читать внятно и с выражением...

В следующем письме расскажу вам об этом и прежде всего сообщу вам результат.

[б] Ваш *(нем.)*.

Мне сделано было еще другое предложение, которого я не приму. Милютин, которого вы знаете и которому поручено государем ввести в Польше те же реформы (освобождение крестьян с правом выкупа их наделов и пр.), которые уже введены в России, просил меня поехать с ним на несколько дней в Польшу, чтобы присутствовать при первых начатках этой великой реформы [7]. Это более чем интересно, это историческое событие — но я все-таки отказался по многим причинам, которые мне незачем вам перечислять и главная из которых та, что я хочу 5 или 6 марта быть в Баден-Бадене. Не правда ли, я хорошо сделал?

До скорого свидания! Тысячу приветов всем. Крепко жму обе ваши руки.

Der Ihrige И. Т.

1580. Полине Тургеневой (с. 279)

С французского:

Баден-Баден.
15 марта 1864.
Вторник.

Дорогая Полинетта, я получил твое письмо, так же как и письмо г-жи Иннис, и скажу тебе только одно: я никогда бы не настаивал, если бы вместо того, чтобы говорить о положении г-на П⟨ине⟩ [1], ты просто сказала бы, что он тебе не нравится. Я часто повторял тебе, что никогда не желал для тебя другого брака, кроме брака по любви, а когда любви нет — всё остальное не имеет значения. Вот еще один павший претендент: не будем больше об этом говорить.

Я уехал бы отсюда завтра же — но завтра приезжает Луиза, и было бы нехорошо, если бы ей показалось, что я ее избегаю [2]. Ждите меня в пятницу утром или в пятницу вечером — но в пятницу непременно.

У нас будет время основательно поговорить обо всем, а сейчас я ограничиваюсь тем, что обнимаю вас обеих и говорю вам до свиданья.

И. Тургенев.

1581. Фридриху Боденштедту (с. 279)

С французского:

Баден-Баден.
Шиллерштрассе, 277.
Среда, 16 марта 1864.

Вот уже четыре дня, как я возвратился из Петербурга в Баден-Баден — и отсюда через два дня отправляюсь в Париж, где рассчитываю остаться до конца апреля. Я привез с собою несколько альбомов г-жи Виардо и с особенным удовольствием посылаю вам один из них [1]. Безупречное изящество и точность ваших переводов были отмечены всеми.

На сей раз напечатано всего 12 романсов; три были оставлены для следующего альбома, который, надо надеяться, появится будущей зимой [2]. Я рассчитываю возвратиться в Баден-Баден к концу апреля и твердо надеюсь, что вы сдержите свое обещание и что мы свидимся с вами в нашем милом краю. Если среди тревог и волнений, которые вы, должно быть, испытываете теперь в Мюнхене, вы

найдете время подумать обо мне, то с вашей стороны будет весьма любезно написать мне хоть два слова по следующему адресу: Париж, улица Риволи, 210. В то же время я попрошу вас сказать мне откровенно, без малейшего стеснения, которого не должно быть при столь добрых отношениях, как наши с вами, какой гонорар желаете вы получить за ваше мощное сотрудничество в изданном нами альбоме? Я немедленно вышлю его вам, а покамест сердечно жму вашу руку и прошу вас принять уверение в моей глубочайшей преданности.

И. Тургенев.

На конверте:

Königreich Bayern.
Herrn Dr. Fr. Bodenstedt,
Wohlgeboren,
in München [a].

1584. Полине Виардо (с. 282)

С французского:

№ 1

Париж,
улица Риволи, 210.
Четверг, 24 марта 1864.

Дорогая госпожа Виардо, я приехал вчера вечером в добром здравии, но ужасно грязный от пыли и угля и изрядно усталый [1]. Обе дамы [2] были дома. Г-жа Иннис нездорова — что не помешало ей отправиться сегодня утром в церковь. Я превосходно выспался, принял превосходную ванну и посвежел. Я еще ни о чем не говорил — но сделаю это сегодня же утром и серьезным образом. Я нашел здесь много писем, на которые надо ответить. Только что написал Поме, чтобы назначить ему свидание. Сегодня я также увижу Трубецких: похоже, что крах полный — продают всё, мебель, серебро — князь в отчаянии, княгиня обнаруживает большое самообладание [3].

Я забыл взять с собой купоны облигаций русских железных дорог!!!! Что теперь делать? Посылать их по почте, по-видимому, опасно.— Поскольку доход с них можно получить во *Франкфурте*, может быть, Виардо уладит это с Хальденвангом? Но эти деньги мне понадобятся к началу апреля, чтобы не пришлось учитывать мои векселя.

Я так легко и быстро привык к жизни в Баден-Бадене, что совершенно подавлен тем, что больше не нахожусь там — и должен писать письма. Будем надеяться, что мое отсутствие на этот раз не будет столь продолжительным [4]. За эти 5 недель, что я пробуду здесь, мне предстоит огромное множество дел: надо срочно приниматься за статью о Шекспире, которая будет прочитана на памятном вечере 23 апреля (по старому стилю) [5] и т. д. и т. д.

Сообщите мне новости — в первую очередь о себе и о вашем семействе (хорошо ли чувствует себя Марианна?), о «Страстях» Баха [6], о репетициях «Орфея» [7]. Обещаю писать вам каждый день, хотя бы две строчки. А пока прощайте... У меня тяжело на сердце —

---

[a] *Баварское королевство.* Его благородию господину д-ру Фр. Боденштедту, в Мюнхене *(нем.)*.

но терпение! Передаю тысячу приветов всем и сердечно жму вашу руку.

Der Ihrige
И. Тург⟨енев⟩.

P. S. Приведите в порядок самовар! Что говорит Виардо о выборах [8]? Прилагаю статейку об *альбоме* в «Московских ведомостях» [9].
P. S. S. Пришлите мне, пожалуйста, парижский адрес д'Эньяна [10].

1586. Полине Виардо (с. 283)

С французского:

№ 2

Париж,
улица Риволи, 210.
Суббота, 26 марта 1864.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я не получил от вас письма — хотя и надеялся — но вы, должно быть, и впрямь очень заняты и озабочены в настоящий момент. Что ж, я рассчитываю на ваше обещание написать мне на следующий день после «Орфея» [1]. Расскажу вам вкратце, чем я был занят вчера и позавчера.— 1). У нас был долгий разговор с Полиной — и вот результат: она не хочет и слышать о г-не Пипе [2]. Я, однако, не скрывал от нее правды и сказал, что положение, в котором она находится, не может никоим образом продолжаться после окончания этого года.— Я еще не решил, где она проведет лето,— очень может быть, что в Париже, но не в той квартире, что мы занимаем сейчас — это само собой разумеется. Г-жа Иннис очень страдает от болей в ухе — боюсь, как бы это не был нарыв.— 2). Я снова видел Фридолина [3], которого нашел толстым и цветущим. Вчера мы на славу пообедали вместе у Вефура (царские устрицы и т. д. и т. д. ...).— Позавчера мы ходили вместе в итальянский театр на концерт духовной музыки. Отрывки из «Stabat» Россини [4] были главным украшением вечера — особенно «Quis est homo» [a], который сестры Маркизио пели, как ангелы. Шарлотта (сопрано), с лицом мопса и великолепными глазами, произвела на меня впечатление нервной, своеобразной и порывистой натуры, с немалой дозой суетливости; голос у нее очень красивый. Бедняга Марио по-прежнему красив, как Адонис,— и не более того. Россини окончательно причислен к сонму богов — о нем и о его «Мессе» [5] говорят, лишь *преклонив колена.* (NB. Не знаю, между прочим, можно ли так сказать.) В понедельник мы снова *вместе* с Фридолином идем слушать «Мирейль» [6]. Фридолин находит эту оперу очень поэтичной и очень интересной — а «Маркизом де Вильмером» [7] он не слишком очарован; не исключено, что мое впечатление будет таким же. Однако, с точки зрения публики, «Мирейль» (которую я вам выслал позавчера) [8] не очень удалась. Скюдо ее поносит [9] — и Берлиоз не очень доволен [10]. Если бы это были «Троянцы» [11]. Сегодня утром я видел *первый* портрет, сделанный Фридолином: право, он очень хорош — хотя немного «*энгризирован*» [12]. В нем есть благородство и чистота — но недостаточно силы и мастерства. Виделся с Мериме, у которого пробыл почти три часа,— видел Тургенева [13] (его жена с двумя сыновьями в Каннах) и княгиню Трубецкую, улыбающуюся и веселую и чувствующую себя

---

[a] «Кто есть человек» *(лат.)*.

лучше, посреди всех бедствий [14] она с тем же интересом говорит о вещах поэтико-философских, очень беспокоится о вас и готова плакать из-за того, что не получила от вас альбома [15]. Я *одолжу* ей свой экземпляр, чтобы немного ее утешить. Сегодня я увижу г-жу Делессер. Прощайте: чтобы это слово звучало для меня менее тягостно, мне следует сказать себе: через месяц ты вернешься. А пока передаю тысячу приветов всем и крепко жму ваши руки.

Der Ihrige И. Т.

1589. Полине Виардо (с. 286)

С французского:

№ 3

Париж,
улица Риволи, 210.
Понедельник, 28 марта 1864.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я только что получил письмо от вашего мужа (ответ которому вкладываю в этот же конверт) и оно рассеяло возникшее было у меня беспокойство.— Слава богу, все здоровы, а вы обременены лишь теми заботами, которые неизбежны в наше время.— Сегодня вечером я буду много думать о вас: надеюсь, что текст не слишком вас затруднит, и я уверен, что вы одержите полную победу [1]. А теперь расскажу вам, чем я был занят здесь последние два дня.

Я виделся с г-жой Делессер и долго с нею беседовал. Она очень рассудительна и хорошо понимает положение Полинетты, в которой принимает живое участие.— Она не слишком горюет о провале г-на П⟨ине⟩ [2] и почти определенно заявила мне, что берется подыскать приличную партию; поэтому она хочет, чтобы Полина вместе с г-жой Иннис поселилась в Пасси, по соседству с нею, в квартире, которая ей известна и которая будет совсем недорого стоить.— Это вполне согласуется с моими намерениями, и с 1-го мая эти дамы туда отправятся. Дай-то бог, чтобы все это принесло хоть какой-нибудь результат [3]! Не хочу больше думать о розовых горизонтах; я думаю гораздо больше о своем возвращении в Баден-Баден, куда хочу приехать к 1-му мая, если это будет возможно. Я видел Эньяна, который принял меня с распростертыми объятиями; он со мной очень любезен. Я вынужден был рассказать о главных злоключениях моего путешествия, он покидает Париж через две недели. Видел я г-на Тургенева [4], а также знаменитого «Маркиза де Вильмера» [5].— Отчасти я разделяю мнение Поме: там есть один очаровательный персонаж, веселый, естественный, исполненный остроумия, и притом самого изысканного, вызывающий смех или улыбку, как только появляется на сцене: это герцог д'Алериа, которого восхитительно играет Бертон. Весь первый акт прелестен — что до прочих, гм, гм! — Остальные персонажи весьма мало что собой представляют, а кроме того, начиная с третьего акта, снова начинается та самая философско-психологически-любовная неразбериха, то тягостное и маловразумительное сплетение недоразумений и ухищрений, которое, к сожалению, присуще прекрасному, огромному таланту г-жи Санд [6].— Риб в роли маркиза отвратителен: что-то вроде кузнечика или, вернее, ядовитого паука. Г-жа Ранчелли очень хорошо исполняет роль матери; г-жа Тюилье в роли гувернантки — весьма недурное общее место. Успех очень велик, народу тьма; я был в бенуаре совсем рядом с клакерами: одному из них, еще молодому че-

ловеку с заспанным бараньим лицом, были поручены вздохи умиления. Он испускал их вместе с *трелями*: «и моя ма-а-а-ма» — «но я люблю-ю-ю-ю вас», сохраняя при этом все то же равнодушное выражение лица. Меня это рассмешило. В общем, я доволен, что видел все это, но мое мнение относительно г-жи Санд не изменилось. Сегодня мы с *Фридолином* идем на «Мирейль» [7]. Рейер, у г-жи Делессер, пел нам из нее прелестные отрывки.

Я снова повидал обитателей улицы Клиши [8]. Князь, точь-в-точь как Микобер [9], то сияет, то впадает в отчаяние. Сегодня я иду к Милле [10] и г-же Маржолен [11]. Напишу вам послезавтра. И послезавтра же я получу известия об «Орфее», не так ли?

Тысяча приветов всем, а вам — самое сердечное shakehands [a].

Der Ihrige И. Т.

1590. Полине Виардо (с. 288)

С французского:

Париж,
улица Риволи, 210.
Вторник, 29 марта 64.

Дорогая госпожа Виардо, сегодня утром мне надо наконец рассказать вам о «Мирейль» [1]... Это не так-то просто — и если в этот момент вы любезно сообщаете мне некоторые подробности вчерашнего представления «Орфея» — то, конечно, должны испытывать меньше затруднений [2]. Вот мое мнение: первый акт очарователен, поэтичен, полон солнца и блеска, радости и изящества,— второй акт тоже прелестный, но конец его уже слабее — остальные три акта совершенно не удались, они до невозможности холодны и скучны — и оправдывают фиаско — увы! фиаско — всей оперы. Я находился между Поме и ... Чорли, приехавшим специально из Лондона, чтобы услышать «Мирейль» [3]; он был совершенно поражен — хотел говорить с Карвальо [4] — потому что, как он выразился, надо спасти первые два акта — настоящие бриллианты — Поме был сильно напуган отношением публики, которая от представления к представлению — от 3-го к 4-ому — сделалась совершенно враждебной. У вас есть партитура — и вы можете судить сами; но надо вам сказать, что были сделаны огромные сокращения и изменения — с помощью которых, впрочем, не удалось придать интереса и движения этим несчастным трем последним актам. Дуэт в сцене убийства Венсана (вызов) изъят! Уриа, *представлявший* Исмаэля, который на самом деле *представлял* мерзкого провинциального живодера — спешит за кулисы. Слышится «*ах!*» — Уриа снова пересекает сцену, волосы его всклокочены.— Декорации меняются, и начинается так называемая фантастическая сцена. Это напоминает детскую игру: толстый Уриа добрые полчаса стоит на месте и причитает — видна небольшая процессия, которая состоит из обнаженных картонных женщин с какими-то огнями на голове, они, покачиваясь, скользят по Роне — другие женщины — теперь уже настоящие — с набеленными щеками — то появляются, то скрываются за кулисами — потом приходит *перевозчик*, одетый Хароном, и г-н Уриа исчезает вместе с ним. В музыке нет ничего фантастического — за исключением двух-трех весьма странных аккордов — словом, полный провал. Потом идут нескончаемые антракты — одна пре-

---

[a] рукопожатие *(англ.)*.

лестная сцена, длящаяся пять минут — равнины Кро, где м-ль Февр, одетая пастухом, поет *песню болгарина*, вам знакомую, потом чертовски затянутая сцена с процессией и т. д. ... и м-ль Мирейль умирает от солнечного удара, исступленно распевая песнь, достойную Галеви 4-го разряда [5].— Удручающее зрелище! Два раза раздавался свист, и будет больше, я удивлюсь, если это произведение дотянет до пятнадцати представлений, произведение, первый акт которого, тем не менее, является шедевром, жемчужиной, совершенством! Г-жа Карвальо поет восхитительно, мужчины (Морини и Исмаэль) — плохи — постановка прекрасная — а декорация Роны, где происходят все вышеуказанные глупости, очаровательная. Представьте себе, что вчера я встретил Гуно и он пригласил меня к себе на завтрак! Какой у меня будет вид, и что я ему скажу?!! Ну, придется через это пройти. Сегодня я говорил вам только о «Мирейль», а завтра жду письма, полного «Орфеем» [6].— Вчера я обедал у моего толстого Фридолина; мы ели восхитительную семгу.— До завтра; тысяча приветов всем; ich küsse Ihre lieben Hände.

Der Ihrige [a] И. Т.

P. S. Кстати, Чорли сказал, что он никогда не получал вашего большого письма, которое вы написали Диккенсу [7].— Я дам ему ваш альбом [8], а вы сохраните для меня один в Баден-Бадене.

P. S. S. Г-н Аспер написал мне; деньги он получил.

1591. Полине Виардо (с. 289)

С французского:

№ 4

Париж,
улица Риволи, 210.
Четверг, 31 марта 1864.

Дорогая госпожа Виардо, сегодня утром я получил ваше доброе письмо: все произошло именно так, как я и предполагал (для этого не надо было быть великим пророком), и я кричу: браво [1]! — Теперь я желаю вам, чтобы важное событие, которого вы ждете с не меньшим беспокойством, чем ваша дочь [2], свершилось быстро и благополучно — и тогда дни наши потекут тихо и приятно.

Так вот! Я снова ходил на «Мирейль» и рад взять назад слово «фиаско», сорвавшееся с моего пера под впечатлением холодного и неудачного представления [3]. Восторга нет — это очевидно,— но есть умеренный успех у широкой публики и восхищение отдельных зрителей. Я слушал с самым большим вниманием — и получил гораздо большее удовольствие, чем в первый раз, но третий акт мне и теперь показался холодным и неудачным в отношении как слов, так и музыки. Именно он убивает всю оперу, а между тем именно этот акт друзья Гуно упорно провозглашают гениальным творением.— Я завтракал у Гуно на следующий день после *моего* первого представления «Мирейль»: увы! Этот человек не нравится мне сильнее, чем когда-либо. Для меня он, подобно королям, окружен атмосферой, непроницаемой для правды, и потом, эта чувственность священнослужителя, всплывающая на поверхность... Мне этого не переварить, да к тому же еще и его жена [4]! Но на этом завтраке присутствовала очаровательная женщина, которая говорила

---

[a] целую ваши дорогие руки. Ваш *(нем.)*.

мне о вас: Берта де Бепла. Горе, обрушившееся на нее, избавило ее от былого жеманства: она очень проста и очень трогательна. Она совершенно поседела и даже немного поправилась — черный цвет ей очень к лицу. Бедняжка! Она меня по-настоящему растрогала [5].

Я снова виделся с Чорли, таким же милым и забавным, как обычно [6].— Трубецкие разорились не настолько, чтобы им пришлось лишиться Бельфонтена [7], куда они намерены отправиться недели через две-три; да и папаша Гудович выслал немного денег, так что милый князь оказался в состоянии дать в мою честь обед с обыкновенным красным вином, которое он называл *Латуш* высшего сорта. Легко ему было разыгрывать такого невежду, как я, слышавшего подобное название впервые. Княгиня очаровательна — Марианна [8] тоже: вас в этом доме очень любят. Пупе все еще жив, Риза [9] спит, свернувшись калачиком, в своем кресле, а в клетке красуются две птицы с красными хохолками!

Г-жа Миолан [10] превосходна в роли Мирейль: она восхитительно произносит фразы: «Когда же я случайно» или «Сегодня святая святых». Фарандола во 2-ом акте — шедевр.

Бюст Бетховена [11] завтра отправляется в Баден-Баден. Посылаю вам также бандеролью мой маленький рассказик [12], помещенный в «Revue des Deux Mondes» 1858 г., о котором я, помнится мне, вам говорил. Кстати, кажется, беседа обо мне Ламартина появится в ближайшее время [13]. Каково? Какая честь? — Мне надо бы пойти к нему и сказать... Но ведь я ничего не скажу, я себя знаю, а пробормочу что-нибудь невразумительное [14].

Были ли у вас осложнения в связи с произнесением немецкого текста [15]? — Завтра мы поедем посмотреть домик в Пасси [16]: дамы должны поселиться там уже к концу будущего месяца. 1-го мая я буду в Баден-Бадене [17].— А пока шлю всем тысячу приветов и нежно целую ваши руки.

Der Ihrige
И. Т.

1592. Полине Виардо (с. 291)

С французского:

№ 5

Париж,
улица Риволи, 210.
Суббота, 2 апреля 64.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я снял небольшую квартирку в Пасси, совсем неподалеку от г-жи Делессер, по ее рекомендации — для двух моих дам [1].— Квартира снята с 15 апреля, и они въедут в нее 1-го мая. Мне придется ее обставить — но это неизбежные расходы, да и мебель может пригодиться позже в случае замужества [2]. Г-жа Делессер весьма меня обнадеживает; — кажется, у нее на примете три претендента; я предпочел бы одного, но хорошего. Поживем — увидим. Г-жа Делессер общается со множеством людей, у нее весьма обширные связи и она расположена к Полине; всё это может привести к благополучному исходу. Но повторяю: там будет видно!

Я почти непрерывно думаю о бедной Луизе, надеюсь, что вы мне напишете немедленно, как только событие произойдет [3]. Я понимаю, что до тех пор вы ни о чем другом не можете думать. Кстати, виделись ли вы опять с г-ном Зельднеком в Карлсруэ? Вы были бы очень

добры, если бы послали мне вырезку из какой-нибудь газеты, выходящей в Баден-Бадене или Карлсруэ, со статьей об «Орфее».

Мы с Фридолином ходили на «Друга женщин» А. Дюма [4].— Трудно представить себе пьесу столь же неправдоподобную, столь же плохо написанную — и, надо сказать, столь же безнравственную, однако в ней много остроумия — даже слишком много — и это развлекает. М-ль Делапорт весьма хороша в главной роли: она очень талантлива и естественна, м-ль Монтело демонстрирует свои неправдоподобные глаза с ресницами длиною в километр; туалеты, как выражаются щеголи, «сногсшибательные».

У меня сильный насморк, и весь сегодняшний день я проведу дома: хочу воспользоваться этим, чтобы поработать над статьей о Шекспире [5]. Напишите мне ваше мнение о том небольшом рассказике, что я вам послал, но должен вас предупредить, что, быть может, никогда еще этот несчастный Делаво не причинял мне такого ущерба [6]. Вчера я отнес в «Revue des Deux Mondes» «Мцыри» — ответ будет через два-три дня [7]. Я получил письмо от моего издателя в Карлсруэ [8]: все в порядке. О господи! когда же я вновь увижу милый мост через Оос, и дорогу, и милую долину... Терпение!

Приехал ли Эритт [9]? Не перегрызлись ли собаки? Продолжает ли расти Тонхалле [10]? Вы рассказываете о снеге — здесь его нет... но и зелень не появляется. Воздух холодный и колючий.

Тысяча приветов всем, начиная с Виардо; обнимаю детей и очень нежно целую вам руки.

Der Ihrige
И. Т.

1594. Полине Виардо (с. 293)

С французского:

№ 6

Париж,
улица Риволи, 210.
Воскресенье, 3 апреля 1864.
11 часов утра.

Дорогая госпожа Виардо, письмо, только что полученное мною, повергло меня в уныние [1] — и я немедленно послал телеграмму г-же Анштетт с оплаченным ответом.— Я ожидаю этого ответа с величайшей тревогой — надеюсь, он будет хорошим и утешительным, а до тех пор ничего не могу прибавить к этому письму.— Бедный друг! Как я вам сочувствую и через какие волнения вы, должно быть, прошли! А бедный ребенок! Ну, буду ждать.

1 $^{1}/_{2}$ ч. Только что пришла телеграмма, в ней нет ничего определенного, но, в конце концов, известия неплохие,— и я чувствую себя немного спокойнее.— Что за восхитительная вещь этот телеграф! Я говорю нечто всем известное — но, право же, нельзя этого не сказать. Это отрицание пространства, эта рука, которую можешь пожать, так сказать, с другого конца земли, ведь это чудо, и только такие чудеса — настоящие!

Понедельник, 4 апреля.

Я не трогался с места весь день и лег спать вчера или, вернее, сегодня утром в 4 часа.— Я написал что-то вроде небольшой повести под названием «Собака» [2], сегодня я ее окончу. Это было настоящее исступление: кажется, я не вставал из-за стола более 12 часов кряду,

и перо мое бегало по бумаге так, будто за ним гнался г-н Рей [3]. Так обычно случается со мной, когда я внутренне взволнован: 15 первых страниц «Анчара» [4], повести, которая стала мне дорогой благодаря тому, что вам было угодно сказать мне, что она вам понравилась,— я написал в Петербурге в одну ночь: я вернулся поздно и обнаружил, что мой слуга стал жертвой сильнейшего приступа холеры. Спешу добавить, что назавтра он выздоровел — а я продолжил свои бдения.

Сегодня утром у меня немного разболелась голова, и я собираюсь выйти. Я получил записочку от г-жи Делессер с розовым оттенком — вы знаете, что это значит [5].

Я только что получил вашу вчерашнюю записку: вы очень добры, полагая, что я добр; посылка телеграммы была вещью столь естественной и это так успокоило меня, что, по правде сказать, не стоило лишать себя этого из-за 12 франков. При всем том вы так и не сообщили мне о приезде Эритта с Фриссоном.

Я напишу вам завтра; а пока целую всех, начиная с дорогой крестницы [6], которой кричу: смелее! хотя и знаю, какая она храбрая,— а вам сердечно жму руки. Постарайтесь всё-таки не слишком утомляться!

Der Ihrige
И. Т.

1597. Полине Виардо (с. 297)

С французского:

№ 8

Париж,
улица Риволи, 210.
Суббота, 10[a] апреля 64.

Дорогая госпожа Виардо, я сейчас получил два ваших письма... В первое мгновение, увидев их вместе, я подумал, что всё уже позади... я был быстро выведен из заблуждения! — Поверьте, моральные страдания, о которых вы говорите, касаются не только вас — и вы наиточнейшим образом выразили то тягостное чувство, которое не покидает и меня [1]. Что ж! надо пережить эти тяжкие мгновения — надо стараться смотреть вперед.— Ложась вчера ночью спать около часу ночи, я испытывал какое-то совершенно особое волнение: я бы не удивился, узнав, что именно тогда в Баден Бадене происходило решительное событие. Я очень рад, что д-р Фриссон находится у вас. Передайте Виардо, что я очень сожалею, что он не смог купить фазанов, ведь я располагаю свободными деньгами, поскольку князь Трубецкой спас меня от г-на Бюссьера, что мне не стоило и су. Это чистая выгода — и я был бы вполне готов отложить часть из этих 1500 фр. на *нашу* охоту для ее улучшения и украшения. Что до «Мцыри», то г-н де Марс передал его Мериме с просьбой *усовершенствовать* его [2]; я не уверен, что Мериме этого жаждет; — и если это так, заберу у него перевод с тем, чтобы отнести Шарпантье, которому, думаю, только этого и нужно. Я получил деньги Виардо у Ашетта, не повидав Тамплие, которого не было дома. Г-ну Лежену доставлены две его книги; Эньян должен вручить вам посылаемый мною флакон фиалковых духов от Леграна. Я говорил с г-ном Ришаром по поводу кружев, которые вы просили передать его дочери: он сказал, что я могу забрать их с собой. Я два раза засылал Ме-

[a] *Так в подлиннике.*

риме к папаше Ришару; но, кажется, он имеет дело с сильным противником: Ташро, который его ненавидит, опирается на г-на Муаньара. Но Мериме обещал мне сделать все, что будет в его силах.

Вчера я обедал у Трубецких: сегодня они должны были уехать в Бельфонтен — но внезапное охлаждение атмосферы, как выразилась княгиня, не спускающая глаз ни с часов, ни с барометра, ни с термометра, заставило их отложить отъезд до вторника. Я виделся там с г-жой Дюбуа: она играла Шопена и Шумана. Это очаровательная женщина, но, великий боже, до чего же бесцветна ее игра! Все равно, как выдохшийся чай! Кстати о чае! исправен ли самовар?

Я болтаю о том о сем... а *думаю все об одном* — но мне не следует говорить вам это, ведь вы в таком же положении, хотя и гораздо более трудном [3]! Мои дамы охвачены лихорадкой ввиду близкого переезда, я объявил им, что рассчитываю уехать 26-го, то есть в понедельник через две недели. Никогда еще не было у меня столь сильного желания подтолкнуть время плечом и заставить его поторопиться. Да только оно, милое, не даст себя и с места сдвинуть, будучи простой категорией нашего разума, как говорит Кант [4]!

Вас очень любят на улице Клиши [5] и принимают самое живое участие в Луизе.— Я надеюсь вскоре иметь возможность сообщить им приятные новости.— Поклонитесь от меня Эритту и Фриссону. Обнимаю детей, начиная с Луизы, которую причисляю к ним в качестве моей крестницы, жму руку Виардо и с нежностью целую ваши дорогие руки. В конце вашего письма есть восклицание: отчего я не могу! к которому я присоединяюсь от всего сердца... До скорого свидания.

Der Ihrige

И. Т.

P. S. М-ль Брамер, эта маленькая змейка, уже появилась; но я все поставил на свое место. Говорил я твердо — много тверже, чем от меня с идали,— им придется подчиниться.

1598. Полине Виардо (с. 299)

С французского:

№ 10

Париж,
улица Риволи, 210.
Понедельник, 11 апреля 1864.

Дорогая госпожа Виардо, письма нет и *сегодня утром*, когда я был уже уверен, что получу его [1]! Признаюсь, это немного пугает меня и отнимает у меня всякое желание писать, то есть говорить о вещах более или менее безразличных... В каком положении застанет вас это письмо? Предпочитаю ждать, ибо иногда письма запаздывают, а кроме того, у меня есть смутная надежда на телеграмму [2].— Без сомнения, когда вы писали мне вчерашнее письмо, вы должны были сказать себе, что на следующий день я с волнением буду ждать другого. И вот — ничего! Я буду ждать!

1 час.

Ничего, ни письма, ни телеграммы. Если так будет продолжаться и дальше, завтра я пошлю телеграмму сам.

При такой неизвестности я ничего не могу добавить. Передаю тысячу приветов всем, а вам сильно, очень сильно пожимаю руки.

Der Ihrige

И. Т.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

Места хранения автографов

Bibl Lovenjoul — Библиотека Спельберк де Лованжуль в Шантийи (близ Парижа).

DSB — Немецкая государственная библиотека в Берлине.

Печатные источники

Бакунин — Бакунин М. А. Собр. соч. и писем/Под. ред. Ю. М. Стеклова. М., 1934—1935. Т. 1—3.

Достоевский — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Л.: Наука, 1972—.

Лемке, Очерки — Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Изд. 2. СПб., 1908.

Лит газета — «Литературная газета».

Мин Г — «Минувшие годы» (журнал).

Отчет ПБ — Отчеты имп. Публичной библиотеки.

ПД, Описание — Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского дома. Л.: изд-во АН СССР, 1958. Вып. 4, И. С. Тургенев.

Письма к Пичу — Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу. 1864—1883. Перевод Н. Тролль. Ред., вступ. статья и примеч. Леонида Гроссмана. М.; Л., 1924.

Совр Мир — «Современный мир» (журнал).

Т в восп совр — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.: Худ. лит., 1969.

Флобер, Письма, Статьи — Гюстав Флобер. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи. В 2-х т. М.: Худ. лит. 1984.

Cahiers — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977—. Вып. 1—.

Erzählungen — Erzählungen von Iwan Turgéniew. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. Bd. 1 und 2. München, 1864 und 1865.

Flaubert, Corr, Suppl. — Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830—1880). Paris, 1954. T. 1—4.

Parménie — Parménie A. et Bonnier C. de la Chapelle. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs. P.-J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953.

---

* В список включены сокращения, вводимые впервые.

Пятый том писем И. С. Тургенева содержит 331 письмо за период с января 1862 по март 1864 г. и 5 документов, отнесенных в раздел «Официальных писем и деловых бумаг»,— всего 336 эпистолярных текстов, обращенных к 81 адресату. Кроме того, в качестве приложений к разделу «Официальных писем и деловых бумаг» помещаются: черновик письма Тургенева к Александру II (Приложение I, № 26а), имеющий значительные отличия от текста, сообщенного Тургеневым Герцену и включенного в «Официальные письма и деловые бумаги» (№ 26); 6 документов, относящихся к «делу 32-х» (Приложение II), которые, не являясь в строгом смысле эпистолярными текстами, тесно связаны с перепиской Тургенева этого времени.

Из числа печатающихся в томе 343 текстов 282 публикуются по автографам (либо фотокопиям), находящимся в различных советских и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях коллекционеров; 61 — по копиям (7) и публикациям (54).

15 писем, печатавшихся в предыдущем издании Полного собрания писем И. С. Тургенева по неполным, как правило, публикациям во французском оригинале (4) или в русском переводе (11), в настоящем томе публикуются по фотокопиям полностью (№ 1547—1550, 1552—1556, 1563, 1565, 1567, 1569—1571).

Впервые включаются в Полное собрание писем И. С. Тургенева 27 писем, опубликованных в СССР и за рубежом уже после выхода в свет его первого издания (№ 1342, 1347, 1350, 1353, 1357, 1429, 1431, 1460, 1467, 1468, 1487, 1491, 1497, 1518, 1520, 1521, 1524, 1542, 1584, 1586, 1589—1592, 1594, 1597, 1598).

Более чем двухлетний период жизни Тургенева, отраженный в письмах, вошедших в настоящий том, характеризуется пониженной творческой активностью писателя, рядом сложных и трудных обстоятельств в его общественно-литературной, политической и личной биографии.

Противоречивые толки и ожесточенную полемику вызвал напечатанный в «Русском вестнике» в марте 1862 г. роман «Отцы и дети». Авторитетнейший орган революционной демократии — «Современник» увидел в образе Базарова осуждение революционно настроенного молодого поколения и даже карикатуру, клевету на него;

как антинигилистический, направленный против революционной демократии, расценило роман и реакционное дворянство, приветствовавшее в его авторе своего союзника. В обоих лагерях не было, однако, единогласия. Достаточно сказать, что редактор «Русского вестника» М. Н. Катков воспринял роман как «апофеозу» «Современника». Но как осуждение демократов, так и одобрение реакционеров было неприемлемо для Тургенева. Известное удовлетворение дали ему лишь статьи Д. И. Писарева «Базаров» и «Реалисты» («Нерешенный вопрос») да отзывы некоторых литераторов — и в первую очередь Ф. М. Достоевского, В. П. Боткина, А. Н. Майкова.

Тяжелое состояние Тургенева, вызванное полемикой вокруг его романа, на время почти прервало его литературную деятельность: лишь повесть «Призраки», задуманная еще в 1855 г., была написана им в это время и напечатана в марте 1864 г. в журнале братьев Достоевских «Эпоха». Разойдясь с редакцией «Современника», писатель тем не менее остро переживал обрушившиеся в первую очередь на этот журнал правительственные репрессии после майских пожаров 1862 г. в Петербурге. И после приостановки «Современника» и «Русского слова», ареста Чернышевского и его соратников и целого ряда других антидемократических мер Тургенев все еще продолжал верить в возможность дальнейших реформ, начало которым было положено отменой крепостного права, не оставлял убеждения в возможности «добрых» отношений между крестьянами и помещиками.

На почве разного подхода к крестьянской реформе произошел в конце 1862 г. спор между Тургеневым и Герценом по поводу проекта адреса Александру II, составленного в Лондоне и переданного писателю через В. Ф. Лугинина. С середины того же 1862 г. между Тургеневым и Герценом возникла длительная дискуссия о проблемах современной западноевропейской культуры и политики в их отношениях к России, о настоящем и будущем России и Западной Европы. Дискуссия выразилась в ряде статей Герцена в «Колоколе» — «Концы и начала»,— начатых в форме писем к Тургеневу, и в ряде ответных писем Тургенева, предполагавшего сперва отвечать Герцену на страницах того же «Колокола». Переписка показала глубокие идейные расхождения между ними, но личные дружеские отношения их еще сохранялись. Споры 1862—1863 гг. между Тургеневым и Герценом нашли свое отражение в романе «Дым» (1867) — в особенности в речах Потугина, а также в образе и раздумьях Литвинова.

Начавшееся в январе 1863 г. Польское восстание глубоко волновало писателя, о чем свидетельствуют многие его письма. Тургенев в польском вопросе стоял на позиции, очень близкой к той, которую занимал в 1831 г. Пушкин, не сочувствуя целям восстания

(отделение Польши от России) и опасаясь возможности европейского вмешательства в русско-польский конфликт. Вместе с тем Тургенев резко отрицательно относился к политике массовых репрессий, к деятельности М. Н. Муравьева, к шовинистической публицистике «Московских ведомостей», и в этом его мнение совпадало с мнением Герцена. Тем не менее разница во взглядах на польский вопрос углубила его расхождение с Герценом и особенно с Огаревым.

С первых дней того же 1863 г. начался для Тургенева длительный период волнений, связанных с привлечением его к следствию по делу «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. с Герценом, Огаревым и Бакуниным (так называемому «делу 32-х»). Допросы Тургенева в Сенате по приезде в Петербург в начале 1864 г. показали явное нежелание правительства судить известного писателя наравне с другими обвиняемыми, и дело закончилось его формальным оправданием. В то же время его заявления об идейном расхождении с прежними друзьями, получившие широкую огласку, вызвали негодующее и язвительное выступление Герцена в «Колоколе», после которого между ним и Тургеневым наступил разрыв, продолжавшийся почти три года.

Длительное пребывание Тургенева за границей способствует в этот период углублению и расширению его связей с французскими и немецкими литературными деятелями, многие из которых становятся его друзьями. Во Франции он тесно общается и переписывается с Проспером Мериме (письма к нему Тургенева, к сожалению, навсегда утрачены), с издателями Ж. Этцелем и Ж. Шарпантье; в начале 1863 г. произошло его знакомство с Гюставом Флобером, едва ли не сразу переросшее в тесную дружбу. В Германии Тургенев переписывается и общается с Фр. Боденштедтом, переводчиком его повестей и рассказов на немецкий язык, с писателем М. Гартманом, рисовальщиком и критиком Л. Пичем. Большое место в его переписке 1863—1864 гг. занимают переводы Фр. Боденштедта стихотворений русских поэтов (Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Фета), положенных на музыку П. Виардо, и издание альбомов этих романсов на двух языках, в Петербурге и в Лейпциге.

Существенные события происходили в эти годы и в личной жизни писателя. В связи с тем, что семья Виардо с весны 1862 г. прочно обосновалась в Баден-Бадене, он также решает сделать этот немецкий курортный городок основным местом своего жительства и осенью 1864 г. начинает здесь постройку собственной виллы. Беспокоило Тургенева будущее его дочери, много забот и волнений было связано с ее замужеством, состоявшимся лишь в начале 1865 г.

Тексты писем пятого тома подготовили к печати и примечания к ним составили: *А. И. Батюто* (1270, 1271, 1274, 1279, 1294, 1302, 1310, 1312, 1323, 1325, 1352, 1376, 1380, 1386, 1387, 1390, 1396, 1399,

1401, 1405, 1406, 1411, 1417, 1427, 1428, 1432, 1452, 1479, 1488, 1509, 1514, 1522, 1562, 1593. 1599); *К. Ф. Бикбулатова* (1320, 1378, 1383, 1389, 1419, 1430, 1435—1437, 1442, 1447, 1462, 1464, 1561, 1572, 1575, 1577, 1582, 1585); *Н. П. Генералова* и *А. Звигильский* (1342, 1347, 1353, 1357, 1458, 1467, 1468, 1487, 1491, 1518, 1520, 1521, 1524, 1542, 1584, 1586, 1589—1592, 1594, 1597, 1598); *Т. П. Голованова* (1275, 1276, 1281, 1287, 1300, 1301, 1303, 1308, 1309, 1319, 1322, 1327, 1328, 1346, 1351, 1359, 1361, 1365, 1367, 1370, 1371, 1373, 1375, 1391, 1398, 1415, 1420, 1439, 1449, 1454, 1456, 1473, 1476, 1496, 1500, 1525, 1528, 1532, 1551, 1560); *Т. П. Ден* и *Т. И. Бронь*, при участии *Р. М. Гороховой* (1277, 1330, 1334, 1354, 1363, 1364, 1388, 1393—1395, 1535, 1540, 1568, 1580); *Т. П. Ден*, при участии *Р. М. Гороховой* (1441, 1444, 1451); *Т. П. Ден* и *Г. Ионас* (1283); *Т. П. Ден* и *К. Леман-Шульце* (1469, 1544); *Т. П. Ден* и *Х. Раппих*, при участии *Р. М. Гороховой* (1282, 1397, 1400, 1404, 1407, 1421, 1478, 1483, 1484, 1490, 1494, 1503, 1511, 1559, 1581); *Т. П. Ден* и *Г. Цигенгайст* (1493, 1513); *П. Р. Заборов* и *М. Партюрье* (1356, 1381, 1433, 1459, 1481, 1499, 1531, 1543); *И. В. Измайлов* и *Д. М. Климова* (1461, 1557); *Н. В. Измайлов и Д. М. Климова*, при участии *Н. П. Генераловой* и *А. Звигильского* (1547—1550, 1552—1556, 1563, 1565, 1567, 1569—1571); *Е. И. Кийко* (1280, 1284, 1289—1291, 1297, 1298, 1306, 1307, 1311, 1313—1316, 1329, 1332, 1335—1339, 1348, 1349, 1355, 1362, 1368, 1369, 1372, 1382, 1385, 1402, 1409, 1416, 1424, 1426, 1434, 1438, 1446, 1455, 1460, 1463, 1466, 1470, 1471, 1474, 1475, 1477, 1480, 1482, 1485, 1489, 1492, 1495, 1498, 1502, 1506, 1507, 1512, 1515, 1517, 1519, 1526, 1529, 1530, 1534, 1538, 1541, 1545, 1546, 1558, 1564, 1566, 1578, 1579, 1587, 1588; «Официальные письма и деловые бумаги» I, 26—29; Приложение I, 26а; Приложение II, 1—6; «Официальные письма и деловые бумаги» II, 30); *Н. Н. Мостовская* (1445); *Л. Н. Назарова* (1269, 1272, 1273, 1278, 1286, 1304, 1305, 1318, 1326, 1340, 1343, 1360, 1366, 1408, 1412, 1414, 1418, 1423, 1425, 1440, 1453, 1501, 1504, 1508, 1510, 1516, 1523, 1527, 1533, 1536, 1537, 1539, 1583, 1595); *Т. И. Орнатская* (1505); *Г. А. Тиме* (1350, 1497); *Е.М . Лобковская* (1429, 1431); *Г. М. Фридлендер* (1292, 1299, 1321, 1448, 1472); *Е. М. Хмелевская* и *Н. А. Хмелевская* (1285, 1288, 1293, 1295, 1296, 1317, 1324, 1331, 1333, 1341, 1345, 1358, 1374, 1377, 1379, 1384, 1392, 1403, 1410, 1413, 1422, 1443, 1450, 1465, 1486, 1574, 1576, 1596); *И. С. Чистова* (1573).

Указатель имен и названий составлен *Л. С. Данилевской*.

Французские тексты печатаются под наблюдением *П. Р. Заборова*; немецкие — *Р. Ю. Данилевского*.

В подготовке тома к печати принимала участие *Е. М. Лобковская*.

Редактор тома — *Н. С. Никитина*.

Редакция выражает глубокую признательность организациям и лицам, содействовавшим полноте и достоверности издания: парижской Национальной библиотеке, Центральному институту истории литературы Академии наук ГДР, президенту Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, доктору филологии *А. Звигильскому* (Франция), профессору *П. Уоддингтону* (Новая Зеландия), а также советским ученым — профессору музыковеду и литературоведу *А. А. Гозенпуду* и литературоведу *Н. М. Чернову*.

1862

1269. М. Н. Каткову (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/12. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 42—43.

Стр. 7. непременное (*лат. Буквально*: без которого нельзя).

[1] Речь идет о банкирской конторе «Ахенбах и Колли», находившейся в Москве. Через эту контору производились обычно переводы Тургеневу авторского гонорара из «Русского вестника». Вексель в 3500 фр.— те 1000 руб. сер., которые Тургенев просил у Каткова в письме к нему от 8 (20) декабря 1861 г.

[2] Имеется в виду роман «Отцы и дети», напечатанный во 2-м номере журнала «Русский вестник» за 1862 год.

[3] Статья В. В. Стасова «О значении Брюллова и Иванова в русском искусстве» была напечатана в «Русском вестнике» (1861, № 9, 10). Впоследствии (в 1867 г.) Тургенев высказал Стасову свое восхищение этой оценкой им «пухлой ничтожности Брюллова» (Северный вестник, 1888, № 10, с. 147—148). Тургенев не любил этого художника, относя его к той «ложновеличавой» школе в искусстве, против которой он выступал в своих литературно-критических статьях конца 1840-х годов. В мемуарном очерке «Поездка в Альбано и Фраскати» (1861), посвященном А. А. Иванову, Тургенев, сравнивая его с Брюлловым, писал: «Имей он талант Брюллова, или имей Брюллов душу и сердце Иванова, каких чудес мы были бы свидетелями! Но вышло так, что один из них мог выразить всё, что хотел, да сказать ему было нечего, а другой мог сказать многое — да язык его коснел. Один писал трескучие картины с эффектами, но без поэзии и без содержания; другой силился изобразить глубоко захваченную, новую, живую мысль, а исполнение выходило неровное, приблизительное, неживое. Один, если можно так выразиться,— правдиво представлял нам ложь; другой — ложно, то есть слабо и неверно, представлял нам правду» (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 84).

1270. А. И. Герцену (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 61—62.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 142—144.

Стр. 8. Это знамение времени! *(франц.)*.
Стр. 8. «Россия в царствование Александра II» *(франц.)*.

[1] Александр Александрович Бакунин, приезжавший в середине января н. ст. 1862 г. в Лондон для свидания с братом, Михаилом Александровичем (см.: *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 207).

[2] Тургенев приезжал в Лондон к Герцену и М. А. Бакунину в середине мая н. ст. 1862 г. (см.: *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 221—222).

[3] 2 декабря н. ст. 1861 г. Герцен писал Тургеневу: «Сын мой больше и больше хочет ехать в Россию. Как бы узнать, что надобно делать и с кем посоветоваться?» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 200). В другом письме к Тургеневу, написанном в начале января н. ст. 1862 г., Герцен просил: «... можно ли Головнину сделать вопрос: „На каком основании мой сын, Medicinae Doctor и натуралист, может возвратиться в Россию и снова получить там права гражданства?“» (там же, с. 205—206). А. А. Герцен в Россию не вернулся.

[4] Речь идет о материальной помощи М. А. Бакунину, бежавшему из сибирской ссылки.

[5] В начале января н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Кстати, кажется, Солдатенков будет в Париже; с него непременно возьми денег для Бакунина» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 206).

[6] В лице А. А. Герцена русские в Карлсруэ и в Гейдельберге чествовали А. И. Герцена. Вот что об этом сказано в отчете шефа жандармов за 1861 г.: «В декабре же месяце 20-летний сын Герцена приезжал в Гейдельберг. По сему случаю проживающие там в значительном числе русские давали обед, пригласив на оный и поляков, и тут провозглашены были тосты в честь Александра Герцена с отдачею ему похвалы за старания его о соединении национальностей русской и польской» (*Герцен*, *Лемке*, т. 11, с. 375). На обеде, данном А. А. Герцену русской колонией в Гейдельберге 22 декабря 1861 г. (3 января 1862 г.), один из поляков, имя которого осталось неизвестным, сказал: «Соединяет нас сегодня мысль и личность знаменитого редактора „Колокола“, который первый могучим голосом своим пробудил дремлющую Россию» (см.: *Герцен*, *Летопись*, *1859—1864*, с. 274).

[7] В декабре 1861 г. А. В. Головнин был назначен министром народного просвещения.

[8] В «Revue des Deux Mondes» (1862, 15 января) была напечатана статья Шарля Мазада «La Russie sous le règne de l'empereur Alexandre II», в которой много места отведено положительной характеристике деятельности и личности Герцена. Так, например, Мазад писал: «Могущество Герцена в России необычайно. Это подлинный властелин нового поколения, и можно без всякого преувеличения сказать, что его моральный авторитет превышает авторитет официальной власти. Он может сказать без тщеславия, что он в состоянии помериться силами с Александром II и обращаться с ним, как с равным. К тому же это литературный талант, исполненный силы и страсти, обладающий даром красноречивой иронии и негодующей насмешки. Он рожден агитатором, он превосходно умеет убеждать своих соотечественников, затрагивать струны их национального характера до такой степени, что, говорят, ни один русский не может противостоять воздействию его слова. Герцен ни в коей мере не является одним из тех грубых демагогов, полных злобы и зависти, для которых все средства хороши. Это человек независимый благодаря своему положению, глубокой убежденности, страстной любви к своему народу и возвышенному характеру, признаваемому даже его самыми ожесточенными врагами, должностными лицами русского правительства, которые уважают в нем высокую порядочность» (с. 272).

1271. **А. А. Фету** (с. 8)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 68—69.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 384—385.

Стр. 8. неожиданная неприятность (*франц. Буквально:* кровельная черепица).

[1] Речь идет о письме Л. Толстого, в котором он объявлял Фету, что порывает с ним, как и с Тургеневым, всякие отношения (подробнее см.: наст. изд., Письма, т. 4, № 1265, примеч. 13).

[2] Имеются в виду поправки к роману «Отцы и дети».

[3] Драматическая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» была напечатана в «Современнике» (1862, № 1). Отрицательный отзыв Фета о «Минине» был, очевидно, изложен им в не дошедшем до нас письме к Тургеневу от 15 (27) февраля 1862 г. (см. письмо 1294).

[4] Об охотничьих мытарствах летом 1861 г. Тургенев писал Е. Е. Ламберт (Письма, т. 4, № 1208).

[5] См. наст. изд., Письма, т. 4, № 1265, примеч. 3.

[6] По всей вероятности, Тургенев имеет в виду какие-то критические суждения Фета о газете И. С. Аксакова «День», высказанные в не дошедшем до нас письме.

[7] См. письмо 1288, примеч. 4.

1272. П. В. Анненкову (с. 9)

Печатается по тексту первой публикации: *Стасюлевич*, т. 3, с. 481—482 — с исправлением ошибки в дате письма (см. ниже).

Подлинник неизвестен.

Датировка этого письма Анненковым осенью 1861 г. является ошибочной. Письмо следует датировать серединой января ст. ст. 1862 г., исходя из следующих соображений. Тургенев сообщает в нем, что он собирается отправить Анненкову «поправки» и «изменения» к «Нахлебнику» через два-три дня. Анненков получил их 26 января (7 февраля) 1862 г., о чем в тот же день известил Тургенева (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 17 об.). Учитывая, что письмо из Парижа в Петербург шло около пяти дней, следует принять указанную выше датировку. Кроме того, в письме упоминается о назначении А. В. Головнина министром народного просвещения — это назначение произошло 25 декабря 1861 г. (см. примеч. 8).

[1] Это письмо Ф. А. Бурдина к Тургеневу неизвестно.

[2] В ответ на это Анненков писал Тургеневу 3 (15) февраля 1862 г.: «... поправки к „Нахлебнику“ я передал Снетковой 3, в бенефис которой пьеса идет с Васильевым 2-м (к счастью!) в главной роли, а не с Бурдиным. Оказывается, что поправки слов могут быть введены в рукопись суфлера, а сцена нуждается в одобрении III Отделения, что есть дело крайне опасное и щекотливое, по известному его характеру знатока приличий и несноснейшего критика. Поэтому так и оставили все — да вам-то что? Ведь ни хуже, ни лучше пьесу сделать нельзя» (*ИРЛИ* ф. 7, № 8, л. 18 об.— 19).

[3] Речь идет о прибавленной во 2-м действии «Нахлебника» сцене объяснения Елецкого с Кузовкиным (наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 164—166). См. также: Письма, т. 4, № 1260, примеч. 12.

[4] Эти указания содержались в письме Анненкова к Тургеневу от 26 сентября (8 октября) 1861 г. (публикацию письма см.: *Рус лит*, 1958, № 1, с. 147—149). Об этом письме и выдержки из него см. в комментарии А. И. Батюто к «Отцам и детям»: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 420—424.

[5] Н. В. Щербань, описывая работу Тургенева по отделке романа «Отцы и дети», сообщал, что писатель «беспрестанно <...> то

одно слово поправит, то другое выбросит, то третье вставит; переделает выражение, строчку прибавит, три выкинет ... По мере того как варианты вносились в подлинную рукопись, Иван Сергеевич отмечал их и отдельно. Мало-помалу составилась целая тетрадка загадочного для непосвященных содержания: — Глава такая-то. В строке такой-то выкинуть слова „......“, в такой-то прибавить слово „....“, в такой-то зачеркнуть слова „.....“ и вместо них поставить „............“; такую-то строку — вычеркнуть; вместо такой-то вписать то-то. И т. д.» (*Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 18—19).

[6] Список поправок, сделанный Тургеневым к «Отцам и детям» и посланный Анненкову, неизвестен. Однако о нем упоминает и Н. В. Щербань, сообщая о том, что один экземпляр этого списка был «послан по почте в Петербург, П. В. Анненкову»; другой экземпляр был вручен Тургеневым Н. В. Щербаню перед его отъездом из Парижа в Москву (*Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 19).

[7] Речь идет о кн. П. В. Долгорукове, который, живя за границей, выпустил ряд статей, резко критиковавших действия русского правительства, и книгу «La vérité sur la Russie» (Париж, 1860). Гражданский процесс, который вел против П. В. Долгорукова С. М. Воронцов, начался в конце ноября 1861 г. в Париже (по месту жительства Долгорукова). 3 января 1862 г. суд признал Долгорукова «поносителем чести фельдмаршала Воронцова, клеветником и автором анонимной записки, вследствие чего присудил его к уплате судебных издержек и к опубликованию приговора на его счет в пяти повременных изданиях, по выбору Воронцова» (см.: Лемке М. К. Кн. П. В. Долгоруков — эмигрант // Былое, 1907, № 3, с. 173). Однако в пользу Долгорукова свидетельствуют его дальнейшие отношения с Герценом. В частности, непосредственно после процесса Герцен опубликовал в «Колоколе» несколько строк, которые были проникнуты симпатией к Долгорукову (1862, 3 (15) января, л. 119—120). Изложение этого процесса с позиций Воронцова см. в кн.: Procès du prince Woronzow contre le prince Pierre Dolgoroukow et «Le Courrier du Dimanche». Paris, 1862 (русское издание: Дело князя С. М. Воронцова против князя П. Долгорукова и против журнала «Courrier du Dimanche» в гражданском суде департамента Сены, первой инстанции. М., 1862).

[8] Приказ о назначении А. В. Головнина управляющим министерством народного просвещения был подписан Александром II 25 декабря 1861 г. Тургенев мог узнать об этом из газет (см.: *СПб Вед*, 1861, № 287, 29 декабря). В письме от 26 января (7 февраля) 1862 г. Анненков, сообщая Тургеневу свои первые впечатления от деятельности А. В. Головнина, называл его «умным человеком», в частности за данное им позволение «читать публичные частные лекции всем профессорам закрытого университета». В то же время Анненков верно подметил «двойственность» Головнина, которая у него «проглядывает во всем» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 15 об.).

1273. **П. В. Анненкову** (с. 10)

Печатается по тексту первой публикации: *Стасюлевич*, т. 3, с. 486.

Подлинник неизвестен.

[1] В дошедших до нас письмах Тургенева к Анненкову за 1861 г. упоминаний о Н. В. Щербане нет.

[2] См. письмо 1272, примеч. 5. Помощь Щербаня выразилась в

том, что он «перебелил его ⟨Тургенева⟩ работу» (*Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 19).

[3] См. письмо 1272, примеч. 6.

1274. А. А. Фету (с. 11)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 515, оп. 1, № 34, л. 5—6.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 390—392.

Стр. 12. Да! Если б только мы не знали этого лучше! *(нем.)*.

[1] Все эти письма Фета до нас не дошли.

[2] Т. е. в недавно купленное Фетом имение Степановку.

[3] 5 (17) июня 1862 г. Тургенев приехал в Спасское, но в это лето, по всей вероятности, Фета в Степановке не навещал.

[4] См. письмо 1271.

[5] Повесть Н. Г. Помяловского «Молотов» была напечатана в «Современнике» (1861, № 10). Отрицательный отзыв Фета о ней неизвестен.

[6] Надя — героиня повести Помяловского «Молотов». Тургенев подразумевает главу из этой повести, начинающуюся со слов: «Надежда Игнатьевна была очень хорошенькая и серьезная девушка».

[7] Источник цитаты не установлен.

[8] Впервые «Нахлебник» был поставлен в Москве 30 января ст. ст. 1862 г. в бенефис М. С. Щепкина, затем в Петербурге 7 февраля ст. ст. 1862 г. в бенефис Ф. А. Снетковой. О какой постановке пишет Тургенев — не установлено. В Москве, судя по критическим отзывам, хорошо были исполнены роли: Кузовкина (М. С. Щепкин), Карпачова (Калинин), Тропачева (Шумский). В Петербурге отличились только исполнители второстепенных ролей: Григорьев (Карпачов), Каратыгин (Трембинский). Отзывы об игре Ф. А. Снетковой (Елецкая), Васильева 2-го (Кузовкин) были отрицательными. Представления пьесы и в Москве и в Петербурге прошли без особого успеха, но объяснялось это не столько игрой артистов, сколько особенностями пьесы, в которой критика, как и сам Тургенев, усматривала недостаток сценичности (см.: *СПб Вед*, 1862, № 33, 11 февраля, «Петербургская летопись»; *Моск Вед*, 1862, № 33, 11 февраля, с. 265). Раздражение Тургенева было вызвано опасением, что главная роль в пьесе достанется артисту Бурдину, который ему не нравился (см. письмо 1272).

1275. Я. П. Полонскому (с. 13)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание ОЛДП, № Q250, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 98—99.

[1] Это письмо Полонского неизвестно.

[2] Имеется в виду отрывок из статьи Д. И. Писарева «Писемский, Тургенев и Гончаров» (*Рус Сл*, 1861, № 11). Судя по тому, что́ Тургенев говорит в связи с этим отрывком о независимости и нетерпимости молодого поколения, возможно, что речь идет о начале статьи, где Писарев объявляет «отцов» деятелями прошедшего времени и настаивает на «суде ближайшего потомства». Полонский мог также послать Тургеневу и конец статьи, где сформулированы

вкратце ее основные положения, задевавшие непосредственно и Тургенева, и Полонского (Писарев Д. И. Соч.: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 192 и 230).

[3] «Отцы и дети».

[4] Последняя строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Совет» («Не рассуждай, не хлопочи...»).

[5] Продолжение романа в стихах Полонского «Свежее преданье» было напечатано в № 10 журнала «Время» за 1861 г. (начало в № 6 за тот же год; окончание в № 1 за 1862 г.).

1276. Фанни Тургеневой (с. 14 и 323)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4709.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 220.

Датируется по помете, сделанной адресатом на обороте записки.

1277. Полине Тургеневой (с. 14 и 323)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 86.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. IV, с. 333.

Датируется предположительно 27 января (8 февраля) 1862 г. по следующим соображениям. Письмо могло быть написано днем 27 января (8 февраля) после записки, посланной Фанни Тургеневой (см. № 1276). Тургенев утром 27 января (8 февраля), по-видимому, находился у Виардо (Rue de Douai), где он выправлял (возможно, с Л. Виардо) рукопись переводов Делаво романа «Накануне» и повести «Первая любовь» (опубликованы под заглавием: Nouvelles scènes de la vie russe. Traduction de H. Delaveau. Paris: Dentu, 1863), за которой переводчик должен был сам зайти в тот же день.

[1] См. выше, обоснование датировки.

[2] Н. И. Тургенев.

1278. М. Н. Каткову (с. 14)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/13.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 43.

1279. А. И. Герцену (с. 15)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 63—64.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 144—146.

Стр 15. бывшие *(франц.)*.

Стр. 15. И ты, Брут! *(лат.)*.

Стр. 15. но ты не жертва (*франц. Буквально*: но ты не одурачен).

[1] Ответ на письмо Герцена от 9 февраля н. ст. 1862 г. (см.: *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 208—209).

[2] В письме от 9 февраля н. ст. 1862 г. Герцен спрашивал: «Правда ли, что „Колок⟨ол⟩“ запрещен, по проискам Герольда, Франкова наместника?» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 208). Как отмечает М. К. Лемке, Герольд — «владелец книжной фирмы А. Франка, из преданности русскому золоту прекративший издание „Будущности“ кн. П. В. Долгорукова» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 50).

[3] Журнал «Будущность» печатался в Лейпциге и выходил в

Париже с 1860 г. (см. об этом: наст. изд., Письма, т. 4, № 1131, примеч. 7).

[4] В письме к Тургеневу от 9 февраля н. ст. 1862 г. Герцен спрашивал: «Скажи твое мнение (я, если велите — сохраню его втайне до второго пришествия) насчет „Будущности". Долгор⟨укий⟩ предлагает ее издавать Трюбнеру. Да окупалась ли она? или служила больше для удовольствия и здоровья? Вообще, что ты об этом думаешь?» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 208).

[5] В том же письме Герцен спрашивал: «Не имеешь ли ты понятия, что за человек *Садовский* у вас в Париже? Не актер — того я и сам знаю. А этот г-н прислал мне процесс Воронцова — с письмом о его правоте. Почему? Что ему за дело, или что задело его в моей отметке» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 208—209). О «процессе Воронцова» см. письмо 1272, примеч. 7. «Отметка» Герцена — заметка его «Процесс князя П. В. Долгорукова», напечатанная в «Колоколе» (1862, 15 января, л. 119—120); см.: *Герцен*, т. 16, с. 22.

[6] Намекая на попытки нового министра народного просвещения, Головнина, усилить цензурный гнет, Герцен писал Тургеневу в том же письме от 9 февраля н. ст. 1862 г.: «In Russland geht es bunt. Я так и жду, что будет бунт. Дворяне хотят в мужики — а Николай Филиппыч ⟨Павлов⟩ говорит: „Атанде — я и князь Суворов не хотим", а Аксаков говорит: „хотим, но позвольте поляка под микитки съездить", а Головнин говорит: „полно говорить". Его слушает один Краевский — тот ничего не говорит» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 209).

[7] Очевидно, речь идет о разрешении К. Д. Кавелину читать публичные лекции по истории.

[8] Это ответ на следующий вопрос Герцена в цитируемом выше письме: «Зачем же ты поддерживаешь „Вестминстерский вестник" в Леонтьевском переулке?» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 209). Называя «Русский вестник» «вестминстерским», Герцен намекал на англоманство М. Н. Каткова. Леонтьевский переулок (по фамилии соиздателя «Русского вестника» — П. М. Леонтьева) — ирония Герцена. Редакция журнала находилась в Москве в Армянском переулке.

[9] Вероятно, Тургенев имеет в виду утверждение Чернышевского в коллекции первой «Полемических красот» (*Совр*, 1861, № 6), где в связи с его выходом из «Современника» критик писал: «Что же такое было? Изменился наш взгляд на положение, принадлежащее повестям г. Тургенева в русской литературе. Это так. Но кто скажет, что это положение не изменилось? Разве не изменилась сама русская литература? Что же, нам следовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другом положении литературы, и чего уже не могли думать теперь?» (*Чернышевский*, т. 7, с. 714; см. также: Евгеньев-Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936. С. 477).

[10] См. наст. изд., Письма, т. 4, № 1115, примеч. 6.

[11] Журнал «Библиотека для чтения».

[12] В письме от 9 февраля н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Еще каков, брат, вылупился барин из Чичерина. Зато Громека и уважил его» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 209). В листе 119-120 «Колокола» от 15 января 1862 г., в заметке «Из Москвы», были помещены выдержки из двух писем корреспондентов «Колокола» (без указания их фамилий). Во втором из этих писем сообщалось о том, что «Чичерин говорил в здешних (т. е. московских.— *Ред.*) салонах» в защиту телесных наказаний для солдат. Очевидно, автором этого письма и был С. С. Громека. Передовая общественность была возмущена также

недостойным поведением профессора Чичерина во время студенческих волнений в Московском университете в сентябре — октябре 1861 г. В том же письме от 9 февраля н. ст. 1862 г., намекая на бесхарактерность Тургенева, все-таки общавшегося с Чичериным, Герцен добавлял: «А ведь, небось, москвичи наши (я тебя в их число не включаю с тех пор, как ты Рю-Риволян) — и с ним, и с Павловым друзья...» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 209).

[13] Александр Александрович Бакунин, которого Герцен в письме к Тургеневу от 3 февраля н. ст. 1862 г. также называл «дромадером» (см.: *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 208).

[14] Подписку по сбору средств в помощь М. А. Бакунину.

[15] Это письмо неизвестно.

[16] Жена М. А. Бакунина была в это время в Иркутске; вскоре ей удалось переселиться в Тверскую губернию; затем она приехала в Лондон (см.: *Рус Ст*, 1894, № 12, с. 6).

1280. **А. В. Дружинину** (с. 16)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 11, л. 8—9.

Впервые опубликовано: *Письма к Дружинину*, с. 334.

Стр. 17. главный *(франц.).*

[1] Письмо Дружинина от 22 января (3 февраля) 1862 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 228).

[2] В указанном выше письме Дружинин писал: «Без сомнения Вы имеете сведения о В. П. Боткине, а если он в Париже, то и видаетесь с ним. Сообщите мне в двух строчках хотя о состоянии его здоровья — с октября я адресовал ему, как всегда через Гомберга, одно большое письмо и одно маленькое, не зная, где он находится. Ответа я не имел, что меня тревожит, ибо я знаю его аккуратность. Очень может быть, что и письма мои не дошли» (*Т и круг Совр*, с. 228).

[3] Т. е. В. П. Боткин.

1281. **В. Я. Карташевской** (с. 17)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 31—32.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. IV, с. 337—338. Два небольших отрывка из письма (сведения о дочери и о «прибавочной» сцене в «Нахлебнике» — частично в пересказе) приведены в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (см.: *Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 215—216).

[1] Тургенев получил в это время из Петербурга письмо от П. В. Анненкова от 3 (15) февраля 1862 г., в котором сообщалось: «Посылаю Вам „Гамлета", переписанного Варварой Яковлевной...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 19). Речь идет о статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», напечатанной в «Современнике» (1860, № 1) и прочитанной автором в зале Пассажа на публичном чтении, организованном Литературным фондом в Петербурге 10 (22) января 1860 г. Зачем понадобилась Тургеневу эта статья в 1862 г. в виде рукописи — сказать трудно. Возможно, что она нужна была для перевода на французский язык. В это время ряд переводов произведений Тургенева делал Делаво.

[2] Намек касается П. В. Анненкова, в феврале 1861 г. женившегося на Г. А. Ракович, кузине В. Я. Карташевской.

[3] Тургенев благодарит П. В. Анненкова за присылку статьи «Гамлет и Дон-Кихот» и письма из редакции «Русского вестника» с обещанием учесть все будущие поправки текста романа «Отцы и дети». В письме Анненкова от 3 (15) февраля сообщается также о том, что по просьбе Тургенева несколько листов его поправок отнесены Каткову, а поправки к «Нахлебнику» переданы актрисе Ф. А. Снетковой, в бенефис которой должна была ставиться эта пьеса. Подробнее о цензурной истории так называемой «прибавочной сцены» к «Нахлебнику» см.: наст. изд., Письма, т. 4, № 1260, примеч. 12.

[4] Об этой статье Ф. Боденштедта П. В. Анненков сообщал Тургеневу 22 февраля ст. ст. 1862 г.: «Не забыт мною и Боденштедт, но он забыт редакцией „Современника“, которая едва отыскала его статью, препоручила прочитать ее Пыпину, а он и доселе читает. Решено однако ж, что я получу ответ на будущей неделе. Я им предложу, если статья одобряется ими — выдать за нее гонорар мне, а Вы его выдадите автору. Хорошо ли?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 22 об.). В письме от 24 октября ст. ст. 1862 г. Анненков снова возвращался к этой теме: «Рукопись Боденштедта, благодаря тому, что Пыпин, ее разбиравший, возвратился из-за границы — будет найдена и возвращена Вам» (там же, л. 31). Статья в России не была напечатана.

[5] В письме Анненкова к Тургеневу от 22 февраля ст. ст. 1862 г. о гр. Е. Е. Ламберт сообщается следующее: «Ламберт точно мною забыта — да и будет забыта, ибо я перед ней такая скотина, что явиться к ней не могу и не желаю, так как ослиный, нечеловеческий образ, который ей принесу на покор — мало привлекателен и для меня самого горек» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 22 об.).

[6] См. письмо 1272, примеч. 2.

1282. **Фридриху Боденштедту** (с. 19 и 323)

Печатается во французском оригинале по тексту первой публикации: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 449—450.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1281, примеч. 4.

[2] Боденштедт, получив письмо Тургенева от 29 декабря н. ст. 1861 г. (наст. изд., Письма, т. 4, № 1263), поручил своему издателю Декеру выслать Тургеневу издание «William Shakespeares Sonette in Deutscher Nachbildung» (Berlin, 1862). В письме к издателю, написанном, по-видимому, в первые дни 1862 г., Боденштедт сообщал: «Только что я получил письмо от знаменитого писателя Ивана Тургенева, который, прочитав в газете о моих сонетах Шекспира, захотел о них дать сообщение в петербургские и московские журналы, однако в Париже, где он сейчас находится, не мог раздобыть ни одного экземпляра. Я прошу Вас распорядиться отослать ему немедленно непереплетенный экземпляр роскошного издания» (B o d e n s t e d t F. Ein Dichterleben in seinen Briefen. Berlin, 1893. S. 125).

[3] См. наст. изд., Письма, т. 4, № 1258, примеч. 7.

[4] См. письмо 1283, примеч. 4.

[5] «Отцы и дети».

[6] См. письмо 1283.

1283. **Паулю Гейзе** (с. 20 и 324)

Печатается по подлиннику: Баварская государственная библиотека в Мюнхене (Bayerische Staatsbibliothek, München).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Petzet E. Paul Heyse und Ivan Turgeniew // Westermanns Monatshefte, 68 Jg., 1924. Bd. 136. S. 185—195; в русском переводе — Печать и революция, 1925, № 7, с. 96—111.

[1] Тургенев имеет в виду издание: Heyse Paul. Neue Novellen, 4 Sammlung. Berlin, 1861. В сборнике четыре новеллы: «Annina» («Аннина»), «Im Grafenschloss» («В графском замке»), «Andrea Delphin» («Андреа Дельфин») и «Auf der Alm» («На альпийском лугу»). Книга издана с посвящением: «Ivan Turgénjeff, dem russischen Meister der Novelle, widmet diese Blätter mit freundlichem Gruss der Verfasser» («Ивану Тургеневу, русскому мастеру новеллы, посвящает эти страницы с дружеским приветом автор»).

[2] Последняя новелла в сборнике — «Auf der Alm» («На альпийском лугу»), а не «Auf der Alp», как пишет Тургенев.

[3] В России Гейзе начали переводить в конце 1850-х годов. Новелла «L'Arrabbiata» под заглавием «Блажная» была опубликована в 1858 г. (см.: Атеней. № 1. С. 378—396). Это же произведение, озаглавленное «Упрямая», было напечатано в 1861 г. (см.: Век, 1861. № 46, с. 1326—1332). Новелла «Das Mädchen von Treppi», озаглавленная в переводе «Треппи», напечатана в 1858 г. (см.: *Рус Вестн*, 1858, т. 17, № 10, кн. 2, Приложение, с. 177—204). Новелла «Kreisrichter» («Окружной судья») появилась в русском переводе в 1859 г. (см.: *Моск Вед*, 1859, № 167, 169, 171, 172), а новелла «Der Einsiedler» («Пустынник») напечатана в 1860 г. (см.: *Моск Вед*, 1860, № 238—240). В 1870-е и 1880-е годы в России появляется значительное количество переводов произведений Гейзе.

[4] Тургеневу весной 1862 г. не удалось посетить Мюнхен. Он выехал из Парижа 3 июня н. ст. 1862 г. и отправился в Петербург через Берлин. Гейзе же до октября 1862 г. оставался в Меране. Второе свидание писателей произошло 17 (29) августа 1869 г. в Мюнхене, куда Тургенев приехал на три дня в связи с открытием памятника Гёте (см.: Petzet E. Paul Heyse und Ivan Turgeniew // Westermanns Monatshefte, 68. Jg., 1924. Bd. 136. S. 188).

1284. В. П. Боткину (с. 21)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60939.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 163—164, № 87.

[1] Речь идет о письме Л. Н. Толстого к В. П. Боткину от 7 (19) февраля 1862 г. (см.: *Толстой*, т. 60, с. 417).

[2] Называя Бакунина Велизарием, Тургенев имел в виду историю знаменитого византийского полководца, который после неудачной войны с готским королем Тотилой впал в немилость к императору Юстиниану, был ослеплен и оказался вынужденным просить милостыню.

[3] Перефразировка первой строки стихотворения А. Ф. Мерзлякова «Велизарий» (1814): «Малютка, шлем нося, просил...»

[4] Рим.

[5] М. П. Боткину.

1285. Е. Е. Ламберт (с. 21)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 119.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 146.

[1] Е. Е. Ламберт почти одновременно потеряла единственного сына, умершего 3(15) ноября 1861 г., и брата, В. Е. Канкрина, скончавшегося в Париже 10 ноября н. ст. 1861 г.

[2] Сохранилось ответное неопубликованное письмо Ламберт от 21 февраля (5 марта) 1862 г., в котором она пишет: «Нет, милый Иван Сергеевич, моя душа не требует ничего особенного — моя скорбь не есть минутное горе, временное пораженье, отчаяние, за которым следует развлеченье.— Я не забуду никогда — но моя жизнь не без утешенья на земле, потому что мое сокровище на небесах... Зачем мне уединение, отчуждение от старого, удаление от друзей и братий — мне все нужны... Вы тоже для меня дороги и близки как прежде...» (*ИРЛИ*, № 5836, л. 7).

1286. **М. Н. Каткову** (с. 22)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/14. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 43.

[1] Деньги были высланы Катковым Анненкову, последний сообщал Тургеневу 7(19) апреля 1862 г.: «Пишу Вам только несколько строк, Иван Сергеевич, так как не уверен, застанет ли Вас эта цидула в Париже, и единственно затем, чтобы сказать Вам о получении 350 р. сер. от „Русского вестника“, которые и будут переданы Шармеру» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 36).

1287. **Кларе Тургеневой** (с. 22 и 324)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 221.
Датируется по штемпелю городской почты.

1288. **И. П. Борисову** (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20328, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 361—362.
Дата письма в подлиннике содержит ошибку (несоответствие старого и нового стилей). В настоящем издании письмо датируется по новому стилю, так как оно написано в Париже.

[1] Тургенев отвечает на письмо И. П. Борисова от 25 декабря 1861 г. (6 января 1862 г.) (*Т сб*, вып. 3, с. 353—355).

[2] Новоселки — имение И. П. Борисова, Степановка — А. А. Фета.

[3] Очевидно, Тургенев говорит о письме к А. А. Фету от 23 января (4 февраля) 1862 г. (№ 1274).

[4] Тургенев намекает на статью Фета, напечатанную под названием «Заметки о вольнонаемном труде» (*Рус Вестн*, 1862, № 3 и 5). О работе Фета над этой статьей И. П. Борисов писал: «Не могу, хотел было воздержаться, но нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета: „Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство“. Ничего не выдумано, все истинная правда. Но все это передано неподражаемо, фетовски⟨...⟩ Я был в восторге, слушая его. Вы же из его писем уже знаете, в каком оно духе. Скоро весь плач Иеремии прольется на страницы „Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩“. Катков уже взял» (*Т сб*, вып. 3, с. 354).

[5] Тургенев имеет в виду роман «Отцы и дети».

[6] Тургенев ждал первого номера «Современника» за 1862 г., где была напечатана драма А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук».

[7] Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Осенней позднею порою...»:

И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья,
Коснеют в этой полумгле...

Стихотворение было впервые напечатано в «Русской беседе» (1859, № 1, с. 2—3).

1289. **В. П. Боткину** (с. 24)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60940.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 164.

[1] Это письмо Л. Н. Толстого к Боткину неизвестно.

[2] Ср. письмо 1288, примеч. 6.

[3] Боткин отправил Тургеневу письмо из Рима между 14 и 19 февраля ст. ст. 1862 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 164—165).

[4] Речь идет о скульптурной бронзовой группе «Уголино и его дети», выполненной французским скульптором Ж.-Б. Карпо в 1860—1862 гг. в Риме, на тему из «Божественной комедии» («Ад») Данте. Скульптурная группа была выставлена в парижском Салоне в 1863 г. и получила медаль 1-й степени.

[5] Опера Гуно «Царица Савская» была поставлена на сцене парижской Grand Opéra в 1862 г., но успеха не имела.

1290. **В. П. Боткину** (с. 24)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60941.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 165—166.

[1] Драматическая хроника Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» была прислана Тургеневу из Москвы Н. В. Щербанем (см. письмо 1291).

[2] Отзывы о хронике Островского см. также в письмах 1291, 1292, 1294.

[3] С. П. Шевырев в 1862 г. читал в Париже публичные лекции о русской литературе (отзыв Тургенева о лекциях см. в письме 1297); они были изданы отдельной книгой в Петербурге в 1884 г.: «Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С. П. Шевыревым».

[4] Тургенев имеет в виду издание «Полного собрания сочинений» Н. В. Гоголя в четырех томах, подготовку которого осуществляли в Москве наследники писателя. Издание вышло в 1862 г. Гоголя и А. А. Иванова связывала многолетняя дружба, подкреплявшаяся общностью творческих интересов (см.: Зуммер В. М. Неизданные письма А. А. Иванова к Гоголю // Изв. Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина, сер. обществ. наук, 1925. Т. 4-5. С. 38—52; Машковцев Н. Гоголь в кругу художников. М.: Искусство, 1955. С. 89—134). У А. А. Иванова после смерти Гоголя остались рукописи, отражающие различные стадии работы писателя над «Ревизором», «Мертвыми душами», «Тарасом Бульбой», «Шинелью»,

«Женитьбой» и пр. В 1877 г. все эти материалы, хранившиеся в архиве А. А. и С. А. Ивановых, поступили в Румянцевский музей (см.: Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг. М., 1884. С. 46—49) и ныне хранятся в фонде Н. В. Гоголя в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (см.: Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. Сост. проф. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. М., 1940).

[5] Извещение о смерти И. И. Панаева было помещено в «Северной пчеле» (1862, № 49, 20 февраля).

1291. Н. В. Щербаню (с. 25)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 19—20.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Н. В. Щербаня к Тургеневу от 15 (27) февраля 1862 г. (*ИРЛИ*, № 5770).

[2] Тургенев переслал с Н. В. Щербанем поправки и прибавления к «Отцам и детям» (см. № 1272 и 1273; подробнее: Письма, т. 4, № 1241, примеч. 4).

[3] «Отцы и дети» были напечатаны во втором номере «Русского вестника» за 1862 г.

[4] Н. В. Щербань писал: «Вот вам сегодня же и „Минин" Островского. Отдаю на почту, под бандеролем, вместе с этим письмом» (*ИРЛИ*, № 5770).

[5] Н. В. Щербань писал: «Будьте добры, при встрече скажите Случевскому, что стихи его переданы На другой же день моего приезда Катков уехал в Петербург, так что они еще не прочтены... И еще прошу, Н. Н. Антроповой, которая желала иметь сведения о дороге, скажите, что к Вильно и от Вильно еще ничего нет» (*ИРЛИ*, № 5770).

[6] В своем письме Тургеневу Н. В. Щербань передавал пожелания Каткова, чтобы «Довольно» было напечатано в «Русском вестнике». Он писал: «Я раззвонил, что вы задумали „Довольно", и вам собираются писать, просить „не миновать нашего порога". Да и в самом деле: дайте „Довольно" „Русскому вестнику"» (*ИРЛИ*, № 5770). «Довольно» впервые было напечатано в «Сочинениях» Тургенева (изд. братьев Салаевых, 5 томов. Карлсруэ, 1865).

1292. Ф. М. Достоевскому (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, № 97, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Из архива Достоевского*, с. 117—118.

[1] Письмо Достоевского, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] Возможно, имеется в виду рассказ «Довольно» (см. письмо 1291), хотя не исключено, что речь идет о повести «Призраки» (см. письмо 1299). См. также: Письма, т. 4, № 1244, примеч. 2.

[3] «Время» в 1862 г. имело 4302 подписчика против 2300 в 1861 г. (см.: Время, 1863, № 1, с. 189—210; С т р а х о в Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 221).

[4] См. письмо 1290, примеч. 5.

[5] Об оценке Достоевским «Отцов и детей» см. в письме 1299.

1293. Е. Е. Ламберт (с. 27)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 120.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 147—149.

Стр. 28. «самым печальным из людей» *(франц.)*.
Стр. 28. девере *(франц.)*.
Стр. 29. Я покоряюсь неудаче, но, к счастью, у меня малочувствительная кожа *(франц.)*.

[1] Тургенев отвечает на неизданное письмо Ламберт от 21 февраля (5 марта) 1862 г. В этом письме Ламберт, между прочим, писала: «... на Вас — человека, преисполненного жизнью земной — смерть, гроб, ладан, черные покровы наводят такое тяжкое впечатление, что Вы чувствуете одну потребность невольно удалиться от печального зрелища». Далее — строки, на которые снова отвечает Тургенев: «... я заметила какое-то разъединение между нами, точно мое горе стало между нами стеной» (*ИРЛИ*, № 5836, л. 7).

[2] Тургенев перефразирует стих Лермонтова из «Мцыри»: «Он встретил смерть лицом к лицу».

[3] Намек на то, что его дочь Полина еще не замужем.

[4] Рукопись романа «Отцы и дети» Тургенев давал Ламберт 1 (13) сентября 1861 г. (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1226), но, судя по воспоминаниям М. А. Паткуль, сам прочитал им роман вслух (см.: Воспоминания Марии Александровны Паткуль... СПб., 1903. С. 156).

1294. А. А. Фету (с. 29)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 70—71.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 392—394, с пропусками и искажениями.

Стр. 29. и это в высшей степени! *(нем.)*.
Стр. 29. Это вина Вольтера,
Это вина Руссо *(франц.)*.
Стр. 30. жалобную песнь *(франц.)*.
Стр. 30. Верни мои легионы *(лат.)*.

[1] Это письмо Фета до нас не дошло.

[2] Цитата из сатирической песенки Беранже, направленной против духовенства, «Mandement des Vicaires-généraux de Paris. Mars 1817» («Послание генеральных викариев Парижа. Март 1817»). Эту же песенку распевает на баррикаде Гаврош (см.: Гюго В. Отверженные, ч. 5, гл. 15). Неточная цитата из этой песни Беранже приводится также в статье А. И. Герцена «Официальный контрадрес» (Колокол, 1863, л. 153, 1 января).

[3] Речь идет о М. П. Погодине и С. П. Шевыреве.

[4] «Отцы и дети».

[5] Тургенев с Фетом встретились гораздо позднее, в Спасском (см. письмо 1343).

[6] «Новый Поэт» — псевдоним, которым Панаев подписывал свои «заметки» в «Современнике».

[7] Строка из стихотворения Г. Гейне «Дон Рамиро».

[8] Эти шуточные стихи Тургенева при публикации письма в «Воспоминаниях» А. А. Фета были выпущены — очевидно, потому,

что в «вариантах» к ним (см. ниже, примеч. 14) Тургенев намекнул на неудачную строку из стихотворения Фета. Впрочем, эти стихи Тургенева, исказив их, Фет привел в другом месте своих воспоминаний (см.: *Фет*, ч. 1, с. 273). Там же (с. 272) он пишет о том, что Родионов жил у Тургенева в Спасском, отличался «нахальством» и т. д.; Тургенев хотел сделать его «учителем сельской школы и переписчиком своих рассказов», но из этого ничего не получилось.

[9] Слова римского императора Августа, сказанные при известии о жестоком поражении его полководца П. К. Вара в битве с германцами (9 г. н. э.). Душевное состояние Августа в связи с этим событием так охарактеризовано в книге римского историка Светония: «Говорят, он был так потрясен, что отпустил на несколько месяцев бороду и волосы и не раз бился головой о двери, крича: „Квинтилий Вар, отдай мои легионы!“, и что день поражения был для него ежегодно днем глубокой печали» (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. СПб., 1904. С. 68).

[10] Эти письма Н. Н. Тургенева до нас не дошли.

[11] Из стихотворения Фета «Лида» (*Из Шенье*; впервые: *Б-ка Чт*, 1859, № 10). Первоначальный рукописный вариант стиха 61-го, исправленного по указанию Тургенева, см. в его письмах к Фету (наст. изд., Письма, т. 3, № 742, т. 4, № 755).

[12] «Уставная грамота» — документ, которым определялись отношения между помещиками и освобожденными после реформы 1861 г. крестьянами.

[13] См. письмо 1288, примеч. 4.

[14] См. письмо 1288 и примеч. к нему.

[15] 7 (19) февраля 1862 г. Л. Н. Толстой писал В. П. Боткину: «Я здесь — в Москве — отдал всегдашнюю дань своей страсти к игре и проиграл столько, что стеснил себя; вследствие чего, чтобы наказать себя и поправить дело, взял у Каткова 1000 руб. и обещал ему в нынешнем году дать свой роман — кавказской» (*Толстой*, т. 60, с. 417). Кавказский роман — «Казаки», первая часть которого появилась в «Русском вестнике» (1863, № 1).

[16] Childhood and Youth. A Tale from the Russian. London: Bell and Daldy, 1862.

[17] Вместо статьи Э. Форг напечатал в «Revue des Deux Mondes» свой перевод с английского (см. выше) первой части повести Толстого «Детство», сопровождаемый заметкой, в которой была кратко изложена биография писателя (см.: Forgues E. D. Nikolinka. Souvenirs de jeunesse d'un seigneur Russe // Revue des Deux Mondes. 1863. 15 février. P. 917—959). Подробнее об этом см.: Орловская Н. К. Первые переводы произведений Толстого // Труды Тбилисского гос. ун-та. Тбилиси, 1954. Т. 55. С. 322—325.

[18] Педагогический журнал Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»; первый номер журнала вышел в свет 5 февраля 1862 г.

1295. М. Н Зубовой (с. 31)

Печатается по тексту первой публикации в русском переводе: Огонек, 1964, № 33, с. 25—26.

Впервые опубликовано во французском оригинале: Journal de Genève. Подлинник хранится в собрании Сержа де Флери (Женева).

[1] М. Н. Зубова росла в Италии. Приехав впервые в Россию в начале 1860 г. и прожив в Петербурге около года, она поселилась

вместе с мужем в его имении в Екатеринбургском уезде Пермской губернии.

[2] Стихотворение Ф. И. Тютчева было впервые напечатано: *Рус беседа*, 1857, № 6, с. 143. Тургенев приводит его, вероятно, по памяти, чем и объясняются неточности в стихах 6 (у Тютчева — «Гордый взор...»), 8 (у Тютчева — «В наготе твоей...») и 10 (у Тютчева — «Всю тебя, земля родная»). Тургенев очень любил это стихотворение, о чем свидетельствует и письмо к нему В. Ганки от 7 (19) мая 1858 г. (*Т сб*, вып. 4, с. 368). Строки из этого стихотворения «Край родной долготерпенья — / Край ты русского народа!» стали эпиграфом к одному из позднейших рассказов «Записок охотника» — «Живые мощи» (1874).

[3] Муж Зубовой, А. А. Зубов, был в 1861—1862 гг. мировым посредником в Екатеринбургском уезде Пермской губернии.

[4] В «Revue des Deux Mondes» 15 июля 1861 г. (т. 34, с. 257—288) в переводе на французский язык была напечатана пьеса Тургенева «Где тонко, там и рвется» («Trop menu le fil casse. Scènes de la vie russe»), а 1 декабря того же года (т. 36, с. 655—699) — повесть «Дневник лишнего человека» («Le journal d'un homme de trop»).

[5] В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь писал, что недостатки, которыми он наделил своих героев, не выдуманы и бывают у всех людей, «хотя они того и не видят», и, вероятно, «еще в большей мере» находятся в нем самом. В главе «Четыре письма к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» он говорил о том же: «... все мои последние сочинения — история моей собственной души ⟨...⟩ Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мной» (*Гоголь*, т. 8, с. 217, 292, 293).

1296. Е. С Кочубей (с. 33)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 57, оп. 4, № 60.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. IV, с. 353—354.

[1] Письмо Е. С. Кочубей к Полине Тургеневой неизвестно.

[2] Тургенев выражает сочувствие по поводу смерти в ноябре 1861 г. сына Е. С. Кочубей — Александра (см.: Архив Раевских. Пг., 1915. Т. 5. С. 351, 352).

[3] Н. А. Кочубей был выбран мировым посредником. В неопубликованном письме от 10 (22) марта 1862 г. к брату М. С. Волконскому Е. С. Кочубей подробно описывает, с какими трудностями столкнулся ее муж при введении в деревне новых порядков, связанных с крестьянской реформой: «Nicolas предлагал крестьянам подарить им $^1/_4$ надела — они отказались, потом предлагал им перейти на оброк с выкупом и дарил им 5-ую часть выкупной суммы — они тоже отказались, тогда, видя, что не будет никакого обоюдного соглашения, Nicolas объявил крестьянам, что введет по закону уставную грамоту ... и наконец четвертого дня мир⟨овой⟩ поср⟨едник⟩ Якубович приехал вводить устав⟨ную⟩ грамоту. Бились, толкуя и растолковывая крестьянам, целые четыре дня, и ничего не вышло. Вся громада объявила, что не соглашается подписывать уставной грамоты, „будем робить через *тыжден* (т.е. через неделю), а грамоты не хотим, будем робить до 2-х лет, як отцы робили, а там будет воля!“ . . . Посредник, Nicolas говорили, убеждали: „что ж вы не верите нам, неужели не знаете, что, если бы мы незаконно делали, *нас* бы царь в

острог посадил!“, но тут были зачинщики, и ничего не могли добиться... Ты не поверишь, какое тяжелое чувство: теперь одно средство: Воронковцы пример для всех волостей ⟨ ... ⟩ нигде не хотят уставной грамоты, и Якубович едет сейчас в Чернигов, чтоб пригласить сюда батальон — надеюсь, что сечь не будут, а при виде солдат так согласятся повиноваться. Nicolas как м⟨ировой⟩ п⟨осредник⟩ должен был первый ввести у себя устав⟨ную⟩ грам⟨оту⟩, а вот какой у нас вышел пример!» (*ИРЛИ*, ф. 57, оп. 3, № 159, л. 3—6 об.).

[4] Е. С. Кочубей жила в это время в имении своего мужа Воронки, Черниговской губернии. Ее родители — Сергей Григорьевич и Мария Николаевна Волконские — были вместе с ней.

[5] В Спасское Тургенев приехал 5 (17) июня 1862 г.

[6] Зимой 1860/61 г. в Париже Тургенев часто встречался с Кочубеями, о чем он писал Е. Е. Ламберт, С. Г. Волконскому и Н. Я. Макарову (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1107, 1129, 1130).

[7] Речь идет о романе «Отцы и дети». Ответное письмо Е. С. Кочубей неизвестно, но, судя по письму к ней Тургенева от 13 (25) апреля 1862 г., роман ей понравился (см. письмо 1317, примеч. 3).

1297. В. П Боткину (с. 34)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60942.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 166—169.

Стр. 35. крайних левых *(франц.).*

[1] Это письмо Боткина к Тургеневу неизвестно.

[2] Тургенев уехал в Россию из Парижа 22 мая (3 июня) 1862 г. (см. письмо 1332).

[3] Министр народного просвещения А.В. Головнин командировал в начале 1862 г. К. Д. Кавелина за границу для изучения положения западноевропейских университетов. Представленные им отчеты о положении французских, швейцарских и германских университетов послужили материалом для реформы русских университетов в 1863 г. Собранные Кавелиным материалы хранятся в *ГПБ*.

[4] Речь идет о выступлении Г. З. Елисеева в «Хронике прогресса» (Искра, 1862, № 5, 2 февраля) против фельетона Никиты Безрылова (А. Ф. Писемского), высмеявшего в декабрьском номере «Библиотеки для чтения» за 1861 г. благотворительные литературные вечера и требование прогрессивной педагогики называть учеников воскресных школ на *Вы* в целях воспитания в детях уважения к человеческой личности. Елисеев писал, что фельетонист «Библиотеки для чтения» стал «устами такого мудрого мужа, как Никита Безрылов, изрекать апофегмы, которым позавидовал бы даже Виктор Ипатьевич Аскоченский». Выступление сотрудника «Современника» Г. З. Елисеева в «Искре» было одним из проявлений конфликта между «Современником» и «Библиотекой для чтения».

[5] Рассказ Писемского «Батька» был опубликован в журнале «Русское слово» (1862, № 1).

[6] Дружинин умер от туберкулеза легких 19 (31) января 1864 г.

[7] «Век» выходил в 1861 (№ 1—50) и 1862 (№ 1—4) гг. под редакцией П. И. Вейнберга, а с 1862 г. после № 4 — Г. З. Елисеева, которым было выпущено 17 номеров.

[8] Тургенев имеет в виду свой роман «Отцы и дети»; Гончаров в 1860—1861 гг. публиковал главы из романа «Обрыв», который полностью был закончен только в 1869 г.

[9] Речь идет о стихах, впоследствии сильно переделанных Фетом и опубликованных в его сборнике «Вечерние огни» (М., 1883, тетрадь 2) («Какая грусть! Конец аллеи...»). Редакцию стихотворения, присланную Фетом Тургеневу, см.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений./ Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 692—693 (ср. с письмом 1302).

[10] См. письма 1290—1292.

[11] И. С. Аксаков в редактируемой им газете «День» (1862, № 21, 3 марта) писал: «„Ясная Поляна“, № 1, издаваемая гр. Л. Н. Толстым. Это новое, чрезвычайно замечательное литературное явление есть, по нашему мнению, в то же время чрезвычайно важное явление и в нашей *общественной* жизни; мы намерены поговорить об нем в отдельной статье, а теперь обращаем на журнал графа Толстого особенное внимание наших читателей. Не во всем с ним согласные, мы тем не менее спешим выразить ему наше искреннее сочувствие».

[12] В январе 1862 г. в Москве во время губернских дворянских выборов представители реакционно-аристократического дворянского течения выдвинули требование принятия олигархической дворянской «конституции» в качестве «компенсации» за частично утраченную помещиками власть над крестьянами. В письме к Герцену от 6 (18) апреля 1862 г. К.Д. Кавелин писал: «Не знаю, что вы скажете, а эта игра в конституцию меня пугает так, что я ни об чем другом и думать не могу. Разбесят дворяне мужиков до последней крайности, уверят их своим псевдолиберальным балагурством, что они, дворяне, в самом деле затевают что-то против царя, и пойдет потеха. Это ближе и возможнее, чем кажется» (*Письма к Герцену*, с. 47). Оценку общественно-политической позиции Кавелина в пореформенный период см. в статье В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Анализируя в этой статье письмо Кавелина к Герцену от 6 (18) августа 1862 г., в котором тот оправдывал правительственный террор и арест Чернышевского, В. И. Ленин писал: «Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы „всеми средствами“, если бы был у власти» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 33). Аналогичная оценка общественно-политической позиции, занятой К. Д. Кавелиным в 1862 г., содержится также в статье В. И. Ленина «Памяти Герцена» (там же. Т. 21. С. 259).

[13] См. письмо 1290, примеч. 3.

1298. **Н. В. Ханыкову** (с. 36)

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 314, где оно было напечатано без указания года, но ошибочно помещено в группе писем 1870-х годов.

Подлинник неизвестен.

Дата написания письма устанавливается по содержанию: в письме упоминаются как новинки рассказ Писемского «Батька» (см. письмо 1297, примеч. 5) и историческая хроника Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (см. письмо 1271, примеч. 3), которые были опубликованы в первых книжках «Русского слова» и «Современника» за 1862 г.

Стр. 36. Тысяча приветов *(франц.)*.

[1] Это письмо Боткина к Тургеневу неизвестно.

[2] Фамилия министра иногда писалась «Головин» (вместо «Головнин») — так в первой публикации, по которой письмо печатается. Упоминаемое Тургеневым письмо Головнина неизвестно.

[3] Речь идет об исторической хронике Островского, экземпляр которой Тургенев после прочтения отправил В. П. Боткину (см. письмо 1290).

[4] В письме к Боткину с той же датой, что и комментируемая записка, Тургенев извещал о том, что Писемский прислал ему свой новый рассказ «Батька» (см. письмо 1297).

1299. Ф. М. Достоевскому (с. 36)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, № 97, л. 11—12.

Впервые опубликовано: *Из архива Достоевского*, с. 118—120.

[1] Письмо Ф. М. Достоевского к Тургеневу, содержащее отзыв о романе «Отцы и дети», не сохранилось. Отзыв Достоевского известен только в изложении Тургенева в этом письме, а также в письмах к А. Н. Майкову (№ 1300) и К. К. Случевскому (№ 1319). В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский, говоря о реакции революционно-демократического лагеря на роман «Отцы и дети», писал: «С каким спокойным самодовольствием мы отхлестали, например, Тургенева за то, что он осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы. ⟨...⟩ Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам на показ, да еще прибавили, что он идет против эманципации женщины» (*Достоевский*, т. 5, с. 59—60).

[2] Е. Я. Колбасин.

[3] В этом письме А. Ф. Писемский, между прочим, писал: «Он ⟨Базаров⟩ мне дорог — я сам этой породы людей ⟨...⟩ Что такое Базаров — немножко мужиковатый, но в то же время скромный, сдержанный честолюбец, говорящий редко, но метко, а главное, *человек темперамента*» (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 174).

[4] По всей вероятности, Тургенев имеет в виду следующее место из «Отцов и детей», отсутствовавшее в первой публикации — в «Русском вестнике» — и впервые появившееся в печати в отдельном издании романа 1862 г.:

«... а на сердце ему ⟨Аркадию⟩ и жутко сделалось и как-то стыдно. Базаров как будто его понял.

— Да, брат,— промолвил он,— вот что значит с феодалами пожить. Сам в феодалы попадешь и в рыцарских турнирах участвовать будешь. Ну-с...» (гл. XXV).

Некоторые исследователи считали, что этот отрывок был самовольно изъят М. Н. Катковым при печатании романа в «Русском вестнике» (см.: Г у т ь я р Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907. С. 385—387; комментарии А. И. Батюто к «Отцам и детям»: *Т*, *СС*, т. 3, с. 390). Однако в парижской рукописи «Отцов и детей» он отсутствует (см.: Б а т ю т о А. И. Монография о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // *Рус лит*, 1961, № 3, с. 228). Возможно, Тургенев сам

исключил его в процессе работы над романом или сочинил позднее (что менее вероятно) и ввел в текст отдельного издания романа под влиянием замечания Достоевского о том, что в сцене между Базаровым и Аркадием «недостает чего-то» (см. об этом в комментарии Б. М. Эйхенбаума: *Т*, *Соч*, т. 6, с. 378).

[5] Творческая история и история печатания «Отцов и детей» освещена в комментариях к роману в 7-м томе Сочинений настоящего издания. См. также: Батюто А. Парижская рукопись «Отцов и детей» // *Рус лит*, 1961, № 4, с. 57—78.

[6] См. содержащее положительный отзыв о романе «Отцы и дети» письмо А. Н. Майкова к Тургеневу от 10 (22) марта 1862 г.: *Орл сб*, *1960*, с. 255—256. Ответ Тургенева — письмо 1300.

[7] Тургенев задержался в Париже и смог выехать оттуда лишь 22 мая (3 июня) 1862 г. (см. письмо 1332). В Петербург он прибыл в конце мая ст. ст. 1862 г. О его встречах в Петербурге с Достоевским рассказывает Н. Н. Страхов (см.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 237).

[8] Осенью 1855 г. Тургенев обещал издателю «Русского вестника» Каткову повесть «Призраки». Вместо «Призраков», работа над которыми затянулась, он закончил повесть «Фауст», которая появилась в «Современнике» (1856, №10). В связи с этим Катков обвинил Тургенева в нарушении принятых им на себя обязательств, доказывая, что «Фауст» — это и есть «Призраки». По этому поводу между Тургеневым и Катковым в декабре 1856 — январе 1857 г. завязалась полемика на страницах «Московских ведомостей» (см. наст. изд., Письма, т. 3, № 552 и примеч. к нему). Работа над «Призраками» была закончена лишь в 1863 г. (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1244, примеч. 2).

[9] Имеется в виду «Довольно».

[10] Номера «Времени» выходили, как правило, с некоторым запозданием, в конце месяца. См. данные об этом в статье Б. В. Томашевского «Достоевский — редактор» (Достоевский Ф. М. Статьи за 1845—1878 годы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 562—563).

1300. А. Н. Майкову (с. 38)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 16955.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 102—103.

Стр. 38. Кто жил для лучших людей своего времени,
Тот жил для всех времен *(нем.)*.

[1] Письмо А. Н. Майкова от 10 марта ст. ст. 1862 г. с отзывом о романе «Отцы и дети» (см.: *Орл сб*, *1960*, с. 255—256).

[2] Подробнее о различных отзывах об этом романе см. в письме 1306.

[3] Слегка переделанная цитата из пролога к «Лагерю Валленштейна» Шиллера. У Шиллера:

Denn wer den Besten seiner Zeit genug
Getan, der hat gelebt für alle Zeiten.

[4] О стихотворении Майкова «Сон» («Когда ложится тень прозрачными клубами. . .») В. Г. Белинский в статье «Стихотворения Аполлона Майкова» (1842) писал: «Это именно одно из тех произведений искусства, которых кроткая, целомудренная, замкнутая в самой себе красота совершенно нема и незаметна для толпы и тем более красноречива, ярко блистательна для посвященных в таинст-

ва изящного творчества ⟨...⟩ В нем искусство является истинным искусством, где пластическая форма прозрачно дышит живою идеею» (*Белинский*, т. 6, с. 10—11).

1301. **В. Я. Карташевской** (с. 39)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 33—34.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. IV, с. 361—362. С пропусками первого и последнего абзацев было напечатано в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 216).

[1] Н. Я. Макаров женился в 1862 г. на Ольге Платоновне Челищевой.

[2] Роман «Отцы и дети».

[3] Подробно об этих отзывах см. письма 1305 и 1306.

[4] Получил ли Тургенев в ответ на свой запрос письмо с отзывами о романе «Отцы и дети», неизвестно, так как письма В. Я. Карташевской к Тургеневу не сохранились.

[5] Имеется в виду сотрудничество М. А. Маркович в журнале «Основа» (подробнее об этом см.: наст. изд., Письма, т. 4, № 1100, примеч. 4). Муж писательницы, А. В. Маркович, этнограф и фольклорист по своим интересам, в целях улучшения материального положения поступил в 1862 г. на службу в акцизное управление Черниговской губернии.

1302. **А. А. Фету** (с. 40)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 72—73.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 394—395.

Стр. 40. попало в самую точку *(нем.)*.

[1] Это письмо Фета до нас не дошло.

[2] См. письмо 1297, примеч. 9.

[3] См. письма 1299, примеч. 1 и 3, и 1300.

[4] Фету «Отцы и дети» не понравились (см. письмо 1310).

[5] По-видимому, в не дошедшем до нас письме к Тургеневу Фет высказал отрицательное суждение о «Грозе» Островского. В данном случае Тургенев, надо полагать, не совсем искренне соглашается с Фетом, так как известно, что «Грозу» Островского он ценил высоко и впоследствии рекомендовал Э. Дюрану перевести ее на французский язык, о чем сообщал самому Островскому 6 (18) июня 1874 г.

[6] Калинович — персонаж романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ».

[7] См. стихотворение Фета (*Отеч Зап*, 1842, № 5, с. 185; стихотворение вошло в издания 1850 и 1856 гг.):

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

1303. **К. К. Случевскому** (с. 42)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 151. 1320.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 7, с. 319.

[1] См. письма 1299, примеч. 1 и 3, и 1300, примеч. 1 и 2.

[2] В письмах к Случевскому (№ 1328) и к Н. Н. Рашет (№ 1327) Тургенев сообщал, что Катков отказался печатать стихи Случевского в «Русском вестнике».

[3] Эти письма Тургенева неизвестны.

[4] Стихотворения Случевского в журнале «Время» напечатаны не были.

[5] Полина Тургенева и Мария Иниис.

[6] Планы Тургенева изменились: в начале мая он выехал не во Флоренцию, а в Лондон для встречи с Герценом и Бакуниным; в Россию он отправился из Парижа 22 мая (3 июня) 1862 г.

1304. **М. Н. Каткову** (с. 43)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/15.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 43—44.

[1] Речь идет об Н. И. Трубецком. О том, что Тургенев получил № 2 «Русского вестника» именно от него, см. в письме 1305. Эта книжка журнала вышла с большим опозданием (первое объявление о раздаче ее подписчикам помещено в № 49 «Московских ведомостей» от 4 марта ст. ст. 1862 г.).

[2] Роман «Отцы и дети» вышел в свет с большим количеством опечаток (см. письмо 1305). В списке, приложенном к № 4 «Русского вестника» за 1862 г., значилось четырнадцать опечаток.

1305. **П. В. Анненкову** (с. 44)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1887, № 1, с. 6—7.

Подлинник неизвестен.

В дате письма — несоответствие старого и нового стилей. Так как письмо написано в Париже, более вероятно, что Тургенев сделал ошибку в старом, а не в новом стиле.

[1] Это письмо является ответом на письмо Анненкова от 15 (27) марта 1862 г. (см.: *Орл сб*, *1960*, с. 257).

[2] См. письмо 1299, примеч. 3.

[3] См. письмо 1299, примеч. 1.

[4] См. письмо 1300.

[5] Письмо Тургенева к Каткову с приложением опечаток в романе «Отцы и дети», напечатанном во второй книжке «Русского вестника», неизвестно. Оно могло быть написано между 23 марта (4 апреля) и 25 марта (6 апреля) 1862 г., так как в письме, относящемся к первой из этих дат, Тургенев сообщал Каткову, что еще не успел прочитать свое произведение, но надеется, что напечатано оно «исправно». См. письмо 1304, примеч. 2.

[6] См. наст. изд., Письма, т. 4, № 1236, примеч. 1. По свидетельству Анненкова, Тургенев считался с мнением Н.Н. и А. П. Тютчевых, уважая их, «особенно ⟨...⟩ весьма умную, развитую и свободную духом женщину Алекс⟨андру⟩ Петр⟨овну⟩ Т⟨ютче⟩ву» (*BE*, 1885, № 4, с. 498). О том, что позднее она изменила свое первое, неблагоприятное мнение о романе «Отцы и дети», сообщал Тургеневу Д. Я. Колбасин 21 апреля (3 мая) 1862 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 360).

[7] В начале 1862 г. в Петербурге были разрешены публичные лекции профессоров университета, вход на которые стал свободным.

После одной из таких лекций, прочитанной П. В. Павловым, лектор был выслан из Петербурга. В знак протеста решено было вовсе прекратить лекции, на что согласились все профессора, за исключением Н. И. Костомарова. Анненков 15 (27) марта 1862 г., описывая Тургеневу всю эту историю, сообщал: «Нашелся однако же профессор-бунтовщик, прежний герой молодежи, Костомаров, который уже давно стал скучать опекой своих слушателей. Он решился сказать, что если публика заявит желанье дослушать его курс, он станет его продолжать. Началось светопреставление в зале Думы, где Костомаров читает — рукоплесканья, свистки и наконец возгласы: „*Чичерин*! Подлец!“ Бледный как полотно, Костомаров отвечал с кафедры, что не хочет быть гладиатором в гнилом и пошлом либерализме, где молодые люди сперва делаются Репетиловыми, чтоб потом стать Расплюевыми» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 24). См. об этом же: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.; Л., 1958. С. 258—270; Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922. С. 297—302; ср.: Чернышевский Н. Г. По поводу «Автобиографии Н. И. Костомарова» // *Чернышевский*, т. 1, с. 759—763; *Никитенко*, т. 2, с. 263. Тургенев сопоставляет Костомарова с французским романистом Ф. Г. Дюкре-Дюменилем, очевидно, потому, что для этого историка было характерно произвольное обращение с историческими фактами и внешне занимательная (как у Дюкре-Дюмениля) форма изложения истории. Б. Н. Чичерин, являвшийся до 1886 г. профессором государственного права в Московском университете, был очень непопулярен в среде прогрессивной части студенчества из-за своей статьи «Обвинительный акт», направленной против Герцена и опубликованной в «Колоколе» (1858, 1 декабря, л. 29, с. 236—239), а также выступлений по студенческому вопросу в газете «Московские ведомости» (1861, № 247, 250 и 260). См. также письмо 1279, примеч. 12.

[8] О газете «День» и об интересе, с которым относился к ней Тургенев, см. также: наст. изд., Письма, т. 4, № 1251, примеч. 2, 4.

[9] В письме к Тургеневу от 15 (27) марта 1862 г. Анненков, сообщив о выступлении Чернышевского с воспоминаниями о Добролюбове на вечере в Литературном фонде, писал, что тот «был освистан и ошикан чуть ли не собственной партией» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 24 об.). Тургенев мог знать об этой истории также из газет и журналов (см., например: *СПб Вед*, 1862, № 54, 11 марта; *Б-ка Чт*, 1862, № 3: «Современные поминки по друзьям», с. 175).

[10] Макабрские пляски — (от *франц.* macabre) — похоронный, погребальный, мрачный.

[11] Известно лишь одно письмо В. П. Боткина к Тургеневу, относящееся к этому времени (оно написано, по-видимому, в начале марта 1862 г.— См.: *Боткин и Т*, с. 164—165).

1306. **В. П. Боткину** (с. 45)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60943.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 169—171.

[1] Это письмо Фета к В. П. Боткину неизвестно.

[2] См. письма 1304, примеч. 2, и 1305.

[3] См. письма 1299 и 1300 и примеч. к ним.

[4] Тургенев имеет в виду письмо П. В. Анненкова от 15 (27) марта 1862 г., см.: *Орл сб, 1960*, с. 257 (отрывок). В этом письме Анненков писал об отношении к «Отцам и детям» в Петербурге.

[5] Тургенев ездил в Лондон с В. П. Боткиным для свидания с Герценом в первых числах мая 1862 г.

[6] Рассказ Тургенева «Петушков» вошел в сборник «Nouvelles moscovites» (Paris: Ed. Hetzel, 1869). На титуле этого издания указано, что переводчиком повестей «Жид», «Петушков», «Собака», «Призраки» был Мериме. На самом деле Мериме полностью перевел только повести «Собака» и «Призраки». Перевод повести «Петушков», сделанный Делаво, был им тщательно просмотрен и исправлен (см.: Клеман М. К. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // *Лит Насл*, т. 31—32, с. 723—727; *Parturier*, p. 48, 75).

[7] Критические замечания Мериме по поводу перевода «Петушкова» см. в его письме к Тургеневу, предположительно датированном 24 марта (5 апреля) 1862 г. (*Parturier*, p. 75—76).

[8] Ночной фортепьянист — Делаво.

1307. **В. П. Боткину** (с. 47)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60944.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т.* с. 171—172.

[1] См. письмо 1306.

[2] Речь идет о журнальных оттисках романа «Отцы и дети».

1308. **Н. Н. Рашет** (с. 47)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76.

Впервые опубликовано: Каторга и ссылка, 1932, № 3, с. 197, где датировано 1861—1862 гг.

Более точно датируется по содержанию мартом 1862 г. Н. Н. Рашет собиралась ехать из-за границы в Россию (Тургенев сообщал Н. В. Щербаню в письме от 26 февраля (10 марта) 1862 г. (№ 1291) о том, что Рашет (Антропова) «на днях» выезжает). Поручение, данное Тургеневым Рашет, было связано с его хлопотами о помощи жене М. А. Бакунина, оставшейся в Сибири без средств после его бегства из ссылки за границу. Сам Тургенев приехал в Россию 27 мая (8 июня), и тогда необходимости в помощи третьих лиц уже не было. Датировка подкрепляется вторым пунктом поручения в письме: Тургенев в это время еще не знал твердо, кто из братьев Бакунина был арестован. После возвращения в Россию в мае 1862 г. и после свидания с Николаем и Алексеем Бакуниными в Петропавловской крепости Тургенев уже не мог спутать судьбу Алексея Бакунина с судьбой его брата Павла. В 4-м пункте своих показаний по «процессу 32-х» («дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами») Тургенев упоминает об этом свидании, а также о своих отношениях с Павлом Бакуниным, через жену которого писатель передал деньги, собранные им за границей на переезд жены М. А. Бакунина из Сибири в Тверскую губернию (см. показания Тургенева по «делу 32-х», 1863 г., наст. том, Приложение II). Несмотря на то что в своих показаниях Тургенев отрицал факт передачи ему Бакуниным шифрованного словаря для общения с лондонскими эмигрантами, в двух своих конспиративных записках, адресованных Рашет, он все же прибегает к зашифровке фамилий интересовавших его лиц.

1309. Н. Н. Рашет (с. 47)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 151. 1332.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 7, с. 326, без указания адресата. Перепечатано: *Т и его время*, с. 305, как письмо к неизвестному адресату с приблизительной датировкой — начало 1860-х годов. В *Звеньях* (т. 3-4, с. 675) впервые названо имя адресата и по содержанию письмо отнесено к 1862 г.

Более точно датируется мартом ст. ст. 1862 г. (по связи с предыдущей запиской к Рашет от марта ст. ст. 1862 г.). Перед отъездом Рашет из Парижа в Россию (ср. письмо Тургенева к Щербаню от 26 февраля (10 марта) 1862 г., № 1291) Тургенев дал ей ряд поручений, связанных с его хлопотами о семье М. А. Бакунина. Через Бенни и, очевидно, через Блюммера Тургенев осуществлял связь между лондонским центром политической эмиграции и друзьями в России, принимавшими участие в судьбе Бакунина. О знакомстве с Бенни, который ему «очень понравился», Тургенев сообщает Герцену в письме от 28 декабря ст. ст. 1860 г. (наст. изд., Письма, т. 4, № 1115). В 1861 г. через Тургенева Бенни поддерживал связь с революционными эмигрантами в Лондоне (см. в письме № 1235 — наст. изд., Письма, т. 4 — сообщение о «большом письме» от Бенни, которое писатель должен передать Герцену, см. также Офиц. письма и делов. бумаги, № 25 и примеч.). Позднее, в октябре 1862 г., Тургенев встретился с деятелями революционного подполья и эмиграции в Гейдельберге, где он принимал деятельное участие в общественно-политической кампании за подачу Александру II адреса с требованием созыва Земского собора (см. письмо 1386). Когда в Петербурге началось следствие по «процессу 32-х», обвинявшихся в связи с лондонскими «пропагандистами», Тургенев высказал Герцену свои подозрения относительно Бенни, так тесно связанного с революционной эмиграцией и в то же время оставшегося «на воле» (см. письмо 1432). Очевидно, некоторые опасения по адресу Бенни были у Тургенева и раньше, что следует из комментируемой записки. Впоследствии Тургенев полностью убедился в невиновности Бенни и с большой симпатией писал о нем в письмах к Анненкову в 1868 г. (в связи со смертью Бенни). Л. П. Блюммер в 1864 г. был объявлен в печати (Листок, 1864, № 19, 20, 21) агентом русского правительства, но обвинение это до настоящего времени документально не подтверждено (см.: *Герцен*, т. 27, с. 213, 689; К а н т о р Р. М. В погоне за Нечаевым. 2-е изд. Л.: Госиздат, 1925. С. 65; Р е й с е р С. А. Артур Бенни. М.: Изд-во политкаторжан, 1933).

1310. А. А. Фету (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 74—75.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 395—397.

Стр. 48. всё суета *(лат.)*.

[1] Это письмо Фета до нас не дошло.

[2] Тургенев говорит о письме к нему Каткова, которое он впоследствии цитировал в подстрочном примечании в статье «По поводу „Отцов и детей“» (1869). «Если и не в апофеозу возведен Базаров,— писал Катков,— то нельзя не сознаться, что он как-то случайно попал на очень высокий пьедестал. Он действительно подавляет всё окружающее. Всё перед ним или ветошь, или слабо и зелено. Такого

ли впечатления нужно было желать?» (наст, пзд., Сочинения, т. 11, с. 92).

[3] По всей вероятности, Тургенев имеет в виду Алексея Аркадьевича Столыпина (Монго), друга Лермонтова. Столыпин упоминается в Подготовительных материалах к роману «Отцы и дети», см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 576.

[4] Фамилия Россет дважды упоминается в Подготовительных материалах к роману, где, судя по контексту, речь идет скорее всего о Климентии Осиповиче Россете, одном из четырех братьев Россет, которые благодаря сестре А. О. Смирновой, рожд. Россет, были близко знакомы с Пушкиным (подробнее см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 565, 575, 722—723).

[5] Намек на статью Евг. Тур «Несколько беглых заметок после чтения романа г. И. Тургенева „Отцы и дети“» (см.: *Сев Пчела*, 1862, № 91—92, 4 и 5 апреля).

[6] См. письмо 1297, примеч. 2.

[7] Полина Тургенева вышла замуж только в 1865 г.

[8] Речь идет о «сценах» Ф. А. Зиновьева «Дворянские выборы» (*Совр*, 1862, № 2).

[9] Стихотворение Н. А. Некрасова «Дешевая покупка» (*Совр*, 1862, № 2).

1311. **В. П. Боткину** (с. 49)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60945.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 172—173.

Стр. 50. Дословно *(франц.)*.
Стр. 50. самое позднее *(франц.)*.

[1] В «Современнике» (1862, № 3) была напечатана статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени».

[2] Тургенев имеет в виду рассказ исправника Розонова — действующего лица в «Дворянских выборах» Ф. А. Зиновьева (День первый, сцена IV).

[3] Начало первого стиха сонета Пушкина «Поэту» (1830).

1312. **А. И. Герцену** (с. 50)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 65—66.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 146—148, с неверно прочтенной датой «28-го апр.», повторенной в издании *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. IV, с. 382. Ошибка исправлена в кн.: *Герцен*, *Летопись*, *1859—1864*, с. 297.

Стр. 51. довольно, хватит *(итал.)*.
Стр. 51. Кто решится его назвать
Или сказать: «Я верю в него»,
Кто воспримет его своим чувством
Или осмелится сказать:
«Я в него не верю»? *(нем.)*.

[1] Письмо Герцена от 21 апреля н. ст. 1862 г. *(Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 217—218).

[2] Цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума» (д. IV, явл. 4).

[3] Положительные характеристики Базарова, зачеркнутые Тур-

геневым в рукописи по совету Каткова, см.: Батюто А. И. Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // *Рус лит*, 1961, № 4, с. 64—65. См. также письмо 1310, примеч. 2.

[4] Т. е. Павла Петровича Кирсанова. В письме от 21 апреля н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Ты сильно сердился на Базарова — с сердцов карикировал его, заставлял говорить нелепости, хотел его покончить „свинцом"—покончил тифусом,—а он все-таки подавил собой и пустейшего человека с душистыми усами, и размазню отца Арк⟨адия⟩, и бланманже Аркадия» (*Герцен*, т.27,кн.1, с. 217).

[5] Ответ на следующее замечание Герцена в цитированном выше письме: «Requiem на конце, с дальним апрошем к бессмертию души, хорош, но опасен, ты эдак не дай стречка в мистицизм» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 217).

[6] Цитата из трагедии Гёте «Фауст» (часть 1, «Сад Марты», сцена 2).

[7] В статье «К какой принадлежим мы партии?» (*Рус Вестн*, 1862, № 2) Катков презрительно отзывался о современной русской действительности, утверждая, что в России нет партий, нет вообще серьезного и устойчивого направления общественной мысли, нет ярко выраженных общественно-политических интересов. Герцен, как и Тургенев, был возмущен высокомерными оценками Каткова и ответил ему в «Колоколе» (1862, 22 апреля, л. 130) статьей «Сенаторам и тайным советникам журнализма», в которой напоминал о декабристах, Станкевиче и Белинском, Михайлове и Обручеве и т. д.

[8] Тургенев был в Лондоне в первых числах мая ст. ст. 1862 г. (см. письма 1323, примеч. 1, и 1326).

1313. Н. В. Щербаню (с. 51)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 20—21.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о письме Щербаня к Тургеневу от 8 (20) марта — 2 (14) апреля 1862 г. (см.: *ИРЛИ*, № 5770), в котором Щербань сообщал о продолжительной болезни глаз.

[2] Щербань писал: «... есть предположение обратить „Русский вестник" в ежедневную газету и перенести в Петербург. Головнин обещал, что разрешение последует. Катков все еще не собрался приступить решительно к преобразованию, но мысль о нем крепнет все больше и больше...» (*ИРЛИ*, № 5770).

[3] Шербань посылал марки Марии Иннис, гувернантке Полины Тургеневой, для ее коллекции.

[4] Этот отрывок из письма Щербаня опубликован, см.: Кийко Е. И. К истории восприятия «Отцов и детей» // *Орл сб, 1960*, с. 258—260. В частности, Шербань писал: «Вообще сенсация произведена здесь большая. Толкуют везде. Общий голос, что это Ваша лучшая вещь. Все находят в романе „удивительную", „неподражаемую" объективность. Это отзыв „знатоков", люди попроще говорят „нельзя оторваться" ⟨...⟩ Серьезных противников я не встречал. На молодежь гораздо бóльшее впечатление, чем я ожидал» (там же, с. 259, 260).

1314. Н. В. Ханыкову (с. 52)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. IV, с. 374.

В издании *ГПБ*, *Описание*, с. 88 эта записка отнесена к 1862—1863 гг. Датировка уточнена на основании следующих данных. В записке сказано: «Молодой человек *очень* понравился». Несомненно, речь идет о «женихе, отысканном Ханыковым», который произвел на Полинетту, как писал Тургенев Боткину 12(24) апреля 1862 г. (№ 1315), «выгодное впечатление». В письме Тургенева к Боткину от 8 (20) апреля 1862 г. (№ 1311) о «женихе» ничего не сказано, хотя имя Ханыкова упоминается. Вероятнее всего, записка написана в промежуток времени между двумя указанными письмами Тургенева к Боткину.

[1] Théâtre Séraphin — парижский детский театр китайских теней (Ombres chinoises).

1315. **В. П. Боткину** (с. 52)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60946.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 173—174.

Стр. 52. увеличенной скоростью *(франц.)*.
Стр. 52. большая скорость *(франц.)*.
Стр. 53. чтоб дать время выясниться положению *(франц.)*.
Стр. 53. в конце концов *(франц.)*.
Стр. 53. предчувствия, томления *(нем.)*.

[1] Анри Делаво.

[2] Письма Боткина к Тургеневу за этот период не сохранились.

[3] Сватовство не имело последствий и на этот раз. Около 13 (25) мая 1862 г. Полина Тургенева с гувернанткой Марией Иннис уехала из Парижа во Флоренцию без Тургенева (см.: *Séménoff*, p. 134).

[4] Речь идет об известной пианистке, вдове Роберта Шумана, Кларе Шуман.

1316. **Е. Я. Колбасину** (с. 53)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73, л. 35—36.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 103—104.

[1] В неопубликованном письме от 4 (16) апреля 1862 г. Е. Я. Колбасин писал, что «дедушка», т. е. Д. Я. Колбасин, получил место управляющего по акцизам над двумя губерниями с окладом в 6000 руб. в год. Кроме того, Е. Я. Колбасин сообщил Тургеневу о своей поездке за границу в середине мая (см.: *ИРЛИ*, № 5800, л. 23).

[2] См. письмо 1297, примеч. 2.

[3] Тургенев имеет в виду свою встречу в Берлине в конце мая 1858 г. с ехавшим за границу Е. Я. Колбасиным (см. наст. изд., Письма, т. 3, № 704).

[4] В ответном письме Е. Я. Колбасин писал об «Отцах и детях»: «Вы спрашиваете — отчего я ничего не говорю о последнем Вашем романе. Вы хорошо знаете, когда я его читал еще в рукописи, то сказал Вам прямо, что он мне положительно не нравится, а теперь — Вы удивитесь — мне очень, очень нравится ⟨...⟩ Теперь, прочитавши роман не торопясь и в печати, беру свое слово назад. Вещь пре-

восходная и не только что не скучная, но напротив художническая. Бранят Вас теперь за нее с остервенением, особенно „Современник"; что же говорят другие — не знаю, потому что ни с кем не видаюсь. Знаю только, что Александра Петровна ⟨Тютчева⟩ тоже переменила мнение...» (*Т и круг Совр*, с. 359—360).

1317. Е. С. Кочубей (с. 54)

Печатается по подлинннпку: *ИРЛИ*, ф. 57, оп. 4, № 60.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. IV, с. 377—378.

Стр. 56. (вы скажете, что я пользуюсь каждым предлогом, чтобы делать это — и вы будете правы) *(франц.)*.

[1] Это письмо Е. С. Кочубей неизвестно.

[2] Тургенев говорит о деятельности Н. А. Кочубея в качестве мирового посредника (ср. с письмом 1296, примеч. 3).

[3] Тургенев спрашивал мнение Е. С. Кочубей о романе «Отцы и дети» — см. письмо 1296.

[4] Кому Е. С. Кочубей собиралась показать карточку Тургенева — не установлено.

1318. М. Н. Каткову (с. 57)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/16.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 44.

[1] Тургенев приехал в Москву 2 или 3 июня ст. ст. 1862 г.

[2] Тургенев уже знал о том, что в скором времени появятся статьи с отрицательной оценкой романа «Отцы и дети», в частности в «Современнике» (см. письмо 1311).

[3] Вероятно, речь идет о «Довольно». См.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 488.

1319. К. К. Случевскому (с. 57)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 151. 1321.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*. с. 104—107.

Стр. 58. избито *(франц.)*.
Стр. 59. соответствие *(франц.)*.
Стр. 59. довольно *(итал.)*.

[1] В не дошедшем до нас письме Случевского излагалось мнение русских студентов, учившихся в Гейдельберге, о романе «Отцы и дети». В Гейдельберге находился один из центров русской политической эмиграции, недовольство которой романом Тургенева и отразилось в настроении молодежи. Критика, по-видимому, была суровой и раздраженной. Она касалась в основном образа Базарова, не понятого молодежью. Но раздражение усугублялось и тем, что в отдельных местах романа о русских студентах, учившихся в Гейдельберге, говорилось в тонах иронических. Особенное негодование вызвали следующие строки в главе XXVIII: «И Кукшина попала за границу. Она теперь в Гейдельберге⟨...⟩ якшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью». Подробнее см.: Сватиков С. Г.

И. С. Тургенев и русская молодежь в Гейдельберге (1861—1862) // Новая жизнь, 1912, № 12, с. 149—185; см. также: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 483 и сл.; Степанова Г. В. О прототипе Кукшиной в романе Тургенева «Отцы и дети» // *Рус лит*, 1985, № 3, с. 152—154.

В защиту гейдельбергской молодежи выступил журнал «Время». В статье П. Новицкого «С берегов Рейна» по этому поводу писалось: «... упрек в абсолютной лени русских учащихся в Гейдельберге ⟨...⟩ доказывает, что знаменитый писатель или вовсе не знает русских учащихся в Гейдельберге и вообще в Германии, или, если ему и попадались господа, называющие себя химиками и не умеющие отличить кислорода от азота, то по ним он очень неудачно вывел заключение о всех вообще учащихся русских в Гейдельберге. В опровержение этого упрека мы можем поименно назвать тех русских из бывших в Гейдельберге, которые уже выдержали экзамен на ученые степени, и указать на характер занятий и степень успехов каждого из тех, которые теперь еще занимаются в Гейдельберге. Понятная вещь, что в массе русских, приезжающих учиться в Германию, есть господа, ровно ничего не делающие. ⟨...⟩ Но этих господ вы найдете везде довольно ⟨...⟩ Обвинение же русских в безусловной лени кажется нам совершенно голословным и попало в повесть Тургенева так, случайно, может быть, для красного словца, которое не всегда бывает у места» (Время, 1862, № 7, с. 171—172).

[2] См. письмо 1310, примеч. 2.

[3] «Stoff und Kraft» («Материя и сила», 1855) — книга немецкого физиолога Карла Бюхнера, вышедшая в русском переводе в 1860 г. В десятой главе «Отцов и детей» Аркадий, по совету Базарова, дает читать эту книгу отцу.

[4] Здесь и далее Тургенев полемизирует со статьей Е. Тур, напечатанной в «Северной пчеле» (1862, № 91, 92).

[5] В окончательном тексте романа сохранилась следующая редакция этого места: «Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки» (глава XXVI). Приведенный Тургеневым текст в автографе романа отсутствует; с небольшими разночтениями он напечатан в отдельном издании романа в 1862 г. (об этом см.: Батюто А. И. Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // *Рус лит*, 1961, № 4, с. 62).

[6] В XXVI главе Базаров говорит: «Есть, Аркадий, есть у меня другие слова, только я их не выскажу, потому что это романтизм,— это значит: рассыропиться».

[7] См. письмо 1299 и примечания к нему. О впечатлении, произведенном романом «Отцы и дети» на В. П. Боткина, говорится в воспоминаниях Н. В. Щербаня (*Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 17—18). См. также письмо 1321, примеч. 3.

[8] См. письмо 1303, примеч. 4.

1320. **С. П. Шевыреву** (с. 60 и 325)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 850 (С. П. Шевырева), картон 3, л. 1.

Впервые опубликовано: Cosmopolis, 1897, t. 7, № 20, p. 482.

[1] В 1857 г. С. П. Шевырев был уволен от службы в Московском университете и вскоре уехал за границу. В феврале—марте 1861 г. он прочитал курс истории русской словесности во Флоренции. В

начале 1862 г. Шевырев выступал с циклом публичных лекций в Париже (отзыв Тургенева об этих лекциях см. в письме к В. П. Боткину, № 1297). Они охватывали историю русской литературы до Пушкина, Гоголя и Лермонтова включительно. После небольшого перерыва, вызванного болезнью, Шевырев возобновил свои занятия и начал готовиться к чтению нового публичного курса, предметом которого он хотел взять произведения А. К. Толстого и Тургенева. В связи с этим, очевидно, произошла встреча Шевырева и Тургенева, и последний воспользовался этим для того, чтобы помочь М. де Турнефору. Шевырев тем более мог быть полезен в этом деле, что с 1829 по 1833 г. служил учителем в семействе кн. З. А. Волконской.

[2] Сохранилось письмо М. де Турнефора к Шевыреву от 28 апреля (10 мая) 1862 г., в котором он сообщает ряд дополнительных сведений о себе и своих занятиях, а также подробно формулирует условия, на которых он согласился бы поступить на службу (*ГПБ*, ф. 850 (С. П. Шевырева), картон 3, л. 1—2 об.).

1321. **Ф. М. Достоевскому** (с. 60)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, № 97, л. 13—14.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 107—108.

[1] О встречах Тургенева с Достоевским в этот приезд в Петербург (т. е. после 26 мая 1862 г.) см. в воспоминаниях Н. Н. Страхова о Достоевском (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 237).

[2] Имеются в виду «Призраки».

[3] В. П. Боткин был одним из первых слушателей «Отцов и детей». О его замечаниях см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1240.

[4] См. письмо 1310, примеч. 5.

[5] См. об этом в письмах 1310, 1318, 1319, а также письма А. Н. Майкова, П. В. Анненкова и Н. В. Щербаня, опубликованные Е. И. Кийко в статье «К истории восприятия „Отцов и детей“. (По неизданным письмам современников)».—*Орл сб*, *1960*, с. 253—263.

[6] Повесть Марка Вовчка «Пустяки», как видно из этого письма, была предложена Тургеневым Достоевскому для журнала «Время», однако там она не была напечатана. О дальнейшей судьбе этой повести см. письмо 1358, примеч. 4. Говоря о гонораре в 250 р. сер., который дали в «Русском слове» М. А. Маркович, Тургенев имеет в виду ее повесть «Пройди-свет», напечатанную в майском номере этого журнала (см. письмо 1341).

1322. **А. А. Краевскому** (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 37—38.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 37.

Стр. 62. очень хорошо информирован *(франц.)*.

[1] Краевский ответил на просьбу Тургенева следующим письмом от 30 апреля (12 мая) 1862 г.:

«Сегодня получил я письмо ваше, Иван Сергеевич, и сегодня же отвечаю на него. Не мог г. Морен выбрать минуты более неблагоприятной для предложения своей корреспонденции, как настоящая: „СПб. ведомости“ не только не желают иметь новых корреспондентов, но даже отказали всем прежним, и вот тому причина:

Срок контракта, по которому Очкин арендовал „СПб. ведомости“ от Академии наук, истекает в нынешнем году. Граф Блудов, больной и совсем выживший из ума... не сказав ни слова ни мне, ни Очкину, ни даже академии, потихоньку передал с 1863 года газету Валентину Коршу (нынешнему редактору „Моск. ведомостей“) и заключил уже с ним контракт.

Узнав это, Очкин решительно объявил мне, что он не намерен в нынешнем году платить сотрудникам за статьи, не желая своими боками служить будущей редакции. Таким образом, мы будем, в остальные восемь месяцев нынешнего года, наполнять газету заимствованиями из иностранных газет и статьями, какие бог пошлет. Таким образом, не только иностранные корреспонденты, но и домашние сотрудники должны от нас отступиться.

Но, взамен „СПб. ведомостей“, я выхлопотал себе (конечно, не без труда) дозволение издавать с будущего года отдельную, независимую, также политическую и литературную ежедневную газету, под названием „Голос“, которая и начнется с 1-го января 1863 года. Вот для этой-то будущей газеты я бы попросил вас приискать в Париже дельного, немногоречивого, но très bien informé корреспондента и пригласить его к участию. Конечно, лучше всего было бы иметь за границею корреспондентом русского, потому что иностранцу никогда не втолкуете, что нам нужно, и не поставите его на нашу точку зрения; но ведь русские в Париже, я думаю, больше баклушничают, нежели делом занимаются. А все-таки не придет ли вам на память какой-нибудь годный для этого дела господин?

Впрочем, вы обещаете скоро быть в Петербурге, и если завернете ко мне, или как-нибудь покажете мне себя, мы можем поговорить и об этом деле пообстоятельнее.

Ваш Краевский.

P. S. Оба письма г. Морена я оставил у себя. Что с ними делать? Думаю, что делать нечего» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 144, л. 7).

1323. **А. А. Фету** (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 76—77.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 397, с пропусками.

[1] Тургенев выехал в Лондон, очевидно, 29 апреля (11 мая) 1862 г. (см. обоснование датировки письма 1324).

[2] См. письмо 1297, примеч. 2.

[3] См. письмо 1274, примеч. 3.

1324. **М. А. Маркович** (с. 63)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 174, № 39, л 3.

Впервые опубликовано: *Т*, *ИСС* и *П*, *Письма*, т. IV, с. 387.

Датируется 27 апреля (9 мая) 1862 г. на том основании, что в записке говорится о письмах для К. Д. Кавелина и Е. В. Салиас де Турнемир, которые прислал Тургеневу Герцен с просьбой переслать их адресатам (см. письма Герцена к Тургеневу от 30 марта (11 апреля) и от 9 (21) апреля 1862 г. *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 216—218). Тургенев, отвечая Герцену 10 (22) апреля 1862 г., пишет: «Приложенный к твоему письму конверт с надписью г⟨рафин⟩е Сальяс вручится ей не через несколько дней в Москве — а завтра же в Париже,— ибо она здесь» (письмо 1312). Судя по записке, Тургенев из-за болез-

ли не выполнил этого поручения сразу, а кроме того, забыл адрес Салиас и решил передать ей письмо через М. А. Маркович. Вероятно, он об обоих письмах говорил или писал ей раньше, потому что в его записке не сказано, что эти письма от Герцена. Пятницы во вторую половину апреля 1862 г. были 20 апреля (2 мая) и 27 апреля (9 мая); воскресенья — 22 апреля (4 мая) и 29 апреля (11 мая). В воскресенье 22 апреля (4 мая) Тургенев еще был в Париже, следовательно он выехал в Лондон в воскресенье 29 апреля (11 мая) и данная записка была написана в пятницу 27 апреля (9 мая) 1862 г.

1325. Письмо к издателю ⟨«Колокола»⟩ (с. 63)

Печатается по тексту первой публикации: Колокол, 1862, 10(22) мая, л. 134, с. 115.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Тургенева к издателю «Колокола», т. е. А. И. Герцену, является ответом на заметку «Воровство», автором которой был князь П. В. Долгоруков — фактический редактор журнала «Правдивый», издававшегося на русском языке в Лейпциге. Заметка гласила: «Издатель Полного собрания Сочинений Ивана Сергеевича Тургенева, *Основский*, обокрал нашего знаменитого писателя на две тысячи пятьсот рублей серебром. Предаем гласности этот поступок: пусть общественное мнение заклеймит позором вора — Основского...» (Правдивый, 1862, № 2, 18 апреля, с. 16).

Заметка Долгорукова и данное письмо Тургенева были последними звеньями в запутанной истории издания Н. А. Основским четырехтомного собрания сочинений Тургенева (М., 1860—1861). Большинство биографов Тургенева согласны в том, что Основский его обманул, заплатив за право издания его сочинений вместо 8000 руб., как было условлено, только 5500 руб. Тургенев же, щадя Основского, решил этот досадный эпизод предать забвению (см.: Викторов Н. Материалы для биографии И. С. Тургенева// *ИВ*, 1897, № 7, с. 99—103; Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева // *Рус Ст*, 1908, № 8, с. 229—240; Фридлендер Г. М. Письма А. Н. Плещеева // *Лит Арх*, т. 6, с. 306—320; Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1982. С. 143—158). В работах Г. М. Фридлендера и Н. Н. Мостовской приводятся письма А. Н. Плещеева и И. В. Павлова к Тургеневу, в которых говорится о непорядочности и мошенничестве Основского. На первых порах Тургенев целиком доверялся этим сообщениям, но затем, когда он более детально ознакомился с фактами, его отношение к Основскому изменилось. А. А. Фет, в качестве доверенного лица Тургенева, резко разошелся с Плещеевым и Павловым в оценке личности Основского и всех обстоятельств дела (см. неопубликованное письмо Фета к Тургеневу от 15(27) января 1861 г.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 153, л. 1—3). В начале же 1861 г. Тургенев получил письмо от самого Основского от 3(15) января (*ИРЛИ*, ф. 7, № 149, л. 12) и в связи с ним писал П. В. Анненкову 16(28) января 1861 г.: «Я получил длинное письмо от Основского, и оказывается, что он действительно был оклеветан — и достоин сожаления» (наст. изд., Письма, т. 4, № 1125). Из письма Основского к Тургеневу стало ясно, что Плещеев и Павлов, будучи компаньонами Основского по изданию «Московского вестника» и собрания сочинений Тургенева, нередко ставили того в затруднительное положение, не выполняя

в срок своих обязательств по финансированию этих изданий. Основский действительно был разорен, и у Тургенева не было оснований не верить ему.

Защищая в комментируемом письме своего издателя, Тургенев не только проявил свойственную ему деликатность; он считался также и с мнениями своих друзей — И. П. Борисова, А. А. Фета и Н. Н. Маслова (см.: *Т сб*, вып. 3, с. 343; *ИРЛИ*, ф. 7, № 153, л. 3).

1326. **П. В. Анненкову** (с. 64)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 5—6.

Подлинник неизвестен.

Датируется по содержанию, из которого следует, что письмо написано под непосредственным впечатлением от поездки Тургенева в Лондон, который он покинул 7 (19) мая (см.: *Герцен*, т. 27, с. 221).

[1] Тургенев намекает на свое свидание с М. А. Бакуниным, состоявшееся в Лондоне в начале мая 1862 г.

[2] Вероятно, речь идет о «Довольно», первый черновой автограф которого датируется мартом—апрелем 1862 г. (см.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 486—488).

1327. **Н. Н. Рашет** (с. 64)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 678.

[1] О поездке в Лондон см. письма 1323, 1324, 1326.

[2] «Дамы» — Полина Тургенева и Мария Иннис. Тургенев выехал в Петербург 22 мая (3 июня) и пробыл там до 2 (14) июня. 5 (17) июня он прибыл в Спасское.

[3] Речь идет о толках, вызванных появлением романа «Отцы и дети». По всей вероятности, Тургенев просил Рашет, как и других своих друзей, сообщать ему отзывы разных лиц о романе.

[4] В Гейдельбергском университете слушал курс лекций поэт К. К. Случевский, друг Рашет.

[5] См. письмо 1303, примеч. 4.

[6] Записка Марии Иннис не сохранилась.

[7] В это время закончился бракоразводный процесс Рашет с Я. Антроповым.

1328. **К. К. Случевскому** (с. 65)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 151. 1322.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 7, с. 321—322.

[1] Полина Тургенева и Мария Иннис.

[2] Тургенев выехал в Россию 22 мая (3 июня) 1862 г.; в начале августа он был уже в Баден-Бадене.

[3] См. письмо 1303, примеч. 4.

[4] Имеется в виду реакция русской молодежи, учившейся в Гейдельберге, на роман Тургенева «Отцы и дети». Об этом см. подробнее в письме 1319, примеч. 1.

[5] См. письмо 1327.

1329. Д. В. Григоровичу (с. 66)

Печатается по подлиннику: Государственный архив Горьковской области, ф. 1825, оп. 1, № 166.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 204.

Датируется по упоминанию о приезде в Париж А. Н. Островского и И. Ф. Горбунова. Как известно из дневника И. Ф. Горбунова, они прибыли в Париж в субботу 12 (24) мая 1862 г. и пробыли там до 20 мая (1 июня) 1862 г. (см.: Горбунов И. Ф. Сочинения. СПб., 1907. Т. 3. С. 409—410). Записка написана на следующий день после их приезда, в воскресенье 13 (25) мая 1862 г.

[1] Островский и Горбунов встретились с Тургеневым и Григоровичем на следующий день, 14 (26) мая 1862 г. В дневнике И. Ф. Горбунова записано: «14. Обедали с Тургеневым и Кавелиным в Пале-Рояле. Изображал генерала ⟨Дитятина⟩. Кавелин был очень доволен ... Вечером были в театре. Фам Савант ⟨„Les femmes savantes"— „Ученые женщины"⟩ и „Скупой" Мольера. Мартынов играл несравненно лучше. После театра зашли с Григоровичем и профессором Соколовым в кофейную» (Горбунов И. Ф. Соч. Т. 3. С. 410).

1330. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 66 и 325)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 75.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 572—573. Перепечатано: *Séménoff*, p. 134.

[1] П. Тургенева и М. Иннис провели весну и лето 1862 г. во Флоренции.

[2] По-видимому, Александр Биксио. С этим крупным политическим деятелем и ученым Тургенев познакомился при посредничестве П. Мериме в апреле 1861 г. и отнесся к нему с большим интересом (см. письмо Мериме к Биксио от 18 апреля н. ст. 1861 г.: *Лит Насл*, т. 31-32, с. 716—717). 15 января н. ст. 1862 г. Биксио прислал Тургеневу приглашение на обед «avec un tas de révolutionnaires» («со сборищем революционеров») (*Mazon*, p. 107).

[3] Нет сведений, был ли знаком Тургенев с известным итальянским политическим деятелем и ученым К. Ридольфи. Отсутствие ответных писем П. Тургеневой не позволяет решить вопрос об использовании П. Тургеневой письма Биксио к Ридольфи.

[4] Семья Виардо жила в Баден-Бадене в 1862 г. весну, лето и осень. Тургенев в 1862 г. находился в Баден-Бадене с 9 (21) августа по 15 (27) октября. Семья Виардо переселилась из Парижа в Баден-Баден окончательно в конце апреля н. ст. 1863 г. (см.: Pietsch L. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Erinnerungen aus den sechziger Jahren. Berlin, 1894. Bd. 2. S. 224—231), Тургенев — 21 апреля (3 мая) 1863 г. (см. письмо 1462).

[5] Тургенев был в Париже 14 (26) мая: в этот день он обедал в Пале-Рояле с И. Ф. Горбуновым, А. Н. Островским и К. Д. Кавелиным (см.: Горбунов И. Ф. Соч. СПб., 1907. Т. 3. С. 410); выехал он из Парижа только 22 мая (3 июня) 1862 г. (см. письмо 1332).

1331. М. А. Маркович (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 54.

Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 97.

Датируется весной 1862 г. на основании письма М. А. Маркович к А. В. Марковичу от начала июня н. ст. 1862 г., где она пишет о своем знакомстве с Фрпчем (см.: Листи Марка Вовчка. Київ, 1984. Т. 1. С. 136—137). Комментируемая записка помечена воскресеньем и, следовательно, могла быть написана не позднее 20 мая (1 июня) — последнего воскресенья перед выездом Тургенева из Парижа 22 мая (3 июня).

[1] О близости Фрича к М. А. Бакунину писал Герцен в «Былом и думах»: «Бакунин сгруппировал около себя целый круг славян. Тут были чехи, от литератора Фрича до музыканта, называвшегося Наперстком...» (*Герцен*, т. 11, с. 360).

1332. **М. Л. Налбандяну** (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 51, л. 260.
Впервые опубликовано: Былое, 1906, № 9, с. 206.

Записка Тургенева к М. Л. Налбандяну найдена среди бумаг последнего, взятых при его аресте 14 (26) июля 1862 г. в Нахичевани (см.: Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, С. 83).

Датируется по содержанию и указанному дню недели: Тургенев выехал из Парижа в Петербург во вторник 22 мая (3 июня) 1862 г., комментируемая же записка написана им накануне отъезда. Среди бумаг Налбандяна, взятых при его аресте и подшитых к «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», имеется также памятная записка для Налбандяна, написанная рукой Тургенева:

«1). Наталья Семеновна Бакунина на Сергиевской, в доме Бантыш-Каменской, № 69, на квартире Львовой,— после 8 часов вечера.

2). Иван Серг. Тургенев Орловской губернии, в город Мценск.

3). Маркиз Николай Александрович де Траверсé — на Михайловской площади, в доме Лазарева, на квартире Шидловских» (*ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 51, л. 249).

Эти адреса нужны были Налбандяну в связи с тем, что он и Тургенев принимали участие в организации переезда жены М. А. Бакунина из Иркутска в Премухино к родителям последнего. Подробные инструкции по этому поводу содержатся в письме Бакунина к Налбандяну от 25 апреля (6 мая) 1862 г. (см.: Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов, с. 77—79). О революционной деятельности Налбандяна см.: Мкртчян А. Микаэл Налбандян. Ереван, 1955; Хачатурян Ашот. Микаэл Налбандян и русские революционные демократы // Дружба народов, № 5. М., 1949. С. 138—156; Хачатурян А. Б. Мировоззрение Налбандяна // Налбандян М. Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитпздат, 1954.

1333. **Е. Е. Ламберт** (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 121.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 150.

[1] Письма Ламберт от 15 (27) апреля и 14 (26) мая 1862 г. (см.: *Granjard*, p. 170—171, L. N° 44, 45). Письмо А. К. Мейендорфа неизвестно.

1334. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 68 и 326)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 76. Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 573. Перепечатано: *Séménoff*, p. 135.

[1] Тургенев пишет из Берлина, где он находился проездом по дороге в Петербург; из Берлина он выехал 23 мая (4 июня) (см. письмо 1333).

[2] См. письмо 1332.

[3] Это письмо Тургенева неизвестно.

[4] Мать Полины Виардо — Х. Гарсиа, с которой Тургенев время от времени переписывался.

1335. Н. В. Щербаню (с. 68)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 21—22.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о гонораре за напечатанный в «Русском вестнике» (1862, № 2) роман «Отцы и дети».

[2] В письме к Тургеневу от 8 (20) марта — 2 (14) апреля 1862 г. Щербань писал: «Полученный сегодня список опечаток свалился мне как снег на голову, вру: как черепица. Т. е. ошеломил. Боюсь, не сердитесь ли Вы, что допущены ошибки. Поверьте, что смотрел в оба. После меня держали корректуру еще Леонтьев и потом еще Катков ⟨...⟩ Опечатки помещены в номере, который выходит завтра» (*Орл сб*, *1960*, с. 258—259). Список опечаток в романе «Отцы и дети» был приложен к № 4 «Русского вестника» 1862 г.

1336. Н. А. Серно-Соловьевичу (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 82.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 8.

Адресат устанавливается по связи с письмами Тургенева: к М. А. Маркович от 4 (16) июня 1862 г. (№ 1341), в котором он пишет о том, что продал рукопись С. М. Буткевич Серно-Соловьевичу, и к Серно-Соловьевичу от 12 (24) июля 1862 г. (№ 1362), в котором благодарит его за скорую высылку денег Буткевич. Эти же письма позволяют датировать записку. Написана она в 1862 г., не позднее 31 мая (12 июня), потому что 1 (13) июня Тургенев уже послал Серно-Соловьевичу адрес Буткевич для отправки ей гонорара (см. письмо 1338), и не ранее 30 мая (11 июня), так как Тургенев сообщает в ней, что «послезавтра» уезжает в Москву, а 1 июня ст. ст. утром он был еще в Петербурге (см. письмо 1339).

[1] Речь идет о книге С. М. Буткевич, вышедшей под псевдонимом: Дневник девочки. Сочинение С. Буташевской, с предисловием И. С. Тургенева. Издание Н. А. Серно-Соловьевича. СПб., 1862. Предисловие см.: наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 339—340.

1337. М. Л. Налбандяну (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 51, л. 256.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 8.

Записка, очевидно, написана для посыльного с тем, чтобы он передал ее содержание М. Л. Налбандяну. Она не могла быть на-

писана ранее 27 мая ст. ст. (Тургенев приехал в Петербург накануне вечером) и позднее 1 (13) июня, т. е. того дня, которым помечена расписка, выданная Тургеневым Налбандяну (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, Приложение II, № 1) и свидетельствующая, что их встреча уже состоялась.

1338. **Н. А. Серно-Соловьевичу** (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 50, л. 338.
Впервые опубликовано: Былое, 1906, № 9, с. 197, с грубыми ошибками.

Датируется по сопоставлению с письмами к Серно-Соловьевичу (№ 1336) и к М. А. Маркович от 4 (16) июня 1862 г. (№ 1341), а также согласно помете «Пятница», которая приходилась на 1 (13) июня 1862 г.

1339. **Н. В. Ханыкову** (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.
Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 292.

[1] Письмо написано в связи с отъездом Ф. М. Достоевского в начале июня ст. ст. 1862 г. за границу, где он должен был встретиться с Ханыковым.

1340. **М. Н. Каткову** (с. 70)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 4752, л. 3.
Впервые опубликовано: *Т сб (Кони)*, с. 204—205.
Датируется по сопоставлению с письмом Тургенева к М. А. Маркович (№ 1341) от этого же числа, которое приходилось именно на понедельник (в предыдущий понедельник Тургенев находился еще в Петербурге, а в следующий — уже в Спасском).

[1] М. Н. Катков отправил М. А. Маркович эту сумму (300 р. сер.) в качестве аванса за ее рассказы «Пустяки» и «Скрипка», которые предполагал опубликовать в «Русском вестнике»; см. письма 1341, 1374.
[2] М. А. Маркович не согласилась на те условия, которые предложил Катков (по 150 р. за печатный лист), о чем свидетельствует письмо Тургенева к ней (№ 1358).
[3] См. письмо 1318.

1341. **М. А. Маркович** (с. 70)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 43—44.
Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 91—92.

[1] Рассказ Марка Вовчка «Пройди-свет» был опубликован в «Русском слове» (1862, № 5, с. 1—7).
[2] См. письмо 1340.
[3] Тургенев имеет в виду то место в главе IV первого тома «Мертвых душ», где рассказывается о Ноздреве: жестоко избитый партнерами за нечестную игру в карты, «он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чем не бывало, и он, как говорится, ничего,

и они ничего». Здесь намек на столкновения Тургенева с Некрасовым и происшедший в 1860 г. разрыв между ними не только идейный, но и личный.

[4] «Последними событиями» были пожары Апраксина и Щукина рынков в Петербурге, продолжавшиеся с 28 по 30 мая ст. ст. 1862 г. Реакционные круги распространяли в городе слухи о том, что поджигателями были студенты-нигилисты. «И когда весной 1862 г.,— писал Г. З. Елисеев,— случился страшный пожар, уничтоживший Апраксин и Щукин дворы, молва не усомнилась признать виновниками этого пожара нигилистов. Они, дескать, жгут города... „Современник“ занимался приготовлением из учащейся молодежи — нигилистов — людей, способных на всё, на самые преступные дела, как поджоги и т. п.» (Из рукописей Г. З. Елисеева. Об «Отцах и детях» // Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1933. С. 503). Причина пожаров осталась неизвестной (есть серьезные основания утверждать, что поджоги устраивала полиция); но во всяком случае правительство воспользовалось пожарами для того, чтобы, свалив вину на «поляков, студентов и революционеров», усилить реакционный курс внутренней политики. На это есть очень важный намек и у Герцена в л. 149 «Колокола» от 1 ноября 1862 г.: «Зажигателей вне полиции не нашли — а в полиции *не искали*... Не попробовать ли?» (*Герцен*, т. 16, с. 262). Ср.: Рейсер С. Артур Бенни. М., 1933. С. 43—61; Он же: Петербургские пожары 1862 года // Каторга и ссылка, 1932, № 10, с. 79—109.

[5] См. письмо 1336, примеч. 1. Письмо Тургенева к С. М. Буткевич неизвестно.

1342. Полине Виардо (с. 71 и 326)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 100—102; в русском переводе — Неделя, 1972, № 36 (не полностью); Лит. газета, 1972, № 17, 26 апреля (отрывок).

[1] Эти письма П. Виардо к Тургеневу неизвестны.

[2] Тургенев выехал из Парижа в Россию 22 мая (3 июня) 1862 г. (см. письмо 1332).

[3] Возможно, речь идет о Н. В. Ханыкове, с которым Тургенев часто встречался в Париже (см. письмо 1311).

[4] Это письмо Тургенева к К. Виардо неизвестно.

[5] Тургенев приехал в Баден-Баден 9 (21) августа 1862 г. (см. письмо 1330, примеч. 4).

[6] Имеется в виду прокламация «Молодая Россия» (подробнее см. письмо 1376, примеч. 5).

[7] Тургенев приехал в Петербург накануне пожаров Апраксина двора, Министерства внутренних дел и др., свидетелем которых он стал (см. письмо 1341, примеч. 4, а также письмо 1343).

[8] «Отцы и дети».

[9] Аналогичные высказывания см. в письмах 1343 и 1358.

[10] Эти деньги предназначались на содержание дочери Тургенева.

[11] Прочитанный Т. Карлейлем в 1840 г. в Лондоне курс лекций «О героях, культе героического и героическом в истории» был издан там же в 1841 г. (Carlyle Th. On heroes, heroworship and heroic

in history. London, 1841). Об отношениях Тургенева с Карлейлем см. подробнее в письме к П. Виардо от 25 мая (6 июня) 1857 г.— наст. изд., Письма, т. 3, № 606, примеч. 4, 5.

[12] Речь идет о сочинении Т. Б. Маколея «Critical and historical essays». London, 1843. V. 1—3. В 1860 г. в Петербурге вышел в свет 1-й том Полного собрания сочинений Маколея в 6-ти томах, где были напечатаны упоминаемые Тургеневым «Критические и исторические опыты».

[13] Имеется в виду роман Г. Филдинга «История Тома Джонса Найденыша» (1749).

[14] «Письма о геологии, написанные в Альпах» («Geologische Briefe aus den Alpen») немецкого геолога Бернарда Котта, изданные в Лейпциге в 1850 г.

1343. П. В. Анненкову (с. 73)

Печатается по тексту первой публикации: *Стасюлевич*, т. 3, с. 486—487, где окончание письма отсутствует.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев вспоминает начальные слова стихотворения Лермонтова «Благодарность» («За всё, за всё тебя благодарю я», 1840).

[2] В ответном письме от 19 июня (1 июля) 1862 г. Анненков сообщал: «Бог знает, доберусь ли я до Спасского, потому что это представляет некоторого рода значительные трудности, но еще подумаем» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 30). Посещение Спасского Анненковым не состоялось.

[3] См. письма 1341, примеч. 4, и 1342, примеч. 7.

[4] Ср. в письмах 1342 и 1358.

[5] Имеется в виду статья Д. И. Писарева «Базаров („Отцы и дети", роман И. С. Тургенева)» (*Рус Сл*, 1862, № 3). Давая высокую оценку роману Тургенева в художественном и идейном отношениях, критик выражал горячее сочувствие его герою — Базарову, в котором он видел подлинного представителя революционно-демократической молодежи.

[6] Отвечая Тургеневу 19 июня (1 июля) 1862 г. и соглашаясь с его мнением, Анненков писал: «„Отцы и дети" действительно нашумели так, как даже я и не ожидал. Вы можете радоваться всему, что об них говорят. Писателем-романистом быть хорошо, но кинуть в публику нечто вроде нравственного масштаба, на который все себя примеривают, ругаясь на градусы, показываемые масштабом, и равно злясь, когда градус мал и когда велик,— это значит добраться, через роман, до публичной проповеди. А это, я полагаю,— последнее и высшее звено всякого творчества» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 30).

[7] Письмо Ю. Ф. Самарина к И. С. Аксакову с отзывом об «Отцах и детях» неизвестно. В ответном письме от 18 (30) июня 1862 г. Аксаков сообщал Самарину: «Получив твое последнее письмо (то, где говорится о романе Тургенева), я начал писать к тебе большой ответ, но оставил его...» (*ИРЛИ*, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 41).

[8] См. письмо 1341, примеч. 3.

1344. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 75 и 328)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 77—78.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, N⁰ 807, 1 février, p. 573—574. Перепечатано: *Sêmênoff*, p. 135—136.

[1] Тургенев имеет в виду брата, Н. С. Тургенева, и его жену, Анну Яковлевну.

[2] Дядя — Н. Н. Тургенев, управлявший имениями своего племянника.

[3] Намек на политические события в Италии, происходившие летом 1862 г. в связи с усилившейся борьбой демократических сил против светской власти папы, за религиозную свободу и за церковную реформу. Движение разрешилось в августе 1862 г. походом Дж. Гарибальди на Рим. Иннис, как ревностная католичка, была, очевидно, взволнована и возмущена всем происходящим.

1345. **Е. Е. Ламберт** (с. 76)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 123.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 151—152.

Стр. 76. И ладно *(итал.)*.

[1] Имеется в виду Н. С. и А. Я. Тургеневы, А. А. Фет, а также В. П. Боткин, приехавший вместе с Тургеневым (см. письма 1343, 1344).

[2] Речь идет о петербургских пожарах (см. письмо 1341, примеч. 4, а также письма 1342 и 1343).

[3] Намек на крестьянские волнения, происходившие в связи с проведением крестьянской реформы 1861 г.

[4] Весной 1862 г. Тургенев сделал первый набросок «Довольно» и тогда же возобновил работу над «Призраками», начатыми еще в середине 1850-х годов. Вероятно, об одном из этих замыслов, которые на ранних этапах их осуществления, по-видимому, не вполне разграничивались в сознании писателя, и идет здесь речь. Сообщая Достоевскому в мае 1863 г. (см. письмо 1472), что закончил и уже начал переписывать «вещь», обещанную в редактируемый им журнал, Тургенев затруднялся в определении ее жанра: «...во всяком случае не повесть — скорее фантазию»,— и далее высказывал опасения, «как бы она не показалась слишком несовременной, чуть не детской». См. также письма 1326, 1360, 1392.

1346. **Н. Н. Рашет** (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 2—3.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 684.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 9 июня ст. ст. 1862 г. приходилось на субботу, а не на воскресенье, поэтому письмо предположительно датируется 10 (22) июня.

[1] Обстоятельства этой встречи Тургенева с Рашет неизвестны. По всей вероятности, Рашет направлялась в Виленскую губернию, где жила ее мать, а Тургенев ехал из Парижа в Петербург.

[2] См. письма 1341, примеч. 4, 1342, 1343.

[3] О каком племяннике Рашет идет речь, не установлено.

[4] Под «бедным птенцом» Тургенев разумеет К. К. Случевского (ср. письмо 1327).

1347. Полине Виардо (с. 78 и 329)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 92—94.

[1] Очевидно, речь идет об обещании писать чаще о своем пребывании в России.

[2] Имеется в виду письмо 1342.

[3] «Старый замок» — местечко в окрестностях Баден-Бадена, где находились развалины средневекового замка. Здесь разворачивается действие X главы романа Тургенева «Дым» (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 295—305).

[4] См. письмо 1345, примеч. 1.

[5] «Circulus» — утопическое учение П. Леру о кругообороте материи, согласно которому вечное обращение материи выражается в жизни, возрождающейся из смерти, было выдвинуто им в полемике против Мальтуса.

[6] Дриады — лесные нимфы (миф.). Аквилон — северный ветер.

[7] Речь идет об А. С. Белокопытовой.

[8] Романтические излишества стиля Гюго вызывали ироническое отношение Тургенева-реалиста, нередко пародировавшего стиль Гюго в своих письмах (см., например, письма к П. Виардо — наст. изд., Письма, т. 1, № 87, 97 и др.). Подробнее об отношении Тургенева к творчеству В. Гюго см.: А л е к с е е в М. П. В. Гюго и его русские знакомства // *Лит Насл*, т. 31-32, с. 868—879.

[9] Тургенев имеет в виду мексиканскую экспедицию Наполеона III 1862—1867 гг., во время которой Наполеону пришлось содержать в Мексике 40-тысячную армию. Ее действиями было свергнуто демократическое правительство Хуареца и водворена монархия во главе со ставленником Наполеона III австрийским эрцгерцогом Максимилианом, убитым повстанцами в феврале 1867 г. (см.: История Франции. В 3-х т. М., 1973. Т. 2. С. 356—357). 5 июня 1862 г. французские войска потерпели поражение в битве при Пуэбле. Англия, Франция и Испания были союзниками в Мексике, однако с началом военных действий английские и испанские войска покинули пределы страны, в то время как войска Наполеона III продолжали захватническую войну.

[10] Тургенев и семья Виардо крайне отрицательно относились к режиму Наполеона III, что побудило их покинуть Францию и поселиться в Баден-Бадене.

[11] Тургенев горячо сочувствовал освободительному движению итальянского народа за независимость и объединение Италии, во главе которого стоял Гарибальди. Писатель внимательно следил за событиями в Италии и выражал желание познакомиться лично с вождем итальянского народа, о чем свидетельствует рекомендательное письмо Герцена к Гарибальди от 20 апреля (1 мая) 1861 г., написанное для Тургенева (*Герцен*, т. 27, с. 150). Об отношении Тургенева к Гарибальди см.: Н е в л е р ⟨Вилин⟩ В. Е. Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831—1869. М., 1982. С. 321—322.

[12] Монтебелло — вилла в Баден-Бадене, где летом 1862 г. жила семья Виардо.

[13] Имеется в виду, по-видимому, Ж. Флинш, знакомая П. Виардо, в доме которой певица останавливалась во время своих гастролей в Лейпциге (см.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 103), о чем она сообщала в неопубликованном письме к кн. Трубецкой от 17 января

1864 г. (автограф находится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).— Сообщено А. Звигильским). Ж. Флинш была одаренной певицей и выступала в концертах вместе с П. Виардо (см.: Athenaeum, 1864, № 1897, March 5, p. 344).

1348. **Н. Х. Кетчеру** (с. 80)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185. 41, п. 3. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 67.

[1] Речь идет о типографии В. Грачева и комп., в которой в это время печаталось первое собрание сочинений В. Г. Белинского в издании К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина (ч. I—XII; М., 1859—1862). Кетчер был редактором этого издания.

[2] Первое отдельное издание романа «Отцы и дети» вышло в свет в начале сентября 1862 г. в Москве под наблюдением Кетчера (ценз. разр.— 27 июня ст. ст. 1862 г.) с исправленным (по сравнению с публикацией в «Русском вестнике») текстом и с посвящением В. Г. Белинскому. Очень краткое предисловие к этому изданию «Отцов и детей» было Тургеневым написано, но по совету Боткина и Фета (см. письмо 1355) осталось неопубликованным (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 435).

1349. **Н. Х. Кетчеру** (с. 81)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185.41, п. 4. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 67—68.

[1] Тургенев послал Кетчеру оттиск «Отцов и детей» из «Русского вестника» с внесенными в него исправлениями (см.: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 23).

[2] Посланное Тургеневым «небольшое предисловие» к отдельному изданию «Отцов и детей» не было напечатано (см. письма 1348 и 1355).

[3] Тургенев имеет в виду места, исключенные из текста первой публикации «Отцов и детей» в «Русском вестнике» (1862, № 2). Некоторые изъятия могли быть сделаны редактором журнала М. Н. Катковым (см.: Батюто А. И. Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // *Рус лит*, 1961, № 4, с. 57—78). Вырезка из журнала «Русский вестник», содержащая текст «Отцов и детей» с карандашными исправлениями опечаток, сделанными самим Тургеневым, хранится в библиотеке *ИРЛИ* (1934К/703; см.: *ПД*, *Описание*, с. 46—47, № 415). Поправки, внесенные в эту вырезку, не вполне совпадают с поправками, указанными в настоящем письме и содержащимися в оттиске *ГПБ*. См.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 434—435.

1350. **Н. Я. Макарову** (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 637, картон I, № 6. Впервые опубликовано: *ГБЛ*, *Записки*, вып. 34, с. 206.

[1] В 1862 г. Н. Я. Макаров был назначен управляющим питейно-акцизными сборами в Гродненской губернии. Возможно, именно в это время он должен был выехать из Петербурга на место службы.

[2] См. письмо 1398, примеч. 4.

[3] Тургенев имеет в виду события, развернувшиеся в Петербурге после пожаров 28—30 мая 1862 г. Об этом же он спрашивал и Е. Е. Ламберт 9 (21) июня 1862 г. (см. письмо 1345).

1351. И. И. Маслову (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 8.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 109, с пропуском фамилии Бакуниной.

[1] Речь идет об одной из сумм, предназначавшихся в помощь жене М. А. Бакунина, оставшейся в Сибири без средств после его бегства из ссылки за границу. Средства эти были собраны среди друзей Тургенева, находившихся за пределами России, и частично переданы самим писателем Павлу Бакунину; см. показания Тургенева по «делу 32-х» (наст. том, с. 312—313); ср. в письмах Тургенева к Н. Н. Рашет (№ 1308, 1309) и в примечаниях к ним. Упоминаемое письмо А. К. Бакуниной неизвестно.

[2] Имеются в виду крестьянские волнения, последовавшие за реформой 1861 г. в ряде губерний России. Ср. письмо 1345, примеч. 3.

1352. А. А. Фету (с. 83)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 78.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 399—400.

[1] Дядя — Н. Н. Тургенев.

[2] 29 июня ст. ст. открывалась охота, на которую и ехал Тургенев.

1353. Полине Виардо (с. 83 и 330)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 102—104.

[1] Из трех предыдущих писем из Спасского, упомянутых Тургеневым, известны два — см. № 1342 и 1347.

[2] Из этой поездки Тургенев вернулся 8 (20) июля (см. письмо 1356).

[3] Тургенев выехал из Спасского 31 июля (12 августа) и пробыл в Петербурге, по-видимому, всего один день — 4 (16) августа (см. письма 1372, 1373, 1379).

[4] В конце 1850-х — начале 1860-х годов в Польше значительно активизировалось революционно-освободительное движение, в котором заметную роль играли русские революционеры. В июне 1862 г. после вынесения военно-полевым судом приговора по делу членов варшавской офицерской революционной организации (трое ее участников — И. Н. Арнгольдт, П. М. Сливицкий и Ф. Ростковский — были приговорены к расстрелу) положение в Польше крайне обострилось. 15 (27) июня в Варшаве было совершено покушение на исполнявшего обязанности наместника в Царстве Польском и главнокомандующего 1-й армией графа А. Н. Лидерса, а 21 июня (3 июля) — покушение на великого князя Константина Николаевича, наместника в Польше. См.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960; Восстание 1863 г. Материалы и документы: В 2-х т. М., 1963. Благодаря Герцену Тургенев был хорошо осведомлен в «польском вопросе», многое ему было известно и от М. А. Маркович, поддерживавшей тесные связи с польскими революционерами.

[5] См.: Библия. Бытие, 4, 15.

[6] В связи с крестьянскими волнениями, а также майскими пожарами и студенческими выступлениями в Петербурге (см. письма 1341, примеч. 4, 1342, 1343) правительство прибегло к реакционным мерам и репрессиям. В Петербурге в июне 1862 г. приказом военного генерал-губернатора были закрыты Шахматный клуб, воскресные школы и народные читальни как рассадники нежелательных правительству настроений. Было приостановлено издание трех периодических печатных органов — журналов «Современник» и «Русское слово» и еженедельной газеты «День» (см. ниже). «В Петербурге террор,— писал Герцен в „Колоколе“ (л. 139 от 15 июля н. ст. 1862 г.),— самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости ⟨...⟩ в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность ⟨...⟩ помогает общество, литература, народ, прогресс и регресс...» (см.: *Герцен*, т. 16, с. 199).

[7] С 15 (27) июня 1862 г. по распоряжению министра просвещения А. В. Головнина было прекращено на 8 месяцев издание «Современника» и «Русского слова». Об этом было объявлено 20 июня ст. ст. в правительственной газете «Северная почта» (№ 132), где сообщалось также и о лишении И. С. Аксакова права на издание газеты московских славянофилов «День» (подробнее см.: Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859—1865 гг. СПб., 1904. С. 179—183).

[8] Начиная с 1847 г., когда основанный в 1836 г. Пушкиным «Современник», издававшийся после его смерти П. А. Плетневым, перешел в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева (официальным редактором был утвержден А. В. Никитенко), Тургенев вплоть до 1860 г. принимал участие в делах журнала и как автор, и как авторитетный советчик его редакторов, друг и соратник Белинского, последние полтора года жизни которого были всецело связаны с «Современником». Разрыв Тургенева с журналом произошел после опубликования в нем в марте 1860 г. статьи Н. А. Добролюбова, посвященной «Накануне»,— «Новая повесть г. Тургенева» (изначальное доцензурное название: «Когда же придет настоящий день?»). Статья Добролюбова открыла целый ряд полемических выступлений против Тургенева в «Современнике» и особенно в «Свистке». Упоминая об этом в комментируемом письме, Тургенев, по-видимому, прежде всего имеет в виду статью М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени», написанную по поводу романа «Отцы и дети» и помещенную в мартовской книжке «Современника» за 1862 год. Свое отношение к прекращению «Современника» Тургенев высказал и в письме к П. В. Анненкову — см. № 1360.

[9] Речь идет о дочерях Н. Н. Тургенева — Варваре (род. 1853 г.) и Екатерине (род. 1855 г.).

[10] См. письмо 1347, примеч. 13.

1354. Полине Тургеневой (с. 85 и 332)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 79.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 574—575. Перепечатано: *Séménoff*, p. 137—138.

[1] Письмо Тургенева к дочери из Петербурга неизвестно, письмо из Спасского — № 1344.

[2] Тургенев, по-видимому, имеет в виду устройство своих новых отношений с крестьянами.

[3] Политические события, происходившие в это время в России,

находили широкий отклик в европейской прессе (см., например, «Journal des Débats» за июнь и июль 1862 г.). В английской газете «Times» от 7 июля 1862 г. была напечатана большая статья, в которой, по-видимому под воздействием «Колокола», резко осуждались репрессии русского правительства и отмечалось единодушие протеста всех классов русского общества. В «Колоколе» (1862, 15 июля, л. 139) была напечатана на эту же тему статья Герцена «Молодая и старая Россия».

[4] Тургенев намекает на какого-то претендента на руку дочери (возможно, речь идет об Онсезе — см. письмо 1364) и на его отца.

1355. Н. Х. Кетчеру (с. 86)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185.41, п. 5.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 68.

[1] Кетчер согласился наблюдать за изданием романа «Отцы и дети» (см. письма 1348 и 1349). Письмо его к Тургеневу неизвестно.

[2] Формат Шарпантье — in-18° — обычный формат французских изданий романов. «Отцы и дети» в 1862 г. были, однако, изданы другим, значительно бо́льшим форматом.

[3] См. письмо 1348, примеч. 2.

1356. Жюлю Этцелю (с. 86 и 332)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.
Впервые опубликовано: *Parménie*, p. 397—398.

[1] Очевидно, письмо было послано Этцелю через Камилла Депре.

[2] Текст письма Этцеля неизвестен. Упоминание о нем см.: *Parménie*, p. 397.

[3] Речь идет о предложении перевести на русский язык «Сказки» Перро. Этцель, сообщает в своих воспоминаниях Н. В. Щербань, «выпустивший в свет свой роскошный том „Сказок Перро“ с рисунками Густава Доре, желал продать клише этих гравюр в Россию, т. е. пустить в Петербург свое издание „Сказок“ с русским текстом. Он нашел и книгопродавца, покупающего клише, но с тем, чтобы перевод „Сказок“ редактировал Тургенев и написал к ним предисловие» (*Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 18).

[4] «Волшебные сказки» Перро в русском переводе вышли в свет лишь в 1866 г.; Тургеневу в этом издании (вопреки указанию на титульном листе: перевод с французского Ивана Тургенева) принадлежали общая редакция, предисловие и, возможно, перевод двух сказок (из девяти). См. письмо Н. В. Щербаню от 1 (13) февраля 1865 г.

1357. Клоди Виардо (с. 87 и 333)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).
Впервые опубликовано: *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 247—248.
Письмо повреждено; отдельные слова, так же как и месяц и год его написания, восстанавливаются в редакторских угловых скобках по содержанию.

[1] См. письмо 1342, примеч. 5.

[2] См. письмо 1347, примеч. 13.
[3] См. письмо 1353.

1358. М. А. Маркович (с. 88)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 45—46.
Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 92—93. с ошибкой в дате — «июнь» вместо «июль».

[1] Письмо Маркович от 20 июня (2 июля) 1862 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 296—297).
[2] См. письмо 1341.
[3] Речь идет об издании книги С. М. Буткевич «Дневник девочки», вышедшей под псевдонимом «С. Буташевская». См. письма 1336, 1341.
[4] Маркович отказалась от публикации своих повестей «Пустяки» и «Скрипка» в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник», как договаривался с ним Тургенев (см. письма 1340, 1341). Позднее повести были опубликованы: «Пустяки» — в *СПб Вед* (1863, № 47—49); «Скрипка» — в газете «Очерки» (1863, № 11).
[5] См. письмо 1353, примеч. 7. Издание журналов возобновилось в 1863 г.
[6] К. Т. Солдатенков и Н. М. Щепкин издали в 1859 г. «Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка». Вероятно, Тургенев пишет о новом издательском проекте Солдатенкова, который, однако, не осуществился.
[7] С конца 1861 г. А. Ф. Писемский, в качестве редактора «Библиотеки для чтения», вел полемику с «Искрой». Полемика перешла в резкие взаимные выпады личного характера, в результате чего редакторы «Искры» В. С. Курочкин и Н. А. Степанов вызвали Писемского на дуэль. Писемский от дуэли отказался, но это столкновение подействовало на него угнетающим образом, и он в крайне подавленном душевном состоянии выехал в апреле или в начале мая 1862 г. за границу. Маркович встретилась там с ним, о чем писала Тургеневу 20 июня (2 июля) 1862 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 297).
[8] Кого подразумевает Тургенев — не установлено. В письме к Тургеневу от 20 июня (2 июля) 1862 г. (на которое он отвечает этим письмом) Маркович писала: «У меня еще есть знакомые новые — один из Нежина, другой из Грузии». Возможно, речь идет об И. В. Лашнюкове и М. Л. Налбандяне (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 297, 298, примеч. Н. Е. Крутиковой).
[9] Позднее Тургенев писал о своих тогдашних переживаниях в заметке «По поводу „Отцов и детей“»: «Я испытал тогда впечатления хотя разнородные, но одинаково тягостные. Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов» (наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 87). См. также письма 1342 и 1343.
[10] По-видимому, реминисценция из трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» (слова Моцарта: «Но божество мое проголодалось»).
[11] «Пустяки» и «Скрипка» (см. примеч. 4).

1359. М. А. Языкову (с. 89)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2860.
Впервые опубликовано: Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. С. 44—45.

[1] Это письмо М. А. Тургенева неизвестно.
[2] Языков был управляющим питейно-акцизными сборами Тульской губернии. О месте по акцизу для М. А. Тургенева, очевидно, и идет речь в настоящем письме.
[3] Записка Тургенева к М. А. Тургеневу неизвестна.

1360. **П. В. Анненкову** (с. 90)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 7—8, где окончание письма отсутствует.
Подлинник неизвестен.

Стр. 91. из того же теста *(лат.)*.

[1] Это письмо Анненкова см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 29—30.
[2] См. письмо 1343, примеч. 2.
[3] По принятой официальной версии, основанной на летописном сказании о «призвании варягов» в Новгород, началом Русского государства считался 862-й год. Тысячелетие России праздновалось поэтому в 1862 г. Тургенев намекает на ряд политических событий этого года, свидетельствовавших об усилении правительственной реакции в ее борьбе против революционного движения.
[4] Это — ответ на слова Анненкова в письме от 19 июня (1 июля) 1862 г. Анненков писал, что в связи с петербургскими пожарами правительству необходимо «сохранить спокойствие и хладнокровие», на что «все мы — темные и тайные его приверженцы — и надеемся» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 29 об.).
[5] См. письмо 1353, примеч. 7.
[6] См. примеч. 4 к письму 1341, а также письма 1342, 1343.
[7] Тургенев имеет в виду годы царствования Николая I (1825—1855).
[8] См. письмо 1348, примеч. 2.
[9] См. письмо 1345, примеч. 4.

1361. **В. Я. Карташевской** (с. 92)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 35.
Впервые полностью опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 26. Небольшой отрывок и частичный пересказ приведены в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 216).

[1] Карташевская летом обычно уезжала на Украину, в свое имение Липов Рог, Черниговской губернии, или в Туровку — имение ее родственников, Марковичей, в Полтавской губернии.
[2] Имеются в виду письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 19 июня ст. ст. 1862 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 29—30) и ответное письмо Тургенева от 12(24) июля 1862 г. (№ 1360).

1362. **Н. А. Серно-Соловьевичу** (с. 92)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 54, л. 16.
Впервые опубликовано: Былое, 1906, № 10, с. 92—93.

[1] См. письма 1336 и 1338.

1363. Полине Тургеневой и Марии Иннис (с. 93 и 333)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 80—81.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 575—576. Перепечатано: *Sémênoff*, p. 138—139.

[1] Скарамуччо — персонаж уличных представлений итальянской «комедии масок».

[2] Тургенев имеет в виду пожары в Петербурге в мае 1862 г. (см. письма 1341, примеч. 4, 1342, 1343, 1360).

[3] Вилла Сан-Донато в окрестностях Флоренции, принадлежавшая А. Н. Демидову, была известна своими богатыми коллекциями произведений искусства.

[4] Речь идет о маркизе Ридольфи (см. письмо 1330).

[5] М. Иннис коллекционировала марки.

1364. Полине Тургеневой (с. 94 и 334)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 82—83.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 576—577. Перепечатано: *Sémênoff*, p. 139—140.

[1] См. письмо 1363.

[2] В Брюсселе жила племянница Хоакины Гарсиа — Антония Леонар.

1365. М. А. Языкову (с. 95)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 449.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 109—110.

[1] См. письмо 1359.

[2] Языков определил П. Т. Кудряшова помощником акцизного надзирателя в Чернском уезде Тульской губернии, недалеко от Спасского. См.: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 109—110, сноска; Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. С. 45—46; ср. также в письме Тургенева к Языкову, № 1370.

1366. М. Н. Каткову (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/17.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 44—45.

[1] См. письмо 1318, примеч. 3.

[2] Вероятно, речь идет об анонимной статье под названием «Роман Тургенева и его критики», которая была опубликована в «Русском вестнике» (1862, № 5). Продолжением ее явилась статья «О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева», также напечатанная в журнале Каткова без подписи (1862, № 7). Тургенев должен был быть удовлетворен мнением анонимного рецензента «Русского вестника» об «Отцах и детях», писавшего, что «всё в этом произведении свидетельствует о созревшей силе этого первоклассного таланта: ясность идей, мастерство в обрисовке типов, простота в замысле и ходе действия ⟨...⟩ ничего лишнего, ничего задерживающего, ничего постороннего» (*Рус Вестн*, 1862, № 5, с. 393).

1367. И. И. Маслову (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 10. Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 111.

1368. Н. Х. Кетчеру (с. 97)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185.41, п. 6. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 68.

[1] Речь идет об отдельном издании «Отцов и детей». См. письмо 1348, примеч. 2.

[2] Как свидетельствует письмо к И. И. Маслову (№ 1373), Тургенев вел переговоры с Д. Е. Кожанчиковым и М. О. Вольфом о продаже отдельного издания «Отцов и детей».

[3] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Благодарность» (1840).

1369. Д. Я. Колбасину (с. 97)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73. Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 111—112.

[1] Письмо Колбасина из Каменец-Подольска от 8 (20) июля 1862 г. хранится в *ИРЛИ* (ф. 7, № 143, п. 29); отрывок из него опубликован: *Т и круг Совр*, с. 361.

[2] Колбасин служил в Каменец-Подольске по Департаменту уделов. С просьбой об устройстве П. Т. Кудряшова на службу Тургенев обращался и к М. А. Языкову (см. письмо 1365).

[3] На подлиннике письма — помета Колбасина: «Отв⟨ечено⟩ 10 августа дяде Н⟨иколаю⟩ Н⟨иколаевичу⟩».

[4] В письме от 6 (18) июля 1862 г. Е. Я. Колбасин писал: «Вчера, дорогой Ив⟨ан⟩ Сер⟨геевич⟩, я почему-то вспомнил наше первое знакомство, потом — Ваше сидение в полицейской части, в сибирке, посещение или, лучше сказать, запрещенный визит к Вам мой, брата и Миницкого; разговор Ваш с нами через окно, на набережной Екатерининского канала, когда Вы выглядывали подобно узнику из своего высокого и непривлекательного заточения, и т. д. и т. д. Многое вспомнилось мне» (*ИРЛИ*, № 5800).

1370. М. А. Языкову (с. 98)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2860.

Впервые опубликовано: Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. С. 45—46.

[1] Именем Любима Торцова — персонажа из комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» — Тургенев называет своего двоюродного брата, неудачника, М. А. Тургенева: см. письма 1359 и 1365.

[2] См. письмо 1365, примеч. 2.

1371. В. Я. Карташевской (с. 99)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 37.

Впервые опубликовано полностью: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 35. С пропуском начала и последних трех фраз приведено в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 216).

[1] Речь идет о фотографическом портрете И. С. Тургенева работы С. Л. Левицкого. Писатель изображен на нем сидящим в кресле, с книгой в руке. Экземпляр его с дарительной надписью-автографом «Варваре Яковлевне Карташевской на память от Ив. Тургенева. Июль 1862» хранится в *ГЛМ*; воспроизведен: Бюллетень Государственного литературного музея, № 1, И. С. Тургенев. Рукописи, переписка, документы. Журнально-газ. объединение. М., 1935, фронтиспис.

[2] Имеется в виду отдельное издание романа «Отцы и дети» (М., 1862). См. письмо 1398, примеч. 2.

[3] Семейный портрет, о котором говорится в письме, неизвестен. На нем, по всей вероятности, были изображены В. Я. Карташевская, ее муж Владимир Григорьевич, их десятилетняя дочь Надя и родственница Карташевской — Г. А. Анненкова.

1372. **Н. Х. Кетчеру** (с. 99)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185.41, п. 7.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 69, с редакторской датировкой — 2 августа 1862 г., которая, однако, требует исправления на основании следующих данных. Тургенев выехал из Спасского 31 июля (12 августа) 1862 г. (см. письмо 1371) и 1 (13) августа должен был приехать в Москву; 4 (16) августа он был уже в Петербурге, где пробыл один день (см. письмо 1379), т. е. выехал из Москвы 3 (15) августа (см. письмо 1373). Из содержания письма видно, что оно написано не в первый день приезда в Москву, следовательно — 2 или 3 (14 или 15) августа.

[1] Эта фраза в отдельном издании «Отцов и детей» (М., 1862, с. 240) была исключена.

[2] В отдельном издании 1862 г. на с. 99 вместо «нарочно» было ошибочно напечатано «ненарочно». Пояснительная фраза в это издание включена не была. Она появилась в последующих изданиях, где читаем: «...как дети говорят — нарочно, то есть не просто, не естественно» (см.: Тургенев И. С. Сочинения (1844—1864). Карлсруэ, 1865. Т. 5. С. 145).

1373. **И. И. Маслову** (с. 100)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 12.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 112—113.

[1] Писатель М. В. Авдеев, автор посвященного Тургеневу романа «Подводный камень» (1860), был действительно арестован в 1862 г. в связи с делом М. Л. Михайлова и выслан в Пензу, а затем в свое имение Оренбургской губернии. После майских петербургских пожаров 1862 г. последовала новая волна правительственных репрессий. В числе арестованных был Н. Г. Чернышевский, начались аресты по «делу 32-х» (Н. А. Серно-Соловьевич, А. И. Ничипоренко и др.). Слухи об этих событиях и имеет в виду Тургенев.

[2] На Н. Х. Кетчера Тургенев возложил заботы о печатании отдельного издания романа «Отцы и дети» (см. письмо 1348). Писатель был озабочен тем, чтобы тираж издания разошелся как можно скорее, и потому сам вел переговоры с книгопродавцами Д. Е. Кожанчиковым и М. О. Вольфом.

[3] «Русский вестник», куда Тургенев передал стихотворения молодого поэта К. К. Случевского, отказался их печатать (см. письма 1319, 1327); поэтому они были переданы в журнал «Время», но и там не появились.

1374. **М. А. Маркович** (с. 100)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 47.
Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 94.

[1] См. письма 1336, 1341, 1362.
[2] Н. А. Серно-Соловьевич был арестован одновременно с Чернышевским 7 июля ст. ст. 1862 г. и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.
[3] См. письма 1340, 1341 и 1358.

1375. **Н. Н. Рашет** (с. 101)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 5.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 685.

[1] Речь идет о К. К. Случевском.
[2] См. письмо 1373, примеч. 3.

1376. **А. И. Герцену** (с. 102)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 67—68.

Впервые опубликовано: Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 6. Перепечатано: *Письма к Герцену*, с. 148—149.

[1] Письмо Герцена от 22 августа н. ст. 1862 г. (*Герцен*, т. 27, с. 252). Письмо Тургенева, на которое отвечал Герцен, неизвестно.
[2] 22 августа н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Читал ли ты ряд моих посланий к тебе („Концы и начала") — доволен ли ими, али прогневался,— прошу сказать» (*Герцен*, т. 27, с. 252). «Концы и начала» — ряд статей Герцена в форме писем к Тургеневу (имя которого, однако, не называлось), печатавшихся в «Колоколе». Возражения Тургенева на «Концы и начала» см. в его последующих письмах к Герцену. Эта полемика Тургенева с Герценом о судьбах России и путях ее развития нашла отражение в романе «Дым». Первые две статьи «Концов и начал» напечатаны в л. 138 и 140 «Колокола» 1862 г. (от 1 июля и 1 августа). См. об этом: Винникова И. А. Полемика И. С. Тургенева с А. И. Герценом в 1862—1863 годах // Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. Вып. 3. / Под ред. Е. И. Покусаева и Н. М. Чернышевской. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1962. С. 107—125; Бялый Г. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962. С. 171—173.
[3] Набросок ответа, начатого Тургеневым, неизвестен.
[4] 22 августа н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Посылаю прошлый лист и тотчас пришлю завтрашний — да и подожду ответа» (*Герцен*, т. 27, с. 252). Герцен имел в виду л. 141 и 142 «Колокола» 1862 г.
[5] «Молодая Россия» — подпольно изданная в Москве, в мае 1862 г., революционная прокламация, призывавшая к восстанию, свержению существующего строя и истреблению его сторонников, т. е. к революционному террору. Авторы прокламации упрекали

Герцена за отказ от революционных методов борьбы, на что Герцен, полемизируя с ошибочными, по его мнению, положениями «Молодой России», отвечал дважды: в статьях «Молодая и старая Россия» (Колокол, 1862, л. 139, 15 июля) и «Журналисты и террористы» (Колокол, 1862, л. 141, 15 августа). Тургенев в настоящем письме имеет в виду вторую из этих статей, в которой Герцен писал о «Молодой России»: «Она думает, что „мы потеряли всякую веру в насильственные перевороты“. Не веру в них мы потеряли, *а любовь к ним*». Далее Герцен, вспоминая опыт французской революции конца XVIII века, писал о том, что во Франции «террор нанес революции страшнейший удар», что «французский террор всего менее возможен у нас» и что «никакое меньшинство из образованных не может сделать у нас неодолимого переворота без власти или без народа» (*Герцен*, т. 16, с. 221, 222, 224). Тургенев мог разделять замечания, высказанные Герценом в этой статье, о том, что народ думает не о революции, а только о земле, от кого бы она ни досталась ему — от революции или от царя, а также мысль Герцена о том, что «власть царская» при сложившихся в России обстоятельствах могла бы стать «властью народной» и тогда оказался бы ненужным революционный путь, хотя для этого власть должна понять свое положение и «сделать выбор между кормилом народной державы и илом морского дна».

[6] В «Колоколе» (1862, л. 139, 15 июля) было помещено следующее объявление «От издателей»: «Мы предлагаем издателям „Дня“, „Современника“, „Русского слова“ и издателям журналов, которые будут запрещены вследствие политического террора в России, продолжать их издание в Лондоне. На первый случай мы готовы печатать, если это будет нужно, на свой собственный счет, без всякого вознаграждения» (*Герцен*, т. 16, с. 214). В условиях реакции 1862 г. и тотчас после запрещения «Дня», «Современника» и «Русского слова» предложение Герцена могло действительно навлечь на издателей запрещенных журналов тяжелые политические обвинения.

[7] Из членов семьи Елагиных, близкой к славянофилам, Тургенев, всего вероятнее, имеет в виду В. А. Елагина.

[8] В августе 1862 г. Гарибальди начал поход на Папскую область с целью свержения папской власти и объединения Италии на республиканских началах.

[9] Указание на гибель республиканца Брута в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

1377. **М. А. Маркович** (с. 103)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 48—49.
Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 94—95.

[1] Тургенев отвечает на письмо к нему Маркович из Парижа, датируемое временем около 13 (25) августа 1862 г., в котором она писала: «Вы мне всё радости даете — знаю теперь наверно, что вы живы и целы. Мне Буткевич написала, что вы умерли, что в газете напечатано — а в тот же день я получила ваше письмо из Спасского, но все еще неспокойно было — вы могли умереть после, ваше письмо прежде было послано, чем известие напечатано об смерти» (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 298). Происхождение ложных слухов о смерти Тургенева было связано со смертью А. М. Тургенева, дальнего родственника писателя и отца О. А. Тургеневой (там же, с. 299). См. также: Назарова Л. Н. Тургенев и О. А. Тургенева // *Т сб*, вып. 1, с. 293—299.

[2] См. письмо 1338.

[3] См. письмо 1336. Цензурное разрешение на выход повести С. М. Буткевич «Дневник девочки» было дано 10(22) сентября 1862 г.

[4] О толках, вызванных романом «Отцы и дети», Тургенев сообщал Маркович 10(22) июля 1862 г. (см. № 1358, примеч. 9).

[5] Это письмо Тургенева к г-же Риччи неизвестно.

1378. **Н. С. Тургеневу** (с. 104)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 1. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 20 août/1 sept. 1862. Lundi. Dresde. 4 h. de l'ap⟨rès⟩ midi. Répondu le 21 août/ 2 sept.» («Получено 20 августа/1 сент. 1862. Понедельник. Дрезден. 4 ч. пополудни. Отвечено 21 августа/2 сент.»).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 42.

[1] Письмо Тургенева к брату и ответное письмо последнего неизвестны.

[2] Н. С. Тургенев проходил курс лечения в Боппарде (недалеко от Кобленца). 18 (30) сентября 1862 г. он приехал к брату в Баден-Баден (см. письмо его к жене от 19 сентября (1 октября) 1862 г.— *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 111).

[3] Н. С. Тургенев в письме от 19 сентября (1 октября) 1862 г. из Баден-Бадена, после свидания с братом, сообщал А. Я. Тургеневой (приводим текст в переводе с французского): «Я нашел Ивана очень изменившимся — он стал теперь старше, чем я, и сделал мне признания, какие можно сделать только брату. У меня нет времени говорить тебе о них теперь, оставим это до нашей встречи, которая должна состояться *6 октября*... Сегодня Иван ведет меня обедать к г-же Виардо, которая поселилась в Баден-Бадене,— *Куртавнель продан два года назад, и это-то привело Ивана к тому, что он избрал своей резиденцией Баден-Баден*» (*ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 111). И в конце письма (по-русски): «Да! много, много нового расскажу тебе».

1379. **М. А. Маркович** (с. 104)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 50—51.

Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 95—96.

[1] О Бенни ходили ложные слухи, что он был агентом III отделения (см. письмо 1432, примеч. 9).

[2] В июньской книжке «Русского вестника» за 1862 г. (с. 834—852) была помещена анонимная статья «Заметка для издателя „Колокола“» с резкими выпадами против Герцена. Бенни выступил в печати в защиту Герцена со статьей «Grattez (l'anglomane) russe et vous trouverez le tartare», напечатанной за подписью А. Б. в газете «Северная пчела» (1862, № 203, 29 июля). Герцен писал по этому поводу Е. В. Салиас де Турнемир: «Брань Каткова я знаю по статейке Бенни в мою защиту» (письмо от 21 августа н. ст. 1862 г.— *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 251) — и Тургеневу: «Я еще не удостоился прочтения „Рус⟨ского⟩ вест⟨ника⟩“, но статью Бенни в „С⟨еверной⟩ пч⟨еле⟩“ видел» (письмо от 22 августа н. ст. 1862 г.— там же, с. 252). Бенни был деятельным сотрудником «Северной пчелы», и Тургенев, очевидно, имел в виду именно это издание, когда писал о журнале.

[3] Имеются в виду жившие в Париже, где в это время находи-

лась М. А. Маркович, К. И. Бенни, Н. И. и А. А. Трубецкие М. Турнер. Письмо Тургенева к последней неизвестно.

[4] Гарибальди действительно был ранен и взят в плен в битве при Аспромонте войсками короля Виктора Эммануила 28 августа 1862 г. при попытке завладеть Римом.

[5] Неточная цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

[6] М. А. Бакунин приезжал в Париж в начале августа н. ст. 1862 г. (см.: *Письма к Герцену*, с. 80) и в конце того же месяца вернулся в Лондон (см.: Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 181).

[7] Кого из знакомых украинцев в Баден-Бадене имеет в виду Тургенев — не установлено.

1380. **А. А. Фету** (с. 105)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 80—81.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 403—404.

Стр. 105. дражайший *(итал.).*

[1] См. письмо 1379, примеч. 4.

[2] См. то же сравнение Гарибальди с Брутом в письме 1376.

1381. **Жюлю Этцелю** (с. 106 и 335)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, P.I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Parmênie*, p. 398.

[1] Речь идет об издании «Сказок» Перро. См. письмо 1356, примеч. 3, 4.

1382. **Н. В. Ханыкову** (с. 107)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 292—293.

[1] Ханыков в 1860 г. был командирован в Париж для обработки материалов Хорасанской экспедиции (1858—1859), начальником которой он был. Тургенев с Ханыковым в Париже встречались регулярно. С конца 1860 г. Тургеневым был заведен обычай раз в неделю обедать в ресторане Вефура (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1109 и примеч. к нему).

[2] К. Д. Кавелин в это время находился в Париже по заданию министра народного просвещения А. В. Головнина (см. письмо 1297, примеч. 3).

[3] См. письмо 1377, примеч. 1.

[4] Разновидность игры в рулетку.

[5] Речь идет об Адаме Антоновиче Арцимовиче.

[6] Гр. Е. Е. Ламберт в это время в Париж не приезжала.

1383. **Неизвестному** (с. 107)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1282, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и И, Письма*, т. V, с. 46.

Стр. 107—108. дело только отложено *(франц.).*

[1] Герольдсау (Heroldsau) является частью Герольдсека (Heroldseck) — имперского графства, находящегося недалеко от Баден-Бадена.

[2] Писатель гр. В. А. Соллогуб жил в это время в Баден-Бадене.

1384. **М. А. Маркович** (с. 108)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9530, л. 52—53.
Впервые опубликовано: *Мин Г*, 1908, № 8, с. 96.

[1] Тургенев отвечает на письмо Маркович от 21—22 августа (2—3 сентября) 1862 г.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 301.

[2] По словам Герцена, М. А. Бакунин своей главной задачей в это время ставил освобождение всех славян и объединение их в федеративное всеславянское государство (см.: *Герцен*, т. 11, с. 353—361).

[3] Тургенев говорит о русских эмигрантах в Гейдельберге, впоследствии изображенных им в романе «Дым». В письме к Герцену от 5 (17) мая 1867 г. он назвал сцены у Губарева в романе «Дым» «гейдельбергскими арабесками» (см. наст. изд., Письма, т. 7).

[4] Князь — Н. А. Орлов, женатый на дочери Трубецких, Екатерине Николаевне.

1385. **Н. В. Ханыкову** (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.
Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 293.

Стр. 110. «Султан! Услышать — значит повиноваться!» *(англ.)*.

[1] Очевидно, здесь Тургенев в шутливой форме говорит о получении книги немецкого путешественника XV века Иоганна Шильтбергера, описавшего свое путешествие в Персию, Хорасан и Самарканд в сочинении, впервые напечатанном в 1494 г.; Тургенев знал его, вероятно, по мюнхенскому переизданию 1859 г.: Schiltberger Johann. Reisen in Europa, Asia und Africa, 1397—1427. München, 1859. Оно могло интересовать Ханыкова в связи с его работой над материалами Хорасанской экспедиции (см. письмо 1382, примеч. 1). О сочинении Шильтбергера см. в кн.: Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей./Предисловие, редакция и комментарии М. П. Алексеева. 2-е изд. Иркутск, 1941. С. 50.

[2] Вольная цитата из «Абидосской невесты» («The bride of Abydos») Байрона. У Байрона: «Pasha! to hear is to obey» (Песнь первая, стих 44).

[3] См. письмо 1382, примеч. 5. Ответное письмо Ханыкова, которое имеет в виду Тургенев, неизвестно. Старший брат — Виктор Антонович Арцимович.

[4] Писал ли Тургенев к Арцимовичу, неизвестно.

1386. **В. Ф. Лугинину** (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 210, л. 1—2.
Впервые опубликовано: Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 6—7. Перепечатано: *Письма к Герцену*, с. 152—154.

[1] 22 сентября н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Рекомендую тебе превосходного человека — Лугинина, очень дельный и энергический человек, поговори с ним насчет адреса. Мы согласны» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 254). Проект «адреса» — письма, обращенного к Александру II,— был составлен Огаревым и одобрен Герценом и Бакуниным, стремившимися заручиться поддержкой в этом деле со стороны русской интеллигенции и прогрессивных кругов дворянства. В основу адреса была положена мысль о необходимости созыва «общего Земского Собора», так как царь и его правительство, по определению автора проекта адреса, оказались «не в силах постановить ясные и определенные преобразования». «Положением о крестьянах» правительство, «не распутав окончательно старого узла, навязало к нему так много новых петлей, что, если теперь не поспешить распутать их общими народными силами, узел в скором времени затянется до того, что его разве мечом или топором перерубишь, а не развяжешь работою мирных рук» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 481—485). Критические замечания Тургенева о проекте адреса в какой-то мере были учтены лондонской эмиграцией при дальнейшей работе над ним. Огарев, например, писал Лугинину 30 октября н. ст. 1862 г.: «Из поправок и вставок вы увидите, что, может, И. С. ⟨Тургенев⟩ удовлетворится более. Между нами будь сказано, он на меня дуется года 4 из-за пустых причин, и мое участие — ему рекомендация против...» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 489—490). Однако Герцен, Огарев, Бакунин вскоре совсем отказались от идеи адреса. Текст адреса был впервые опубликован М. П. Драгомановым (см.: *Письма к Герцену*, с. 155—159); более точную публикацию того же документа см. в издании: *Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 481—485.

[2] Т. е. передать его Герцену, Огареву и Бакунину.

[3] Тургенев имеет в виду следующее место адреса: «Крестьянин не уверен, что он завтра сохранит землю, которую обрабатывал сегодня. Толки об уставных грамотах, в которых он не без основания боится быть обманутым и своею подписью отказаться от собственных выгод и лучшей будущности, отнимают у него время и охоту для обработки собственных полей. Выкуп обременительный и невозможный по способу, принятому „Положением", подвигается относительно целого населения в размере булавочных головок и не успокаивает народа» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 482). Этим доводам Тургенев противопоставляет официальный материал, почерпнутый из правительственной газеты «Северная почта». Он, в частности, имеет в виду информационную статью о крестьянском вопросе «Сведения, полученные в течение августа» (Северная почта. 1862. № 204. 20 сентября), в которой сообщалось: «Уставных грамот, в течение месяца, представлено 16 536 ⟨. . .⟩, что, вместе с прежними, составляет ⟨. . .⟩ 71 212 ⟨. . .⟩ До настоящего времени выкупных сделок поступило ⟨. . .⟩ 1039 ⟨. . .⟩ Введение в действие уставных грамот последовательно возрастает. В течение ⟨. . .⟩ трех месяцев было введено в действие 24 184 уставные грамоты...» И наконец: «...можно надеяться, что к назначенному сроку, до истечения которого остается около полугода, грамоты будут введены в действие повсеместно». Замечания Тургенева не убедили лондонскую эмиграцию. 30 октября н. ст. 1862 г. Огарев писал Лугинину о Тургеневе: «У него составились отменные понятия; например, уставные грамоты скоро будут подписаны. Брат К⟨ельсиева⟩ писал к нему 2 недели назад, тоже и теперь пишет, что он не понаслышке, а на деле увидел, что крестьяне их знать не хотят и подписываются они без их согласия и т. д.» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 490).

[4] Подразумевается «Положение» 19 февраля 1861 г. об условиях отмены крепостного права.

[5] Тургенев, по всей вероятности, имеет в виду следующее место адреса, которое действительно могло найти сочувствие у крепостников: «Вследствие запутанности „Положения о крестьянах“, дворянство остается без вознаграждения за утраченное, без пособий для работы и, смело скажем, без пособий для пропитания ⟨...⟩ Правительство В. В⟨еличе⟩ства, вместо пособия дворянству, поспешило отнять у него помощь обычного казенного кредита и чрез это лишило дворянство последнего доверия со стороны народа, потому что никто не идет работать по найму к помещикам, которые не в состоянии заплатить за работу» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 482).

[6] См. в адресе: «Барщина стала невозможною,— помещичьи земли остаются необработанными» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 482).

[7] Тургенев имеет в виду следующее место адреса: «Таким образом земля русская остается невозделанною» (*Герцен*, *Лемке*, т. 15, с. 482). См. также примеч. 3.

[8] Публикуя это письмо, М. П. Драгоманов писал: «Бакунин перед самым побегом из Сибири писал Герцену письма, в которых самым отрицательным образом относился к русскому образованному обществу, начиная от дворянства и кончая литературой ⟨...⟩ и все надежды возлагал просто на крестьянский топор» (Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 5). Так, например, еще 8 декабря 1860 г. Бакунин писал Герцену из Иркутска, характеризуя русскую общественную жизнь как «царство теней», от которых нельзя «ждать чудес»: «Я ничего не жду от известных в литературе имен, верю же в спящую силу народа, верю в среднее сословие,— не в купечество, оно гнилее даже дворянства,— но в фактическое, официально не признанное среднее сословие, образующееся постоянно из отпускных людей, приказчиков, мещан, поповских детей — в них сохранились еще и русский сметливый ум, и русская удалая предприимчивость... Страшна будет русская революция, а между тем поневоле ее призываешь, ибо она одна в состоянии будет пробудить нас из этой гибельной летаргии к действительным страстям и к действительным интересам. Она вызовет и создаст, может быть, живых людей, большая же часть нынешних известных людей годна только под топор» (Б а к у н и н М. А. Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1907. С. 181, 182).

[9] Мысль об адресе Александру II занимала Тургенева и раньше (см. наст. изд., Письма, т. 4, Офиц. письма и делов. бумаги, № 25).

[10] См. письмо 1387, примеч. 16.

[11] О дальнейших встречах Тургенева с Лугининым сведений нет. 4 (16) октября 1862 г. Тургенев уже был в Гейдельберге — см. его письмо к Герцену (№ 1390), отправленное в этот день.

1387. **А. И. Герцену** (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 69—70.

Впервые опубликовано: Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 7. Перепечатано: *Письма к Герцену*, с. 160—162.

Стр. 113. по преимуществу *(франц.).*
Стр. 114. Идет? *(нем.).*
Стр. 114. Сказал и душу свою спас *(лат.).*

[1] Речь идет о письме к В. Ф. Лугинину (№ 1386). Оно, по-видимому, было написано в один день с письмом к Герцену (оба помечены 8 октября н. ст.) и послано уезжавшему в Лондон Лугинину для передачи Герцену, настоящее же письмо, отправленное по почте, должно было прийти в Лондон позднее.

[2] Подразумеваются «Концы и начала» Герцена. К моменту, когда писалось это письмо, Тургеневу уже были известны четыре письма из этой серии и «постскриптум к четвертому письму» (см.: Колокол, 1862, л. 138, 1 июля; л. 140, 1 августа; л. 142, 22 августа; л. 144, 8 сентября; л. 145, 15 сентября).

[3] Сначала предполагалось, что Тургенев свои ответы на «Концы и начала» будет помещать в «Колоколе» (см. письмо 1376). Полученное Тургеневым «предостережение» было, вероятно, сделано ему устно русским послом во Франции гр. П. Д. Киселевым, который в августе н. ст. 1862 г. был в Баден-Бадене и там, несомненно, встречался неофициально с Тургеневым (осенью того же года русским послом в Париже, вместо Киселева, стал бар. А. Ф. Будберг. См.: Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 3. С. 296—327).

[4] См. начало «Письма первого» «Концов и начал»: «Итак, любезный друг, ты решительно дальше не едешь, тебе хочется отдохнуть в тучной осенней жатве, в тенистых парках, лениво колеблющих свои листья после долгого знойного лета» и т. д. (*Герцен*, т. 16, с. 131).

[5] Цитата из «Ревизора» (д. IV, явл. 13).

[6] Тургенев в данном случае высказывает мысль, близкую к суждениям В. Г. Белинского об исторической роли народных масс и «образованного меньшинства». См., например, рецензию Белинского на IV книжку «Сельского чтения, издаваемого князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким. СПб., 1848» (*Белинский*, т. 10, с. 366—371); ср.: Кийко Е. И. Белинский в «Современнике»: Общественно-политические взгляды // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 171, серия филолог. наук. Л., 1954. Вып. 19. С. 71—74.

[7] Вот, например, что писал Герцен в «Письме втором» «Концов и начал» о последствиях «господства лавки и промышленности», т. е. буржуазии, в Западной Европе: «Ясно, что кормчий этого мира будет купец и что он поставит на всех его проявлениях свою торговую марку... Вместе с его господством разовьется понижение всего нравственного быта, и Ст. Милль, например, вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния» (*Герцен*, т. 16, с. 147—148).

[8] О земстве и земском соборе в особенности много говорили и писали Н. П. Огарев и М. А. Бакунин. См., например, статью Огарева «Что надо делать народу?» и брошюру Бакунина «Романов, Пугачев или Пестель?». Этой же идеей был пронизан составлявшийся тогда в Лондоне проект адреса Александру II (см. письмо 1386, примеч. 1).

[9] Тургенев имеет в виду родовую теорию происхождения государства, одним из авторов которой был К. Д. Кавелин. Эту теорию Тургенев критиковал и раньше — см., например, письмо к К. С. Аксакову от 16 (28) января 1853 г.: наст. изд., Письма, т. 2, № 252.

[10] Речь идет об исторических и публицистических работах А. П. Щапова, одного из виднейших деятелей революционно-демократического движения 1860-х годов (см.: Нечкина М. В.

А. П. Щапов в годы революционной ситуации // *Лит Насл*, т. 67, с. 645—668), на которые внимание Тургенева обратил Герцен, с большим интересом следивший за литературной деятельностью Щапова (осенью 1861 г. Герцен писал Щапову: «Ваш свежий голос, чистый и могучий, теперь почти единственный, отрадно раздается среди разбитых и хриплых голосов современных русских писателей и глубоко западает в душу». См.: Аристов Н. Я. А. П. Щапов. СПб., 1883. С. 74). Еще в письме от 8 (20) февраля 1862 г. Герцен спрашивал Тургенева: «Читал ли статью Щапова в „Отечественных записках"?», имея в виду статью «Земство и раскол (с XVIII столетия)» (*Отеч Зап*, 1861, № 12; *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 213). Кроме этой статьи, которую Тургенев, вероятно, и подразумевает в публикуемом письме в первую очередь, говоря, что он «потрудился над Щаповым», ему могли быть известны и другие статьи Щапова, появлявшиеся почти в каждом номере журнала «Век» (1862), периодического издания, выпускавшегося артелью писателей,— в частности такие, как «Сельская община», «Земство», «Земские соборы XVII столетия» и т. д. Большая часть этих статей была откликом на обсуждение в русском обществе различных проектов буржуазных реформ.

[11] Возражая против проектов, исходивших от либералов, Щапов призывал обратиться «к самой почве нашего саморазвития», к народу, и, анализируя особенности общинного устройства, создал понятие «земства», вызвавшее полемические замечания Тургенева. «По старинному народному принципу первоначального *земского устроенья* ⟨...⟩ *земля* составляла основу всего народного бытового строя... Понятие *земли* было тождественно с понятием *людства*, *земства*, *мира*» (Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 753). Вся система управления Руси до начала XVII в. представлялась Щапову основанной на формах общинного выборного самоуправления, которые он первоначально идеализировал, преувеличивая их демократический характер. Статья «Земство и раскол», на которую Тургеневу указывал Герцен, более глубоко и последовательно развивала мысль о «расколе» как о массовом народном движении протеста и борьбы против социального гнета (см.: Коабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., 1954. С. 21—22, 82—84).

[12] Имеется в виду брошюра «Романов, Пугачев или Пестель?», где Бакунин писал о русском народе: «...воля и нужды народа — ясны, потому что в нем выработался ум крепкий и здоровый, зародыш будущей организации, и потому что злой умысел и никакая враждебная сила не были бы в состоянии бороться против соединенного могущества царя и народа». Несколько ниже, действительно «чуть не на одной странице», Бакунин писал о народе: «Революционная пропаганда еще не нашла к нему доступа и не умела еще потрясти его безумной, его несчастной веры в царя» (см.: Бакунин М. А. Полн. собр. соч. / Под ред. А. И. Бакунина. СПб.: изд. И. Балашова, 1906. Т. 1. С. 222, 223).

[13] Цитата из той же (см. примеч. 12) брошюры Бакунина «Романов, Пугачев или Пестель?» (Бакунин М. А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 221).

[14] Тургенев вспоминает о своих спорах с Герценом в Лондоне в мае 1862 г. по поводу введения в действие «уставных грамот» о новых отношениях между крестьянами и помещиками соответственно «Положению» 1861 г. Герцен ожидал, что ввести «Положение» правительству не удастся и что осуществление реформы вызо-

вет революционный взрыв. Тургенев предсказывал успех в проведении реформы. См. письмо 1386, примеч. 3.

[15] Подразумевается, вероятно, следующее место из брошюры Бакунина «Романов, Пугачев или Пестель?»: «Николаевский период развил в России очень много дряблых душ, без страсти в сердце, без живой мысли в голове, но с великолепными фразами на языке. Этим людям в последнее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дело доходит до дел, до жертвы... Их много, и они все пойдут под доктринерское знамя, под сень благодушащего правительства. Благо отступление открыто и для измены есть благовидный предлог, а для прикрытия ее великодушная фраза: „мы стоим за цивилизацию против варварства, то есть за немцев против русского народа...“» (см.: Бакунин М. А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 213—214).

[16] М. А. Безобразов обратился в 1859 г. к Александру II с «Запиской», в которой сетовал на вредоносность либеральных проектов освобождения крестьян. Безобразов доказывал, что «помещичья власть есть лучшая и сильнейшая государственная подпора», что вследствие подготовки крестьянской реформы в либеральном духе «государство ведется на гибель, как бы на пир» (*Рус Арх*, 1888, № 12, с. 610). Гр. Ф. И. Паскевич-Эриванский, будучи членом-экспертом редакционных комиссий, высказывался за освобождение крестьян без земли (см.: *Рус Ст*, 1891, № 10, с. 145—146). На замечание о них Тургенева Бакунин отозвался в письме к Герцену в октябре 1862 г.: «Он уверяет, что Паскевич и Безобразов подпишутся под нашим адресом. Эти уверения достаточно раскрывают пустословие Тургенева ⟨...⟩ Итак, если Безобразов и кн. Паскевич и подписались бы на нашем адресе, что ж из этого? Да это было бы важное дело, и не они одни,— всё тверское дворянство подпишет. Если вы с Тургеневым уладитесь быть с нами, неужели вам будет стыдно идти об руку с меньшинством тверского дворянства?» (*Герцен, Лемке*, т. 15, с. 488).

1388. **Полине Тургеневой** (с. 114 и 335)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 84.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 577. Перепечатано: *Séménoff*, p. 140—141.

[1] Речь идет, по-видимому, о приведении в порядок новой квартиры, которую М. Иннис и П. Тургенева сняли в Париже.

[2] Тургенев имеет в виду директрису и преподавательниц пансиона, в котором училась П. Тургенева.

[3] Семья Н. И. Тургенева.

1389. **Д. И. Яздовской** (с. 115)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 763, оп. 1, № 29, л. 10.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 54.

Письмо написано причудливо изогнутыми строчками в характерном для писем к Д. И. Яздовской шутливо-ироническом тоне (ср. наст. изд., Письма, т. 4, № 851).

[1] Тютчевы — Н. Н. и А. П.

[2] Письмо к Н. Н. Тургеневу о деле — вероятно, денежном — З. Ф. Балашова неизвестно.

1390. **А. И. Герцену** (с. 115)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, он. 1, № 110, л. 71—72.

Впервые опубликовано: Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 7—8. Перепечатано: *Письма к Герцену*, с. 165—167.

Стр. 116. откровенное *(нем.)*.

[1] См. письмо 1386.

[2] Речь идет о «Положении» 19 февраля 1861 г.

[3] См. письма 1386 и 1387, примеч. 8.

[4] Тургенев имеет в виду реакционные элементы в правительстве, видевшие в «Положении» подрыв значения дворянства и поэтому враждебные к реформам, следовавшим за крестьянской. В зачеркнутых строках Тургенев возражал Н. П. Огареву.

[5] «Губернскими сеймами» Тургенев называет земские учреждения, вопрос о которых в это время занимал правительство. В официозной газете «Северная почта» (1862, № 212, 30 сентября) была напечатана информационная статья «О земских, губернских и уездных учреждениях», в которой сообщалось: «Окончательная редакция проекта положения о земско-хозяйственных учреждениях ныне составляется в министерстве внутренних дел для дальнейшего внесения сего проекта на рассмотрение государственного совета».

[6] Принят был проект П. А. Валуева, утвержденный и опубликованный значительно позднее — 1 января 1864 г.

[7] Тургенев говорит о проведении в жизнь «Положения» 19 февраля 1861 г.

[8] Разбор и критика закона о губернских и уездных земских учреждениях были сделаны позднее в статье Н. П. Огарева «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (Колокол, 1864, л. 185—187). Один из существенных недостатков «Положения» Огарев видел в том, что оно составлялось не «выборными от всех уездов», хорошо знающими местную жизнь, а «министром внутренних дел на началах французского кодекса и немецкого бюрократического смысла». При этом он подчеркивал, что новый закон обрекает земские учреждения на полную зависимость от произвола губернских властей и правительства (Колокол, л. 185).

1391. **Н. Н. Рашет** (с. 117)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 6—7.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3-4, с. 686.

[1] Речь идет о К. К. Случевском.

[2] Строка из стихотворения Пушкина «Черная шаль».

[3] «Мои дамы» — П. Тургенева и М. Иннис. Это письмо к ним Тургенева неизвестно.

[4] «Concerts populaires» — концерты, которые устраивались в Париже начиная с 1861 г. с целью популяризации шедевров классической и современной музыки всех направлений.

[5] Имеется в виду Елена Рашет.

1392. **Е. Е. Ламберт** (с. 118)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 124.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 153—154.

Стр. 119. «В молодости я был слишком благоразумен» *(франц.)*.

[1] Письмо от 16 (28) июня 1862 г., в котором Ламберт писала: «...я надеюсь выехать отсюда во вторник» (*Granjard*, p. 174, L. № 46).

[2] «Основные положения преобразования судебной части в России» были опубликованы в № 214 «С.-Петербургских ведомостей» от 3 (15) октября 1862 г. Под «происшествиями нынешнего года» Тургенев подразумевает крестьянские волнения и антиправительственные политические выступления в России и Польше.

[3] С семьей Виардо.

[4] Какую «песенку Фонтенеля» имеет в виду Тургенев — выяснить не удалось.

[5] См. письмо 1345, примеч. 4.

1393. Э. Ф. Раден (с. 119 и 335)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 698, оп. 1, № 206, л. 4—5.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 59.

Датируется предположительно, на основании пометы «62», сделанной неизвестной рукой на конверте. Вел. княгиня Елена Павловна, о которой идет речь в записке, в августе 1862 г. проходила курс лечения в Рагаце (Швейцария), а затем, прожив несколько дней в Цюрихе, отправилась в Баден-Баден, куда приехала в конце сентября н. ст. (см.: Allgemeine Zeitung, 1862, № 243, 31 августа; № 268, 25 сентября). В числе лиц, сопровождавших Елену Павловну, была и ее фрейлина бар. Э. Ф. Раден. Таким образом, записка Тургенева могла быть написана в одно из воскресений второй половины сентября или 7 октября ст. ст. (14 (26) октября 1862 г. Тургенев выехал из Баден-Бадена в Париж).

1394. Э. Ф. Раден (с. 119 и 336)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 698, оп. 1, № 206, л. 16.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 59.

Датируется предположительно, на тех же основаниях, что и предыдущее письмо (№ 1393), так как написано, вероятнее всего, в тот же период. Пятница, которой помечено письмо, может означать одну из пятниц второй половины сентября или первой половины октября ст. ст.

1395. Полине Тургеневой (с. 120 и 336)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 85.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 60.

Год написания письма — 1862 — определяется тем, что именно к нему относится дата: суббота, 13 (25) октября. Кроме того, письмо написано из Баден-Бадена, откуда Тургенев выехал в Париж 14 (26) октября 1862 г. (см. письмо 1396).

1396. М. А. Бакунину (с. 120)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 209, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 168.

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему Бакунина от 23 октября н. ст. 1862 г. (*Лемке*, *Очерки*, с. 170—171).

[2] А. К. Бакунина в это время была в Иркутске; в не дошедшем до нас письме к Бакунину Тургенев обещал через своих друзей похлопотать о разрешении для нее переехать из Иркутска в Тверскую губернию, к родственникам мужа (см.: Приложение II, № 3, ответ № 4). В связи с этим Бакунин писал Тургеневу 23 октября н. ст. 1862 г.: «...если ты через своих друзей, умных и хороших, о которых ты пишешь, мне не поможешь, я, право, не буду знать, куда деваться и что делать с своим горем. Жена пишет, что она послала в Петербург просьбу о дозволении ей выехать из Сибири, или что начальство сделало запрос, наверное не знаю, потому что она говорит об этом с женскою бестолковостью» (*Лемке*, *Очерки*, с. 170). Бакуниной вскоре было разрешено переселиться в Тверскую губернию.

[3] Речь идет о М. Л. Налбандяне. В письме к Тургеневу от 23 октября н. ст. 1862 г. Бакунин писал: «Другая моя забота — Налбандов: говорят, что он был в Петропавловской крепости, а теперь пропал, никто не знает куда. Узнай, Тургенев» (*Лемке*, *Очерки*, с. 171). Налбандян был выслан в г. Камышин.

[4] Говоря о политических воззрениях, Тургенев имеет в виду свои споры с Герценом, Огаревым и Бакуниным, нашедшие отражение главным образом в его переписке с Герценом. Бакунин в письме от 23 октября н. ст. 1862 г. писал Тургеневу: «Ты прав, Тургенев, прекратим бесполезные рассуждения о вопросах политических, которые нас только раздразнивают, ссорят и ни на шаг не подвигают. Мы оба слишком стары, чтобы менять шкуру, останемся каждый при своей старой, но также останемся и друзьями» (*Лемке*, *Очерки*, с. 170).

[5] Тургенев подразумевает свое письмо к Герцену от 4 (16) октября 1862 г. (№ 1390) с критикой проекта адреса царю, на которое Герцен ответил 1 ноября н. ст. 1862 г. (см.: *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 261—262). «Последний № „Колокола“» — очевидно, л. 148 за 1862 г. (от 22 октября), в котором Герцен поместил пятое письмо «Концов и начал».

[6] См. письма 1387, 1390, а также письмо к В. Ф. Лугинину, № 1386.

[7] В «Полярной звезде» на 1862 г. (кн. 7, вып. 2) были напечатаны два отрывка из «Былого и дум» под заглавием «Два процесса» — «I. Дуэль» (дело Бартелеми) и «II. Not guilty» («Не виновен» — дело Симона Бернара). См.: *Герцен*, т. 11, с. 78—95 и 106—123—«Былое и думы», ч. VI (глава IV, раздел 1, и глава V).

1397. **Фридриху Боденштедту** (с. 121 и 336)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 450—451.

[1] 28 мая н. ст. 1862 г. Боденштедт отправил Тургеневу одновременно с письмом экземпляр журнала «Russische Revue», в котором был напечатан его перевод «Фауста» Тургенева (см.: Faust. Novelle in 9 Briefen von Iwan Turgénjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt // Russische Revue, 1 Jg., 1862, Bd. I, H. 1, S. 59—96). Этот рассказ Боденштедт перевел с французского издания «Scènes de la vie russe» (Paris, 1858).

[2] Боденштедт в ответном письме к Тургеневу от 3 ноября н. ст. 1862 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 312—313) согласился подготовить издание некоторых произведений Тургенева на немецком языке и для перевода выбрал в первую очередь следующие повести и рассказы: «Постоялый двор», «Первая любовь» и «Поездка в Полесье». Повести «Муму» и «Яков Пасынков» были уже переведены женой Боденштедта (наст. изд., Письма, т. 4, № 1263, примеч. 10). Впоследствии к этим переводам Боденштедт добавил перевод «Призраков». В середине ноября 1862 г. он начал вести переговоры о многотомном издании сочинений Тургенева на немецком языке, а 5 (17) апреля 1863 г. заключил договор с мюнхенским издателем М. Ригером, давшим согласие на выпуск трехтомного издания. Боденштедт, занятый в этот период другими литературными работами, приступил к переводу без большого увлечения (исключительно из денежных соображений). В своем неопубликованном дневнике он писал 17 апреля н. ст. 1863 г.: «Только что я заключил с издательством Ригера договор относительно переводов лучших рассказов Тургенева в трех томах. Конечно, я не взялся бы за такую работу, если бы вопрос не шел о деньгах, хотя переводы довольно плохо оплачиваются. Но лучше мало, чем совсем ничего. Я крепко тружусь над первым томом». Спрос на сочинения Тургенева в Германии в эти годы был невелик, и Ригер приостановил издание на втором томе (см.: *Erzählungen*, t. 2).

[3] Речь идет о статье Боденштедта, написанной им для «Современника», «О поэзии в Германии после Гейне»; рукопись статьи, не напечатанной в журнале, по-видимому, вследствие событий, упоминаемых далее Тургеневым (см. примеч. 4, 5, 6), затерялась в редакции «Современника» (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1263, примеч. 5) и была найдена несколько позднее (см. письмо 1421, примеч. 1).

[4] 17 ноября ст. ст. 1861 г. умер Н. А. Добролюбов, 19 февраля ст. ст. 1862 г.— И. И. Панаев.

[5] Тургенев имеет в виду арест М. Л. Михайлова 14 сентября ст. ст. 1861 г. и арест Н. Г. Чернышевского 7 июля ст. ст. 1862 г.

[6] См. письма 1353, примеч. 7, 1358, примеч. 5, и письмо 1360.

[7] Имеется в виду П. В. Анненков. См. наст. изд., Письма, т. 4, № 1263, примеч. 8, и письмо 1281, примеч. 4.

[8] Это письмо Тургенева к О. Д. Нелидовой неизвестно.

[9] Тургенев имеет в виду повесть «Фауст» в переводе Боденштедта. В оригинале: «...у ней и в молодости глаза были не детские, слишком светлы». У Боденштедта: «...sie waren in ihrer Jugend schon zu feurig für Kinderaugen» («они были у ней в молодости слишком огненны для детских глаз») (Russische Revue, 1 Jg., 1862, Bd. I, H. 1, S. 69). Этот текст без изменения Боденштедт сохранил и в двухтомном издании сочинений Тургенева на немецком языке (см.: *Erzählungen*, t. 1, S. 27 и сл.). Отступление перевода от оригинала объясняется тем, что Боденштедт переводил с французского издания 1858 г., где на с. 180 это место переведено: «autrefois ils étaient déjà trop brillants pour ressembler à des yeux d'enfant».

1398. **В. Я. Карташевской** (с. 122)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 39—40.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 63. В отрывках и пересказе приводится в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 217).

[1] Упоминаемое письмо Тургенева к П. В. Анненкову неизвестно.

[2] В *ЦГАЛИ* хранится экземпляр романа «Отцы и дети» с дарительной надписью Тургенева: «Варваре Яковлевне Карташевской на память старинной приязни от автора. Октябрь. 1862». Надпись сделана на четвертушке почтовой бумаги, наклеенной на форзац книги.

[3] См. письмо 1336, примеч. 1.

[4] Тургенев обратился к брату Карташевской, Н. Я. Макарову, служившему чиновником особых поручений при Государственном контролере, с просьбой, касавшейся каких-то его денежных расчетов с влиятельной особой — княгиней Ю. Ф. Куракиной, гофмейстериной вел. княгини Екатерины Михайловны. В чем заключалось дело — неизвестно.

1399. А. И. Герцену (с. 123)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 73—74.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 168—170.

Стр. 124. кажется очень замысловатой и новой *(франц.)*.
Стр. 124. в достойной компании *(франц.)*.

[1] Письмо Герцена к Тургеневу от 1 ноября н. ст. 1862 г. (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 261—262).

[2] «Les Misérables» — «Отверженные» — роман В. Гюго, вышедший в 1862 г., т. е. бывший тогда новинкой. К творчеству Гюго Тургенев относился отрицательно и называл французского писателя «напыщенным ритором». Слова данного письма («краткое письмецо» — «пространно порадовало») являются пародией на стиль Гюго с его пристрастием к антитезам. Об отношении Тургенева к Гюго см.: Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства // *Лит Насл*, т. 31-32, с. 868—879.

[3] Тургенев отвечает на письмо Герцена от 1 ноября н. ст. 1862 г., в котором Герцен писал: «Итак, ты вообразил, что я рассердился за адрес. Во-первых — единственное дело адреса, которое может меня поссорить с тобой,— это если ты мне не дашь адреса твоего дома. Политическим человеком я тебя никогда не считал и теперь не считаю ⟨...⟩ Напротив, то, что ты четыре раза писал объяснения, смягчения, кавзы атенуантные и консидераны ⟨...⟩ меня помирило бы с тобой и в самом деле, если б я в гневобесие взошел» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 261—262). Об адресе — см. письмо к В. Ф. Лугинину (№ 1386 и сл.). «Кавзы атенуантные и консидераны» — пародийная русская передача французских судебных терминов «causes atténuantes» — «смягчающие обстоятельства» и «considérants» — «мотивировки решения».

[4] Имеется в виду пятое письмо «Концов и начал» (Колокол, 1862, л. 148, 22 октября), где Герцен писал о безнравственности и развращенности, присущих умирающей, по его мнению, западноевропейской цивилизации. В России, наоборот, Герцен видел новый, молодой мир, с многообещающими задатками здорового развития. Наиболее четкое выражение взглядов Тургенева в его споре с Герценом см. в письме 1387. О «родовом быте славян» (намек на теорию К. Д. Кавелина) см. в этом же письме (№ 1387, примеч. 9). Философские системы Шеллинга и Гегеля были в глазах Тургенева давно пройденным этапом, который предшествовал учениям Фейербаха

и упоминаемого ниже Шопенгауэра. К политическим теориям Огарева Тургенев относился отрицательно, считая и их отжившими, как отжила республика 1848 г.

[5] Заключая свои суждения о буржуазной Западной Европе, Герцен писал в пятом письме «Концов и начал»: «Что за нравственный самум подул на образованный мир?.. Всё прогресс да прогресс, свободные учреждения, железные дороги, реформы, телеграфы?.. Много хорошего делается, много хорошего накапливается, а самум-то дует себе да дует какими-то memento mori... ⟨напоминаниями о смерти.— *лат.*⟩» (*Герцен*, т. 16, с. 171).

[6] В письме от 1 ноября н. ст. 1862 г. Герцен просил Тургенева: «Если Ханыков в Париже — то скажи ему, что если он впредь приедет ко мне, то что я умоляю его оставить адрес свой ⟨...⟩ в том городе, где я живу» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 262).

1400. **Фридриху Боденштедту** (с. 124 и 337)

Печатается по копии, присланной Ф. Боденштедтом в редакцию «Русской старины»: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 35, л. 511—512.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 451—452.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1397, примеч. 2.

[2] В двух томах немецкого издания повестей и рассказов Тургенева Боденштедт лишь частично выполнил программу, указанную автором (см. письмо 1397, примеч. 2). В это издание не вошел ни один из трех романов, а из перечисленных Тургеневым повестей были введены лишь «Постоялый двор», «Первая любовь», «Муму» и «Фауст», зато вошли переводы трех повестей, не указанных здесь Тургеневым,— «Поездка в Полесье», «Призраки», «Яков Пасынков».

[3] У Боденштедта уже было четырехтомное издание сочинений Тургенева (М., 1860—1861) (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1258, примеч. 4).

[4] См. письмо 1397.

[5] Боденштедт, по-видимому, переслал Тургеневу свою статью «Literaturbriefe aus München», опубликованную в «Bremer Sonntagsblatt» (1862. S. 241—243, 372—374).

[6] Боденштедт в письме к Тургеневу от 3 ноября н. ст. 1862 г. сообщил о смерти жены П. Гейзе (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 313).

1401. **А. И. Герцену** (с. 125)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 75—76.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 170—172.

Стр. 126. двуногие *(франц.)*.
Стр. 126. абсолютное *(нем.)*.
Стр. 126. «Европейский род» *(лат.)*.
Стр. 127. виновен *(англ.)*.

[1] Речь идет о шестом письме «Концов и начал», напечатанном в л. 149 «Колокола» от 1 ноября 1862 г., где выражение «допунические добродетели» употреблено в характеристике античного общества в период его распада (*Герцен*, т. 16, с. 175), а фраза «наука скрывает свою беременность новым искупителем — не от Иеговы, а от

Пана» содержится в характеристике современного западноевропейского общества (см. там же, с. 178).

[2] Здесь Тургенев имеет в виду не только Герцена, но и Бакунина. Последний в своей брошюре «Романов, Пугачев или Пестель?», посланной Тургеневу при письме от 5 октября н. ст. 1862 г. (см.: *Лемке*, *Очерки*, с. 169), писал о русском народе: «У него выработались свои идеалы, и составляет он в настоящее время могучий, своеобразный, крепко в себе заключенный и сплоченный мир, дышащий весеннею свежестью — и чувствуется в нем стремительное движение вперед». Брошюра заканчивалась словами: «Но мы, друзья, выдержим до конца и безбоязненно твердым шагом пойдем к народу, а там, когда с ним сойдемся, помчимся вместе с ним, куда вынесет буря» (см.: Бакунин М. А. Полн. собр. соч. /Под ред. А. И. Бакунина. СПб.: изд. И. Балашова, 1906. Т. 1. С. 225, 235).

[3] Речь идет об отставке гр. В. Н. Панина, реакционного министра юстиции, крепостника и сторонника телесных наказаний, которого Герцен неоднократно сатирически обличал в «Колоколе». Тургенев пародийно цитирует (намекая на анекдотический, всем известный высокий рост Панина) окончание басни И. И. Дмитриева «Дуб и трость» (1795). У Дмитриева:

Кто ада и небес едва не досягал —
Упал!

Герцен называет В. Н. Панина — «эта длиннейшая мера нелепости, царящей в верхнем слое нашего правительства» (статья «Панин и смешение полов».— Колокол, 1862, л. 136, 15 июня; *Герцен*, т. 16, с. 121). Узнав об отставке Панина, Герцен поместил в «Колоколе» ироническую заметку «Потеря сотрудника»: «Читатели, вероятно, примут участие в потере одного из самых неутомимых сотрудников наших,— граф Виктор Никитич Панин, доставлявший нам столько материалов, наконец пал, мужественно защищая плети и розги'» (Колокол, 1862, л. 151, 1 декабря).

1402. Н. Х. Кетчеру (с. 127)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185.41, п. 8. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 69—70.

[1] Речь идет об издании: «Народні оповідання», 2 т. Коштом П. А. Лобка. СПб., 1862. В это издание вошли: «Три долі», «Не до пари», «Два сини», «Ледащиця», «Чари».

[2] Кому Тургенев писал в Петербург о делах М. А. Маркович — неизвестно.

[3] См. письмо 1358, примеч. 6.

[4] См. письма 1358, примеч. 4, и 1408, примеч. 2.

[5] Долговая тюрьма в предместье Парижа.

[6] См. письмо 1348, примеч. 2.

1403. Е. Е. Ламберт (с. 128)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 125. Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 155—157.

[1] Письмо от 18 (30) октября 1862 г., в котором Ламберт писала: «...я заметила Ваше молчанье... Вы для меня остались дороги по-

прежнему — а я сделалась для Вас почти чужою» (*Granjard*, p. 176, L. № 47).

[2] В письме от 18 (30) октября 1862 г. Ламберт, отвечая на письмо Тургенева от 7 (19) октября 1862 г. (№ 1392), писала: «От Вас (Вам это покажется странным) я научилась тому — чего наверно нельзя было ожидать от человека, так мало занимающегося вопросами вне жизни земной, с ее грешной прелестью — научилась...— смирению — несколько лет тому назад; от Вас — язычника нерадивого, страстного, охотно сидящего в родной грязи (Вы так сами выражались) — моя высь и гордость душевная получили первую рану, лучше сказать первый урок — и слава богу.— Помня это истинное благодеяние, я Вам простила нерадение о мне — посудите ж, до какой степени Ваше письмо было для меня приятно и даже дорого» (*Granjard*, p. 176—177, L. № 47).

[3] Тургенев отвечает на следующие слова Ламберт в письме к нему от 18 (30) октября 1862 г.: «Граф Карл Карлович 〈...〉 бедный, жалкий человек — разбит судьбою и в своем несчастии никого не любит и ни в ком не нуждается.— Живет один — обходится без участия — без дружбы — без любви... и на все свои деньги не купит себе того бескорыстного, горячего чувства — которое он помял, вырвал из многих сердец, прежде ему верных. Ужели не пробьет тот час, где его душа вздохнет по чужой слезе, по чужому состраданию и перестанет томиться в холодном и гордом одиночестве» (*Granjard*, p. 177, L. № 47).

1404. **Фридриху Боденштедту** (с. 130 и 338)

Печатается по копии, присланной Ф. Боденштедтом в редакцию «Русской старины»: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 35, л. 513.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 452.

Подлинник неизвестен.

[1] Имеется в виду задуманное Боденштедтом немецкое издание произведений Тургенева (см. письма 1397, примеч. 2, и 1400, примеч. 2).

[2] Боденштедт перевел на немецкий язык рассказ «Поездка в Полесье» и напечатал его впервые под заглавием «Ausflug in die Waldregion» в «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung» (1863, № 104—110, 15—21 April). 10 мая н. ст. 1863 г. он послал Тургеневу корректурные листы этого перевода с просьбой отметить в них неудачные места. См.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 318.

[3] Тургенев имеет в виду французский перевод «Поездки в Полесье» в издании: «Scènes de la vie russe». Paris, 1858.

[4] См. письмо 1397.

1405. **А. И. Герцену** (с. 130)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 77—78.

Впервые опубликовано: Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 9. Перепечатано: *Письма к Герцену*, с. 174—175.

[1] 10 (22) ноября 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Я как-то с месяц тому написал тебе довольно злое письмо — и оставил его у себя в столе» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 264). Это письмо неизвестно.

[2] См. письмо 1401.

[3] В письме от 10 (22) ноября 1862 г. Герцен, говоря о том, что тургеневскую манеру полемизировать характеризует «замечательная метода на мне казнить других», продолжает: «Во-первых, откуда эта нетерпимость к Огар⟨еву⟩ — ведь эдакие слабости допускают одним беременным женщинам» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 265).

[4] Вероятно, Тургенев имеет в виду стихотворение Шиллера «Das verschleierte Bild zu Saïs» («Саисское изваяние под покровом»), где поэт, передавая античный миф, рассказывает о юноше, который дерзнул сорвать покров с таинственного изваяния в Саисском храме, желая узнать скрытую под ним истину — и поплатился за это жизнью. Смысл мифа — в невозможности насильственного и несвоевременного раскрытия истины. Тургенев применяет шиллеровский образ полуиронически, в смысле: накинуть покров на непреодолимые разногласия.

[5] Это — ответ на слова Герцена в письме от 10 (22) ноября 1862 г. «Замечаешь ли ты, что ты с своим Шопенгауэром ⟨...⟩ становишься нигилистом» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 264).

[6] См. письмо 1399.

[7] Намек на слова Герцена в письме от 10 (22) ноября 1862 г.: «Ты же вообще так гуманен, т. е. так мало разборчив, что мог быть другом и на „ты“ с воришкой Некрасовым, вероятно, и теперь еще знаком и с Чичер⟨иным⟩ и с Катк⟨овым⟩ — но до этого до всего мне дела нет. Напротив, я люблю гуманность, идущую до необходимости исключения знакомых самобытных — для приглашения нравственных нищих и чужеядных нахлебников...» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 264).

[8] В письме от 10 (22) ноября 1862 г. Герцен упрекал Тургенева: «Ты имеешь зуб на *молодое поколение* и грызешь им старое — благо оно ближе» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 265).

1406. А. И. Герцену (с. 131)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 79—80.

Впервые опубликовано: Свободная Россия, 1889, № 3, май, с. 9—10. Перепечатано: *Письма к Герцену*, с. 175—176.

Стр. 131. насмешек *(франц.)*.
Стр. 132. не сознавая этого *(франц.)*.
Стр. 132. довольно об этом *(итал.)*.
Стр. 132. общеизвестная истина *(англ.)*.

[1] См. письмо 1405.

[2] 17 (29) ноября 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Было время, когда сам Боткин, читая „С того берега“, и сам Кавелин, читая на том берегу, отдавали справедливость, что верная логическая мысль проведена до страшных консеквенций и что общий взгляд верен. Как удивятся они (а, может, и ты), взявши *те* статьи и *новые*,— увидев, что тщеславие и *тогда и теперь* возбуждало один и тот же порядок мыслей» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 265).

[3] См. письмо 1399.

[4] В письме от 17 (29) ноября, упрекая Тургенева в том, что его «предпоследнее письмо представляет полнейший нигилизм *устали*», Герцен писал: «...ты выехал на авторитете идеального нигилиста, буддиста и мертвиста — Шопенгауэра...» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 266).

[5] См. письмо 1405.

[6] В письме от 17 (29) ноября Герцен писал Тургеневу: «Ты меня упрекаешь, что я не отвечал на твою критику послед⟨ней⟩ статьи „Концы и нач⟨ала⟩“, и, может, жалеешь, что зашиб меня до безмолвия» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 265).

[7] В письме Герцена от 17 (29) ноября читаем: «Мне очень жаль, что ты не хочешь мне открыть тайну преследования *теорий* Огарева. Я не могу сердиться ни за какую критику, а желал бы видеть, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, с которым пунктом разбора *юридическ⟨их⟩ проектов* ты несогласен,— до тех пор бросанье каменьями в людей работающих я буду считать, если не капризом беременной женщины, то шалостью беременного мужчины. Ты меня одолжишь разбором и, может, принесешь пользу» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 266).

[8] Имеется в виду статья Огарева «Разбор основных положений преобразования судебной части в России», печатавшаяся в л. 150—154 «Колокола» (15 ноября 1862 г.— 15 января 1863 г.), из которой Тургенев в момент написания письма читал лишь половину.

[9] В л. 122-123 «Колокола» 1862 г. (от 15 февраля) было напечатано обращение М. А. Бакунина к «Русским, польским и всем славянским друзьям» и обещано продолжение в следующем номере «Колокола»; продолжение, однако, напечатано не было.

[10] Речь идет о статьях Н. П. Огарева «Расчистка некоторых вопросов» (Колокол, 1862, л. 136—138, 15 июня — 1 июля) и др.

[11] В письме от 17 (29) ноября 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Мои дочери и Miss Meysenb⟨ug⟩ будут к 15 декабря в Париже проездом во Флоренцию — прошу aide et assistance ⟨помощи и участия⟩» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 266).

1407. **Фридриху Боденштедту** (с. 133 и 338)

Печатается по копии, присланной Ф. Боденштедтом в редакцию «Русской старины»: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 35, л. 514.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 452—453.
Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1404. В ответном письме от 14 декабря н. ст. 1862 г. Боденштедт сообщал о получении 500 талеров в счет гонорара за перевод произведений Тургенева (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 314—316).

[2] Возможно, что Боденштедт послал Тургеневу свою книгу «Epische Dichtungen» (Berlin, 1862).

1408. **М. Н. Каткову** (с. 133)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/18.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 45.

[1] См. письмо 1358, примеч. 4.

[2] На письме помета Каткова: «Тетрадки взяты Соколовым. Отвеч⟨ено⟩ 7 дек. за № 137». Этот ответ Каткова Тургеневу неизвестен. См. также письмо 1402.

1409. **К издателю «Северной пчелы»** (с. 134)

Печатается по тексту первой публикации: *Сев Пчела*, 1862, № 334, 10 декабря.
В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т*, *Соч*, т. 12, с. 379—380.

Черновой автограф хранится в *Bibl Nat*, Slave, 88, описание см.: *Mazon*, p. 62; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 201.

Сотрудничество Тургенева в «Современнике» началось с момента перехода журнала в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева в 1847 г. Официальное извещение об отказе от участия в журнале Тургенев отправил Панаеву 1 (13) октября 1860 г. (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1085). Разрыв Тургенева с «Современником» был обусловлен идейными разногласиями его с Чернышевским и Добролюбовым, занявшими к этому времени руководящее положение в издании журнала. Именно так понимал вопрос Некрасов, что видно из его письма к Тургеневу от 15 января ст. ст. 1861 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 441—442). Сам Тургенев, однако, отрицал идейную подоплеку своего ухода из «Современника», объясняя его личной антипатией к Некрасову (см., например, письмо 1279).

[1] В рецензии «„Пан Тадеуш“ поэма Адама Мицкевича, перевод в стихах Н. В. Берга», подписанной «А. Ю.», автор ее, Ю. К. Арнольд, писал: «...г. Некрасов жертвует лучшими талантами былого „Современника“ гг. Тургеневым, Дружининым, Писемским, Гончаровым и Авдеевым и издает „Современник“ как орган наших обличительных и политико-экономических насущных потребностей!.. Мы только думаем ⟨...⟩, что придет пора, когда на страницах „Современника“ мы, его все-таки жаркие поклонники, снова увидим лучших его сотрудников, лучших писателей наших последнего времени...». А. Ю. (Ю. К. Арнольд) в данном случае повторил мнение редакции «Современника». Ср. объявление об издании журнала в 1862 году (*Совр*, 1861, № 10).

[2] Тургенев по этому поводу писал П. В. Анненкову 20 декабря ст. ст. 1862 г.: «...Некрасов предлагал мне 8000 р. за „Накануне“, в присутствии А. Н. Островского и Е. Я. Колбасина» (см. письмо 1412).

[3] 15 января ст. ст. 1861 г. Некрасов писал Тургеневу: «...повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне» (*Некрасов*, т. 10, с. 442).

[4] Это письмо Тургенева неизвестно.

[5] Имеется в виду статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени» (*Совр*, 1862, март) — резко отрицательный разбор «Отцов и детей» (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 436—438).

1410. **М. А. Маркович** (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 174, № 39, л. 2.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 76.

Датируется на основании письма Тургенева к Маркович от 19 (31) августа 1862 г. (№ 1379), где Тургенев писал: «Мицкевича я с Вами готов читать с удовольствием»,— и по времени их совместного пребывания в Париже осенью 1862 г. В середине декабря ст. ст. этого года Маркович уехала в Россию (см. письмо 1414).

1411. **А. И. Герцену** (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 81—82.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 177—178.

Стр. 135. Сэром Афаназиусом Фет'ом *(англ. парод.)*.

[1] Речь идет о письме Герцена к Тургеневу от 12 декабря н. ст. 1862 г. (см.: *Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 270—271).

[2] См. письмо 1406, примеч. 8, 10. Раздосадованный характеристикой статей Огарева в этом письме Тургенева, Герцен писал ему 12 декабря н. ст. 1862 г.: «Статьи читаю сам и сужу об них не по докладу Бакста» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 270). Упоминание о Баксте см. в письме 1406 (сноска на с. 132). Ср. ту же мысль в зачеркнутых Тургеневым словах письма 1390 (сноска на с. 116), намекающих на Огарева.

[3] В письме от 12 декабря н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «„Рус⟨ский⟩ вест⟨ник⟩“ поместил чисто шпионскую статью „Новые проделки наших лондонских агитаторов“ ⟨...⟩ Рядом со шпионской статьей статья *П. Анненкова* в том же „Рус⟨ском⟩ вест⟨нике⟩“ — а что, ведь, надобно сознаться, какие сукины дети — наши друзья! Ха, ха, ха!..» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 270). В «Русском вестнике» (1862, № 9) была напечатана статья «Новые подвиги наших лондонских агитаторов», с подписью: Д. П., посвященная пристрастному анализу статьи Огарева «Письмо к верующим всех старообрядческих и иных согласий и сынам господствующей церкви» («Общее вече» — приложение к «Колоколу» от 15 июля 1862 г., л. 139). Об идее общинного социализма, занимающей центральное положение в этом «Письме», автор статьи писал в издевательском тоне, обвиняя Огарева в невежестве, атеизме, разрушении основ общества, незнании народной жизни, нечестности и т. д. В том же номере «Русского вестника» была напечатана статья П. В. Анненкова «О „Минине“ и его критиках», посвященная хронике А. Н. Островского.

[4] 12 декабря н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Кетчер, Е. Корш и Бабст уговорили кретина Солдатенкова издать сборник чичер⟨инских⟩ статей, поставив во главе письмо его ко мне.— Не напечатать ли мне протест Кавел⟨ина⟩ и вас всех?» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 270). К. Т. Солдатенков издал сборник статей Б. Н. Чичерина «Несколько современных вопросов» (М., 1862), открывавшийся статьей против Герцена, опубликованной в свое время в «Колоколе» (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 759, а также: *Герцен, Лемке*, т. 9, с. 406—424).

[5] В письме от 12 декабря н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу по поводу статьи Фета «Заметки о вольнонаемном труде», содержавшей рассуждения о невежестве, нерадивости и склонности ко «лжи» русского народа (см.: *Рус Вестн*, 1862, № 3, 5): «Этот с чего ругает народ ⟨...⟩ „мы-де в нашей деревне...“ Я случайно набрел на его статью в „Вест⟨нике⟩“...» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 271). Оба корреспондента — и Герцен, и Тургенев — иронизируют над дворянско-крепостническими замашками Фета. В понятиях того времени слово «деревня» означало населенное крепостными крестьянами дворянское поместье. У Фета никогда не было крепостных «душ», и в своем имении Степановке он издавна применял вольнонаемный труд; однако в названной выше статье упоминания о деревне встречаются несколько раз (см.: *Рус Вестн*, 1862, № 5, с. 228 и др.).

[6] 12 декабря н. ст. 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Письмо это посылаю с Татой — для того, чтоб она познакомилась с твоей дочерью,— что гораздо лучше переписки отца твоей дочери с отцом моей дочери» (*Герцен*, т. 27, кн. 1, с. 270).

1412. П. В. Анненкову (с. 136)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 9, где окончание письма отсутствует.

Подлинник неизвестен.

Стр. 136. несколько строк *(англ.)*.

[1] Речь идет о «Письме к издателю „Северной пчелы“» Тургенева (*Сев Пчела*, 1862, № 334, 28 ноября (10 декабря); см. письмо 1409). В письме от 14 (26) декабря 1862 г. Анненков сообщал Тургеневу: «Письмо к ред⟨актору⟩ „Сев⟨ерной⟩ пчелы“, как вам уже, вероятно, известно, напечатано. Я осмелился выпустить только подстрочную заметку об Основском... И в теперешнем виде письмо кажется очень резким для многих... но если, по полномочию, мне данному, я решился опубликовать ваше письмо, так за то, что вопрос в нем поставлен ясно, без прикрас. Вы должны ожидать не таких нападений, но только по милости их и объяснится вполне смелое, независимое и благородное положение, принятое вами в литературе» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 58). Подстрочное примечание, за «выпуск» которого Тургенев благодарил Анненкова, гласило: «Странная игра случая! В то же самое время я получил письмо от г. Основско⟨го⟩, моего последнего издателя: и тот тоже уверял меня, что беспрестанно видит меня во сне. Будем надеяться, что ⟨...⟩ поводом к подобным сновидениям были не угрызения совести» (цит. по черновому автографу.— *Bibl Nat*, фотокопия: *ИРЛИ*).

[2] Это письмо Некрасова к Тургеневу неизвестно.

[3] В письме от 14 (26) декабря 1862 г. Анненков подробно сообщал Тургеневу свои впечатления от еще не напечатанных новых произведений: романа Писемского «Взбаламученное море», позднее опубликованного в «Русском вестнике» (1863, № 3—8), и драмы Островского «Грех да беда на кого не живет», вскоре напечатанной в журнале «Время» (1863, № 1).

[4] Имеются в виду пьесы Островского из купеческого и мещанского быта, идеализирующие некоторых его представителей, начиная с комедии «Бедность не порок»; к числу таких пьес принадлежала и драма «Грех да беда на кого не живет».

1413. **И. П. Борисову** (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 41, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 362—363.

[1] Письма Борисова от 26 октября (7 ноября) и 22 ноября (4 декабря) 1862 г. см.: *Т сб*, вып. 3, с. 363—366.

[2] Два письма к Фету, о которых говорит Тургенев, написаны, вероятно, после последнего известного нам письма (№ 1380) и до нас не дошли.

[3] Будучи в гостях у Боткиных, Фет упал с лестницы и вывихнул руку. Об этом писал Борисов в письме от 22 ноября (4 декабря) 1862 г., а также сам Фет в своих «Воспоминаниях» (см.: *Фет*, ч. 1, с. 358; *Т сб*, вып. 3, с. 365).

Редерер — марка шампанского.

[4] Борисов писал Тургеневу по поводу женитьбы Л. Н. Толстого на С. А. Берс: «Жена его, говорят, прелесть, красавица и 17 лет! ⟨...⟩ Она — прелесть хороша собой *вся*. Здраво-умна, проста и нехитроумна — в ней должно быть и много характера, т. е. воля ее у нее в команде. Он в нее влюблен до Сириусов, и поэтому ему кажется, что уже совсем переродился,— но всё это впереди, а пока он тот же» (*Т сб*, вып. 3, с. 363, 365).

[5] Семья гофмедика А. Е. Берса, отца С. А. Толстой, жила в Кремле, на казенной квартире, в доме Ордонансгауза (Комендантского управления). По-видимому, первая встреча Тургенева с будущей женой Л. Н. Толстого состоялась еще в начале 1850-х годов.

[6] Л. Н. Толстой не раз говорил и писал в письмах (к Б. Н. Чичерину, А. В. Дружинину, И. П. Борисову и др.) о своем намерении отказаться от литературной деятельности (см.: *Толстой*, т. 60, с. 316, 317, 319). Однако литературную работу он не оставлял и уже в феврале 1860 г. начал писать повесть «Казаки». В данном письме Тургенев отвечает на сообщение Борисова о том, что «„Кавказский роман“ ⟨т. е. „Казаки“.— *Ред.*⟩ будет напечатан в „Русс⟨ком⟩ вест⟨нике⟩“» (*Т сб*, вып. 3, с. 365).

[7] Тургенев отвечает на следующие слова Борисова: «У нас всё помаленьку улаживается. Посредники действуют тем же языком, т. е. ммыд'а или ммммн'е, только таким писанием могу выразить тонкость их, но Вы утверждали, что и это еще хорошо. Поэтому и наши делишки землевладельцев ползут потихоньку — понемножку заявляют и о *выкупах* ⟨...⟩ После февраля надо ожидать, что все крестьянские дела пойдут гораздо лучше и быстрей, а то всё еще остается надежда на казенные межи и прочие аброкодабры» (*Т сб*, вып. 3, с. 366). Ср. о том же вопросе письма Тургенева к Лугинину (№ 1386) и к Герцену (№ 1387, 1390 и др.).

1414. **М. Н. Каткову** (с. 138)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/19.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 45—46.

[1] Это письмо Каткова к Тургеневу неизвестно.

[2] См. письмо 1408.

[3] Речь идет о «Довольно» или о замысле романа «Дым» (см. об этом предшествующие письма Тургенева к Каткову, а также наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 488—489, 510—511.

1415. **К. К. Случевскому** (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 151.1327.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 7, с. 325, без даты.

Датируется предположительно на следующих основаниях. По указанному в письме адресу Тургенев проживал с сентября 1860 до апреля 1864 г. В этот период одновременно находились в Париже Тургенев, Случевский и Н. Н. Рашет (дочь которой Мария упомянута в записке) зимой 1861/62 и 1862/63 гг. Сохранились сведения о том, что 25 декабря 1860 г. Тургенев устраивал рождественский детский обед, на котором присутствовали маленькие Виардо, сын М. А. Маркович Богдан, младший из сыновей Н. И. Тургенева и другие дети (см.: Листи Марка Вовчка. В 2-х т. Київ, 1984. Т. 1. С. 108). В настоящей записке речь идет о другом детском обеде, так как зимой 1860/61 г. не было в Париже самого адресата письма — Случевского (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1114), но, судя по содержанию записки, детские обеды у Тургенева стали традицией, и, по всей вероятности, устраивались они, как и в 1860 г., на рождественской неделе. Письмо помечено пятницей накануне обеда. В 1861 г. пятница приходилась на 29 декабря (10 января 1862 г.), а в 1862 г.— на 28 декабря (9 января 1863 г.).

1416. Н. А. Мельгунову (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 281.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 204.

Датируется предположительно. Границы возможного времени написания письма определяются началом общения Тургенева с Мельгуновым в Париже осенью 1856 г. (см. наст. изд., Письма, т. 3, № 535) и годом смерти А. И. Делаво — 1862.

1863

1417. Неизвестному (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 281, № 56882.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 82.

Год написания письма, отсутствующий в подлиннике, определяется указанным в нем парижским адресом Тургенева на rue de Rivoli, 210, где он жил с конца сентября 1860 г. по апрель 1864 г. (с перерывами), а в особенности тем, что 13 января — очевидно, нового стиля — приходилось на вторник в 1863 г.

На обложке письма имеется архивная помета: «Н. М. Сатину». Известно, что Сатин выезжал за границу неоднократно, временами надолго (1841—1846, 1860, 1875), однако время его пребывания в Париже не совпадало со временем жизни Тургенева на rue de Rivoli, 210. Это обстоятельство не позволяет считать настоящее письмо адресованным Сатину, и вопрос об его адресате остается открытым.

1418. П. В. Анненкову (с. 140)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 9—10, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Анненкова, на которое отвечает Тургенев,— от 1 (13) января 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 38). В нем Анненков сообщал: «Я давно собирался писать вам, но слухи, которые разошлись здесь о предполагаемом вызове вашем в Россию, заставили меня остановиться и прислушаться к причинам и поводам, выставляемым для объяснения самой меры ⟨...⟩ Так как администрации известны ваши сношения с лондонскими эмигрантами, не скрываемые и вами, то ей надо узнать от вас лично свойство и сущность этих сношений». Привлечение к следствию по делу о «лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (так называемое «дело 32-х») было для писателя неожиданностью. Между тем еще летом 1862 г., после ареста П. А. Ветошникова, возвращавшегося из Лондона в Петербург с большим количеством нелегальных изданий и писем, адресованных Герценом, Бакуниным, Огаревым, В. И. Кельсиевым и другими деятелями революционной эмиграции их друзьям и единомышленникам в России, в руках III отделения оказались материалы, политически компрометирующие Тургенева. В частности, в письме Бакунина к Н. С. Бакуниной упоминалось имя Тургенева, обещавшего прислать Бакунину 500 рублей. В дру-

гих перехваченных письмах и инструкциях встречалась также фамилия писателя, как близкого и доверенного человека, через которого поддерживались сношения с Россией, который был занят организацией регулярной материальной помощи Бакунину и его жене, который, наконец, лично связан был не только с деятелями старой эмиграции, но и со многими из числа только что арестованной молодежи (Н. А. Серно-Соловьевич, А. И. Ничипоренко, Н. А. де Траверсе, М. Л. Налбандян). 7 декабря 1862 г. А. Ф. Голицын, председатель особой следственной комиссии, руководивший секретным дознанием «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», доложил Александру II о необходимости вызвать из-за границы, для допроса в комиссии, А. А. Серно-Соловьевича, В. И. Кельсиева, И. С. Тургенева, В. И. Касаткина и А. А. Черкасова. Предложение это было утверждено, но в связи с передачей всего дела 31 декабря 1862 г. в Сенат осуществление его несколько затянулось. Вот почему частная информация о предстоящем вызове Тургенева в Петербург предшествовала официальной. Официальный вызов в Сенат был вручен Тургеневу 22 января (3 февраля) 1863 г. (см. Приложение II, № 2). О «деле 32-х» и участии в нем Тургенева см.: *ИВ*, 1906, № 1, с. 181—198; *Лемке*, *Очерки*, с. 17—230; наст. том, Офиц. письма и делов. бумаги, № 26—29, Приложения I и II.

[2] Тургенев имеет в виду отрицательное отношение в среде передовой молодежи к его роману, получившее в критике наиболее законченное выражение в статье М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени» (*Совр*, 1862, № 3), а также в пародии Д. Д. Минаева (Искра, 1862, № 15, 27 апреля).

[3] Это — намек на споры Тургенева с Герценом, которые, вероятно, происходили во время пребывания Тургенева в Лондоне весной 1862 г. Полемика между ними по поводу проекта адреса Александру II, статей Герцена «Концы и начала», а также социалистических теорий Огарева закончилась с выходом в свет 3 (15) января 1863 г. л. 154 «Колокола», в котором было помещено седьмое письмо «Концов и начал» Герцена. Еще на месяц раньше прервалась переписка между Тургеневым и Герценом, что означало если не личный разрыв, то невозможность найти общую почву по самым принципиальным вопросам (см. письма: к Герцену — 1376, 1387, 1390, 1399, 1401, 1405, 1406, 1411, 1488; к Анненкову — 1425; к Б. М. Маркевичу — 1435; Офиц. письма и делов. бумаги — 27, Приложение I, Приложение II, № 3).

[4] Тургенев отвечает на следующую фразу из письма Анненкова от 1 (13) января 1863 г., утверждавшего, что писателю необходимо поскорее приехать в Петербург: «Ведь это теперь лучшее средство объяснить все ваши 〈...〉 убеждения, которые вряд ли затемнит и какая-либо неосторожность или какая-нибудь неосмотрительность, если бы они действительно и были, что сомнительно» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 39).

1419. Ф. И. Бизюкину с. 141)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1885, № 1, с. 366, где напечатано в статье Ф. Б〈изюкина〉 «Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове».

Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо — очевидно, к Н. Н. Тургеневу — неизвестно.

[2] Отправляя Бизюкина в 1859 г. в Земледельческую школу

(см. наст. изд., Письма, т. 4, Офиц. письма и делов. бумаги, № 24), Тургенев, по словам Бизюкина, сказал ему: «Готовится реформа положения крестьян. Бог даст, она осуществится, и тогда твое знание агрономии пригодится землевладельцам, нуждающимся в просвещенных управляющих. Только будь всегда честен и достоин попрежнему моего внимания» (*Рус Вестн*, 1885, № 1, с. 364).

[3] По рассказу Бизюкина, содержащему много неточностей, он в 1863 г. окончил курс сельскохозяйственных наук в Горыгорецкой земледельческой школе и получил свидетельство на звание ученого управительского помощника, после чего решил продолжить образование в школе овцеводов, которая должна была открыться при Горыгорецком земском институте. Но ввиду начавшегося в институте революционного брожения, связанного с близившимся польским восстанием, школа овцеводов так и не была открыта, и Бизюкин вновь вынужден был просить содействия Тургенева. Ответом на его просьбу явились высылка денег и настоящее письмо. Данные, приведенные в воспоминаниях Бизюкина, однако, не согласуются с датой письма Тургенева, но проверить их точность очень затруднительно.

1420. **В. Я. Карташевской** (с. 141)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 41—42.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 84. Отрывки и пересказ приведены в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 217).

[1] Тургенев приносит извинение за задержку ответа на письмо Карташевской.

[2] Карташевская, по просьбе Тургенева, выслала ему клавир оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и партитуру «Камаринской» М. И. Глинки. П. В. Анненков писал Тургеневу 22 ноября (4 декабря) 1862 г. по этому поводу: «Если Вы во мне обрели друга, то уж в Варваре Яковлевне — получили фанатика. Она обегала буквально весь Петербург и таки нашла „Жизнь за царя“ (фортепьянную) и „Камаринскую“ (партитурную) за баснословную цену — 18 р. сер.» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 35).

[3] Поручения Тургенева Карташевской см. в его письме к ней от 19 (31) октября 1862 г. (№ 1398). Анненков в письмо к Тургеневу от 22 ноября (4 декабря) 1862 г. вложил счет на его имя, в котором среди прочих расходов значится:

«1. Пересылка экземпляра „Отцов и детей“ в Париж.

2. За два экземпляра того же романа с переплетом для подарка Карташевской и Анненкову.

3. Экземпляр биографии Пушкина.

4. Три тетради партитуры: „Жизнь за царя“.

5. Камаринская.

6. Пересылка этих нот» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 37).

[4] Речь идет о вызове Тургенева в Петербург по «делу 32-х». Слух об этом, сообщенный Тургеневу Анненковым, не был ложным. См. письма 1418, примеч. 1, и 1425, примеч. 1.

[5] Посланник — А. Ф. Будберг.

1421. Фридриху Боденштедту (с. 142 и 339)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 453.

[1] См. письмо 1397, примеч. 3.
[2] Тургенев имеет в виду редакцию «Современника»—Н. А. Некрасова, А. Н. Пыпина и др.
[3] Письмо Боденштедта к Тургеневу от 2(14) декабря 1862 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 314—316).

1422. Е. Е. Ламберт (с. 143)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 126.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 158—159.

[1] Это письмо Ламберт к Полине Тургеневой неизвестно.
[2] Вероятно, речь идет о письме Тургенева к Ламберт от 28 октября (9 ноября) 1862 г. (№ 1403).
[3] Отвечая на это письмо Тургенева, Ламберт в неизданном письме от 6(18) февраля 1863 г. писала ему: «Вы не поняли моего письма к Полиньке — не могла я сказать, *ни подумать*, что желаю отказаться от переписки с Вами — это значило бы лишить себя немалого утешения — и сколько я ни состарелась, сколько ни чувствую себя равнодушной к многим радостям жизни — всё-таки есть во мне какой-то тлеющий огонек, что-то теплое для тех друзей, которых я разлюбить и забыть не в состоянии» (*ИРЛИ*, № 5836, л. 9).

1423. П. В. Анненкову (с. 143)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 10—11, где напечатано без окончания.
Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Анненкова от 1(13) января 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 38—39).
[2] См. письмо 1418, примеч. 1.
[3] Статья о Пушкине была задумана Тургеневым еще в 1860 г., после того, как он прочел две лекции о поэте — 19 и 22 апреля ст. ст. Статья (или «лекции») о Пушкине предназначалась для «С.-Петербургских ведомостей», сотрудником которых был в то время и Анненков. Тургенев, однако, так и не написал этой статьи. Материал, собранный для нее, он использовал позже в «Воспоминаниях о Белинском», а также для речи, произнесенной в 1880 г. на открытии памятника Пушкину в Москве (см.: Назарова Л. Н. К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов // *Орл сб, 1960*, с. 149—150, 153).
[4] Для журнала «Время» Тургенев писал тогда «Призраки». После закрытия «Времени» писатель опубликовал «Призраки» в сменившей этот журнал «Эпохе» (1864, № 1-2). См.: Пиксанов Н. К. История «Призраков» // *Т и его время*, с. 164—192; Азадовский М. К. Три редакции «Призраков» // Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 20, серия филолог. наук, вып. 1, с. 123—154; *Достоевский и Т*, с. 71—75, 79—85.
[5] Письмо Тургенева к Анненкову, переданное через З. Ф. Балашова, неизвестно. Анненков, исполнив просьбу Тургенева, полу-

чил от В. Ф. Корша (редактора «С.-Петербургских ведомостей») 100 рублей и передал их Балашову, что видно из счета, посланного Анненковым Тургеневу (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 37; см. в примеч. 3 к письму 1420.

[6] Объявление о выходе книг «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада» Н. И. Костомарова (СПб., 1863. Два тома) и «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях сочинение И. Забелина» (М., 1862. Ч. 1) было помещено в № 10 «Северной пчелы» от 11 января 1863 г. Тургенев ошибочно называет Забелина Беляевым.

[7] Тургенев говорит о начавшемся восстании в Польше и Литве, когда было нарушено железнодорожное сообщение между Петербургом и Берлином (через Вильно—Вержболово).

[8] В январе и феврале 1863 г., находясь в Париже, Диккенс читал отрывки из своих произведений в зале английского посольства в пользу английского благотворительного общества. В программе первого чтения был «Дэвид Копперфилд», второго — «Домби и сын», «Посмертные записки Пикквикского клуба». Выступать с публичными чтениями Диккенс начал с 1858 г. (см. об этом, например: *Отеч Зап*, 1858, № 6, отд. 6, с. 170—171). Многие русские писатели, помимо Тургенева, оставили свидетельства о чтениях Диккенса; на них присутствовали Л. Н. Толстой, П. Д. Боборыкин, А. Н. Пыпин и другие. Алексей Н. Веселовский в рецензии на вышедшую уже после смерти Диккенса книгу Ч. Кента «Чарлз Диккенс как чтец» (K e n t Ch. Charles Dickens as a reader. London, 1872) писал: «Все, кому выпадало редкое счастье слышать чтение Диккенсом его произведений, помнят, что таких чтецов, как он, немного можно было бы найти в настоящее время. Он не только оттенял лица и характеры, но совершенно воссоздавал их, вызывал к жизни, заставляя их своею магической властью жить, чувствовать и волноваться перед его слушателями» (Беседа, 1872, № 9, отд. 14, с. 54). См. также: Ч. Диккенс как чтец // Сын отечества, 1869, № 3, 19 января, с. 39; Ч. Диккенс как публичный чтец ⟨анонимная рецензия на книгу: Ch. Dickens, as I knew him, George Dolby⟩ // Иллюстрированная всеобщая газета, 1885, № 29, 20 июля, с. 599—603.

[9] В. П. Боткин, бывший в это время в Париже, писал А. А. Фету 4 февраля н. ст. 1863 г.: «Был здесь Диккенс и устроил публичное чтение. Я ничего не слыхал подобного и был в таком восторге, что написал об этом маленькую статейку и послал к Каткову» (*Фет*, ч. 1, с. 411; о впечатлениях Боткина от чтения Диккенса см. также в письме А. И. Герцена к Тургеневу от 11 апреля н. ст. 1863 г.: *Герцен*, т. 27, с. 306—307). Статья Боткина «Публичные чтения Диккенса в Париже» была напечатана в «Московских ведомостях» (1863, № 25, 31 января ст. ст.). Сокращенную перепечатку этого газетного текста (со вступительной заметкой Л. Ланского «Диккенс читает...») см.: Неделя. Воскресное приложение к газете «Известия», 1960, № 16, 12—18 июня, с. 10 («Наши публикации»).

[10] Этот перевод Тургенев впоследствии так охарактеризовал в письме к Анненкову от 8 (20) января 1882 г.: «...существует *необычайно верный* прозаический перевод „Онегина“ на французском языке — именно перевод, сделанный *мною и Виардо* и помещенный в „Revue Nationale“ лет 20 тому назад...». Речь идет о публикации перевода в «Revue Nationale et Etrangère» (1863, t. 13, livr. 48—50; см.: А л е к с е е в М. П. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Труды Отдела новой русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 1. С. 50).

[11] Роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» был напечатан не в «Библиотеке для чтения», а в «Русском вестнике» (1863, № 3—8).

1424. **А. Ф. Будбергу** (с. 145 и 339)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 45.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 88.

Датируется предположительно, на основании содержания и пометы «понедельник». 22 января,— очевидно, старого стиля, которое в 1863 г. приходилось на вторник,— помечена расписка, данная Тургеневым по прочтении в русском посольстве полученного из Министерства иностранных дел вызова в Россию (см.: Приложение II, № 2). К этому обстоятельству мы и относим полуофициальное письмо Тургенева к послу. Впрочем, подобное же приглашение в посольство могло быть сделано и позднее — для сообщения согласия на высылку ему «допросных» пунктов, что было также во вторник, 12 (24) февраля 1863 г. (см. письмо 1437), или в каком-либо ином случае, до отъезда Тургенева в Баден-Баден, т. е. до 20 апреля (2 мая) 1863 г.

1425. **П. В. Анненкову** (с. 145)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 12, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

[1] Официальный вызов в Сенат был объявлен Тургеневу русским посольством в Париже 22 января (3 февраля) 1863 г. (см. Приложение II, № 2).

[2] Под «семейными делами» Тургенев подразумевает хлопоты, связанные с предполагавшимся замужеством его дочери Полины.

[3] См. письмо Тургенева к Александру II от 22 января (3 февраля) 1863 г. (Офиц. письма и делов. бумаги, № 26).

[4] Имеются в виду Герцен, Огарев и Бакунин. См. письмо 1418, примеч. 3.

[5] См. письмо 1360, примеч. 4.

[6] Это — ответ на следующее место из письма Анненкова к Тургеневу от 20 января ст. ст. 1863 г.: «Вот уже никак три года не видали Вы этого общества и потому вряд ли владеете настоящей меркой для оценки его, да оно и меня удивило признаками зрелости, которые обнаружило при страшных известиях из Польши. Никто здесь не слыхал ни малейшего крика мести, требования воздаяний, даже просто ругательного слова 〈...〉 я постоянно встречал сосредоточенное, какое-то горькое молчание во всех кругах. Это не фантазия, а голая правда. Мне кажется, что эта воздержанность от жалоб, упреков, вызовов и патриотизма — должна что-нибудь значить для Польши, а растолковать симптом сочувствием общества к последней ее попытке не представляется возможным» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 41). См. также примеч. 9 к настоящему письму.

[7] Имеются в виду следующие два издания: Крестовский В. В. Сочинения. СПб., 1863. 2 части в одном томе; Крестовский В. В. Стихи. СПб., 1862. 2 тома.

[8] Статья Анненкова о Н. В. Успенском напечатана была в «С.-Петербургских ведомостях» (1863, № 11, 13 (25) января).

В этой статье сборник рассказов Успенского, вышедший в 1861 г., сопоставляется с «Записками охотника». В книге Тургенева, а также в произведениях А. Ф. Писемского и А. Н. Островского, по мнению Анненкова, при изображении даже темных сторон народного быта признается за народом «обладание ⟨...⟩ оригинальным воззрением на мир», «репутация силы и предположение о неизмеримых средствах обновления». В рассказах же Успенского представители народа «отличаются все одним родовым признаком: они не имеют впереди никакой возможности развития и никогда не имели задатков развития во всю свою жизнь».

[9] Речь идет о начале Польского восстания 1863—1864 гг. на землях, принадлежавших царской России. Непосредственным толчком к восстанию послужило проведение в Царстве Польском особого рекрутского набора, имевшего целью удалить из Польши революционные элементы городской молодежи. Этот насильственный набор при помощи полиции начался 15 января н. ст. в Варшаве, причем все, не успевшие укрыться в лесах, были захвачены. В ночь на 23 января 1863 г. восстание, в котором приняли участие широкие слои городского и сельского населения, началось нападением на русские гарнизоны в 15 пунктах Польши. Следует учитывать, что эти и последующие письма к Анненкову, отправляемые в Россию, явно были рассчитаны на перлюстрацию и не отражают истинного отношения Тургенева к польским событиям. Об этом свидетельствует, например, письмо к Герцену (№ 1432; см. примеч. 10 к нему).

1426. **Н. X. Кетчеру** (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 178, М. 5185.41, п. 9. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 70.

[1] Об этом Тургенев сообщал Кетчеру в письме от 28 октября (9 ноября) 1862 г. (№ 1402).

[2] Эти расписки требовались, очевидно, в связи с тем, что Н. Тиблен в 1861—1862 гг. издал «Повістки (Народні оповідання)», а Д. Е. Кожанчиков — в 1861 г. «Новые повести и рассказы» Марко Вовчка. Издание сочинений Марко Вовчка К. Т. Солдатенковым не состоялось (см. письмо 1358, примеч. 6).

1427. **С. Н. Толстому** (с. 147)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, № 39435. К. П. 12684. Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 91.

[1] Свадьба Л. Н. Толстого и С. А. Берс состоялась 23 сентября ст. ст. 1862 г. в Москве.

[2] См. письмо 1413, примеч. 5.

[3] Речь идет о «Казаках», напечатанных: *Рус Вестн*, 1863, № 1 (см. письмо 1413, примеч. 6).

1428. **А. А. Фету** (с. 147)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20293, л. 11—12. Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 409—410, с пропусками.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] См. письмо 1413, примеч. 2.

[3] Редерер — марка шампанского. 11 (23) января 1863 г.

И. П. Борисов писал Тургеневу о Фете: «Надо ему убираться из Москвы и поскорей, а не то пропадет, и я думаю, что коварный друг по сердцу милый Редерер одолевает старого улана» (*Т сб*, вып. 4, с. 369).

[4] Речь идет о маскараде, по случаю новоселья, у Д. П. Боткина (см.: *Фет*, ч. 1, с. 408). В письме от 11 (23) января 1863 г. Борисов писал Тургеневу о Фете: «...он преображался в *бедуина* на маскараде Боткиных.— Желали бы Вы взглянуть на него в костюме Абдель Кадера?» (*Т сб*, вып. 4, с. 370).

[5] Тургенев имеет в виду подготовку издания: Стихотворения А. А. Фета. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1863. Ч. 1—2 (ценз. разр. первой части — 19 января, второй — 21 февраля 1863 г.). Наряду с оригинальными стихотворениями в это издание вошло много переводов Фета — из Гафиза, Овидия, Катулла, Гёте, Шиллера, Мицкевича, Кернера, Шенье, Горация, Байрона, Беранже, Гейне.

[6] Об изданиях В. В. Крестовского, упоминаемых Тургеневым, см. письмо 1425, примеч. 7. Называя Крестовского «поэтом Фрины», Тургенев имеет в виду его поэму «Фрина» (1862), которая воспринималась современниками почти как порнографическое произведение.

[7] Речь идет о записках Фета «Из деревни» (*Рус Вестн*, 1863, № 1, 3; 1864, № 4).

[8] Все три стихотворения, положенные на музыку П. Виардо, написаны Фетом.

[9] Об издании альбома романсов П. Виардо на слова русских поэтов см. в ряде следующих писем 1863—1864 гг. к Фету, Анненкову, Боткину, Фр. Боденштедту, П. Виардо. Альбом был выпущен в 1864 г. двумя изданиями — в Петербурге и в Лейпциге, с русским и немецким параллельными текстами.

1429. **Н. А. Орлову** (с. 149)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в частном собрании Дины Виерни (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 89—91.

[1] Н. С. Тургенев.

[2] Речь идет о привлечении писателя к следствию по «делу 32-х» (см. письмо 1418, примеч. 1 и след.).

[3] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 26; Приложение II, № 3.

[4] В неизданном письме к кн. В. А. Долгорукову от 25 января (6 февраля) 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1531) бар. А. Ф. Будберг писал о политической невиновности Тургенева, утверждая, что последний давно идеологически разошелся с «лондонскими изгнанниками» (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 27, примеч. 5). Возможно, это письмо Будберг показал Тургеневу.

[5] Ответ Н. А. Орлова, по-видимому, был положительным (см. об этом подробно письмо 1436, примеч 3).

1430. **Е. Т. Сливицкой** (с. 150)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Ю. Г. Оксмана (*ЦГАЛИ*).

Впервые опубликовано: *Т сб (Бродский)*, с. 27.

[1] Это письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно. Дядя

Тургенева в это время управлял его имениями. Денежные расчеты Тургенева с Е. Т. Сливицкой возникли, вероятно, после смерти В. П. Тургеневой, вследствие обязательств по раздельному акту писателя с братом, согласно которому Тургенев должен был выплатить Сливицким 12 тыс. руб. (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, ед. 87, л. 4—10; примеч. Н. М. Чернова).

1431. **Н. А. Орлову** (с. 151)

Печатается по каталогу: Bernard Quaritch, catalogue № 938, item. 187; конец письма неизвестен.

Впервые опубликовано: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 5, как письмо к Н. И. Трубецкому.

[1] См. письмо 1436, примеч. 3, а также письмо 1429.

1432. **А. И. Герцену** (с. 151)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 83—84.

Впервые опубликовано, с пропусками отдельных слов: *Письма к Герцену*, с. 178—179.

[1] Сочинение Рудольфа Линдау, которое Тургенев имеет в виду,— «Un voyage autour du Japon» («Путешествие вокруг Японии») — было издано в Париже в 1864 г.

[2] Говоря о присылке ректификации рассказа «в прошлом году», Тургенев не совсем точен. Речь идет о заметке «Каков поп, таков и приход» (Колокол, 1861, л. 92, 15 февраля, отдел «Смесь»), где сообщалось о том, что русский морской офицер без причины застрелил японского лодочника. Японцы обратились в суд, но русские офицеры, якобы дав коллективную взятку японской администрации, замяли дело. Вскоре Герцен, очевидно на основании сообщения Линдау и вследствие письма Тургенева, напечатал в «Колоколе» следующую поправку (см.: Колокол, 1863, л. 159, 15 марта, отдел «Смесь», «Убийство в Японии»): «В одном из давних листов „Колокола“ была помещена доставленная нам, от неизвестного корреспондента из Китая, история об убийстве японца русским морским офицером. На днях мы имели случай встретиться в Лондоне с одним известным путешественником, который тогда был сам в Японии; речь дошла до несчастной истории убитого японца. Он рассказал нам, как было дело. Спешим передать нашим читателям, что офицер убил японца *случайно*. Начальнику того места *не был дан выкуп*, а по его совету дали жене убитого небольшую сумму денег, собранную между офицерами».

[3] Подробнее об этом см. примеч. 3 к письму 1436, а также Приложение II, № 2.

[4] См. письмо к Александру II от 22 января (3 февраля) 1863 г. (Офиц. письма и делов. бумаги, № 26).

[5] См. письмо 1429, примеч. 4.

[6] Письмо Тургенева к Н. С. Тургеневу с вызовом последнего в Париж неизвестно. Из письма Н. С. Тургенева к жене (см. письмо 1436, примеч. 3) можно заключить, что Н. С. Тургенев приезжал из Дрездена к брату в Париж на несколько дней. Вызов брата объясняется желанием Тургенева устроить свои имущественные дела на случай конфискации имения, как это случилось в 1850 г. с Герценом.

[7] См. письмо 1386.

[8] А. И. Ничипоренко был в 1862 г. у Герцена в Лондоне и получил от него некоторые задания, связанные с революционной пропагандой. Привлеченный по «делу 32-х», он дал все требовавшиеся следственной комиссией показания, выдав многих лиц, связанных с Герценом (см.: *Лемке*, *Очерки*, Приложение II, № 3 и 4).

[9] Подозрения о связи А. Бенни с III отделением (см. письмо 1309) полностью рассеялись, когда Тургенев прочитал показания Бенни, судившегося за связь с «лондонскими пропагандистами», и убедился в том, что тот не сообщил ничего, что могло бы скомпрометировать Тургенева или кого-либо из его знакомых (ср.: Боборыкин П. Д. За полвека. М.; Л., 1929. С. 279). Бенни не упомянул даже об обращении к Александру II, написанном в 1860 г. Тургеневым и врученном Бенни для собирания под ним подписей в России (см. наст. изд., Письма, т. 4, Офиц. письма и делов. бумаги, № 23).

[10] Речь идет о послании Герцена «Братская просьба к русским воинам» (Колокол, 1863, л. 155, 1 февраля). В этом послании Герцен приглашал русских офицеров и «старых солдат» принять как братьев польских рекрутов и полюбить их, потому что доля русского солдата из крепостных и доля насильно взятых поляков — одинаково горестны и вызывают в них чувство протеста.

1433. **Валентине Делессер** (с. 152 и 340)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 95.

Датируется предположительно, соответственно адресу, указанному Тургеневым (он жил на ул. Риволи, 210, с сентября 1860 по апрель 1864 г., с перерывами), а также и по времени начала знакомства его дочери с В. Делессер, происшедшего, по-видимому, значительно позже начала знакомства с ней самого Тургенева.

1434. **Н. В. Ханыкову** (с. 152)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 297—298, с ошибочной датировкой — 1866 г. В описании рукописей И. С. Тургенева, хранящихся в *ГПБ* (*ГПБ*, *Описание*, с. 88), письмо обозначено как парижское и без аргументации отнесено к началу 1863 г.

Место написания письма и его дата устанавливаются на основании следующих данных. Во-первых, письмо несомненно написано в начале 1863 г., так как в нем идет речь о только что введенном в Польше новом порядке рекрутского набора (см. письмо 1425, примеч. 9). Во-вторых, Тургенев пишет о беседе с Н. А. Орловым, который в это время был русским посланником в Бельгии. Известно, что Тургенев выехал в Брюссель 2 (14) февраля 1863 г. (см. письмо 1436, примеч. 3), а 5 (17) февраля 1863 г. вернулся в Париж (см. письмо 1435). Таким образом, разговор с Орловым мог состояться в Брюсселе в субботу 2 (14) февраля 1863 г., что и определяет дату письма — воскресенье, 3 (15) февраля 1863 г.

[1] Н. А. Орлов является автором нескольких исторических трудов: «Очерк 3-недельного похода Наполеона I против Пруссии

в 1806 г.» (1855—1856), «Мысли о расколе» (1858), «Записки об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском» (1861) и др.

[2] А. Велепольский, будучи начальником гражданского управления (т. е. помощником наместника Царства Польского), предложил, чтобы устранить из городов революционные элементы, произвести внеочередной рекрутский набор на особых основаниях. Обычная жеребьевка новобранцев, установленная законом 1859 г., была отменена. Набор был произведен по именным спискам и преследовал, как справедливо пишет Тургенев, определенную политическую цель — захват революционной городской молодежи и ее массовую высылку под видом рекрутчины. Шляхта и крестьянство от рекрутского набора были освобождены. Ср. письмо 1425, примеч. 9.

[3] Письмо Тургенева написано в то время, когда Ланфре заканчивал работу над книгой «Études et portraits politiques» (Paris, 1864), в которой, между прочим, помещена статья «Le Rétablissement de la Pologne», посвященная польскому вопросу. В этой статье, однако, материалы о рекрутском наборе, которые Тургенев собирался сообщить Ланфре, не приведены.

1435. **Б. М. Маркевичу** (с. 153 и 340)

Печатается по копии, снятой Б. М. Маркевичем: *ИРЛИ*, № 5791, л. 1—2.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 97; в русском переводе — *Звенья*. т. 5, с. 288—289.

Подлинник неизвестен.

Копия находится среди бумаг Тургенева, которому она была послана Маркевичем в начале 1877 г., с его пометой: «Pour copie conforme „Ladislas“ («С подлинным верно „Ладислас“»). Посылка копии с такой пометой объясняется тем, что в романе «Новь», напечатанном в «Вестнике Европы» (1877, кн. 1 и 2), в сатирическом изображении Калломейцева и его приятеля, светского литератора Ladislas'а, современники узнали Маркевича. Маркевич, очень задетый, послал Тургеневу копию его письма 1863 г. Получив ее, Тургенев 22 января (3 февраля) 1877 г. писал Стасюлевичу: «Мистерия „Ладисласа“ разрешилась; я получил от него большой пакет, содержащий копию с письма, написанного ему мною в 1863-м году, когда меня вытребовали в Россию якобы заговорщика вместе с Ничипоренко и т. д. Всё это, разумеется, разлетелось дымом; но Маркевич в то время (вместе с А. Толстым) хлопотал обо мне — и я ему послал письмо, в котором благодарил его за сочувствие. Посылая мне копию, он как бы желает упрекнуть меня в перемене моих отношений к нему. Не я виноват, что он впоследствии оказался таким „клевретом“. Всё это довольно невинно; хорошо то, что он сам подписывается: „Ladislas“».

[1] Поездка Тургенева в Брюссель была связана с устройством при содействии кн. Н. А. Орлова имущественных дел на случай конфискации (см. письма 1429, 1431 и 1436, примеч. 3).

[2] Это письмо Маркевича к Тургеневу неизвестно.

[3] См. письма 1418, примеч. 1, 1425, примеч. 1.

[4] Роман — «Отцы и дети». См. письмо 1418, примеч. 2.

[5] Речь идет о кратком свидании Тургенева с Герценом в Лондоне в мае 1862 г. и об их полемической переписке по поводу статей Герцена «Концы и начала» (см. письмо 1418, примеч. 3). «Оконча-

тельный разрыв» между ними в это время, однако, еще не наступил (см. письмо 1489); он произошел позднее и был вызван статьей Герцена в «Колоколе» от 15 января 1864 г., где Тургенев, в связи с его обращением к Александру II, был иронически назван «седовласой Магдалиной» (см. письмо 1593).

[6] См. письмо к Александру II от 22 января (3 февраля) 1863 г. (Офиц. письма и делов. бумаги, № 26).

[7] См. письмо 1429, примеч. 4, а также письмо 1432.

[8] Речь идет об А. К. Толстом, который, благодаря своей близости к царской семье, сыграл, по-видимому, как и Маркевич, известную роль в благоприятном исходе дела Тургенева.

[9] Письмо к Маркевичу свидетельствует о том, что Тургенев, испытывая чрезвычайное беспокойство за свою судьбу в связи с привлечением его к «делу 32-х», вынужден был обратиться за содействием к своим влиятельным знакомым. Очевидно, Тургенев рассчитывал, что Маркевич расскажет о содержании письма при дворе и в официальных кругах. Ответное письмо Маркевича от 9(21) февраля 1863 г. из Дрездена (*Звенья*, т. 5, с. 290—293) свидетельствует, что Тургенев не ошибся в своих расчетах. Маркевич сообщал, что он сразу же отправил пространное письмо об этом деле влиятельной при дворе фрейлине бар. Э. Ф. Раден, личному другу вел. княгини Елены Павловны, присовокупив к нему и данное письмо Тургенева, с просьбой показать всё это кому следует. В том же письме к Тургеневу Маркевич рассказывал о том, как благосклонно (не без его помощи) был принят в свое время царской семьей роман «Отцы и дети», и советовал писателю не придавать серьезного значения всей этой истории, представляющей собою лишь «много шуму из ничего».

1436. Н. С. Тургеневу (с. 154)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 3—4. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Получ⟨ено⟩ 11/23 февраля 1863. Понедельник. Полдень. Дрезден».

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 315—316. Отрывок перепечатан: *Письма к Герцену*, с. 183.

[1] Это письмо Н. С. Тургенева неизвестно.

[2] Князь — Н. А. Орлов.

[3] Речь идет об обстоятельствах, связанных с привлечением Тургенева к «делу 32-х» (см. письмо 1418, примеч. 1). О них рассказывает Н. С. Тургенев в письмах к жене (тексты приведены в переводе с французского): «...Иван *накануне того, чтобы стать политическим изгнанником*. Его вызвали в посольство и сообщили ему приказ возвратиться в Петербург, чтобы ответить на обвинения всякого рода; Иван ⟨...⟩ сообщил бар. Будбергу, что он категорически отказывается возвратиться в Россию ⟨...⟩ Он вызвал меня, чтобы решить, что нужно делать в таких обстоятельствах. В приказе, который был ему передан через посольство, сказано, что в случае неявки Тургенева он лишается чинов и дворянства по статуту и имения, которое в таком случае передается мне. До тех пор, пока я буду жив, Иван будет получать свои доходы, поскольку я всегда сумею пересылать их ему. В случае моей смерти он останется нищим, если мы не найдем какой-нибудь выход ⟨...⟩ не следует терять ни мгновения ⟨...⟩ через 10 дней всё должно быть сделано и кончено ⟨...⟩ нам предстоит то, что положено делать двум братьям друг для друга ⟨...⟩ Иван меня утешает и говорит: „Не теряйся, брат и друг. Пом-

ни, что теряться при неприятностях, значит их удваивать“» (*ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 111, письмо Н. С. Тургенева к А. Я. Тургеневой из Парижа от 27 января (8 февраля) 1863 г.). И дальше: «...мы едем в Брюссель для того, чтобы повидать князя Орлова, который состоит там послом. Он большой друг Ивана, ты понимаешь, что дело в хороших руках. Мой брат будет в безопасности от всяких случайностей» (там же, письмо из Парижа от 30 января (11 февраля) 1863 г.); «...наш отъезд в Брюссель отложен до завтра, до 9 час. утра. Мы должны были поехать сегодня, но Иван простудился и попросил меня отложить поездку на завтра ⟨...⟩ ты понимаешь, что исход дела решится в Брюсселе» (там же, письмо из Парижа от 1 (13) февраля 1863 г.). Дело, устроенное при посредстве кн. Н. А. Орлова, имело целью обеспечить материальное положение Тургенева на случай конфискации его земельных владений и передачи их его брату, Н. С. Тургеневу (так, как это было сделано царским правительством в отношении декабристов и Герцена). Подробности их соглашений неизвестны, и составленные в Брюсселе документы не сохранились. Можно думать, что И. С. и Н. С. Тургеневы обменялись записями, определяющими их имущественное положение и взаимные расчеты (эти записи они впоследствии возвратили друг другу — см. письма 1437 и 1447). Кроме того, и это главное,— Н. С. Тургенев выдал Орлову безденежный вексель на 150 тыс. руб. (который Тургенев называет «запиской»), с обязательством — в случае перехода к нему имения брата и смерти последнего раньше его самого — погашать вексель ежегодными платежами (в течение 10 лет, т. е. по 15 тыс. руб. в год), которые Орлов должен был передать наследникам И. С. Тургенева. В случае же смерти Н. С. Тургенева раньше И. С., не выплаченная по этому векселю сумма выплачивалась Орлову единовременно, законным порядком, наследниками Н. С. Тургенева, а Орлов должен был передать эту сумму И. С. Тургеневу. Соответствующей запиской были, очевидно, определены и обеспечены денежные обязательства Орлова по отношению к Тургеневу и его наследникам, каковыми в то время, вероятно, Тургенев считал свою дочь Полину и П. Виардо (впоследствии П. Виардо стала единственной наследницей.— См.: А р з у м а н о в а М. А. Завещание И. С. Тургенева // *Орл сб*, *1960*, с. 264—287). Все эти документы, не имевшие — кроме векселя Н. С. Тургенева, выданного Н. А. Орлову,— формальной юридической силы, были основаны на взаимном доверии всех трех участников и, очевидно, были уничтожены, как только Тургенев дал согласие явиться в Петербург на суд Сената и возможность конфискации, таким образом, отпала.

[4] Здесь в публикации «Русской старины» следует примечание: «Это сказано было даже не в переносном, а в буквальном смысле, относилось к пожару Толкучего рынка в Духов день 1862 г.»

[5] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 26. Ответом на письмо явилась высылка из Петербурга «допросных пунктов» Тургеневу (см. Приложение II, № 3).

[6] Говоря об известиях из Петербурга, Тургенев, вероятно, имел в виду письма друзей — П. В. Анненкова, В. Я. Карташевской,— не дошедшие до нас. Из Дрездена Тургеневу писали Б. М. Маркевич и А. К. Толстой.

[7] Письмо Тургенева к Б. М. Маркевичу — № 1435; письмо к А. К. Толстому неизвестно.

1437. Н. С. Тургеневу (с. 155)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 5—6. На письме рукою Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 15/27 février 1863. 8 h. d. matin. Vendredi. Dresde» («Получено 15/27 февраля 1863. 8 ч. утра. Пятница. Дрезден»).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 316, с сокращениями. Отрывок перепечатан: *Письма к Герцену*, с. 184.

[1] См. письмо 1418, примеч. 1 и Офиц. письма и делов. бумаги, № 26, примеч. 3.

[2] Письмо кн. В. А. Долгорукова к бар. А. Ф. Будбергу неизвестно.

[3] См. письмо 1435, примеч. 9. Ответ Тургенева на письмо к нему Б. М. Маркевича от 9 (21) февраля 1863 г. неизвестен.

[4] См. письмо 1436 и примеч. к нему.

[5] Речь идет прежде всего об Н. А. Орлове (см. письма 1429, 1431, 1436), а также о Б. М. Маркевиче и А. К. Толстом, которые приняли участие в деле Тургенева (см. письмо 1435).

[6] Это письмо Н. С. Тургенева неизвестно; ответ на него Тургенева — письмо 1436.

1438. В. П. Боткину (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60947.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 174.

Записка датируется предположительно на основании того, что в первые месяцы 1863 г. Тургенев и Боткин жили одновременно в Париже и тогда же решался вопрос о замужестве Полины Тургеневой (см. письма 1440, 1442; вторник в середине февраля приходился на 12 (24); другие, позднейшие датировки едва ли возможны). Свадьба, однако, расстроилась; в письме к Фету от 16 (28) марта 1863 г. Боткин писал: «Мы думали было праздновать свадьбу M-lle Pauline, всё уже было почти кончено, как дело разладилось, вследствие необыкновенной жажды к деньгам, высказанной претендентом» (*Фет*, ч. 1, с. 415).

1439. Кларе Тургеневой (с. 157 и 341)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708, п. 9.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 223, гда дата установлена по штемпелю городской почты на конверте («Paris, 1 mars») и по помете на письме «Суббота».

1440. П. В. Анненкову (с. 157)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 30.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1915, № 1, с. 79—80.

[1] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 26, примеч. 3.

[2] См. письмо 1423, примеч. 6.

[3] Речь идет о драме А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет» (Время, 1863, № 1); Афоня, Архип, Бабаев, «бойкая девица» (Жмигулина) — действующие лица этой пьесы.

[4] Письмо Анненкова к Тургеневу от 11 (23) февраля 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 45).

[5] В письме от 11 (23) февраля 1863 г. Анненков, отозвавшись одобрительно о том, что Тургенев написал к Александру II, отмечал вместе с тем: «Здесь разнеслись слухи, которым я, впрочем, плохо верю, будто вы встревожены и взволнованы всем случившимся. Это было бы не совсем разумно». См. письмо 1418, примеч. 1.

[6] Имя претендента на руку дочери Тургенева Полины неизвестно, и это сватовство вскоре расстроилось.

[7] Речь идет об обещанной Тургеневым для «С.-Петербургских ведомостей» статье о Пушкине (см. письмо 1423, примеч. 3). В письме от 11 (23) февраля 1863 г. Анненков просил Тургенева: «Присылайте же лекции о Пушкине. Впрочем, больше об этом упоминать не стану» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 45 об.).

[8] Это — ответ на сообщение Анненкова в письме от 11 (23) февраля 1863 г. о том, что в «Современнике» (1863, № 1-2) нет статьи, в которой не упоминалось бы о Тургеневе: «Куда ни заглянешь — критика, библиография, внутреннее обозрение, фельетоны, смесь — всё наполнено одним именем — вашим» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 45). Действительно, Тургеневу и образу Базарова посвящена была бóльшая часть статьи М. А. Антоновича «Литературный кризис» (*Совр*, 1863, № 1-2, отд. II, с. 81—110); о романе «Отцы и дети» и его авторе упоминалось в неподписанном фельетоне (М. Е. Салтыкова-Щедрина) «Петербургские театры» в связи с пьесой «Слово и дело» Ф. Н. Устрялова, которая «обязана своим появлением „Отцам и детям“ г. Тургенева» (там же, с. 182). В разделе «Внутреннее обозрение» говорилось о полемике «Времени» (1862, № 4) с Антоновичем по поводу «Отцов и детей» (*Совр*, 1863, № 1-2, с. 263). И, наконец, в хронике «Наша общественная жизнь» автор (Салтыков-Щедрин) снова писал о романе Тургенева и о пущенном им в ход слове «нигилист» (там же, с. 359, 363, 365—367, 370—372).

[9] По-видимому, Тургенев имеет в виду фельетон газеты «Современное слово» об уничтожении винных откупов в России, автор которого, между прочим, писал о «семейном чиновничьем круге», где «всё так скучно, так однообразно», а «дочки до того пусты и бесцветны, они еще с такой наивностью закатывают глазки, произнося фамилию Тургенева, с таким неподдельным ужасом произносят слово нигилист, что, воля ваша, кому придет охота толкаться в гостиной такой во всех отношениях почтенной и одуряющей семьи?» (Современное слово, 1863, № 6, 8 января). О Тургеневе и его романе здесь говорилось уже как о явлении не настоящего, а прошлого времени. Отсюда писатель и мог вывести ироническое заключение, что эта газета считает его трупом.

[10] «Сердитенькие» — прежде всего круг редакции «Современника».

[11] Статьи Анненкова об Н. В. Успенском и Н. Г. Помяловском напечатаны были: первая — *СПб Вед*, 1863, № 11, 13 (25) января; вторая — там же, № 5, 6 (18) января. Отзыв Анненкова об Н. В. Успенском см. в письме 1425, примеч. 8. Выделяя «из ряда молодых писателей» Помяловского и Успенского, Анненков писал в статье о первом из них, по поводу «Молотова», что художник Череванин и Молотов «не наделены жизнию и остаются неподвижными фигурами, что бы с ними ни делал живописец». Явное предпочтение перед ними Анненков отдавал Обломову и Базарову. Остановившись затем на двух очерках из жизни бурсы («Зимний вечер в бурсе» и «Бурсацкие типы»), Анненков писал, что «ничего страшнее 〈...〉

русская литература еще не производила», и отмечал влияние на «Очерки бурсы» «Записок из мертвого дома» Достоевского (*СПб Вед*, 1863, № 5, 6 (18) января).

1441. Гюставу Флоберу (с. 158 и 341)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 451; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 133, № 10.

Настоящее письмо — первое в переписке Тургенева с Флобером. Как свидетельствуют его содержание, перекликающееся с содержанием письма 1439, и помета «Воскресенье», это письмо могло быть написано 1 марта н. ст. 1863 г.,— т. е. уже на следующий день после знакомства писателей, которое произошло на обеде в ресторане Маньи, по-видимому, 28 февраля н. ст. 1863 г. (см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 279).

[1] Тургенев, судя по ответному письму Флобера от 16 марта н. ст. 1863 г., очевидно, посылал ему два издания переводов своих сочинений на французский язык: Scènes de la vie russe, par. M. I. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris: Hachette, 1858; Dimitri Roudine, suivi d'un Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres. Traduit par L. Viardot en collaboration avec I. Tourguénieff. Paris: Hetzel, 1862.

[2] Речь идет об изданиях: Nouvelles scènes de la vie russe. Eléna. Un premier amour, par Ivan Tourguénef. Traduction de H. Delaveau. Dessins de A. Schenk. Paris: Dentu, 1863; Pères et Enfants, par Ivan Tourguénef. Paris: Charpentier, 1863, с предисловием Мериме.

[3] Флобер почти постоянно жил в своем поместье Круассе (Croisset), расположенном в 16 км от центра Нормандии Руана, на берегу Сены (в 150 км к северо-западу от Парижа).

[4] На этот вечер, кроме Полины Виардо и Флобера, была также приглашена семья Н. И. Тургенева (см. письмо 1439).

1442. Н. С. Тургеневу (с. 159)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 7—8. На письме рукою Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 8 mars/24 févr. 1863. Dimanche. Matin. 11 heures. Dresde» («Получено 8 марта / 24 февр. Воскресенье. 11 часов утра. Дрезден»).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 317, без постскриптума.

[1] Имеется в виду письмо 1437.

[2] По-видимому, Н. С. Тургенев сообщил брату известия, полученные им от Б. М. Маркевича и А. К. Толстого, которые также находились в Дрездене. Письмо Н. С. Тургенева, о котором идет речь, неизвестно.

[3] См. письмо 1447.

[4] Предполагаемая свадьба дочери Тургенева на этот раз расстроилась. См. письмо 1447.

[5] Это письмо Тургенева неизвестно.

[6] К этим словам Н. С. Тургенев сделал на письме примечание: «Вследствие какой натяжки будет денег *вдоволь?*»

[7] Ответ Н. С. Тургенева неизвестен. По-видимому, он был положительным (ср. письмо 1447).

1443. И. П. Борисову (с. 160)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 41, л.3—4.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, т. 8, с. 363—364.

[1] Борисов писал Тургеневу в последнем по времени письме от 11 (23) января 1863 г.: «Недели две тому был я у Вас в Спасском ⟨...⟩ снегу почти нет, ухабы же невообразимые и ⟨без⟩ снегу, а землю взвавплонпли, ничего подобного не видывал. Старый Ваш дядя ⟨Н. Н. Тургенев⟩ всё хворает... Бубуль ⟨охотничья собака⟩ так разжирел, что едва прыгает,— на все стороны висят подбородки. Правда, Вы к вальдшнепам не поспеете, а на тетеревей он еще успеет подобраться. Афанасий ⟨охотник⟩ еще живет. Ваш старый сад был весь покрыт инеем и казался серебряным непроницаемым царством» (*Т сб*, вып. 4, с. 370).

[2] Вторая годовщина манифеста 19 февраля 1861 г. имела особое значение для дворовых, которые по «Положению» должны были в течение двух лет, т. е. до 19 февраля 1863 г., нести прежнюю службу у помещика. По истечении этого срока они попадали в положение безземельных батраков или вливались в городскую бедноту без определенных занятий. Борисов по этому поводу писал Тургеневу в самый день годовщины, т. е. 19 февраля 1863 г.: «Сегодня и дворовым день свободы — стало быть последняя крепостная жизнь кончена. Народ был весь в церквах — и верно многие помолились за царя и свободу, хотя и для многих эта свобода кажется хуже неволи» (*Т сб*, вып. 4, с. 372).

[3] Тургенев перефразирует строку Пушкина из стихотворения «Художнику» (1836): «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов». Этими словами Тургенев определяет роли в проведении крестьянской реформы Н. И. Тургенева — противника крепостного права и пропагандиста его отмены с самого начала своей деятельности (1817) — и Н. А. Милютина, бывшего, в качестве товарища министра внутренних дел, одним из главных исполнителей реформы 1861 г. Подробное описание обеда, бывшего у Милютиных 19 февраля (3 марта) 1863 г., находится в дневнике Фанни Тургеневой (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 365—366). Свою речь в честь Н. И. Тургенева и Н. А. Милютина Тургенев произнес на обеде по-русски. Однако сохранились два ее автографа — русский и французский, который незначительно отличается от русского и, за исключением концовки, здесь более распространенной, может рассматриваться как его перевод. По-видимому, французский текст речи был написан Тургеневым в первую очередь для присутствовавшей на обеде Клары Тургеневой, не знавшей русского языка. Текст речи и примеч. см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 321—322, 664—665.

[4] Борисов отвечал Тургеневу в письме от 10 (22) марта 1863 г.: «Всё слава богу понемногу улаживается, и действительно дай бог всем, кто только как бы то ни было ни подвинул к нам дело освобождения крепостных, всем вечное спасибо. Еще этого нельзя вполне почувствовать, когда поедешь куда-нибудь, хотя бы в Орел или в Степановку. Невольно глазами натыкаешься на старые безобразия и новые машины, не налаженные к делу» (*Т сб*, вып. 4, с. 374).

[5] См. письмо 1440, примеч. 8.

[6] «Казаки» напечатаны в № 1 «Русского вестника» за 1863 г.

Получение журнала в Париже запаздывало — возможно, в связи с событиями в Польше и в Литве (см. письмо 1423, примеч. 7).

[7] В журнале «Revue des Deux Mondes» (1863, t. 43, 15 février, p. 917—959) был напечатан отрывок из «Детства и отрочества» Л. Н. Толстого над названием: «Nicolinka. Souvenirs de jeunesse d'un seigneur russe» («Николинька. Воспоминания молодости русского дворянина»).

1444. Гюставу Флоберу (с. 161 и 341)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 451—452; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 134.

[1] В своем первом письме к Тургеневу от 4(16) марта 1863 г. Флобер с восхищением отзывался о присланных ему Тургеневым книгах (см. письмо 1441, примеч. 1), отмечая в особенности «Якова Пасынкова», «Дневник лишнего человека» и «Три встречи». «Я давно уже вижу в вас мастера,— писал он Тургеневу.— Но чем больше я вас читаю, в тем большее изумление приводит меня ваш талант. Меня восхищает ваша манера повествования, одновременно пылкая и сдержанная, ваше сочувствие к людям, которое распространяется и на малых сих и одухотворяет пейзаж ⟨...⟩ Как велико ваше искусство! Какое сочетание растроганности, иронии, наблюдательности и колорита! И как все это связано! ⟨...⟩ Оставаясь *самобытным*, ваше творчество вместе с тем общезначимо. Сколько я нашел у вас перечувствованного и пережитого мною самим!» (*Флобер*, *Письма*, *Статьи*, т. 2, с. 21—22).

[2] Посылаемая Тургеневым книга включала в себя французские переводы его романа «Накануне» и повести «Первая любовь». См. письмо 1441, примеч. 2.

[3] Речь идет о французском издании романа «Отцы и дети». См. письмо 1441, примеч. 2.

1445. Н. Б. Юсупову (с. 162)

Печатается по тексту первой публикации: Бирюч Петроградских государственных академических театров. Сборник статей, 1920, № 2, с. 222.

Подлинник неизвестен.

Датируется по содержанию, хотя 19(31) марта 1863 г. приходилось на вторник, а не на четверг, которым помечено письмо.

[1] Распродажа картин Луи Виардо состоялась в Париже 1 апреля н. ст. 1863 г. См. об этом: Illustration, 1863, № 1047, 21 mars, p. 191, «Catalogue des tableaux anciens et dessins, formant la belle collection de M. Louis Viardot, dont la vente aura lieu — Hôtel Drouot, Salle № 5, le Mercredi 1-er Avril 1863, à deux heures et demie» («Каталог старинных картин и рисунков, составляющих прекрасную коллекцию г-на Луи Виардо, распродажа которой состоится в отеле Друо в среду 1 апреля 1863 г. в 2 ч. 30 м. дня»). Коллекция продавалась в связи с переездом семьи Виардо в Баден-Баден.

1446. Н. В. Щербаню (с. 162)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 13.

Подлинник неизвестен.

При первой публикации Щербань напечатал письмо с ошибочной датировкой: 1864 г. Ошибка Щербаня исправляется на следующих основаниях. Письмо помечено пятницей, но 9 апреля 1864 г. по новому стилю (а письмо несомненно датировано новым стилем, так как оно написано в Париже, где только и общался Тургенев с Щербанем) была суббота. С другой стороны, письмо не могло быть написано в 1864 г. потому, что в апреле этого года Боткин, о котором идет речь в письме, не был в Париже (см.: *Фет*, ч. 2, с. 10—11). Тургенев общался с Щербанем в Париже с 1862 г. и до начала 1870-х годов (см.: *Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 1—28, и № 8, с. 1—26). Письмо, однако, не могло быть написано позже 1869 г., так как в этом году умер Боткин. За период с 1862 по 1868 г. пятница ни разу не приходилась на 9 апреля н. ст. Остается предположить, что в тексте первой публикации неверно прочитана цифра 9 вместо 3. За указанный период пятница 3 апреля н. ст. была в 1863 г. и в 1868 г. Последний год исключается, так как в апреле 1868 г. Тургенев был в Баден-Бадене. Таким образом, письмо могло быть написано только 22 марта (3 апреля) 1863 г.

[1] Очевидно, Тургенев имеет в виду Société des gens de lettres — общество литераторов, основанное в 1838 г. в Париже Луи Денуайе. Главными целями общества являлись: охрана авторских прав и материальная помощь писателям. В числе членов общества были в разное время В. Гюго, А. Дюма, Ж. Санд, О. Бальзак, Э. Золя и др.

1447. Н. С. Тургеневу (с. 162)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 317—318. Отрывки перепечатаны: *Письма к Герцену*, с. 184, без окончания.

[1] См. Приложение II, № 3.

[2] Посланник — А. Ф. Будберг. Предположение Тургенева, что его дело благополучно окончилось, не оправдалось, и он в январе 1864 г. принужден был приехать в Петербург, чтобы дать показания перед судом Сената.

[3] Н. С. Тургенев в этом время находился в Дрездене (см. письмо 1442).

[4] См. письмо 1436, примеч. 3.

[5] См. письмо 1442.

[6] Дядя — Н. Н. Тургенев.

1448. Ф. М. Достоевскому (с. 163)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, № 97, л. 15—16.

Впервые опубликовано: *Из архива Достоевского*, с. 122—123.

[1] А. В. Старчевский редактировал журнал (с 1862 г.— газету) «Сын отечества», где, очевидно, и служил корректором Д. П. Ломачевский.

[2] Помог ли Достоевский Ломачевскому — неизвестно.

[3] В «Русском вестнике» до 1863 г. за подписью Ломачевского напечатана лишь одна статья «Новая Военно-Грузинская дорога» (*Рус Вестн*, 1857, т. 10, № 7, с. 164—173). Возможно, что вторая статья Ломачевского была помещена без подписи.

1449. В. Н. Кашперову (с. 164)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 62, л. 6—7.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1895, № 11, с. 929.

Стр. 164. смелее! *(итал.)*.

[1] Письма Кашперова, о которых идет речь, до нас не дошли.

[2] Имеется в виду провал оперы В. Н. Кашперова «Риенци» во Флоренции. Провал был неожиданным: судя по словам самого Кашперова, на генеральной репетиции он слышал много восторженных похвал опере и аплодисментов (см. письмо Кашперова к Тургеневу от 7 мая н. ст. 1863 г.: *Т сб*, вып. 1, с. 393). Премьера вызвала бурную реакцию зрительного зала по причинам политическим, так как общественное мнение в Италии было возмущено жестокой расправой русского царизма с восстанием поляков и настроено в антирусском направлении. Рассказ об этом содержится в письме Кашперова к П. В. Анненкову от 9 (21) апреля 1863 г. «Когда флорентийская публика после польского meeting'а увидала на афише „maestro russo“, то она заключила, что надо свистеть. Вы видите, что тут надо приложить к моей глупости еще глупость моего импрессария, который не подумал о том, что „russo“ в настоящее время не переваривает никакой желудок в Европе» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 45). Свободолюбивый сюжет оперы Кашперова, героем которой был народный трибун Николо Риенци, побуждал зрителей к сравнению с современными событиями, творившимися на родине композитора. Именно поэтому в письме к Тургеневу Кашперов называет провал своей оперы «очистительной жертвой», а себя «последним из русских, на котором отозвались ⟨...⟩ правительственные грехи».

[3] Неточные цитаты из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830). Кашперов в письме от 7 мая н. ст. 1863 г. отвечал Тургеневу подробным изложением своих взглядов на задачи музыкального творчества и самооценкой своих произведений: «Что же до запроса „Доволен ли ты сам, взыскательный художник?“ — скажу Вам искренно, как другу, что я лишь только заканчиваю вещь и складываю в архив — так тотчас делаюсь совершенно равнодушен к своим произведениям, и хочется писать мне вновь и захватить всё шире и пошире ⟨...⟩ Если сравнить мою последнюю оперу со всеми появившимися современно в Италии,— включая даже „Forze del Destino“ Verdi ⟨„Силу судьбы“ Верди⟩, то я могу добросовестно сказать, что в моей опере более цельных и оригинальных нумеров, оркестровка чище и голоса ведены с большею тщательностью. Движения на сцене достаточно — и музыка ему *никогда* не мешает. Скажу более: я вполне убежден, что „Rienzi“ — при хорошем исполнении — выдержит сколько Вам угодно представлений на всякой первоклассной сцене. Но я к музыкальной драме начинаю делаться чрезвычайно взыскательным,— и меня не только „Rienzi“,— но и „Вильгельм Тель“ Россини теперь далеко не удовлетворит. Отдельно, актами, „Rienzi“ дает нечто целое, всё же вместе меня не удовлетворяет драматически, хотя музыкально я его достаточно склеил, и опера слушается...» (*Т сб*, вып. 1, с. 393).

1450. Е. Е. Ламберт (с. 165)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 127. Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 160.

[1] Тургенев отвечает, вероятно, на письмо Ламберт от 25 января (6 февраля) 1863 г. (*ИРЛИ*, № 5836, л. 9—10).

[2] См. письмо 1418, примеч. 1 и след., и Приложение II, № 3. Письмо, в котором Ламберт сообщала Тургеневу ход «дела 32-х», до нас не дошло.

1451. Гюставу Флоберу (с. 165 и 342)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, р. 452—453; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 135—136.

[1] Письмо Флобера от 24 или 31 марта н. ст. 1863 г. (см.: *Флобер*, *Письма*, *Статьи*, т. 2, с. 23).

[2] Находясь под впечатлением от только что прочитанной книги Тургенева, содержащей французские переводы «Накануне» и «Первой любви», Флобер писал ему: «В ней я вновь узнал вас, только еще более сильного, более необычного, чем всегда». И далее: «Больше всего в вашем даровании меня восхищает благородство, качество наивысшее. Вы находите средство быть правдивым без банальности, чувствительным без жеманства, комичным без всякой пошлости. Не гонясь за театральными эффектами, вы достигаете трагического эффекта законченностью композиции. Вы кажетесь мягкосердечным, но вы очень сильный человек» (*Флобер*, *Письма*, *Статьи*, т. 2, с. 23). См. также письмо 1444, примеч. 1.

[3] Французское издание романа «Отцы и дети». См. письмо 1441, примеч. 2.

1452. А. А. Фету и И. П. Борисову (с. 166)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 82—83.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 417—418, с пропуском нескольких слов.

[1] Письмо Фета к Тургеневу до нас не дошло; письмо Борисова от 10 марта ст. ст. 1863 г. см.: *Т сб*, вып. 4, с. 374—375.

[2] Речь идет, скорее всего, о хозяйственных делах, связанных с крестьянской реформой.

[3] О привлечении Тургенева по «делу 32-х» см. письмо 1418, примеч. 1, и Приложение II, № 3; ср. письмо 1447, примеч. 2.

[4] Отзыв В. П. Боткина о повести «Казаки» — очевидно, устный — неизвестен. Боткин в это время был в Париже, постоянно встречался с Тургеневым и делился с ним мнениями. Отзыв Тургенева о «Казаках» дается в связи с характеристикой этого произведения, содержавшейся в письме к нему Борисова от 10 марта ст. ст. 1863 г. Борисов писал Тургеневу о «Казаках»: «...мне кажется, что это есть лучшее из его ⟨Толстого⟩ писаний и что едва ли он когда-либо что напишет подобное. Оленин он сам, это всякий прочтет и увидит — но как он мастерски верно до дна изобразил Лукашку, дядю Ерошку (т. е. Епишку) или его хозяина, ученого хорунжего,

его семейную жизнь! — а природу-то Терека в садах, в степи, в станицах — воздух этот с гарью кизяков. Удивительная, непостижимая просто очевидность всего этого мира. Так я уверен, что Вы насладитесь этими „Казаками“, что не буду больше и говорить. Это дивная повесть» (*Т сб*, вып. 4, с. 374).

[5] В мартовской книжке «Современника» за 1863 г. была напечатана первая часть романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Отзыв Тургенева, разумеется, имеет иронический смысл (см. подробнее в письме 1475).

[6] Общественное мнение и печать западноевропейских стран, в особенности Англии и Франции, были настроены крайне враждебно к России и настаивали на вооруженном вмешательстве в Польское восстание в пользу поляков. Правительства — как французское, так и английское — держались осторожно, не желая начинать войны; но напряженная обстановка могла привести к их вмешательству, т. е. к новой войне западной коалиции против России.

[7] Владелец Степановки — А. А. Фет.

1453. И. С. Аксакову (с. 167 и 343)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 625, л. 13.
Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1900, № 8626, 3 (16) марта.

[1] См. рекомендательные письма, написанные в тот же день для Лонга Тургеневым Ег. П. Ковалевскому и М. Н. Лонгинову (№ 1454 и 1455).

1454. Ег. П. Ковалевскому (с. 168 и 343)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 356 (Ег. П. Ковалевского), № 34, л. 18.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 114, с ошибочной датой — 14 (26) апреля 1863 г.

[1] Ср. письма 1453 и 1455.

1455. М. Н. Лонгинову (с. 168 и 343)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292.
Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 202.

[1] См. также письма 1453 и 1454. Отклики на эту рекомендацию содержатся в письме к Тургеневу В. П. Боткина и М. Н. Лонгинова, датируемом 6 июня 1863 г. В этот день Лонг обедал у Боткина вместе с В. А. Черкасским и Ф. М. Дмитриевым; Лонгинов писал о получении письма Тургенева через Лонга, прибавляя к этому: «Кажется, его так обставим здесь общими силами, что он увидит всё любопытное» (*Боткин и Т*, с. 178).

1456. В. Я. Карташевской (с. 169)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 43—44.
Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 115—116. Небольшой отрывок и частичный пересказ приведены в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 217).

[1] В работе Тургенева над статьей (или «лекциями») о Пушкине (см. письмо 1423, примеч. 3) принимали живое участие П. В. Анненков и В. Я. Карташевская. Они пересылали писателю за границу необходимые ему материалы о Пушкине (например, Анненков, по просьбе Тургенева, послал ему в Париж первый том своего издания сочинений Пушкина, содержащий «Материалы для биографии» поэта,— см. счет, посланный Тургеневу Анненковым: письмо 1420, примеч. 3), постоянно спрашивали и напоминали в письмах об обещанной статье, но она так и не была написана Тургеневым. Этими обстоятельствами объясняется и то, что Тургенев «не дерзает писать» Анненкову, так как ему «перед ним совестно».

[2] См. письма 1418, примеч. 1, 1447, примеч. 2, и Приложение II, № 3.

[3] Брат В. Я. Карташевской, Н. Я. Макаров, письмо которого к Тургеневу неизвестно, служил в это время управляющим акцизными сборами в Гродненской губернии. С января 1863 г., когда в Польше началось восстание, в литовских губерниях России, примыкавших к Царству Польскому, была также напряженная обстановка, вызванная активизацией революционной борьбы — с одной стороны, и усилением правительственного террора, возглавлявшегося М. Н. Муравьевым,— с другой.

1457. Полине Тургеневой (с. 170 и 344)

Печатается по подлиннику, *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 71.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 116.

Датируется предположительно, на том основании, что 13 (25) апреля 1863 г. Тургенев встретил в Париже, в доме Виардо (на улице Дуэ), Людвига Пича, с которым не виделся 16 лет. Рассказывая об этой встрече, Пич подробно говорит о больших переменах во внешности Тургенева, происшедших с тех пор, как они в 1847 г. обедали вместе с ним и с Мюллером-Штрюбингом в ресторане в Берлине (P i e t s c h L. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Erinnerungen aus den sechziger Jahren. Berlin, 1894. Bd. 2. S. 224—231). Возможно, что Тургенев, желая показать Пичу свой дагерротип 1848 г. и фотографии 1850-х годов, послал за ними на квартиру (улица Риволи, 210), где он жил с дочерью. См. письмо 1469.

1458. Луи Поме (с. 170 и 344)

Печатается по подлиннику из собрания А. Звигильского (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 83; в русском переводе — Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 8.

В автографе над текстом записки, справа, рукой Л. Поме проставлена дата: «Avril 1863», о чем свидетельствует надпись карандашом, сделанная дочерью Л. Поме Терезой Поме-Баллю: «Date inscrite par mon père» («Дата вписана моим отцом»). 20 апреля (2 мая) 1863 г. Тургенев уехал из Парижа в Баден-Баден (см. письмо 1462). Следовательно, помеченная вторником комментируемая записка не могла быть написана позднее 16(28) апреля — последнего вторника перед отъездом писателя.

[1] «Брак Олимпии» — пьеса в 3-х действиях Э. Ожье, впервые оставленная в театре «Водевиль» 17 июля 1855 г. и возобновленная

на той же сцене 6 марта 1863 г. Критика называла «Брак Олимпии» в ряду драматических произведений, отмеченных влиянием критической тенденции во французской литературе — главой этого направления считался Бальзак. Несколько переоценивая обличительный пафос последних пьес Ожье, критик «Revue des Deux Mondes» Ф. Франк определял их как тип «преувеличенно сатирической комедии» («comédie satirique à outrance»), упрекая драматурга в отказе от жанра «античной» комедии и комедии «сентиментальной» (Revue des Deux Mondes, 1863, t. 47, 1 septembre, p. 249).

1459. **Жюлю Этцелю** (с. 170 и 344)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Parménie*, p. 399.

Письмо датируется на основании следующих данных. Французский перевод повести «Первая любовь», выполненный Делаво, появился в середине марта 1863 г. в составе «Новых сцен из русской жизни» (Nouvelles scènes de la vie russe. Éléna ⟨т. е. «Накануне».— *Ред.*⟩. Un premier amour. Paris, 1863, в «Bibliographie de la France» зарегистрировано 21 марта 1863 г.). В Баден-Баден Тургенев уехал в субботу 20 апреля (2 мая) 1863 г. (см. письмо 1462). Поскольку Тургенев пишет о невозможности увидеться с Этцелем, есть основание полагать, что письмо написано незадолго до его отъезда. В таком случае среда (день, указанный Тургеневым) приходится на 17 (29) апреля 1863 г.

[1] О переводе «Волшебных сказок» Перро см. письмо 1356.

[2] Имеется в виду вызов Тургенева в Сенат по делу о «лицах, обвиняемых в сношении с лондонскими пропагандистами» (см. письмо 1418, примеч. 1, и ряд последующих писем, а также Офиц. письма и делов. бумаги, № 26, 27, и Приложение II, № 3).

1460. **Н. В. Ханыкову** (с. 171)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 117.

В описании рукописей Тургенева (*ГПБ*, *Описание*, с. 89) записка предположительно без аргументации датирована 1863 г. Датировка 1863 г. наиболее вероятна, но лишь до четверга 18 (30) апреля, так как 20 апреля (2 мая) 1863 г. Тургенев с дочерью и ее гувернанткой выехал из Парижа, где он встречался с жившим там Ханыковым, в Баден-Баден. Отсюда он 28 апреля (10 мая) известил Ханыкова о получении денег, взятых последним в долг (письмо 1466).

1461. **Йозефу Фричу** (с. 171 и 345)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 167. Подлинник хранится в Чешском национальном музее (Прага).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 118.

Датируется периодом одновременного проживания в Париже Тургенева, Й. Фрича и М. А. Маркович. Более ранняя датировка сомнительна, так как Тургенев познакомился с Фричем, вероятно, в Лондоне в мае 1862 г., а 22 мая (3 июня) 1862 г. выехал из Парижа

в Петербург и вернулся в Париж лишь 15 (27) октября того же года. Зиму 1862/63 г. Тургенев провел в Париже, в квартире по адресу, указанному в письме к Фричу. В то же время (с некоторыми перерывами) проживала в Париже и М. А. Маркович. 20 апреля (2 мая) 1863 г. Тургенев переехал из Парижа в Баден-Баден, и позже этого дня письмо не могло быть написано.

1462. **Н. С. Тургеневу** (с. 171)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 11. На письме рукою Н. С. Тургенева помечено: «Получ⟨ено⟩ 6-го мая, вечер, 6 час., Дрезден».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 118.

Стр. 172. устраивает ли тебя *(франц.)*.

[1] См. письмо 1447.

1463. **Н. В. Ханыкову** (с. 172)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 294.

[1] См. письмо 1466, примеч. 2.

[2] Пасси (Passy) — пригород Парижа, с 1860 г. вошедший в черту города.

1464. **Н. С. Тургеневу** (с. 172)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 12. Правый верхний угол листа — очевидно, с баденским адресом Тургенева — оторван. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 9 m⟨ai 1863⟩ Dresde. 9 h⟨eures⟩ d⟨u matin⟩ ⟨?⟩» («Получено 9 м⟨ая 1863 г.⟩ Дрезден. 9 ч⟨асов⟩ ⟨утра⟩ ⟨?⟩»).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 119.

[1] Это письмо Н. С. Тургенева неизвестно.

[2] Первоначально И. С. Тургенев предполагал приехать к брату в Дрезден (см. письма 1447 и 1462). Состоялась ли поездка Тургенева во Франкфурт-на-Майне — неизвестно.

1465. **Е. Е. Ламберт** (с. 173)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 128.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 161—163.

Стр. 174. счастливый случай *(франц.)*.

[1] Это письмо Ламберт к Тургеневу неизвестно.

[2] Тургенев высказывается здесь против довольно распространенных в массовой литературе 1840—1850-х годов назидательных повестей и рассказов «для народа», выражавших реакционные правительственные идеи покорности богу, властям и существующему порядку, а также против стилизации литературных произведений под народную речь. О последнем вопросе он писал еще в 1848 г. в письме к П. Виардо в связи с оценкой романа Жорж Санд «Франсуа-Найденыш» (см. наст. изд., Письма, т. 1, № 85).

1466. Н. В. Ханыкову (с. 174)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 294.

[1] См. письмо 1460.

[2] Париж в глазах Тургенева был центром европейского общественного мнения и европейской политики, где решался вопрос о возможном вмешательстве западноевропейских государств в борьбу польского народа с царской Россией. См. письма 1463 и 1474. Цимес — еврейское национальное сладкое блюдо из тушеных овощей. Здесь употреблено в переносном значении: «самое „вкусное", интересное».

1467. Жерве Шарпантье (с. 175 и 345)

Печатается по факсимильному воспроизведению: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 149. Подлинник хранится в собрании Рене Герра (Париж).

Впервые опубликовано: *Cahiers*, 1983, N° 7, p. 149, 158.

[1] Публикуемая записка к Ж. Шарпантье, издателю французского перевода «Отцов и детей», вышедшего в Париже в 1863 г. под редакцией и с предисловием П. Мериме (переводчик неизвестен), является приложением к письму Тургенева к Луи Поме от 3 (15) мая 1863 г. (№ 1468), которого писатель просил взять у Шарпантье 4 экземпляра своего романа, предназначавшихся Л. Поме, Л. Пичу, Линдау и Ришару. Позднее Тургенев будет еще раз просить Поме взять у Шарпантье 4 экземпляра романа (см. письмо 1491).

1468. Луи Поме (с. 175 и 345)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

Впервые опубликовано: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 149.

[1] Игра слов: «ennemi enraciné» означает «закоренелый враг» (от *франц.* racine — корень). Вместе с тем «enraciné» может быть образовано и от имени Ж. Расина. Здесь, возможно, кроется намек на совместное участие Тургенева и Л. Поме в постановках трагедий Расина в домашнем театре П. Виардо (см. примеч. 2), где, например, в «Ифигении» они исполняли роли соперников — Агамемнона и Ахилла. Отсюда — шутливое обращение Тургенева.

[2] В семье Виардо было принято устраивать домашние спектакли, в которых принимали участие как члены семьи, так и гости. Расин и Мольер были в числе любимых авторов. Так, в письме к В. П. Боткину от 25 октября (6 ноября) 1856 г. Тургенев сообщал, что он и его дочь участвовали в отрывках из «Ифигении в Авлиде» Ж. Расина (см. наст. изд., Письма, т. 3, № 535). О репетициях комедии Мольера вспоминал Фет (см.: *Фет*, ч. 1, с. 157). По-видимому, эта традиция не прервалась и после переезда семьи Виардо в Баден-Баден. Другие «важные роли», о которых говорит Тургенев, по всей вероятности, роли в опереттах, над которыми работали в это время Тургенев и П. Виардо. Скорее всего речь шла о Кракамше из «Последнего колдуна», задуманного еще в 1859 г. Л. Поме принимал активное участие в создании оперетт и нередко выступал исполнителем ролей. На афише 1867 г. второго представления оперет-

ты Тургенева и П. Виардо «Слишком много жен» имя Л. Поме значится в роли паши Пипуфа.

[3] П. Виардо упала с лестницы 3 мая 1863 г. Об этом несчастном случае она сообщила и Л. Поме, юмористически описав происшедшее и нарисовав автопортрет в неопубликованном письме от 7 мая 1863 г., которое хранится в частном собрании Ж. Гуний (Париж) и частично воспроизведено факсимиле в *Cahiers*, 1983, № 7, p. 148. См. об этом также в письме к Л. Пичу (№ 1469).

[4] В начале мая 1863 г. Тургенев вместе с дочерью и ее компаньонкой М. Иннис поселился в Баден-Бадене в доме М. Анштетт на Шиллерштрассе, 277 (см. письмо 1462).

[5] В неопубликованном письме от 3 мая 1863 г. П. Виардо писала Л. Поме: «Уже два места в доме носят ваше имя. Это комната для друзей, вернее, для друга, и один из уголков в большой гостиной, где я устроила некое приспособление вокруг стола, чтобы можно было удобно облокотиться на него. Это уголок Поме» (подлинник хранится в собрании Ж. Гуний; приведенный отрывок опубликован во французском оригинале: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 158).

[6] См. письмо 1467.

[7] Речь идет о французском переводе «Отцов и детей», вышедших в 1863 г. в издательстве Шарпантье с предисловием П. Мериме (см. письма 1441, примеч. 2, 1444, 1451). Экземпляр с дарственной надписью, подаренный Тургеневым Л. Поме, хранится, по сообщению А. Звигильского, в собрании Ж. Гуний (Париж) (см.: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 158).

[8] На следующий день Тургенев сообщал Л. Пичу о том, что просил Поме передать ему экземпляр французского издания «Отцов и детей» (см. письмо 1469). Впоследствии Пич откликнулся в «Vossische Zeitung» (сотрудником которой он состоял) на один из переводов «Отцов и детей» на немецкий язык (1868, 10 Juni); мнение Пича Тургенев процитировал в статье «По поводу „Отцов и детей“» (наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 90—91). Первый перевод «Отцов и детей» на немецкий язык был сделан в 1865 г. не с оригинала, а с французского издания 1863 г.

1469. Людвигу Пичу (с. 176 и 346)

Печатается по тексту первой публикации: Schlesische Zeitung, 1884, № 184, 13. März.

Подлинник неизвестен.

[1] Л. Пич 24 апреля н. ст. 1863 г. приехал в Париж. Здесь он 25 апреля в салоне Виардо неожиданно встретился с Тургеневым после шестнадцатилетней разлуки. Об этой встрече Пич рассказывает в письме из Парижа от 14 июня н. ст. 1863 г. к Теодору Шторму: «...в тот счастливый день на мою долю выпала еще одна, пожалуй, не меньшая радость. Десять минут спустя в комнату вошел Тургенев. Вообрази себе это свидание после 16 лет разлуки. У него (в 45 лет) волосы и борода совсем седые, но искусство сохранило его душу настолько свежей, что теперь он кажется моложе, чем тогда, когда бездеятельный и погруженный в меланхолию бродил по свету...» (*Лит Насл*, т. 76, с. 580). Покидая Париж (1 или 2 мая н. ст. 1863 г.), Тургенев подарил Пичу последнее издание своих произведений, вышедшее во французском переводе Делаво (Ivan T o u r g u é n e f. Nouvelles scènes de la vie russe. Paris, 1863). В своих мемуарах Пич выразительно описывает, как он много дней находился

целиком под впечатлением произведений Тургенева: «Тут впервые я смог узнать и оценить его поэтическую силу и искусство во всем их величии, чистоте и благородстве. Я вспоминаю, что по целым дням Париж и собственная цель моего приезда отступали для меня совершенно на задний план и я почти забывал о них, поглощенный этими творениями моего друга, прелесть которых совершенно пленила меня» (Vossische Zeitung, 1883, N° 429, 14 September; см. также: *Т в восп совр*, т. 2, с. 263). Пич сообщает, что в письме к Тургеневу, написанном около 10 мая н. ст. 1863 г. из Парижа и не дошедшем до нас, он подробно «рассказал Тургеневу о том огромном впечатлении, которое произвело на него чтение этих произведений», и что русский писатель ответил ему комментируемым письмом (см.: Schlesische Zeitung, 1884, N° 18, 13 März; см. также письмо 1457).

[2] Речь идет о французском переводе, сделанном Делаво в указанном выше издании (см. примеч. 1). «Еленой» назван здесь роман «Накануне».

[3] Боденштедт перевел «Первую любовь» спустя некоторое время: его перевод появился впервые в августе 1865 г. под названием «Fürstin Sinaide» («Княжна Зинаида») в мюнхенском «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung», а затем в издании: *Erzählungen*, t. 2.

[4] В письме к Т. Шторму от 14 июня н. ст. 1863 г. Пич сообщал о том, что под глубоким впечатлением от романа «Накануне» во французском переводе Делаво он в первом своем письме к Тургеневу из Парижа выразил желание перевести эту вещь на немецкий язык. Очевидно, в связи с этим он спрашивал Тургенева, не было ли у Боденштедта той же мысли, на что Тургенев здесь и отвечает. Насколько известно, Пич не осуществил этого одобренного Тургеневым намерения.

[5] На обратном пути из Парижа в Берлин Пич во второй половине июля остановился на несколько дней в Баден-Бадене.

[6] Письмо Полины Виардо к Пичу неизвестно.

[7] См. письмо 1468, примеч. 7. Как видно из письма Пича к Т. Шторму от 14 июня н. ст. 1863 г., Пич в это время еще не имел обещанного экземпляра.

[8] Письмо Пича к Т. Шторму от 14 июня н. ст. 1863 г. показывает, что эту книгу, вышедшую в апреле 1862 г. в издании Этцеля под названием «Dimitri Roudine, suivi d'Un journal d'un homme de trop et de Trois rencontres» («„Дмитрий Рудин", в сопровождении „Дневника лишнего человека" и „Трех встреч"»), Пич получил в подарок от Тургенева еще в Париже.

[9] Двухтомное издание «Scènes de la vie russe» (Париж, 1858; см. о нем: Письма, т. 3, № 644, примеч. 3 и 4), которого еще не было у Пича, он, вероятно, получил от Тургенева уже из Баден-Бадена в конце мая — начале июня. Это издание, по-видимому, имеет в виду Пич в письме к Т. Шторму от 14 июня 1863 г.: «Тургенев,— пишет он,— ⟨...⟩ подарил мне два толстых тома восхитительных рассказов (не простых очерков, как в „Записках") во французском переводе (один из них сделан Виардо)...» (*Лит Насл*, т. 76, с. 580—581).

1470. Н. В. Щербаню (с. 177)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 3—4.

Подлинник неизвестен.

Стр. 177. под бандеролью *(франц.)*.

[1] См. письмо 1463, примеч. 2.
[2] См. письмо 1468, примеч. 4.

1471. **Н. В. Ханыкову** (с. 177)

Печатается по подлиннику: *ГИБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 295.

[1] Сведения Ханыкова неточны. Речь идет, очевидно, о нотах, предъявленных Англией, Францией и Австрией русскому правительству в мае 1863 г., в которых содержалось требование созыва в Петербурге конгресса великих держав для решения польского вопроса. Это требование, как и ряд других, содержавшихся в нотах, было категорически отклонено министром иностранных дел кн. А. М. Горчаковым и Александром II на том основании, что польский вопрос является делом, касающимся исключительно России.

[2] Это сообщение неверно. Н. А. Милютин вернулся в Петербург только 25 августа (6 сентября) 1863 г. (см.: Leroy-Beaulieu A. Un Homme d'état russe. Paris, 1884. P. 160).

[3] Генерал-адъютант В. И. Назимов был в 1862—1863 гг. виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором. 30 апреля (12 мая) 1863 г. он был отставлен и вместо него генерал-губернатором шести губерний Северо-Западного края с диктаторскими полномочиями был назначен М. Н. Муравьев, получивший позднее за свою жестокость название «Вешателя». Отставка Назимова была вызвана «крайнею слабостию», «гуманным и миротворительным образом» его управления (*Никитенко*, т. 2, с. 331, 336, 337, 380), его нежеланием применить репрессивные меры против повстанцев. 30 мая ст. ст. того же года Никитенко записал в дневнике: «Муравьев распоряжается решительно. Три ксендза расстреляны в Вильно. В Динабурге тоже расстрелян граф Платер, в Ковно — Моль» (там же, с. 336). Расправа с восставшими поляками была для Муравьева естественным продолжением его кровавой деятельности во время Польского восстания 1831 г. и последовавшего за ним разгрома Виленского университета, о чем вспоминает здесь Тургенев.

[4] См. письмо 1470.

[5] Тургенев цитирует строки из фельетона Ф. М. Достоевского «Опять „Молодое перо"» (Время, 1863, март, отд. «Современное обозрение», с. 163), полемически направленного против заметки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тревоги „Времени"» (*Совр*, 1863, № 3, отд. «Современное обозрение», с. 175—201), в которой тот, сатирически пародируя стихи Ф. Берга, напечатанные во «Времени», высмеивал братьев Достоевских и ближайших сотрудников журнала. Пародийные стихи из статьи Достоевского, приведенные Тургеневым, были позднее высмеяны «Искрой» в шарже «Утро у редактора» (Искра, 1864, № 11).

1472. **Ф. М. Достоевскому** (с. 178)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, № 97, л. 17—18.

Впервые опубликовано: *Из архива Достоевского*, с. 123—124.

[1] О «Призраках» см. также письмо 1423, примеч. 4. Преди-

словие, о котором пишет Тургенев, было напечатано перед текстом «Призраков» (Эпоха, 1864, № 1-2, с. 1). В последующих изданиях оно было снято. Автограф его, носящий название «Вместо предисловия» и подписанный «И. Т.», хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 212, оп. 1, № 97, л. 27; см.: *Из архива Достоевского*, с. 124—125).

[2] Достоевский ответил Тургеневу письмом от 17 июня 1863 г. из Петербурга, в котором сообщал о запрещении «Времени» (*Достоевский*, т. 28, кн. 2, с. 33—35).

[3] Благожелательные упоминания о себе и отзывы о своих произведениях Тургенев мог встречать во «Времени» многократно и прежде всего в статьях ведущих сотрудников этого журнала А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова.

1473. В. Я. Карташевской (с. 179)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 45—46.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и И*, *Письма*, т. V, с. 126—127. Небольшой отрывок из письма приведен в статье С. А. Переселенкова «Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской» (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 218).

[1] Карташевская обычно проводила лето в своем имении на Украине (см. письмо 1361, примеч. 1).

[2] Тургенев отвечает на письмо Анненкова от 7 мая ст. ст. 1863 г., в котором Анненков напоминает ему о счете за пересылку из Петербурга книг, нот и т. д. (см. письмо 1420, примеч. 3, а также письмо 1472).

[3] Имеются в виду «Призраки». названные в подзаголовке «фантазией».

[4] Тургенев называет сестрами родственниц В. Я. Карташевской — Г. А. Ракович (Анненкову) и, по всей вероятности, Н. Г. Маркович.

1474. Н. В. Щербаню (с. 180)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вести*, 1890, № 8, с. 4—5.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1471, примеч. 5.

[2] В «Одесском вестнике» 1863 г. (№ 43 и 44, 20 и 23 апреля) под рубрикой «Письма из захолустья» напечатана статья «Старые дела», в которой ее автор Алим Оразский (псевдоним Н. В. Щербаня) рассказал историю молодой женщины Валерии В., невинно осужденной по обвинению в покушении на убийство мужа, и документально подтвердил недобросовестность ведения следствия и судебного разбирательства.

[3] Имеется в виду роман Чернышевского «Что делать?» (*Совр*, 1863, № 3, 4 и 5). См. письма 1452 и 1475.

[4] Тургенев хотел, очевидно, иметь продолжение «Рапсодий о нигилизме» — сатирического стихотворения В. С. Курочкина, осмеивавшего «крестовый поход» реакционеров и либералов против нигилизма, начало которому, по мнению автора, было положено «Отцами и детьми». Прозаическое «Вступление», подписанное «Пр. Знаменский», и «Песнь первая» «Рапсодий» были напечатаны в «Искре» (1863, № 11, 24 марта). В конце «Песни первой» было указано «Продолжение будет», но продолжения не последовало.

[5] Речь идет о выборах в законодательный корпус (нижнюю

палату Франции), которые состоялись 19 (31) мая 1863 г. Результаты выборов были объявлены 21 мая (2 июня), в день написания этого письма. В законодательный корпус Франции вошло 30 депутатов из оппозиции, в том числе Тьер, Беррье, Дюфор и др. Корреспондент «Северной почты» сообщал, что в Париже существует мнение, будто одержанная оппозицией победа на выборах приведет к военному разрешению польского вопроса (1863, № 116, 29 мая).

1475. **Н. В. Щербаню** (с. 181)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 5—7.

Подлинник неизвестен.

Ошибка в дате (несоответствие старого и нового стилей) принадлежит либо Тургеневу, либо публикации; исправлена в настоящем издании соответственно дате старого стиля. Исправление основано на словах Тургенева, что он «вчера» кончил «Призраки», а эта повесть, как свидетельствует помета на ее рукописи, была закончена 1 (13) июня (*Mazon*, p. 61); следовательно, настоящее письмо написано 2 (14) июня.

[1] «Le Nain Jaune» («Желтый карлик») — французский еженедельный журнал искусств, наук и литературы, основанный в 1814 г. Кошуа-Лемером. Журнал был преобразован с 16 мая 1863 г. Орельеном Шолем, который превратил его в литературный журнал «легкого жанра».

[2] «Le Nord» — официозная газета, выходившая на французском языке в Брюсселе; основана в 1856 г. Н. П. Поггенполем, субсидировалась русским правительством (см. письмо 1477, примеч. 9).

[3] Во французской газете «Patrie» был помещен фальшивый «Документ, найденный на раскольниках после ливонских убийств 27, 28, 29 апреля 1863», который содержал якобы секретный указ русского царя, повелевавший, «укрепив дух водкой, избить всех католиков до последнего». Н. В. Щербань в газете «Le Nord» выступил с разоблачением подделки. Об этом см.: Щербань Н. В. Тридцать два письма И. С. Тургенева // *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 5—6.

[4] 11 июня н. ст. 1863 г. парижские газеты известили о взятии французскими войсками мексиканской крепости Пуэбло. Тургенев, очевидно, имеет в виду, что ожидаемое завершение военных действий в Мексике создаст благоприятные условия для вооруженного выступления Франции против России в связи с Польским восстанием.

[5] В майском номере «Современника» за 1863 г. были напечатаны окончание романа Чернышевского «Что делать?» и понравившаяся Тургеневу статья В. В. Стасова «После всемирной выставки», посвященная анализу выставленной живописи. Кроме романа Чернышевского и статьи Стасова, в журнале были помещены: «Сцены в больнице» В. А. Слепцова, «Крестьянское дело и общественная инициатива» Ю. Г. Жуковского, «Очерки старинного быта Польши» Е. П. Карновича и др.

[6] См. письмо 1423, примеч. 4.

[7] Об этом см. письма Тургенева к М. Н. Лонгинову за 1856 г. наст. изд., Письма, т. 3).

[8] Речь идет о романе «Дым», задуманном в 1862 г., но оконченном лишь в начале 1867 г.

1476. В. Н. Кашперову (с. 182)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Обозр*, 1895, № 11, с. 930.

Подлинник неизвестен.

[1] В. Н. Кашперов дал Тургеневу на отзыв либретто задуманной им оперы «Пугачев». В письме к Тургеневу от 21 июля 1863 г. композитор напоминал: «Жду Ваших замечаний на „Пугачева“, а до тех пор и не начну серьезно работать» (*Т сб*, вып. 1, с. 399). То же в письме от 22 августа 1863 г.: «Будьте отец родной,— ответьте что-нибудь относительно моего либретто, Иван Сергеевич. Я теперь без дела,— и это у меня лежит на совести» (там же). Тургенев так и не выслал своих замечаний Кашперову (см. письмо к В. Н. Кашперову от 25 октября (6 ноября) 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6).

[2] О Татариновых В. Н. Кашперов писал Тургеневу 7 мая н. ст. 1863 г.: «В Бадене живет наш родственник и хороший приятель К. Н. Татаринов — больной; его жена — бывшая Тургенева...» (*Т сб*, вып. 1, с. 394). Судя по следующему письму Кашперова к Тургеневу (июнь — сентябрь 1863 г.), Тургенев не только познакомился с Татариновыми, но и завязал с ними дружеские отношения: «Как мне Вас благодарить, мой добрый и милый Иван Сергеевич?.. По письмам Татаринова видно — до какой степени Ваше благодетельное влияние на них отражается... Пока Вы можете, не бросайте их Вашим советом» (там же, с. 395).

1477. Н. В. Щербаню (с. 182)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 7—8.

Подлинник неизвестен.

Стр. 182. кабинет для чтения *(франц.)*.

[1] См. письмо 1475, примеч. 1.

[2] Речь идет о статье «Лжемудрость героев г. Чернышевского», напечатанной в «Северной пчеле» (1863, № 138, 27 мая) за подписью «Ростислав» (псевдоним Ф. М. Толстого). Автор статьи, называя роман Чернышевского «антихудожественным произведением», высказал предположение, что он написан «в отпор художественному произведению И. С. Тургенева „Отцы и дети“».

[3] Тургенев имеет в виду статью «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“» (*Сев Пчела*, 1863, № 142, 31 мая). «Николай Горохов» — псевдоним Н. С. Лескова. Отмечая слабость «Что делать?» в художественном отношении, автор рецензии тем не менее писал, что «роман г. Чернышевского — явление очень смелое, очень крупное и в известном отношении очень полезное». Полезность романа Чернышевского Лесков видел в том, что его автор в нем ответил на вопрос, что должны делать «настоящие нигилисты», пришедшие на смену Базарову.

[4] Статья «Роковой вопрос», напечатанная с подписью «Русский» в № 4 «Времени» за 1863 г. (отд. «Современное обозрение», с. 152—163), имела целью разъяснить причины, приведшие к Польскому восстанию 1863 г. Автор ее, Н. Н. Страхов, рассматривая вопрос со славянофильской точки зрения, видел основную причину в различии исторических путей России и Польши. Противопоставляя «самобытность» России «европеизму» Польши, он тем не менее ут-

верждал, что поляки «достигли высшей культуры» и поэтому «по праву, по идее им должна принадлежать главная роль в славянском мире» (там же, с. 156). По объяснению Ф. М. Достоевского (в письме к Тургеневу от 17 июня ст. ст. 1863 г.: *Достоевский*, т. 28, кн. 2, с. 34), «в статье были некоторые неловкости изложения, недомолвки, которые и подали повод ошибочно перетолковать ее». Действительно, статья вызвала возмущение и у либералов и у реакционеров, отразившееся в ряде газетных и журнальных заметок. Правительство, боявшееся всякого обсуждения польского вопроса, откуда бы оно ни исходило, запретило журнал Достоевских. В газете Министерства внутренних дел «Северная почта» (1863, № 119, 1 июня) в связи с этим было напечатано следующее сообщение: «По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел о помещении в № IV журнала „Время“ статьи, под заглавием „Роковой вопрос“, направленной прямо наперекор всем патриотическим чувствам и заявлениям, вызванным нынешними обстоятельствами, а с тем вместе и всем действиям правительства, до них относящимся, высочайше повелено 24-го мая: прекратить издание журнала „Время“».

[5] Роман Писемского — «Взбаламученное море».

[6] См. письмо 1471, примеч. 5.

[7] Журнал братьев Достоевских был возобновлен в 1864 г. под названием «Эпоха»; здесь и были напечатаны «Призраки» (см. письмо 1423, примеч. 4).

[8] «Современник», приостановленный на восемь месяцев летом 1862 года, был снова разрешен с февраля 1863-го.

[9] По словам Щербаня в примечании к публикации этого письма Тургенева, «Le Nord» (см. письмо 1475, примеч. 2) переходил тогда из личной собственности основателя этой газеты Н. П. Поггенполя к небольшому кружку акционеров (в который, очевидно, входил и Щербань).

[10] Этот перевод, вероятно, не был завершен. Позднее «Призраки» были переведены Мериме под названием «Apparitions» (см.: Revue des Deux Mondes, 1866, 15 juin; Nouvelles Moscovites. Paris: Hetzel, 1869).

1478. **Фридриху Боденштедту** (с. 183 и 347)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 5—7. На конверте помета рукой Ф. Боденштедта: «Bekommen 11 Juli» («Получено 11 июля»).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 453—454.

[1] Боденштедт повредил себе руку во время загородной поездки.

[2] Тургенев ошибочно называет так Августу Эйхталь (Eichthal); Боденштедт в неизданном письме к своей жене от 30 июня н. ст. 1863 г. сообщал, что она переехала из Мюнхена в Баден-Баден.

[3] Альбом романсов П. Виардо был издан в 1864 г. почти одновременно в России, в Петербурге (см. письмо 1549, примеч. 4 и след.), и в Германии, но не в Карлсруэ, а в Лейпциге. См. также письмо 1428, примеч. 8, 9.

[4] Боденштедт уже в 1854 г. издал два тома своих переводов Пушкина (Alexander Puschkin's poetische Werke aus dem Russischen übersetzt von Fr. Bodenstedt. Berlin, 1854. 1 u. 2 Bde.), куда вошли некоторые лирические стихотворения, сказки, поэмы, «Евгений Онегин»; в 1855 г. был издан третий том, содержащий драматургию. Издание вызвало в Германии многочисленные отклики

(см.: Межов В. И. Puschkiniana. СПб., 1886, № 3318—3334). Из намеченных Тургеневым стихотворений для альбома сюда вошли переводы «Тучи» и «На холмах Грузии» (Bd. 1, S. 20 и 21).

1479. А. А. Фету, В. П. Боткину и И. П. Борисову (с. 185)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 84—85.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 432—434, с пропусками и искажениями.

Стр. 186. соответствие *(франц.)*.

1 Тургенев, очевидно, адресовал это письмо к Фету в Степановку, так как знал о предполагаемом приезде туда Боткина и Борисова. Ответное письмо Боткина (см.: *Боткин и Т*, с. 179—180) написано в Степановке, а Борисов в своем ответном письме от 10 июля ст. ст. 1863 г. сообщает, что в течение последнего месяца он и его сын Петя «два раза побывали в Степановке» (*Т сб*, вып. 4, с. 378). Письмо Фета к Тургеневу до нас не дошло.

2 Речь идет о письме к Тургеневу от 6 июня ст. ст. 1863 г., в котором Боткин, описывая шовинистические настроения части московского общества в связи с Польским восстанием, сообщал: «Через 3 дня Английский клуб дает обед Каткову, как изъявление сочувствия к его истинно патриотическому направлению» (*Боткин и Т*, с. 176). Катков в это время в «Московских ведомостях» всячески поносил Польшу и призывал к расправе над польскими повстанцами. Отрицательный отзыв Тургенева об этом обеде, на котором пили за здоровье М. Н. Муравьева, см. в письме 1480.

3 В письме от 6 июня ст. ст. 1863 г. Боткин сообщал: «Журнал „Время" запрещен — и, я думаю, ни один человек не пожалеет о нем» (*Боткин и Т*, с. 177; ср. письмо 1477, примеч. 4).

4 Речь идет о «Призраках», которые предполагалось напечатать в журнале «Время» (см. письмо 1423, примеч. 4).

5 Это письмо Фета неизвестно.

6 Речь идет о стихотворении Фета «Весенние мысли», переведенном на немецкий язык, очевидно, самим автором. Этот перевод неизвестен.

7 См. письма 1478, примеч. 3 и 4, 1510, примеч. 5.

8 Ср. письма 1452, примеч. 6, 1474, примеч. 5, 1475, примеч. 4.

9 В мартовской книжке «Русского вестника» за 1863 г. было напечатано продолжение записок Фета «Из деревни». На нескольких страницах Фет с мрачным юмором рассказывал о своих мытарствах в связи с починкой деревенскими мастерами веретена от молотильной машины.

10 Цитата из стихотворения Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок...». Лицам, принимавшим участие в редактировании сборника стихотворений Фета 1856 г. (Тургеневу, Дружинину, Некрасову, Анненкову, Боткину и др.), смысл этого стихотворения казался очень неясным и даже темным, и они его толковали поразному (см.: *Фет*, ч. 1, с. 127—128).

11 На 344—345-й страницах статьи «Из деревни» (*Рус Вести*, 1863, № 3) Фет критикует принципы образования в России; в связи с этим он упоминает о герое романа «Отцы и дети» Базарове и сравнивает его с бильярдным шаром, выскочившим за борт. Смысл сравнения заключается в том, что, по мнению Фета, Базаров, благодаря своему уму и развитию, склонен все время «рикошетировать», т. е.

критиковать, отрицать. Критикует же и отрицает он потому, что его «нравственно-христианское воспитание» в детстве и юности было недостаточным и Базаров, вследствие этого, выскочил «за борт» своей среды. «Что же, повторяем мы,— пишет Фет,— делать выскочившему за борт? Все предметы для него безразличны. Он на всё смотрит при помощи источников изобретения... В нем жив импульс, заставивший его выскочить за борт; он чувствует потребность рикошетировать, а тут на беду бортов-то и нет».

[12] В мартовском номере «Русского вестника» за 1863 г. была напечатана первая часть романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море».

[13] Тургенев цитирует известную «великопостную молитву Ефрема Сирина».

[14] Тургенев отвечает на письмо И. П. Борисова от 23 апреля ст. ст. 1863 г. (*Т сб*, вып. 4, с. 376—377).

1480. **Н. В. Щербаню** (с. 186)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 8—9.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1479, примеч. 12.

[2] См. письмо 1475, примеч. 1.

[3] «The Galignani's Messenger» — большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета, издававшаяся в Париже на английском языке и сообщавшая известия об английской и французской жизни; основана в 1814 г. Дж. А. Галиньяни.

[4] Речь идет о статье «Роковой вопрос» (см. письмо 1477, примеч. 4).

[5] Письмо Ф. М. Достоевского от 17 (29) июня 1863 г. (см. письмо 1472, примеч. 2). О возобновлении журнала братьев Достоевских см. письмо 1477, примеч. 7.

[6] «Большой роман» — «Дым».

[7] Тургенев, в отличие от Щербаня, Боткина, Лонгинова и других его друзей-либералов, отрицательно относился к действиям русского самодержавия, жестоко расправлявшегося с польскими повстанцами, и в частности к М. Н. Муравьеву-Вешателю. В примечаниях к этому письму Щербань пишет: «Боткин сильно журил Тургенева за нерасположение к деятельности Муравьева» (*Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 9). 9 (21) июня 1863 г. в Москве в Английском клубе был дан обед М. Н. Каткову как автору официозных статей по польскому вопросу. В числе прочих тостов был провозглашен тост за Муравьева, о чем была послана ему в Вильно телеграмма. Отчет об обеде см.: Русский инвалид, 1863, № 131, 15 июня.

1481. **Валентине Делессер** (с. 187 и 348)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: в отрывке — *Parturier*, p. 27; полностью — *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 136.

[1] Иронический намек на тенденциозное противопоставление «европеизма» поляков «азиатчине» русских распространенное в западноевропейской публицистике в эпоху Польского восстания.

[2] Роман — «Дым».

[3] Речь идет о «Призраках».

[4] С 21 июня по 6 июля 1863 г. Мериме находился в Фонтенбло. См. письма Мериме к А. Паницци от 16 июня н. ст. 1863 г. и к принцессе Матильде от 6 июля н. ст. 1863 г. (*Mérimée*, II série. T. 5. P. 397—398, 424).

1482. **Н. В. Щербаню** (с. 188)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 9—10.

Подлинник неизвестен.

Стр. 188. дегтярную воду *(франц.)*.

Стр. 188. «он не выходит из жизни» *(франц., искаженное)*.

[1] См. письмо 1477, примеч. 4.

[2] По-видимому, Щербань посылал Тургеневу не целые книжки «Русского вестника» (что было бы очень дорого), но вырезанные отдельные статьи — в данном случае из № 3 начало «Взбаламученного моря» и статью «Польша» (см. письмо 1485, примеч. 3).

[3] См. письмо 1477, примеч. 9.

[4] Речь идет о сатирических сценах Николая Потехина «Наши в Париже», напечатанных в «Искре» (1863, № 23, 21 июня, с. 322—329).

[5] Неточная цитата из богослужебного текста.

[6] Газета «The Galignani's Messenger» (см. письмо 1480, примеч. 3).

1483. **Фридриху Боденштедту** (с. 189 и 348)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 8—10; на конверте почтовый штемпель: «Baden, 15.7.63».

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 454—455, с сокращениями.

Дата почтового штемпеля опровергает дату постскриптума, помеченного «16 июля», и ставит под сомнение первую дату письма, начатого, по-видимому, накануне. Поэтому письмо следует, вероятно, датировать 2, 3 (14,15) июля.

[1] Боденштедт в письме к Тургеневу от 11 июля н. ст. 1863 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 319) писал, что посылает ему переводы пяти стихотворений Пушкина: «Заклинание», «Туча», «Цветок», «Ночь», «На холмах Грузии».

[2] Замечания, предложенные далее Тургеневым по текстам переводов стихотворений Пушкина «Заклинание», «Туча», «Цветок», «Ночь» (в альбоме: «Ночью»), «На холмах Грузии» (в названии которого Тургеневым допущена ошибка: «Hügel» вместо «Hügeln») и связанные с музыкой к ним П. Виардо, были почти полностью учтены Боденштедтом (см. петербургское и лейпцигское издания альбома 1864 г., а также: B o d e n s t e d t Fr. Gesammelte Schriften. Berlin, 1866. Bd. 7).

[3] Французский музыковедческий термин «monstre» (женск. р.) означает образец словесной фразы или стиха, показывающий соответствие его ритмического и интонационного строя ритмическому и интонационному строю музыкальной фразы.

[4] Какое стихотворение Фета разумеет здесь Тургенев — неизвестно; в окончательном составе альбома двенадцатым был романс

не на слова Фета, а на стихотворение самого Тургенева «Синица» («Die Meise»).

[5] Стихотворение Пушкина «Туча» не было включено в альбом романсов 1864 г. Вместо него сюда вошло стихотворение «Узник», перевод которого был издан Боденштедтом еще в 1854 г. («Alexander Puschkin's poetische Werke»). Под «Ночной мглой» Тургенев разумеет, очевидно, стихотворение Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла», перевод которого тоже был уже напечатан Боденштедтом в 1854 г. (см. письмо 1478, примеч. 4).

[6] Письмо Боденштедта от 13 июля н. ст. (см. *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 321). Замечания Тургенева на присланные Боденштедтом переводы стихотворений Фета см. в письме 1484.

1484. **Фридриху Боденштедту** (с. 191 и 350)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 11—13; на конверте почтовый штемпель: «Baden, 16.7.1863».

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 455—457.

О несоответствии даты письма и даты почтового штемпеля см. письмо 1483, примечание.

[1] Следующие далее замечания Тургенева к немецким переводам Боденштедта стихотворений Фета «Шепот, робкое дыханье», «Тихая, звездная ночь», «Я долго стоял неподвижно» (в альбоме озаглавлено: «Звезды»), «Полуно́чные образы» и Пушкина «Для берегов отчизны дальной», предназначенным для альбома романсов П. Виардо, почти полностью учтены переводчиком при окончательной обработке текстов применительно к написанной для них музыке (см. петербургское и лейпцигское издания альбома 1864 г., а также: B o d e n s t e d t Fr. Gesammelte Schriften. Bd. 7; ср. письмо 1483, примеч. 2).

[2] Тургенев имеет в виду свое письмо к Боденштедту от 24 июня (6 июля) 1863 г. (№ 1478).

[3] Боденштедт незадолго до этого издал сборник своих переводов сонетов Шекспира: William Shakespeares Sonette in deutscher Nachbildung von F. Bodenstedt. Berlin, 1862.

[4] См. письмо 1478, примеч. 2.

[5] Статья Боденштедта о собрании сочинений Тургенева (т. е., очевидно, о четырехтомном издании Н. А. Основского, 1860—1861) в печати неизвестна.

1485. **Н. В. Щербаню** (с. 194)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 10.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1482, примеч. 2.

[2] См. письмо 1477, примеч. 4.

[3] В № 3 «Русского вестника» по польскому вопросу были напечатаны: статья «Польша» (с. 429—468), переведенная из английского журнала «Quarterly Review» и присланная Щербанем Тургеневу, и редакционная статья «Что нам делать с Польшей?» (с. 469—506), которую Тургенев не получил (см. письмо 1482, примеч. 2).

[4] «Галиньяни» — газета «The Galignani's Messenger» (см. письмо 1480, примеч. 3).

[5] Щербань предлагал присылать Тургеневу газету «День», которая издавалась И. С. Аксаковым (см. письмо 1482).

[6] См. письма 1526 и 1529.

1486. **Е. Е. Ламберт** (с. 194)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 129.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 164—165.

Стр. 195. Приближаюсь к трупу *(лат.)*.

[1] Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде, ныне г. Загорске, под Москвой.

[2] Имеется в виду Польское восстание и возможность войны с европейской коалицией.

[3] Речь идет о привлечении Тургенева к «делу 32-х» (см. письма 1418, примеч. 1, 1425, 1429, 1432, 1435 и др.). Очевидно, в не дошедшем до нас письме к Ламберт говорилось о дальнейшем ходе следствия по делу.

[4] «Вещь» — рассказ «Призраки» (см. письмо 1423, примеч. 4).

[5] О статье Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» см. письмо 1477, примеч. 4.

[6] Роман, задуманный Тургеневым,— «Дым».

[7] Письмо, о котором говорит Тургенев, неизвестно. Ответом на него является письмо 1465.

1487. **Луи Поме** (с. 196 и 352)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).
Впервые опубликовано: *Cahiers*, 1983, N° 7, p. 150.

[1] П. Виардо действительно написала Л. Поме с 7 июня по 17 июля 5 писем, которые хранятся в собрании Ж. Гупий (Париж). (См.: *Cahiers*, 1983, № 7, р. 158.)

[2] В письме к Л. Поме от 17 июля н. ст. 1863 г. П. Виардо писала: «Наш добрый Тургенев очень болел эти дни. Ему немного лучше, но боюсь, что надежды на избавление от его ужасной болезни нет. Временами он совсем теряет присутствие духа — тогда его нужно любой ценой развлекать. Мы ухаживаем за ним, как можем, но его дочь, говорю это с сожалением, не очень к нему внимательна» (подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж); цитируемый отрывок опубликован во французском оригинале: *Cahiers*, 1983, № 7, р. 158).

1488. **А. И. Герцену** (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 85—86.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 179—180, с ошибкой в дате — «июнь» вместо «июль».

[1] Автор корреспонденции из Парижа, напечатанной в газете «День» (1863, № 22, 1 июня, с. 4—5), приписал Тургеневу намерение в грубой форме высмеять статьи, помещавшиеся в европейской прессе, о зверствах царских войск в Польше. В ответ на это сообщение Герцен выступил в «Колоколе» (1863, л. 167, 10 июля, отдел «Смесь») с заметкой «Не верим!», в которой писал: «22 № „Дня“ в

корреспонденции из Парижа говорит о новой мере иронического наказания поляков, преувеличивающих злодейства русского начальства. Ее изобрел знаменитый И. С. Тургенев. Даровитый автор „Отцов и детей“ будто бы вознамерился в подложной корреспонденции рассказать, „как один казачий полковник поссорился с своим эсаулом за то, что тот жареных польских детей ест с французской, а не с английской горчицей“ ⟨...⟩ Тургенев вовсе не политический человек, это он доказал так же блестяще, как все, что он доказывал. Но не будучи человеком политическим, он все же *человек* — и понимает, как было бы безнравственно жартовать над поляками, когда над ними тешутся такие милые забавники, как Муравьев и вся палачующая братия. Не верим, да и только!» В заметке «Из Парижа», о которой пишет Герцен, неизвестный автор излагал сообщение, напечатанное во французской газете «L'Europe» якобы от собственного корреспондента, где рассказывалось о «варварских приемах ведения войны русскими войсками в Польше»,— сообщение явно выдуманное и клеветническое. К этому сообщению автор письма «Из Парижа» добавлял, что будто бы «И. С. Тургенев хотел после этого написать письмо из Кракова, с известием, что один казачий полковник...» (и т. д., как приведено в «Колоколе»). Форма этого упоминания о Тургеневе позволяла думать, что приписанное ему намерение написать «письмо из Кракова» было услышано автором письма от него самого, что и вызвало возмущение Герцена и ответ Тургенева (см. примеч. 3 и 4).

[2] Тургенев намекает на свою переписку с Герценом в 1862 г. по поводу статей Герцена «Концы и начала» (см. письмо 1418, примеч. 3).

[3] Просьбу Тургенева Герцен выполнил. В «Колоколе» от 1 августа 1863 г. (л. 168), в отделе «Смесь» Герцен поместил следующее опровержение: «*Английская и французская горчица Московского „Дня“*. Мы получили положительное удостоверение, что слова, приписанные г. И. Тургеневу (повторенные нами в Кол⟨околе⟩ л. 167), чистая выдумка».

[4] В письме к редактору газеты «День» И. С. Аксакову (№ 1489) Тургенев также просил поместить опровержение. Аксаков, напечатав это письмо Тургенева в газете «День» (1863, № 29, 20 июля, с. 20), писал при этом: «Охотно исполняем желание многоуважаемого нами писателя и извиняемся пред ним и пред публикой, что поместили такое неверное сведение. Нам это очень прискорбно, особенно потому, что оно так неприятно г. Тургеневу. Но, право, мы и теперь думаем, что отвечать на польские баснословные клеветы невозможно иначе, как смехом!» Примечание Аксакова, как видно, оставляло в читателях двусмысленное впечатление по отношению к Тургеневу, что подчеркивало разность их позиций в польском вопросе.

1489. Редактору «Дня» (с. 197)

Печатается по тексту первой публикации: День, 1863, № 29, 20 июля ст. ст.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1488, примеч. 1, 3, 4.

1490. Фридриху Боденштедту (с. 198 и 353)

Печатается по копии, присланной Ф. Боденштедтом в редакцию «Русской старины»: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 35, л. 522—523.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 457—458.
Подлинник неизвестен.

[1] Стихотворение Пушкина «Ночь» было включено в альбом романсов П. Виардо в немецком переводе, предложенном Тургеневым, с незначительными изменениями.

[2] См. письмо 1581.

1491. Луи Поме (с. 199 и 353)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

Впервые опубликовано: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 150.

[1] Речь идет о французском издании «Отцов и детей» (ср. письмо 1468, примеч. 7). Один из экземпляров, по-видимому, предназначался М. Гартману (см. письмо к нему, № 1493).

[2] В этот же день Тургенев просил Н. В. Щербаня передать Поме «русский экземпляр» «Отцов и детей» (см. письмо 1492), имея в виду, очевидно, первое отдельное издание романа, вышедшее в свет в начале сентября 1862 г. (см. письмо 1348, примеч. 2).

1492. Н. В. Щербаню (с. 199)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вести*, 1890, № 8, с. 10.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1491, примеч. 2.

1493. Морицу Гартману (с. 199 и 353)

Печатается по подлиннику: Венская городская библиотека (Wiener Stadtbibliothek), № 48757. Фотокопия — в *ИРЛИ*.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 148—149, за исключением отрывка, цитируемого в статье Е. И. Покусаева, Т. И. Усакиной и Г. Цигенгайста «J. G. Oksman— ein hervorragender Repräsentant des sowjetischen Literaturwissenschaft» (Zeitschrift für Slawistik, 1961, Bd. 6, H. 3, S. 460).

[1] Речь идет о фотографии, снятой парижским фотографом Э. Каржа (см.: *ПД*, *Описание*, с. 65, № 457, с неверной датировкой — «1864» вместо «1863»,— принятой соответственно дате дарительной надписи П. А. Плетневу на экземпляре *ИРЛИ*). Посланная Тургеневым Гартману фотография воспроизведена ксилографически, с немецким факсимиле Тургенева, в штутгартском журнале «Freya. Illustrierte Blätter für die gebildete Welt» (Vierter Jahrg., 1864, S. 85), при переводе рассказа «Муму», сделанном Гартманом.

[2] Присланные Тургеневым биографические материалы были введены Гартманом почти дословно в предисловие («Biographische Einleitung») к его переводу «Муму» (см. письмо 1632, примеч. 2).

[3] Здесь у Тургенева неточность: его пребывание в Берлине продолжалось до мая 1841 г.

[4] О совместной жизни и работе с Тургеневым М. А. Бакунин писал своим сестрам (см.: *Бакунин*, т. 3, с. 40).

[5] Тургенев прежде всего имеет в виду поэму «Параша», опубликованную отдельным изданием в 1843 г. Называя ее своим первым стихотворением, он, однако, допускает неточность, так как

начал писать стихи с 1834 г. (см. наст. изд., Сочинения, т. 1, а также письмо 1494, примеч. 4).

[6] Очерк «Хорь и Калиныч» был опубликован: *Совр*, 1847, № 1.

[7] Это намерение было, по-видимому, связано с реакцией в России и революционными событиями во Франции в 1848 г., общением с А. И. Герценом, М. А. Бакуниным, Г. Гервегом, Н. И. Сазоновым и другими эмигрантами, с которыми он встречался в 1848 г. за границей, а также с П. и Л. Виардо, сочувствовавшими сен-симонизму. О желании Тургенева стать политическим эмигрантом см. его собственное свидетельство, записанное после беседы в Петербурге 4 марта 1880 г. Л. Н. Майковым (*Рус Ст*, 1883, № 10, с. 207).

[8] О психической болезни С. П. Геркена см.: Bamberger L. Erinnerungen. Berlin, 1899. S. 288—289. Теща — О. Ф. Трубецкая.

[9] Французское издание «Отцов и детей» (см. письма 1441, примеч. 2, 1468, примеч. 7, а также 1491, примеч. 1).

1494. Фридриху Боденштедту (с. 200 и 354)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 458—459.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо написано в самый день отъезда Боденштедта из Баден-Бадена, где он пробыл с 6 по 13 августа н. ст. 1863 г.

[2] Биографическая справка о Тургеневе предназначалась для предисловия к двухтомнику его рассказов в немецком переводе Боденштедта. Можно думать, что Тургенев, несмотря на неоднократные обещания (см. письма 1503 и 1510), не написал ничего сверх тех основных сведений, которые он дал в настоящем письме, т. е. не составил обзора своей литературной деятельности. По крайней мере, написанное, вероятно, самим Боденштедтом предисловие к первому тому издания (*Erzählungen*, t. 1, S. V — X) содержит лишь краткие биографические сведения, а из произведений Тургенева упоминает только «Парашу» и «Записки охотника». Тургенев внес в первоначальный текст этого предисловия ряд дополнений (см. письмо к Боденштедту от 30 июня (12 июля) 1864 г.— наст. изд., т. 6).

[3] Тургенев ошибается, считая время учения в Берлине с 1835 г., на самом деле он учился там в 1838—1841 гг.

[4] Имеется в виду поэма (или «рассказ в стихах») «Параша», напечатанная отдельной книжкой в 1843 г. (см. наст. изд., Сочинения, т. 1).

[5] Этот обзор, по-видимому, так и не был написан Тургеневым (см. примеч. 2).

[6] Ответное письмо Боденштедта к Тургеневу не сохранилось. В первый том *Erzählungen* вошли: «Faust» («Фауст»), «Ein Ausflug in die Waldregion» («Поездка в Полесье»), «Das Wirthaus auf der Herrsstrasse» («Постоялый двор»), «Mumu» («Муму»). Французский перевод этих рассказов («Scènes de la vie russe». Paris, 1858. 2 v.) отличается от русского текста рядом вставок, сокращений и исправлений. Эти изменения, за исключением поправок, сделанных специально для иностранного читателя, учтены в издании сочинений Тургенева, выпущенном Н. А. Основским (М., 1860). Особенности французского перевода учитывал в своих переводах Тургенева и Боденштедт. Так, он сохранил деление рассказов на главки, присущее французскому переводу, а также дал адекватные французским

переводы заглавий, малопонятных иностранному читателю (напр., «Постоялый двор» во французском издании — «L'Auberge de grand chemin», у Боденштедта — «Das Wirthaus auf der Herrsstrasse»).

[7] В прусском городе Фульда (Гессен-Кассель) жила в это время жена Боденштедта.

[8] Издателем рассказов Тургенева в переводе Боденштедта был М. Ригер.

[9] См. письмо 1484, примеч. 5.

1495. Н. В. Ханыкову (с. 202)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 296.

[1] Тургенев имеет в виду события, связанные с борьбой между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германском союзе. 5(17) августа 1863 г. австрийский император Франц Иосиф созвал германских государей во Франкфурте-на-Майне для проведения реформы Германского союза, которая поставила бы Пруссию в подчиненное Австрии положение. Прусский король Вильгельм I по совету Бисмарка не поехал на конгресс и тем самым заранее лишил франкфуртские резолюции всякого действенного значения; он отказался принять участие в конгрессе и после того, как по поручению большинства конгресса саксонский король Иоанн нанес ему специальный визит и вручил особое приглашение приехать на конгресс. 7(19) августа 1863 г. в газетах было сообщено о бесславном возвращении саксонского короля во Франкфурт. Именно об этом конкретном событии и пишет в своем письме Тургенев.

[2] См. письмо Боткина от 17(29) июля 1863 г. (*Боткин и Т*, с. 179—182). Называя Боткина «рьяным патриотом», Тургенев иронизирует над его шовинистическими настроениями в связи с Польским восстанием, которые сам Тургенев не мог разделять.

1496. М. А. Языкову (с. 202)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 101.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 151—152.

[1] См. письмо 1365, примеч. 2.

[2] См. письмо 1359, примеч. 2.

1497. Георгу Августу Бауру (с. 203 и 355)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании проф. В. Хенна (Брауншвейг, ФРГ).

Впервые опубликовано: Zeitschrift für Slawistik, 1986, Bd. 31, H. 2, S. 237.

[1] С Бауром, которого Тургенев считал «милейшим германцем», писатель познакомился благодаря рекомендательному письму А. А. Фета летом 1860 г. (см. письма Тургенева к Фету от 30 апреля (12 мая); 27 мая (8 июня); 1(13) июня 1860 г.— наст. изд., Письма, т. 4) и уже в июле с его помощью достал «хорошую собаку» (письмо к Фету от 9(21) июля 1860 г.— там же).

[2] В статье «Пятьдесят недостатков ружейного охотника и пятьдесят недостатков легавой собаки» (1876) в разделе «Недостатки легавой собаки» под № 16 Тургенев писал: «Не „аппелиста“, не возвращается на свист» (см. наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 276). Это определение конкретизирует характеристику, выделенную Тургеневым в данном письме: «ohne *Spur von Appel*» (*«совершенно не слушается»*).

1498. **Н. Н. Тургеневу** (с. 204)

Печатается по тексту первой публикации: *Лит Мысль*, т. 1, с. 242—243.

Подлинник неизвестен.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Имение Н. Н. Тургенева в Карачевском уезде Орловской губернии.

[3] Намек на привлечение Тургенева к «делу 32-х» (см. письмо 1418, примеч. 1, и Офиц. письма и делов. бумаги, № 28).

[4] И. И. Маслов намеревался приобрести землю в одном из владений Тургенева (см. письмо 1514).

[5] На основании «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» помещик обязан был предоставить своим крестьянам надел, но не в собственность, а лишь в «постоянное пользование» до тех пор, пока между ними и помещиком не будет заключена выкупная сделка. Юридически отходящая к крестьянам земля до этого времени продолжала оставаться помещичьей собственностью, за пользование которой крестьяне должны были нести повинности, считаясь «временнообязанными». Размеры выкупной суммы и порядок ее уплаты определялись либо добровольным соглашением между помещиком и крестьянами, либо официальным «Положением о выкупе». В тех случаях, когда выкуп производился по требованию помещика, без согласия крестьян, помещик мог получить выкупную сумму из казны, потеряв при этом 20 или 25% общей суммы выкупа, но зато всю сразу, а не постепенно, как в случае добровольного соглашения. Именно на таком принудительном выкупе и настаивал Тургенев, не надеясь на участие в выкупе крестьян и желая возможно скорее покончить расчеты за землю.

[6] О З. Ф. Балашове см. в письмах 1389 и 1523.

[7] Имеются в виду выкупные свидетельства, выпущенные правительством в счет будущих расчетов помещиков с крестьянами и представлявшие собой род земельных акций, могущих продаваться и покупаться.

1499. **Валентине Делессер** (с. 206 и 356)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: отрывок — *Parturier*, p. 92; полностью — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 155.

[1] Имеется в виду «Дым».

[2] Эти настроения объясняются вторичным вызовом Тургенева в Россию в связи с «делом 32-х» (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 28).

[3] Речь идет о письме Мериме от 8 августа н. ст. 1863 г. (*Mérimée*, II série. t. 5, p. 441—443), написанном из Лондона, где Мериме находился с 22 июля по 20 августа н. ст. 1863 г. (См.: Chambon F.

Mérimée et la société anglaise // Revue de littérature comparée, 1922, № 3, p. 439—440). После кратковременного пребывания в Париже Мериме уехал в Биарриц и пробыл там (с небольшими перерывами) до начала октября 1863 г. См. письма Мериме к Ж. Дакен от 30 августа н. ст. 1863 г. и к А. Паницци от 1 октября н. ст. 1863 г. (*Mérimée*, II série, t. 5, p. 457, 481).

1500. В. Я. Карташевской (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 47.

Впервые опубликовано: отрывок — Переселенков С. А. Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской (*Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 218); полностью — *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 155—156.

[1] В письме к Тургеневу из Петербурга от 8 сентября ст. ст. 1863 г. П. В. Анненков сообщал: «Я только что переехал сюда, почтеннейший Иван Сергеевич, и считаю нужным известить вас об этом событии. Новый мой адрес таков: На Итальянской улице, дом Шландера» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 50).

[2] «Фантазия» — повесть «Призраки» (ср. в письме 1509, примеч. 4). Тургенев писал о ней Карташевской в письме 1473.

[3] Рукопись «Призраков» Тургенев отправил Анненкову 15(27) сентября 1863 г. (см. письмо 1501) и поручил ему решить вопрос о целесообразности ее печатания.

1501. П. В. Анненкову (с. 207)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 13—14.

Подлинник неизвестен.

Стр. 208. свободу действий *(франц.).*

[1] Письмо Анненкова от 8(20) сентября 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 50—51). «Совет» Анненкова — в его письме от 8(20) сентября, где он сообщал Тургеневу: «Я имею поручение от весьма важных и неважных чиновников сенатской комиссии убедительно просить Вас о приезде для исполнения формальности *очной ставки* с наговорщиками вашими, *которая ни в каком случае не может иметь ни малейших последствий для вашей личности и независимого положения.* А очная ставка необходима совершенно по нашим формам судопроизводства, для окончания всего дела, для выпуска тех, которые содержатся под арестом, для прекращения вообще для многих состояния ⟨...⟩ неопределенности положения — словом, для завершения процедуры, останавливаемой одним этим обстоятельством. Так объясняет дело председательствующий в комиссии — Карниолин-Пинский и многие другие, которых в коварстве или двоедушии подозревать нельзя и которые все согласны, что приезд Ваш был бы актом весьма благодетельным...»

[2] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 28.

[3] См. Приложение II, № 3, а также № 4.

[4] Анненков в письме от 8(20) сентября передал Тургеневу предложение Ег. П. Ковалевского занять, по приезде в Петербург, его квартиру.

[5] Каламбур Тургенева — «само „Время“ стало призраком» — намекает на запрещение журнала (см. письмо 1477, примеч. 4).

[6] О возобновлении журнала братьев Достоевских под названием

«Эпоха» см. письмо 1477, примеч. 7. В ответном письме от 25 сентября ст. ст. 1863 г. Анненков писал: «„Время“ (и простое и Достоевского) терпит: сами увидите, бог даст, где печатать. До конца октября я и двигаться не буду» (*Достоевский и Т*, с. 74). Пребывание Ф. М. Достоевского в Баден-Бадене и встречи его там с Тургеневым приходятся на первые числа (до 8 включительно) сентября н. ст. 1863 г.— см.: *Достоевский*, т. 28, кн. 2, с. 42. Указание Н. М. Гутьяра (Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1910, с. 54), повторенное Л. П. Гроссманом (Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935, с. 126), на их встречу около 12(24) сентября (со ссылкой на настоящее письмо к Анненкову) явно ошибочно.

[7] Повесть «Призраки» была обещана М. Н. Каткову для «Русского вестника» еще осенью 1855 г. (см. письмо 1475). В 1863 г. у Тургенева не было желания печататься в «Русском вестнике», вероятно, в связи с отрицательным отношением к реакционной позиции Каткова в польском вопросе.

[8] О своих впечатлениях от «Призраков» Анненков подробно написал Тургеневу 25 сентября ст. ст. 1863 г. (см.: *Достоевский и Т*, с. 73, а также письмо 1504, примеч. 1).

[9] Роман А. Ф. Писемского — «Взбаламученное море», из которого Тургенев прочитал только начало, напечатанное в № 3 «Русского вестника» 1863 г. (см. письмо 1502, а также—1479, 1480).

[10] О долге Анненкову см. письма 1420, примеч. 3, 1472, 1473, примеч. 2.

[11] «Лекции о Пушкине» (т. е. статья о нем) так и не были написаны Тургеневым (см. письмо 1423, примеч. 3).

1502. В. П. Боткину (с. 209)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60949.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 183—184.

[1] Тургенев имеет в виду письмо Боткина от 17(29) июля 1863 г. (*Боткин и Т*, с. 179—182).

[2] Весной 1863 г. семейство Виардо переселилось окончательно в Баден-Баден, куда последовал за ними и Тургенев. Переселение было вызвано более всего отрицательным отношением Л. Виардо к режиму Второй империи.

[3] «Фантазия» — «Призраки» (см. письмо 1501, примеч. 7).

[4] О впечатлении Боткина от «Призраков» см. в письме 1530, примеч. 3.

[5] Отвечая на письмо Тургенева (см. № 1479), Боткин 17(29) июля 1863 г. писал ему: «Весть об издании альбома M-me Виардо — восхитительна. Скоро ли он должен выйти? Не могу ли я в этом деле быть чем-нибудь полезен ей — я с радостью предлагаю себя. Я разумею продажу его в России, сношение с московскими и петербург⟨скими⟩ магазинами музыкальными» (*Боткин и Т*, с. 182). Издание его в Карлсруэ не состоялось (см. письмо 1510, примеч. 5, а также 1478, примеч. 3).

[6] «Странный процесс» — «дело 32-х», к которому был привлечен Тургенев (см. письмо 1418, примеч. 1, Офиц. письма и делов. бумаги, № 28).

[7] На Маросейке в Москве находился дом семьи Боткиных. В ответном письме от 6(18) октября 1863 г. Боткин сообщает Тургеневу: «... дом наш на Маросейке, принадлежавший нам, 4 братьям,

уступили мы брату Петру за его управление делами» (*Боткин и Т*, с. 185).

[8] Эти письма Фета к Тургеневу неизвестны.

[9] Роман А. Ф. Писемского — «Взбаламученное море». Тургенев отвечает на следующие строки из письма Боткина от 17(29) июля 1863 г.: «Роман Писемского пока хорош, исключая студентских сцен в 2-й части» (*Боткин и Т*, с. 182).

[10] Тургенев имеет в виду отзыв об одном из героев романа Писемского «Взбаламученное море» в редакционной статье «Сотрудник „Московских ведомостей" и „Искры"» (Искра, 1863, № 33, 30 августа). См. более поздние отклики и пародии на роман Писемского: Искра, 1863, № 40—44.

[11] Тургенев сравнивает рассказ В. А. Слепцова «Питомка» (*Совр*, 1863, № 7) с рассказами Н. В. Успенского.

1503. **Фридриху Боденштедту** (с. 210 и 356)

Печатается по подлиннику: Bibliotheca Bodmeriana, Cologny (Genève), собрание Стефана Цвейга.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 459.

[1] О биографическом очерке для предисловия к первому тому переводов рассказов Тургенева, готовившемуся Боденштедтом, см. письма 1494 и 1510.

[2] О стихотворении Тургенева «Синица» Л. Пич вспоминал 20 лет спустя в некрологе, посвященном Тургеневу, процитировав это стихотворение: «...наш русский друг создал эти несколько строф. А между тем он так часто клялся и заверял, что лишен божественного дара поэзии, таланта создавать даже небольшие лирические стихи и что для того, чтобы обрести этот дар, он пожертвовал бы всем тем, что им было и будет создано. Однажды осенью он принес после охоты на тетеревов вместе с охотничьей добычей эти стихи. Меня они всегда трогали своей задушевностью» (P i e t s c h L. Erinnerungen an Iwan Turgenjew // Vossische Zeitung, 1883, № 425, 12. September).

[3] Стихотворение Тургенева «Синица» впервые опубликовано в петербургском и лейпцигском изданиях альбома романсов П. Виардо 1864 г. (в последнем — только в немецком его переводе, выполненном Боденштедтом).

[4] См. письмо 1478, примеч. 1.

1504. **П. В. Анненкову** (с. 211)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 14—15, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

Стр. 211. вы проповедуете обращенному *(франц.)*.

[1] В письме к Тургеневу от 25 сентября (7 октября) 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 52—53) Анненков подробно излагал свое мнение о «Призраках». «Не фантазией следовало бы назвать Вашу статью,— писал он,— а „Элегией". Нет никакого сомнения, что в теперешнее время никто не даст себе труда уразуметь этого *автобиографического* очерка. Вряд ли даже найдет признание достодолжное и поэтическая его сторона, которая так меня, „старого грешника", умилила в нем, а чтоб распознать тут историю художнической души, с соб-

ственной своей творческой силой — и не ждите... Десяток человек, конечно, поймут, сколько тут относительной правды, жизненности, душевной исповеди, грусти и теплоты, но для этого десятка именно и нужно печатать фантазию» (*Достоевский и Т*, с. 73, 74). В основу сюжета «Призраков» был положен сон, виденный Тургеневым и рассказанный им в письме к П. Виардо от 1(13) августа 1849 г. (наст. изд., Письма, т. 1, с. 324—326 и 434—436). Возможно, что Анненков знал этот рассказ, что и давало ему основание говорить об автобиографичности рассказа.

[2] А. П. и Н. Н. Тютчевы По-видимому, они не очень одобрили «Призраки» — во всяком случае Н. Н. Тютчев был в числе тех приятелей Тургенева, которые не советовали печатать эту повесть (см. письмо 1523).

[3] П. Д. Боборыкин стал редактором «Библиотеки для чтения» с февраля 1863 г.

[4] «Письма из Киргизской степи» А. М. Янушкевича (в кн.: Żywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze stepów Kirgizkich. Paris, 1861) на русский язык переведены не были.

[5] Об издании альбома романсов П. Виардо на слова русских поэтов см. письма 1428, примеч. 9, 1478, примеч. 3 и 4, 1510, примеч. 3 и 5.

[6] Анненков в письме к Тургеневу от 20 октября ст. ст. 1863 г. сообщал: «Молодой Слепцов завербован в „Современник", и одна черта, которую я услыхал про него, доказывает, что он имеет будущность. Говорят — он тяжело работает — для меня это обстоятельство ручается за добросовестность и дельность» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 55).

1505. **Н. С. Тургеневу** (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1280.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 205.

Датируется по содержанию. С 23 апреля (5 мая) 1863 г. Тургенев поселился с дочерью Полиной и ее гувернанткой М. Иннис в Баден-Бадене, а Н. С. Тургенев жил в это время в Дрездене (см. письмо 1462); 30 сентября (12 октября) 1863 г. Тургенев сообщал своим корреспондентам, что его «дамы» уже в Париже (см. письма 1506 и 1507). Позднее Полина не бывала в Баден-Бадене; после своей свадьбы 14(26) февраля 1865 г. она вместе с отцом уже никуда не выезжала.

1506. **Н. В. Ханыкову** (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 296.

[1] «Мои дамы» — дочь Тургенева Полина и ее компаньонка г-жа Иннис, уехавшие на зиму в Париж.

1507. **Н. В. Щербаню** (с. 213)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890 № 8, с. 10—11.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о вторичном вызове Тургенева в сенатскую следственную комиссию по «делу 32-х» (см. письмо 1418, примеч. 1, и Офиц. письма и делов. бумаги, № 28).

[2] См. письмо 1502, примеч. 11.

1508. П. В. Анненкову (с. 213)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1887, № 1, с. 15, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев имеет в виду свое письмо к Анненкову от 28 сентября (10 октября) 1863 г. (№ 1504).

[2] Речь идет о статье Д. И. Писарева «Наша университетская наука», первая часть которой была напечатана в седьмой, а вторая — в восьмой книжке «Русского слова» за 1863 г. Просьбу Тургенева Анненков выполнил, что видно из его письма от 20 октября (1 ноября) 1863 г., где он писал: «Из двух статей (Писарева.— *Ред.*), к вам посланных, только первая занимательна, а вторая — нигилистическое умствование о педагогии, да и к первой надо ключ» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 54 об.).

1509. А. А. Фету (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 86—87.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 438—439.

[1] Эти письма Фета до нас не дошли.

[2] К этому времени Фет купил у своего брата Петра Афанасьевича Шеншина мельницу на реке Тим (см.: *Фет*, ч. 1, с. 419—422).

[3] Разумеется недавно напечатанный в «Современнике» роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Отношение Тургенева к роману было неизменно отрицательным (см. письма 1452 и 1475).

[4] Речь идет о повести «Призраки», названной в подзаголовке «фантазией». Эпиграфом к ней взяты две строки из стихотворения Фета «Фантазия». В пору подготовки к изданию сборника стихотворений Фета 1856 г., редактировавшегося Тургеневым и его друзьями, было много шутливых толков по поводу «темного» смысла этого стихотворения (см.: *Фет*, ч. 1, с. 105). См. отзыв Анненкова о «Призраках» в примеч. 1 к письму 1504.

[5] Приезжая в Москву, Фет жил в доме В. П. Боткина.

1510. П. В. Анненкову (с. 215)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1887, № 1, с. 15—16, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев неточно цитирует известные слова Гамлета, обращенные к его другу Горацио в трагедии Шекспира «Гамлет» (акт 1, сцена 5).

[2] См. письмо 1504.

[3] Отвечая Тургеневу, Анненков писал ему 20 октября (1 ноября) 1863 г.: «В трех музыкальных магазинах Иогансена, Стелловского и Бернарда побывали мы, во всех поговорили убедительно и обстоятельно, по инструкции, от Вас полученной, и в результате получили от всех трех (от Бернарда тоже) один положительный от·

вет, что за издание — при нынешних обстоятельствах — они ни в коем случае, даже если бы имели сами рукописи — не примутся и согласны только *на комиссию*» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 54). Альбом был все же издан в Петербурге А. Иогансеном в начале 1864 г. (см. письмо 1478, примеч. 3 и 4, и письма к П. Виардо от января—февраля 1864 г.).

[4] См. письмо 1508, примеч. 2.

[5] Из перечисленных Тургеневым стихотворений вошли в альбом романсов Полины Виардо 1864 г. стихотворения Пушкина — «На холмах Грузии», «Заклинание», «Цветок», «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный»), «Птичка» («Птичка божия не знает»— из поэмы «Цыганы»); Фета — «Шепот, робкое дыханье», «Тихая звездная ночь», «Полуно́чные образы», «Я долго стоял неподвижно»; Тургенева — «Синица» (см. письмо 1549, примеч. 4). Стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальной» и Лермонтова «Казачья колыбельная песня» были включены в следующий альбом, 1865 г. (см. письмо 1549, примеч. 4). Остальные перечисленные в настоящем письме романсы: на слова Пушкина — «Туча» («Последняя туча рассеянной бури»), Лермонтова — «Когда печаль слезой невольной» (из драмы «Маскарад», действие III, выход третий), Фета — «Какая ночь! На всем какая нега!» («Еще майская ночь») — не были, насколько известно, никогда изданы. У Фета нет стихотворения с заглавием «Психея». Тургенев, возможно, называет так известное по первой строке стихотворение поэта «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» (1857).

1511. **Фридриху Боденштедту** (с. 216 и 357)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 40.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 166.

[1] Стихотворение Тургенева «Синица» было послано Боденштедту 27 сентября (8 октября) 1863 г. (см. № 1503).

[2] В тексте романса в переводе Боденштедта смысл последней строфы изменен:

Oder ist auch dir gegeben
Wie dem Menschen, jene Lust,
Jene Freud' am schönen Leben
Die du strömst aus voller Brust?

(Или тебе даны так же, Как и человеку, то наслаждение, Та радость прекрасной жизни, Которые ты изливаешь от всего сердца?).
Этот перевод Боденштедта был сохранен в тексте альбома 1864 г.

[3] См. письма 1494 и 1503.

1512. **В. П. Боткину** (с. 216)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60950.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 186—188.

Стр. 217. на худой конец *(франц.)*.

[1] Тургенев отвечает на письмо Боткина от 6(18) октября 1863 г. (*Боткин и Т*, с. 185—186).

[2] Имеется в виду вызов Тургенева в Сенат для допроса по «делу 32-х».

1513. Морицу Гартману (с. 217 и 357)

Печатается по подлиннику: Венская городская библиотека (Wiener Stadtbibliothek), № 48754. Фотокопия — в *ИРЛИ*.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 168.

[1] Тургенев шутливо намекает на давние многосторонние связи Гартмана с русской культурой, литературой и общественной жизнью (см. подробнее: наст. изд., Письма, т. 3, указатель имен).

1514. А. А. Фету (с. 218)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 88—89.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 444—445, с пропуском и заменой отдельных слов другими.

[1] И. П. Борисов 28 октября ст. ст. 1863 г. писал Тургеневу о Фете: «От него я уже получил одно письмо из Москвы. Они поселились в доме Боткиных у Вас⟨илия⟩ Петров⟨ича⟩» (*Т сб*, вып. 4, с. 383).

[2] Письмо Н. Н. Тургенева до нас не дошло. Деньги Тургенев вскоре получил, но, потерпев при этом убыток в 1600 франков, сетовал на нерасторопность и недогадливость Фета, Боткина и своего дяди (см. письма 1515, 1516, 1521—1523).

[3] См. письмо к А. Ф. Будбергу — Офиц. письма и делов. бумаги, № 28.

[4] О желании И. И. Маслова (а также В. П. Боткина) купить землю у Тургенева см. письмо 1498. О том же 28 октября ст. ст. 1863 г. писал Тургеневу Борисов: «Знаете ли, что Василий Петр⟨ович⟩ Боткин и Ив⟨ан⟩ И⟨льич⟩ Маслов ищут купить в наших краях землю?» (*Т сб*, вып. 4, с. 383). В настоящем письме Тургенев отвечает на одно из не дошедших до нас писем Фета, жившего в это время в Москве и часто общавшегося с И. И. Масловым.

1515. В. П. Боткину (с. 219)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60951.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 190—191.

[1] Тургенев имеет в виду письмо Боткина от 10(22) ноября 1863 г. (*Боткин и Т*, с. 188—190).

[2] См. письмо 1514, примеч. 2.

1516. П. В. Анненкову (с. 220)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 16. Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о письме 1515.

[2] См. письмо 1515.

1517. Н. В. Ханыкову (с. 221)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 172.

В описании рукописей Тургенева в *ГПБ* (*ГПБ*, *Описание*,

с. 89) записка датирована 14(26) ноября 1863 г. без аргументации. Правильность этой датировки подтверждается следующим. Записка могла быть написана только в ноябре 1863 г., так как именно к этому времени относятся события, о которых идет в ней речь: отъезд Н. В. Ханыкова из Парижа (см. письмо 1523) и приезд в Париж Тургенева. Тургенев приехал в Париж 12(24) ноября (см. № 1515) и уехал утром 21 ноября (3 декабря) (см. № 1526). В этот промежуток один четверг — 14(26) ноября.

1518. **Полине Виардо** (с. 221 и 358)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 94—95.

[1] Телеграмма в Москву, возможно, была послана Тургеневым А. А. Фету, который должен был перевести Тургеневу в Париж 3500 рублей (см. письма 1515, 1516).

[2] 21 ноября (3 декабря) 1863 г. Тургенев вернулся в Баден-Баден из Парижа, куда он ездил для прощания с дочерью перед отъездом в Петербург (см. письма 1524 и 1526).

[3] Вербуа — имение Н. И. Тургенева в Буживале. Семья Н. И. Тургенева принимала горячее участие в судьбе дочери Тургенева Полины.

[4] Приняв решение весной 1863 г. переехать в Баден-Баден, Виардо вынуждены были сдать внаймы свой дом на улице Дуэ.

[5] М. Дюкан был в это время одним из влиятельных редакторов «Revue des Deux Mondes», где начиная с 1856 г. печатались переводы многих произведений Тургенева. Возможно, знакомство Тургенева с М. Дюканом состоялось при участии Г. Флобера (см.: P a r t u r i e r M. Ivan Tourguéniev et Maxime Du Camp (Documents inédits) // Revue de littérature comparée, 1947, oct.— déc., p. 565).

[6] Речь идет о скульпторе Э. Милле, авторе скульптурного портрета П. Виардо в костюме Орфея. Эта работа Милле была выставлена в Салоне 1863 г., в настоящее время находится в музее Оперы (Париж) (воспроизведено в *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 105).

[7] «Троянцы» — часть оперы Г. Берлиоза, поставленная в Париже в Лирическом театре 4 ноября 1863 г. под названием «Троянцы в Карфагене». Первая часть оперы—«Взятие Трои»— поставлена не была. П. Виардо собиралась исполнить в опере Берлиоза две партии — Кассандры и Дидоны, однако это намерение певицы не осуществилось. О первых постановках «Троянцев» см.: Б е р л и о з Г. Избранные письма. Л. 1982. Т. 2. С. 190—196. Как писали русские газеты, «вторая часть оперы Берлиоза была представлена в Париже с полным *не*успехом», однако автор корреспонденции высказывал надежду, что новая опера Берлиоза будет поставлена в Петербурге, и называл его «самым сильным из современных композиторов», а музыку второго действия «гениальной» (*СПб Вед*, 1864, № 171, 4(16) августа). Корреспондент лондонского «Athenaeum»'а (очевидно, Г. Чорли) писал, что обе части оперы Берлиоза напоминают «Нибелунгов» Вагнера, «над которыми так смеялись французы», и находил, что Берлиоз обратился к таким «эксцентрическим приемам», как «декламаторская музыка» (1863, № 1885, December 12, p. 804).

[8] Сам Г. Берлиоз отзывался о достоинствах А. А. Шартон-Демер иначе. «Госпожа Шартон великолепна всегда,— писал он

К. Сайн-Витгенштейн 19 ноября 1863 г.,— безупречная как певица, она стала настоящей трагической актрисой благодаря своему послушанию и желанию проникнуть в глубины темы — в ее исполнении бывают величественные моменты» (Берлиоз Г. Избранные письма, т. 2, с. 193). В отзыве влиятельного музыкального критика П. Скюдо пение Шартон-Демер оценивается очень сдержанно (см.: Revue des Deux Mondes, 1863, t. 48, 15 novembre, p. 505—506).

[9] Об А. Монжозе, исполнявшем роль Энея, Берлиоз писал: «Монжоз (Эней) обычно хорош и увлекателен в один день из двух» (Берлиоз Г. Избранные письма, т. 2, с. 193). Тургенев, говоря о «смешной роли Энея», намекал на неудачное либретто, автором которого был сам Берлиоз. Критик П. Скюдо писал: «Монжоз совершенно достоин представлять Энея Берлиоза, потому что невозможно быть ни более обыденным, ни более заурядным, чем герой Виргилия, преобразившийся под пером французского либреттиста» (Revue des Deux Mondes, 1863, t. 48, 15 novembre, p. 506).

[10] «Трубадур» — опера Дж. Верди (1852) на либретто С. Каммарано и Л. Бардаре по пьесе испанского драматурга А. Гарсиа Гутьереса.

[11] С Рубини сравнивал Фраскини П. Скюдо, музыкальный обозреватель «Revue des Deux Mondes» (см., например: 1863, t. 48, 15 décembre, p. 1005—1006).

[12] Вероятно, речь идет о визите к русскому послу в Париже А. Ф. Будбергу в связи с привлечением Тургенева по «делу 32-х» (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 28). Тургенев должен был быть в России в ноябре 1863 г. (дата была назначена им самим), однако он приехал в Петербург лишь в январе 1864 г. Можно предположить, что писатель собирался нанести визит в русское посольство в связи с отсрочкой своего отъезда, но визит был отложен из-за болезни Тургенева (см. письмо 1521).

1519. Н. В. Щербаню (с. 222)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 11.

Подлинник неизвестен.

1520. Полине Виардо (с. 223 и 359)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 104—106.

Год написания определяется по содержанию письма: упоминание векселя, который должен был выслать Тургеневу А. А. Фет (см. письма 1522 и 1523).

[1] См. письма 1522 и 1523.

[2] 3 мая н. ст. 1863 г. Тургенев поселился в Баден-Бадене на Шиллерштрассе, 277, в доме г-жи Анштетт, где прожил до мая 1867 г.

[3] Упоминаемая Тургеневым телеграмма Фету неизвестна, возможно, она не была послана, так как на следующий день Тургенев наконец получил ожидаемый вексель (см. письмо 1523).

[4] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[5] Пэгаз — собака, принадлежавшая Тургеневу. Позднее он посвятил Пэгазу специальный очерк (см. наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 157—163).

[6] См. письмо 1518, примеч. 12.
[7] См. письмо 1518, примеч. 5 и 6.
[8] Тургенев намекает на предполагаемое замужество дочери.
[9] О ком идет речь, установить не удалось.
[10] Тургенев пробыл в России с 4(16) января по 20-е числа февраля ст. ст. 1864 г. (см. письма 1549 и 1579).
[11] 9 ноября н. ст.— день рождения Тургенева.

1521. **Полине Виардо** (с. 224 и 360)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.
Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 96—97.

[1] См. письма 1513, примеч. 2, 1515, 1516 и след., а также 1522 и 1523.
[2] Письмо Фета, из которого приводит выдержку Тургенев, неизвестно.
[3] См. письмо 1518, примеч. 12.
[4] Аллея в Баден-Бадене.

1522. **А. А. Фету** (с. 225)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 90—91.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 445—446, с пропуском отдельных слов.

Стр. 226. довольно об этом *(итал.)*.
Стр. 226. на трехмесячный срок векселя *(франц.)*.
Стр. 226. без досады *(франц.)*.

[1] Русское написание французского слова «traite» — переводный вексель.
[2] См. письма 1514, примеч. 2, и след. к В. П. Боткину, П. В. Анненкову, П. Виардо (ноябрь 1863 г.).
[3] Речь идет о переводе русского бумажного рубля на иностранную валюту по тогдашнему курсу. Тургенев предполагал получить 397 сантимов (сантим — 0,01 франка) за рубль, а получил 347 (см.: *Боткин и Т*, с. 195), и притом с уплатой через три месяца или с вычетом процентов за эти месяцы.
[4] Указанная здесь дата приезда Тургенева в Париж несомненно ошибочна (см. письмо 1515).
[5] Тургенев цитирует, вероятно, выражение, известное ему и Фету из их бесед.

1523. **П. В. Анненкову** (с. 227)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 16—17, где напечатано без окончания.
Подлинник неизвестен.

Стр. 227. на трехмесячный срок векселя *(франц.)*.

[1] См. письма 1514, 1515, 1516, 1518, 1520—1522.
[2] Это письмо Фета к Тургеневу неизвестно.
[3] В своих воспоминаниях Фет так рассказывает об этом неприятном для Тургенева эпизоде: «Проездом в Москву я, конечно, не

премпнул заехать в Спасское к добрейшему Николаю Николаевичу Тургеневу.

— А у меня к вам большая просьба,— сказал при прощанье старик.— Иван пишет, чтобы я немедля перевел в Париж через московскую контору Ахенбаха ему 3500 р. Пожалуйста, не откажите исполнить просьбу вашего приятеля.

Остановившись в Москве в доме главы фирмы П. П. Боткина, я, конечно, в ту же минуту просил его о переводе денег. К концу обеда служащий, которому поручен был перевод, вернулся с докладом, что Ахенбах с меньшей для нас выгодой против других банкиров принимает деньги для перевода.

— И что вам дался этот Ахенбах! — воскликнул Боткин.

— Ну,— отвечал я,— меня просили настоятельно перевести через Ахенбаха, и я считаю себя не вправе пускаться в рассуждения.

Со словами „как хотите" служащий был снова отправлен к Ахенбаху.

Не успели мы еще выпить послеобеденного кофею, как тот же конторский мальчик вошел со смущенным лицом и телеграммой в руках. „Из Петербургской конторы телеграфируют, сказал он, что государственный банк прекратил размен кредитных билетов на золото и наш курс в ту же минуту упал на десять процентов, сообразно с чем и Ахенбах готов сделать перевод на Париж".

— Стало быть,— воскликнул я,— Тургенев нежданно потеряет триста пятьдесят рублей?

— Конечно,— отвечал Боткин...

Весь этот разговор был мною с точностью передан в письме Тургеневу. Но это не мешало последнему жаловаться Василию Петровичу и Анненкову на мое поэтическое легкомыслие, которое, как видно, и было мгновенной причиной падения курса» (*Фет*, ч. 1, с. 439—440).

[4] Кого разумеет Тургенев, говоря «многие другие приятели»,— неясно. Отзыв Анненкова был положительным (см. письмо 1504). Отзывы Боткина и А. Д. Галахова, на которых «Призраки» произвели «смутное впечатление», были сообщены Тургеневу позднее, чем написано это письмо (см.: *Боткин и Т*, с. 192—193; см. также письма 1530 и 1536).

[5] Объявление об издании нового журнала братьев Достоевских «Эпоха» появилось лишь в конце января 1864 г. (см. письмо 1563).

1524. **Полине Виардо** (с. 228 и 361)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 106—107.

[1] См. письма 1514, примеч. 2, 1521, 1522, примеч. 3, и 1523.

[2] Возможно, Тургенев выполнял поручение П. Виардо подобрать костюмы для предстоящих репетиций (см., например, письмо 1468, примеч. 2).

1525. **Кларе Тургеневой** (с. 229 и 361)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708, п. 8.

Впервые опубликовано: *T и его время*, с. 222, с ошибочной датировкой — 1862 г.

Письмо датируется по содержанию. Совокупность упоминаемых в нем обстоятельств — срочный отъезд Тургенева в Баден-Баден, план поездки с намеченным возвращением в январе, заботы К. Тургеневой о Полине — позволяет отнести письмо к ноябрю 1863 г., когда Тургенев приезжал из Баден-Бадена в Париж для того, чтобы проститься с дочерью перед поездкой в Россию. Из Парижа он собирался вернуться в Баден-Баден и уже оттуда отправиться в Петербург с тем, чтобы в январе вернуться в Баден-Баден. В Париж Тургенев прибыл 12(24) ноября и намеревался выехать 21 ноября (3 декабря) 1863 г. (см. письмо 1523). В этот промежуток и написано настоящее письмо, помеченное «вторником», что соответствует 19 ноября (1 декабря). Сообщение в письме о необходимости выехать в тот же день, на два дня раньше предполагавшегося срока, представляет едва ли не отговорку для объяснения отказа от посещения дома Тургеневых (см. письмо 1527).

[1] О каких известиях из Баден-Бадена идет речь — неизвестно.

1526. **Н. В. Щербаню** (с. 229)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 11—12.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев дал Щербаню при свидании в Париже 17(29) ноября 1863 г. для прочтения рукопись «Призраков», которую Щербань из-за нездоровья не смог вернуть вовремя (см.: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 11). Рукопись вместе со своими замечаниями Щербань выслал Тургеневу в Баден-Баден (см. письмо 1529).

1527. **П. В. Анненкову** (с. 229)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 18, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о вызове Тургенева к допросу по «делу 32-х» (см. письмо 1418, примеч. 1). Об отсрочке приезда в Петербург до ноября Тургенев сам просил через А. Ф. Будберга (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 28).

[2] В ответном письме от 29 ноября (11 декабря) 1863 г. Анненков сообщал: «Целиком препроводил я последнее ваше письмо к Карниолину через посредство Дмитрия Гр⟨игорьевича⟩ Карташевского. Через того же Карташевского получил и ответ, состоящий в том, что Карниолин соглашается держать по тюрьмам и крепостям 35 человек еще две недели для того, чтоб дать вам возможность собраться и приехать сюда. После 15-го декабря с.г. он будет считать все связи с вами конченными, если, паче чаяния, еще потребуется отсрочка и буде не найдет вас налицо к этому числу — то предоставит дело его правильному ходу, который нарушен теперь, по словам Карниолина, неслыханным и небывалым снисхождением к вашей особе» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 56).

1528. **В. Я. Карташевской** (с. 230)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 49.

Впервые опубликовано: в отрывке — Переселенков С. А. Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской (*Гол Мин*,

1919, № 1-4, с. 218); полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 177—178.

[1] Друзья Тургенева,— в том числе, вероятно, и Карташевская,— уговаривали его явиться в Россию по вызову Сената для личных показаний по «делу 32-х». П. В. Анненков почти в каждом письме Тургеневу, начиная с января 1863 г., приводил различные доводы в пользу необходимости немедленно явиться в Петербург (см. письма к Анненкову за 1863 г. и примечания к ним, в особенности № 1501, 1527).

[2] Речь идет о письме Тургенева к Анненкову от 23 ноября (15 декабря) 1863 г. (№ 1527), которое Анненков передал М. М. Карниолину-Пинскому через деверя Карташевской — Д. Г. Карташевского.

1529. Н. В. Щербаню (с. 230)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 12—13.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1526.

[2] Замечания Щербаня на «Призраки» неизвестны, кроме тех, на которые отвечает Тургенев в настоящем письме.

[3] В печатном тексте «Призраков» читаем в главе VI: «Он (лес.— *Ред.*) казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким, непрестанным шорохом, похожим на невнятное ворчанье»; в главе XIX: «...это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, железными решетками, крепостным рвом и звероподобными зуавами на часах». В беловом автографе, бывшем, по-видимому, у Щербаня, в первом случае читалось: «... и сопровождал нас широким [невнятным ⟨?⟩] шорохом»; слова «широким шорохом» подчеркнуты карандашом — вероятно, Щербанем — и на поле поставлен крест (*Bibl Nat*, фотокопия: *ИРЛИ*).

[4] См. письмо 1527.

1530. В. П. Боткину (с. 231)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60952.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 193—194.

Стр. 232. отрывочных впечатлений *(англ.)*.

[1] См. письмо 1523.

[2] Боткин жил в гостинице «Франция», на Мойке, у Полицейского моста; там же остановился и Тургенев по приезде в Петербург 4(16) января 1864 г.

[3] Боткин, по прочтении «Призраков», писал Тургеневу: «„Призраки“ ... оставили во мне какое-то смутное впечатление. Я не говорю о прелести описаний и картин, о воздушности колорита,— но эта летающая Эллис,— что она? Тут кроется какая-то аллегория,— но эта аллегория остается неразгаданной и производит то, что впечатление целого сводится не то на диссонанс, не то на неразрешенный аккорд какого-то смутного тона. Очевидно, что эта аллегория чего-то внутреннего, личного, тяжкого, глухого и неразрешенного» (*Боткин и Т*, с. 192—193).

1531. Валентине Делессер (с. 232 и 362)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: *Parturier*, p. 28—29.

[1] В письме от 9 декабря н. ст. 1863 г. Мериме писал Тургеневу о намерении В. Делессер поговорить с ним относительно замужества его дочери (*Mérimée*, II série, t. 5, p. 555).

[2] Тургенев собирался отправиться 20 декабря н. ст. из Баден-Бадена в Петербург, не заезжая в Париж; задержанный болезнью, он выехал из Баден-Бадена лишь 1(13) января 1864 г. (см. письмо 1547).

[3] Тургенев намекает на ожидающий его в России допрос в связи с «делом 32-х».

1532. А. А. Краевскому (с. 233 и 362)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 194.

Впервые опубликовано: *Отчет ПБ*, 1890, приложение, с. 38.

[1] А. А. Краевский, в ответ на просьбу писателя, поместил в «Отечественных записках» и в «С.-Петербургских ведомостях», издателем которых он был, ряд рецензий, высоко оценивавших концерты Клары Шуман.

1533. П. В. Анненкову (с. 234)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 5744, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 182.

[1] Тургенев имеет в виду письмо Анненкова от 29 ноября (11 декабря) 1863 г., в котором тот ставил писателю в вину, что из-за неявки его в Петербург задерживается решение участи подсудимых (по «делу 32-х»), и указывал: «...общественное мнение почти всех кругов сильно начинает негодовать на Вашу персону...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 56 об.).

[2] О вторичном вызове Тургенева в Россию см. письмо к А. Ф. Будбергу (Офиц. письма и делов. бумаги, № 28), а также письмо к Анненкову, № 1527.

1534. В. П. Боткину (с. 234)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60953.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 196—197.

[1] См. письмо 1533.

1535. Полине Тургеневой (с. 235 и 363)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 87.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 578—579. Перепечатано: *Séménoff*, p. 142.

[1] См. письмо 1540.

1536. П. В. Анненкову (с. 235)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, **с.** 18, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

Стр. 235. разлитие синовиальной жидкости *(франц.)*.

[1] См. письмо Тургенева к М. М. Карниолину-Пинскому от 9(21) декабря 1863 г. (Офиц. письма и делов. бумаги, № 29). 15(27) декабря 1863 г. Анненков сообщил Тургеневу: «В день получения Вашего страхового пакета, я его передал Карниолину, который нашел, что свидетельство о Вашей болезни, утвержденное нашим поверенным в делах в Бадене, имеет вполне законную силу и может служить достаточной причиной Сенату для освобождения Вас от немедленного призыва в Россию» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 96). Поверенный в делах в Баденском герцогстве — Н. А. Столыпин.

[2] Анненков был очень недоволен тем, что Тургенев не решается печатать «Призраки», и 15(27) декабря 1863 г. писал ему: «Не знаю, что заставляет Вас отложить печатание прелестнейшей вещицы Вашей. Неужто робость, и опять робость, и опять... Не думаю, чтоб суждение Тютчева или паразитический, истаскавшийся ум Боткина могли убедить Вас, что в „Призраках“ нет реальности, свежести и своего рода истины?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 97). Разрешение на издание нового журнала, вместо «Времени», М. М. Достоевский получил лишь в конце января 1864 г. (см. письма 1523, 1537 и 1563).

1537. П. В. Анненкову (с. 236)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 18—19.

Подлинник неизвестен.

Стр. 236. Согласно сообщениям из С.-Петербурга, в последние дни там арестовано около 300 представителей высших классов и среди них известный писатель Тургенев, проживший долгое время в Париже *(нем.)*.

[1] Отвечая Тургеневу, Анненков 20 декабря ст. ст. 1863 г. писал: «...телеграфическая депеша, присланная Вами в подлиннике, есть одна из бесчисленных нелепостей о России, которыми надуваются и возбуждаются не одни частные лица, но и целые правительства, как мы видели... Никаких новых арестаций не произведено здесь, а, напротив, стараются сбыть с рук так или иначе и очистить старые арестации, уже потерявшие весь свой политический букет» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 60). Из какой немецкой газеты сделана Тургеневым выписка — выяснить не удалось.

[2] В письме от 20 декабря ст. ст. 1863 г. Анненков, возражая на сомнения Тургенева, писал: «Что касается до „Призраков“ — делайте, как знаете,— я исполнитель Ваших приказаний рабский, но того умолчать не могу, что если бы даже из каждой русской губернии Вы получили по одному осудительному письму, то они не превысили бы истину моего одобрения и не могли бы помешать признанию ее в самом близком времени» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 60 об.— 61). Некоторые отрицательные мнения друзей Тургенева о «Призраках» см. в письме 1523, примеч. 4; см. также письмо 1536.

[3] О некоторых поправках к «Призракам», внесенных Тургеневым, см. письмо 1529.

1538. В. П. Боткину (с. 237)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60954.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 197—198.

[1] См. письмо 1536.

[2] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 29.

[3] См. письмо П. В. Анненкова от 29 ноября (11 декабря) 1863 г., приведенное в примечании 2 к письму 1527 и в примечании 1 к письму 1533.

[4] Тургенев просил Боткина снять для него две комнаты в гостинице «Франция» (см. письма 1530 и 1534).

1539. П. В. Анненкову (с. 237)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 19—20, где напечатано без окончания.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев имеет в виду письмо Анненкова от 15(27) декабря 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 96—97). Настоящее письмо — ответ Анненкову, который, передав, по поручению Тургенева, его письмо М. М. Карниолину-Пинскому от 9(21) декабря (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 29), сообщал в указанном выше письме Тургеневу: «Карниолин остановился на словах Вашего письма: „предоставляю решение моей участи Сенату и заранее подчиняюсь его приговору" (или что-то подобное этой фразе), которые его удивили, ибо ни о каком решении участи и приговоре не было и помину, а был помин о дурных последствиях, каковы могут произойти для Вас от неприбытия на вызов Сената».

[2] Тургенев отвечает Анненкову на то, что́ последний предлагал ему в письме от 15(27) декабря, имея в виду выраженный в письме 1536 отказ писателя печатать «Призраки» в «Эпохе»: «...напишите через меня письмо к Достоевскому с положительным запретом от своего имени для того, чтоб оградить меня, заключившего с ним сделку, от всякого подозрения в каком-либо внушении». Список поправок, о котором упоминает Тургенев, неизвестен.

1540. Полине Тургеневой (с. 238 и 363)

Печатается по тексту первой публикации: Mercure de France, 1932. № 807, 1 février, p. 579. Перепечатано: *Séménoff*, p. 143.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1539, примеч. 1.

1541. А. Ф. Толстому (?) (с. 239)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 102, л. 2.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 188.

В подлиннике Тургенев поставил 1863 г. вместо 1864 г.— ошибка, легко объяснимая в начале нового года, тем более что по русскому календарю в это время шел еще 1863 г. Письмо не могло быть написано 8 января н. ст. 1863 г., так как по указанному в письме адресу Тургенев поселился только в конце апреля ст. ст. 1863 г. (см. письмо 1462). Правильность предположения, что письмо написано 8 января н. ст. 1864 г., подтверждается еще и тем обстоятельством, что 16(28) декабря 1863 г. в Сенате было принято решение об

обязательном приезде Тургенева после его выздоровления в Петербург и это решение должно было быть доведено до сведения Тургенева (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 29, примеч. 4, а также письмо 1536, примеч. 1). По всей вероятности, именно об этой «бумаге» и идет речь в письме.

Публикуемое письмо могло быть обращено Тургеневым, всего вероятнее, к секретарю русской миссии в Баденском герцогстве, А. Ф. Толстому, на что указывает его неофициальный тон, едва ли допустимый в письме к поверенному в делах Н. А. Столыпину.

1542. **Луи Поме** (с. 239 и 363)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

Впервые опубликовано: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 150—152, где часть письма (до слов «on m'envoie des invitations») воспроизведена факсимильно.

[1] Фридолин — персонаж баллады Шиллера «Путешествие в Плавильный Дом» (1797), верный паж королевы. Называя Л. Поме Фридолином, а себя Фридолином-отцом, Тургенев намекает на их отношение к П. Виардо.

[2] Очевидно, речь идет о сценарии «Последнего колдуна», написанном Тургеневым для П. Виардо, в работе над которым принимал участие и Л. Поме (см. письмо к нему от 29 июля (10 августа) 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6).

1543. **Валентине Делессер** (с. 240 и 364)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 188—189.

[1] Тургенев имеет в виду предстоявший ему в России допрос в Сенате по «делу 32-х». Он выехал из Баден-Бадена через Берлин в Петербург 1(13) января 1864 г.

1544. **Людвигу Пичу** (с. 240 и 364)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано в немецком оригинале: Schlesische Zeitung, 1884, № 184, 13. März; в русском переводе: *Письма к Пичу*, с. 23.

[1] Пич в письме к Теодору Шторму от 19(31) октября 1863 г. писал: «Из Баден-Бадена я не получил с тех пор (т. е. с июля 1863 г., когда он был у Тургенева.— *Ред.*) ни одной строчки, ни от Тургенева, ни от Виардо. Словно всё отмерло для меня» (*Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 600).

[2] О проезде Тургенева через Берлин, последовавшем 2(14) января 1864 г., Пич писал в письме к Т. Шторму от 4—6 (16—18) января 1864 г.: «Тургенев днем приехал из Баден-Бадена, а вечером покатил в Петербург 〈...〉 в часы нашей встречи я почувствовал, как он стал мне близок и дорог. Так много величественной возвышенности, много тончайших глубоких душевных качеств, столько нежности, обаяния, в то же время много силы, большая впечатлительность и восприимчивость — сочетание этих черт я едва ли когда-нибудь встречал в человеке» (*Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 600—601; ср. также: *Лит Насл*, т. 76, с. 583).

1545. Н. В. Ханыкову (с. 241)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 305, с неточностями, искажениями текста и с ошибочной датировкой — 1869 г. В описании рукописей Тургенева (*ГПБ*, *Описание*, с. 88) письмо без аргументации отнесено к 1862—1863 гг.

В настоящем издании письмо отнесено к периоду 1860—1863 гг., так как нет данных для ограничения его датировки только 1862—1863 гг. Впервые Тургенев упоминает о встречах с Ханыковым в Париже 22 октября (3 ноября) 1860 г. в письме к Полонскому (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 1098). Общение между ними продолжалось и в следующие годы, в периоды одновременного пребывания обоих в Париже. С другой стороны, Тургенев жил по указанному в письме адресу с 1860 по 9(21) апреля 1864 г., после чего, поселившись в Баден-Бадене, во время позднейших приездов в Париж останавливался в другом месте. Но во время краткого пребывания Тургенева в Париже весной 1864 г. его семья — дочь с гувернанткой М. Иннис — переселилась с улицы Риволи в Пасси, письмо же, по-видимому, относится к периоду их совместной жизни. Поэтому считаем крайней последней датой письма конец 1863 г.— до отъезда Тургенева в Петербург. Кроме того, почтовую бумагу, на которой написано настоящее письмо (с вытисненной монограммой в левом углу), Тургенев употреблял именно в этот период — в 1860, 1861, 1863 гг.

Стр. 241. Учение о тождестве *(нем.)*.

[1] Тургенев в шутливой форме возражает против учения Шеллинга об абсолютном тождестве бытия и мышления, материи и духа, объекта и субъекта. Доказательству этой теории Шеллинг посвятил свою работу «Система трансцендентального идеализма» (1800).

1546. Н. В. Ханыкову (с. 241)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 64.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 190.

В описании рукописей Тургенева (*ГПБ*; *Описание*, с. 88) записка без аргументации датирована 1862—1863 гг. Общее обоснование датировки см. в предыдущем письме к Н. В. Ханыкову (№ 1545). Настоящее письмо написано на такой же бумаге с монограммой. Следует к этому добавить, что во время краткого пребывания Тургенева в Париже в марте—апреле 1864 г. он едва ли имел возможность предпринимать охотничьи поездки.

1547. Полине Виардо (с. 242 и 365)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «oui» («да»— *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 26, 30 juin, p. 803; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10879, 28 июня (11 июля). Впервые опубликовано с исправлением неточностей: *Т*, *Lettres inéd*, p. 125—126.

[1] Этим письмом начинается серия писем Тургенева к Полине Виардо, написанных в январе—феврале 1864 г., во время пути из Баден-Бадена через Берлин в Петербург и пребывания в Петербурге, куда он отправился по вызову русского правительства, чтобы явиться на суд Сената по «делу 32-х». См. об этом ряд писем 1863 г., начиная с письма П. В. Анненкову (№ 1418), а также Офиц. письма и делов. бумаги, № 26—29 и Приложение II, № 3—6.

[2] Граф Флемминг—полномочный представитель Пруссии в Баден-Бадене. В первой и последующих публикациях (кроме *ВЕ*, 1911, № 9, с. 229—230) фамилия читалась неточно. Очевидно, личные качества Флемминга, о которых Тургеневу было известно, побудили сравнить его со знаменитым разбойником и контрабандистом XVIII в. Мандреном.

[3] Речь идет о покушении на прусского короля Вильгельма, произведенном в Баден-Бадене 14 июня н. ст. 1861 г. студентом Оскаром Беккером.

[4] Тургенев имеет в виду вызов в Петербург по «делу 32-х».

[5] Известные слова Катона Старшего, которыми он заканчивал каждую свою речь в римском Сенате, напоминая римлянам о необходимости покончить с исконным врагом (см. наст. изд., Письма, т. 3, с. 572). Здесь в смысле упорного повторения одной и той же мысли — наставлений для дома Виардо.

[6] Просьба о высылке «метрономизации» мелодий П. Виардо была связана с предполагавшимся изданием в Петербурге альбома ее романсов.

1548. **Полине Виардо** (с. 243 и 366)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «oui» («да» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (без пометы: «№ 2»)— Revue Bleue, 1906, N° 1, 7 juillet, p. 1; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10886, 5(18) июля. Впервые опубликовано полностью во французском оригинале: *Т*, *Quelques lettres*, p. 127.

[1] По мнению А. Гранжара, называя Пича «бедным», Тургенев намекал на его безответное чувство к П. Виардо (см.: *Т*, *Quelques lettres*, p. 128, примеч. 1). О своем свидании с Тургеневым в Берлине Пич рассказывал в письме к Т. Шторму, написанном между 4(16) и 6(18) января 1864 г. См. письмо 1544, примеч. 2.

1549. **Полине Виардо** (с. 244 и 366)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (неполностью, с некоторыми неточностями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 163—164; во французском оригинале (полностью) — *Т*, *Lettres inéd*, p. 98—99.

[1] Председатель сенатской комиссии — первоприсутствующий в I отделении Пятого департамента Сената сенатор М. М. Карниолин-Пинский (см. письмо к нему — Офиц. письма и делов. бумаги, № 29).

[2] Письмо П. Виардо к А. Г. Рубинштейну неизвестно.

[3] См. письма 1550, примеч. 5 и 6, 1553, примеч. 5, 1554, примеч. 3 и 5.

[4] Альбом романсов П. Виардо на слова русских поэтов с немецкими переводами Ф. Боденштедта, который не удалось напечатать в Карлсруэ, был выпущен под негласной редакцией А. Г. Рубинштейна и под наблюдением самого Тургенева, под заглавием: «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, переведенные Ф. Боденштедтом и положенные на музыку П. Виардо. СПб., у Иогансена, 1864»,— каждый романс отдельной тетрадкой, тексты на двух языках. В него вошли шесть стихотворений Пушкина: «Цветок», «На холмах Грузии», «Заклинание», «Ночью» (т. е. «Ночь»), «Узник», «Птичка божия не знает» (из «Цыган»); пять стихотворений Фета: «Тихая звездная ночь», «Полунóчные образы», «Шепот, робкое дыханье», «Две розы» («Полно спать: тебе две розы...»), «Звезды» («Я долго стоял неподвижно...»); одно стихотворение Тургенева — «Синица». Первоначально предполагалось ввести в альбом 15 романсов — кроме перечисленных выше, туда должны были войти стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальной...» и «Ночью во время бессонницы» (т. е. «Стихи, сочиненные ночью...») и «Колыбельная песня» (т. е. «Казачья колыбельная песня») Лермонтова. По издательским соображениям, они вошли в следующий альбом: «10 стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, переведенные Ф. Боденштедтом, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (СПб., 1865) — см. письмо 1552, примеч. 5. Кроме того, стихотворение Пушкина «Туча», которое сначала предполагалось включить, было заменено его же «Узником». В том же году альбом был выпущен в Лейпциге (см. письмо 1569, примеч. 2).

[5] Кто этот «четвертый» — трудно установить; возможно, что это И. П. Арапетов.

[6] Опера Ш. Гуно «Фауст» была поставлена в петербургской итальянской опере (в Большом театре) 31 декабря ст. ст. 1863 г., в бенефис Тамберлика, в следующем составе: Фауст — Тамберлик, Маргарита — Барбо, Мефистофель — Эверарди, Валентин — Мео, Зибель — Нантье-Дидье, и др. (см.: *Вольф, Хроника*, ч. 3, с. 119—120, 146—147). Опера была встречена хвалебными отзывами газет. Так, рецензент «Голоса» (1864, № 1, 1 (13) января, без подписи) писал о «Фаусте», имевшем «огромный успех в Париже, Лондоне и на всех лирических сценах Европы»: «Это произведение талантливого французского композитора, при роскошной обстановке и безукоризненном исполнении, имело у нас блестящий успех, какого давно уже не запомнит здешняя итальянская сцена, и надобно прибавить, успех вполне заслуженный». Тургенев был на четвертом представлении оперы, 8 (20) января 1864 г. См. письмо 1552.

[7] См. письмо 1550.

1550. Полине Виардо (с. 245 и 367)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 1, 7 juillet, p. 2; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10886, 5 (18) июля.

[1] Крещенский парад устраивался ежегодно 6 января ст. ст., в день Крещения, на Неве и на Дворцовой набережной, против Иорданского подъезда Зимнего дворца. Гостиница «Франция», где

жил Тургенев, была расположена недалеко от дворца, на углу набережной Мойки и Невского проспекта.

[2] Опера А. Н. Серова «Юдифь», впервые поставленная 16 мая 1863 г., написана на сюжет, заимствованный из библейского сказания (Книга Юдифи): при нашествии на Иудею ассирийских войск, возглавляемых полководцем Олоферном, молодая вдова из Ветилуи по имени Юдифь, движимая любовью к родине, отправилась во вражеский лагерь и пленила своей красотой Олоферна; ночью, после пиршества, она убила Олоферна его собственным мечом и отрубленную голову принесла в Ветилую; наутро, увидав на городской стене мертвую голову своего вождя, ассирияне в ужасе бежали. Это сказание служило не раз предметом изображения в литературе и в живописи. В основу либретто оперы Серова положена одноименная трагедия итальянского драматурга Джакометти. Опера Серова шла в Мариинском театре; исполнителями были: Бианки (Юдифь), Сариотти (Олоферн), Васильев 1-й (жрец), Сетов (Ахиор), Латышева (Авра), Петров и Гумбин (старейшины) (см.: *Вольф*, *Хроника*, ч. 3, с. 118, 119, 144—146).

[3] Мнение о влиянии Р. Вагнера на оперное творчество А. Н. Серова было широко распространено среди современников. Так, рецензент «Голоса» писал по поводу первого представления «Юдифи»: «Опера г. Серова „Юдифь" 〈...〉 составляет новинку нашего музыкального мира, замечательную во многих отношениях 〈...〉 Г. Серов является на нашей лирической сцене реформатором, развивающим то же самое направление в музыкальном творчестве, как и его первообраз Вагнер 〈...〉 Да, по всему видно, что г. Серов не только словами (критическими статьями), но и делом (собственным музыкальным произведением) решился пересадить на русскую почву музыкальные реформы Вагнера» (Голос, 1863, № 123, 19 мая, «Вседневная жизнь», без подписи). О том же впоследствии писал по поводу постановки «Юдифи» летописец петербургских театров А. И. Вольф: «В публике давно уже ходили слухи о том, что Серов, грозный музыкальный критик и ярый вагнерист, пишет оперу в совершенно новом жанре» (*Вольф*, *Хроника*, ч. 3, с. 118). Однако наиболее авторитетные критики (В. Ф. Одоевский, В. В. Стасов) этого мнения не разделяли, так же как и советские музыковеды (Б. В. Асафьев).

[4] В. Ф. Одоевский был единственным среди русской аристократии (кроме бр. Виельгорских) знатоком и теоретиком музыки; его позднейшее замечание более общего характера буквально совпадает с тем, что полуиронически передает Тургенев. В статье об оперном творчестве Серова Одоевский писал: «В то время, когда в западной музыке господствует безусловный *хроматизм*, когда там действующее лицо не может попросить даже стакана воды без полдюжины бемолей и диезов, у Серова все почти мелодии — чисто *диатонические*, почти не выходят из однажды избранного лада для каждой из них...» (О д о е в с к и й В. Ф. Рогнеда и другая новая опера Серова // Современные известия (Москва), 1868, № 67, 9 марта; то же в кн.: О д о е в с к и й В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 341).

[5] В заседании сенатской комиссии, допрашивавшей Тургенева 7 (19) января 1864 г., принимали участие, под председательством М. М. Карниолина-Пинского, четыре сенатора 1 отделения Пятого департамента Сената: К. Б. фон Венцель, А. В. Веневитинов, Н. Е. Лукаш и гр. Д. А. Толстой, а также обер-прокурор Я. Я. Че-

мадуров; пятый член суда, сенатор Б. И. Бер, на этом заседании не присутствовал (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 96).

[6] Речь идет об ответах Тургенева на посланные ему 27 февраля ст. ст. 1863 г. Сенатом допросные пункты; ответы были отправлены им из Парижа в Петербург 22 марта ст. ст. через русского посла А. Ф. Будберга (см. Приложение II, № 3).

[7] Тургенев должен был иметь очную ставку с М. Л. Налбандяном и А. П. Ничипоренко, назначенную на 13 (25) января. Очная ставка не состоялась (см. письмо 1552).

[8] Вторая опера А. Н. Серова, «Рогнеда» (на текст Д. В. Аверкиева), была закончена композитором лишь в следующем году и поставлена в Петербурге 27 октября 1865 г. (см.: *Вольф*, *Хроника*, ч. 3, с. 121). Сюжет ее почерпнут из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. I, гл. IX), «Русской истории» С. М. Соловьева (кн. 1, т. 1, гл. VII), но главным образом из думы К. Ф. Рылеева «Рогнеда», бывшей в то время, как и все творчество Рылеева, под запретом.

1551. **И. И. Маслову** (с. 248)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 14. Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 115.

[1] См. письмо 1550.

1552. **Полине Виардо** (с. 248 и 369)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*), «à lire» («прочесть» — *франц.*), «aucun intérêt» («никакого интереса» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с некоторыми неточностями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 164—166; во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 107—109.

В автографе Тургенева допущена ошибка в дате: 11 (23) января 1864 г. приходилось на субботу, а не на пятницу, пятница же — 10(22) января. Принимаем последнюю дату по соотношению со следующим письмом к П. Виардо (№ 1553), начатым в субботу, 11(23) января.

[1] Опера Ш. Гуно «Фауст» в петербургской итальянской опере шла при среднем составе исполнителей, из которых ни один (кроме уже стареющего Тамберлика) не пользовался широкой известностью. См. письмо 1549, примеч. 7.

[2] Пятый концерт Русского музыкального общества (которое Тургенев ошибочно называет Филармоническим) в сезон 1863/64 г. состоялся 9(21) января 1864 г. в зале Дворянского собрания. Рецензент «Голоса» сообщал о нем: «На пятом вечере известный виолончелист г. Давыдов исполнил в первый раз новый свой концерт (манускрипт)... На этом же вечере мы слышали г-жу Прохорову, которая весьма удовлетворительно исполнила партию Реции в сценах из „Оберона“. Если г-жа Прохорова будет продолжать свое музыкальное образование, то со временем она может сделаться хорошей певицей...» (Голос, 1864, № 30, 30 января (11 февраля), «Петербургские отметки», без подписи). «Оберон» — романтическая опера Вебера (1826) на сюжет одноименной поэмы Виланда; «Мотет» (в дан-

ном случае — мотет Михаэля Гайдна) — многоголосное вокальное произведение на литургический латинский текст. «Ave verum» — одно из хоровых произведений церковной музыки Моцарта. Программу концерта см. в кн.: Финдейзен Ник. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского русского музыкального общества (1859—1909). СПб., 1909. Приложения. С. 5.

[3] Вечер в итальянском посольстве подробно описан в петербургской печати. «Министр итальянского королевства и супруга его,— читаем в журнале „Музыкальный свет" (1864, № 2),— в четверг, 9 января, обновляли великолепное новое помещение свое, в Большой Морской, в доме Демидова; они дали блистательный вечер, на который собрался цвет общества столицы... Итальянские артисты Большого театра пожелали ознаменовать исключительною артистическою манифестациею открытие нового помещения представителя их государя и исполнили кантату...» Текст кантаты принадлежал М. Пито, музыка — Риччи, исполнителями были Тамберлик, Кальцолари и др. «Во второй части концерта,— продолжает рецензент „Музыкального света",— ... спели ⟨...⟩ г-жа Фиоретти — болеро из „Сицилийской вечерни" (оперы Верди.— *Ред.*) и дуэт с Джульини ⟨...⟩ наконец г-жи Фиоретти, Джульини, Грациани и Анжолини — квартет из „Лючии" (т. е. „Лючии ди Ламмермур", оперы Г. Доницетти.— *Ред.*)». Упоминаемая Тургеневым «г-жа Адлерберг» — вероятно, Екатерина Николаевна, жена А. В. Адлерберга.

[4] Имеется в виду «дело 32-х».

[5] Об альбоме романсов П. Виардо, издаваемом А. Иогансеном, см. в письме 1549, примеч. 4. «Альбом будущего года» — «10 стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, переведенные Ф. Боденштедтом, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа». СПб., 1865; см. о нем там же.

1553. **Полине Виардо** (с. 250 и 370)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non» («нет»— *зачеркнуто*, *франц.*), «à relire» («перечесть» — *франц.*), «fragments» («отрывки» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с некоторыми неточностями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 166—168; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 110—112.

[1] Здесь, очевидно, ошибка А. Г. Рубинштейна: у Глинки нет романса на слова «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова, но есть написанная в 1840 г. «Колыбельная» на текст Н. В. Кукольника, бывшая действительно популярной.

[2] См. письма 1549, примеч. 4, и 1552.

[3] В. П. Боткин. О «Рогнеде» А. Н. Серова см. письмо 1550.

[4] Вторичное посещение Тургеневым Сената состоялось утром 13(25) января — в день написания этой части письма. «Добавочные разъяснения», о которых говорит Тургенев, см. в Приложении II, № 5.

[5] В петербургском обществе ходили слухи, вызванные многократными отсрочками приезда Тургенева в Петербург, о том, что Тургенев, боясь судебной ответственности, не явится на вызов Се-

ната и останется за границей. Вместе с тем его упрекали в том, что он своей неявкой отягчает положение обвиняемых (см. письмо 1527, примеч. 2, и письмо 1533, примеч. 1).

[6] В конце января 1864 г. П. Виардо должна была выступать в Гевандхаузе в Лейпциге (см. письмо 1554, примеч. 4).

[7] Здесь Тургенев иронически обыгрывает известное выражение из комедии Мольера «L'Amour-médecin» («Любовь-целительница»), вошедшее в поговорку: «Vous êtes orfèvre, monsieur Josse!» («Вы — ювелир, г-н Жосс!») (акт 1, сцена 1), означающее: «Вы в этом деле не судья, вы заинтересованное лицо». Говоря о литературной молодежи, Тургенев имеет в виду, очевидно, молодых писателей-разночинцев, группировавшихся вокруг «Современника», «Русского слова» и «Искры», которых он считал лишенными эстетического чувства и неспособными судить о современной литературе.

[8] Это письмо, обращенное к младшим детям Виардо — Марианне, Клоди и Полю,— неизвестно.

[9] О переводах этих текстов Пушкина Боденштедтом см. письма 1559 и 1567.

1554. Полине Виардо (с. 252 и 372)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*), «oui?» («да?» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с некоторыми неточностями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 168—169; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 112—114.

[1] Пьеса Островского «Воспитанница. Сцены из деревенской жизни», напечатанная еще в 1859 г. (*Б-ка Чт*, № 1), но долго не допускавшаяся на сцену театральной цензурой, была поставлена в Петербурге в Александринском театре 23 ноября 1863 г. В том же составе видел ее Тургенев 16 января 1864 г. (спектакль шел в этот день на сцене Мариинского театра). Исполнителями были: Сабурова (Уланбекова), Нильский (Леонид), Линская (Василиса Перегриновна), Васильев 2-й (Потапыч), Владимирова 1-я (Надя), Бурдин (Неглигентов) и др. По замечанию А. И. Вольфа об исполнительнице роли Нади — Владимировой 1-й,— «роль эта вовсе не подходила к ее средствам, и потому вместо простой, русской, дворовой девушки мы увидели какую-то мамзель с чисто французскими аллюрами» (*Вольф, Хроника*, ч. 3, с. 27). Тургенев был на представлении «Воспитанницы» в тот день, когда вместе с ней шла и его комедия «Холостяк». После того как прославленный исполнитель роли Мошкина А. Е. Мартынов в последний раз выступил в ней 20 января 1860 г., «Холостяк» на четыре года сошел со сцены, но в январе 1864 г. был возобновлен и прошел четыре раза — 8 и 16 января, 13 февраля, 31 мая. Исполнители были те же, что и при Мартынове, но роль Мошкина теперь, по-видимому, была поручена второстепенному актеру Зуброву (см. извещение в № 8 «Голоса» от 8 января 1864 г., где исполнители перечислены без указания роли каждого: «гг. Марковецкий, Малышев, Зубров, Яблочкин, г-жи Снеткова, Линская»).

[2] Речь идет о проекте замужества дочери Тургенева; брак ее с французским чиновником Пине не состоялся.

[3] Письмо под № 7, написанное, как видно из предыдущего пись-

ма к Виардо (№ 1553), во вторник 14(26) января 1864 г., не дошло до П. Виардо. Об этом пишет сам Тургенев в письме под № 13, от 28 января (9 февраля) 1864 г. (№ 1563). В пропавшем письме заключался подробный рассказ о последнем посещении Тургеневым Сената 14(26) января (см. Приложение II, № 5, примеч. 6).

[4] «Gewandhaus» — буквально «дом ⟨для продажи⟩ платья» или «суконный ряд» на ярмарке. Подобное здание в Лейпциге, известном своей ярмаркой, с 1781 по 1884 г. служило концертным залом.

[5] Определение Сената, разрешающее Тургеневу выехать за границу, чем фактически было окончено его дело, было вынесено позднее — 28 января (9 февраля) 1864 г. (см. письмо 1557, примеч. 2); в письме говорится, по-видимому, о предварительном устном объявлении.

[6] «Наш издатель» — Иогансен, издатель нотного альбома романсов Виардо (см. письмо 1549, примеч. 4).

[7] Дядюшка — Н. Н. Тургенев.

[8] Речь идет о публикации повести «Призраки» в новом журнале братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864, № 1-2). Журнал заменил собой закрытый в 1863 г. журнал «Время», возобновить который под прежним названием не было позволено. Официальное разрешение на открытие журнала «Эпоха» последовало 27 января ст. ст. 1864 г. (см.: Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 130 и 133).

[9] См. примеч. 6 к настоящему письму.

[10] «Орфей» и «Альцеста» — оперы Глюка; в первой из них П. Виардо выступила с громадным успехом в Париже 6(18) ноября 1859 г. (см. наст. изд., Письма, т. 4, № 780, 800, 808). В течение 1859—1861 гг. «Орфей» прошел в Парижском музыкальном театре 150 раз. Первое представление «Альцесты» с П. Виардо в заглавной роли состоялось в парижской Большой опере 23 октября н. ст. 1861 г. (см.: Литературное прибавление к «Нувеллисту», 1861, № 11, ноябрь, с. 88). Берлиоз в статьях «„Орфей“ Глюка в Лирическом театре» (1862) и «Возобновление „Альцесты“ Глюка в Опере» (1862) восторженно отзывался об исполнении П. Виардо партий Орфея и Альцесты (см.: Берлиоз Г. Избранные статьи. М., 1956. С. 236—249 и 257—258). В апреле 1863 г. П. Виардо окончательно ушла с оперной сцены. Гастроли певицы в Петербурге не состоялись.

[11] См. письмо 1555.

1555. **Полине Виардо** (с. 254 и 373)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «autorisée» («разрешено» — *франц.*), «non» («нет»— *франц.*), «à copier» («переписать» — *франц.*). На полях против текста: «j'ai assisté...» помета: «à copier» («переписать» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью и с некоторыми неточностями) — Revue Bleue, 1906, № 1, 7 juillet, p. 2—3; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10886, 5(18) июля. Полностью опубликовано во французском оригинале — *Т. Quelques lettres*, p. 129—131.

[1] Это не дошедшее до нас письмо П. Виардо, помеченное «маленькой гостиной», было написано, очевидно, в Баден-Бадене по возвращении певицы после гастролей в Лейпциге и других местах.

[2] См. письмо № 8 по тургеневской нумерации (№ 1554). Предыдущее письмо, № 7, пропало.

[3] «Фиделио» — опера Бетховена (1805), поставленная итальянской оперной труппой в Петербурге в бенефис Кальцолари, в сезон 1862/63 г. Представление, на котором присутствовал Тургенев, происходило не 18 января (как следует из письма), а в пятницу 17 января ст. ст., в Большом театре (*СПб Вед*, 1864, № 13, 17(29) января). Исполнителями были Кальцолари (Фиделио), Барбо (Леонора), Анджолини (тюремщик) и др. «Исполнение всей оперы блистательно,— отмечал рецензент,— трудная партитура ее выполняется оркестром с соблюдением мельчайших подробностей и оттенков, но при всем том успех сомнительный» (Лобанов Д. Театральная и музыкальная летопись // Русская сцена, 1864, февраль, с. 48). А. И. Вольф, со своей стороны, отмечает: «К стыду дилетантов того времени я должен сказать, что chef d'œuvre Бетховена вовсе им не понравился» (*Вольф*, *Хроника*, ч. 3, с. 118). Для Тургенева эта опера представляла особый интерес потому, что в ней — в партии Леоноры — выступала в Париже в 1860 г. П. Виардо.

[4] Об этом концерте в хронике журнала «Музыкальный свет» (1864, № 2, с. 13) сообщалось: «В воскресенье 19 января знаменитый скрипач Г. Венявский давал в зале Бенардаки первое квартетное утро свое; исполнен был один квартет, затем г. Венявский сыграл с известным пианистом Контским дуэт Крейцера для скрипки и фортепьян, Джульини спел каватину из оперы Моцарта „Cosi fan tutte" и, наконец, Венявский сыграл на скрипке скерцо своего сочинения». В этой заметке, очевидно, перечислены не все номера программы, так же как и в письме Тургенева: отсюда и несовпадения между ними.

[5] Повесть — «Призраки»; сомнение Тургенева относительно выхода ее в свет было вызвано задержкой в разрешении на издание журнала «Эпоха», где она должна была печататься (см. письмо 1554, примеч. 8).

1556. **Полине Виардо** (с. 256 и 375)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице автографа (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 169—171; во французском оригинале — *T*, *Nouv*, *corr inéd*, t. 1, p. 114—116.

[1] Страсбург, где гастролировала П. Виардо, входил с 1648 г. в состав Франции. Немецкая песня о нем выражала давние стремления Пруссии к захвату Эльзаса, осуществленные в 1871 г.

[2] Восклицание Поприщина — героя «Записок сумасшедшего» Гоголя.

[3] Похороны А. В. Дружинина состоялись 21 января ст. ст. на Смоленском кладбище, о чем сообщили «Биржевые ведомости» в № 21 от 22 января 1864 г.

[4] Очевидно, у сенатора А. В. Веневитинова, входившего в состав суда, рассматривавшего «дело» Тургенева.

[5] Речь идет об издании Иогансеном альбома романсов П. Виардо на слова русских поэтов. О переводах стихотворений Пуш-

кина «Птичка» («Птичка божия не знает») и «Узник» см. письмо 1553. См. также письма 1559 и 1567.

[6] Опера Глюка «Орфей» была поставлена на сцене театра в Карлсруэ почти полностью, но в концертном исполнении, с участием П. Виардо в заглавной роли, 16(28) марта 1864 г. (см. письма 1584, примеч. 7, 1586, 1589, примеч. 1, а также к Л. Пичу от 18(30) апреля 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6, № 1613).

1557. Полине Виардо (с. 257 и 376)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 35. Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 171—172; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 209.

[1] Речь идет об альбоме романсов П. Виардо в издании Погансена (см. письмо 1549).

[2] Просьба Тургенева связана с получением заграничного паспорта, который не мог быть ему выдан без разрешения Сената (см. Приложение II, № 6).

[3] Боденштедт прислал Тургеневу перевод «Птички» (см. письмо 1559); перевод «Узника» был послан через П. Виардо, как об этом сообщает Боденштедт в письме к Тургеневу от 10 февраля н. ст. 1864 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2 с. 322).

[4] Очевидно, описка — вместо: «Я перевел „Птичку“». Перевод этого стихотворения Пушкина (из поэмы «Цыганы» — «Птичка божия не знает...») приведен далее в письме.

[5] Концерт Русского музыкального общества, руководимого А. Г. Рубинштейном (которое Тургенев ошибочно называет Филармоническим — ср. то же в письме 1552, примеч. 2), состоялся 23 января ст. ст. В своем обзоре шести концертов, данных «Музыкальным обществом» в течение сезона 1863/64 г., рецензент «Голоса» писал: «Шестой концерт ... был не так удачен. Хоры в отрывках из „Missa solemnis“ Бетховена очень часто сбивались. Сверх того, какой-то г. Агренев пел арию из оперы „Дон-Жуан“ ⟨Моцарта⟩ (Il mio tesoro) и романс Глинки „Я помню чудное мгновенье“— и пел весьма плохо» (Голос, 1864, № 30, 30 января (11 февраля), «Петербургские отметки», без подписи). Мнение рецензента, как видно, совпадает с мнением Тургенева. Д. А. Агренев тогда только начинал свою артистическую карьеру. См.: Финдейзен Ник. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского русского музыкального общества (1859—1909). СПб., 1909, Приложения, с. 5, с ошибочной датой «29 января».

[6] Это письмо неизвестно.

1558. А. И. Гирс (с. 259)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22597.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 212.

Время написания записки определяется ее содержанием и взаимной связью четырех записок к Гирс (см. № 1564, 1566, 1578), написанных в конце января и в феврале ст. ст. 1864 г., во время пребывания Тургенева в Петербурге, когда он следил за печатанием альбома романсов П. Виардо и держал корректуру «Призраков». День написания настоящей записки уточняется обозначенным в ней днем недели. Она написана в пятницу, ближайшую перед вторником 28 января (9 февраля) 1864 г. (см. письмо 1564),

когда было назначено чтение, следовательно 24 января (5 февраля) 1864 г.

[1] Речь идет о чтении не опубликованных еще в то время «Призраков».

[2] О которой из двух сестер А. И. Гирс — В. И. или Н. И. Буниных — идет речь, неизвестно.

1559. **Фридриху Боденштедту** (с. 259 и 377)

Печатается по копии, присланной Ф. Боденштедтом в редакцию «Русской старины»: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 35, л. 525—526. Адрес на конверте — по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 34. Почтовые штемпеля на конверте: 1) С.-Петербург 28 января 1864; 2) München 12 Feb. 1864.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 460.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Боденштедта, о котором идет речь, неизвестно. В нем Боденштедт прислал Тургеневу переводы стихотворений Пушкина «Птичка» и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Думая (на основании письма к нему от П. Виардо), что это письмо Тургеневым не получено, Боденштедт вновь послал ему те же переводы в письме от 10 февраля н. ст. 1864 г.

[2] См. письма к П. Виардо за январь 1864 г. (№ 1549, 1550, 1553—1555).

[3] См. письмо 1494, примеч. 1.

[4] Дело касается продажи в России издания переводов сочинений Тургенева на немецкий язык, предпринятого Боденштедтом.

1560. **Кларе Тургеневой** (с. 260 и 378)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708, п. 10.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 223—224.

[1] Письмо Клары Тургеневой и пересланное ею письмо книгопродавца к Тургеневу неизвестны.

[2] Тургенев имеет в виду постепенное упорядочение отношений между помещиками и крестьянами на основании «Положения» 1861 г., недавние реформы — судебную, земскую и проч.

[3] См. письмо 1559, примеч. 2.

[4] Дела — издание альбома романсов П. Виардо, публикация «Призраков» в «Эпохе», а также переговоры об издании братьями Салаевыми собрания сочинений Тургенева (Карлсруэ, 1865).

1561. **Н. С. Тургеневу** (с. 262)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 14. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Получ⟨ено⟩ 30-го января/11-го февраля 1864. Четверг. Полдень. Дрезден. 5-м днем».

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 318, с сокращениями.

Стр. 262. Шиллерштрассе, № 277, у г-на Анштетта *(нем.)*.

[1] Это письмо Н. С. Тургенева неизвестно.

[2] О деле Тургенева в Сенате см. в письмах 1549, 1550, 1553—1555.

[3] Тургенев должен был встретиться с дядей, Н. Н. Турге-

невым, управляющим его поместьями, чтобы обсудить вопросы, связанные с новым устройством крестьян и с состоянием помещичьего хозяйства.

1562. **А. А. Фету** (с. 262)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 6—7, с пропуском двух слов и обозначением фамилий начальными буквами.

[1] К этому месту Фет сделал примечание: «В бытность мою в Петербурге Тургенев подарил мне книжку стихотворений немецкого поэта Мёрпке» (*Фет*, ч. 2, с. 6).

[2] Шутливое прозвище В. П. Боткина.

[3] Речь идет о письмах к Тургеневу, адресованных в Москву на имя И. И. Маслова, каких именно — неизвестно; см. письмо к Маслову, № 1551.

[4] См. письмо 1556.

[5] Два первых напечатанных романса — «Цветок» и «На холмах Грузии...» (см. письмо 1557).

[6] Святая Цецилия считается в католической церкви покровительницей музыки.

[7] Повесть Л. Н. Толстого «Поликушка» была опубликована в № 2 «Русского вестника» за 1863 г.

[8] С февраля 1863 по 1865 г. редактором и собственником журнала «Библиотека для чтения» был начинающий писатель П. Д. Боборыкин.

[9] В газете «Московские ведомости» (1864, № 18, 23 января) было напечатано стихотворение Фета «На смерть Александра Васильевича Дружинина».

[10] Речь идет не о статье, а о большом неподписанном некрологе «Александр Васильевич Дружинин», напечатанном в первом номере «Библиотеки для чтения» за 1864 г. с особой пагинацией (с. 1—8). Очевидно, Фет сообщил Тургеневу о своем согласии на перепечатку названного выше стихотворения, так как в некрологе оно приведено.

[11] Тургенев имеет в виду стих 12 стихотворения Фета «На смерть А. В. Дружинина». Фет прочел это стихотворение Тургеневу на поминках по А. В. Дружинину, устроенных сразу после похорон, 21 января ст. ст. 1864 г., и спросил его мнение. «Вы видите, я плачу,— сказал Тургенев,— это лучшая похвала стихотворению; но все-таки следует исправить стих: ты чистым донесен в могилу, так как доносят *до*, а не *в*» (*Фет*, ч. 2, с. 6). Фет пренебрег этим замечанием и напечатал стихотворение в «Московских ведомостях» без переделки. В дальнейшем, однако, он исправил эту строку: «Ты чистым унесен в могилу».

1563. **Полине Виардо** (с. 263 и 379)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице автографа (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*)

Впервые опубликовано: в русском переводе (с некоторыми сокращениями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 173—174; во французском оригинале (полностью) — *T, Lettres inéd*, p. 100—101.

[1] Письмо № 8 от 16 (28) и 17 (29) января 1864 г., где Тургенев сообщал о благополучном окончании дела в Сенате (см. письмо 1554, примеч. 3 и 5).

[2] Подруга П. Виардо в Лейпциге — вероятно, г-жа Флинш (см. письмо 1554).

[3] См. письмо 1554, примеч. 8. Первое объявление об издании журнала «Эпоха» появилось в «С.-Петербургских ведомостях» 31 января ст. ст. 1864 г. (поэтому неясно сообщение Тургенева о том, что оно «сегодня появилось»,— возможно, что он видел его еще до напечатания, предполагавшегося, но не осуществленного 28 января). В объявлении «Об издании нового ежемесячного журнала „Эпоха“» было сказано: «Первые два номера „Эпохи“, январский и февральский, выйдут в конце февраля в одном большом томе... В этом томе, между прочим, будет помещена повесть И. С. Тургенева „Призраки“» (*СПб Вед*, 1864, № 25, 31 января (12 февраля); см. также: Голос, 1864, 1 (13) февраля; Северная почта, 1864, № 30, 5 (17) февраля; День, 1864, № 6, 8 февраля).

[4] Письмо Тургенева к детям Виардо — Марианне, Клоди и Полю — неизвестно.

[5] Тургенев имеет в виду, вероятно, лубочные издания русских сказок в картинках с подписями, имевшие широкое распространение в 1850—1860-х годах.

[6] Это письмо к Луи Виардо неизвестно.

1564. **А. И. Гирс** (с. 265)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22597.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 218—219.

Обоснование датировки настоящей записки см. в примеч. к письму 1558. День ее написания уточняется пометой «вторник» (см. письмо 1566).

[1] О корректуре «Призраков», которую должны доставить Тургеневу «через два-три дня», см. в письме к П. Виардо, № 1563, написанном, очевидно, в один день с настоящей запиской, что подтверждает ее датировку.

1565. **Полине Виардо** (с. 265 и 380)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non» («нет»— *франц.*), «à lire» («прочитать» — *франц.*), «coupures à faire» («сделать купюры» — *франц.*).

Впервые опубликовано (с некоторыми неточностями): в русском переводе — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 174—175; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 102—103.

[1] Из писем Тургенева к Полине Виардо, упоминаемых здесь, заведомо пропало одно — № 7 (см. письма 1554—1557); неизвестно и письмо № 12.

[2] Речь идет о предстоявших родах старшей дочери П. Виардо — Луизы Эритт.

[3] «Полуно́чные образы» — стихотворение А. А. Фета, № 4, в альбоме романсов П. Виардо.

[4] Иогансен.

[5] Это второе собрание сочинений Тургенева, в 5 томах, издание братьев Салаевых, печатавшееся в Карлсруэ и вышедшее в 1865 г. Предыдущее издание — Н. А. Основского, в 4 томах, 1860—1861 гг.

[6] Речь идет о предполагавшейся свадьбе Полины Тургеневой и г-на Пине.

[7] «Он прислал новую фотографию, на которую больно смотреть, настолько печально и болезненно выражение его лица»,— писала П. Виардо 18 февраля 1864 г. Луи Поме из Баден-Бадена (письмо не опубликовано, хранится в собрании Ж. Гунии; сообщено А. Звигильским).

1566. **А. И. Гирс** (с. 267)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22597.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 221.

Обоснование датировки настоящей записки см. в примеч. к письму 1558. Датировка уточняется тем, что в письме к П. Виардо, № 1567, Тургенев сообщал, что он только что выправил корректуру «Призраков». Настоящая же записка написана в ближайшую предшествующую пятницу, сразу по получении корректурных листов, отдельный экземпляр («оттиск») которых он посылает А. И. Гирс. Датировка подтверждается также тем, что и в настоящей записке и в письме к П. Виардо от 31 января (12 февраля) Тургенев пишет о своей простуде и о том, что не выходит из дому (см. письмо 1565).

[1] См. письмо 1558.

1567. **Полине Виардо** (с. 267 и 381)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «à lire» («прочитать» — *франц.*), «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с некоторыми неточностями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 175—177; во французском оригинале (с неточным прочтением имени «Параша») — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 116—118.

[1] Немецкий перевод стихотворения Пушкина «Птичка» (из поэмы «Цыганы») — см. в письме 1557. Тургенев предложил Полине Виардо на выбор варианты к переводу четырех стихов; о выбранных ею вариантах, очевидно, и идет речь.

[2] См. письмо 1559, примеч. 1.

[3] Общее собрание членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) состоялось в воскресенье, 2(14) февраля 1864 г. «Заседание открыто чтением статьи И. С. Тургенева в память покойного Дружинина, которому принадлежит мысль основания общества» (*СПб Вед*, 1864, № 30, 6 февраля). Председателем Общества был избран М. А. Корф, но он уже 6 (18) февраля письмом на имя Ег. П. Ковалевского просил освободить его от обязанностей председателя и члена Комитета. Обязанности председателя принял на себя еще на год Ег. П. Ковалевский. После этих перемен Комитет Общества определился в следующем составе: Ег. П. Ковалевский, Г. А. Щербатов, В. П. Гаевский, А. Д. Галахов, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, В. Ф. Корш, Н. А. Некрасов, П. П. Пекарский, А. Н. Пыпин, И. С. Тургенев, Б. И. Утин — люди в большинстве, как пишет Тургенев, «умеренные». В ревизионную комиссию, под председательством Тургенева, вошли П. В. Анненков, Н. М. Благовещенский, Н. Х

Бунге, С. С. Дудышкин, В. Ф. Корш, М. Н. Островский. Слова Тургенева о «нигилистах» поясняются в известной мере статьей И. Говорова «Только из жизни», напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях» от 6 февраля 1864 г. (№ 30). «„Литературный фонд падает (читаем мы здесь), литературный фонд при последнем издыхании, его погубили нигилисты“,— вот те отзывы, которые нам в последнее время иногда случалось слышать в обществе. Порой мы наталкивались и на диаметрально противоположные мнения: „Литературный фонд копит деньги и бездействует, он равнодушен к бедствиям пишущей братии, в него засели всё такие достопочтенные господа, что нельзя от него прока ждать“». Далее автор отмечает, что многие из «почтенных» членов Общества, по заявлению самого Комитета, «не платят своих обещанных взносов: „вот истинные нигилисты“,— подумали мы».

[4] Обед памяти А. В. Дружинина состоялся после общего собрания 2(14) февраля. А. В. Никитенко записал в своем дневнике под этим числом: «В пять часов мы сошлись на тризну по Дружинине в Hôtel de France. Тут были, кроме меня: Тургенев, Анненков, Гончаров, Ковалевский Егор, Григорович, Гаевский, Боткин и брат Дружинина... Обед был роскошный, но беседа за обедом была совершенно пустая...» (*Никитенко*, т. 2, с. 403—404).

[5] Речь идет о публикации повести «Призраки» в журнале «Эпоха» (1864, № 1-2).

[6] См. письмо 1554, примеч. 2, 1565, примеч. 6.

[7] Виноградская — Анна Петровна Маркова-Виноградская, более известная под фамилией своего первого мужа — Керн. Пушкин посвятил ей не «несколько» стихотворений, как пишет Тургенев, а, по-видимому, одно — «Я помню чудное мгновенье...», напечатанное под заглавием «К***» (если не считать нескольких стихотворных шуток). Миниатюрный портрет А. П. Керн, который видел у нее Тургенев, находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Ленинград). Портрет Тургенева, подаренный им Керн при этой встрече, с его дарительной надписью, находится в *ИРЛИ* (см.: *ПД*, *Описание*, № 458). Там же находятся теперь и все письма к ней Пушкина; они входят в издание: *Пушкин*, т. 13, 15 (см. также Справочный том, 1959). Воспоминания Керн о Пушкине, написанные ею по просьбе П. В. Анненкова, напечатаны последним в «Библиотеке для чтения» (1859, № 4, с. 111—144; см.: *Т и круг Совр*, с. 240—241) и перепечатывались и дополнялись потом не раз (см. последнее издание — Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Худож. лит., 1974. 368 с.).

1568. **Полине Тургеневой** (с. 269 и 382)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 88—89.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 580—581. Перепечатано: *Séménoff*, p. 144—146.

[1] Ср. в письме 1560.

[2] О ком идет речь — неизвестно.

[3] См. письмо 1560.

1569. **Полине Виардо** (с. 270 и 383)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице автографа (в

левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*), «à lire» («прочесть»— *франц.*), «non» («нет» — *франц.*). Со слов: «Je vous écrirai samedi mon n° 17» по: «Der Ihrige J. T.» — вписано на полях на первой странице письма.

Впервые опубликовано: в русском переводе (с некоторыми неточностями) — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 177—178; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 104—105.

[1] «Шепот» — романс П. Виардо на слова Фета (стихотворение «Шепот, робкое дыханье...»).

[2] Альбом, изданный Брейткопфом, был выпущен в Лейпциге в том же году и в том же составе, что и петербургский альбом в изд. Иогансена, под заглавием: 12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Fr. Bodenstedt für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte, componiert von Pauline Viardot-Garcia (Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1864). Русские тексты романсов в него не вошли.

[3] О переводе стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» см. письмо 1559. Романс на этот текст был перенесен в альбом 1865 г. (см. письмо 1552, примеч. 5).

[4] Стихотворение Пушкина «Птичка божия не знает...» напечатано в альбоме в переводе Ф. Боденштедта, значительно отличающемся от перевода Тургенева (ср. в письме 1557). Четыре первых стиха здесь читаются:

Glücklich lebt von Noth geborgen
Gottes Vöglein in der Welt,
Mühelos und ohne Sorgen
Hat es leicht sein Nest bestellt.

[5] Петербургское издание альбома вышло в свет 20 февраля (3 марта) 1864 г.

[6] Имеется в виду немецкий композитор и дирижер Р. Франц, с которым П. Виардо виделась в Галле, о чем свидетельствует ее неопубликованное письмо к Л. Поме от 18 февраля 1864 г., которое находится в собрании Ж. Гупий (сообщено А. Звигильским).

[7] Об этом вечере никаких данных ни в печати того времени, ни в мемуарах и переписке современников не нашлось. Исполнителями на нем должны были выступить певцы-любители (Ю. Ф. Абаза и другой, неустановленный), в программе — романсы из «Альбома» П. Виардо; возможно, что этот концерт давался в пользу Литературного фонда.

[8] Дядюшка — Н. Н. Тургенев, управлявший имениями писателя.

[9] Торжественный бал в «высочайшем» присутствии Александра II состоялся в четверг 6 (18) февраля. Сведений об этом бале в печати не было, кроме краткого сообщения в газете «Весть» (1864, № 5).

[10] Во время пребывания Тургенева в Петербурге в 1864 г. «Фауст» шел в Большом театре 3, 6, 8, 11, 15 января и 8, 9, 16, 20, 21, 23 февраля ст. ст. Рецензент «Голоса» отмечал в № 10 от 10 (22) января 1864 г.: «...успех „Фауста“ растет с каждым представлением».

1570. Полине Виардо (с. 272 и 384)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*), «à lire» («прочесть» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 178—180; во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — *Т*, *Lettres inéd*, p. 106—107.

[1] Это письмо Н. С. Тургенева к Тургеневу неизвестно.

[2] Жена и дочь декабриста-эмигранта Н. И. Тургенева, Клара и Фанни Тургеневы, желали, видимо, ввести Полинетту в парижский аристократический круг, к которому по рождению принадлежала Клара Тургенева. Тургенев же этого не хотел, считаясь с положением своей юридически не узаконенной дочери, и подыскивал ей жениха среди французской средней буржуазии, вдали от аристократических и литературно-артистических кругов.

[3] Письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

[4] «Гец фон Берлихинген» — историческая драма Гёте (1773), написанная в прозе и посвященная изображению Крестьянской войны 1525 г. в Германии.

[5] Речь идет о драматической поэме Я. П. Полонского «Разлад», написанной в духе осуждения Польского восстания 1863 г. В основе сюжета — любовь русского офицера Танина к сестре руководителя повстанческого отряда панне Катерине Славинской и возникающая отсюда борьба между чувством и долгом. Встретясь в бою, они не узнают и ранят друг друга и лишь перед смертью Катерины примиряются. Действие происходит в Белоруссии, причем подчеркнута ненависть крестьян к польской шляхте и их тяготение к России, русские же войска показаны борцами за правое дело и освободителями крестьян. Поэма опубликована в «Эпохе» (1864, № 4), а затем вышла отдельным изданием: Разлад. Сцены из последнего польского восстания. СПб., 1865.

[6] Граф Матвей — М. Ю. Виельгорский.

[7] Речь идет о концерте Русского музыкального общества 5 февраля ст. ст. 1864 г. (см.: Финдейзен Ник. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского русского музыкального общества (1859—1909). СПб., 1909. Приложения. С. 6).

[8] Из намеченных Тургеневым четырех писем к П. Виардо из Петербурга известно одно — № 18 (см. письмо 1571). Остальные, как и письмо из Дрездена, до нас не дошли или не были написаны.

1571. Полине Виардо (с. 273 и 386)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице автографа (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: «non?» («нет?»— *франц.*), «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1911, № 12, с. 180—181; во французском оригинале (с некоторыми неточностями) — *Т*, *Lettres inéd*, p. 108—109.

[1] Какое отношение имел вел. герцог Саксен-Веймарский Карл-Александр к постановке оперы К. Глюка «Орфей» на сцене театра в Карлсруэ — неизвестно: об этом говорилось в не дошедших до нас письмах П. Виардо к Тургеневу. Об исполнении П. Виардо

«Орфея» (в концерте) см. письмо 1584, примеч. 7, а также письма к П. Виардо от 6 (18) апреля и Л. Пичу от 18 (30) апреля 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6, № 1606 и 1613.

[2] По пути в Баден-Баден Тургенев остановился в Дрездене, чтобы навестить больного брата.

[3] Цитата из «Записок сумасшедшего» Гоголя.

[4] «Фотография-карикатура» — вероятно, петербургского фотографа Бутримовича (см.: *ПД*, *Описание*, с. 65, № 458). Ср. письмо 1565, примеч. 7. О каком «большом портрете» говорит Тургенев — неизвестно.

[5] Чтение Тургеневым повести «Призраки» состоялось во вторник 18 февраля (1 марта) 1864 г. (а не в понедельник, как пишет Тургенев) на литературном вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), председателем которого был Ег. П. Ковалевский. По словам рецензента, «вечер этот был очень интересен, особенно благодаря г. Тургеневу, который прочел свою небольшую, но чрезвычайно интересную, с несколько фантастическим характером повесть „Призраки“» (Голос, 1864, № 54, 23 февраля (6 марта), «Вседневная жизнь», без подписи).

[6] Последний роман Тургенева — «Отцы и дети».

[7] Речь идет о Н. А. Милютине, который, будучи назначен в конце 1863 г. статс-секретарем по делам Царства Польского, разработал проект отмены там крепостного права, более выгодный для польских крестьян, чем была реформа 1861 г. для русского крестьянства; задачей реформы было — отвлечь польских крестьян от революционно настроенной мелкой шляхты и устранить возможность народного восстания в Польше. Помощниками Милютина были при этом старые знакомые Тургенева — Ю. Ф. Самарин и В. А. Черкасский. Сам Милютин неоднократно выезжал в Варшаву для осуществления проекта, утвержденного указом 19 февраля 1864 г. Тургенев, спешивший вернуться в Париж и Баден-Баден, отказался от предложения Милютина. Несколько позднее ездил в Варшаву вместе с Милютиным В. П. Боткин и пробыл там 12 дней (см.: *Боткин и Т*, с. 199—200; также письмо 1583, примеч. 6).

1572. Н. С. Тургеневу (с. 275)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 16. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 27/15 février 1864. Dresde. Samedi. Le 5-me jour» («Получено 27/15 февраля 1864. Дрезден. Суббота. На 5-й день»).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 229—230.

[1] Это письмо Н. С. Тургенева неизвестно.

1573. Е. Н. Ахматовой (с. 275)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 7.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 232.

Датируется предположительно на основании адреса Тургенева, соответствующего его пребыванию в Петербурге в январе — феврале 1864 г.. и пометы «Пятница»: в гостинице «Франция» Тургенев жил с 4 (16) января 1864 г. (см. письмо 1549) по начало 20-х чисел февраля ст. ст. (см. письмо 1579). Письмо не могло быть написано позднее пятницы 14 (26) февраля 1864 г.

[1] Речь идет, вероятно, о посещении одного из литературных вечеров, бывавших у Е. Н. Ахматовой (о подобном вечере говорит А. В. Никитенко в дневнике под 2 декабря 1863 г.— см.: *Никитенко*, т. 2, с. 383).

1574. **Е. Е. Ламберт** (с. 276)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 140.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 186.

Датируется предположительно временем пребывания Тургенева в Петербурге в январе—феврале ст. ст. 1864 г. и соответственно помете «Воскресенье», ограничивающей это время (см. письма к П. Виардо, № 1550 и 1553, из которых видно, что Тургенев впервые после приезда в Петербург был у гр. Ламберт, вероятно, во вторник 7 (19) января, а в воскресенье 12 (24) января провел у нее вечер; см. также примеч. 1 к настоящему письму). Вероятнее, однако, датировать записку февралем, когда «дело» Тургенева было уже решено в благоприятную для него сторону. Возможно, наконец, что она относится к более раннему времени — даже к зиме 1859/60 г.

[1] Официальный бал в Дворянском собрании, на котором присутствовал Тургенев, состоялся в четверг 6 (18) февраля 1864 г. (см. его письмо к П. Виардо от этого числа, № 1569). Настоящая записка могла бы относиться к нему лишь в том случае, если бы Тургенев ошибся, указав на «завтрашний» день, т. е. на понедельник, или если бы бал был отложен и перенесен с понедельника на четверг, что едва ли возможно. В таком случае записка может относиться и к балу, происходившему не в 1864 г., а раньше.

1575. **И. М. Толстому** (с. 276)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 696, оп. 1, № 43, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 226—227, с ошибкой в редакторской дате: 6 (18) февраля 1864 г. вместо 18 февраля (1 марта) 1864 г. Письмо написано в России и датировано по ст. ст., что подтверждается и указанным в дате днем недели: в 1864 г. на вторник приходилось 18 февраля старого, а не нового стиля.

1576. **Е. Е. Ламберт** (с. 277)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 122.

Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 189.

Датируется предположительно временем пребывания Тургенева в Петербурге в январе—феврале ст. ст. 1864 г. и соответственно помете «Четверг», ограничивающей это время. Возможно, что отзыв Ламберт о Тургеневе как о «вредном писателе» связан с ее упреками, высказанными в неизвестном нам ее письме к нему, полученном им в конце апреля ст. ст. 1863 г., в том, что он живет за границей и не пишет для народа. Ответ на эти и другие ее упреки см. в письмах 1465 и 1486. Споры на те же темы продолжались и позднее — см., например, письмо к Ламберт от 22 августа (3 сентября) 1864 г. (наст. изд., Письма, т. 6, № 1642). Известно также, что Ламберт «бранила» «Призраки» (см. письмо 1596). Утрата писем

Ламберт к Тургеневу за 1863—1864 гг., в том числе и ее городских записок, обращенных к нему во время его пребывания в Петербурге в начале 1864 г. (на одну из которых и отвечает Тургенев в настоящей записке), не позволяет уточнить этот вопрос, а также и уточнить дату записки.

Стр. 277. самое позднее *(франц.)*.

[1] Речь идет, вероятно, о Захаре Балашове, бывшем слугою (камердинером) Тургенева до его решения поселиться в Баден-Бадене (ср. письмо 1534).

1577. **О. А. Новиковой** (с. 277)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 345, оп. 1, № 776, л. 32.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 233.
Датируется предположительно на основании адреса Тургенева и пометы «Четверг» (см. обоснование датировки в письме 1573).

1578. **А. И. Гирс** (с. 278)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22597.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 233—234.
Обоснование датировки настоящей записки см. в примеч. к письму 1558. Дата написания уточняется тем, что альбом романсов П. Виардо, о котором идет речь, вышел в свет 20 февраля (3 марта) 1864 г., в четверг. Настоящая записка, помеченная пятницей, могла быть написана только в ближайшую пятницу, 21 февраля (4 марта), так как в следующую пятницу, 28 февраля (11 марта) 1864 г., Тургенев вернулся уже в Баден-Баден.

[1] В письме к П. Виардо от 9 (21) февраля 1864 г. (№ 1570) Тургенев назвал А. И. Гирс в числе лиц, которые получат в подарок первые экземпляры печатавшегося альбома ее романсов.

1579. **М. Н. Лонгинову** (с. 278)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292.
Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 203—205.

Стр. 278. очень близка моему сердцу *(франц.)*.

[1] Об альбоме романсов П. Виардо см. письмо 1549, примеч. 4.

[2] В ответном письме от 2 марта ст. ст. 1864 г. Лонгинов сообщил Тургеневу, что он поместил свою рецензию на альбом романсов П. Виардо в «Московских ведомостях» (1864, № 47, 27 февраля), а в московской театрально-музыкальной газете «Антракт» (27 февраля) дал объявление о местах продажи в Москве этого альбома. Кроме того, Лонгинов намеревался раздать доставленные ему Тургеневым экземпляры альбома любителям музыки и артистам. Далее М. Н. Лонгинов писал: «Неужели же ты полагал, что если я когда-то не разделял безусловных восторгов публики *всегда и во всем*, то не признавал высоких достоинств певицы и музыкантши и сам ими не восхищался? Не говорю уже о том, что отрицать удивительную любовь к ней публики и заслуженную громкую славу нет никакой возможности. Я очень рад случаю засвидетельствовать всё это печатно и в прибавку к тому сделать еще этим что-либо тебе приятное» (*Сб ПД 1923*, с. 206—208).

1580. **Полине Тургеневой** (с. 279 и 387)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 90.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 581—582. Перепечатано: *Séménoff*, p. 146.

[1] Об этом претенденте на руку П. Тургеневой см. письма 1554, 1560, 1568.

[2] Луиза Эритт — старшая дочь П. Виардо, которую писатель, так же как и его дочь, недолюбливал, потому что Луиза была виновницей недоразумений между дочерью Тургенева и П. Виардо.

1581. **Фридриху Боденштедту** (с. 279 и 387)

Печатается по копии, присланной Ф. Боденштедтом в редакцию «Русской старины»: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 35, л. 527—528. Адрес на конверте — по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 32, л. 35. Почтовые штемпеля на конверте: 1) Baden 16.3; 2) München 17 Mär. 1864.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1887, № 5, с. 460—461.
Подлинник неизвестен.

[1] 20 апреля н. ст. Боденштедт записал в дневнике: «Я получил сегодня от Виардо-Гарсиа из Баден-Бадена альбом с ею сочиненными 12 романсами; текст русский, перевод мой» (перевод с неизданного немецкого подлинника).

[2] См. письма 1549, примеч. 4, и 1552, примеч. 5.

1582. **Н. С. Тургеневу** (с. 280)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 18. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 7/19 mars 1864. Samedi. Matin. 8 h. 1/2 h.» («Получено 7/19 марта 1864. Суббота. 8 1/2 ч. утра»).
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 236—237.

[1] Вероятно, Тургенев послал К. К. Случевскому альбом романсов П. Виардо, изданный в Петербурге.

1583. **П. В. Анненкову** (с. 281)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1887, № 1, с. 20—21.
Подлинник неизвестен.

Стр. 281. Спешим сообщить нашим читателям приятную новость: знаменитая певица П⟨олина⟩ В⟨иардо⟩ только что издала альбом... Не сомневаемся, что публика окажет радушный прием *(франц.)*.

[1] Речь идет о письме Анненкова к Тургеневу от 5(17) марта 1864 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 64—65).

[2] Имеются в виду: Сочинения И. С. Тургенева (1844—1864). Издание братьев Салаевых: 5 томов. Карлсруэ, 1865 (цензурное дозволение: Санкт-Петербург, 20 февраля 1864).

[3] В письме от 5(17) марта Анненков, сообщая программу празднования 300-летия со дня рождения Шекспира, указывал на то, что в нее включено чтение «*статьи Тургенева*», что́ обязывает

последнего «по получении сего письма, немедленно сесть за стол и написать сокращенную биографию Шекспира...». «Речь о Шекспире» Тургенева была оглашена 23 апреля (5 мая) 1864 г. в Петербурге на литературно-музыкальном вечере Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. На другой день она была опубликована в «С.-Петербургских ведомостях» (1864, № 89, 24 апреля (6 мая)).

[4] О выкупных свидетельствах см. письмо 1498, примеч. 7.

[5] Цензурное разрешение на выпуск № 1-2 «Эпохи», где напечатаны «Призраки», было получено лишь 20 марта ст. ст. 1864 г.

[6] Это — ответ на следующее место из письма Анненкова к Тургеневу от 5 (17) марта: «И выехал отсюда Боткин по направлению к Варшаве. Известно, что трусость в последнем своем развитии перерождается в героизм: то было и с ним. Под конец он уже стал говорить, что хочет проникнуть во внутренность страны (Царства Польского.— *Ред.*), дабы самому положить персты на ее раны» (ср. в письме 1571, примеч. 7). В том же письме Анненков сообщал о дуэли П. М. Леонтьева с гласным Московской городской думы С. Н. Гончаровым, происшедшей по вызову Гончарова из-за «полемики о гласных Думы», ведшейся Леонтьевым в «Московских ведомостях». «Важнее обмененного выстрела,— замечает Анненков,— то, что „Московские ведомости“ сильно упали в мнении завзятых москвичей».

[7] Анненков в письме от 5 (17) марта писал Тургеневу: «Я бы Вам советовал немедля самому прислать статейку об альбоме Виардо для „Journal de St-Pét⟨ersbourg⟩“, которую бы мы торжественно и тиснули, а то и я, и всякий другой нагородит чуши. Впрочем — велю перевести из „С.-П⟨етербургских⟩ в⟨едомостей⟩“». Заметка в «С.-Петербургских ведомостях» (1864, № 44, 23 февраля (6 марта), с подписью: Н. М.) сообщала «любителям музыки» о выходе в свет собрания романсов, «положенных на музыку бывшей примадонной петербургской оперы, до сих пор не забытой и едва ли замененной». В «Journal de St-Pétersbourg» заметки об альбоме не появилось.

[8] Тургенев ожидал сатирического отклика со стороны «Искры» на публикацию «Призраков» в «Эпохе» — в случае, если журнал уже вышел в свет. Отвечая ему, Анненков 25 марта (6 апреля) 1864 г. писал: «Только вчера явилась „Эпоха“ ⟨. . .⟩ и потому еще никаких посрамлений Вашей особы печатно и картинным образом переслать не могу, за неимением таковых покамест, а когда будут, то не премину доставить Вам сие удовольствие» (*Достоевский и Т*, с. 87). В № 13 «Искры» от 7 апреля ст. ст. 1864 г. был помещен стихотворный памфлет Владимира Монументова (псевдоним В. П. Буренина) под названием: «„Призраки“ (Посвящается И. С. Тургеневу, Ф. М. Достоевскому и всем представителям „болезненной“ поэзии)».

1584. Полине Виардо (с. 282 и 388)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Т*, *Lettres inéd*, р. 110—111.

[1] Ср. письмо 1583. Приезд в Париж был связан, по-видимому, с предполагавшимся замужеством П. Тургеневой (см. письма 1568, 1570 и др.).

[2] Тургенев говорит о своей дочери и ее гувернантке М. Иннис, которые в это время жили в Париже, на ул. Риволи, 210.

[3] Позднее выяснилось, что слухи о полном разорении Н. И. и А. А. Трубецких были несколько преувеличенными (см. письмо 1591, примеч. 7).

[4] Под продолжительным отсутствием Тургенев имеет в виду свое почти двухмесячное пребывание в России с 4 (16) января по конец февраля 1864 г., куда он вынужден был выехать в связи с вызовом его в Сенат по делу «32-х» (см. письмо 1547, примеч. 1). В Петербурге Тургенев был также занят печатанием «Призраков» в журнале «Эпоха» (см. письмо 1554, примеч. 8) и изданием альбома романсов П. Виардо (см. письма к П. Виардо от января—февраля 1864 г.— № 1549, 1555, 1557 и др.).

[5] См. письмо 1583, примеч. 3.

[6] Имеется в виду оратория Баха «Страсти по Матфею» (Matthäuspassion, либретто Пикандера, 1729), где П. Виардо, по-видимому, исполняла партию альта.

[7] Речь идет о репетициях оперы Глюка «Орфей», которая была дана в концертном исполнении в Карлсруэ 16 (28) марта 1864 г. (см. письмо 1589). П. Виардо выступила в партии Орфея, исполнив ее на немецком языке. Выступления певицы в этой роли пользовались успехом. В августе этого же года журнал «Athenaeum» сообщал о том, что П. Виардо приглашена в Лондон петь Орфея на английском языке (перевод текста либретто на английский язык принадлежал Г. Чорли) (см.: Athenaeum, 1864, № 1919, august 6, p. 186).

[8] См. письмо 1587, примеч. 8.

[9] Речь идет о рецензии М. Н. Лонгинова на вышедший в феврале 1864 г. в Петербурге альбом романсов П. Виардо в издательстве Иогансена. Рецензия была написана Лонгиновым по просьбе Тургенева (см. письмо 1579, примеч. 2). Называя издание романсов П. Виардо «явлением, ярко выступающим из ряда обыкновенных, хотя бы и приятных, музыкальных новостей», Лонгинов писал о «замечательнейшем даре музыкальной композиции», которым обладает П. Виардо, и о ее «глубоких познаниях в музыкальном искусстве, признанных единогласно со стороны ученейших знатоков дела» (*Моск Вед*, 1864, № 47, 27 февраля).

[10] Адрес Л. Эньяна, старого знакомого семьи Виардо и Тургенева, понадобился Тургеневу, возможно, для того, чтобы выслать ему какую-то из своих книг, переведенную на французский язык (например, вышедших в 1863 г. с предисловием и под редакцией П. Мериме «Отцов и детей»). Такое предположение основывается на том, что имя Эньяна находится в списке лиц, которым писатель просил выслать французский перевод «Дыма» (см. письмо к Ж. Этцелю от 25 февраля (8 марта) 1868 г.). Несмотря на то что в письме к Этцелю содержится адрес Эньяна, точных сведений об этом парижском знакомом Тургенева почти не сохранилось, однако в неизданном письме Луи Виардо к Тургеневу от 2 июня 1870 г. идет речь об Эньяне, который был, по-видимому, юристом и к которому собирался обратиться Луи Виардо по какому-то правовому вопросу (см.: *T*, *Quelques lettres*, p. 154).

1585. **Н. С. Тургеневу** (с. 283)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 19. На письме рукой Н. С. Тургенева помечено: «Reçu le 14/26 mars.

Répondu le 16/28 mars» («Получено 14/26 марта. Отвечено 16/28 марта»).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 318—319, с сокращениями.

Стр. 283. и вот я тот же старый папаша, каким был *(франц.)*.

[1] Имеется в виду письмо 1582.

[2] В 20-х числах февраля ст. ст. по дороге из Петербурга в Баден-Баден Тургенев заехал в Дрезден к лечившемуся там брату и передал ему письмо от одной из его своячениц (очевидно, Е. Я. Шварц) с просьбой о пособии (см. письма к Анненкову от 7 (19) февраля 1865 г. и Н. С. Тургеневу от 26 февраля (10 марта) 1865 г.— наст. изд., Письма, т. 6).

[3] См. письмо 1582, примеч. 1.

[4] Перефразировка французской поговорки: «Gros-Jean comme devant» (см. наст. изд., Письма, т. 3, с. 102 и 501).

1586. **Полине Виардо** (с. 283 и 389)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 111—112.

[1] См. письмо 1584, примеч. 7. Письмо П. Виардо с описанием представления «Орфея» было получено Тургеневым (см. письмо 1591), но оно неизвестно.

[2] Французский чиновник Пине некоторое время считался женихом П. Тургеневой, однако свадьба не состоялась (см. письма 1568, 1570, 1589).

[3] Фридолин — шутливое прозвище Л. Поме (см. письмо 1542, примеч. 1).

[4] Имеется в виду месса Россини «Stabat Mater» для 4-х голосов, хора и оркестра (первая редакция — 1831—1832 гг., вторая — 1841—1842 гг.). Музыкальная критика выделяла исполнение сестрами Маркизио дуэта из «Stabat Mater», особенно пение Карлотты, которая «обладает одним из лучших сопрано, какие только можно услышать» (Revue des Deux Mondes, 1864, t. 50, 1 avril, p. 757).

[5] «Petite messe solennelle» («Маленькая торжественная месса»), написанная Россини в 1863 г., была впервые исполнена в Париже 14 марта 1864 г. Подробный разбор этого произведения, состоящего из 4-х частей (11-ти музыкальных отрывков) был дан в статье П. Скюдо в «Revue des Deux Mondes», где критик высоко оценивал достоинства нового произведения Россини, в «любой партитуре которого ⟨. . .⟩ больше прелести и верности стиля, чем в десяти современных операх, подобных „Мирейль“ Гуно...» (1864, t. 50, 1 avril, p. 752—753). В исполнении мессы Россини принимали участие сестры Маркизио.

[6] «Мирейль» — пятиактная опера Ш. Гуно (либретто М. Карре) на сюжет поэмы провансальского поэта Фр. Мистраля (1859), с которым композитор был лично знаком. В своей опере Гуно попытался воссоздать поэтическое настроение поэмы Мистраля. Поставленная впервые 19 марта 1864 г. в Лирическом театре, эта опера Гуно не имела большого успеха и скоро сошла со сцены, однако в декабре того же года была возобновлена в сокращенном варианте. Возможно, мнение Тургенева и Чорли, присутствовавших вместе

на представлении, повлияло на решение Гуно сократить два последних акта оперы (см. письма 1590, примеч. 1 и 3, 1591).

[7] См. письмо 1589, примеч. 5 и 6.

[8] Очевидно, Тургенев послал П. Виардо клавир оперы Гуно, вышедший в 1864 г. в Париже и Лондоне — Mireille: Opéra en Cinq Actes par Charles Gounod. Paris: Choudens; London: Beosey).

[9] Тургенев имеет в виду рецензию на постановку «Мирейль», опубликованную в «Revue des Deux Mondes» известным музыкальным критиком консервативного направления П. Скюдо, который, подробно остановившись на поэтических достоинствах поэмы Мистраля, посвятил несколько страниц анализу оперы Гуно, полностью, с его точки зрения, исказившего замысел поэмы и создавшего «гибрид, который не является ни оперой, ни комической оперой, из пяти актов которого не наберется и шести музыкальных отрывков, которые можно было бы назвать драматическими». По словам рецензента, под «серой кистью» Гуно героиня поэмы Мистраля превратилась всего лишь в «способную парижскую певичку», «в этой музыке нет солнца, нет зелени», ее автору не хватает «божественного вдохновения». «О музыка, где ты?» — восклицал критик, завершающий свой разбор следующим возгласом, который, очевидно, должен был особенно уязвить композитора: «Да здравствует Верди! В одном его „Риголетто" больше драматической музыки, чем во всех произведениях г. Гуно!» (Revue des Deux Mondes, 1864, t. 50, 15 avril, p. 1013—1021). Очевидно, Тургенев ссылается на устный отзыв Скюдо, так как печатный появился в «Revue des Deux Mondes» только в апреле.

[10] Тургенев имеет в виду скорее всего устный отклик Берлиоза на «Мирейль», поскольку к этому времени Берлиоз расстался с музыкально-критической деятельностью и разорвал контракт с «Journal des Débats», где сотрудничал около 30 лет (см. об этом: Mémoires de Héctor Berlioz. Paris, 1870. P. 200). К творчеству Ш. Гуно Берлиоз относился с интересом, посвятив отдельные статьи в «Journal des Débats» двум его операм — «Сафо» (1852) и «Фауст» (1859). См.: B e r l i o z Héctor. Les Musiciens et la Musique. Paris, 1903.

[11] Очевидно, Тургенев намекает на то, что опера Берлиоза «Троянцы», незадолго до этого поставленная в Лирическом театре, была довольно недоброжелательно встречена публикой и критикой и не удержалась в репертуаре. О постановке этой оперы см. письмо 852, примеч. 2 и 4 (наст. изд., Письма, т. 4) и № 1518, примеч. 8.

[12] О каком портрете Л. Поме идет речь, установить не удалось. Возможно, это был портрет жены, выставленный позже в Салоне (1867 г.). Замечание Тургенева о том, что портрет «энгризирован», означает, что в работе начинающего художника чувствовалось влияние О. Энгра, портреты которого отличались тщательностью в отделке деталей. Л. Поме брал у него уроки, попав в мастерскую художника по рекомендации П. Виардо. В письме к Поме от 7 февраля 1864 г. она пишет: «Как я рада, что ваш дорогой святой отец Энгр так хорошо вас принял. Я надеюсь, что вы вполне воспользуетесь данным вам разрешением часто его навещать! Извлеките из этого как можно больше. Передайте ему и г-же Энгр от меня тысячу горячих приветов» (*Cahiers*, 1983, N° 7, p. 146; подлинник хранится в собрании Ж. Гупий). См. также письмо к Л. Пичу от 27 февраля (11 марта) 1865 г.— наст. изд., Письма, т. 6.

[13] Речь идет о Н. И. Тургеневе.

[14] Тургенев имеет в виду недавнее разорение Трубецких (см. письма 1584, примеч. 3, 1591, примеч. 6). Княгиня — А. А. Трубецкая.

[15] Речь идет о вышедшем 20 февраля 1864 г. в Петербурге в издательстве Иогансена альбоме романсов П. Виардо (см. письма 1549, примеч. 4, 1569, примеч. 5, и др.).

1587. **И. А. Гончарову** (с. 285)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1908, № 12, с. 460.

Подлинник неизвестен.

Стр. 285. это вопрос исчерпанный *(франц.)*.

[1] Эта записка неизвестна.

[2] Примирение между Тургеневым и Гончаровым состоялось в Петербурге, 21 января (2 февраля) 1864 г., на похоронах А. В. Дружинина.

[3] Речь идет о заметке Гончарова об альбоме романсов П. Виардо на слова Пушкина, Фета и Тургенева, под названием «Музыка г-жи Виардо на русские стихотворения». В этой заметке Гончаров писал: «... слышавшие исполнение этой музыки уверяют, что талант некогда любимой певицы блистательно возрождается в музыкальной композиции» (Голос, 1864, № 54, 23 февраля).

[4] С сентября 1862 г. по июль 1863 г. Гончаров был редактором «Северной почты», органа Министерства внутренних дел, и сохранил связи с ее редакцией. Заметки об альбоме П. Виардо в «Северной почте» не появлялось.

[5] См. письмо 1583, примеч. 3.

[6] См. письмо 1583, примеч. 5 и 8.

[7] В начале марта ст. ст. 1864 г. в Петербургском университете произошло два важных события. 2 (14) марта 1864 г. состоялось заседание Совета университета по случаю суда над студентами, требовавшими разрешения сходок. Три студента были исключены (см.: *Никитенко*, т. 2, с. 415). 7 (19) марта 1864 г. на заседании историко-филологического факультета обсуждался вопрос о присуждении Н. И. Костомарову почетного звания доктора истории. Несмотря на несомненные научные заслуги Костомарова, присуждение ему степени доктора было отклонено в связи с тем, что он проявил себя «сепаратистом и антинациональною личностью» (см.: *Никитенко*, т. 2, с. 418—419).

[8] «Радикальные выборы» во французскую Палату депутатов состоялись в Париже 8—9 (20—21) марта 1864 г. По двум парижским округам были выбраны Карно и Гарнье-Пажес. Оба избранных депутата были республиканцами, в прошлом членами революционного правительства 1848 г. Их избрание расценивалось как победа республиканской партии (см. также письмо 1584).

1588. **Н. В. Щербаню** (с. 286)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 13.

Подлинник неизвестен.

1589. Полине Виардо (с. 286 и 390)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 118—119; в русском переводе (не полностью) — *Лит газета*, 1972, № 38, 20 сентября.

[1] В этот день П. Виардо пела в Карлсруэ партию Орфея в одноименной опере Глюка (см. письмо 1584, примеч. 7).

[2] См. письмо 1586, примеч. 2.

[3] По-видимому, в конце апреля П. Тургенева, по предложению В. Делессер, поселилась вместе со своей гувернанткой г-жой Иннис в Пасси (ул. Басс, 10), что было связано с планами предстоящего замужества П. Тургеневой, которое в конце концов состоялось в феврале 1865 г. во многом благодаря содействию В. Делессер (см. письма к В. Делессер от 7 (19) декабря 1864 г.— № 1671, П. Тургеневой от 10 (22) декабря 1864 г.— № 1672 и др.— наст. изд., Письма, т. 6).

[4] Имеется в виду П. И. Тургенев.

[5] «Маркиз де Вильмер» — комедия в прозе в 4-х актах, написанная Ж. Санд по ее же одноименному роману. Первое представление комедии состоялось в театре Одеон 25 февраля 1864 г. Французская критика в целом высоко оценила эту постановку (см., например, «Revue des Deux Mondes», 1864, t. 50, 15 mars, p. 471—477), и на этот раз, как писали в русских газетах, «все газеты и журналы подтверждают отзыв „Revue des Deux Mondes“» (*СПб Вед*, 1864, № 71, 29 марта). В № 45 той же газеты под рубрикой «Иностранные известия» сообщалось, что одно из представлений комедии вылилось в настоящую демонстрацию в защиту писательницы, которую обвиняли в антиклерикальных нападках. Демонстрация, во время которой «на площади Одеона молодые люди пели революционные песни ⟨. . .⟩ была разогнана полицией» (там же, 1864, № 45, 25 февраля). Об этой постановке см. также письма 1586, примеч. 7 и 1595, примеч. 8.

[6] Отношение Тургенева к творчеству Ж. Санд не было однозначным. Испытав большое влияние романов Ж. Санд в молодости, Тургенев впоследствии подчас довольно резко осуждал в произведениях французской романистки излишнюю многословность, перенасыщенность «философскими» рассуждениями, некоторую условность характеров; всё это, однако, не мешало ему, как это явствует из настоящего письма, высоко ценить мастерство писательницы. О Тургеневе и Ж. Санд см.: Ладария М. Г. Живые ключи дружбы: (К вопросу о личных и творческих связях И. С. Тургенева и Ж. Санд). Сухуми, 1976. Zviguilsky A. Le triangle Tourguéniev — Sand — Viardot.— *Cahiers*, 1979, № 3, p. 145—157; Waddington Patrick. Turgenev and George Sand: An Improbable Entente. London, 1981.

[7] См. письмо 1586, примеч. 6.

[8] Имеются в виду Н. И. и А. А. Трубецкие.

[9] Микобер — легкомысленный персонаж романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд», запутавшийся в долгах. Позднее Тургенев сравнивал с Микобером Л. Пича (см. письмо к П. Виардо от 4 (16) июня 1868 г.).

[10] Э. Милле, автор скульптурного портрета П. Виардо в роли Орфея (см. письмо 1518, примеч. 6).

[11] Речь идет о К. Маржолен, дочери А. Шеффера.

1590. Полине Виардо (с. 288 и 391)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 113—114; в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 185.

[1] См. письмо 1586, примеч. 6.

[2] См. письмо 1584, примеч. 7.

[3] В журнале «Athenaeum» (1864, № 1901, 2 april, p. 478—479), где сотрудничал Чорли, появилась развернутая рецензия на постановку «Мирейль». Содержание рецензии, во многом перекликающейся с мыслями, высказанными Тургеневым в настоящем письме, а также дата этой корреспонденции из Парижа — 28 марта (день посещения Тургеневым и Чорли постановки «Мирейль») — дают основание предполагать, что рецензия принадлежит перу Чорли.

[4] Л. Карвальо в то время был директором Лирического театра в Париже.

[5] Речь идет о французском композиторе Ж.-Ф. Галеви, авторе многочисленных опер, шедших на парижской сцене. В репертуаре П. Виардо была партия Рахили из оперы Галеви «Жидовка» (1835).

[6] См. письма 1584, примеч. 7, 1586, 1589.

[7] Это письмо П. Виардо к Диккенсу неизвестно.

[8] Имеется в виду альбом романсов П. Виардо (см. письмо 1549, примеч. 4, и сл.). Очевидно, Тургенев подарил Г. Чорли этот альбом с тем, чтобы он откликнулся на его выход в «Атенеуме». Действительно, вскоре в журнале была помещена небольшая заметка, в которой содержалась высокая оценка музыкальных достоинств романсов П. Виардо (см.: Athenaeum, 1864, N⁰ 1909, may 28, p. 748).

1591. Полине Виардо (с. 289 и 392)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в коллекции М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 120—122; в русском переводе (не полностью: фраза, посвященная Ламартину) — *Лит газета*, 1972, № 25, 21 июня.

[1] Речь идет о постановке 16 (28) марта 1864 г. в Карлсруэ оперы Глюка «Орфей», где П. Виардо исполнила главную роль (см. письма 1584, примеч. 7, 1586, примеч. 1, 1589, примеч. 1, 1590).

[2] Дочь — Луиза Эритт де ла Тур ожидала в это время ребенка, который появился на свет 5 (17) апреля 1864 г. (см. письмо 1605).

[3] См. письмо 1590.

[4] Тургенев встретился с Ш. Гуно после почти десятилетнего перерыва. Жена Гуно — А. Циммерман, которая была причиной ссоры между композитором и П. Виардо.

[5] Речь идет об Э. де Бепла, незадолго до того потерявшей сына Фернана — морского офицера, который погиб, спасая тонущий корабль, 2 декабря 1863 г.

[6] См. письмо 1590, примеч. 3.

[7] См. письма 1584, примеч. 3, 1589, примеч. 8 и 9.

[8] Княгиня — А. А. Трубецкая. Марианна — Марианна Турнер, компаньонка А. А. Трубецкой. По сообщению А. Звигиль-

ского. она упоминается в неизданном письме Полины Виардо к А. А. Трубецкой от 17 января 1864 г., которое хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж) (см.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 122). См. также письмо к П. В. Анненкову от 19 сентября (1 октября) 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6, № 1648.

[9] Пупе и Риза — очевидно, собака и кошка княгини А. А. Трубецкой.

[10] Речь идет об одной из лучших певиц того времени К. Ф. Карвальо (урожд. Миолан), жене директора Лирического театра Л. Карвальо. Одна из наиболее удачных ее ролей — Маргарита в опере Ш. Гуно «Фауст» (1859). Гуно высоко ценил ее как певицу (см.: Гуно Ш. Воспоминания артиста. М., 1962. С. 106—107).

[11] О каком бюсте Бетховена идет речь, установить не удалось, Вероятно, П. Виардо просила переправить этот бюст с ул. Дуэ в Баден-Баден, где семья Виардо обосновалась с 1863 г.

[12] «Маленький рассказик» — возможно, французский перевод повести «Ася», выполненный Делаво и опубликованный в «Revue des Deux Mondes» под названием «Annouchka. Souvenirs des bords du Rhin» («Аннушка. Воспоминания с берегов Рейна» (Revue des Deux Mondes, 1858, 1 octobre, p. 553—595). Однако Тургенев мог иметь в виду и какой-либо другой перевод, например «Трех встреч» («Les Trois Rencontres, souvenirs de chasse et de voyage»), опубликованный в том же журнале (Revue des Deux Mondes, 1859, 1 octobre) и более соответствующий определению «маленький рассказик».

[13] Статья А. Ламартина «Иван Тургенев» в виде бесед (entretiens) была опубликована в 1866 г. в издании: Lamartine A. Cours familier de littérature, t. 131—132, p. 237—378 и в 1867 г.— там же, t. 133, p. 5—79. В ней Ламартин, в частности, писал: «Тургенев, несомненно, один из тех писателей — провозвестников великих творений, к воплощению которых Россия по крайней молодости своей еще не может приступить ⟨. . .⟩ среди современных писателей, творящих на всех языках, чрезвычайно мало найдется (если только найдется) таких, которые могут равняться с Тургеневым в естественности, простоте и оригинальности». Впоследствии Тургенев сдержанно отозвался об этой статье (см. письмо к М. Гартману от 3 (15) мая 1867 г.).

[14] О своем визите к Ламартину Тургенев рассказал в письме к П. Виардо от 2 (14) апреля 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6, № 1601.

[15] Партию Орфея П. Виардо исполняла на немецком языке (см. письмо 1571).

[16] См. письмо 1589, примеч. 3.

[17] Тургенев выехал из Парижа в Баден-Баден (9 (21) апреля (см. письмо Н. В. Щербаню от 9 (21) апреля 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6, № 1610).

1592. Полине Виардо (с. 291 и 393)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 115—116.

[1] См. письмо 1589, примеч. 3.
[2] См. там же.
[3] См. письмо 1591, примеч. 2.

[4] «Друг женщин» — пьеса А. Дюма-сына, впервые поставленная в театре Жимназ 5 марта 1864 г. Все рецензенты отмечали низкий уровень этого произведения А. Дюма (см.: *СПб Вед*, 1864, № 71, 29 марта; Athenaeum, 1864, № 1900, march 26, p. 445, и др.).

[5] См. письмо 1583, примеч. 3.

[6] См. письмо 1591, примеч. 12.

[7] По-видимому, тургеневский перевод «Мцыри» М. Ю. Лермонтова не был принят в «Revue des Deux Mondes». Этот перевод под названием «Le Novice» («Послушник») был опубликован в «Revue Moderne», 1865, t. 34, 1 juillet.

[8] Вероятно, Тургенев имеет в виду переговоры с издателями братьями Салаевыми об издании своих сочинений в 5 томах в Карлсруэ. Это письмо неизвестно.

[9] Речь идет о муже Луизы Виардо.

[10] Тонхалле — небольшой концертный зал, построенный Виардо в саду их виллы в Баден-Бадене, который вскоре превратился в место музыкальных встреч.

1593. **А. И. Герцену** (с. 292)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 87—89.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 181—182.

[1] В связи с «делом 32-х» и вызванным им письмом Тургенева к Александру II (см. примеч. 5) Герцен писал в «Колоколе»: «Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого „она прервала все связи с друзьями юности“» (Колокол, 1864, л. 177, 15 января, с. 1460).

[2] Речь идет о М. А. Бакунине, сношения с которым, а также материальная помощь, оказанная Тургеневым ему и его жене, явились одним из главных пунктов обвинения и допросов Тургенева по «делу 32-х» (см. Приложение II, № 3). Неясно, что именно подразумевает Тургенев под «гадкими клеветами» Бакунина.

[3] Речь идет о санкционированной Николаем I ссылке Тургенева в Спасское в 1852 г. за статью о смерти Гоголя.

[4] Ответы Тургенева «на присланные вопросы» см. в Приложении II, № 3.

[5] Текст письма к Александру II, приведенный далее Тургеневым в автокопии, см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 26.

1594. **Полине Виардо** (с. 293 и 394)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 123—124; в русском переводе — *Лит газета*, 1972, № 25, 21 июня (не полностью).

[1] В не дошедшем до нас письме П. Виардо, вероятно, сообщала об ухудшении состояния здоровья дочери — Луизы Эритт, ожидавшей ребенка.

[2] Сохранившийся черновой автограф рассказа датируется

24 марта (5 апреля) 1864 г. (наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 500). См. также письмо 1595.

[3] Возможно, речь идет об А. Рее, сотруднике нескольких ведущих французских журналов, в 1870-е годы главном редакторе республиканской газеты «Bien public».

[4] Название французского перевода повести Тургенева «Затишье», вошедшего в сборник «Scènes de la vie russe par M. I. Tourguéneff». Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858 (см. наст. изд., Сочинения, т. 4, с. 637).

[5] Намек на то, что, по сообщению г-жи Делессер, дела по устройству замужества П. Тургеневой продвинулись вперед.

[6] Луиза Эритт.

1595. П. В. Анненкову (с. 295)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1887, № 1, с. 21—22.

Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 1583, примеч. 3. «Речь о Шекспире» была закончена Тургеневым 8 апреля н. ст. 1864 г. (см. помету на рукописи — *Mazon*, p. 67).

[2] Анненков 5 (17) апреля 1864 г. писал Тургеневу, намекая на отрицательные отзывы о «Призраках»: «Вы меня мучительно заинтересовали своей „Собакой", которая должна представить у нас поучительное зрелище собаки, травимой зайцами и журналистами: вероятно, она достанется в лапы худшему из этой куцой породы» (*Достоевский и Т*, с. 104).

[3] Письмо Тургенева к книгопродавцу Д. Е. Кожанчикову неизвестно. В настоящем письме речь идет о пересылке экземпляров карлсруйского издания сочинений Тургенева в Россию — московскому его издателю Салаеву и петербургскому контрагенту Салаева книгопродавцу Кожанчикову. Первые два тома издания были посланы в сентябре 1864 г., последние три — в апреле 1865 г. (см. письмо к П. В. Анненкову от 23 апреля (5 мая) 1865 г.— наст. изд., Письма, т. 6).

[4] Вследствие неблагоприятных отзывов о «Собаке» многих знакомых и друзей Тургенева (см. письмо к П. В. Анненкову от 12 (24) ноября 1864 г.— наст. изд., Письма, т. 6, № 1664, примеч. 3, а также письмо к П. В. Анненкову от 21 мая (2 июня) 1864 г.— там же, № 1621, примеч. 3), рассказ этот впервые был опубликован лишь в 1866 г. в № 85 «С.-Петербургских ведомостей» от 31 марта (12 апреля).

[5] Анненков в ответ сообщил Тургеневу 5 (17) апреля 1864 г., что снова был у Е. И. Ламанского в Государственном банке в связи с денежными делами писателя, т. е. с получением денег по выкупным свидетельствам (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 68—69).

[6] Это письмо И. А. Гончарова к Тургеневу неизвестно.

[7] Вторая часть романа В. П. Клюшникова «Марево» была напечатана в февральской книжке «Русского вестника». Здесь в главу IX романа (с. 692—696 журнала) включен ряд вымышленных писем, относящихся к 1840—1847 гг., скомпонованных по разным источникам и подписанных инициалами С. (Н. В. Станкевич), Г. (Герцен), Б. (Белинский), В. К. (В. И. Красов), Н. Г. (Н. В. Гоголь), М. Б. (М. А. Бакунин); инициалы эти легко рас-

шифровывались современниками и, возможно, письма принимались за подлинные, что можно заключить и из слов Тургенева.

[8] См. письмо 1589, примеч. 5.

[9] Источник цитаты не установлен.

[10] Речь идет об опере Ш. Гуно «Mireille» («Мирейль») (1864) (см. письма 1586, примеч. 6, 1590, 1591).

[11] Это письмо П. Д. Боборыкина к Тургеневу неизвестно. В ответном письме от 5(17) апреля Анненков писал: «Я полагаю право на речь (о Шекспире.— *Ред.*), по произнесении в публике, отдать Коршу, который сделается публицистом Литературного фонда. Как Вы думаете?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 69). В результате «Речь о Шекспире» была опубликована не в «Библиотеке для чтения», которую издавал тогда Боборыкин, а в «С.-Петербургских ведомостях», редактором-издателем которых был В. Ф. Корш.

1596. **Е. Е. Ламберт** (с. 296)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 130.
Впервые опубликовано: *Письма к Ламберт*, с. 166—167.

[1] Бывший жених Полины Тургеневой — Пине.

[2] Речь идет о недоразумениях между Полиной Тургеневой и Полиной Виардо, происшедших в Баден-Бадене летом 1863 г. и приведших к почти полному разрыву между ними.

[3] Имеется в виду Валентина Делессер.

[4] Дочь П. Виардо — Луиза Эритт.

1597. **Полине Виардо** (с. 297 и 395)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 117—118.

Датируется предположительно 9 апреля н. ст., поскольку в 1864 г. суббота приходилась на 9, а не на 10 апреля; Тургенев скорее мог ошибиться в обозначении даты, а не дня недели.

[1] Очевидно, Тургенев был обеспокоен семейными делами Луизы Эритт, которая, выйдя замуж за Э. Эритта де ла Тур в 1862 г. без согласия родителей, разошлась с мужем и приехала в Баден-Баден, ожидая рождения ребенка.

[2] Мериме, помогавший Тургеневу в переводе его сочинений на французский язык, редактировал и выполненный им французский перевод «Мцыри» (см.: К л е м а н М. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // *Лит Насл*, т. 31-32, кн. 2, с. 732—733; наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 341—342 и 584—585).

[3] Тургенев, вероятно, намекает на свое беспокойство относительно предстоящего замужества дочери, однако не решается говорить об этом с П. Виардо, которая была удручена семейными делами своей дочери Луизы (см. примеч. 1 к настоящему письму).

[4] В идеалистической философии Канта, основные принципы которой были изложены им в «Критике чистого разума» («Kritik der reinen Vernunft», 1781), время (как и пространство) перестает быть формой существования самих вещей, являясь априорной формой внутреннего чувственного созерцания, от опыта не зависящего и ему предшествующего.

[5] См. письмо 1589, примеч. 8.

1598. Полине Виардо (с. 299 и 396)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 124—125.

[1] Это письмо П. Виардо к Тургеневу неизвестно.

[2] Неизвестно, послал ли Тургенев эту телеграмму. В ней, очевидно, речь должна была идти о здоровье Луизы Виардо.

1599. А. А. Фету (с. 300)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 3—4.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 9—10, с пропусками.

В дате письма число по новому стилю не соответствует указанному дню недели: помете «вторник» соответствует 12 апреля н. ст. 1864 г. Ошибку Тургенева подтверждает правильно указанное в дате число по старому стилю и датировка предшествующего письма (см. № 1598).

Стр. 300. то сокращение атома *(франц.)*.

[1] Цитата из книги Б. Паскаля «Мысли» («Pensées», Article premier, 1). См., например, в издании: Pensées de Pascal, publiées dans leur texte authentique avec un commentaire suivi et une étude littéraire par Ernest Havet. Paris, 1852. P. 6.

[2] «Нихтзейн» — русская шутливая передача немецкого слова «Nichtsein» — небытие.

[3] Брат писателя, Н. С. Тургенев, в это время был болен и лечился в Дрездене (см. письма 1570 и 1572).

[4] Ден — по-видимому, собака С. Я. Веригиной, упомянутая ради каламбурной рифмы.

[5] Вероятно, письмо И. П. Борисова к Тургеневу от 11 (23) февраля 1864 г. (см.: *T сб*, вып. 4, с. 384—385).

[6] См. письмо 1583, примеч. 3.

[7] Речь идет о рассказе «Собака» (см. письма 1594, 1595).

[8] Намек на выполненные Фетом переводы некоторых трагедий Шекспира.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ I

26. Александру II (с. 302)

Печатается по подлиннику — автокопии, приведенной в тексте письма к Герцену от 21 марта (2 апреля) 1864 г.: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 88—89. См. наст. том, письмо 1593, примеч. 5.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 181—182.

Беловой текст, отправленный по назначению, неизвестен. Черновую редакцию см. в Приложении I, № 26а.

Дата определяется указанием Тургенева, что это письмо написано в день получения им предписания явиться в Россию для допроса по «делу 32-х» (см. письмо 1418, примеч. 1), т. е. 22 января (3 февраля) 1863 г. (см. Приложение II, № 2).

[1] Тургенев имеет в виду свои письма к Александру II, одно от 27 апреля (9 мая) 1852 г. в связи со ссылкой его в Орловскую губернию (см. наст. изд., Письма, т. 2, Офиц. письма и делов. бумаги, № 16) и другое от 5 (17) марта 1859 г. по делу И. Огрызко, редактора польской газеты «Слово» (см. там же, т. 3, Офиц. письма и делов. бумаги, № 21).

[2] «Великое дело» — крестьянская реформа 1861 г.

[3] Просьба Тургенева о высылке ему «допросных пунктов» была удовлетворена. 7 (19) февраля 1863 г. датирован документ, разрешающий Тургеневу дать показания по «делу 32-х» в письменной форме (*ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 56, л. 107). 12 (24) февраля 1863 г. это постановление было сообщено Тургеневу А. Ф. Будбергом (см. письмо 1437). 27 февраля (11 марта) 1863 г. сенаторы М. М. Карниолин-Пинский, А. В. Веневитинов, Б. И. Бер, Н. Е. Лукаш и обер-прокурор Я. Я. Чемадуров «определили допрос» Тургеневу, и «допросные пункты» были отправлены в русское посольство в Париже (*ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 57, л. 311; см. наст. том, Приложение II, № 3).

27. А. А. Суворову (с. 303)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 200; подлинник хранится в *Bibl Nat*, Slave 88, *Mazon*, 6 м. 3.96.504. Надпись, сделанная на черновике (см. примеч. 6), свидетельствует, что письмо несомненно было отправлено. Этот беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. V, с. 383—384.

Датируется на основании упоминания о полученном 22 января (3 февраля) 1863 г. предписании явиться в Россию (см. Приложение II, № 2) и по связи с письмом А. Ф. Будберга к В. А. Долгорукову, датированным 25 января (6 февраля) 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1531).

[1] В частности, благодаря личному содействию А. А. Суво-

рова, Тургеневу было разрешено в 1862 г. свидание с братьями Бакуниными, заключенными в Петропавловской крепости (см. Приложение II, № 3, «Ответ на вопрос № 4-й»).

[2] Тургенев имеет в виду полемику, вызванную романом «Отцы и дети» (см. письма 1418, примеч. 2, 1435).

[3] Указание на происходившую в 1862—1863 гг. полемику с Герценом по поводу его статей «Концы и начала». См. письма к Герцену, № 1376, 1387, 1399, 1401, 1405, 1406, 1411, а также Приложение II, № 3.

[4] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 26, примеч. 3, и Приложение II, № 3.

[5] Имеется в виду письмо А. Ф. Будберга к В. А. Долгорукову от 25 января (6 февраля) 1863 г. (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1531), в котором поддержана просьба Тургенева (выраженная в не дошедшем до нас письме его к Будбергу) о высылке ему «допросных пунктов». Будберг настаивал в своем письме на полной невиновности Тургенева, утверждая, что он давно и совершенно разошелся идеологически с Герценом, особенно с тех пор, как в изданиях последнего стало усиливаться влияние Н. П. Огарева и М. А. Бакунина.

[6] Письмо к А. А. Суворову было написано Тургеневым по тому же поводу, что и письмо к Александру II, т. е. в связи с привлечением его к «делу 32-х» (см. позднейшую помету на черновике письма к Александру II в Приложении I).

28. **А. Ф. Будбергу** (с. 304)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 57, л. 430—431.

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1906, № 1, с. 194.

[1] См. Приложение II, № 3. А. Ф. Будберг, сочувственно относившийся к Тургеневу, в письме к В. А. Долгорукову от 24 марта (6 апреля) 1863 г. характеризовал ответы Тургенева на «допросные пункты» как достаточно откровенные и содержательные (см.: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1531). Одна из причин, побудившая сенатскую следственную комиссию вызвать Тургенева в Петербург для устного допроса, заключалась в том, что письменные показания Тургенева в некоторых пунктах расходились с показаниями М. Л. Налбандяна и А. И. Ничипоренко (см. письмо 1432, примеч. 8, и Приложение II, № 5). На приезде Тургенева в Петербург настаивал также П. В. Анненков, ссылаясь на «поручение» от членов следственной комиссии, а также на то, что отсутствие Тургенева затягивает следствие и ухудшает положение других обвиняемых; об этом и говорится в настоящем письме (см. письма 1501, примеч. 1, 1527, примеч. 2).

[2] Предложенный Тургеневым срок приезда его в Петербург (ноябрь 1863 г.) был утвержден сенатской следственной комиссией 7 (19) октября 1863 г. (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 57, л. 439—440). Однако в связи с продолжительной болезнью Тургенев приехал в Петербург для допроса в сенатской следственной комиссии только 4 (16) января 1864 г. (см. письма 1523, 1527, 1536 и Офиц. письма и делов. бумаги, № 29).

29. М. М. Карниолину-Пинскому (с. 304)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 70—71. На подлиннике помета: 14 декабря 1863 г. (очевидно, дата получения письма).

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1906, № 1, с. 194—195.

[1] По просьбе самого Тургенева срок явки его в Петербург для дачи показаний по «делу 32-х» был отложен до ноября 1863 г. (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 28, и письма 1501, 1527).

[2] Свидетельство доктора о болезни Тургенева неизвестно (см. письмо 1536, примеч. 1).

[3] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 28, и письмо 1533, примеч. 1.

[4] 16 (28) декабря 1863 г. сенатская следственная комиссия дала распоряжение сообщить Тургеневу, что по выздоровлении он обязан немедленно явиться в Петербург для очных ставок (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 83). Об этом решении Тургенев узнал 8 января п. ст. 1864 г. (см. письмо 1541).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

26а. Александру II (с. 306)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 199. Подлинник хранится в *Bibl Nat*, Slave 88, *Mazon*, 6 м. 3. 96. 504.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 387—388.

Текст черновика написан на листе бумаги, содержащем следующий набросок:

«Лет пятнадцать тому назад, с легкой руки французов, так называемые „физиологии“ были у нас [в большой моде] в большом ходу; теперь [никто не пишет физиологий] писатели пренебрегают физиологиями. Может быть, они и правы; но отчего...»

[1] Текст представляет собою черновик письма, известного по автокопии, включенной в письмо к А. И. Герцену, № 1593 (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 26, и примеч. к нему). Судя по позднейшим надписям, этот черновик Тургенев хранил вместе с черновиком письма к А. А. Суворову (см. там же, № 27, примеч. 6).

[2] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 27, примеч. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

1. Расписка М. Л. Налбандяну (с. 308)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 51, л. 261.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 390.

Публикуемая расписка, выданная И. С. Тургеневым М. Л. Налбандяну, являлась одной из улик, послуживших основанием для привлечения Тургенева к делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами». См. письмо 1418, примеч. 1; см. также Приложение II, № 3, «Ответ на вопрос № 4-й».

2. Расписка русскому посольству в Париже (с. 308)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 56, л. 288. Текст написан писарской рукой, только подпись — автограф.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 390.

Публикуемый документ датирован чиновником по старому стилю, что подтверждается письмами этого периода. 19 (31) января 1863 г. (№ 1423) Тургенев писал еще П. В. Анненкову, что слух о вызове его в Петербург не подтвердился, а 25 января (6 февраля) 1863 г. (№ 1425) он уже сообщил о полученном предписании явиться в Петербург. О содержании документа, сообщенного Тургеневу и нам не известного, можно судить по изложению его, сделанному Н. С. Тургеневым в письме к жене (см. письмо 1436, примеч. 3).

3. В сенатскую следственную комиссию (с. 308)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 57, л. 223 об.—233. На подлиннике «ответов» сделана канцелярская, скрепляющая каждый ответ надпись: «Сии ответы отбирал советник императорского посольства в Париже статский советник Василий Николаевич Чичерин. Париж, 22 марта/3 апреля 1863».

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1906, № 1, с. 181—189, с пропусками; более полно в кн.: *Лемке*, *Очерки*, с. 162—168.

Датируется на основании скрепляющей надписи на подлиннике.

О характере обвинений, предъявленных Тургеневу в связи с «делом 32-х», см. письмо 1418, примеч. 1. «Допросные пункты» были присланы по просьбе самого Тургенева: см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 26, примеч. 3.

[1] Тургенев допускает неточность. Первый номер «Колокола» вышел 1 июля н. ст. 1857 г. До этого Герцен издавал с 1855 г. ежегодный литературный и общественно-политический сборник «Полярная звезда».

[2] Отзыв Герцена об «Отцах и детях» содержится в его письме к Тургеневу от 9 (21) апреля 1862 г. (*Герцен*, т. 27, с. 217); возражения Тургенева см.: наст. том, № 1319.

[3] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 27, примеч. 3.

[4] В 4-м вопросе сенатская следственная комиссия предлагала Тургеневу подтвердить показания М. Л. Налбандяна о мерах, предпринятых им совместно с Тургеневым в связи с просьбой М. А. Бакунина помочь его жене переехать из Сибири в Тверскую губернию (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 57, л. 226). Краткое изложение показаний Налбандяна содержится в кн.: *Лемке*, *Очерки*, с. 115 (см. Приложение II, № 4).

[5] Н. А. и А. А. Бакунины были в начале 1862 г. активными участниками составления адреса Александру II от имени тверских дворян, в котором говорилось о необходимости обязательного выкупа крестьянских наделов и высказывалось убеждение, что коренные преобразования в гражданском строе, без которых немыслимо дальнейшее развитие России, возможны только при участии выборных от всего народа без различия сословий (см.: Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 181—183).

[6] См. Приложение II, № 1.

[7] Упомянутое письмо Тургенева к М. А. Бакунину неизвестно,

ответ Бакунина (от 5 октября н. ст. 1862 г.) на это письмо см.: *Лемке, Очерки*, с. 168—170; см. примеч. 19.

[8] Речь идет о визитной карточке М. А. Бакунина, найденной при обыске в бумагах М. Л. Налбандяна. На этой карточке рукою Бакунина написано: «Другу Налбандову от Герцена, Огарева и меня общий и сердечный поклон. Просим Вас принять подателя сего А. И. Ничипоренко как нашего *друга*, к которому Вы можете иметь безусловно такое же доверие, как к нам самим» (*ЦГАОР*, ф. 112, № 51, л. 259). Как объяснил в своих показаниях Налбандян, эту карточку Ничипоренко передал ему в Париже на квартире у Тургенева (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 53, л. 19).

[9] Тургенев виделся с А. И. Ничипоренко в начале августа 1861 г. в Спасском, куда тот приезжал вместе с А. Бенни (см. Приложение II, № 5, примеч. 2).

[10] Согласно показаниям М. Л. Налбандяна, Бакунин еще в Лондоне сообщил ему, что Тургенев якобы обещал предоставить ему 2000 руб. сер. (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 53, л. 23).

[11] См. примеч. 19.

[12] В письме от 6 (18) июня 1862 г. (см.: *Лемке*, *Очерки*, с. 82—83) М. А. Бакунин, пользуясь условным шифром, сообщил М. Л. Налбандяну, что он передал для него через Тургенева «пространный словарь», при помощи которого и следует вести всю переписку. В своих показаниях Налбандян не отрицал, что перед его отъездом в Россию в 1862 г. он получил от Бакунина инструкцию, выполняя которую он должен был организовать переезд жены Бакунина из Сибири в Премухино. В инструкции указывалось, что всю переписку по этому вопросу Налбандян должен вести по приложенному к ней шифру (текст инструкции и шифр см.: *Лемке*, *Очерки*, с. 77—81). Получение дополнительного словаря шифров, посланного Бакуниным через Тургенева, Налбандян категорически отрицал (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 53, л. 31). Не исключена возможность, что в действительности Тургенев получил пространный словарь шифров от Бакунина, так как он в письме к Н. Н. Рашет предлагал применять зашифрованные обозначения, отличные от тех, которые были найдены в бумагах Налбандяна (см. письмо 1308).

[13] По поводу того, что Тургенев принадлежит к «противному лагерю», в письме Бакунина к Тургеневу от 5 октября н. ст. 1862 г. сказано: «Ты один из противного лагеря остаешься нам другом, и с тобою одним мы можем говорить, выворачивая всё сердце наружу» (*Лемке*, *Очерки*, с. 169).

[14] См. примеч. 7.

[15] «Одна знакомая дама» — С. М. Буткевич. См. письма 1336, 1338, 1362 и примеч. к ним.

[16] На допросе Ничипоренко сообщил (краткое изложение показаний Ничипоренко см.: *Лемке*, *Очерки*, с. 110—112), что в Париже он получил от Герцена записку с письмом к Серно-Соловьевичу и несколько десятков экземпляров воззваний, перепечатанных из «Колокола», о пожертвованиях в «общий фонд» (см. примеч. 18). Все это Ничипоренко вручил Тургеневу для передачи Серно-Соловьевичу (*ЦГАОР*, ф. 112, № 53, л. 62—63, ср.: *Лемке*, *Очерки*, с. 112); см. также Приложение II, № 5.

[17] Имеется в виду следующее место из показаний Ничипоренко: «Письмо к Серно-Соловьевичу и часть перепечаток, а также и мою собственную записку, в которой я упомянул о подробностях издания его сочинений касательно денежной части, которые мне

лично говорил Герцен, я передал И. С. Тургеневу для передачи Серно-Соловьевичу, так как он тогда уезжал из Парижа» (*ЦГАОР*, ф. 112. оп. 1, № 53, л. 62 об.—63). Вероятно, в данном случае речь идет о денежных расчетах между Герценом и Серно-Соловьевичем, который предполагал издать собрание сочинений Герцена, напечатанных в России до его эмиграции (см.: *Лемке*, *Очерки*, с. 147—148).

[18] «Общий фонд» был образован при «Колоколе» в мае месяце 1862 г. в ответ, как писал Герцен, на «несколько писем, полученных из России» (Колокол, 1862, л. 133, 15 мая н. ст.; *Герцен*, т. 16, с. 98). Деньги «общего фонда» должны были расходоваться на пособия русским эмигрантам и на ведение революционной пропаганды. 15 сентября н. ст. 1862 г. в л. 145 «Колокола» была помещена редакционная заметка, в которой сообщалось, что «денежные присылки ⟨. . .⟩ до того ничтожны, что они даже не покрывают самых необходимых трат» (*Герцен*, т. 16, с. 293).

[19] К показаниям приложены четыре письма к Тургеневу из Лондона: два письма М. А. Бакунина — от 5(17) октября и от 23 октября (4 ноября) 1862 г. и два письма А. И. Герцена — от 20 октября (1 ноября) и от 10(22) ноября 1862 г. (*Герцен*, т. 27, с. 261—262, 264—265).

4. В сенатскую следственную комиссию (с. 317)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 96.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 401.

[1] См. Приложение II, № 3.

[2] Тургенев ошибается: имя и отчество сенатора фон Венцеля было Карл Бургардтович.

5. В сенатскую следственную комиссию (с. 318)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 106—107.

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1906, № 1, с. 195—197, с пропусками.

[1] См. Приложение II, № 3, примеч. 12.

[2] Тургенев ошибается: А. И. Ничипоренко был у него в Спасском в начале августа ст. ст. 1861 г. (см. показания Ничипоренко: *ЦГАОР*. ф. 112, оп. 1, № 53, л. 62 об.; ср.: Р е й с е р С. Артур Бенни. М., 1933. С. 34).

[3] См. Приложение II, № 3, примеч. 16.

[4] Тургенев имеет в виду следующий вопрос, заданный следственной комиссией А. И. Ничипоренко: «В письме Герцена от 5 декабря 1861 г. к Владимирову в числе прочих поручений № 4. Выслать деньги в Лондон или Париж на имя Тургенева» (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 53, л. 412). Речь идет о памятной записке, составленной для Н. М. Владимирова Герценом 5 декабря н. ст. 1861 г., в 4-м пункте которой указывалось: «Дать знать, как можно скорее, Б⟨акуниным⟩, чтобы выслали деньги в Лондон или Париж, напр., на имя И. С. Тургенева (210, Rue de Rivoli)» (*Герцен*, т. 27, с. 202).

[5] См. Приложение II, № 3, примеч. 18.

[6] Дополнительные ответы вполне удовлетворили членов следственной комиссии, о чем было сделано специальное постановление в протоколе заседания (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 169),

и предполагавшаяся очная ставка Тургенева с Налбандяном и Ничипоренко была отменена (см. письмо 1553).

6. Подписка, данная Канцелярии с.-петербургского военного генерал-губернатора (с. 320)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 162.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. V, с. 404.

Из протокола сенатской следственной комиссии от 28 января ст. ст. 1864 г. видно, что Тургенев обратился в Сенат с устной просьбой о разрешении ему уехать за границу. В принятом по этому поводу решении записано: «... со стороны Сената нет препятствий к отъезду г. Тургенева за границу с обязанием токмо его подпискою, что он в случае требования Сената должен явиться в оный немедленно» (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 155). Публикуемая подписка — последний документ, написанный Тургеневым в связи с «делом 32-х». 1 (13) июня 1864 г. сенатская следственная комиссия в специальной «Записке» окончательно сформулировала обвинения каждого из привлекавшихся к следствию и определила меру наказания. По поводу И. С. Тургенева в § 28 в заключении сказано: «Тургенев по совершенной невиновности его должен быть от всякой по настоящему делу ответственности освобожден» (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 58, л. 514; ср.: *ИВ*, 1906, № 1, с. 197—198). Подписанная членами сенатской следственной комиссии 18 (30) июня 1864 г. «Записка» была представлена Александру II, который утвердил ее 30 марта ст. ст. 1865 г., собственноручно написав: «Быть по сему». «Записка» была оглашена в Сенате в присутствии подсудимых 27 апреля ст. ст. 1865 г. В тот же день дела по «процессу 32-х» были сданы в сенатский архив (см.: *ЦГАОР*, ф. 112, оп. 1, № 61).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ II

30. Доверенность Н. Н. Тургеневу (с. 320)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 90, л. 8. Написано писарской рукой, за исключением подписей И. С. и Н. С. Тургеневых и Н. Н. Шеншина.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. IV, с. 396.

Н. Н. Тургенев, дядя писателя, был в это время управляющим его имениями. В связи с крестьянской реформой 1861 г. по поручению И. С. Тургенева, жившего за границей, Н. Н. Тургенев должен был юридически оформить отношения Тургенева с его бывшими крепостными.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА С 1(13) ЯНВАРЯ 1862 ПО 31 МАРТА (12 АПРЕЛЯ) 1864 ГОДА[1]

1862. Париж — январь — 29 апреля (11 мая) (?).
Куртавнель — наездами.
Лондон — 1 (13) (?) — 5 (17) мая (?).
Париж — 7 (19) мая (?) — 22 мая (3 июня).
Берлин — 23 мая (4 июня).
Петербург — 26 мая (7 июня) — 2 (14) июня.
Москва — 3—4 (15—16) июня.
Спасское — 5 (17) июня — 31 июля (12 августа).
Москва — 1—3 (13—15) августа.
Петербург — 4 (16) августа.
Баден-Баден — 9 (21) августа — 14 (26) октября.
Гейдельберг — около (до) 16 (28) сентября и 4 (16) октября.
Париж — 15 (27) октября — декабрь.

1863. Париж — январь — 20 апреля (2 мая).
Брюссель — 2—5 (14—17) февраля.
Баден-Баден — 21 апреля (3 мая) — 12 (24) ноября.
Гейдельберг — 10—11 (22—23) июля.
Париж — 12 (24) ноября — 20 ноября (2 декабря).
Баден-Баден — 21 ноября (3 декабря) — 31 декабря (12 января 1864 г.).

1864. Баден-Баден — 1 (13) января.
Берлин — 2 (14) января.
Кенигсберг — 3 (15) января.
Петербург — 4 (16) января — около (после) 21 февраля (4 марта).
Берлин — Дрезден — 20-е числа февраля.
Баден-Баден — около (до) 28 февраля (11 марта) — 10 (22) марта.
Париж — 11 (23) марта — 9 (21) апреля.

[1] Неопределенные даты, не имеющие чисел месяца, даются по старому стилю, кроме случаев, особо оговоренных.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА[1]

---

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

[1] Имена лиц, являющихся адресатами писем Тургенева, напечатанных в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания лишь номера тома.

Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1862